

П. В. Павловъ.

Мих. Лемке

ОЧЕРКИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ „ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ“

ПО НЕИЗДАННЫМЪ
ДОКУМЕНТАМЪ
СЪ ПОРТРЕТАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ, 54
1908

Типографія «Друкарь». Спб., Фонтанка, 94.

Предисловіе.

Предлагаемая вниманію читателя книга составлена изъ работъ, частью напечатанныхъ предварительно въ «Быломъ» за 1906 и 1907 годы, частью появляющихся здѣсь впервые. Первыя изъ нихъ пересмотрѣны и дополнены подробностями, не вошедшими прежде исключительно благодаря журнальной техникѣ и недостатку мѣста.

Я и не задавался цѣлью дать какую-нибудь общую картину освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что считаю такую работу еще не своевременной при той бѣдности чисто фактическаго матеріала, которая отмѣчаетъ въ нашей литературѣ эту необыкновенно интересную эпоху. Если же собранные здѣсь отдѣльные и совершенно самостоятельные очерки наведутъ читателя на нѣкоторые обобщенія и выводы, то считаю долгомъ предостеречь отъ приданія имъ абсолютнаго значенія, такъ какъ матеріалъ для такой синтетической работы, по-моему, еще не настолько великъ.

Въ особыхъ приложеніяхъ я привожу рядъ такихъ документовъ, которые, оттѣняя эпоху, имѣютъ и вполнѣ самостоятельный интересъ для всякаго, кому хочется собрать матеріалъ для лучшаго изученія времени, съ котораго, въ сущности, можно начинать лѣтопись нашей политической общественной жизни.

Портреты А. А. Серно-Соловьевича и Б. К. Кукеля появляются въ свѣтъ впервые.

Въ заключеніе приношу свою искреннюю благодарность Н. Г. Адонцу, М. Н. Слѣпцовой и г. Ш., оказавшимъ мнѣ серьезную помощь по собиранію матеріаловъ для настоящей книги.

Авторъ.

ДѢЛО ПРОФЕССОРА ПАВЛОВА

Дѣло профессора П. В. Павлова.

Въ лѣтописяхъ шестидесятыхъ годовъ часто упоминается о высылкѣ изъ Петербурга профессора Павлова. Дѣло это тогда было одно время общей злобой дня, а потомъ, заслоненное массою гораздо болѣе крупныхъ событій, довольно быстро исчезло изъ памяти даже многихъ современниковъ.

Между тѣмъ, по моему мнѣнію, оно очень характерно именно для шестидесятыхъ годовъ, когда, выбитая изъ колеи, николаевская жандармерія положительно потеряла голову при видѣ мускулатуры царевича, разнесшаго въ дребезги бочку, въ которую онъ былъ заключенъ попеченіемъ предыдущаго царствованія. Правда, немного спустя царевича вновь преспокойно связали и заключили просто уже въ казематъ, но нѣсколько дней онъ былъ на свободѣ...

Вотъ какъ записалъ покойный В. В. Стасовъ разсказъ Платона Васильевича Павлова о его дѣтствѣ:

«Я родился 7-го сентября 1823 г., въ имѣніи моего отца, въ селѣ Таможенскомъ, Нижегородской губерніи и уѣзда. Родителей своихъ я лишился еще въ малолѣтствѣ и тотчасъ же былъ взятъ на попеченіе дядей моимъ, Василіемъ Ѳедоровичемъ Козловымъ, почти постоянно проживавшимъ также въ своемъ имѣніи, селѣ Шапкинѣ, Нижегородской же губерніи, въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Мой дядя сталъ воспитывать меня вмѣстѣ со своими дѣтьми и не дѣлалъ различія между ними и мною, и я привыкъ уважать и любить его, какъ настоящаго родного своего отца. Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный и выходящій изъ ряду вонъ; живой остатокъ XVIII вѣка на Руси, соединеніе самыхъ крайнихъ и, повидимому, несовмѣстимыхъ противоположностей: вольтеріанецъ-атеистъ — и необузданнѣйшій деспотъ въ душѣ и на словахъ; человѣкъ очень по-своему начитанный и образованный — и вмѣстѣ полный всяческихъ предразсудковъ, сословныхъ и иныхъ; крѣпостникъ — и человѣкъ, мягко обращающійся со своею прислугою, такъ что никогда никому изъ всѣхъ своихъ Ванекъ и Грушекъ не говорилъ «ты». Что касается до насъ, дѣтей, то ни

его собственные сыновья и дочери, ни я никогда не были наказаны. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, въ глуши русской провинціи, это было совершенное чудо.

«У насъ было всего два учителя, для всѣхъ наукъ и знаній: французъ Гофэ, проживавшій у дяди въ домѣ, въ качествѣ гувернера, и его сельскій священникъ Рожанскій. Про перваго нечего сказать особеннаго: онъ насъ училъ по-французски, гулялъ съ нами и разговаривалъ на своемъ родномъ діалектѣ, и съ довольно раннихъ лѣтъ научилъ насъ ему очень основательно. Второй же былъ едва ли не единственнымъ и настоящимъ нашимъ учителемъ по всѣмъ остальнымъ частямъ знанія, какое требовалось тогда преподавать помѣщичьимъ сыновьямъ, маленькимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. И мы любили нашего учителя; онъ такой былъ хорошій человѣкъ и такъ ласково и усердно училъ насъ. Даже въ извѣстной степени могу сказать, это онъ былъ первой причиной моей любви къ чтенію, превратившейся впослѣдствіи, съ годами, въ привычку, потребность и страсть...»

Дальнѣйшая жизнь П. В. сложилась такъ: мальчикомъ онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и отданъ въ приготовительный частный пансіонъ француза Дешуданса; оттуда поступилъ въ Главный педагогическій институтъ, гдѣ въ 1844 году окончилъ курсъ съ серебряной медалью. Въ 1845 году онъ былъ удостоенъ степени магистра греческой словесности за сочиненіе (написанное, по тогдашнимъ требованіямъ, на латинскомъ языкѣ) «О политическихъ мнѣніяхъ аѳинскихъ трагиковъ». 23-хъ лѣтъ Павловъ былъ уже профессоромъ Кіевскаго университета св. Владиміра, занявъ каѳедру русской исторіи послѣ Костомарова. Аудиторія его всегда была переполнена слушателями, не только студентами университета, но и посторонними лицами. Многіе изъ студентовъ Кіевской духовной академіи, особенно изъ славянъ, приходили поучиться у П. В.

На двадцать пятомъ году жизни онъ былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ степени доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Его диссертація: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» была самымъ блестящимъ явленіемъ тогдашней русской науки. Профессора Московскаго университета: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Бодянскій, Буслаевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Шевыревъ, бывшіе оппонентами на этомъ диспутѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ были участниками въ устройствѣ тріумфа молодому ученому. Этотъ моментъ покойный П. В. считалъ счастливѣйшимъ изъ немногихъ счастливыхъ дней своей жизни.

Павлову принадлежитъ высокая честь почина въ основаніи воскресныхъ школъ. Изъ Кіева онѣ быстро распространились по всей Россіи. Дальше, въ статьяхъ о Муравскомъ и «воскресникахъ», читатель встрѣтитъ нѣсколько указаній по этому поводу, здѣсь же я замѣчу лишь, что энергія Павлова и его дружескія отношенія съ кіевской университетской молодежью были главнымъ источникомъ успѣшности кіевскихъ школъ. Въ этомъ дѣлѣ было два разныхъ теченія:

Павловъ, твердо убѣжденный въ томъ, что распространеніе знанія постепенно, но неминуемо трансформируетъ наше полуазіатское общество, и любившій выражать свою мысль въ словахъ: «la revolution par l'école» [1]), — и работавшая съ нимъ молодежь, искавшая въ воскресныхъ школахъ революціонизировавшаго фермента. Благодаря этому Павловъ былъ подъ наблюденіемъ недреманнаго ока, которое, однако, ничего подозрительнаго въ его дѣятельности найти не могло.

Однако, подъ благовиднымъ предлогомъ назначенія его членомъ археографической комиссіи, Павлова убрали изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ надзоръ могъ быть усиленнѣе и лучше.

14 декабря 1859 года, въ тридцать четвертую годовщину декабрьскаго возстанія, студенты устроили Павлову прощальный вечеръ передъ его отъѣздомъ въ Петербургъ. Павловъ произнесъ тостъ въ честь Герцена, «какъ человѣка, стоявшаго во главѣ прогрессивнаго движенія въ Россіи»... Это тоже стало извѣстно властямъ [2]).

Въ Петербургѣ съ 1861 года, помимо профессуры и опять-таки организаціи воскресныхъ школъ, Павловъ усиленно занимался литературой и, между прочимъ, въ концѣ 1861 года написалъ статью «Тысячелѣтіе Россіи», напечатанную въ приложеніи къ академическому «Мѣсяцеслову на 1862 годъ». Я не буду разъяснять научныя достоинства этой работы, какъ и всѣхъ другихъ, а приведу лишь одно мѣсто изъ нея, чтобы дать понять, почему она обратила на себя такое вниманіе, что разошлась въ количествѣ по тогдашнему времени совершенно небывалому: 40.000 экземпляровъ.

«Обстоятельства избавленія Россіи отъ иноплеменниковъ и избраніе Михаила Θеодоровича имѣютъ глубокое значеніе. Кто освободилъ Россію? Русскій народъ въ лицѣ нижегородскаго мясника. Кто избралъ на московскій престолъ царя? Также русскій народъ въ лицѣ выборныхъ земскаго собора. Кто, наконецъ, спасъ жизнь избраннаго всею землею царя? Опять тотъ же русскій народъ въ лицѣ мужика. Итакъ, домъ Романовыхъ своимъ восшествіемъ на престолъ, жизнью своего родоначальника,—однимъ словомъ, всѣмъ обязанъ русскому народу»... «Выполняя историческую задачу, цари новой династіи постепенно усиливали свое государство. Вмѣстѣ съ усиленіемъ государства усиливалась и правительственная централизація, незамѣтно сокрушая на пути своего развитія многія старинныя обычныя учрежденія, наслѣдованныя Россіей единодержавной отъ Руси федеративной, удѣльно-вѣчевой».

Разумѣется, подобныя мѣста статьи не могли не возбуждать тогда удовольствія среди интеллигенціи, еще не привыкшей слышать что-либо подобное въ открытую... Этому не мѣшали похвалы Александру II, потому что въ началѣ 1862 года общество вѣрило въ его искренность [3])...

[1]) *Л. Ф. Пантелѣевъ*, «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 158—159.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 132905.

[3]) Въ 1863 г. статья эта вышла въ особомъ изданіи.

Разумѣется, когда въ мартѣ 1862 года рѣшено было устроить литературный вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда и познакомить слушателей съ приближавшимся тысячелѣтнимъ юбилеемъ Россіи, Павлова пригласили прочесть по этому поводу особую рѣчь.

Онъ отдалъ ее предварительно на цензуру, получилъ одобреніе и 2 марта выступилъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, В. С. Курочкинымъ и другими.

Вотъ текстъ рѣчи по одобренному цензурой экземпляру:

«Милостивыя Государыни и Господа.

«Россія прожила тысячелѣтіе. По прошествіи этого длиннаго періода на нашихъ глазахъ совершается событіе огромной важности: Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 года открываетъ свою печальную историческую процессію похоронъ стараго, рабовладѣльческаго порядка вещей. У ногъ нашихъ разверзается великая могила, готовая принять трупъ отжившей старины; за плечами нашими пора рабства; передъ нами неизвѣстное будущее! Въ виду скорбнаго траурнаго зрѣлища естественно рождается два вопроса. Во-первыхъ: чѣмъ была старина наша? Во-вторыхъ: какимъ образомъ, похоронивъ старину, мы въ состояніи, черезъ ея историческую могилу, выйти на широкую, столбовую дорогу успѣха и благосостоянія, избѣгнувъ опасностей? Исполняя долгъ гражданина, попытаюсь, по крайнему разумѣнію, отвѣтить на оба вопроса. Въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія Россія была рабовладѣльческой. Несправедливо видѣть въ союзной, удѣльно-вѣчевой Руси общество вполнѣ свободное. Княжескіе съѣзды, служильныя думы, общинныя вѣча и церковные соборы существовали только для свободныхъ, охраняя до нѣкоторой степени вольности владѣтельныхъ князей, людей служилыхъ, людей общинныхъ, городовъ и селъ, наконецъ, духовенства. Княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча и церковные соборы были только щитомъ воли однихъ людей вольныхъ. Благодѣяніями присяжнаго суда, военною защитою, плодами полуобразованія, преимуществами федеративнаго устройства, всѣми этими благами наслаждались люди привилегированные: князья, родовое чиновничество, общинники и духовенство. Что же касается до холоповъ, людей несвободныхъ, то у нихъ не было никакихъ правъ. Подъ вліяніемъ монгольскаго ига Русь окончательно раздѣлилась на двѣ половины, на два государства: Литовское и Московское. Въ половинѣ XVI вѣка Литовское государство соединилось съ аристократическо-конституціоннымъ, католическо-польскимъ королевствомъ. Черезъ унію, въ XVII вѣкѣ, оно стало готовиться перейти къ католичеству. Сѣверная, бѣлорусская часть Литовской Руси, какъ вамъ извѣстно, сохраняя унію, успѣла значительно ополячиться; зато южная, малороссійская часть Литовской Руси сперва (при Богданѣ Хмельницкомъ и Дорошенкѣ) силилась содѣлаться самостоятельною державой, а потомъ соединилась съ Россіей. Въ Литвѣ Бѣлорусской, какъ и въ Польшѣ, постоянно существовали холопы; въ Малороссіи

крѣпостное состоянiе, упраздненное со временъ Хмельницкаго, было возстановлено Екатериною II. И такъ въ западной, Литовской Руси рабство постоянно преобладало. Государственная московская централизацiя, какъ вы знаете, вслѣдствiе влiянiя деспотизма монголовъ и отсталаго византiйства, постепенно вытѣсняла древнiя вольности, зародившiяся въ союзной, удѣльно-вѣчевой Руси, областныя вольности владѣтельныхъ князей и вѣчевыхъ городовъ Новогорода и Пскова (въ XIV и XV вѣкахъ, и въ первой половинѣ XVI вѣка); вольности служилыхъ людей съ боярами въ челѣ (при Iоаннѣ Грозномъ); наконецъ, вольности общинъ (при Борисѣ Годуновѣ, правителѣ и царѣ). Съ конца XVI вѣка крѣпостное состоянiе охватило, какъ губительная зараза, всю русскую землю. Въ XVII вѣкѣ, особенно въ его началѣ (въ эпоху самозванцевъ и междуцарствiя) вольные люди Московскаго царства пытались-было возстановить прежнiй, болѣе желанный для себя порядокъ вещей. Но попытка ихъ была безуспѣшна вслѣдствiе того, что, заботясь о своихъ вольностяхъ, они совершенно забыли о низшемъ земскомъ сословiи, поверженномъ въ позорныя цѣпи крѣпостного состоянiя. Вотъ причина политической несостоятельности земскихъ соборовъ въ XVII столѣтiи; вотъ причина утвержденiя въ Россiи безусловной централизацiи, вооружившейся при Петрѣ I и его преемникахъ всѣми средствами западно-европейскаго просвѣщенiя. Въ XVIII и XIX столѣтiяхъ русская земля наказалась вполнѣ за страданiя и позоръ низшаго земскаго сословiя. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизацiи этой скорбной эпохи: никогда Россiя не испытывала болѣе тягостнаго состоянiя! Настоятельная необходимость современныхъ правительственныхъ реформъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость нашего мнѣнiя. Ко временамъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша бѣдствiй преисполнилась! Подъ влiянiемъ современныхъ западно-европейскихъ политическихъ и общественныхъ событiй нашему многострадальному отечеству предстояло пройти черезъ страшный историческiй переворотъ. Правительство, повидимому, уразумѣло это и приступило къ рѣшенiю второго вопроса, который мы предлагали выше, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ вступить въ колею успѣха и благосостоянiя, избѣгнувъ опасностей? Правительство рѣшилось рядомъ благоразумныхъ коренныхъ реформъ предотвратить всеобщее бѣдствiе. Вступивъ однажды на этотъ путь, наши администраторы не захотятъ ни подъ какимъ видомъ идти назадъ: они, конечно, знаютъ, что каждый ихъ попятный шагъ есть новая ступень къ общей гибели.

«Правительство дало спасительный толчокъ самому обществу упраздненiе правительствомъ крѣпостного права потрясло всю русскую землю до основанiя. Если не ошибаемся, образованные, достаточные классы въ Россiи поняли, что, въ виду возможнаго историческаго переворота, благоразумiе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными, недостаточными классами въ городахъ и въ селахъ какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, доста-

точные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества. Въ какой мѣрѣ правильное, добровольное сліяніе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ можетъ удаться въ Россіи, намъ, разумѣется, неизвѣстно. Скажу только, что на роковомъ рубежѣ прожитаго отечествомъ тысячелѣтія, въ переходную эпоху великаго общественнаго переворота, одно это соединеніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великихъ бѣдствій, могущихъ угрожать ей» [1]).

Что именно сказалъ Павловъ на самомъ дѣлѣ—неизвѣстно. Показанія современниковъ о концѣ рѣчи неоднообразны. Г. Пантелѣевъ такъ разсказываетъ событіе: Павловъ, «повидимому, замѣтилъ, что въ заднихъ рядахъ плохо слышали лекторовъ, а голосъ у него былъ слабый; онъ взялъ нѣсколькими нотами выше обыкновеннаго; отсюда все чтеніе получило замѣтно выкрикивающій характеръ, и въ то же время сильно подчеркивались слова, сами по себѣ не заключавшія ничего страшнаго... До публики, извѣстнымъ образомъ настроенной, часто слова лектора доходили совсѣмъ въ переиначенномъ видѣ; напр., Павловъ сказалъ: «ко времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя чаша народныхъ страданій преисполнилась; а многимъ послышалось *во время* и т. д. Вотъ онъ кончилъ; начались вызовы. Павловъ долго не выходилъ, наконецъ показался и далъ знакъ, что хочетъ говорить; мгновенно воцарилась тишина. Что было у него на умѣ, трудно сказать; только онъ произнесъ: Имѣющій уши слышать, да слышитъ. Послѣ этихъ словъ въ залѣ произошло нѣчто трудно описуемое; вѣроятно, потомъ оказалось не мало поломанныхъ стульевъ. Многіе тутъ же громко говорили, что Павлову не сдобровать» [2]).

М. А. Антоновичъ утверждаетъ, что еще при самомъ концѣ рѣчи Павловъ произнесъ: «Имѣяй уши слышати, да слышитъ», а по вызову повторилъ эту фразу...

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но уже 5-го марта Павловъ былъ арестованъ, а 6-го отправленъ съ жандармами въ Ветлугу.

Правительство сочло нужнымъ опубликовать по этому случаю въ «Русскомъ Инвалидѣ» слѣдующее: «На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшійся за штатомъ профессоръ с.-петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ читалъ свою статью «О тысячелѣтіи Россіи». При чтеніи

---

[1]) Въ такой редакціи рѣчь приведена въ «Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году», въ который она попала изъ февральской книжки (за 1862 г.) «Русскаго Слова», намѣревавшагося, стараніями Писарева, напечатать ее у себя и для этого даже задержавшаго очередной номеръ. Въ долгоруковскомъ «Правдивомъ», а оттуда въ «Государственныхъ преступленіяхъ» подъ ред. г. Богучарскаго рѣчь приведена съ ошибками и произвольными измѣненіями, сдѣланными петербургскимъ корреспондентомъ, — разумѣется, Павловъ не способствовалъ сообщенію своей рѣчи за-границу, что будетъ понятно изъ дальнѣйшаго.

[2]) Н. С., стр. 156—157.

этой статьи г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурой, и клонящіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства. Вслѣдствіе сего статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство подъ надзоръ полиціи въ отдаленный уѣздный городъ» [1]).

Никакого разслѣдованія, ни сколько-нибудь подробнаго допроса обвиняемаго сдѣлано не было. Просто взяли и сослали...

Этотъ уже ничѣмъ не оформленный произволъ такъ взволновалъ общество, что очень быстро была распространена слѣдующая прокламація, исходившая, по моему мнѣнію, именно изъ общества вообще, а не изъ какой-либо его политической организаціи:

«Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ—не сказано. Кто же распоряжается нами — III Отдѣленіе? Неужели какой-нибудь Долгоруковъ [2]) или Валуевъ [3]) рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Военнымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не ссылать; отчего не дать это право губернаторамъ, квартальнымъ, становымъ?

«И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ; или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой-нибудь Ветлугѣ только за то, что человѣкъ не созданъ мерзавцемъ и идіотомъ, что правду Долгорукихъ и Валуевыхъ человѣкъ считаетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

«И чего трусить!? Всѣхъ не сошлютъ.

«Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, сбираются сослать еще нѣсколькихъ,—что же! Или ужъ нѣтъ людей имъ на смѣну?.. Протестуйте, подавайте адреса, жертвуйте деньги, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликнитесь на нашъ призывъ, покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергичные люди».

Прокламація эта не имѣла никакихъ непосредственныхъ практическихъ послѣдствій. Такъ Павловъ и остался въ Ветлугѣ до 1864 года, когда его перевели въ Кострому; а въ 1866 году онъ былъ прощенъ и вернулся въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ свои ученыя занятія до смерти въ 1875 году.

---

1) № 7 «Р. И.»

2) Шефъ жандармовъ, главноуправляющій III Отдѣленіемъ.

3) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

ПРОЦЕССЪ 32-ХЪ.

Процессъ 32-хъ.

(«Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами»).

Подъ такимъ названіемъ въ сенатскомъ архивѣ хранится грузное восьмитомное дѣло, въ которомъ больше трехъ тысячъ страницъ. По моему мнѣнію, этотъ политическій процессъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія долженъ быть очень интересенъ для каждаго, кто хочетъ документально ознакомиться съ психологіей и дѣятельностью тогдашняго самаго обыкновеннаго, массоваго интеллигента. Онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ общее оппозиціонное настроеніе эпохи. Дѣло лицъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, подъ которыми разумѣлись Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Кельсіевъ, Николай Жуковскій и другіе наши эмигранты, очень характерно еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ фигурируютъ болѣе семидесяти лицъ, и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Здѣсь и ученые и малограмотные, и вѣрующіе и невѣрующіе, и раскольники съ сектантами, и офицеры и статскіе, и дворяне и крестьяне, и мѣщане и купцы, и чиновники и люди свободныхъ профессій, и шестидесятилѣтніе старцы и несовершеннолѣтніе юнцы, и женщины и мужчины... словомъ, здѣсь, худо ли, хорошо ли, представлено все русское общество.

Правда, въ послѣдующемъ изложеніи центральной фигурой будетъ Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, который по праву займетъ это видное мѣсто, но, во всякомъ случаѣ, и другія фигуры тоже очень интересны и прекрасно оттѣняютъ именно тѣ черты, которыя характерны вообще для интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ.

Затѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣла, я прошу читателей не претендовать на нѣкоторую иногда хронологическую непослѣдовательность разсказа: при всемъ желаніи избѣжать этого неудобства, я не могъ этого сдѣлать, благодаря массѣ самаго разнороднаго матеріала. Поэтому прошу какъ можно внимательнѣе замѣчать хронологическія даты разсказа.

АРЕСТЪ ВЕТОШНИКОВА И НАЙДЕННЫЯ ПРИ НЕМЪ БУМАГИ.

Герценъ началъ свой «Колоколъ» съ іюля 1857 года. Не прошло и полугода, какъ органъ этотъ сталъ пользоваться въ Россіи удивительнымъ распространеніемъ. Никакія мѣры самодержавнаго правительства, никакіе таможенные досмотры, никакія ухищренія жандармовъ и полиціи не могли помѣшать звуковымъ волнамъ лондонскаго колокольнаго звона. Онѣ проникали повсюду, въ самые глухіе углы тогдашней крѣпостнической Россіи. Не было не только губернскаго, но даже и уѣзднаго города, въ которомъ бы не знали объ органѣ свободной, смѣлой, талантливой пропаганды конституціоннаго переустройства на основѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ реформъ.

Понятно, какъ могла на все это отвѣтить Россія, истомленная долгимъ желѣзнымъ николаевскимъ гнетомъ, самовластіемъ, произволомъ и угнетеніемъ... Герценъ очень скоро сталъ центромъ громадной корреспонденціи, отправлявшейся или съ «оказіей», или по конспиративнымъ адресамъ. «Колоколъ» былъ иногда буквально заваленъ массою самыхъ разнообразныхъ сообщеній.

Отсюда одинъ шагъ до установленія личныхъ отношеній. Уже въ серединѣ 1858 года Герценъ не зналъ воскресенья, когда бы за его обѣденнымъ столомъ не сидѣли пять-десять русскихъ, приглашенныхъ гостепріимнымъ хозяиномъ послѣ перваго же личнаго свиданія въ будній день.

Быть за-границей и не заѣхать въ Лондонъ къ Герцену считалось чѣмъ-то вродѣ непосѣщенія Лувра въ бытность въ Парижѣ... Всѣ, кто могъ, спѣшили познакомиться съ знаменитымъ публицистомъ и, разумѣется, невольно были лучшими, хотя и устными, корреспондентами «Колокола». Правда, многіе навѣщали Герцена уже просто слѣдуя модѣ, но это само по себѣ должно считаться очень характернымъ и любопытнымъ явленіемъ.

Посѣщенія Герцена были привлекательны еще и потому, что у него можно было познакомиться не только съ видными эмигрантами другихъ странъ, но и съ бѣжавшимъ изъ Сибири Михаиломъ Александровичемъ Бакунинымъ, съ жившимъ у Герцена Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, съ Василіемъ Ивановичемъ Кельсіевымъ, мечтавшимъ создать въ Россіи серьезное политическое движеніе среди раскольниковъ и старообрядцевъ, съ нѣкоторыми выдающимися поляками и со многими другими замѣчательными людьми.

Надо ли говорить, съ какой внимательностью русское правительство изучало всѣхъ герценовскихъ посѣтителей? Иностранные агенты III Отдѣленія, число которыхъ при Александрѣ II не было уменьшено сравнительно съ временемъ Николая I, то и дѣло присылали шефу жандармовъ соотвѣтствующіе извѣщенія и рапорты. Имъ помогали послы, посланники, консулы, атташе и т. д.

III же Отдѣленіе удвоило свое рвеніе съ середины 1861 года, когда заграничная печать стала обнаруживать серьезные промахи въ положеніи 19 февраля и настаивать на толкованіи крестьян

ской реформы, какъ политическаго палліатива въ борьбѣ съ коренными нуждами и запросами страны.

Наша дипломатія и жандармерія оказались вполнѣ солидарными въ своей слѣпотѣ и явномъ непониманіи «Колокола» и его вдохновителей. Онѣ вообразили Герцена и Огарева «краснокожими революціонерами» и «людьми на все способными», а особенно на вооруженное возстаніе народа противъ гнета самодержавія. Послѣ такого толкованія было вполнѣ уже послѣдовательно желаніе изловить «герценовскихъ агентовъ» внутри Россіи... Пожары въ Петербургѣ и кое-гдѣ въ провинціи—съ одной стороны, обостреніе конституціонныхъ стремленій среди части дворянства — съ другой и, наконецъ, аграрное движеніе крестьянства—все это заставило правительство спѣшить на путь любезной всегда дорогому отечеству реакціи, а жандармерію—бдительно стать за сохраненіе основныхъ устоевъ государства.

III Отдѣленіе мобилизировало всѣ свои силы, получило на «извѣстное его величеству употребленіе» усиленныя ассигнованія, подкрѣпило свою заграничную агентуру и во всѣ тяжкія принялось уловлять смуту...

Среди подобныхъ мѣръ не на послѣднемъ планѣ была поимка герценовскихъ агентовъ.

До сихъ поръ неизвѣстно имя того негодяя, который, втершись на ряду съ другими въ домъ Герцена, сообщилъ III Отдѣленію, что въ началѣ іюля 1862 года въ Петербургъ пріѣдетъ изъ Лондона нѣкій Павелъ Александровичъ Ветошниковъ и привезетъ много всевозможныхъ писемъ отъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсіева.

Разумѣется, Ветошникова сторожили, арестовали на границѣ и привезли съ поличнымъ въ Петербургъ. Къ этому времени III Отдѣленіе получило еще и другое сообщеніе, тоже изъ Лондона:

«6—18 іюня въ Лондонѣ у Герцена были вечеромъ: Огаревъ, Бакунинъ, г-жа Оконнель (француженка, занимающаяся живописью), Кельсіевъ, Перетцъ, Калиновскій[1]), Альбертини[2]), Тхоржевскій[3]), Жемчужниковъ, Рубинштейнъ[4]), Мартьяновъ[5]), Гамалѣя, Печниковъ (вмѣсто Мечниковъ. —*М. Л.*), Ветошниковъ, Голынскій, Ковалевскій, Чермакъ (профессоръ Прагскаго университета).

«Говорили о прокламаціи «Молодая Россія», которая еще не была получена[6]).

---

[1]) Балтазаръ Өомичъ Калиновскій, ученый экономистъ, адъюнктъ петербургскаго университета, уволенный отъ должности именно за это посѣщеніе Герцена.

[2]) Петербургскій литераторъ, съ которымъ читатель еще встрѣтится.

[3]) Польскій эмигрантъ, дѣятельный помощникъ Герцена.

[4]) Извѣстный композиторъ.

[5]) Ему въ этой книгѣ посвящена особая статья.

[6]) Она напечатана на стр. 94 — 101 моей книги «Политическіе процессы I. Н. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго», 1907 г. СПБ. Изд. О. Н. Поповой.

«24-го іюня (6-го іюля), наканунѣ отъѣзда Ветошникова изъ Лондона, на вечерѣ у Герцена были: Огаревъ, Бакунинъ, Ветошниковъ, Кельсіевъ, Перетцъ, Стасовъ[1]), Альбертини, Ковалевскій, два брата Суздальцевы, Чернецкій[2]), Тхоржевскій, графъ Ксаверій Браницкій, два брата Плаутины (родственники Огарева), два поляка и трое русскихъ.

«Ветошниковъ весьма долго разговаривалъ съ Бакунинымъ въ другой комнатѣ.

«Герценъ читалъ статью о пожарахъ и о прокламаціи «Молодая Россія».

5-го іюля Ветошникову, заключенному въ камеру при III Отдѣленіи, былъ сдѣланъ первый допросъ.

Онъ показалъ, что служитъ въ торговомъ домѣ Фрумъ, Грегори и К° въ Петербургѣ и по его дѣламъ поѣхалъ за-границу, главнымъ образомъ въ Лондонъ, гдѣ была всемірная выставка, чтобы получить всѣ необходимыя свѣдѣнія о примѣненіи земледѣльческихъ машинъ въ Россіи. Случайно встрѣтился на улицѣ англійской столицы съ товарищемъ по петербургскому коммерческому училищу—Кельсіевымъ, который и завелъ его къ Герцену, гдѣ Ветошниковъ былъ потомъ еще раза три. При возвращеніи въ Россію онъ принялъ порученіе перевезти нѣсколько писемъ. Между прочимъ Кельсіевъ, отдавая свое письмо для Серно-Соловьевича, сказалъ, что будто пишетъ ему объ уплатѣ Ветошникову двухъ фунтовъ стерлинговъ, которые послѣдній одолжилъ ему въ Лондонѣ. «Бакунинъ говорилъ, что мнѣ пришлетъ адресъ къ государю, чтобы установить земскую думу, и я долженъ подписать этотъ адресъ, а также предложить это знакомымъ. Я просилъ его не дѣлать этого, потому что я не хочу быть замѣшаннымъ, какъ действующее лицо, но онъ мнѣ сказалъ, что тутъ не будетъ ничего опаснаго и за это я не буду преданъ суду». Характерно, что когда какъ-то въ разговорѣ Ветошниковъ по непониманію похвалилъ реакціонный органъ Н. Ф. Павлова—«Наше Время», Кельсіевъ предупредилъ его, что «такія вещи нельзя говорить въ домѣ Герцена»... Это свидѣтельствуетъ, насколько Ветошниковъ былъ далекъ отъ пониманія политическаго момента, и все-таки этотъ человѣкъ взялъ на себя очень опасныя обязанности конспиративнаго почталіона...

Что же при немъ нашли?

Прежде всего два письма «лондонскихъ бѣглецовъ», Герцена и Огарева, къ Н. А. Серно-Соловьевичу.

Первое.

«Милостивый Государь, Николай Александровичъ.

«На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи,—честь имѣю

[1]) Недавно умершій публицистъ и музыкальный и художественный критикъ.
[2]) Польскій эмигрантъ, второй помощникъ Герцена по типографіи и т. п.

увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги, т. е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы, предоставляю моимъ дочерямъ.

«Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою *Александръ Герценъ.*

«8/20 іюня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ».

Второе.

«Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную мы какъ-то разобщены, и коротенькія вѣсти не достаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но минута жизни трудная, покачаясь изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и вовсе заглохнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фондъ—не минуты, а годины трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчатъ къ тысячелѣтію[1]), успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ чѣмъ-то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—какъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дрязгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построенія будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразованія. Опять прихожу къ моей темѣ, шепчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣдовала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ имѣть результатъ только тотъ же -отместку провинціи. Уясните же[2]) провинціямъ, ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли[3]).

«Мнѣ жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это—физіолого-патологическое явленіе,

---

[1]) 8 сентября 1862 г. предполагалось празднованіе тысячелѣтія Россіи. Къ этому дню ожидались всевозможные манифесты, въ той или иной мѣрѣ пріятные прогрессивному обществу. Скоро надежды исчезли.

[2]) Слѣдующее слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шнуромъ, скрѣпляющимъ дѣло.

[3]) Намекъ на столичныхъ реформаторовъ, изучавшихъ народъ по петербургскимъ извозчикамъ.

которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-изъ козчиковъ — они не виноваты.

«Рознь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобы понять другъ друга, и сближеніе ихъ всего меньше возможно на Невской набережной и Марсовомъ полѣ, — оно возможно только при рѣкахъ черноморско-каспійскихъ.

«Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

«Крѣпко обнимаю васъ обоихъ. Вѣстей побольше — ради бога. N [1]) — золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости [2]).

«Кажется, рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ. Поклонитесь ему — это преблагороднѣйшій человѣкъ; скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

«Прилагаю официальное письмо; если оно не такъ написано — я готовъ написать и другое. 10% я поставилъ зря, — уменьшайте и увеличивайте — дѣлайте, какъ знаете.

«Чтобъ не забыть — прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя, любезный другъ, самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобы можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый—и то не все поняли. Вмѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь [3]).

«Да вы не сердитесь.

«А какова Соврем. лѣтоп.? Вотъ я вамъ вылупилъ хризеиды Кат. и Леонт. [4]).

«Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы г. Перетца [5])? Онъ, кажется, очень хорошій и образованный человѣкъ.

«Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болитъ голова — и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

«Мы готовы издавать Совр. [6]) здѣсь съ Черныш. [7]) или въ Женевѣ — печатать предложеніе объ этомъ?

«Какъ вы думаете?»

Затѣмъ четыре письма М. А. Бакунина.

Но прежде, чѣмъ привести ихъ, познакомлю читателей съ кое-какими обстоятельствами жизни «вѣчнаго бунтаря».

---

[1]) Подъ этой буквой, а дальше подъ «сбѣжавшимъ восточнымъ пріятелемъ» скрытъ М. Л. Налбандянъ.

[2]) До сихъ поръ письмо писано Огаревымъ, дальше — Герценомъ.

[3]) Слѣдующее слово испорчено шнуромъ.

[4]) Рѣчь идетъ о «Современной Лѣтописи» Каткова и Леонтьева.

[5]) Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена лѣтомъ 1862 г. Потомъ онъ служилъ въ III Отдѣленіи...

[6]) Рѣчь идетъ о «Современникѣ» Панаева и Некрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ «Современникъ» и «Русское Слово». 8-го же Герценъ уже имѣлъ свѣдѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя «Современникъ».

[7]) Конечно, Чернышевскій.

Будучи въ Иркутскѣ, Бакунинъ женился на дочери тамошняго чиновника Квятковскаго, Антоніи Ксаверіевнѣ. Рѣшено было бѣжать за-границу безъ жены; она должна была пріѣхать въ Лондонъ потомъ, съ помощью родныхъ и знакомыхъ.

Письма очень драгоцѣнны для изученія Бакунина: они съ выпуклой ясностью рисуютъ его, какъ любящаго, нѣжнаго и заботливаго мужа... Эта сторона личности «вѣчнаго бунтаря» нигдѣ еще не обнаруживалась съ такоіі рельефностью. Читатель вмѣстѣ съ Бакунинымъ переживаетъ всѣ его волненія за дорогого человѣка, который нѣкоторое время поглощаетъ досугъ знаменитаго революціонера...

На этомъ пути было не мало препятствій.

Первое и довольно значительное это—арестъ двухъ братьевъ: Николая и Алексѣя. Въ февралѣ 1862 г. тринадцать тверскихъ дворянъ, въ ихъ числѣ и оба Бакунины (одинъ — членъ тверского губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, другой — новоторжскій уѣздный предводитель дворянства), письменно заявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что вполнѣ присоединяются къ постановленію губернскаго дворянскаго собранія своей губерніи и намѣрены руководствоваться имъ впредь въ своей дѣятельности въ роли мировыхъ посредниковъ. Постановленіе это, вынесенное при дѣятельной агитаціи со стороны Унковскаго, Головачева, Европеуса и другихъ, гласило, что необходимо поставить во главу угла вопросъ о необходимости немедленнаго обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, а послѣ перечисленія необходимыхъ преобразованій въ русскомъ гражданскомъ строѣ говорило: «осуществленіе этихъ реформъ возможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій»[1]).

Вскорѣ всѣ 13 были преданы суду сената и заключены въ Петропавловскую крѣпость.

Оставался, такимъ образомъ, третій братъ, Павелъ, мало расположенный къ энергичной помощи Михаилу въ отношеніи устройства дальняго путешествія его жены. Бакунинъ атакуетъ письмами жену Павла, Наталію Семеновну, но не видитъ и въ ней настоящаго помощника. Приходится остановиться на молодомъ

---

[1]) *А. Корниловъ*, «Крестьянская реформа». Спб. 1905. Стр. 181—182.

пріятелѣ, армянскомъ дѣятелѣ, Михаилѣ Лазаревичѣ Налбандовѣ, (Налбандянѣ), съ которымъ онъ недавно познакомился въ Лондонѣ, и на И. С. Тургеневѣ. Первый былъ дорогъ энергіей и предпріимчивостью, второй — возможностью помочь денежно.

Какъ только Бакунинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, Герценъ обратился къ жившему въ Парижѣ Тургеневу за постоянною помощью бѣглецу. Тургеневъ обѣщалъ давать ежегодно 1500 франковъ и часть уже послалъ. Потомъ онъ далъ денегъ и на переѣздъ Бакуниной, пріѣхавшей въ Тверскую губернію только въ декабрѣ 1862 г.

1. Н. С. Бакуниной.

5-го іюля / 23-го іюня 1862 — London.
10. Paddington Green. W.

«Милая Natalie! – Ты видишь, какъ я расписался: еле прошла недѣля послѣ отправки моего послѣдняго письма и вотъ тебѣ опять письмо отъ меня—и очень можетъ быть, что это письмо пріідетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, если не прежде его. Податель этого письма — Павелъ Александровичъ Ветошниковъ, служащій въ конторѣ С-тъ Петербургскихъ негоціантовъ Froom, Gregori & Comp. (тамъ же и его адресъ, тамъ его отыскать можешь, если-бъ онъ не засталъ тебя дома), — человѣкъ очень вѣрный, намъ преданный и для насъ драгоцѣнный. Черезъ него ты можешь безопасно получать отъ меня, писать мнѣ и посылать всякія письма каждую недѣлю. Только ради Бога будь осторожна и никому въ мірѣ, кромѣ Павла, не говори о немъ. Еще Налбандову можешь сказать, если онъ въ Петербургѣ. — Да, кстати, прошу тебя, жги рѣшительно всѣ мои письма, особливо тѣ, въ которыхъ названы имена, — выписавъ изъ нихъ предварительно, въ самой невинной формѣ, что сохранить нужно. — Теперь время очень опасное и дамы не свободны отъ обысковъ — и потому дорожить письмами да бумагами нечего.

«Что это у васъ дѣлается и неужели студенты участвовали въ пожарахъ [1])? — А, впрочемъ, дивиться нечего: на глупость сверху отвѣчаетъ изувѣрство снизу. Молодежь еще далеко не дисциплинирована и, главное, къ несчастью, еще не понимаетъ, что она не народъ — и что продукты ея непереваренныхъ теоретическихъ воззрѣній далеко не выражаютъ ни народнаго инстинкта, ни народной воли. Дошло до меня, что у васъ многіе приписываютъ мнѣ и нелѣпыя прокламаціи и преступные, потому что безцѣльные, пожары. — Въ другое время я надъ этимъ сталъ бы смѣяться, но теперь дѣло иное: время серьезное и ничѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Очень можетъ быть, что само правительство распускаетъ

[1]) Лѣтомъ 1862 года въ Петербургѣ были большіе пожары. До сихъ поръ исторіи не удалось установить ихъ виновниковъ. Можно только съ положительностью отвергать участіе въ этомъ революціонеровъ.

такіе слухи, чтобы имѣть предлогъ поступить съ братьями построже. — И, наконецъ, я не могу молчать на такія уродливыя обвиненія. Вслѣдствіе этого, на-дняхъ явится въ «Колоколѣ» моя статья подъ названіемъ — «Наше положеніе, нѣсколько словъ о доктринеризмѣ революціонеровъ». Не сердись на меня, Natalie, она рѣзко написана. — Я молчалъ, сколько могъ, но теперь молчать не могу. Сегодня узнали по телеграфу о попыткѣ убить В. К. Константина Николаевича въ Варшавѣ.—И тамъ также недисциплинированная молодежь, — и что еще болѣе — молодежь, разъяренная послѣдними оскорбленіями женщинъ, дѣвушекъ, которыхъ по всему царству хватали десятками за пѣніе гимновъ въ церквахъ, приводили въ полицію и тамъ публично, т. е. при офицерахъ и солдатахъ, раздѣвали, подъ предлогомъ исканія бумагъ,— а потомъ ссылали въ разные монастыри — и чуть ли не образовалось общество фанатическихъ молодыхъ людей съ цѣлью убивать всѣхъ главныхъ русскихъ людей... По-моему, этотъ выстрѣлъ — промахъ ужасный—вѣдь Константинъ [1]) не успѣлъ еще высказаться. Тяжелое время, сурово и страшно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ грознѣе.

«Будемъ же любить другъ друга и вѣрить другъ въ друга, чтобъ намъ было и легче и веселѣй... Будемъ крѣпки другъ другомъ. Послѣ трехъ или четырехъ худыхъ писемъ, написанныхъ мною въ послѣднее время, включая послѣднее,—я съ братьями, съ Прямухиномъ [2]) совсѣмъ примирился. Пусть же и они простятъ меня, пусть они поймутъ, какъ невыносимо тяжело мнѣ не знать ничего о моей бѣдной женѣ и оставаться на ея счетъ въ такой глухой, тупой, безвыходной неопредѣленности. Но теперь вы, кажется, взялись за дѣло рѣшительно. Спасибо вамъ, спасибо тебѣ, Natalie. Теперь надѣюсь съ нею скоро увидѣться. — Налбандовъ мнѣ пишетъ, что онъ далъ тебѣ 300 руб., — что маркизъ хотѣлъ дать 200, И. С. Тургеневъ — прислать 500, а, наконецъ, братья положатъ 500. — Но такимъ образомъ, скоро ли вы соберете нужныя деньги? — Дастъ ли маркизъ, пришлетъ ли Тургеневъ и успѣютъ ли оборотиться братья?

«Думалъ я, думалъ, и вотъ на что я рѣшился. — Возьму я у Герцена завтра въ займы 80 фунтовъ стерлинговъ, немного болѣе 2000 франковъ, болѣе 500 руб. серебромъ — и пошлю тебѣ съ г-номъ Ветошниковымъ. Такимъ образомъ у тебя, можетъ быть, къ пріѣзду его соберется около 1500 руб. сер. И тогда, милая Natalie, умоляю тебя, не теряя минуты, пошли ихъ къ женѣ и зови ее немедленно въ Прямухино. За отсутствіемъ Михаила Семеновича [3]), пошли ихъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ тебя, по почтѣ къ генералу Болеславу Казиміровичу Кукелю, съ просьбою передать ихъ Антоніѣ Ксаверіевнѣ безъ фамиліи, — съ просьбою также помочь ей какъ

[1]) Николаевичъ.
[2]) Родовое имѣніе Бакуниныхъ.
[3]) Корсаковъ, генералъ-губернаторъ В. Сибири

можно приличнѣе и покойнѣе выбраться изъ Иркутска и съ означеніемъ адреса добраго человѣка (еще лучше дамы) въ Москвѣ или въ Твери, который препроводитъ ее въ Прямухино, — для того, чтобъ она, моя бѣдная и неопытная, не затерялась въ дикомъ для нея мірѣ.—Если и безъ моихъ 80 фунт. стерл. у тебя ужъ собралось 1500 руб. или когда они соберутся, отошли мнѣ черезъ того же Ветошникова мои 80 фунт. ст. назадъ, — *но только въ такомъ случаѣ, если по разсчету братьевъ, съ помощью друзей вамъ будетъ возможно дать ей еще 500 руб. на дорогу изъ Прямухина за-границу, — иначе удержи ихъ у себя и пусть они ей послужатъ на эту дорогу.* — Въ Прямухинѣ пусть Antonie остается не болѣе двухъ недѣль, много три недѣли, а тамъ прямо ко мнѣ. Если-жъ правительство захочетъ ее задержать, то я ее съ помощью друзей выкраду. Она у меня молодецъ, — не даромъ полька. — Милый другъ, ты видишь, я не теряю ни вѣры, ни духа и ничего не боюсь — неизвѣстность только одна тяжела и притупляетъ во мнѣ всѣ способности — и потому прошу тебя, пиши чаще, увѣдомляй меня шагъ за шагомъ обо всемъ, что будетъ сдѣлано, обо всемъ, что будетъ тебѣ извѣстно... не о женѣ только, но и о братьяхъ... скоро ли ихъ выпустятъ, и не помѣшаетъ ли ихъ дѣлу реакція, естественно вытекшая изъ пожаровъ?

«Я хочу поговорить съ тобой еще о другомъ предметѣ: въ какомъ положеніи дѣла братьевъ? Есть ли у нихъ, есть ли у меня что-нибудь? — Послѣ заплаты долга Бенардини, Извольскому, въ Вост. Сибири, включая деньги, которыя вы пошлете женѣ, — останется ли на мою долю 500 руб., необходимыхъ для ея поѣздки за-границу? Не передержалъ ли ужъ я болѣе, чѣмъ мнѣ приходится — и по теперешнему состоянію имѣнія приходится ли мнѣ вообще что-нибудь? — Вѣдь я ни за что въ мірѣ не хочу, чтобъ братья, семейство жертвовали собою мнѣ. — Между другими такіе вопросы были бы щекотливы, между нами не можетъ быть такой щекотливости. Вѣдь между нами не можетъ быть ни тѣни сомнѣнія, ни несправедливости. Пусть Павелъ напишетъ мнѣ короткихъ словахъ, какой у меня плюсъ, какой — минусъ, и, если есть плюсъ, какой онъ не по праву, а факту — безъ доказательствъ, потому что — еще разъ — доказательства между нами излишни и взаимной вѣрѣ, по крайней мѣрѣ въ денежныхъ дѣлахъ, нѣтъ и не можетъ быть границъ. Мнѣ необходимы эти нѣсколько словъ о дѣлахъ не для повѣрки, а для приведенія въ совершенную ясность своего положенія. — Хотѣлось бы мнѣ знать также, чѣмъ и какъ будутъ жить братья, все семейство. Ты, безъ сомнѣнія, ужъ получила мое письмо о братѣ Александрѣ? Будете ли вы въ состояніи послать ему 200 руб. на его возвращеніе въ Россію? — Если нѣтъ, сейчасъ же напиши. Я постараюсь его отправить, а это для него необходимо.

«Теперь ты можешь писать мнѣ часто, путь тебѣ открытъ вѣрный и скорый: Ветошниковъ — лишь была бы охота. — Да, милая Natalie, — напишите что-нибудь о сестрахъ, о маменькѣ.

Вѣдь я о нихъ ничего, ничего не знаю и разучился ждать отъ нихъ писемъ.

«Ну, ну, ничего, молчаніе... а то опять браниться стану.—Да пусть же Павелъ, наконецъ, напишетъ ко мнѣ,—да не теоретическое, а доброе, фактическое письмо. Вѣдь въ письмахъ убѣждать и разубѣждать въ принципахъ трудно—а любовь, живая любовь, право, лучше всякой теоріи, я же здѣсь жажду любви, а потому и бранюсь, что давно не чувствовалъ родной любви. И на тебя бѣдную, невинную, великодушную упала вся моя брань. Прости меня, Natalie.

«Милая сестра, я жду съ нетерпѣніемъ писемъ твоихъ: извѣстій о женѣ, о тебѣ, о братьяхъ, о Прямухинѣ.

Прощай, обнимаю тебя

Твой братъ и другъ

М. Б.

«Отдай маркизу прилагаемое письмо. — Познакомилась ли ты съ нимъ? Если онъ захочетъ отвѣчать мнѣ, то возьми у него письмо,—(не говоря, какимъ образомъ ты намѣрена отослать его, т. е. о Ветошниковѣ) и пошли вмѣстѣ съ своимъ,—а маркизу скажи, что черезъ вѣрнаго путешественника.

«Денегъ теперь не посылаю, потому что у Герцена самого нѣтъ.—Но если нужно, дай сейчасъ знать. Тогда сейчасъ же пришлю».

2. М. Л. Налбандяну.

$\frac{\text{5 іюля}}{\text{23 іюня}}$ 1862 г.

«Любезный другъ—посылаю вамъ еще 10 экземпляровъ поваренной книги [1]). Всего посланныхъ будетъ теперь 14. Если пожелаете, пришлю еще болѣе. Спасибо вамъ за все, что вы сдѣлали для Маріи Осиповны [2]).—Брыкаловъ [3]) надѣется теперь съ нею скоро встрѣтиться—онъ увѣренъ, что вы спать не станете и до тѣхъ поръ не успокоитесь, пока не докончите дѣла. — Надѣется даже, что вы сами привезете ее изъ Рыбнаго [4]).—Только боится онъ, что на собраніе нужной суммы понадобится болѣе времени, чѣмъ назначено, и потому взялъ у Прейвата [5]) 80 фунтовъ, которые онъ и посылаетъ Олимпіѣ Сергѣевнѣ [6]) съ подателемъ этого письма, Павломъ Александровичемъ Ветошниковымъ (спросить въ конторѣ Froom Gregory et Comp. въ Петербургѣ), котораго я вамъ рекомендую,

---

1) На самомъ дѣлѣ посылалось сочиненіе на армянскомъ языкѣ Симеона Маникьяна—«Земледѣліе», направленное противъ русскаго правительства.
2) Условленное по шифру имя жены Бакунина.
3) Т. е. самъ Бакунинъ.
4) Т. е. Прямухина.
5) Т. е. А. И. Герцена.
6) Т. е. женѣ Бакунина.

какъ совсѣмъ вѣрнаго человѣка, черезъ котораго можете вести вашу торговую корреспонденцію[1]. — Познакомьтесь съ нимъ поближе.

«Дѣла идутъ ни то, ни се; сало упало — пшеница поднялась немного[2].—Здѣсь не знаютъ, что думать о вашихъ пожарахъ. — Неужели студенты въ самомъ дѣлѣ участвовали въ нихъ? Что-то не вѣрится. Напишите о себѣ, какъ живете, гдѣ когда будете? Когда возвратитесь въ Питеръ?—Если посылаемые 80 фунтовъ не нужны, если можно обойтиться безъ нихъ, пусть Олимпія Сергѣевна пришлетъ ихъ обратно. Впрочемъ, я самъ пишу ей объ этомъ, а вы поговорите.

«Прощайте, преданный вамъ

Леонтій Брыкаловъ».

3. Ему же.

6 іюля / 24 іюня Лондонъ. 1862.

10. Paddington Green. W.

«Любезный другъ — спасибо Вамъ за участіе, принимаемое Вами въ моемъ дѣлѣ.—Но зачѣмъ же Вы не пишете? Если не знаете какъ, то отдавайте свои письма Натальѣ Семеновнѣ, съ которой Вы, безъ сомнѣнія, познакомились и которая передастъ Вамъ это письмо.—Пишите же и подробнѣе, и скорѣе. — Будете ли Вы къ намъ или нѣтъ? Какъ Ваши дѣла — общія и частныя? Успокоились ли Вы немного—что M-lle Albrecht? Неужели все предается мечтамъ педагогическимъ? Не совращайтесь сами съ тернистаго, но едино истиннаго пути — любите и не забывайте преданнаго Вамъ

Н. Курдюмова».

4. Лялину.

«Ваше письмо съ фотографіею отправлено къ маркизу де-Траверсе. Въ Петербургѣ, въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича. По этому адресу пишите мнѣ всегда и Ваши письма будутъ доходить до меня скоро, вѣрно и безопасно. Я жду ихъ. Вашъ неизмѣнный

М. Бакунинъ».

Наконецъ, при Ветошниковѣ было пять писемъ Василія Ивановича Кельсіева.

---

[1]) Деньги, какъ мы уже видѣли, не посылались.

[2]) Вставлено просто для приданія письму коммерческой дѣловитости.

1. Николаю Өедоровичу Петровскому.

Воскресенье $\frac{1 \text{ іюня.}}{21 \text{ мая.}}$

«Дорогой мой Николай Өедоровичъ.

«Вамъ доставитъ письмо это г. Б., желающій завести связи,— откройте ему, какъ и всѣмъ, кого я буду вамъ посылать, не больше, чѣмъ нужно. Всего лучше, если бы вы устроили такъ, что не онъ самъ будетъ искать, а его отыщутъ на мѣстѣ. Сдѣлайте все, что можно, чтобъ какъ-нибудь завести правильныя и постоянныя сношенія, *почту* съ Казанью, а отъ Б. требуйте, чтобы онъ довелъ и свою до Казани. Начато ли у васъ устройство сношеній съ Петербургомъ? Знаю, какъ это трудно, но увѣренъ, что это возможно. Главное дѣло, не падайте духомъ и ни на кого, кромѣ себя, не разсчитывайте. Работайте одни, не выпуская дѣло изъ своихъ рукъ до послѣдней возможности, а чуть вы на кого другого положились, или кому поручили за себя сдѣлать — все пойдетъ навыворотъ. Не смущайтесь также, что люди, которыхъ вы ведете и для которыхъ вы сами идете, будутъ постоянно обливать васъ холодной водой, постоянно учить, ругать, ворчать — идите твердо и неуклонно къ цѣли.

«Вы, вѣроятно, получили мое кенигсбергское письмо, гдѣ я сообщаю вамъ, что дорога открыта — вамъ, я думаю, предложатъ заняться распространеніемъ книгъ въ Москвѣ... Ради всего на свѣтѣ, не берите этого на себя, найдите имъ кого-нибудь другого. Ваше дѣло такъ важно и вы такъ необходимы и незамѣнимы, что *должны* не впутываться въ постороннія дѣла. Я съ величайшей неохотой пишу на ваше имя, и то только потому, что не знаю, на кого посылать путешественниковъ. Какъ можно скорѣе дайте мнѣ знать, кто изъ моихъ новыхъ московскихъ друзей возьмется за это. Лучше бы всего А. А., или М. А., или который-нибудь А. Г. Посылать нужно будетъ часто и часто. Я не оставилъ мысли соединить кружки и къ зимѣ они будутъ соединены. Вы ни во что не вступайтесь и ничего сами не дѣлайте.— Ваше дѣло относительно кружковъ все знать и за всѣмъ слѣдить, слышать, какъ трава растетъ. Необходимо нуженъ такой всевѣдующій господинъ — у него можно будетъ всякимъ вожакамъ справляться о ходѣ дѣлъ по всей Россіи, и такимъ образомъ никто не предприметъ ничего лишняго. Но отройте мнѣ изъ-подъ земли человѣка, съ которымъ бы я былъ въ прямыхъ сношеніяхъ по дѣлу кружковъ. Пусть и такой, котораго я не знаю, — все равно, только былъ бы кто-нибудь.

«Сыщите мнѣ также юношей, знающихъ хорошо по-гречески, по-латыни и прочіе языки. Какой-то единовѣрецъ изъ Нижняго пишетъ мнѣ письмо, въ которомъ упрекаетъ, зачѣмъ не переводятся для старообрядцевъ полезныя имъ книги, между прочимъ Евсевій, Макарій Антіохійскій, Августинъ, Аөанасій Великій, Іеронимъ. Найдите переводчиковъ, усадите ихъ за работу и скажите, что я

имъ найду издателей, которые пойдутъ съ ними изъ-пола, а что не пропуститъ цензура, то напечатаю за-границей. Спросите также, нужно ли перевести Неандера, Герике, Кнобеля, разныхъ богослововъ лютеранскихъ, англійскихъ и прочее. Если нужно, сейчасъ же извѣщайте—все будетъ сдѣлано; пускай каждый старообрядецъ знаетъ, что все, что для нихъ нужно, будетъ переведено.

«Пускай также каждый старообрядецъ и каждый попъ господствующей церкви узнаетъ, что при «Колоколѣ» будетъ выходить приложеніе, подъ моею редакціею, чисто духовнаго содержанія [1]). Тамъ будутъ жалобы низшаго духовенства на архіереевъ, на духовную цензуру, жалобы старообрядцевъ на гоненія и проч. Статей у меня есть уже теперь листа на три и статьи хорошія. Устройте, чтобъ эта газета стала извѣстной и чтобы статьи присылались въ изобиліи.

«Если нужно доставить какихъ изъ здѣшнихъ изданій въ большомъ количествѣ, пишите мнѣ по почтѣ и дайте знать въ С.П.Б.—я вышлю, но только стройте южную дорогу. Въ Яссы я послалъ два письма.

«Времени у меня не хватаетъ, я работаю, какъ ломовая лошадь. Не успѣлъ еще составить записку о нашемъ печатаніи—но скоро за нее сяду.

«Ни денегъ нѣтъ, ни К. Т. [2]) не ѣдетъ. А поморскихъ отвѣтовъ уже 300 экз. заказано; нечего дѣлать—отдаю ихъ Трюбнеру [3])—пускай хоть какъ-нибудь напечатаются. Книги изъ Москвы еще не получены: чего у васъ тамъ мямлютъ, толкните ихъ ради спасенія душъ ихъ.

«Т. Ѳ. Б. [4]), я думаю, можетъ быть весьма полезенъ въ распродажѣ «Сборника» [5]).

«Я не надѣюсь, что мое предполагаемое путешествіе въ августѣ состоится—я буду совершенно заваленъ печатаніемъ книги «С.», но вамъ необходимо нужно готовиться къ поѣздкѣ на ярмонку.

«Рекомендательныя письма по вашимъ дѣламъ, когда представится надобность устроить заведѣевку, свести людей въ Казани или гдѣ бы то ни было, пишите синими чернилами на зеленой бумагѣ. Но это должно быть извѣстно только одной которой-нибудь сторонѣ.

«Я посылаю вамъ условные знаки для писемъ и подписей. Если мнѣ нужно будетъ что-нибудь сказать вамъ чрезъ мою газету—вы поймете. Нумера раздайте по принадлежности.

---

[1]) «Общее Вѣче».

[2]) К. Т. Солдатенковъ.

[3]) Лондонскій издатель и книгопродавецъ, постоянный комиссіонеръ Герцена.

[4]) Т. Ѳ. Большаковъ.

[5]) «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, составленный В. Кельсіевымъ» выпускъ I—Лондонъ, 1860 г., II—1861 г., III и IV—1862 г.

2 іюня / 21 мая вторникъ.

«Вчера я получилъ ваше письмо и портреты. Вашъ портретъ у меня на столѣ и мнѣ веселѣй разговаривать съ вами. Какъ ни скудны ваши новости, но все видно, что дѣло подвигается впередъ и что вы заводите новыя знакомства.

«Вотъ моя мысль насчетъ духоборцевъ: чтобъ сблизиться съ ними, возьмите «Histoire critique du gnosticisme» par M. J. Matter. Эта книга, если вы ее изучите, дастъ вамъ средства вести съ ними бесѣду. Вѣроятно, они даже предложатъ вамъ перевести ее, что очень стоитъ сдѣлать. Она въ продажѣ пойдетъ превосходно, ее и старообрядцы расхвалятъ, потому что въ ней собрано гибель свѣдѣній о еретикахъ, имена которыхъ то и дѣло попадаются въ соборныхъ дѣяніяхъ и въ «Кормчей». Насчетъ же безденежья одно вамъ утѣшенье—перетерпите и приготовьте что-нибудь для перепечатанія здѣсь. Надѣюсь, что я скоро пооперюсь въ средствахъ, вырвусь изъ рукъ Трюбнера и тогда давайте печатать пополамъ.

«Пишете вы о присылкѣ книгъ,—вотъ вы что сдѣлайте: Т. Ѳ. Б. или кто другой пусть дастъ деньги—вы знаете, что книги собственность Трюбнера—разочтите, сколько нужно, треть цѣны скиньте и книги будутъ доставлены за 35% съ рубля и за 35 к. съ Zollpfund'а, но Бога ради сами не вступайтесь и не введите тоже въ бѣду Петербурга.

«Кстати, вѣдь вы получили оттуда мое письмо? Къ Ивану Ивановичу [1]) приставайте съ ножомъ къ горлу, чтобъ устроилъ другой путь.

«Съ Ш—вымъ познакомьтесь, около него вертится какой-то скопецъ.

«Насчетъ—ѣнова разузнавайте и сближайтесь, но не пугайте, и насчетъ моего знакомства съ нимъ никому ни слова. Но слѣдите, что онъ творитъ, это ужасно любопытно. Рукопись Якова должна быть любопытна и переписать ее во всякомъ случаѣ стоитъ, только отыщите *рукопись* Сергѣева, да кстати и живыхъ-то людей поотрывайте.

«Записки о нашемъ печатаніи разошлите, кому условлено.

5 іюня. / 23 мая.

«Б. не ѣдетъ въ Москву: онъ собирался выѣхать чуть не каждый день, и вдругъ объявилъ, что въ Москву не попадетъ—оттого-то и залежалось постыднымъ образомъ это письмо.

«Вотъ мои новости:

«По всей границѣ работаютъ разныя машины моего устройства и сверлятъ ее съ разныхъ концовъ: провозъ будетъ. Къ ...

[1]) Шибаеву.

августа я пришлю вамъ экз. 500 «Вѣча», которые сбудьте на ярмонкѣ, по какой знаете цѣнѣ.

«За провозъ вамъ придется заплатить 75% (т. е. около 7—8 копеекъ), въ типографію около 10 коп.

«Вотъ расчетъ нашего печатанія:

1. «Сборникъ о раскольникахъ» 15 печатныхъ листовъ in 8°, напечатано 2000 экз.

«Листъ обошелся £ 8—15 s. = □ d.

«15 листовъ стали £ 131—5 s.

«Съ мелкими расходами на переплетчика, на развозъ по городу, на почту, для корректуры выйдетъ, что 2000 экз. станутъ въ ф. ст. 150.

«Право печатанія Трюбнеръ купилъ за ф. ст. 75, т. е. по ф. ст. 5 за листъ.

«Томъ стоитъ ему самое большее ф. ст. 225.

«Онъ продаетъ его въ лавкѣ за 8 s., а въ большомъ количествѣ скидываетъ 33%, т. е. 5 s. 3 d., слѣдовательно.

2000 × 8s. = ф. ст. 800, т. е. ф. ст. 575 *чистаго барыша*,

2000 × 5 s. 3 d. = ф. ст. 525, т. е. ф. ст. 300 *чистаго барыша*.

«Въ первомъ случаѣ болѣе 200%, во второмъ болѣе 100%— его вѣрный средній барышъ не можетъ быть менѣе 150%.

«Если-бъ былъ въ Лондонѣ капиталъ хоть въ ф. ст. 1000 (6000 р. с.), назначенный собственно на издан[illegible] книгъ, то мы могли бы значительно расширить кругъ пропаганды и имѣть капиталъ для общаго дѣла.

«Мы и теперь можемъ доставлять наши изданія въ Россію, стало быть, можемъ печатать книги въ большомъ количествѣ и продавать ихъ вдвое дешевле, но для этого намъ нужно выйдти изъ зависимости Трюбнера, который послѣднее время печатаетъ неохотно и не заботится объ увеличеніи продажи, боясь втянуться въ хлопоты и расходы. Не печатаетъ же онъ отчасти и потому, что ждетъ скорыхъ перемѣнъ въ Россіи.

«Намъ необходимъ въ настоящее время церковный шрифтъ— и у насъ нѣтъ и не предвидится средствъ заказать его, а между тѣмъ первая книга, напечатанная по-церковному, дала бы намъ около 2000 барыша—т. е. навсегда обезпечила бы возможность широкой и независимой пропаганды.

«Мы просимъ даже и не пожертвованія на *общее дѣло* — пускай хоть въ долгъ дадутъ эти деньги пропагандѣ — она черезъ годъ будетъ въ силахъ ихъ возвратить съ хорошимъ процентомъ.

«Какъ М. А. справляется и справляется ли?

«Пишете ли вы исторію? Собираете ли географическія свѣдѣнія?

«Въ какихъ вы отношеніяхъ съ И. И.?

«Условныхъ знаковъ не посылаю покуда, но пришлю скоро. Умоляйте И. И. сдѣлать все, что можетъ, и главное — набирать ополченіе—мы думаемъ вести дѣло съ ними одними, какъ съ главными распорядителями всего ожидаемаго движенія — верхушка изъ

рукъ вонъ плоха. Не давайте Ив. Ив. духомъ падать, ободряйте его. Я самъ знаю, какъ подъ-часъ руки опускаются—надо только не забывать: «стучите и отверзется, просите и дастся». Эхъ, какъ хорошо бы было, если-бъ они здѣсь крѣпко и дружно взялись за дѣло. Какое впечатлѣніе произведетъ «Вѣче» на ихнее купечество и на крестьянъ?

«Ну, до свиданья покуда.

«Жму вашу руку, трудитесь».

В. К.

«Дешевѣйшаго средства пока не найдено. К. Т. былъ здѣсь, не сказалъ ни да ни нѣтъ - говоритъ, что подумаетъ и вышлетъ деньги въ августѣ и т. п. Я сѣлъ, какъ ракъ на мели. Противъ моихъ правилъ, положился на него какъ на каменную гору — и вотъ теперь свищу въ кулакъ. Но тѣмъ не менѣе, все-таки, работаю, сколько можно. Шрифтъ начнутъ лить на этой недѣлѣ.

«Если поспѣю, къ ярманкѣ пришлю еще «Слово Единовѣрца къ Православному»—вещь чрезвычайно хорошая.

«Письмо это вамъ вручитъ Владиміровъ, мой хорошій знакомый, котораго я прошу устроить почтовое сообщеніе съ Петербургомъ. Онъ вамъ объяснитъ свои средства; черезъ него мы и переписываться будемъ, сообщите это И. И.

«Какое впечатлѣніе производятъ у васъ статьи Каткова?»

2. Ивану Ивановичу.

$\frac{\text{5 іюля}}{\text{23 іюня}}$ 1862 года.

«Дорогой мой Иванъ Ивановичъ.

«Простите меня великодушно, что я до сихъ поръ не писалъ вамъ и не поблагодарилъ васъ за вашъ дружескій и братскій пріемъ, за пріемъ, какого я не ожидалъ и какого едва ли еще отъ кого дождуся. Разставшись съ вами, я имѣлъ тысячи разныхъ столкновеній и похожденій, пѣшкомъ перебрался границу, любезничалъ съ прусской полиціей и проч., что все разскажу при свиданіи. Путешествіе мое было не безплодно: мнѣ удалось завести множество разныхъ знакомствъ, которыхъ число и до сихъ поръ прибываетъ; мое главное теперешнее занятіе состоитъ въ перепискѣ—письма идутъ ко мнѣ со всѣхъ концовъ русской границы и, если вы не раздумали, то В. В. готовъ приняться за дѣло. Разрабатывайте пока его путь, а я устроилъ другіе, которые уже дѣйствуютъ, какъ вамъ объяснитъ Н. Θ.[1]). Онъ же укажетъ вамъ средство къ постоянному сношенію съ Петербургомъ и съ нами. Этимъ путемъ вы будете получать «Вѣче», новый журналъ, для котораго я попрошу у васъ статей; отъ васъ много будетъ зависѣть его поддержка. «Вѣче» журналъ чисто гражданскій, въ немъ мы не мо-

[1]) Петровскій.

жемъ помѣщать ничего богословскаго, но если желаете, т. е. если пришлете статей, я открою и «Голосъ древле православной церкви», уже чисто богословскій.

«Двѣ недѣли тому назадъ былъ здѣсь К. Т. Онъ отозвался мнѣ, что знать ничего не знаетъ, но что, впрочемъ, не прочь помочь 6000 руб. сер., только прежде посовѣтуется съ вами, т. е. не раньше августа. Я спросилъ у него не 3000, а 6000 руб. сер., потому что теперь придется печатать на болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ какъ съ меня требуютъ Поморскихъ отвѣтовъ и такъ какъ Славскій хочетъ что-то прислать. Ужасно жаль, что время оттягивается и оттягивается.

«Поликарпъ боленъ! Чѣмъ именно и все ли онъ тамъ же? Я получилъ письмо съ 25 руб. сер.. но по недогадливости обронилъ записочку и потому не понимаю письма на синенькой бумажкѣ: въ чемъ остановиться?

«Еще два слова. Вы знаете нашъ взглядъ на пожары и на бойни,—мы ихъ не желаемъ, да и не вѣримъ, чтобъ поджигали студенты. Россія всегда славилась пожарами; еще при Михаилѣ Өедоровичѣ запрещали лѣтомъ стряпать въ домахъ и топить бани, оттого что выгорали города. Но это къ дѣлу не идетъ: кто бы ни поджигалъ, конецъ выходитъ одинъ —народъ еще болѣе привязался къ Государю; эта привязанность будетъ усиливаться и усиливаться, пока не дойдетъ до перелома, котораго можно ждать слѣдующимъ лѣтомъ, а чего добраго и зимой. Народъ даромъ никого и никогда не любитъ,—если онъ любитъ, то чего-нибудь требуетъ, или ждетъ отъ своего любимца. Если Государь поступитъ умно и удовлетворитъ народному желанію, тогда любовь продолжится, а если въ тысячелѣтіе. въ 19-е февраля и т. д. народъ останется на бобахъ, то эта *любовь обратится въ злобу. Чѣмъ эта любовь сильнѣй, тѣмъ ожиданій въ народѣ больше и тѣмъ склоннѣе народъ мечтать о разныхъ льготахъ. Съ этимъ и слѣдуетъ сообразоваться, т. е. можно смѣлѣе и больше требовать.*

«Прилагаемую записку отдайте кому-нибудь изъ иргизскихъ— по ней можно будетъ найти тамъ хорошаго повѣреннаго по дѣламъ; если же не подвернется иргизскій, то отдайте уральцу. Кстати, что дѣлается на Уралѣ?

«Пригожается ли вамъ Н. Ө.? пожалуйста, увѣдомьте искренно. Мнѣ казалось, что онъ очень способенъ быть хорошимъ стряпчимъ. Также на чемъ стоитъ дѣло С. С. съ паспортомъ. Неужели ему до сихъ поръ не выхлопотали его — это было бы непростительно. Что дѣлаетъ сынъ Т. Ө. Б.? — онъ отличный молодой человѣкъ, грѣхъ вамъ, если вы его не приголубите.

«Теперь намъ нужно будетъ правильно переписываться, вы сами знаете, какимъ путемъ, потому я жду отъ васъ длиннаго и пространнаго письма — что вы, какъ вы, сколько пришлось Шешковскому[1]) (сообщите, пожалуйста, кое-что изъ его новѣйшихъ

---

[1]) Т. е. III Отдѣленію.

проказъ). Подписываться вамъ не нужно, или пожалуй подписывайтесь именемъ, какое я вамъ дамъ, будьте и вы всѣ моими крестниками—у васъ есть на это примѣръ одной высокой особы. Вы будьте Русовъ, С. С.—Черновъ, А. Я.—Кремлевъ, А. В.—Аѳиновъ, такъ будетъ и просто, и понятно, да и забыть мудрено.

«Что дѣлаеть милый о. Олимпій [1])? Мы его здѣсь частенько поминаемъ съ М. А. Б. [2]).

«Покуда до свиданья. Простите меня за безсвязность письма, я не совсѣмъ здоровъ.. Работайте только и работайте, не унывая, не складывая рукъ, не жалуясь на холодность людей. Собирайте себѣ приверженцевъ, гдѣ можете и сколько можете, особенно по уѣздамъ, по губерніямъ. Война только начинается, дѣла будетъ гибель. Вейте около себя гнѣздо изъ людей, хотя и не раздѣляющихъ ваши желанія, но любящихъ васъ и имѣющихъ къ вамъ довѣріе, прибирайте кого только можно. Хорошо бы, если-бъ вы составили хоть какое-нибудь ополченіе къ Рождеству—я имѣю весьма важное предложеніе вамъ и вашимъ друзьямъ и для того нарочно пріѣду, только покуда собираітесь съ силами — наши верхушники послѣднее время черезъ чуръ опростоволосились, а на васъ еще можно надѣяться.

«Жму вашу руку. *В. К.*

«Впрочемъ, не смущайтесь, если К. Т. и ничего не дастъ, дѣло, всетаки, пойдетъ — изъ-подъ земли отрою средства, а не сложу руки».

3. Николаю Михайловичу Владимірову.

Воскресенье. 6 іюля / 24 іюня 1862 г.

«Къ вамъ прибѣгаемъ мы, ваши, хотя и забытые, пріятели и богомольцы. У насъ былъ здѣсь П. А [3]), который объяснилъ намъ, что вы и гдѣ вы теперь. Въ память старой дружбы, мы рѣшаемся взвалить на васъ нѣкоторую довольно хлопотливую и довольно опасную должность. Подумайте, можете вы это устроить или нѣтъ.

«П. А. взялся пересылать намъ письма между Петербургомъ и Москвой когда угодно, а посылки, т. е. наши изданія, два раза въ мѣсяцъ. По вашей конторѣ у васъ, какъ и у него, лежитъ въ рукахъ страшно необходимое въ настоящее время средство, т. е. пути сообщенія; безъ этого средства вся наша пропаганда вянетъ попусту за границей. Мнѣ удалось послѣднее время пробить «Колоколу» широкіе пути до Петербурга. Помогите дѣлу: изъ Москвы онъ брызнетъ во всѣ внутреннія губерніи, и пропаганда пойдетъ бойко. Теперь я началъ съ Герц. и съ Ог. издавать новый жур-

[1]) Бѣлозерскій.
[2]) Бакунинымъ.
[3]) Ветошниковъ.

налъ «Вѣче»; нужно необходимо пропустить его на Макарьевскую. Если вы возьметесь быть въ Москвѣ пріемщикомъ, т. е. хоть сутки продержать у себя пакетъ, вы сдѣлаете великую услугу дѣлу. Я понимаю, на что я васъ вызываю—но что же иначе дѣлать? Впрочемъ, я думаю, что съ книгами и съ журналами вамъ будетъ мало дѣла. Мой хорошій пріятель, которому передайте *немедленно въ собственныя руки* прилагаемый пакетъ, по всей вѣроятности, поможетъ вамъ справиться съ этимъ, но есть еще и другое дѣло. Нельзя ли вести мнѣ съ нимъ и съ прочими моими московскими пріятелями переписку чрезъ вашу контору? Герценъ и Огаревъ будутъ вамъ за это весьма обязаны: Огареву тоже нужно что-то послать въ Нижній и онъ проситъ меня устроить ему пути. Я послѣ вашего отъѣзда сдѣлался здѣсь контрабандистомъ и почтмейстеромъ, потому всѣ дѣла подобнаго рода падаютъ на меня.

«У насъ все обстоитъ по-старому, только пріѣзжихъ больше обыкновеннаго. 1-го іюля былъ обѣдъ Герцену въ память пятилѣтія «Колокола», — отвѣты его Каткову и «Молодой Россіи», вѣроятно, скоро дойдутъ до васъ. Огаревъ все тотъ же, все работаетъ молчкомъ, пишетъ о мірской землѣ. Бакунинъ подбираетъ разныхъ чеховъ и сербовъ. Я пишу письма съ утра до вечера, завожу церковный шрифтъ, печатаю IV и V томъ «Сборника», устраиваю провозы и т. д., и т. д.; дѣла у меня гибель. Жена кланяется вамъ и спрашиваетъ, какъ же вы рѣшили свое недоразумѣніе и совершенно ли успокоились? Малушка моя здорова и начинаетъ болтать. Тхоржевскій все страдаетъ желудкомъ, боится пожара и вздыхаетъ, что не женился. Погода обыкновенная. Пріѣзжихъ гибель — на улицахъ даже замѣтно, что народу въ Лондонѣ больше, омнибусовъ гибель прибавилось. Я, какъ оно и слѣдуетъ постоянному жителю, до сихъ поръ даже и не подходилъ къ выставкѣ, но зато сильно ее чувствую — меня гонятъ съ квартиры, потому что хозяйка превращаетъ нашъ домъ въ boarding house и, вмѣсто 15 s. за три комнаты, собирается брать ф. ст. 3 (и навѣрное возьметъ).

«До свиданія, жду вашего отвѣта. Что пожары у васъ подѣлываютъ? Что народъ говоритъ?

В. К.

«Письма посылайте на имя Mr. Ralston, British Museum, или еще лучше на Mademoiselle Janni, на Суздальцева».

4. Н. А. Серно-Соловьевичу.

Понедѣльникъ 7-го іюля 1862 года.

«Податель этого письма самъ изъяснитъ вамъ, что онъ можетъ устроить и зачѣмъ мы знакомили его съ вами — пользуйтесь случаемъ. Главное пропустите «Колоколъ», «Общее Вѣче» и мой «Сборникъ» на Нижегородскую ярманку: это будетъ весьма по-

лезно и опускать ярманку не слѣдуетъ. «Сборникъ» мой требуется страшно въ Москвѣ, какъ мнѣ пишутъ, и хорошо было бы подхватить это требованіе. Огаревъ проситъ васъ похлопотать тоже объ ярманкѣ, а къ тысячелѣтію тоже переправить кой-какую посылку въ Тверь, но всѣ мы здѣшніе мірскимъ приговоромъ просимъ и молимъ васъ найти еще кого-нибудь, какого-нибудь кулака для занятія этимъ дѣломъ. Опасность, съ которою оно сопряжено, такъ велика, что вы не имѣете права рисковать собой—вы нужны на многое и многое болѣе полезное, особенно теперь, когда всѣ теряютъ головы.

«Поступайте, какъ знаете, но не сердитесь на насъ за этотъ чисто дружескій и практическій совѣтъ: намъ страшно за васъ, и гибель ваша будетъ имѣть дурныя послѣдствія для общаго дѣла. Извѣщайте какъ можно скорѣй о вашемъ рѣшеніи — съ вами мы не можемъ дѣйствовать смѣло и заваливать посылками, а теперь это и нужно и возможно, такъ какъ еще пути открылись. Дайте намъ имя, на которое можно бы было послать 1000 листовъ новаго журнала для раскольниковъ «Общее Вѣче», которое мы издаемъ втроемъ съ Герц. и Ог. и который долженъ поспѣть къ Макарью. Развяжите намъ руки. Кстати, получили вы 1200 «Колокола»? Получили ли вы по почтѣ мое письмо, французское, и поняли ли вы его?

«Герц. написалъ превосходную статью о «Молодой Россіи» — у васъ, я увѣренъ, она будетъ принята съ восторгомъ, и вопросъ о поджигателяхъ ею разрѣшится. Они оба, т. е. Г. и О., работаютъ здѣсь неутомимо и, если все пойдетъ, какъ теперь идетъ, они къ осени станутъ окончательно въ главу движенія — объ этомъ у меня съ самаго возвращенія моего идетъ съ ними бесѣда. Я лично тоже тружусь порядкомъ — граница буравится со всѣхъ концовъ, переписка съ раскольниками скоро приметъ исполинскіе размѣры, переписка дружеская, интимная, до объясненій въ любви и до клятвы въ дружбѣ, на манеръ Дамона и Пиѳіаса. Присылайте только статей о закрытіи моленныхъ, отбираніи книгъ и т. п., для «Вѣча»; поддержите — и мы скуемъ себѣ партію не изъ однѣхъ верхушекъ; едва ли и теперь уже не вьется гнѣздо для центра, и едва ли мнѣ скоро не придется опять видѣться съ вами. Завожу также церковный шрифтъ, — трудно, потому что копѣйки нѣтъ, но къ осени типографія начнетъ работать. Объ одномъ молю—давайте гласность «Вѣчу» и типографіи, главное, чтобы дѣло шло быстро. Затѣмъ отыщите мнѣ хорошихъ людей въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ и во Псковѣ, т. е. не хорошихъ, а способныхъ, или, если не способныхъ, то удоборуководимыхъ, какъ податель сего письма [1]); для сближенія съ раскольниками это нужно. Сами вотъ вы чѣмъ бы занялись—устройствомъ почтъ между СПб. и ближайшими губернскими городами, такъ чтобъ книгамъ, журналамъ, прокламаціямъ, когда центръ окончательно устроится, былъ вполнѣ свободный и удобный

---

[1]) Ветошниковъ.

путь внутри Россіи. Сдѣлайте до осени, хоть до Рождества, что можно въ этомъ отношеніи, а къ Рождеству я надѣюсь заварить кашу и пріѣду къ вамъ. Съ СПб. я на вашемъ мѣстѣ мало имѣлъ бы дѣлъ, не стоитъ того, а на провинціаловъ поналегъ бы. Такъ я и здѣсь дѣлаю: чуть какой подвернется и станетъ сочувствовать, — я его и въ руки. Такимъ манеромъ у меня и строются разныя трубы и каналы для провоза какихъ вамъ угодно идей и распоряженій. Какъ центръ склеится, Г. и Ог. объявятъ въ «Колоколѣ», что они пристали къ нему, вы подтолкнете къ нему всякіе кружки, и мои мыслепроводы, сочувствователи, пойдутъ въ дѣло. А покуда давайте расчищать почву и собирать матеріалы.—Согласны ли вы съ моимъ планомъ? и можно ли расчитывать на ваше содѣйствіе?

«Теперь намъ открылся широкій и ловкій путь для переписки. Письма отдавайте В. [1]), онъ будетъ ихъ пересылать мнѣ черезъ Суздальцева, на имя Mademoiselle Janni — сами вы не подписывайтесь—я и такъ пойму, или лучше выдумайте себѣ имя. Письма къ вамъ черезъ В. я буду адресовать на женское имя. Этимъ же путемъ, какъ увидите, можно также высылать намъ посылки: на пробу пошлите мои книги, оставшіяся у васъ, да Костромскую губернію, да еще «Былины» Рыбникова, — Огаревъ ихъ проситъ.

«Культивируйте знакомство съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ чтобы знать все, что тамъ творится о расколѣ, и немедленно давайте знать въ Москву и въ «Вѣче». Узнайте, за что, какъ, когда была закрыта моленная Пикіева въ Моховой и что тамъ творится: заведите тамъ знакомство. Что дѣлаетъ гостинодворскій прикащикъ? Повели ли вы мину? Что дѣлаетъ Кожанчиковъ? Эхъ, кабы вы разрѣшили мнѣ войти съ нимъ въ сношенія по провозу! Я чувствую, что ecce homo, какого нужно. В. можетъ васъ свести со скопцами, не упускайте этого изъ виду.

«Думаете ли вы, что можно въ С.-Петербургѣ устроить подписку на наше печатаніе, — я бы прислалъ вамъ подписной листъ съ изложеніемъ дѣла. Теперь печатаніемъ раскольничьихъ сочиненій можно составить великолѣпный капиталъ для дѣла. Барышъ, по моему расчету, дастъ около 500 процентовъ по меньшей мѣрѣ. Провозъ въ моихъ рукахъ, ergo сбытъ будетъ проворный, заказовъ у меня гибель, епископъ Аркадій Задунайскій что-то хочетъ послать, Павелъ берется быть комиссіонеромъ и тоже даетъ намъ работу; да сверхъ того черезъ мѣсяцъ у меня по границѣ устроются книжныя лавки.

«До свиданія. Я вамъ настрочилъ съ полкороба. Имѣйте терпѣніе прочесть и не забывайте своего гостя, какъ онъ не забываетъ гостепріимныхъ хозяевъ.

«P. S. Кирѣевскаго пѣсни пришлите, если можно, да еще хорошо бы было конфисковать у васъ по экземпляру всѣхъ вашихъ изданій. Еще вотъ что, чтобъ не забыть. Будете вы издавать творенія Св. Отецъ въ русскомъ переводѣ, сочиненія о церковныхъ

---

[1]) Ветошниковъ.

древностяхъ и т. п.; что требуется раскольникамъ? Одинъ единовѣрецъ требуетъ отъ насъ переводовъ этого добра — дайте отвѣтъ.

«Здоровъ ли Александръ Александровичъ [1]) ? — Я адресую письмо одному изъ васъ, а которому оно попадетъ въ руки, разницы не будетъ».

5. О. М. Бѣлозерскому.

«Дорогой Олимпій Михайловичъ.

«Я надѣюсь, что податель этого письма можетъ быть вамъ весьма полезенъ по вашимъ занятіямъ. Онъ хорошо знаетъ вашъ край и потому можетъ подать вамъ много добрыхъ совѣтовъ.

Преданный вамъ

Василій Ивановъ *Хратовъ*».

АРЕСТЪ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА. ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ВЗГЛЯДЪ НА КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Читатели, вѣроятно, поражены откровенностью всѣхъ этихъ писемъ и употребленной въ нихъ младенческой конспираціей. Но тогда конспирація только что создавалась, и не мудрено, что въ стадіи образованія была причиной многихъ бѣдъ и несчастій.

Итакъ, III Отдѣленіе имѣло въ своемъ распоряженіи рядъ опредѣленно названныхъ именъ: Н. Ѳ. Петровскій, О. М. Бѣлозерскій, И. С. Тургеневъ, Н. М. Владиміровъ, Суздальцевы, Н. А. Серно-Соловьевичъ, Н. С. Бакунина и мужъ ея Павелъ Бакунинъ, М. Л. Налбандянъ, Лялинъ и маркизъ де-Траверсе. Кромѣ того, въ его рукахъ былъ цѣлый рядъ инициаловъ: Т. Ѳ. Б., А. А., М. А., А. Г., К. Т., Ш-овъ, Ѣновъ, С. С., А. Я., А., и ребусовъ: Иванъ Ивановичъ, Аркадій Задунайскій и Павелъ.

Очевидно, оно пошло самымъ вѣрнымъ и простѣйшимъ путемъ: начало съ первыхъ.

Прежде всѣхъ былъ призванъ Хафафовъ, которому было законвертовано письмо Бакунина для передачи Налбандяну.

7 іюля Хафафовъ показалъ, что совершенно не знаетъ почерка письма и никакихъ сношеній съ заграницей не имѣетъ, а Налбандянъ — вольнослушатель факультета восточныхъ языковъ. По непонятной снисходительности, Хафафова не арестовали и отпустили съ миромъ, взявъ подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга и обѣщаніе не входить ни въ какія сношенія съ Налбандяномъ.

Въ тотъ же день, 7 іюля, въ 2 часа дня, на квартиру Нико-

[1]) Братъ Серно-Соловьевича.

лая Серно-Солов...вича явились ...дармские генералъ-маіоръ Левенталь и капитанъ Иваницкій, квар...тальный надзиратель Матвѣевъ и свидѣтели: коллежскій регистра... ...ъ Новицкій и художникъ Швецовъ. На генеральскій звонокъ дверь отперъ слуга Серно-Соловьевича, Иванъ Федоровъ. Онъ сказалъ, что баринъ ушелъ въ 11 часовъ и, вѣроятно, въ своей библіотекѣ (Черкесова), а братъ его, Константинъ, вышелъ изъ дому еще раньше. Рѣшено было оставаться на квартирѣ впредь до возвращенія хозяина. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ пришедшіе узнали у слуги, что на слѣдующій день Серно-Соловьевичъ собирался ѣхать въ Харьковъ и приказалъ уложить чемоданъ... Очевидно, надо было сторожить добычу... Впрочемъ, генералъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ библіотеку былъ отправленъ спеціальный отрядъ, и часамъ къ 4 дня тамъ уже были жандармскій подполковникъ Жилинскій и квартальный. Однако, Серно-Соловьевича не нашли. Тогда опечатали библіотеку въ присутствіи С. Н. Пыпина, библіотекаря студента Казанскаго университета Павла Аристова, приказчика Крылова и свидѣтелей: А. Курочкина и Е. Тарасова.

Въ 5 часовъ дня Николай Серно-Соловьевичъ вернулся домой и былъ пораженъ встрѣчей. Немедленно приступили къ самому тщательному обыску всей квартиры. Въ письменномъ столѣ найдены всякія дѣловыя бумаги и черновыя статьи. Всевозможные документы были переданы на храненіе брату Константину, все остальное опечатано, кромѣ части бумагъ, взятыхъ для представленія въ III Отдѣленіе. Самъ Серно-Соловьевичъ и Ветошниковъ (изъ камеры при III Отдѣленіи) были отправлены въ этотъ же день въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, куда одновременно привезли и Чернышевскаго. Тогда же III Отдѣленіе сдѣлало распоряженіе объ арестованіи въ Самарской губерніи Бѣлозерскаго и, по повелѣнію государя, командировало въ Москву свитскаго генералъ-маіора Дренякина, уже послужившаго отечеству дикимъ и звѣрскимъ усмиреніемъ крестьянскихъ бунтовъ и потому стоявшаго на видной линіи вѣрныхъ слугъ отечества. Отважный генералъ долженъ былъ арестовать въ Москвѣ Петровскаго и Владимірова, а также всѣхъ, кого призналъ бы нужнымъ по содержанію взятыхъ у нихъ бумагъ, и, кромѣ того, перехватить поѣхавшаго черезъ Москву въ Нахичевань Налбандяна.

9 іюля III Отдѣленіе передало все дѣло въ особую слѣдственную комиссію при пространной бумагѣ, въ которой разсказало все уже извѣстное читателю.

Эта комиссія была образована по высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ человѣка, которому государь довѣрялъ гораздо болѣе, чѣмъ многимъ другимъ, — а общество выражало всегда только презрѣніе за его высокія сыскныя и инквизиторскія способности.

Лицомъ этимъ былъ князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, управляющій комиссіей по принятію прошеній на высочайшее имя. По его представленію, комиссія была составлена изъ оберъ-полицей-

Н. А. Серно-Соловьевичъ.

мейстера Анненкова, генералъ-маіора Огарева, управляющаго III Отдѣленіемъ — генерала Потапова, генералъ-маіора Слѣпцова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Турунова, д. ст. сов. Каменскаго, д. ст. сов. Жданова, оберъ-прокурора 4 департамента сената д. ст. сов. Гедда и дѣлопроизводителя д. ст. сов. Волянскаго. Комиссіи было повелѣно разслѣдовать причины смуты, обнаружить всѣхъ такъ или иначе ее посѣвающихъ, вырвать революцію съ корнемъ изъ русской жизни. Надо ли говорить, что ни одну изъ этихъ задачъ комиссія не выполнила... Единственно, чѣмъ она занималась, это, такъ сказать, черновымъ сыскомъ, въ которомъ успѣшно иногда соперничала съ профессіоналомъ—III Отдѣленіемъ.

Комиссія съ удовольствіемъ приняла въ свои объятья пухлый пакетъ III Отдѣленія, потому что видѣла въ немъ вѣрное средство просуществовать еще не одинъ мѣсяцъ съ усиленными суточными и прочими служебными преимуществами. 9 іюля она собралась въ первый разъ по поводу новаго дѣла и поручила разборъ бумагъ Серно-Соловьевича своему члену, Каменскому, книги же библіотеки и бумаги довѣрила другому члену — Турунову, а въ помощь ему рѣшила просить министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, дать нѣсколькихъ чиновниковъ.

Затѣмъ ей предстояло пойти дальше по пути, начатому III Отдѣленіемъ. Съ этою цѣлью она просила своего члена, Потапова, произвести обыски у Бакуниной и маркиза. Изъ справки по адресу имя маркиза было ясно—де-Траверсе.

Валуевымъ были назначены тѣ же чиновники, которые осматривали и бумаги Чернышевскаго: Фридбергъ, Морозовъ и Третьяковъ. Вмѣстѣ съ Туруновымъ, представителемъ III Отдѣленія и С. Н. Пыпинымъ, Аристовымъ и Крыловымъ въ качествѣ довѣренныхъ Серно-Соловьевича, и ужъ, конечно, съ квартальнымъ, его помощникомъ и свидѣтелями, вся эта свора прибыла въ библіотеку. Долго искали они, сами не зная чего, но ничего, кромѣ нѣсколькихъ брошюръ безъ помѣтки о цензурномъ разрѣшеніи, не нашли. Найденныя рукописи и письма были отданы оберъ-полицеймейстеру, а двери снова опечатаны. На слѣдующій день, 14 іюля, эта же компанія была на квартирѣ Серно-Соловьевича и тоже, кромѣ трехъ рукописей, четырехъ русскихъ книгъ заграничнаго изданія и трехъ французскихъ, ничего не нашла. 16 іюля магазинъ и библіотека были распечатаны и сданы С. Н. Пыпину.

II.

Остановлю вниманіе читателя на Серно-Соловьевичѣ.

Проницательный Герценъ, отличавшійся даромъ угадывать людей, назвалъ Николая Александровича «благороднѣйшимъ, чистѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ», «послѣднимъ маркизомъ Позой».

Эта характеристика совершенно вѣрна. Г. Тучкова-Огарева, на все смотрѣвшая глазами Герцена, пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: Серно-Соловьевичъ «былъ необыкновенно прямого харак-

тера; въ немъ были рѣдкое благородство, настойчивость, самоотверженіе, что-то рыцарское. На открытомъ благородномъ лицѣ его читалось роковое предназначеніе: можно ли было уцѣлѣть такому прямому существу, упрямо, беззавѣтно преданному своимъ убѣжденіямъ, въ то трудное время, которое наступило послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ попытки польскаго возстанія?» [1]).

Л. Ф. Пантелѣевъ тоже указываетъ, что, «несмотря на горячность его темперамента, Серно-Соловьевича любили и высоко уважали за благородство характера и прогрессивный образъ мыслей» [2]).

Шелгуновъ разсказываетъ интересный эпизодъ, свидѣтельствующій о высокомъ образованіи Серно-Соловьевича. Какъ-то последнему нужно было быть по дѣлу у петербургскаго генералъ-губернатора, кн. Суворова. Обходя просителей, онъ подходитъ къ Серно-Соловьевичу.

— Кто вы?—спрашиваетъ Суворовъ.

— Купецъ первой гильдіи Серно-Соловьевичъ.

«Суворовъ любилъ заговаривать на иностранныхъ языкахъ. Увидѣвъ пристойнаго и благовиднаго купца, Суворовъ заговорилъ съ нимъ по-французски. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ. Суворовъ заговорилъ по-нѣмецки. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ.

— Кто же вы такой?—повторилъ свой вопросъ немного изумленный Суворовъ.

— Купецъ первой гильдіи Серно-Соловьевичъ.

«Суворовъ началъ по-англійски; Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ: Суворовъ дѣлаетъ ему вопросъ по-итальянски и получаетъ отвѣтъ итальянскій.

— Фу ты!—говоритъ озадаченный Суворовъ.—Да кто же вы такой?

— Купецъ первой гильдіи Серно-Соловьевичъ.

— Гдѣ вы учились?

— Въ лицеѣ.

— Служили вы гдѣ-нибудь?

— Служилъ.

— Гдѣ?

— Въ государственномъ совѣтѣ.

«Суворовъ совсѣмъ вышелъ изъ себя отъ изумленія: ничего подобнаго онъ не могъ себѣ представить» [3]).

Насколько этотъ человѣкъ вѣрилъ возможности мирнаго обновленія Россіи путемъ доброй воли государя, мы будемъ видѣть еще не разъ, и для насъ не безынтересенъ разсказъ одного изъ его современниковъ, относящійся къ сентябрю 1858 года. Дѣлопроиз-

---

[1]) Стр. 159. Дальше, по обыкновенію, идетъ путаница.

[2]) «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 329.

[3]) Изъ экземпляра уничтоженныхъ комитетомъ министровъ «Сочиненій» Шелгунова, напечатанныхъ Павленковымъ въ 1891 г.

водитель главнаго комитета по крестьянскому дѣлу Бутковъ, зная его желаніе работать, взялъ Серно-Соловьевича къ себѣ въ видѣ секретаря. Николай Александровичъ сразу увидѣлъ, какъ гр. Орловъ, Адлербергъ, Панинъ и Муравьевъ (потомъ «Вѣшатель») противились уничтоженію крѣпостного права, и пришелъ сначала - было въ отчаяніе отъ постановленія комитета въ первое засѣданіе: освобожденіе должно быть сдѣлано постепенно, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ. Но потомъ пришелъ къ убѣжденію, что достаточно кому-нибудь разъяснить государю, что освобожденію не сочувствуютъ заинтересованные въ кабалѣ крестьянъ крупные сановники—и онъ сдѣлаетъ все ко благу Россіи... Прошло немного времени, и роль такого обличителя Серно - Соловьевичъ рѣшилъ взять на себя. Онъ составилъ пространную и довольно рѣзкую записку и повезъ ее въ Царское Село.

«*Занявъ случайно мѣсто въ одномъ вагонѣ съ шефомъ жандармовъ, княземъ Долгоруковымъ,* онъ обратился къ нему съ вопросомъ: *какимъ образомъ и гдѣ онъ можетъ* представиться государю, чтобы *лично* ему передать записку, имъ составленную, о крестьянскомъ вопросѣ. Князь Долгорукій, удивленный этимъ вопросомъ, сказалъ, что государь его не приметъ, а записку онъ можетъ представить не иначе, какъ черезъ него, шефа жандармовъ. Серно-Соловьевичъ записки ему не далъ, а по пріѣздѣ въ Царское Село успѣлъ пробраться рано утромъ въ паркъ, въ которомъ государь гулялъ обыкновенно въ 8 часовъ утра. Хотя постороннихъ въ паркъ не пускали, но Серно-Соловьевичъ нашелъ какое-то средство обойти запрещеніе, и въ то время, когда государь шелъ по одной изъ аллей, онъ смѣло пошелъ къ нему навстрѣчу, держа въ рукахъ записку. Увидавъ его, государь остановился и, нахмуривъ брови, спросилъ: кто онъ и что ему нужно? Серно-Соловьевичъ назвалъ свою фамилію и, подавъ записку, умолялъ государя прочесть ее лично самому, а не передавать ее другому лицу; къ этому онъ прибавилъ, что въ этой запискѣ изложены мысли по крестьянскому вопросу. Государь взялъ записку, положилъ въ карманъ и сказалъ: хорошо, ступай. Серно-Соловьевичъ не безъ страха ожидалъ результата своего смѣлаго поступка. На другой день пріѣхалъ къ его матери братъ ея, занимавшій довольно высокій постъ и бывшій съ Бутковымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и объявилъ ей, что сынъ ея Николай сошелъ съ ума, что, по словамъ Буткова, онъ будетъ, вѣроятно, посаженъ въ сумасшедшій домъ за дерзость, съ которой онъ ворвался въ паркъ и подалъ государю какую-то глупую записку. Мать съ отчаянія занемогла. Прошло нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, получилось предписаніе Николаю Серно-Соловьевичу явиться къ князю Орлову въ извѣстный день и часъ. Онъ поѣхалъ. Князь Орловъ вышелъ къ нему и громко сказалъ: «Мальчишка, знаешь ли, что сдѣлалъ бы съ тобой покойный государь, Николай Павловичъ, если бы ты осмѣлился подать ему записку? Онъ упряталъ бы тебя туда, гдѣ не нашли бы и костей твоихъ»... Затѣмъ,

помолчавъ, онъ прибавилъ: «А государь Александръ Николаевичъ такъ добръ, что приказалъ тебя поцѣловать. Цѣлуй меня...»[1]).

Г. Пантелѣевъ называетъ Серно-Соловьевича однимъ изъ основателей перваго общества «Земля и Воля» и самъ имѣлъ съ нимъ дѣло, какъ съ членомъ центральнаго комитета. Къ сожалѣнію, въ очеркѣ г. Пантелѣева нѣтъ ничего о дѣятельности Серно-Соловьевича въ этой нелегальной организаціи, а имѣвшій возможность дать такія свѣдѣнія другъ Николая Александровича — А. А. Слѣпцовъ—недавно скончался, не закончивъ начатыхъ незадолго до этого записокъ.

По мысли Слѣпцова, Серно-Соловьевичъ завелъ въ 1861 г. большой книжный магазинъ и публичную библіотеку и былъ очень увлеченъ возможностью распространить здоровую книгу какъ можно шире. Съ тою же цѣлью просвѣщенія массъ Серно-Соловьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ воскресныхъ школахъ, чтеніяхъ и пр.

Открытіе публичной библіотеки было тогда настолько замѣтнымъ событіемъ въ жизни Петербурга, что Панаевъ (Новый поэтъ) посвятилъ ему заключительную страничку своихъ очередныхъ «Замѣтокъ». Между прочимъ, онъ писалъ: «Помѣщеніе прекрасное. Въ комнатѣ для чтенія посрединѣ огромный круглый столъ, ярко освѣщенный газовой лампою въ нѣсколько рожковъ. Эта комната отличается и уютностью и просторомъ вмѣстѣ. Г. Соловьевичъ выписываетъ до сорока повременныхъ изданій и въ томъ числѣ нѣсколько иностранныхъ журналовъ. Библіотека его будетъ пополняться съ каждымъ годомъ, и дѣла новой книжной лавки будутъ ведены съ знаніемъ дѣла, съ отчетливостью и аккуратностью, за что ручается намъ уже одно имя просвѣщеннаго владѣльца биб-

---

1) *Г. Щербачевъ*. «Идеалы моей жизни». М. 1895 г., 198—200.

О самомъ свиданіи Серно-Соловьевича съ государемъ въ паркѣ Л. П. Шелгунова разсказываетъ нѣсколько иначе и подробнѣе. Когда онъ увидѣлъ государя съ которымъ-то изъ его сыновей, онъ пошелъ за ними и слышалъ, какъ маленькій великій князь говорилъ государю:

— Онъ идетъ за нами.

Государь продолжалъ идти молча.

— Онъ идетъ за нами,—повторилъ мальчикъ.

Государь вдругъ обернулся и строго сказалъ:

— Что вамъ надо?

— Хочу подать вашему величеству записку, — отвѣчалъ Серно-Соловьевичъ, подавая бумагу.

— Для этого есть канцелярія.—сказалъ императоръ и, повернувшись, пошелъ; Серно-Соловьевичъ за нимъ.

— Онъ опять идетъ за нами. — проговорилъ маленькій великій князь.

Государь обернулся.

— Что вамъ надо?—крикнулъ онъ.

— Хочу подать записку вашему величеству въ руки.

— Какъ ваша фамилія?

— Серно-Соловьевичъ, ваше величество.

— Отдайте записку дежурному, а я вамъ даю слово, что, вернувшись съ прогулки, прочту ее.

Серно-Соловьевичъ поклонился и ушелъ (*Шелгунова*. «Изъ далекаго прошлаго», 110—111).

ліотеки, къ которому всѣ наши извѣстные литераторы и журналисты имѣютъ полную довѣренность и обѣщали ему свое содѣйствіе. Но что всего замѣчательнѣе — въ магазинѣ г. Соловьевича конторскими текущими дѣлами будетъ между прочимъ заниматься *дама*, принадлежащая къ обществу, которая, отвергнувъ общественные предразсудки, рѣшилась взять на себя эту обязанность для того, чтобы быть полезной своему семейству. Это новость утѣшительнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ новостей и имѣющая большое значеніе» [1]).

Дѣйствительно, въ магазинѣ и библіотекѣ Серно-Соловьевича стала работать первая женщина, взявшая на себя обязанности конторщицы и приказчицы. Это была А. Н. Энгельгардтъ, жена извѣстнаго ученаго, публициста и сельскаго хозяина. «Помню, — пишетъ Шелгуновъ, — какъ Петербургъ былъ изумленъ, когда въ магазинѣ Серно-Соловьевича появилась за прилавкомъ молодая, красивая женщина въ синихъ очкахъ. Встать женщинѣ за прилавкомъ было тогда такъ же необыкновенно, какъ лиценсту, служащему въ государственномъ совѣтѣ, сдѣлаться купцомъ».

Разумѣется, администрація намотала тогда себѣ на усъ «странное» поведеніе владѣльца магазина и его служащихъ...

Серно-Соловьевичъ былъ довольно близкимъ сотрудникомъ «Современника», хотя писалъ въ немъ немного, и состоялъ ближайшимъ сотрудникомъ-пайщикомъ «Вѣка» (1862 г.), пріобрѣтеннаго у П. И. Вейнберга [2]).

Чтобы закончить набросокъ бѣглаго контура фигуры Серно-Соловьевича, который бы помогъ читателю въ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ, я считаю необходимымъ остановиться еще на его брошюрѣ: «Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса», изданной лѣтомъ 1861 года въ Берлинѣ.

Предисловіе брошюры настолько любопытно и оригинально, что его надо привести полностью.

«Проектъ, составляющій предметъ этой статьи, безъ сомнѣнія, найдетъ сочувствіе въ каждомъ, честно и искренно любящемъ Россію, желающемъ видѣть ее счастливою.

«Осуществленіе его, само по себѣ, не трудно: оно не требуетъ отъ государства никакого пожертвованія, никакой предварительной ломки въ существующемъ бытѣ, не нарушаетъ ничьихъ интересовъ. Мало того, оно мгновенно отстраняетъ важнѣйшія, роковыя затрудненія настоящей минуты: прекращаетъ для крестьянъ военное положеніе, со всѣми его неистовствами и бѣдствіями, открываетъ помѣщикамъ возможность вести хозяйство, спасаетъ Россію отъ банкротства.

---

[1]) «Современникъ» 1862 г., январь, 97—98.

[2]) Его статьи: «Разборъ трудовъ комиссіи для устройства земскихъ банковъ» («Соврем.» 1860 г., т. 82), «Размышленіе по поводу статьи г. Шиаля о государственномъ или земскомъ заемномъ банкѣ» (ib., 1861 г., т. 87) и «О проектѣ преобразованія земскихъ повинностей» (ib., 1861 г., т. 90).

«Ближайшимъ результатомъ осуществленія его было бы изумительное развитіе экономическаго и финансоваго благосостоянія

«И несмотря на всю совокупность этихъ условій, несмотря на то, что наши государственные и общественные финансы стоятъ на самомъ краю бездны, что поправить ихъ могло бы только быстрое и коренное преобразованіе вродѣ предлагаемаго этимъ проектомъ,—имѣть хоть тѣнь надежды на его осуществленіе значило бы жестоко увлекаться.

«Ни одно коренное и дѣльное преобразованіе невозможно у насъ при настоящемъ канцелярскомъ порядкѣ.

«Онъ неспособенъ и не состоятеленъ: онъ анахронизмъ; онъ живучая руина, соприкосновеніе. съ которою мертвитъ и губитъ самые лучшіе мысли и планы

«Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса и всѣхъ предпринятыхъ въ послѣднее время реформъ окончательно доказали это. Если-бъ нужны были еще доказательства, ихъ доставили бы — всякое проявленіе частной и общественной жизни, всякій шагъ, который приходится дѣлать каждому изъ насъ, какъ члену общества.

«Да какихъ же еще нужно доказательствъ, когда такую статью, какъ эта, нельзя напечатать дома, а приходится прибѣгать къ заграничнымъ станкамъ?..

«Не имѣя ни малѣйшей надежды на осуществленіе въ настоящее время своего проекта, я, тѣмъ не менѣе, изложилъ его въ статьѣ, которой придалъ самый примирительный характеръ и умѣренный тонъ; публикую его, публикую подъ своимъ именемъ. Многимъ это покажется тройною непослѣдовательностью.

«Но вотъ соображенія, руководившія мной:

«Я далъ статьѣ умѣренный тонъ и примирительный характеръ—потому, что самый предметъ ея вопросъ, разжигающій страсти, глубоко разъединяющій интересы, слѣдовательно, и силы Россіи, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо, чтобъ онѣ были соединены;

«потому, что этимъ я заранѣе отнимаю у людей враждебнаго образа мыслей, людей рутины и канцеляризма, придирку, обыкновенно употребляемую ими противъ всякой горячо и рѣзко высказанной мысли, опровергнуть которую логически они не могутъ;

«потому, что такимъ образомъ рѣзче всего высказывается, какъ легко было правильно рѣшить крестьянскій вопросъ, какъ легко было исправить испорченное уже рѣшеніе.

«Я публикую проектъ—потому, что крестьянскій вопросъ, нерѣшенный или, правильнѣе—искаженный положеніемъ 19-го февраля, разрѣшимъ только двумя способами: или общею выкупною мѣрою, или топорами; третьяго исхода нѣтъ, а нерѣшеннымъ вопросъ оставаться не можетъ; стало, люди, нежелающіе насилія, должны употреблять все, что только въ ихъ власти, для содѣйствія выкупу;

«потому еще, что считаю основныя мысли проекта вѣрными, слѣдовательно, осуществимыми, если не теперь, то въ болѣе благопріятное время, быть можетъ, не очень отдаленное.

«Я публикую его подъ своимъ именемъ,—потому, что думаю, что пора намъ перестать *бояться;*

«потому, что, желая, чтобы съ нами перестали обращаться, какъ съ дѣтьми, мы должны перестать дѣйствовать по-дѣтски;

«потому, что тотъ, кто хочетъ правды и справедливости, долженъ умѣть безбоязненно стоять за нихъ.

Н. Серно-Соловьевичъ.

С.-Петербургъ. Іюнь 1861 г.»

Когда маркизъ Поза говорилъ Филиппу II: «Времена Филиппа смѣнятся другими, болѣе человѣчными временами, они принесутъ съ собою другую, болѣе кроткую мудрость. Счастье гражданъ будетъ тогда мирно уживаться съ величіемъ государей, государство будетъ дорожить своими дѣтьми, и безчеловѣчіе не будетъ считаться необходимостью»,—пораженный властелинъ Запада не смѣлъ поднять на говорившаго руку инквизитора... Такъ и здѣсь. Выступленіе Серно-Соловьевича было такъ мужественно, открыто и рѣшительно, что III Отдѣленіе, разумѣется, получившее брошюру немедленно по ея выходѣ въ свѣтъ, не рѣшилось поднимать скандала... Рѣшено было ожидать болѣе благопріятнаго случая...

Теперь обратимся къ самому содержанію брошюры, остановившись лишь на главныхъ ея соображеніяхъ и выводахъ.

«Положеніе 19-го февраля не рѣшило крестьянскаго вопроса. Отмѣна помѣщичьяго крѣпостного права въ Россіи будетъ окончательно совершена тогда, когда крѣпостное населеніе окончательно преобразуется въ свободныхъ поземельныхъ владѣльцевъ внѣ всякой зависимости отъ помѣщиковъ, внѣ всякихъ обязательныхъ отношеній къ нимъ» «Для крестьянъ срочно-обязанное время будетъ тяжкимъ испытаніемъ. Они съ замѣчательнымъ терпѣніемъ ожидаютъ освобожденія, но освобожденія полнаго и съ землею. Народъ нашъ не пойметъ юридическую тонкость личную свободу при обязательномъ трудѣ; можно быть увѣреннымъ, что онъ неохотно приметъ такую свободу» [1]). «Крестьяне не мыслятъ свободы безъ земли, а при убѣжденіи, что земля есть ихъ принадлежность, имъ трудно будетъ внушить, почему они и послѣ освобожденія должны отбывать работы въ пользу помѣщиковъ или платить имъ оброкъ». Затѣмъ, подвергнувъ уничтожающей критикѣ положенія редакціонныхъ и финансовой комиссій и сдѣлавъ бѣглый, но сильный обзоръ уже грянувшихъ аграрныхъ безпорядковъ въ половинѣ русскихъ губерній, Серно-Соловьевичъ говоритъ:

«Этотъ самый народъ, который теперь разстрѣливаютъ, гонятъ сквозь строй, сѣкутъ, сажаютъ въ тюрьмы за неповиновеніе, который почти во всей Россіи отказывается выходить на барщину и

---

[1]) Напомню для нѣкоторыхъ читателей, что фактически положеніе 19-го февраля 1861 г. вступало въ силу ровно черезъ два года.

платить оброкъ,—въ продолженіе четырехъ лѣтъ ждалъ воли съ терпѣніемъ и спокойствіемъ, превосходившими самыя смѣлыя ожиданія его друзей, приводившими въ изумленіе самыхъ закоренѣлыхъ недоброжелателей. Послѣ этихъ четырехъ лѣтъ всякое обвиненіе народа въ буйствѣ или своеволіи—клевета. Не на народъ падетъ отвѣтственность за то, что теперь совершается въ Россіи; онъ сдѣлалъ все, зависѣвшее отъ него, для предотвращенія этихъ печальныхъ событій; онъ съ желѣзнымъ терпѣніемъ ждалъ рѣшенія своей участи и безропотно перенесъ отсрочку за отсрочкой, отдалявшія осуществленіе надежды, въ которой сосредоточилось все его бытіе. Спокойствіе и теперь не было бы нарушено, если бы развязка вопроса была такою, какою слѣдовало ей быть, если бы, другими словами, вопросъ былъ рѣшенъ окончательно». «Сомнѣнія быть не можетъ: не духъ своеволія и буйства и не невѣжество руководятъ ими. Воля, которую имъ объявили, была не та, о которой шли слухи уже десятки лѣтъ, которой ждали изо-дня-въ день цѣлыхъ четыре года. Объявленное положеніе противорѣчило ихъ задушевнымъ надеждамъ, ихъ понятіямъ; противорѣчило дѣйствительности. Ихъ сосѣди, государственные крестьяне, вольные, и они не отбываютъ барщины, не платятъ оброковъ господамъ, не имѣютъ старостъ, поставленныхъ господами; они платятъ только государственныя подати. Вотъ что было идеаломъ воли для крѣпостныхъ, вотъ что у нихъ называлось *чистою волею*». Серно-Соловьевичъ твердо вѣрилъ, что ни аграрныхъ волненій, ни убійствъ, ни грабежей, ничего этого не было бы, «если бы положеніе признало крестьянскую землю принадлежностью крестьянъ, что соотвѣтствовало бы и понятіямъ народа и требованіямъ справедливости. Право народа на землю освящено: первоначальнымъ занятіемъ, давностью владѣнія, фактическимъ пользованіемъ, вѣковымъ трудомъ, общимъ сознаніемъ. Каждаго изъ этихъ условій въ отдѣльности достаточно, чтобы оправдать его и съ юридической и съ нравственной стороны. За право помѣщиковъ только злоупотребленіе да предразсудокъ господствующаго сословія. На дѣлѣ помѣщики никогда не пользовались крестьянскою землею, не получали съ нея непосредственно никакого дохода, не распоряжались ею, даже не посягали на нее, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, всегда считавшихся крайними предѣлами злоупотребленій помѣщичьей власти».

Между тѣмъ, «положеніе 19-го февраля – развязка канцелярская: потому въ немъ всюду противорѣчіе или лукавство: земля, признанная собственностью помѣщиковъ, отдана въ постоянное пользованіе крестьянъ; личность крестьянъ признана свободною безвозмездно, а чтобы дѣйствительно освободиться, крестьяне должны заплатить выкупныя суммы, въ которыхъ скрыта цѣна ихъ личности; правительство обязуется гарантировать выкупъ, а постановленныя условія дѣлаютъ его невозможнымъ на практикѣ; крѣпостное право объявлено отмѣненнымъ—оно только видоизмѣнилось. Отмѣненъ одинъ призракъ, уничтожено только названіе. Существо права, послѣдствія крѣпостного права остались».

Въ основу будущей рѣшительной и раціональной реформы, которая окончательно разрѣшила бы крестьянскій вопросъ, по мнѣнію Серно-Соловьевича, слѣдовало положить такія начала:

«1. Признаніе земли народною собственностью, слѣдовательно, права каждаго на надѣлъ, и потому надѣленіе угодьями батраковъ Западнаго края, и дворовыхъ, по ихъ желанію, съ содѣйствіемъ правительства, государственными имуществами;

2. Предоставленіе мірскому устройству права развиваться безъ регламентаціи и чиновничьяго вмѣшательства;

3. Сокращеніе выкупныхъ нормъ, сообразно съ справедливостью, и

4. Уменьшеніе крестьянскихъ платежей и пополненіе этой убавки сборами съ другихъ сословій».

Въ заключеніе Серно-Соловьевичъ дѣлалъ цифровой подсчетъ стоимости осуществленія своего проекта на практикѣ, изъ котораго, дѣйствительно, съ совершенной очевидностью слѣдовало заключить, что выкупная операція въ видѣ общей государственной мѣры не потребовала бы отъ государства никакихъ чрезвычайныхъ расходовъ, которыми такъ пугали всегда реакціонеры, что эти расходы были вполнѣ возможны и удобоисполнимы даже и при тогдашнемъ нашемъ финансовомъ положеніи.

Заканчивалась брошюра такими строками: «Итакъ, общая выкупная операція *необходима и возможна;* результаты ея неисчислимы. Это цѣлый финансовый и экономическій переворотъ, глубокій, коренной; это начало устраненія монополіи и созданія общественнаго кредита; это заря громаднаго финансоваго могущества Россіи. Если этихъ условій недостаточно, чтобы подвинуть къ окончательному рѣшенію крестьянскаго вопроса, если не хватитъ энергіи исправить очевидную ошибку, точно также, какъ не хватило пониманія избѣгнуть ея—значитъ, настоящій общественный бытъ окончательно сгнилъ на корнѣ и людямъ достаточно смѣлымъ, чтобы сознать это, ничего не остается дѣлать, какъ собирать силы для созданія вмѣсто него новаго, лучшаго порядка»...

Этимъ-то собираніемъ силъ и занялся Серно-Соловьевичъ, организовавъ тайное общество «Земля и Воля», девизомъ котораго была основная мысль его брошюры: народу земля и свобода.

БУМАГИ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

Теперь читатель ознакомленъ немного съ контуромъ высокой личности «послѣдняго маркиза Позы», и потому я возвращаюсь къ дальнѣйшему разсказу.

Каковъ же былъ тотъ матеріалъ, который жандармамъ и всякаго рода ищейкамъ удалось найти въ квартирѣ и магазинѣ Серно-Соловьевича?

Онъ заслуживаетъ очень серьезнаго вниманія безотносительно даже къ личности Серно-Соловьевича, потому что отлично иллюстрируетъ эпоху 60-хъ годовъ.

Познакомлю съ нимъ читателя по возможности подробнѣе.

Прежде всего черновое письмо къ государю:

«Ваше Императорское Величество!

«Второй разъ я обращаюсь къ Вамъ письменно и теперь при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ первый разъ.

«Почти 4 года, въ сентябрѣ 1858 г. я подалъ Вамъ записку о крестьянскомъ вопросѣ и вообще о положеніи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Тогда еще только что былъ поднятъ крестьянскій вопросъ; еще враги освобожденія напрягали всѣ усилія, чтобъ оставить крѣпостное право, а вся лучшая, мыслящая часть русскаго народа рѣшительно склонилась на сторону передового правительства. Единственною цѣлью письма было высказать Вашему Величеству съ полною откровенностью положеніе дѣлъ и чувства, одушевлявшія молодое поколѣніе. Судя по резолюціи Вашего Величества, положенной на письмѣ и объявленной мнѣ по Вашей волѣ, письмо достигло цѣли. Вы написали: «Призовите его и поблагодарите его отъ моего имени. Скажите ему, что я не только на него не сержусь, но искренно благодарю за откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣлъ, хотя пылкость юношества и повела его, можетъ быть, слишкомъ далеко. Пусть онъ не оставляетъ службы и, надѣюсь, докажетъ свое усердіе и преданность. Въ этомъ молодомъ поколѣніи много хорошаго и истинно благороднаго. Россія должна отъ него многаго ожидать».

«Послѣ этихъ словъ прошло 4 года, и какъ многое измѣнилось!

«Правительство дало полный просторъ тѣмъ началамъ, противъ которыхъ Вы сами, Государь, такъ благородно и энергически выступили,—и сдѣлалось рѣшительнымъ врагомъ тѣхъ, отъ кого, по Вашему же отзыву, Россія должна многаго ожидать».

На этомъ черновикъ, написанный, вѣроятно, незадолго до ареста, прерывался. Онъ очень любопытенъ и, даже при своей незаконченности, особенно поставленный рядомъ съ такой крупной работой Серно-Соловьевича, какъ проектъ конституціи, написанный почти уже на-чисто, имѣетъ большой интересъ. И самъ Серно-Соловьевичъ предполагалъ подать государю проектъ вмѣстѣ съ письмомъ, что ясно изъ его надписи на проектѣ: «для представленія при письмѣ государю». Отсюда можно заключить, что ненаписанная часть письма должна была заключать въ себѣ указаніе на то, какъ слѣдуетъ воспользоваться непонятымъ молодымъ поко-

лѣніемъ и, пользуясь его громадной работоспособностью, обновить Россію.

Привожу проектъ полностью [1]).

Проектъ уложенія Императора Александра II.

Положенія общія.

1.

Верховная власть въ Россіи принадлежитъ Государю Императору, Особа котораго считается священною и неприкосновенною. Порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется сообразно доселѣ дѣйствовавшимъ законамъ. Сумма на содержаніе Государя Императора и Августѣйшаго Дома опредѣляется ежегодно Его Величествомъ.

2.

Верховная власть составляетъ высшую степень управленія государствомъ, подъ ея вѣдѣніемъ дѣйствуютъ власти: законодательная, исполнительная и судебная.

3.

Основами дѣйствій всѣхъ этихъ властей должны быть: правда, милосердіе, добросовѣстное исполненіе законовъ, честность, уваженіе къ человѣку.

4.

Законодательная власть принадлежитъ по всему государству Народному Собранію и по губерніямъ—губернскимъ собраніямъ.

5.

Народное Собраніе и губернскія собранія состоятъ изъ выборныхъ отъ дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей.

6.

Въ Народное Собраніе дворянство каждой губерніи посылаетъ отъ себя по два выборныхъ. Городскіе жители по 1-му выборному на каждыя 50.000. Сельскіе жители по 1-му на каждыя 100.000. (Выборы въ Нар. Собр. на первое время могутъ быть произведены въ губ. собр.).

---

[1]) Въ своей книгѣ «Крестьянская реформа» г. Корниловъ говоритъ, что Серно-Соловьевичъ составилъ адресъ на высочайшее имя, очень схожій съ програмой Великорусса». По всей вѣроятности, это и есть «Уложеніе».

Губернское собраніе состоитъ изъ 9 выборныхъ отъ каждаго уѣзда: 3 отъ дворянъ, 3 отъ городскихъ, 3 отъ сельскихъ обывателей.

7.

Въ губернское собраніе дворянство выбираетъ своихъ выборныхъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ производитъ выборы въ настоящее время, а городскіе и сельскіе жители порядкомъ, указаннымъ въ особыхъ инструкціяхъ.

8.

Выборы въ Народное Собраніе производятся губернскимъ собраніемъ отдѣльно по сословіямъ.

Инструкція для городскихъ выборовъ.

Выборы отъ городскихъ жителей происходятъ слѣдующимъ порядкомъ:

Столицы и губернскіе города, имѣющіе болѣе 50 тысячъ жителей, составляютъ каждый избирательный округъ и посылаютъ отъ себя выборныхъ, соотвѣтственно населенію, по 1-му на 50.000.

Губернскіе и уѣздные города, имѣющіе меньше 50.000 жителей, соединяются въ избирательные округа по стольку, чтобы ихъ общее населеніе составило 50.000.

Предварительно избранія выборныхъ, избираются *выборщики*. Для сего каждый городъ раздѣляется на избирательные участки, число которыхъ опредѣляется населеніемъ.

Въ опредѣленный день всѣ обыватели участка, имѣющіе въ городѣ осѣдлость и достигшіе совершеннолѣтія, сбираются въ назначенное мѣсто и выбираютъ выборщиковъ: въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100 тысячъ по 1 на 1000; болѣе 50 тысячъ—по 2 на 1000, а менѣе 50 тысячъ—по 3 на 1000.

Тутъ же составляется списокъ кандидатовъ въ выборные. Выборщики всего округа сходятся вмѣстѣ и изъ назначенныхъ кандидатовъ избираютъ одного выборнаго (а въ большихъ городахъ подлежащее число выборныхъ) по большинству голосовъ.

Участковыми и окружными выборами заправляютъ сперва лица, особо на сей предметъ назначенныя Высочайшею властію, а впослѣдствіи лица, на которыхъ эта обязанность будетъ возложена Народнымъ Собраніемъ.

Выборы производятся шарами, закрытою баллотировкою. Они должны быть совершенно свободны.

9.

Выборный долженъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія условія: быть совершеннолѣтнимъ, окончить курсъ: отъ дворянъ въ выс-

шемъ, отъ городскихъ обывателей въ среднемъ, отъ сельскихъ въ низшемъ учебномъ заведенiи, не состоять на государственной службѣ и не быть опороченнымъ по суду.

10.

Выборные избираются на три года.

11.

Каждый выборный представляетъ только одно мѣсто. Выбывшiй по какому бы ни было случаю замѣняется другимъ.

12.

Собранiя открываются и закрываются по окончанiи года или срока выборовъ Государемъ.

13.

Народное Собранiе, собравшись, выбираетъ 2 кандидатовъ на должность предсѣдателя и вице-предсѣдателя и затѣмъ приступаетъ къ повѣркѣ выборовъ. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель утверждаются Высочайшею властью. Предсѣдатель, а въ отсутствiе его вице-предсѣдатель, представляетъ рѣшенiя Собранiя на Высочайшее утвержденiе.

14.

По разсмотрѣнiи правильности выборовъ, Народное Собранiе раздѣляется на комиссiи по числу министерствъ.

15.

Всякiй вопросъ, поступающiй на разсмотрѣнiе Собранiя, предварительно обсуждается комиссiею и представляется Собранiю ея докладчикомъ. Члены комиссiи, не согласившiеся съ большинствомъ, представляютъ свои мнѣнiя.

16.

На разсмотрѣнiе Собранiя дѣла поступаютъ:

1) по Высочайшему повелѣнiю;

2) по представленiю министровъ;

3) по представленiю выборныхъ, какъ отъ губернскихъ собранiй, такъ и отъ своего лица.

17.

Каждый городъ, каждая деревня имѣютъ право входить въ Собраніе съ прошеніями, чрезъ посредство своихъ выборныхъ.

18.

Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. При равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Министры присутствуютъ и подаютъ голоса наравнѣ съ выборными.

19.

Подача голосовъ бываетъ или закрытая, шарами, или открытою подачею. Собраніе при каждомъ вопросѣ рѣшаетъ способъ подачи голосовъ.

20.

Вѣдѣнію Собранія подлежатъ:

1. Постановленіе новыхъ законовъ или отмѣна старыхъ по всѣмъ частямъ управленія, касающагося всего государства.

2. Разсмотрѣніе государственнаго бюджета и смѣтъ министерствъ.

3. Разрѣшеніе займовъ, выпуски кредитныхъ билетовъ и установленіе налоговъ.

4. Вопросы внѣшней политики, предоставленные Собранію Высочайшею волею.

5. Разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ министровъ.

6. Разсмотрѣніе жалобъ на министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ и на дѣйствія губернскихъ собраній.

7. Всѣ дѣла, возлагаемыя на него Высочайшею властію.

8. Пересмотръ прежнихъ рѣшеній Народнаго Собранія.

21.

Засѣданія Собранія производятся публично. Отчеты о нихъ печатаются.

22.

Съ 15-го мая по 15-е августа засѣданій не бываетъ.

23.

Высочайшая власть имѣетъ право распустить во всякое время Собраніе, назначивъ тотчасъ же новые выборы.

24.

Народное Собраніе сбирается въ Москвѣ, куда переносится и столица, для Имперіи, въ Варшавѣ для Царства Польскаго, въ

Иркутскѣ для Сибири, въ Тифлисѣ для Кавказа и Грузіи, въ Гельсингфорсѣ для Финляндіи, въ Ригѣ для Остзейскихъ губерній. Въ Варшавѣ Верховную власть представляетъ вице-король, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Финляндіи и Остзейскомъ краѣ—намѣстники. Жителямъ Литовскихъ губерній предоставляется посылать депутатовъ или въ Москву, или въ Варшаву.

25.

Выборные неприкосновенны, пока состоятъ въ этомъ званіи. Выборный можетъ быть лишенъ званія до истеченія срока, на который выбранъ, только по опредѣленію суда, за уголовное преступленіе.

26.

Выборные получаютъ содержаніе отъ пославшихъ ихъ поселеній.

Губернское собраніе.

27.

Губернское собраніе въ законодательномъ порядкѣ вѣдаетъ всѣ вопросы, касающіеся его губерніи или имѣющіе значеніе общегосударственныхъ вопросовъ.

28.

Внутреннее устройство и порядокъ сужденій въ губернскихъ собраніяхъ тотъ же, что и въ Народномъ Собраніи.

29.

Подробное опредѣленіе круга дѣйствій Народнаго и губернскихъ собраній составитъ предметъ особаго закона.

Исполнительная власть.

30.

Исполнительная власть сосредоточивается: общая для всего государства—въ министерствахъ, мѣстная—въ губернскихъ собраніяхъ и у губернаторовъ.

31.

Министерства суть слѣдующія:
1. Народнаго просвѣщенія.

2. Финансовъ.
3. Торговли и промышленности и народнаго благосостоянія.
4. Внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.
5. Иностранныхъ дѣлъ.
6. Военное.
7. Морское.

Примѣчаніе. Управленіе Дворами Августѣйшаго Дома составляетъ особое вѣдомство, непосредственно подвѣдомственное Высочайшимъ Особамъ.

Пути сообщенія вѣдаются министерствомъ торговли.

Почты — министерству народнаго просвѣщенія.

Государственныхъ имуществъ — министерствомъ финансовъ.

Государственный Контроль, переходя къ собраніямъ, упраздняется.

32.

Министры назначаются Государемъ Императоромъ. Одинъ изъ нихъ носитъ званіе перваго министра и предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ министровъ.

33.

Министры дѣйствуютъ на основаніи инструкцій Народнаго Собранія, которому даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Инструкціи опредѣляютъ кругъ дѣйствій и пространства власти каждаго министра и состава министерства.

34.

Каждое должностное лицо дѣйствуетъ въ силу законовъ и отвѣтствуетъ за свои дѣйствія.

35.

Каждый членъ Народнаго Собранія имѣетъ право просить у министра объясненія въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ министерства.

36.

Въ губерніяхъ исполнительная власть принадлежитъ губернскому собранію и губернатору; въ городахъ—думамъ и головамъ, въ волостяхъ—волостнымъ сходамъ и волостнымъ старостамъ, въ селахъ — міру и деревенскому старостѣ.

37.

Въ губернскомъ собраніи дѣлится на комиссіи, по числу министерствъ, и каждая комиссія вѣдаетъ въ губерніи свои дѣла въ кругѣ, опредѣленномъ закономъ.

38.

Назначеніе въ должности зависитъ отъ комиссіи, увольненіе отъ губернскаго собранія.

39.

Органами министерствъ въ губерніяхъ служатъ:

Министерства финансовъ и народнаго благосостоянія — общественный банкъ; министерства внутреннихъ дѣлъ — губернаторъ. Всѣ казенныя училища состоятъ въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія, а завѣдываніе училищами въ губерніи принадлежитъ ректору университета, когда ихъ нѣтъ — ректору гимназіи. Въ вѣдѣніи военнаго министерства состоятъ всѣ военныя силы.

40.

Общественный банкъ производитъ всѣ банковыя операціи, содѣйствуетъ развитію торговли, промышленности и вообще народнаго благосостоянія и сбираетъ всѣ подати. Банкомъ управляютъ директоры по выбору губернскаго собранія. Кругъ дѣйствій банка опредѣляется закономъ.

41.

Общественное спокойствіе и порядокъ охраняются народною стражею и полиціей по выбору мѣстныхъ жителей. Устройство народной стражи и пространство власти полиціи опредѣляются особыми законами.

42.

Директоры училищъ выбираются губернскимъ собраніемъ.

43.

Судебная власть сосредоточивается въ судѣ присяжныхъ, дѣйствующемъ какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ.

Сверхъ того въ каждой мѣстности избираются жителями мировые посредники, къ которымъ тяжущіяся стороны имѣютъ право обращаться за разбирательствомъ въ дѣлахъ гражданскихъ и объ обидахъ. Рѣшеніе мирового посредника, къ которому обратились обѣ стороны, получаетъ законную силу, жалобы на него приносятся присяжнымъ. Мировые посредники избираются только изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

44.

Присяжные чередуются изъ лицъ, имѣющихъ право быть избирателями.

45.

Уголовныя дѣла разбираются въ мѣстѣ совершенія преступленія, а гражданскія—въ мѣстѣ жительства истца, куда вызывается и отвѣтчикъ.

46.

Жалобы на рѣшенія присяжныхъ приносятся въ губернскій судъ, состоящій изъ выборныхъ губернскимъ собраніемъ.

47.

Высшая судебная инстанція — судебный сенатъ, состоящій изъ лицъ, на половину избранныхъ Народнымъ Собраніемъ, на половину назначенныхъ верховною властію.

48.

Смертная казнь безусловно отмѣняется.

49.

Тѣлесное наказаніе отмѣняется. Оно замѣняется въ подлежащихъ случаяхъ арестомъ или денежною пенею.

50.

Верховная власть имѣетъ право уменьшать мѣру наказаній, положенную судебнымъ сенатомъ.

Общія права.

51.

— Всѣ русскіе люди, какого бы пола, чина, званія и состоянія ни были, равны передъ закономъ и передъ судомъ. Всѣ они пользуются въ равной степени покровительствомъ законовъ, исполнять которые всѣ должны въ равной степени.

Всѣ они пользуются въ одинаковой степени правами, въ настоящемъ уложеніи предоставленными.

52.

Никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе, какъ по рѣшенію суда. Уголовные преступники могутъ быть арестованы съ тѣмъ, чтобы дѣла о нихъ были разсмотрѣны не далѣе какъ въ теченіе 7-ми дней.

53.

Всякій русскій или водворившійся въ Россіи на постоянное житье имѣетъ право на владѣніе 4-мя десятинами земли.

Отводъ земли дѣлается по сношеніи лицъ съ подлежащимъ вѣдомствомъ народнаго благосостоянія.

54.

Всякій живущій въ Россіи имѣетъ право безпрепятственно придерживаться своего религіознаго вѣрованія и отправлять богослуженіе по ученію своей церкви.

55.

Всякій имѣетъ право безпрепятственно высказывать печатно свои мнѣнія.

56.

Всякій обязанъ уплачивать налогъ по мѣрѣ своихъ средствъ порядкомъ, постановленнымъ въ особомъ законѣ.

57.

Рекрутская система замѣняется добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу за опредѣленное вознагражденіе.

Въ случаѣ опасности отъ непріятеля всѣ должны являться къ призыву на защиту отечества, по возможности съ оружіемъ.

58.

Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ немедленно прекращаются. Бывшіе помѣщичьи крестьяне уравниваются.

Крестьяне удерживаютъ за собой свои надѣлы и облагаются подушными въ казну, соразмѣрно съ повинностями государственныхъ крестьянъ.

Размѣръ и степень вознагражденія помѣщиковъ опредѣляются Народнымъ Собраніемъ.

59.

Всѣ подробности высказанныхъ здѣсь началъ будутъ обсуждены и развиты Народнымъ Собраніемъ немедленно по созваніи его.

Прочитавшій внимательно «Уложеніе» не можетъ не отдать ему должнаго. Оно отличается всѣми особенностями личнаго характера своего автора: гуманностью, честностью, стремленіемъ къ правдѣ и добру. Изъ массы конституціонныхъ проектовъ XIX сто-

лѣтія проектъ Серно-Соловьевича долженъ быть признанъ безусловно выдающимся.

Современники даннаго политическаго момента могутъ, особенно если принадлежатъ къ сторонникамъ конституціоннаго правленія, видѣть, какъ мало ушла Россія въ своихъ основныхъ недостаткахъ...

Въ несомнѣнной связи съ письмомъ къ государю и съ проектомъ конституціи стоитъ и статья Серно-Соловьевича «Мысли вслухъ», тоже взятая у него почти въ перебѣленномъ черновикѣ.

Привожу и ее.

«Разложеніе государственной системы, выраженіемъ которой служатъ въ политическомъ смыслѣ крайняя централизація и пренебреженіе массами, въ экономическомъ — эксплоатація ихъ въ пользу власти и ея служителей — фактъ несомнѣнный для всякаго наблюдающаго за ходомъ событій.

«Необходимость и неизбѣжность разложенія тоже несомнѣнные и безспорные факты. Система, созданная по чужимъ образцамъ, основанная на подавленіи истинныхъ народныхъ началъ и развитіи началъ чуждыхъ народу, на угнетеніи всего народа ради династическихъ соображеній и выгодъ небольшой привилегированной касты — не могла быть прочною. Она носила сѣмена разложенія въ самой себѣ, и могла держаться только при безпощадной послѣдовательности—при систематическомъ подавленіи всякаго жизненнаго проявленія. Малѣйшее ослабленіе ферулы должно было, естественно, вести къ уничтоженію всей системы.

«Начавшееся разложеніе не можетъ ни само остановиться, ни быть остановлено до конечнаго пересозданія разлагающагося тѣла—это законъ естественный, стало, неотразимый. Всякая разлагающаяся частица прежняго порядка умножаетъ ту силу, подъ давленіемъ которой началось разложеніе, уменьшая въ возрастающей прогрессіи сопротивленіе этой силѣ.

«Новый порядокъ вещей неизбѣженъ—весь вопросъ въ томъ, какимъ путемъ онъ создастся и какія начала возьмутъ при немъ верхъ.

«Представитель старой системы—власть, первая нанесла ей смертельный ударъ, и взялась за созданіе новаго порядка. Но служа воплощеніемъ того, противъ чего теперь дѣйствуетъ, она поставила себя въ положеніе невозможное. Въ литературѣ органы всѣхъ мнѣній выражаютъ недовольство настоящимъ, стремятся создать свои собственные идеальчики. Но и литература безсильна, сама по себѣ, создать новый порядокъ. Она лишена возможности высказаться вполнѣ. Она не въ состояніи ни передать вѣрно мнѣній и стремленій народа, ни сообщить ему своихъ. Она выражаетъ или начала господствующаго привилегированнаго класса, или стремленія кучки людей честныхъ, хорошихъ, но незначительныхъ по числу, не имѣющихъ никакихъ корней въ народѣ и потому положительно безсильныхъ. Грустно дѣлать такое сознаніе, но сдѣлать его необходимо. Есть много людей самыхъ благонамѣренныхъ, добродушнѣйшимъ образомъ считающихъ литературу силою, кото-

рою могутъ сдѣлать что-либо существенное. Ища опоры въ мнимой силѣ, они отвлекаются отъ другихъ путей, практическихъ, дѣйствительныхъ.

«Привилегированные по имуществу или воспитанію классы бросаются во всѣ стороны, желая найти выходъ изъ положенія, начинающаго становиться и для нихъ неловкимъ. Но тутъ они сталкиваются съ неумолимою логикою исторической послѣдовательности. Ложная система губитъ не только тѣхъ, противъ кого направлена, въ данную минуту, она обрушивается и на тѣхъ, кто употреблялъ ее какъ орудіе. Въ теченіе вѣковъ привилегированные классы считали выгоднымъ поддерживать систему, первымъ и послѣднимъ словомъ которой была эксплоатація народа. Они систематически и послѣдовательно пролагали пропасть между собой и народомъ. Настала минута, когда система сдѣлалась невыгодною для нихъ самихъ: имъ хочется измѣнить ее -но сами по себѣ они безсильны. Имъ хотѣлось бы опереться на силу, на народъ — но онъ раздѣленъ отъ нихъ ими же проложенною пропастью, ихъ цѣлымъ привилегированнымъ бытомъ. Траги-комическое положеніе, но вполнѣ заслуженное, неотразимо логическое. Въ настоящую минуту у привилегированныхъ классовъ не можетъ быть даже утѣшенія расчитывать на содѣйствіе народа по сравнительной аналогіи положеній. Они не могутъ сказать: «если тяжело намъ, людямъ привилегій, людямъ господствующимъ, то положеніе народа, намъ подчиненнаго, на счетъ котораго мы существуемъ, должно быть невыносимо: стало, онъ поможетъ намъ, если мы вздумаемъ измѣнить нынѣшнюю систему».

«Положеніе народа невыносимо дурно — это фактъ, но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ выводъ, чтобы въ данную минуту онъ далъ руку помощи тѣмъ, кого ненавидитъ, кому глубоко не довѣряетъ, съ кѣмъ не имѣетъ ничего общаго. И онъ будетъ правъ. Не убѣжденіе, вошедшее въ плоть и кровь, что система дурна потому, что дѣлала положеніе народа невыносимымъ, заставило людей привилегій желать перемѣны системы, а опять-таки ихъ собственные, личные интересы. Для громаднаго большинства ихъ— народъ дѣло второстепенное. Они говорятъ теперь: *все для народа* — а заканчиваютъ эту фразу: *но не народомъ*, забывая, что вторая часть формулы и есть основаніе системы, объ измѣненіи которой хлопочутъ. Стало, программа ихъ будущей системы въ сущности мало чѣмъ разнится отъ настоящей. Формулою «все для народа, но не народомъ», ясно говорится «*мы не народъ*». А народъ никогда не будетъ съ тѣмъ, кто *не онъ*. Его здравый смыслъ указываетъ ему, что тѣ, которые хотятъ быть его *благодѣтелями*, не знаютъ и не любятъ его, а хотятъ только имъ пользоваться какъ орудіемъ для собственныхъ выгодъ. Тѣ только искренно хотятъ дѣйствовать за народъ, формула которыхъ: «все для народа и только народомъ».

«Но, можетъ быть, и этимъ не осуществить своихъ честныхъ стремленій. Можетъ быть, вся жизненность, вся энергія разбиты въ

народѣ вѣковымъ гнетомъ, и онъ не болѣе какъ задавленная, апатичная масса, свыкшаяся съ своимъ безотраднымъ бытомъ и неспособная ни къ какому жизненному проявленію?

«Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Процессъ обновленія, начавшись, долженъ проникнуть всѣ части организма. Это непреложный законъ. И дѣйствительно, все заколыхалось. Движеніе проникаетъ всюду; изъ слоевъ самыхъ неподвижныхъ начинаютъ раздаваться звуки новой жизни. Въ доказательствахъ нѣтъ недостатка: всмотритесь въ жизнь — они явятся на каждомъ шагу.

«Въ этомъ номерѣ нашего журнала есть статья, великолѣпно подтверждающая многія изъ высказанныхъ нами положеній [1]). Она стоитъ особеннаго вниманія. Статья такого происхожденія пока еще рѣдкость въ нашей литературѣ. Авторъ ея—человѣкъ, не принадлежащій къ привилегированнымъ классамъ: онъ—мѣщанинъ. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду порицать существующій порядокъ. Ему хотѣлось только изложить предположенія, осуществленіе которыхъ, по его мнѣнію, могло бы принести пользу обществу. По всему видно, что ему хотѣлось придать статьѣ самый примирительный характеръ, что онъ вѣритъ въ возможность постепеннаго улучшенія. А между тѣмъ, противъ воли автора, въ каждой фразѣ слышенъ протестъ противъ существующаго порядка и безвозвратное осужденіе его.

«Холодомъ обдаетъ, когда вчитываешься въ эти безыскусственныя, не выработанныя фразы. Въ нихъ ясно видишь дѣйствительность, — страшную и безвыходную дѣйствительность. Всюду ложь, обманъ, нищета, насиліе, эксплоатація, отсутствіе всякой возможности нравственнаго развитія и матеріальнаго улучшенія — вотъ бытъ мѣщанъ. «У многихъ зачастую ни куска хлѣба, ни дровъ полѣна... Потеряна вѣра даже въ свое, общественное управленіе»— вотъ положеніе класса, составляющаго ядро городского населенія въ государствѣ.

«Всякій знаетъ, что положеніе сельскаго населенія не лучше. Съ ранняго дѣтства до глубокой старости — суровый, безконечный трудъ, еле-еле доставляющій средства... на уплату податей. Вся жизнь, отъ поколѣнія къ поколѣнію — томительное однообразіе лишеній, забыться отъ которыхъ можно только въ кабакѣ.

«Народъ умный, бойкій, смышленый, трудящійся до обремененія, живя въ странѣ, обладающей громадными естественными богатствами, имѣя поземельное устройство, дѣлающее невозможнымъ пролетаріатъ,—доведенъ до положенія, граничащаго съ нищенствомъ.

«Вотъ конечные результаты системы, подавлявшей народныя начала, навязывавшей ему чуждое устройство.

«Народъ подчинялся этому порядку, не потому чтобы *не могъ* создать лучшаго, а потому что не чуялъ своей силы. Теперь онъ начинаетъ ее чуять. *Времени приближаются...*

---

[1]) Статью предполагалось напечатать въ журналѣ «Время».

«Они непремѣнно наступятъ и дадутъ просторъ великому *мірскому* началу развиваться во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

«Но какимъ это совершится путемъ, будетъ зависѣть отъ того, въ какой степени лучшіе люди привилегированныхъ классовъ сознаютъ тщету своихъ привилегій, въ какой степени они съумѣютъ объединить свои стремленія, въ какой мѣрѣ искренно полюбятъ народъ и съумѣютъ доказать ему, что любятъ его. Народъ слишкомъ много страдалъ и слишкомъ практиченъ, чтобъ вѣрить словамъ: ему нужны дѣла, дѣла разумныя и сильныя.

«Чѣмъ большая часть привилегированныхъ классовъ поняла бы это и чѣмъ яснѣе сознала бы это—тѣмъ легче совершился бы переходъ къ новому порядку.

«Только дѣло въ томъ, что исторія не ждетъ».

Статья положительно блестящая и по содержанію и по языку. Она прекрасно дополняетъ проектъ «Уложенія», являясь къ нему какъ бы предисловіемъ парламентскаго докладчика. Для изученія Серно-Соловьевича статья имѣетъ важное значеніе.

Дальше слѣдуетъ переписанная на-бѣло другая, тоже не напечатанная статья —«Крѣпостники грамотности», подписанная А. А. Слѣпцовымъ и Серно-Соловьевичемъ. Она проливаетъ свѣтъ на одинъ довольно любопытный эпизодъ.

Вотъ ея содержаніе:

«Общество заклеймило названіемъ *крѣпостниковъ* людей, противящихся освобожденію крестьянъ. И названіе это сдѣлалось въ общемъ сознаніи позорнѣе всякой брани, постыднѣе всякаго порока. Вслѣдъ за освобожденіемъ отъ крѣпостного права, другой громадный вопросъ занялъ Россію: освобожденіе народа отъ невѣжества, главной причины его страданій. Все, что было живого, встрепенулось во всѣхъ концахъ Россіи. Распространеніе грамотности сдѣлалось лозунгомъ соединенія всѣхъ любящихъ отечество, любящихъ народъ, враговъ зла и безначалія, сторонниковъ правды и добра. Дѣло было такъ чисто, благородно и безкорыстно—что враждовать съ нимъ могло только закоснѣлое невѣжество, да полнѣйшій разврат мысли и чувства. Грамотность не затрагивала ничьихъ матерьяльныхъ интересовъ—стало, только непроходимое отсутствіе здраваго смысла могло мотивировать противодѣйствіе ей. Само правительство — несмотря на многія колебанія — въ концѣ концовъ все же высказалось въ пользу грамотности. Въ числѣ жертвователей на это народное дѣло грамотности встрѣчаются лица Императорской фамиліи; воскресныя школы дѣйствуютъ, частнымъ лицамъ разрѣшается учрежденіе читаленъ, обращено вниманіе на образованіе солдатъ, въ вѣдомостяхъ публикуются свѣдѣнія о ходѣ грамотности въ полкахъ и благодарность высшаго начальства тѣмъ воинскимъ частямъ, гдѣ она сдѣлала наибольше успѣховъ. Наконецъ получаетъ Высочайшее одобреніе предположеніе, чтобы уволь-

няемые въ отпускъ или отставку солдаты обучали грамотности въ сельскихъ школахъ. Все это ясно доказывало, что даже правительство, убѣдясь, что прямая опасность для него и для всей Россіи — невѣжество, рѣшилось навсегда покончить съ прежнею системою противодѣйствія образованію и само приняло дѣятельныя мѣры для распространенія ея въ средѣ, непосредственно стоящей въ соприкосновеніи съ нимъ,—въ войскѣ.

«Кто могъ ожидать, что въ то время, когда борьба между невѣжествомъ и грамотностью казалась навсегда поконченною, найдутся люди, которые рѣшатся открыто выступить рыцарями невѣжества, *крѣпостниками грамотности*? А между тѣмъ такіе люди явились—и не въ какомъ-нибудь захолустьѣ, медвѣжьемъ углу, гдѣ они вдали отъ свѣта, какъ черви или какіе-нибудь гады, могли бы надѣяться незамѣтно, скрывъ свои имена отъ позора, подтачивать новое зданіе, возводимое дружными силами честныхъ людей; нѣтъ, они явились въ самой средѣ движенія, въ Петербургѣ, заявивъ открыто и громогласно свои симпатіи невѣжеству. На-дняхъ — командиръ лейбъ-гвардіи Гатчинскаго полка, свиты Его Величества ген.-маіоръ баронъ фонъ-Виллебрандтъ, собравъ всѣхъ офицеровъ полка, объявилъ имъ приказъ: запретить строжайше нижнимъ чинамъ полка посѣщать вновь открытую читальню «Слѣпцова и Серно-Соловьевича»—единственную, находящуюся въ мѣстности города, занимаемой полкомъ. Мы воздерживаемся отъ всякаго сужденія о поступкѣ г. фонъ-Виллебрандта, отдавая его на судъ общественнаго мнѣнія—единственной не лицемѣрной защитѣ частнаго лица противъ человѣка, носящаго генеральскіе эполеты и аксельбантъ.

«Не можемъ только не прибавить, что наше военное сословіе показало столько благородно-горячей преданности дѣлу народнаго образованія, что мы никакъ не ожидали изъ этой среды противодѣйствія нашей скромной дѣятельности, имѣвшей въ виду единственно принести посильную лепту общему земскому дѣлу. Утѣшаемся по крайней мѣрѣ мыслію, что названный генералъ носитъ не русское имя и что истинно-русскіе офицеры не раздѣляютъ его симпатій невѣжеству.

А. Слѣпцовъ.
Н. Серно-Соловьевичъ.

«Просимъ всѣхъ г.г. редакторовъ перепечатать эту замѣтку».

Наконецъ еще двѣ рукописи, принадлежащія самому Серно-Соловьевичу. Первая—записка объ учрежденіи «Общества издателей и книгопродавцевъ» и напечатанный проектъ этого устава. Изъ этихъ документовъ видно, что Серно-Соловьевичъ былъ однимъ изъ членовъ комиссіи, выработавшей уставъ и стремившейся создать такое Общество, которое имѣло бы цѣлью «расширеніе книжной торговли въ видахъ облегченія пріобрѣтенія книгъ жителями провинцій, чрезъ

комиссіонерское посредничество между издателями и иногородними книгопродавцами, и вообще развитіе этой торговли на болѣе прочныхъ основаніяхъ посредствомъ сближенія интересовъ издателей и книгопродавцевъ и упроченія между ними обоюднаго кредита». Членами комиссіи были, кромѣ Николая Александровича, еще: Н. И. Водовъ, В. Е. Генкель, Н. Г. Овсянниковъ, Н. А. Сеньковскій, В. И. Дерпкеръ, Ю. И. Симашко, Ю. М. Богушевичъ, О. И. Паульсонъ и Лоскутовъ.

Вторая—черновикъ статьи экономическаго характера.

Затѣмъ шли такіе документы, какъ, напримѣръ, подписной листъ къ прошенію о Щаповѣ и записка о нашумѣвшемъ тогда баронѣ Фирксѣ, писавшемъ подъ псевдонимомъ Шедо-Фероти.

Второй документъ имѣетъ историческій интересъ. Это листъ большой почтовой бумаги, на которомъ написано:

«До Восточной войны министерство финансовъ имѣло за-границей двухъ агентовъ по мануфактурной части: въ Лондонѣ—Каменскаго и въ Парижѣ—Таля. При началѣ военныхъ дѣйствій лондонское агентство было закрыто, а Таль переведенъ въ Брюссель. По возобновленіи дружественныхъ сношеній между Франціею и Россіей русское посольство въ Парижѣ нѣсколько разъ ходатайствовало о возобновленіи тамъ агентства министерства финансовъ, но министерство постоянно отказывало въ томъ, отговариваясь недостаткомъ денежныхъ средствъ, и Таль оставался въ Брюсселѣ. Наконецъ, въ концѣ прошлаго года государь лично приказалъ Княжевичу при одномъ изъ его докладовъ назначить за-границу агентомъ члена одесской таможни барона Фиркса, вслѣдствіе чего Таль и былъ переведенъ въ Парижъ. Между тѣмъ оказывается, что этотъ господинъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Schedo-Ferotti» книжки «Etudes sur l'Avenir de la Russie».

«2-го декабря государь назначилъ его за-границу; въ министерствѣ финансовъ знали только, что онъ находится уже за-границей, не имѣя, впрочемъ, ни отпуска, ни командировки, и чтобы узнать, гдѣ онъ живетъ, должны были писать къ кн. Долгорукову, который увѣдомилъ, что г. Фирксъ находится въ настоящее время въ Дрезденѣ».

Записка И. С. Тургенева:

«М. Г. Поклонъ отъ г-жи Буткевичъ, Софьи Михайловны. Адресъ ея: (*слово не разобрано*) près de Paris, rue Laboureur, 10.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Пятница утромъ».

Изъ документовъ, имѣющихъ историческій интересъ, назову: всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства, письмо А. М. Унковскаго Александру II, «Записку о послѣдствіяхъ предполагаемаго повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ» и «Записку объ университетскихъ событіяхъ 1861 года». Всѣ четыре

приведены мною въ концѣ книги въ приложеніяхъ (см. №№ 1, 2, 3 и 4).

Затѣмъ не буду останавливать вниманіе читателя на такихъ бумагахъ, какъ статья неизвѣстнаго автора—«Характеристика славянской философіи», статья Юрія Кост-ко—«О коммунизмѣ и соціализмѣ», статья В. Грошека—«Духи и запахи», письмо предсѣдателя чрезвычайнаго тверского губернскаго дворянскаго собранія 1 февраля 1862 г. объ учрежденіи поземельнаго банка въ Тверской губерніи и способахъ выкупа крестьянами въ собственность полевыхъ угодій и протоколъ этого собранія. Кромѣ того, отобраны были изданный въ Берлинѣ въ 1857 г. «Войнаровскій» Рылѣева и брошюрка, напечатанная въ Лондонѣ въ 1855 году,—«Kraj, emigracyja i towarzystwo democratyczne polskie».

Вотъ что имѣла голицынская комиссія, кромѣ писемъ Герцена и Кельсіева, адресованныхъ къ Серно-Соловьевичу [1]).

Первый допросъ Николаю Александровичу былъ сдѣланъ только лишь 16 октября, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ арестованія.

Что же дѣлала комиссія за это время?..

АРЕСТЪ МАРКИЗА ДЕ-ТРАВЕРСЕ. ДОПРОСЫ ВЕТОШНИКОВА.

11-го іюля Потаповъ сообщилъ комиссіи, что Н. С. Бакунина еще 15-го іюня уѣхала въ тверскую деревню, что же касается маркиза Николая Александровича де-Траверсе, то онъ заявилъ о желаніи, чтобы бумаги его осматривались въ его присутствіи. Комиссія поручила осмотръ бумагъ тайному совѣтнику Жданову и тогда же постановила просить министра иностранныхъ дѣлъ назначить чиновника, который бы ознакомился съ армянскою книгою, посланною Бакунинымъ при письмѣ Налбандяну и названною имъ «поваренной».

На слѣдующій день Ждановъ осмотрѣлъ бумаги де-Траверсе вмѣстѣ съ ихъ владѣльцемъ и ничего подозрительнаго не нашелъ, если не считать двухъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ, подписанномъ «Эммануилъ», говорилось: «Сдѣлай милость, добрѣйшій Николай Александровичъ, пошли кого-нибудь за твоимъ букинистомъ и вели ему пойти на-дняхъ по слѣдующему адресу: къ Ивану Сократовичу Ремезову, въ Кабинетскую улицу, въ домъ Ларіонова. Онъ дома около 9 часовъ утра и хочетъ посовѣтоваться объ одномъ дѣлѣ». Въ другомъ письмѣ какого-то Туманскаго Жданова остановили такія строки: «Нѣтъ ли у Васъ присылки изъ Бадена? Я

[1]) Въ приложеніи № 5 привожу еще статью Н. А. Серно-Соловьевича «Городскіе выборы», полученную въ подлинникѣ отъ М. Н. Слѣпцовой.

давно ничего не читаю новаго. Мнѣ нужно съ Вами переговорить объ одномъ человѣкѣ, болѣе Вамъ, нежели мнѣ, знакомомъ, да это требуетъ свиданія».

13-го іюля Ветошникову былъ сдѣланъ комиссіей первый допросъ: очевидно, надѣялись на его полную неопытность и думали получить какія-нибудь очень важныя указанія. Онъ показалъ, что прожилъ въ Лондонѣ около трехъ недѣль; что Владиміровъ служитъ въ московской конторѣ ихъ торговаго дома, куда имъ же и опредѣленъ; что Герцену разсказалъ за все время только два анекдота, но ровно ничего касающагося Россіи не сообщалъ. Ветошниковъ не разглядѣлъ лондонскихъ эмигрантовъ и, думая, что они наплели на него въ захваченныхъ письмахъ, записалъ въ показаніяхъ: «Если въ письмахъ, привезенныхъ мною, упомянуто что-либо о дѣйствіяхъ моихъ до отъѣзда за-границу, а также, если видно въ нихъ что-либо, что я сообщилъ свѣдѣнія объ агентахъ изгнанниковъ, проживающихъ въ Лондонѣ, а также, если я имъ что-либо сообщилъ изъ Россіи, то я готовъ просить русское правительство публично напечатать, что это ложь, съ моею подписью и просить отвѣта публичнаго же отъ тѣхъ лицъ, которыя позволили написать себѣ это въ письмѣ»...

Черезъ три дня Ветошникову былъ сдѣланъ вторичный допросъ, изъ котораго видно, что съ Кельсіевымъ онъ познакомился въ магазинѣ Трюбнера, куда зашелъ купить «Колоколъ». Тотъ привелъ его къ Герцену. Видѣлъ тамъ Альбертини, Перетца, братьевъ Суздальцевыхъ, остальныхъ по фамиліямъ не знаетъ. Съ Бакунинымъ много спорилъ о невозможности отдѣлить Польшу. Вообще Ветошниковъ все время старался доказать, что, поддавшись Кельсіеву, онъ поступалъ не совсѣмъ сознательно. На второмъ допросѣ онъ написалъ: «Повергая участь свою Высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи, я подтверждаю, что я открылъ все, что только зналъ, и клянусь Всемогущимъ Богомъ, что показалъ всѣхъ лицъ, которыхъ зналъ. Сознавая свое преступленіе и ожидая заслуженнаго наказанія, я умоляю испросить милосердіе у государя императора даровать мнѣ жизнь (sic!). Я раскаиваюсь сердечно, что сдѣлался участникомъ людей, которые для достиженія своихъ замысловъ жертвуютъ жизнью и спокойствіемъ каждаго. Обѣщаюсь вѣрно, если получу дарованіе жизни, всякаго человѣка уговаривать, который по неопытности увлечется, и, если мои слова и убѣжденія не подѣйствуютъ, то всегда буду готовъ указать. какъ на вреднаго члена общества.

На вопросъ комиссіи, не знаетъ ли Ветошниковъ чего-нибудь о сношеніяхъ Серно-Соловьевича съ Чернышевскимъ, котораго арестовали сейчасъ же по прочтеніи письма Герцена къ Соловьевичу, — онъ отвѣтилъ отрицательно, а о поѣздкѣ Кельсіева изъ Лондона въ Россію сказалъ, что знаетъ, что онъ пріѣзжалъ и еще разъ собирается пріѣхать для переговоровъ съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, но у кого останавливался—не слыхалъ.

АРЕСТЫ ВЛАДИМІРОВА, ПЕТРОВСКАГО И ШИБАЕВА.

Читатель помнитъ, что, по высочайшему повелѣнію, испрошенному комиссіей, въ Москву былъ командированъ генералъ Дренякинъ.

Разумѣется, онъ тамъ не сидѣлъ сложа руки.

Въ ночь съ 9 на 10 іюля московская полиція явилась уже на квартиру личнаго почетнаго гражданина Николая Михайловича Владимірова и, не найдя его тамъ, все опечатала. То же самое было сдѣлано и въ конторѣ Фрума, Грегори и К°. 10-го утромъ Владиміровъ пришелъ домой и былъ схваченъ ожидавшей его полиціей и жандармскимъ капитаномъ. Въ тотъ же день Дренякинъ лично допросилъ Владимірова.

Тотъ показалъ, что зналъ въ Лондонѣ Суздальцева, Каменскаго, священника Попова, П. И. Скворцова, Кельсіева, Дебекера и Миронова. Кельсіева зналъ еще по коммерческому училищу, куда онъ поступилъ въ 1845 г., а окончилъ въ 1855-мъ. Владиміровъ кончилъ училище въ 1858 г. и служилъ до середины 1859-го въ конторѣ Скворцова и К°, а потомъ былъ отправленъ ею въ Лондонъ, гдѣ и служилъ въ отдѣленіи конторы бухгалтеромъ. Послѣ прекращенія торговаго дѣла долженъ былъ вернуться въ Россію и вскорѣ былъ опредѣленъ Ветошниковымъ въ контору Фрума.

Дренякинъ немедленно направилъ Владимірова въ Петербургъ, гдѣ 16 іюля онъ былъ уже заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Изъ бумагъ, взятыхъ при его арестѣ, было обращено вниманіе на слѣдующія мѣста черновыхъ писемъ.

«Въ Лондонѣ я сталъ понимать значеніе жизни, тамъ я узналъ и оцѣнилъ свободу и возненавидѣлъ деспотизмъ». «Теперешняя цензура» не препятствуетъ, а *обязываетъ* къ распространенію секретныхъ типографій». «Если во всю нашу 1000-лѣтнюю исторію у насъ не существовало связи народа съ правительствомъ, и оно только военною силою управляло и стращало народъ, то этотъ порядокъ теперь уже ослабъ сильно и поддерживается искусственно; чтобъ удержать, употребляются послѣднія усилія. Сила истощилась, сдѣланъ порывъ—панъ или пропалъ—оппозиція молода, крѣпка, канатъ порвется». Защищая студентовъ отъ обвиненій въ поджогахъ 1862 года, Владиміровъ писалъ: «Я знаю ихъ идеи и ихъ путь. Они чисты передъ Русью, ни одинъ изъ нихъ не могъ повредить и не повредилъ народу. Они шли и пойдутъ прямо впередъ».

Затѣмъ изъ письма къ нему Суздальцева видно, что Владиміровъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, передалъ Кельсіеву два письма: отъ Ничипоренка и Щапова. Механикъ Кноблохъ, служившій въ нижегородской конторѣ пароходства, просилъ Владимірова устроить ему полученіе «Колокола». Ничипоренко приглашалъ Владимірова въ театръ, въ ложу. На какой-то запискѣ можно разобрать, что Евгеній Печаткинъ никакъ не хочетъ дать кому-то портретъ Герцена.

Тутъ же два письма Артура Бени.

1.

«Редакція «Русскаго Инвалида» на Екатерининскомъ каналѣ, въ домѣ Ковалевской.

Воскресенье, ночью.

«Я буквально не имѣлъ ни одной минуты свободнаго времени, чтобы Вамъ отвѣтить на Ваше письмо отъ 11 с. м. Я живу здѣсь въ редакціи, и если Вы можете зайти завтра (понедѣльникъ) вечеромъ въ 8 или 9 часовъ, то Вы меня здѣсь найдете. Вашъ *А. Б.*».

2.

«Редакція «Инвалида».

Среда, вечеромъ.

«Любезный Мсье Владиміровъ,—я слышалъ сегодня отъ г. Ничипоренки, что, не находя здѣсь для себя занятія, Вы думаете уѣхать куда-то. О безразсудности такого намѣренія съ Вашей стороны говорить нечего; но такъ какъ одни добрые совѣты и сожалѣнія Вамъ очень мало помогутъ, то я дѣлаю Вамъ съ большимъ удовольствіемъ слѣдующее предложеніе: не хотите ли Вы взять на себя переводы на русскій съ англійскаго газетъ и журналовъ для «Инвалида»? Условія тѣ, чтобы Вы приходили сюда, въ редакцію, ежедневно, въ 10 ч. утра и работали здѣсь до 12 или часу (остальную работу Вы можете взять на ночь на домъ, съ тѣмъ, чтобы ее доставить на другой день). Плата за переводъ 1½ коп. со строки, а за компиляцію 2½ коп.

«Такъ какъ выборъ переводчика отъ меня зависитъ, то я былъ бы чрезвычайно радъ, если бы могъ этимъ быть Вамъ какъ-нибудь полезнымъ. Если можете, то потрудитесь зайти ко мнѣ завтра вечеромъ; я до того времени постараюсь поговорить съ полковникомъ Писаревскимъ [1]).

Вашъ *А. Бенни*».

Два письма къ Владимірову Герцена.

1.

5 декабря.

«*Вамъ самимъ*.

«Пожалуйста, не забудьте:

1-е. Сказать, что всѣ знающіе меня, но которымъ я не даю писемъ рекомендательныхъ къ кому-нибудь изъ серьезныхъ людей,—можетъ, и прекрасные люди, но я за нихъ не отвѣчаю. Пусть сами изслѣдуютъ каждаго.

---

[1]) Тогдашній арендаторъ «Русскаго Инвалида», человѣкъ прогрессивный и не чуждый либеральныхъ вѣяній времени.

2-е. Мнѣ обѣщали адресъ-календарь своего рода лицъ, бывшихъ въ «Колоколѣ»—это очень хорошая вещь.

3-е. Нельзя ли узнать достовѣрно: отрывки изъ записокъ Михайловскаго-Данилевскаго, бывшіе въ «Истор. Сбор.» (книж. II), — настоящіе или нѣтъ? Я увѣренъ, что они настоящіе, но его дочь съ преднамѣренной грубостью отреклась въ *(слово не разобрано)*.

4-е. Дать знать какъ можно скорѣе Б.[1]), чтобы выслали деньги въ Лондонъ или Парижъ, напримѣръ, на имя И. С. Тургенева (210 Rue de Rivoli). Онъ будетъ здѣсь къ Новому году, можетъ, прежде; нельзя же его оставить такъ. Мы свое сдѣлали.

5-е. Сказать, что изъ присланныхъ мнѣ старыхъ статей моихъ есть статья изъ «Владим. Вѣдом.», которой, сколько я помню, я не писалъ. Я когда-то въ Вяткѣ написалъ прескверную рѣчь объ открытіи библіотеки въ 1836 г., но этой статьи не помню. «Влад. Вѣд.» были подъ моимъ завѣдываніемъ, но плодовитое и сильное перо ихъ былъ несчастный Небаба, о которомъ я говорю въ «Былое и думы». Есть ли тамъ подпись или буквы Г., А. Г. или И—ръ?»

2.

7 декабря 1861 г.

«Сейчасъ мы получили много вѣстей изъ Россіи. Между прочимъ опять говорятъ о Бени и сильно подозрѣваютъ его. Да когда-жъ его рекомендовали? Пора быть осторожными. Скажите пославшему портреты (военнаго и статск.), что портреты и письма—все пришло исправно. Спасибо имъ отъ всей души. Это тотъ самый Г-нъ, къ которому письмо.

«Прощайте, да хранитъ Васъ судьба не отъ бурь, а отъ шуваловскихъ бурьяновъ [2]). Не забудьте сказать Н., что, кромѣ коническихъ сѣченій, никакихъ честно употреблять при воспитаніи нельзя. И если онъ ошибался въ 50 лѣтъ, дозволяется, хоть изъ дружбы къ намъ, въ 51 исправиться.

«О Бени скажите, во-первыхъ, Неч. [3]).

Искандеръ.

«P. S. Бога ради, достаньте и пришлите Чичерина лекцію противъ студентовъ. Говорятъ, что она въ «Москов. Вѣд.», если же она будетъ напечатана въ Петерб., то не стоитъ посылать,—мы получимъ».

Письмо Огарева неизвѣстно кому написанное. Вотъ оно:

«Вы точно безъ вѣсти пропали, ни слуху, ни духу.

«Эту записку передастъ вамъ Владиміровъ, очень хорошій и способный юноша. Будьте ему полезны сколько возможно.

«Крѣпко жму вашу руку. Скажите когда-нибудь о себѣ живое слово.

Вашъ *О.*

---

[1]) Н. С. Бакуниной.

[2]) Гр. Шувазовъ—главноуправляющій III Отдѣленіемъ.

[3]) Ничипоренко.

(приписка Герцена) «и вашъ *А. Г.* жметъ вашу руку и рекомендуетъ Владимірова».

Таковъ былъ матеріалъ въ отношеніи Владимірова. Разумѣется, Дренякинъ, а за нимъ и комиссія придали ему большое значеніе.

Въ тотъ же день, 10 іюля, московская полиція нагрянула и на квартиру штабсъ-капитана Астраханскаго гренадерскаго полка, прикомандированнаго къ Александринскому сиротскому кадетскому корпусу, Александра Александровича Петровскаго, и арестовала его. Однако, разобравшись въ бумагахъ, поняли, что это не тотъ Петровскій, котораго было нужно. Наведя справки, Дренякинъ отправилъ жандармскаго полковника Воейкова въ сельцо Ваулино Можайскаго уѣзда, гдѣ ему съ мѣстнымъ исправникомъ предстояло произвести обыскъ и арестовать Николая Ѳедоровича Петровскаго. Послѣдній жилъ тамъ на квартирѣ управляющаго Ваулинымъ — Орфано. Петровскаго привезли въ Москву, осмотрѣли въ его присутствіи его зимнюю квартиру и, не найдя ничего особеннаго, отправили въ Петербургъ, гдѣ 15 іюля онъ былъ водворенъ въ крѣпость.

Изъ письма къ нему нѣкоего Сахновскаго было видно, что въ Москву ожидаютъ изъ Петербурга съ массою книгъ А. А. Котляревскаго; Дренякинъ немедленно отправилъ агента на ловлю. Котляревскаго схватили въ Клину, но въ багажѣ его ничего подозрительнаго не оказалось. Тогда обыскали заранѣе опечатанную квартиру и получили отъ самого Котляревскаго три книги лондонскаго изданія.

«Петровскій и Котляревскій люди умные, *ученые*, особенно Котляревскій, труженики во имя науки и вообще заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ гнѣва»,—писалъ Дренякинъ Потапову, но, очевидно, это было не его мнѣніе, а лишь изложеніе его образа дѣйствій съ ними. Онъ прикинулся цѣнящимъ ихъ ученость и кое-что узналъ. Прежде всего, благодаря Котляревскому, былъ разгаданъ ребусъ— «Иванъ Ивановичъ». «Это Шибаевъ, старовѣръ»,—побѣдоносно сообщалъ Дренякинъ. Затѣмъ Т. Ѳ. Б.—Тимофей Федоровичъ Большаковъ, корреспондентъ академіи наукъ, книгопродавецъ, собиратель старопечатныхъ книгъ. К. Т. — Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, только что вернувшійся изъ-за-границы и на слѣдующій же день приглашенный къ Дренякину очень ласковымъ письмомъ... Въ виду этихъ открытій генералъ рѣшилъ оставить Котляревскаго на свободѣ. И, чувствуя, что застѣночныхъ дѣлъ мастеръ—Потаповъ— не пойметъ такого «тонкаго хода», онъ прибавляетъ: «Бюрократическіе пріемы въ такомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, не пригодны. Думаю, что противу враговъ надо употреблять если не лучшее оружіе, то одинаковое, или—*средства освящаются цѣлью*. Цѣль же моя, указанная мнѣ правительствомъ, воистину добрая»...

Черезъ пять дней Дренякинъ пишетъ Потапову, что за Котляревскимъ учрежденъ надежный секретный надзоръ. Шибаевъ его знаетъ, значитъ, это онъ — тотъ самый, кого Кельсіевъ называетъ бывавшимъ на сходкахъ старовѣровъ въ Кремлѣ, а слѣдо-

вательно «не чуждъ и кельсіевскихъ затѣй». На допросъ Шибаевъ показалъ, что ни Петровскаго, ни Кельсіева, ни Бѣлозерскаго не знаетъ, Котляревскій же и нѣкій Ундольскій бывали на ихъ старообрядческихъ собраніяхъ. Онъ арестованъ. Солдатенковъ сказалъ, что до поѣздки за-границу не былъ знакомъ съ Кельсіевымъ, съ которымъ встрѣтился въ Лондонѣ у Суздальцева. Тамъ Кельсіевъ просилъ у него 3000 руб., но онъ не далъ.

Любопытно, что Дренякинъ попутно высказывается въ смыслѣ необходимости освободить расколъ отъ излишнихъ стѣсненій, чтобы тѣмъ отдалить его отъ политическихъ протестантовъ.

АРЕСТЪ НАЛБАНДЯНА. ЕГО ЛИЧНОСТЬ.

Налбандяна въ Москвѣ Дренякинъ уже не засталъ, и потому дано было знать въ Нахичевань, гдѣ его и арестовали 14 іюля, и сейчасъ же, вслѣдъ за обыскомъ, отправили въ Петропавловскую крѣпость.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, я считаю необходимымъ остановить вниманіе читателя на личности Михаила Лазаревича Налбандяна, одного изъ видныхъ армянскихъ дѣятелей тогдашняго времени. Совершенно не зная армянскаго языка, я не имѣлъ возможности ознакомиться съ работами о Налбандянѣ, написанными, напримѣръ, г. Шахъ-Азизомъ, и пользуюсь краткой замѣткой, составленной для меня Н. Г. Адонцемъ.

Налбандянъ является талантливымъ выразителемъ на армянской почвѣ того теченія литературной и общественной мысли, которое охватило русское общество въ шестидесятыхъ годахъ. Достойно удивленія, что человѣкъ безъ всякаго систематическаго образованія, сынъ бѣдныхъ родителей, безъ всякихъ средствъ, работая надъ собой, поднялся до того, что сумѣлъ заинтересовать своей личностью Герцена, Огарева, Бакунина и другихъ. Въ письмѣ Герцена къ Серно-Соловьевичу Налбандянъ названъ: «золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости».

Онъ родился въ 1830 г. и первоначально обучался дома, а потомъ у нахичеванскаго священника, Гавріила Патканяна. Вліяніемъ учителя слѣдуетъ объяснить первоначальное намѣреніе Налбандяна посвятить себя служенію церкви. Зачисленный въ дьячки при церкви св. Григорія, онъ продолжалъ заниматься у одного изъ бывшихъ членовъ ученой конгрегаціи Венеціанскихъ Мхитаристовъ для пополненія своего духовнаго образованія. Необыкновенныя способности юнаго дьячка не ускользнули отъ вниманія епархіальнаго начальника Бессарабской епархіи, епископа Матѳея, который и взялъ его къ себѣ въ 1847 г. личнымъ секретаремъ. Казалось бы, судьба Налбандяна окончательно рѣшена, но неожиданный случай привелъ къ тому, что онъ скинулъ съ себя рясу. Разсказываютъ, что поводомъ къ тому послужилъ конфликтъ, воз-

никшій между Матѳеемъ и патріархомъ Нерсесомъ V изъ-за одного вопроса общественнаго значенія, волновавшаго тогда нахичеванское общество. Налбандянъ, который въ качествѣ секретаря, если не руководилъ дѣйствіями епископа, то оказывалъ сильное вліяніе на него, естественно, навлекъ на себя подозрѣніе патріарха; боясь наказанія, онъ заблаговременно оставилъ духовное званіе. Партійныя интриги въ Нахичевани заставили Налбандяна удалиться изъ родного города въ Москву. Къ этому времени относится появленіе въ печати первыхъ трудовъ его, помѣщенныхъ въ еженедѣльномъ изданіи «Араратъ», выходившемъ подъ редакціей его бывшаго учителя (1850—51). Изъ нихъ наиболѣе интересно сатирическое произведеніе «Мнѣніе глупцовъ объ образованіи», по тенденціи своей напоминающее извѣстную сатиру Кантемира.

Въ 1853 г. Налбандянъ отправился въ Петербургъ, чтобы держать экзаменъ при факультетѣ восточныхъ языковъ на званіе учителя армянскаго языка. При содѣйствіи армянскаго кн. Лазарева, къ которому онъ имѣлъ рекомендаціи отъ покровителя своего, еп. Матѳея, Налбандянъ удачно сдалъ экзаменъ и пріобрѣлъ искомое право. Благодаря тѣмъ же Лазаревымъ, онъ устроился въ Москвѣ, получивъ мѣсто преподавателя въ Лазаревскомъ институтѣ. Черезъ годъ, однако, вмѣшательствомъ патріарха Нерсеса Михаилъ Лазаревичъ былъ отстраненъ отъ должности, но остался въ Москвѣ до 1859 г. Онъ записался вольнослушателемъ въ университетъ и посѣщалъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Столичныя условія жизни и университетская среда оказали свое вліяніе на чуткую натуру Налбандяна, раздвинувъ его умственный горизонтъ и переобразовавъ его въ духѣ реалистической школы Добролюбова и Писарева. Основные мотивы русскаго движенія — тяга къ народу и демократическое свободомысліе — глубоко запали въ его душу.

Русскія теченія не миновали столичную армянскую молодежь вообще, наиболѣе дѣятельными представителями которой являлись тогда питомцы Лазаревскаго института. Надо замѣтить, что высшіе руководители этого учебнаго заведенія въ то время еще считались съ необходимостью хранить завѣты просвѣщенныхъ его основателей, которые потратили огромныя средства на институтъ съ единственной цѣлью обслуживать своихъ сородичей и вообще окраину имперіи образованными людьми съ нужнымъ знаніемъ мѣстныхъ языковъ.

Въ средѣ московскихъ студентовъ-армянъ образовался въ 1858 г. кружокъ, существующій и до сихъ поръ. Въ этомъ же году сталъ издаваться въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ ежемѣсячный журналъ «Сѣверное Сіяніе», какъ органъ тѣхъ теченій и взглядовъ, которые вырабатывались среди столичной интеллигенціи. Редакторомъ журнала былъ проф. института Степанъ Назарянцъ. По складу ума и характеру, онъ представлялъ полную противоположность Налбандяну. Человѣкъ съ тяжелымъ мыслительнымъ аппаратомъ мало походилъ на живого Михаила Лазаревича. Но нельзя отрицать того, что онъ многимъ обязанъ Назарянцу и прежде

всего культурой своего мятежнаго и развязнаго ума. Назарянцъ при всемъ строгомъ образованіи не былъ призванъ для публицистической дѣятельности, и если его журналъ пользовался успѣхомъ, то главнымъ образомъ благодаря шумному и бойкому перу Налбандяна. Его статьи и фельетоны вносили жизнь въ загроможденный грузными трактатами и переводами журналъ. Въ качествѣ сотрудника «Сѣвернаго Сіянія», Налбандянъ обнаруживалъ разнородныя способности: онъ писалъ стихи, разсказы, статьи литературнаго и критическаго характера, помѣщалъ переводы съ иностранныхъ языковъ; въ особенности много шуму подымали его злободневные фельетоны («Записки изъ дневника графа Эммануила»), написанные талантливо и ѣдкимъ, безпощаднымъ языкомъ.

Налбандянъ не славился крѣпкимъ сложеніемъ; усиленная работа подточила слабый отъ природы организмъ, и въ 1859 г., по совѣту докторовъ, онъ поѣхалъ за-границу. Тамъ онъ побылъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ октябрѣ снова былъ уже въ Петербургѣ. Тогда онъ помѣстилъ въ «Сѣверномъ Сіяніи» извѣстное свое стихотвореніе «Пѣснь о свободѣ», въ которомъ отражались его политическія настроенія, навѣянныя заграничной жизнью и знакомствами. При всѣхъ своихъ литературныхъ недостаткахъ, это произведеніе по картинности и мощи выраженія до сихъ поръ стоитъ одиноко въ армянской поэзіи. Эти преимущества сдѣлали «Пѣснь о свободѣ» одной изъ самыхъ популярныхъ пѣсенъ, можно сказать, всеобщимъ народнымъ достояніемъ.

Въ 1860 г. Налбандянъ совершилъ далекій путь въ Индію. Дѣло въ томъ, что, по завѣщанію одного изъ калькутскихъ негоціантовъ, нѣкоего Масех-Бабадмана, часть доходовъ съ оставленныхъ имъ недвижимыхъ имуществъ должна была поступить въ пользу армянскаго общества Нахичевани. Въ виду того, что со времени завѣщанія (1794 г.) нахичеванцы ничего не получали, Налбандянъ поднялъ этотъ вопросъ и самъ вызвался на защиту законныхъ правъ родного города, разумѣется, имѣя въ виду возможность безпрепятственнаго и быстраго передвиженія, крайне необходимаго для него, какъ человѣка, принявшаго на себя обязанность пропагандиста армянскаго политическаго движенія. Поборовъ всѣ преграды, онъ поѣхалъ въ Индію и съ успѣхомъ выполнилъ порученную ему обществомъ миссію.

На пути и обратно Налбандянъ объѣхалъ Европу и навѣстилъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Такимъ образомъ, въ промежуткѣ отъ 1859 г. до іюня 1862 г., когда Налбандянъ вернулся въ Россію, онъ нѣсколько разъ побывалъ въ Европѣ и сталъ въ близкія отношенія къ кружку лондонскихъ русскихъ эмигрантовъ. Въ чемъ состояли эти связи, въ точности неизвѣстно, отчасти потому, что еще не всѣ труды Налбандяна обнародованы. Кое-что ясно будетъ изъ дальнѣйшаго.

При обыскѣ у Налбандяна было взято много матеріала, совершенно достаточнаго для обвиненія его въ сообществѣ съ «лондонскими пропагандистами».

Приведу сначала пять писемъ Бакунина.

I.

24 апрѣля 1862. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Мой милый Налбандовъ, вы вѣрный другъ и славно исполнили свое обѣщаніе. Спасибо вамъ. Теперь только двѣ просьбы, постарайтесь, чтобъ деньги женѣ были высланы скорѣе, если можно въ маѣ, и ужъ никакъ не позже, какъ въ іюнѣ по русскому исчисленію. А, во-вторыхъ, о томъ, слѣдуетъ ли ей или нѣтъ ѣхать въ Лондонъ, ни съ кѣмъ, даже съ моимъ семейством, не говорите — это только помѣшало бы пріѣзду моей жены въ Россію, потому что, не зная моего семейства и даже нѣсколько чуждаясь его, она скорѣе согласится ждать лучшихъ дней у своихъ родныхъ въ Иркутскѣ, чѣмъ ѣхать къ моимъ на неопредѣленное время. И, какъ вы сами говорите, это ужъ дѣло мое, я одинъ, взвѣсивъ всѣ *лишь мнѣ одному извѣстныя* обстоятельства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, могу правильно обсудить его. — Другіе же, и самые лучшіе, и самые умные, и самые симпатичные и близкіе люди могутъ только о немъ резонировать. — Моя-жъ непремѣнная воля, чтобъ она какъ можно скорѣе прибыла въ Лондонъ. — А какими средствами мы будемъ жить?.. да подумаемъ — средства найдутся. Итакъ, любезный другъ, сосредоточьте на первое время всю свою энергію на скорѣйшій переѣздъ моей жены изъ Иркутска въ Тверскую губернію, въ деревню къ матушкѣ. Объ остальномъ перепишемся послѣ, вѣдь у меня вашъ адресъ есть. Вы знаете, куда адресовать ваши письма, и лексиконъ у насъ также есть[1]). Все въ порядкѣ.

«Ну-съ, теперь приступаю къ лондонскому рапорту. A tout segneur, tout honneur: начинаю съ старшова. Private gentlemen[2]) отправляется сегодня съ Junior[3]) отыскивать дачу. Погода прекрасная, оба въ веселомъ расположеніи духа, имъ будетъ весело. Поэтъ[4]) сидитъ дома, такой же твердый — страдалецъ, милый и тихій, какъ всегда. — Мы обѣдали вчера у нихъ съ Марціановымъ и Альбертини — послѣдній подпилъ. Privat поднесъ двѣ бутылки шампанскаго да потомъ коньячку — не выдержалъ Альбертини, проспалъ цѣлый вечеръ — ну даже до рвоты. О Синглѣ[5]) ни слова, я его давно не видалъ, — а Pan[6]) безъ васъ скучаетъ, хотя здоровьемъ и процвѣтаетъ. Недавно мы въ угоду ему обѣдали вмѣстѣ съ нимъ у Bibero, какого-то нѣмца и венгерца — потомъ—чтобы вы думали? — въ Ельдорадо пошли смотрѣть жи-

---

[1]) Образецъ шифрованнаго лексикона приводится ниже.
[2]) А. И. Герценъ.
[3]) Сынъ его, А. А. Герценъ.
[4]) Н. П. Огаревъ.
[5]) ?
[6]) Чернецкій.

выя картины. — А передъ тѣмъ, руководимый Паномъ, я заказалъ себѣ цѣлое лѣтнее платье за 4½ фунта. — Вотъ вамъ, кажется, полный отчетъ, и отъ васъ жду такого же. — Я, мы всѣ очень рады, что вы такъ полюбились старому Тургеневу, а такъ какъ чувства всегда бываютъ взаимны, то и онъ, безъ сомнѣнія, вамъ полюбился не менѣе. — Я получилъ его письмо и буду отвѣчать сегодня вечеромъ. — Да вытолкайте же его скорѣе изъ Парижа, намъ смерть хочется съ нимъ повидаться, и я надѣюсь, что онъ пробудетъ съ нами никакъ не менѣе недѣли.

Прощайте, обнимаю васъ

М. Бакунинъ».

2.

6 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Любезный другъ, надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ еще въ Парижѣ.—Тургеневъ, въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ превращаться въ сказочное существо, не подчиняющееся ни логическимъ законамъ, ни математической вѣроятности. Когда онъ выѣдетъ изъ Парижа, когда будетъ въ Лондонѣ, когда возвратится въ Россію,—этого, видно, никто, даже онъ самъ, сказать не можетъ. А между тѣмъ деньги должны быть посланы моей женѣ какъ можно скорѣе, и если можно будетъ, не позже конца мая по русскому календарю, а если-бъ было возможно, то и гораздо прежде. Поэтому прошу васъ, переговорите съ нимъ толкомъ, или лучше еще—покажите ему это письмо. Онъ не разсердится. Постарайтесь узнать отъ него какъ можно точнѣе и опредѣленнѣе, въ какое время вы можете получить отъ него, разумѣется взаймы, на имя братьевъ, обѣщанные имъ 2000 руб. — Тогда, переговоривъ потомъ съ братьями, вамъ легко будетъ достать ихъ взаймы. Нужно дѣйствовать энергически и ясно,—иначе моя бѣдная жена просидитъ еще годъ въ Сибири.—*А это рѣшительно невозможно.* Переговорите-жъ съ Тургеневымъ, пусть же онъ вамъ дастъ опредѣленный путный, *дѣловой* отвѣтъ.—Можетъ или не можетъ? и когда можетъ? Чтобы вамъ можно на это положиться.—Если не можетъ, и если есть даже невѣрность, неопредѣленность, сомнѣніе въ возможности,—пусть скажетъ ясно. Тогда я долженъ буду прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, повинуясь необходимости, ибо, повторяю еще разъ, *жена не должна оставаться ни минуты долѣе въ Сибири.*—А почему не должна и не можетъ, это ужъ мое дѣло, не подлежащее ничьему сужденію.—Въ Тургенева вѣра моя была бы безусловна, если-бъ въ немъ не было чего-то ирраціональнаго, непредвидѣннаго,—а главное—магнитически его удерживающаго въ Парижѣ и отталкивающаго отъ Лондона, чего-то обманывающаго всѣ разсчеты. На васъ же я полагаюсь вполнѣ.—Жду, признаюсь, съ нетерпѣніемъ, вашего послѣдняго письма изъ Парижа.

«Здѣсь много русскихъ—между ними много безтолочи, но есть и хорошіе люди.—Между ними я сошелся особенно съ однимъ ло-

ложительно хорошимъ и полезнымъ человѣкомъ, съ Николаемъ Ильичемъ Вороновымъ.—Онъ будетъ въ Питерѣ въ іюнѣ и привезетъ вамъ отъ меня письмецо. Примите его, какъ хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія.—Онъ былъ учителемъ гимназіи въ Ставрополѣ, потомъ въ Екатеринодарѣ. Теперь, немедленно по возвращеніи изъ-за-границы, ѣдетъ въ Тифлисъ.—Во-первыхъ, научите его, какъ переписываться со мною и черезъ Петербургъ и черезъ Москву—а также и черезъ Одессу и черезъ Тифлисъ, т. е. черезъ Константинополь, куда ему долженъ быть данъ адресъ. Онъ и въ Европейскомъ и въ Азіатскомъ отношеніи будетъ полезенъ.—Потому не худо бы было рекомендовать его добрымъ людямъ въ Тифлисѣ, которые были бы знакомы съ добрыми людьми въ Константинополѣ.—Я вамъ пишу черезъ вашего парижскаго друга, потому что не увѣренъ, чтобы вы еще были въ Парижѣ.—А ваши письма пусть будутъ посылать лучше всего ко мнѣ въ Лондонъ, на слѣдующій адресъ: London. 10. Paddington Green. W. Mis. W. F. Wesche. For remitting so Miss Eliza Jones.

«Этотъ же адресъ дайте и вашему пріятелю въ Парижѣ.

«Черезъ недѣлю я съ Альбертини и Марціановымъ переѣзжаю за городъ. На девяти-пенсовомъ разстояніи по желѣзной дорогѣ отъ Orsett-House—и дешевле будетъ и свѣжѣе.

«Прощайте, любезный другъ.

«Крѣпко васъ обнимаю.

«Сейчасъ спохватился—вѣдь у меня нѣтъ еще адреса вашего парижскаго соотечественника.

«Пожалуйста, напишите его».

Инструкція.

1. По пріѣздѣ въ Петербургъ немедленно доставить письмо мое Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, урожденной Корсаковой, или мужу ея, моему брату Павлу Александровичу.—Найти ихъ вы можете:

a) или съ помощью Ивана Сергѣевича[1]) или своимъ умомъ въ Петербургѣ, гдѣ живетъ постоянно все семейство Корсаковыхъ;

b) или въ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, *село Прямухино.* По желѣзной дорогѣ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, въ верстахъ 90 отъ перваго и въ 60 отъ второго есть станція и *село Осташково.* Тамъ выйти изъ вагона, взять любого ямщика, всякій знаетъ Бакуниныхъ и въ часовъ пять довезетъ черезъ Торжокъ (30 верстъ отъ Осташкова) въ Прямухино (30 верстъ отъ Торжка).

2. Цѣль свиданія или поѣздки—переговорить съ моимъ семействомъ о мѣрахъ, необходимыхъ для немедленнаго пріѣзда моей жены изъ Иркутска въ деревню къ матушкѣ.—Прежде всего—матушка, сестры и братъ, оставшійся на свободѣ, должны *не-*

[1]) И. С. Тургенева

премѣнно, не теряя ни одной минуты времени, написать къ ней соборное посланіе, въ которомъ въ выраженіяхъ искреннихъ, по возможности горячихъ, они должны звать ее къ себѣ. Если они не знаютъ, какъ послать къ ней это письмо, то, заставивъ его написать, возьмите ихъ письмо и отправьте его въ Иркутскъ изъ Петербурга.

3. Заняться съ помощью и съ совѣтомъ И. С. Тургенева и брата составленіемъ суммы 2000 руб. сер. для пересылки оной женѣ—какъ можно скорѣй, такъ чтобы она могла получить эти деньги, если возможно, еще въ маѣ. Если же не можно будетъ сдѣлать это такъ скоро, то написать ей, не теряя времени, и предупредить ее, что къ такому времени она получитъ такую-то сумму.

4. Переслать ей сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ мое письмо и вступить съ ней въ переписку—она предупреждена мною, что Петръ Александровичъ Цуриковъ [1]) будетъ писать ей отъ моего имени и по моему порученію.—Въ письмѣ своемъ просите ее о немедленномъ отвѣтѣ и дайте ей свой адресъ для того, чтобы она могла отвѣчать вамъ.

5. Писать къ ней можно двоякимъ способомъ:

a) или черезъ курьера, если такой въ скоромъ времени найдется;

b) или по почтѣ, на имя ея матери: Ея благ. Юліи Михайловнѣ Квятковской, въ г—дѣ Иркутскѣ Восточной Сибири—болѣе ничего, — только письмо застраховать. — На имя Юліи Михайловны можно послать и деньги, а, въ случаѣ нужды, и письмо мое къ женѣ.

c) А если найдете Наталью Семеновну въ Петербургѣ, или въ скоромъ времени увидите ее въ Прямухинѣ, то она, можетъ быть, рѣшится послать мое письмо прямо къ брату своему, Михаилу Семеновичу Корсакову, который хоть и не жалуетъ меня и теперь на меня особенно сердится, но человѣкъ добрый и благородный и пакости не сдѣлаетъ.

d) Прилагаемое письмо М. С. Корсакову, завернувъ въ другой конвертъ и надписавъ адресъ, послать прямо къ нему по почтѣ: Его Высокопревосх. Михаилу Семеновичу Корсакову Генералъ-Губернатору Восточной Сибири.—Послать немедленно.

6) Дать мнѣ знать о всемъ сдѣланномъ—и писать:

Налбандовъ—Петръ Александровичъ Цуриковъ.

Я—Брыкаловъ.

Жена—Марія Осиповна.

Natalie—Олимпія Сергѣевна Виноградка.

Бакунины—Бабарыкины.

братья:

Николай—Петръ Савельевичъ.

Павелъ—Илья Михайловичъ.

Алексѣй—Сергѣй Федоровичъ.

И. С. Тургеневъ—Ларіонъ Андреевичъ.

[1]) Т. е. Налбандянъ.

Лидовъ—Андрей Ивановичъ.
Корсаковы—Пафнутьевы.
Михаилъ Семеновичъ, Корсаковъ—Александръ Петровичъ.
Кетчеръ—Кульманъ.
Квятковскіе—Пантелеевы.
Юлія Михайловна Квятковская } Анна Андреевна.
Герценъ—баронъ Тизенгаузенъ.
Сынъ его—Дмитрій Сергѣевичъ.
Огаревъ—Костеровъ.
Pan—O'wander.
Czenceny—Reinolds.
Кельсіевъ—Рудаковъ.
Государь—Гавриловъ.
Константинъ Николаевичъ } Рюминъ.
Правительство—Дурновъ.
Тайная полиція—Слѣпневъ.
Потаповъ—Pedrotti.
Шуваловъ—Ламбертъ.
Князь Лобановъ—Мартыновъ.
Горчаковъ или другой министръ иностран. дѣлъ } Сафоновъ.
Армяне—Жиды.
Греки—Татары.
Турки—Сапожники.
Славяне—Нѣмцы.
Грузія, Кавказъ—Тула.
Арменія—Москва.
Турція—Крымъ.
Сосланъ—поѣхалъ по дѣламъ.
Петербургъ—Або.
Крѣпость—кондитерская.
Тюрьма—кофейная.
Арестъ—Table d'hote.
Кронштадтъ—Керча.
Шлиссельбургъ—Таганрогъ.
Сибирь Вост.—Крымъ.
Сибирь Западная—Литва.
Иркутскъ—Калуга.
Томскъ—Одесса.
Омскъ—Полтава.
Москва—Мценскъ.
Екатеринославъ—Рязань.
Тверь—Орелъ.
Торжокъ—Моршанскъ.
Ст. Осташковъ—Красное.
Прямухино—Рыбное.

3.

10 мая 1862 г. Лондонъ.
10, Paddington Green. W.

«Любезный другъ, этакъ-то вы изъ Парижа выѣзжаете? Зажились тамъ, какъ Тургеневъ, да и ни гугу!—Ну, да видно дѣла есть—и у меня также есть до васъ дѣло.—Явится къ вамъ въ Питерѣ съ письмомъ отъ меня Николай Ильичъ Вороновъ, котораго мы будемъ впередъ называть: *Александръ Петровичъ Вандерманъ*. Примите его, какъ нашего друга, вамъ всѣми тремя [1]) рекомендуемаго. Онъ крѣпкій и умный хохолъ, долго прожившій въ Новороссійскомъ краѣ и хорошо знающій Кавказъ; въ іюнѣ будетъ въ Питерѣ, а въ сентябрѣ въ Тифлисѣ. Онъ переговоритъ съ вами о новомъ средствѣ доставленія нашихъ товаровъ [2]) въ Кавказскій край. — Его мысль слѣдующая: изъ Трапезунта ходятъ на Кавказскій берегъ малыя турецкія суда съ контрабандою, которую провозятъ во множествѣ. Горцы же, пользуясь правомъ возить съ горъ дрова на всѣ русскіе посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ ввозили между дровами и наши лондонскіе запрещенные товары. А на русской линіи покупаютъ ихъ съ чрезмѣрною охотою и готовы платить большія деньги. Показаніе ясно, слѣдуетъ имъ воспользоваться и регулировать его.

«По полученіи сего, напишите кому изъ своихъ, дѣльному и торговому человѣку въ Константинополѣ, за честность и дѣльность котораго вы передъ нами отвѣчать можете, и уговорите его устроить отношенія по этому дѣлу съ контрабандистами въ Трапезунтѣ — такъ что намъ была бы возвращаема имъ только лондонская цѣна посылаемыхъ товаровъ, плюсъ цѣнность пересылки ихъ изъ Лондона въ Константинополь. Всѣ же остальные барыши предоставляются ему. Если такой человѣкъ въ Константинополѣ найдется, то попросите его написать прямо ко мнѣ на слѣдующій адресъ, которымъ и вы пользуйтесь при случаѣ:

London. Mis. W. F. Wesche. 10 Paddington Green. W. For remitting so Miss Eliza Jones.

«Пусть, называя васъ: Monsieur Leonardi (пользуйтесь и впередъ этимъ именемъ), скажетъ, что на основаніи вашего приглашенія сдѣлалъ то-то и то, желаетъ того-то, предлагаетъ то-то и то, ясно обозначивъ всѣ желанія, условія, требованія, время и также адресъ, на который ему должны посылаться наши товары и письма. Постарайтесь устроить это дѣло, любезный другъ; не я одинъ, самъ Privat проситъ васъ о томъ же.—А когда увидитесь съ г-номъ Вандерманомъ, вы научите его, къ кому обратиться въ Тифлисѣ для того, чтобы прійти въ сношенія съ главою Константинопольской контрабанды. Смѣло рекомендуйте ему вашихъ тор-

[1]) Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ.
[2]) Т. е. изданій вольной русской лондонской типографіи.

говыхъ друзей въ Тифлисѣ и въ другихъ мѣстахъ. Нашъ домъ вамъ за него отвѣчаетъ и онъ готовъ служить вашимъ интересамъ точно такъ же, какъ служитъ нашимъ.

«Прочтите и сожгите.

«А вы мнѣ не дали обѣщаннаго адреса вашего, постоянно въ Парижѣ пребывающаго друга. Такая забывчивость не похвальна.—Жду скораго отвѣта.

Вашъ *Леонтій Федоровъ Брыкаловъ.*

Прибавка къ словарю.

Я—*Леонтій Федоровъ Брыкаловъ.*
Вороновъ—*Вандерманъ.*
Маркизъ-де-Траверсе—*Графъ.*
Турція—*Австрія.*
Константинополь—*Вѣна.*
Трапезундъ—*Тріестъ.*
Тифлисъ—*Берлинъ.*
Кавказскій край—*Пруссія.*

«Вотъ вамъ вѣрное и совершенно безопасное средство переписываться со мной изъ Петербурга: передавайте всѣ ваши письма ко мнѣ *маркизу де-Траверсе въ Петербургѣ, въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича*—безъ всякаго адреса.—Если же будете пересылать ихъ, то надписывайте: *Петру Александровичу Курдюмову.*

«А для того, чтобы вы могли съ маркизомъ познакомиться, прилагаю записочку на имя M-lle Serpouchowska (онъ самъ), которую вы только отдайте ему.

Вашъ *Л. Б.*

«Серьезный вопросъ, могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, обращаться съ дѣломъ къ г-ну Paul Corisse [1])—и буду ли получать отъ него отвѣты?

«Теперь только что дѣла загораются».

4.

16—4 мая 1862. London.
10. Paddington Green. W.

«Любезный другъ, съ И. С. [2]) я переговорилъ и обо всемъ условился. Все ладно. Теперь дѣло въ дѣлѣ. Повторяю еще: на него надѣюсь крѣпко,—а на васъ еще крѣпче. Онъ человѣкъ созерцательный, усладительный. Вы—дѣятельный. Для того, чтобъ онъ не забылъ чего, я написалъ ему инструкцію въ видѣ письма. Прочтите и съ Саваофовою помощью дѣйствуйте. Познакомьтесь непремѣнно съ маркизомъ де-Траверсе—Гончарная улица, въ домѣ

---

[1]) Кто скрытъ здѣсь—неизвѣстно.
[2]) И. С. Тургеневъ.

Прокоповича—онъ вамъ поможетъ въ моемъ дѣлѣ.—Вы увидите, что письмо, которое я написалъ съ И. С. къ братьямъ, еще хуже посланнаго съ вами—хуже потому, что совсѣмъ холодно, но зато учтиво.—Да, я окончательно потерялъ въ нихъ вѣру.—А, все-таки, вы должны будете начать дѣйствіе съ нихъ, хотя бы для очистки совѣсти.—Потомъ дѣлайте, какъ знаете,—только ради Бога возвратите мнѣ мою милую жену, привезите мнѣ ее въ Лондонъ.—Если захотите писать мнѣ—отдайте свое письмо, написанное и подписанное, какъ знаете, маркизу.

«Я вамъ буду отвѣчать черезъ него же. О (слово не разобрано.—*М. Л.*) разскажетъ вамъ И. С. и потому не пишу—а только обнимаю васъ.—

Вашъ *М.*

«Когда вы будете писать мнѣ изъ Петербурга, то надпишите адресъ, данный мною маркизу де-Траверсе. Когда-жъ будете пересылать ваши письма ко мнѣ ему по почтѣ, то адресуйте ихъ такъ: въ С-тъ Петербургъ. Маркизѣ Маріи Николаевнѣ де-Траверсе. Въ Гончарной улицѣ—въ домѣ Прокоповича. Для передачи Петру Александровичу Курдюмову.

«Такимъ образомъ написанныя, они, не распечатанныя, вѣрно дойдутъ ко мнѣ».

5.

6 іюня—18 мая 1862. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Здравствуйте, почтеннѣйшій мой Петръ Александровичъ. Счастливо ли изволили доѣхать до Питера? — И. С. пріѣхалъ ли съ вами или остался въ Парижѣ? Наконецъ видѣли ли вы Графа или кого изъ Бабарыкиныхъ и что сдѣлали по дѣлу Брыкалова?—Есть ли извѣстія о Маріи Осиповнѣ, писали ли вы ей? Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашихъ писемъ.—Посылаю вамъ брошюру, о которой вы просили для вашего пріятеля, на тарабарскомъ языкѣ—т. е. пошлю, если Панъ ее получилъ и выдастъ мнѣ ее сегодня.—Писалъ къ нему еще третьяго-дня на этотъ счетъ, но никакого отвѣта еще не получилъ—сейчасъ самъ къ нему отправлюсь.—Сколько дастъ, столько и пошлю—вѣдь онъ бѣдовый.—Спасибо вамъ за фотографію. Я себѣ взялъ двѣ: одну сидячую, другую стоячую—вотъ какъ васъ люблю, что даже Юніора [1]) обидѣлъ.—Вы бы порадовались, если бы видѣли, съ какою радостью и Баронъ Тизенгаузенъ [2]) и другъ его Костеровъ [3]) приняли отъ меня ваши портреты.—Не говорю ужъ о Панѣ—онъ теперь оченно занятъ торговлею. — Баронъ съ другомъ уѣхали на нѣсколько дней въ Isle of Witr, но я сижу дома, работаю, да пью Карлсбадскія воды, ожидая у моря погоды. — Пишите о всѣхъ зна-

[1]) Сынъ Герцена.
[2]) Т. е. самъ Герценъ.
[3]) Т. е. Огаревъ.

комыхъ—что дѣлаетъ Дурновъ [1])? Правда ли, что Рюминъ назначается служить въ Польшу?—Что новаго у васъ, пишите—а главное, ради Бога, подталкивайте Ларіона Андреевича [2]), чтобъ онъ дѣлалъ дѣло. И вы, говорятъ, взялись за доброе дѣло, учитесь по-французски—для поощренія вашего я далъ Ларіону Андреевичу прекрасный, пространный словарь, лучше того, который далъ вамъ прежде. Сядьте-ка, да перепишите его цѣликомъ, и тогда будете въ состояніи, право, написать мнѣ правильное французское письмо [3]).

«Ну да я заврался, прощайте.

Преданный вамъ

М. Брыкаловъ».

Отобрано было и письмо И. С. Тургенева:

«Любезный Налбандовъ, я ѣду завтра, только не въ 7 часовъ утра, а въ 5 часовъ вечера. Если Вы поѣдете утромъ, то знайте, что я въ Петербургѣ остановлюсь въ гостиницѣ Клея, а въ Берлинѣ въ Hôtel de S.-Petersbourg, а пріѣхавши—непремѣнно дайте мнѣ знать. Преданный Вамъ *Ив. Тургеневъ.* Понедѣльникъ».—

Далѣе расписка Тургенева въ полученіи отъ Налбандяна въ долгъ 300 рублей на три мѣсяца.

Затѣмъ письмо Гайранетьянца на армянскомъ языкѣ отъ 12 декабря 1861 г., въ которомъ, между прочимъ, находимъ: «Но только нужно дѣлать дѣло, о чемъ я и очень прошу васъ, съ благоразуміемъ, дальновидностью и терпѣніемъ. Вамъ не нужно тревожиться: теперь со всѣхъ сторонъ смотрятъ на васъ и на меня (хотя ничего, кромѣ хорошаго, мы не сдѣлали и ничего, кромѣ справедливаго, не знаемъ), и потому нужна осторожность». «Всѣ наши пріятели хороши и остаются неизмѣнными въ томъ самомъ твердомъ положеніи: нужно для вида нѣсколько благочестія, смиренія и молчанія».

Армянская «поваренная книга», посланная Бакунинымъ Налбандяну, оказалась совсѣмъ не поваренной. Это было сочиненіе Симеона Маникьяна (Парижъ, 1862 г.) — «Земледѣліе». Г. Адонцъ думаетъ, что авторъ «Земледѣлія» на самомъ дѣлѣ самъ Налбандянъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Маникьяна. По крайней мѣрѣ, армянская литература не знаетъ такого писателя.

Назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ чиновникъ Аскархановъ подробно ознакомилъ съ нимъ комиссію. Оказалось, что Маникьянъ признавалъ «неотъемлемою собственностью то, что пріобрѣтено посредствомъ торговли, промышленности, искусства и проч.», «но земля, какъ произведеніе не рукъ человѣче-

---

[1]) Т. е. русское правительство.

[2]) Т. е. Тургенева.

[3]) Т. е. написать письмо съ условнымъ ключомъ. Тургеневъ категорически отрицалъ потомъ полученіе отъ Бакунина какого бы то ни было словаря, но онъ, несомнѣнно, его получилъ.

скихъ, по его мнѣнію, не можетъ быть признана исключительною собственностью нѣсколькихъ только недѣлимыхъ: она дана природою въ удѣлъ всѣмъ и всѣ должны имѣть въ равной мѣрѣ свой участокъ безъ права отчуждать его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ». Въ книгѣ есть такія, напримѣръ, мѣста, которыя Аскархановъ особенно подчеркивалъ: «Можно ли считать свободнымъ того, кто, по вещественнымъ своимъ нуждамъ, долженъ невольно обратиться въ рабство и служить другому для пропитанія семейства своего?» Или: «Если представитель насильственной власти одно лицо, пусть это лицо, этотъ недѣлимый будетъ Нерономъ или Калигулой или ихъ послѣдователемъ. Политическій разбойникъ вовсе не страшенъ, ибо съ нимъ вмѣстѣ сойдетъ въ могилу и его деспотизмъ». «Русскія тюрьмы переполнены поляками. Кажется, что скоро въ Сибири найдется больше поляковъ, нежели въ самой Польшѣ. На площадяхъ Варшавы кровь по колѣна, войска нападаютъ на безоруженныхъ людей, убиваютъ ихъ безъ различія пола и возраста. Русское германо-татарское правительство, подобно вампиру, сосетъ кровь Польши, закрываетъ ея храмы и учебныя заведенія. Такъ распространяется гражданственность»...

Комиссія признала мнѣніе Аскарханова о книгѣ правильнымъ, и такимъ образомъ Налбандянъ былъ уже обвиненъ по массѣ данныхъ.

Одновременно было сдѣлано распоряженіе, по высочайшему повелѣнію, чтобы кавказскій намѣстникъ принялъ у себя всѣ мѣры къ изловленію всяческой пропаганды путемъ книгъ, подобныхъ только что описанной.

7 августа комиссія обратилась къ Потапову съ предложеніемъ арестовать маркиза де-Траверсе, Лялина и ожидавшагося изъ-за-границы Николая Ильича Воронова.

Теперь русское правительство ожидало получить въ свои руки всѣхъ, кто, по его свѣдѣніямъ, имѣлъ сношенія съ лондонскими пропагандистами. Оно предписало пограничнымъ жандармамъ арестовать при переѣздѣ границы слѣдующихъ лицъ:

Владиміра Стасова, Балтазара Калиновскаго, Николая Альбертини, Петра, Юліана и Оскара Ковалевскихъ, Владиміра Суздальцева, Ѳедора и Сергѣя Плаутина, Валентина Корша, Александра Бетгера, Павла Загоскина, Александра Совѣтова, Николая Жемчужникова, Александра Гамалѣя, Николая Рубинштейна, Павла и Дениса Давыдовыхъ, Ѳедора Достоевскаго, Григорія Перетца, Сытина, Нерталя, Витберга, Голынскаго и Касаткина.

Но «Колоколъ» открылъ эту тайну и въ №№ 141 и 142 опубликовалъ списокъ, чѣмъ многихъ спасъ отъ казематовъ.

АРЕСТЪ А. И. НИЧИПОРЕНКА и ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА. АРЕСТЪ Н. А. ПОТѢХИНА.

8-го августа Потаповъ сообщилъ комиссіи рядъ интересныхъ бумагъ, касавшихся новаго лица—Андрея Ивановича Ничипоренка.

Было ясно, что послѣдній находился въ сношеніяхъ съ «русскими изгнанниками». Все это открылось, благодаря любезности австрійскаго министра полиціи, по обыкновенію, предупредительно подѣлившагося съ русскимъ правительствомъ своими интересными свѣдѣніями.

Вотъ что писалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ фонъ-Рехбергъ Іоганнъ-Бернгардъ, графу Ревертеру 18 іюня н. с. 1862 года: черезъ Пескіеру проѣзжалъ русскій подданный, по паспорту кол. регистраторъ Андрей Ничипоренко. При обыскѣ его въ бюро пограничной полиціи найдены итальянскія прокламаціи и большое количество писанныхъ по-русски, призывавшихъ къ пожертвованіямъ въ «общій фондъ» Герцена и Огарева. Послѣ отъѣзда его изъ Пескіеры въ Венецію и Тріестъ, были получены свѣдѣнія, что въ тотъ же обыскъ найдены еще нѣсколько незапечатанныхъ писемъ, оставленныхъ имъ, вѣроятно, для того, чтобы они не попались въ руки австрійскаго правительства. По этимъ письмамъ видно, что Ничипоренко—одинъ изъ выдающихся помощниковъ революціонныхъ эмиссаровъ. Напримѣръ, два рекомендательныхъ письма Саффи къ Гарибальди и Пеллаци, три Бакунина къ Гарибальди же и др. «Во всѣхъ этихъ письмахъ,—сообщалъ графъ Рехбергъ,—Ничипоренко представленъ не только, какъ искренній другъ Герцена и Бакунина, но и какъ лицо, къ которому можно имѣть полное довѣріе относительно исполненія возложенныхъ на него порученій; открываются также указанія на дѣйствія и возбужденія славянской пропаганды, коей планы направлены нынѣ же на возстаніе въ Богеміи и должны распространиться послѣ первой удачи на Моравію и Венгрію и на провинціи турецко-славянскія». Поэтому Рехбергъ просилъ Ревертера извѣстить обо всемъ этомъ русское правительство и прибавлялъ, что объ арестованіи Ничипоренка въ Австріи и въ Турціи сдѣланы уже соотвѣтствующія распоряженія.

Направляя копію этой бумаги въ комиссію, Потаповъ сообщилъ, что русское правительство не успѣло арестовать Ничипоренка на своей границѣ, и онъ проѣхалъ въ Полтавскую губернію, но что тамъ, въ Прилуцкомъ уѣздѣ, 28 іюля онъ найденъ, арестованъ и уже препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

Нѣкоторое время спустя Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько литографированныхъ листовъ—это были копіи писемъ, отобранныхъ австрійскою полиціей у Ничипоренка и любезно изготовленныхъ ею для полицействовавшаго сосѣда...

Приведу всѣ эти документы въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ уже въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и—оговариваюсь—не всегда вполнѣ соотвѣтствующемъ оригиналу.

Первый (по-русски)—записка М. А. Бакунина на его визитной карточкѣ: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ. Просимъ мы васъ принять подателя сего, А. И. Ничипоренко, какъ нашего друга, къ которому вы можете имѣть безусловно такое же довѣріе, какъ и къ намъ самимъ. Hôtel du Louvre, 228».

Второй документъ—французское письмо Бакунина «генералу Гарибальди».

10 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Беру смѣлость направить къ вамъ друга и соотечественника, который прямо пріѣхалъ изъ Россіи и который можетъ дать вамъ всевозможныя свѣдѣнія о томъ, что нынѣ происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Это человѣкъ испытанной скромности и осторожности, справедливый и умный, хорошо поставленный, чтобы знать многое, и который все дѣло представитъ вамъ въ настоящемъ видѣ. Герценъ его знаетъ хорошо и, вѣроятно, будетъ тоже рекомендовать.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія идетъ быстрыми шагами къ революціи. Когда она разразится? Вотъ вопросъ. Можетъ въ 1863 году, можетъ нѣсколько лѣтъ позже. Мы употребляемъ всѣ возможныя усилія, чтобы ее ускорить и соединить съ движеніемъ живыхъ народовъ Европы. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вамъ жаловался на затрудненія со стороны Польши, нынче мы сдѣлали большой шагъ: по моему воззванію, изъ самой Польши присланъ намъ полякъ. Мы нашли, чего искали такъ долго въ польской эмиграціи и всегда тщетно; сердце и умъ широкій и ясный, не романическій; однимъ словомъ, истиннаго представителя нынѣшнихъ интересовъ и положенія Польши. Представитель молодого поколѣнія, которое поняло, что весь польскій вопросъ въ крестьянинѣ. Мы подадимъ другъ другу руку и съ той минуты будемъ работать вмѣстѣ. Наша цѣль, это—уничтоженіе Московско-Петербургской централизаціи, эмансипація и совершенная свобода, автономія и независимость польскихъ провинцій, и не польскихъ, которыя составляютъ Россійское государство; война на смерть и истребленіе Австрійской имперіи; точно также, какъ и противъ Турецкой, отчасти и противъ Пруссіи, насколько она состоитъ изъ польскихъ провинцій,—и общая федерація всѣхъ славянскихъ народовъ. Мы желали бы подать руку мадьярамъ и очень желали бы, чтобы они отказались отъ идеи преобладанія надъ прочими славянскими народами и вмѣсто того, чѣмъ стремиться къ основанію Венгерскаго королевства, чтобы бросить всѣхъ венгерскихъ славянъ въ станъ австрійскаго дома, мы желали бы, чтобы они поняли, что для нихъ одно средство выйти побѣдителями, — это составить федерацію изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Венгріи, т. е. мадьяръ, румынъ и славянъ. Совершенное равенство этой федераціи могло бы сдѣлать ее какъ бы оболочкой для всѣхъ восточныхъ, болѣе обширныхъ федерацій.

«Вотъ наши мечты, общія; и, можетъ, наступитъ время, что вы призваны будете быть посредникомъ, играть эту великую роль между всѣми славянскими племенами, такъ дурно соединенными, и безъ единства коихъ Австрія никогда не можетъ быть побѣждена. Что я проповѣдую теперь, это соединеніе славянъ съ мадьярами, во что бы то ни стало, даже если бы современемъ они сдѣлались

нашими врагами,—потому что они никогда не могутъ быть такъ опасны и могущественны, какъ австрійцы.

«Я долгомъ считаю изложить вамъ наши мысли, чтобы объяснить присылку къ вамъ подателя сего письма. Еще разъ скажу, онъ вполнѣ заслуживаетъ вашего довѣрія, столько же, сколько считаете насъ самихъ достойными онаго. Онъ пользуется вполнѣ нашимъ. Мы желали, сколько возможно, соединить нашу націю съ вашей. Италія, по положенію, интересамъ и сравнительной юности, настоящій другъ славянъ. Намъ дѣлить будетъ нечего, а сражаться будемъ противъ общаго врага, Австріи. Мы простираемъ нашу вражду немного далѣе, чѣмъ вы; мы естественные враги нѣмцевъ. Ненависть славянъ къ нѣмцамъ равняется ненависти итальянцевъ къ Австріи. Такъ же, какъ послѣдняя способствовала уничтоженію Италіи, такъ же ненависть нѣмцевъ способствуетъ уничтоженію славянъ. Напримѣръ, если бы Наполеонъ III вздумалъ идти на Рейнъ, что совсѣмъ не невозможно, мы нашли бы это несправедливымъ по теоріи, но противиться этому положительно не стали бы; напротивъ, воспользовались бы (неразборчиво), чтобы ниспровергнуть Австрію, чтобы освободить польскія провинціи въ Пруссіи и внести революцію въ Россію. Откуда начнется движеніе? Подастъ ли сигналъ честолюбіе и внутреннія обстоятельства Франціи? Будетъ ли это внезапное возстаніе народовъ итальянскаго, мадьярскаго, славянскаго, армянскаго и греческаго? будетъ ли это, все-таки, русская революція? Вотъ въ чемъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, употребимъ все стараніе, чтобы эти возстанія способствовали и достигли одной цѣли: совершенное освобожденіе Италіи, возстаніе и освобожденіе всего Востока. Не нужно Австріи и нѣмецкаго владычества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно и царизма и имперіи въ Россіи. На мѣсто всего этого автономія и федерація всѣхъ свободныхъ народовъ.

«Дѣло великое, но не невозможное. Есть минуты, въ которыя только мелкое и умѣренное неисполнимо.

«Начнемъ съ соединенія славянъ съ итальянцами. — Молодой человѣкъ, переговоривши съ вами, отправится въ Вѣну; оттуда въ Прагу; онъ проѣдетъ всю Венгрію до Сербіи; наконецъ изъ Бѣлграда онъ отправится въ Галацъ, потомъ въ Малороссію, гдѣ онъ будетъ работать для устройства этого чуднаго края, *Украйны*, не польской, не московской, но самой по себѣ, населенной 15 милл. душъ смышленаго народа.

«Генералъ, если вы находите истинно полезнымъ соединеніе славянъ съ Италіей, если вы имѣете вѣру въ дѣйствительность и пользу нашего дѣйствія, если вы имѣете къ намъ довѣріе, то говорите съ нимъ такъ же откровенно, какъ вы бы говорили съ нами. Это человѣкъ, котораго мы испытали, и который оказалъ намъ, т. е. нашему дѣлу, большія услуги. Скажите ему, чего вы желаете; сдѣлайте ему порученія въ тѣ города, которые онъ посѣтитъ; назовите ему людей, которыхъ онъ долженъ видѣть, и скажите ему, можетъ ли онъ и насколько употребить ваше имя и представить

насъ славянамъ, какъ вашихъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей; онъ не перейдетъ границы и не скажетъ ничего ни больше, ни меньше. Я васъ попрошу особенно сказать ему ваше мнѣніе о вопросѣ, который мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ.

«Предположимъ, что Австрія готовится къ войнѣ противъ васъ или противъ Франціи, даже противъ обѣихъ вмѣстѣ; вѣроятно, будутъ дѣлать новый наборъ. Я знаю изъ хорошихъ источниковъ, что нашлось бы много молодыхъ людей, которые рѣшились бы дезертировать, *если бы они были увѣрены*, что найдутъ въ Италіи не только пріютъ, но что будутъ приняты въ итальянскіе легіоны; и когда объявится война, вы изъ нихъ составите легіоны, — чешскіе, словакскіе, кроатскіе и сербскіе и т. д. Если бы мы были увѣрены, что это дѣло возможно, мы стали бы работать для приготовленія его; но не можемъ взять на себя послать людей въ изгнаніе, не обезпечивъ ихъ кускомъ хлѣба.

«Я прошу у васъ извиненія, генералъ, что такъ долго бесѣдовалъ съ вами. Мнѣ остается только пожать вамъ руку и поблагодарить за дружескую записку.

Вамъ преданный
М. Бакунинъ.

«Позвольте дать вамъ на всякій случай вѣрный адресъ:
London. Miss W. F. Wetsche. For remitting so miss Eliza Jones. 10. Paddington Green. W.

«P. S. Другъ, о которомъ я вамъ говорю, податель этого письма, называется *Андрей Ничипоренко.* Онъ, вѣроятно, явится къ вамъ въ сопровожденіи другого русскаго, добраго малаго, но нѣсколько неосторожнаго и болтливаго. Герценъ въ своемъ письмѣ, конечно, будетъ вамъ его рекомендовать, но только изъ вѣжливости. Но мы просимъ вашего довѣрія только другу Ничипоренко, который въ этомъ дѣлѣ гораздо умнѣе».

Третій документъ — нѣмецкое письмо Бакунина на самомъ дѣлѣ къ Фрику, а для австрійскаго и русскаго правительствъ — неизвѣстно кому адресованное.

12 мая 1862 г. Лондонъ.
Paddington Green. W.

«Мой любезный, хотя лично не знакомый мнѣ другъ, письмо, которое вы писали Адольфу, точно также, какъ и старая, испытанная дружба моя съ вашимъ братомъ, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ письменно.

«Податель сего мой лучшій другъ, сельскій житель, т. е. по-настоящему малороссъ. Прошу васъ имѣть къ нему полное довѣріе, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ; и я ручаюсь за него, какъ за человѣка осторожнаго, твердаго характера и нами всѣми хорошо испытаннаго. Онъ можетъ многое сообщить вамъ о настоящемъ положеніи Россіи. Онъ явится къ вамъ сейчасъ послѣ свиданія съ арибальди, и потому сообщитъ вамъ и съ этой стороны много

интереснаго; я съ нимъ посылаю вамъ открытую, но отнюдь не для печати или распространенія написанную статью къ вашему брату о славянскихъ дѣлахъ. Изъ нея вы узнаете наше направленіе и нашъ взглядъ. Все остальное и подробности сообщитъ вамъ мой другъ. Все, что знаю о васъ, заставляетъ меня надѣяться, что мысли наши одинаковы, и что вы признаете полезнымъ соединиться съ нами. Я предлагаю вамъ воспользоваться этимъ случаемъ; время намъ устроиться. Гроза близка, и когда она разразится, поздно будетъ думать о приготовленіяхъ, тогда мы должны будемъ дѣйствовать, но чтобы дѣйствовать, мы должны знать, куда, съ кѣмъ и съ какими силами. Вотъ почему нужно устройство и общее пониманіе другъ друга. Если вы раздѣляете это убѣжденіе, пріѣзжайте и привозите нѣсколько вѣрныхъ друзей въ Лондонъ, чтобы воспользоваться выставкой, такъ какъ я, вы сами, вѣроятно, понимаете, не могу явиться въ Прагу. Хорошо было бы, если бы вы уговорили нѣсколькихъ хорватовъ и сербовъ на подобную же поѣздку.

«Если вы предпримете эту поѣздку, то начинайте устройство съ Богомъ. Ищите не многихъ, но выбирайте людей энергическихъ, просвѣщенныхъ, не честолюбивыхъ, осторожныхъ и особенно съ вліяніемъ на народъ и на молодежь. Большая осторожность нужна въ этомъ первомъ выборѣ, потому что коварный, даже слабый или болтливый членъ можетъ испортить все дѣло. Прежде всего утвердитесь въ Богеміи, потомъ можете распространяться, въ Моравію, Венгрію и даже въ турецко-славянскія земли. Больше необходимое передастъ вамъ мой другъ. Будьте очень осторожны съ этимъ письмомъ; сожгите его по прочтеніи, и если хотите, то съ согласія моего друга можете показать его двумъ, и не болѣе, какъ тремъ, испытаннымъ друзьямъ, и то, если таковые окажутся въ Прагѣ. Точно такъ прошу васъ быть осторожнымъ съ личностью моего друга, для того, чтобы черно-желтая полиція не узнала, что русскій, занимающійся славянскими дѣлами и интересующійся ими, мой другъ и посѣщаетъ васъ. Не говорите о немъ ни съ кѣмъ безъ его положительнаго разрѣшенія. Извините, что я вамъ это напоминаю. Но осторожность есть душа всякаго предпріятія. Тогда только будутъ намъ довѣрять, когда будутъ знать, что мы никого не компрометировали. Что же касается до открытаго письма, то вы можете показать его всѣмъ по вашему усмотрѣнію, не говоря, что вы получили его черезъ кого-нибудь или по почтѣ. Прежде всего мы должны думать о вѣрномъ средствѣ вести переписку. Вы должны мнѣ прислать одинъ или два невинныхъ адреса, чтобы я могъ безъ опасенія писать къ вамъ въ Прагу и получать отъ васъ письма. Вы должны сейчасъ выдумать символическій языкъ и прислать мнѣ въ родѣ словаря. Мой другъ сообщитъ вамъ мой адресъ.

«Теперь прощайте, и да пособитъ Духъ Славянской будущности.

«Вашъ другъ, если вы этого желаете,

М. Бакунинъ.

«Держите какъ можно меньше бумагъ, жгите все, что нѣтъ непремѣнной нужды сохранять».

Четвертый — приложенная къ этому письму статья въ видѣ открытаго письма Бакунина къ брату Фрика. (См. ее въ приложеніяхъ, № 7).

Пятый документъ — нѣмецкое письмо Бакунина Кусліану, для правительствъ же тоже неизвѣстно кому адресованное.

20 мая 1862 г.

«Любезный братъ.

«Диктую и даже на нѣмецкомъ языкѣ, по причинѣ, которую ты, вѣроятно, одобришь; впрочемъ, совершенно надежный человѣкъ передастъ тебѣ записку моего сочиненія тоже на нѣмецкомъ языкѣ, которая тебѣ объяснитъ все.

«По твоей развившейся въ эти два года открытой политической дѣятельности, я имѣю право считать тебя за достойнаго, энергическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго славянина. Вышлите намъ изъ вашей среды, на вашъ счетъ, представителя, журналиста также какъ политика, какъ безпристрастнаго, такъ и талантливаго человѣка, какъ Курелацъ. Старую разорванную сѣть надо опять соединить, и на основаніяхъ перваго славянскаго конгресса.

«Не сомнѣвайся, не имѣй недостатка въ предосторожности, намъ, можетъ, вскорѣ понадобится правдивый докладъ о вашемъ положеніи.

«Будь здоровъ, уничтожь это письмо, не забывай насъ и помоги, сколько позволятъ силы, нашему общему дѣлу. Подателю сего, во всякомъ случаѣ, съ полнымъ довѣріемъ передай твой собственный взглядъ, ваши надежды и цѣли. Шафарикъ и Штуръ воскреснутъ въ насъ».

Шестой документъ — нѣмецкое письмо Бакунина неизвѣстному и для насъ адресату:

12 мая 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Помните ли, любезный другъ, нашу встрѣчу на желѣзной дорогѣ въ маѣ 1848 г., когда оба ѣхали въ Прагу на славянскій конгрессъ? Помните ли наше житье вмѣстѣ во время конгресса въ Прагѣ? Гдѣ Притца? Остался ли онъ добрымъ славяниномъ? Что вы все тотъ же, я это знаю; что до меня касается, то я, несмотря на 8-ми-лѣтнее заключеніе въ тюрьмахъ и 4-хъ-лѣтнее изгнаніе въ Сибири, не только что не измѣнилъ своимъ старымъ чувствамъ, напротивъ, они еще глубже и больше. Нынѣ я не буду пробовать примирять славянъ съ нѣмцами, какъ дѣлалъ это въ Богеміи въ 1849 г. Впрочемъ, вы узнаете мои мысли изъ открытаго письма, которое я вручилъ сельскому жителю и моему другу; вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте его вамъ отрекомендовать. Онъ другъ, которому вы безусловно можете довѣриться; было бы пріятно, если бы

вы съ нимъ сошлись, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогли бы ему познакомиться съ добрыми славянами и поближе узнать состояніе славянъ.

«Мой другъ дастъ вамъ мой адресъ.

М. Бакунинъ».

Кромѣ этихъ писемъ Бакунина, были еще и другія.

Письмо Герцена и Огарева отъ 12 мая 1862 года, объ открытіи сбора въ «общій фондъ», напечатанное на отдѣльныхъ листкахъ и помѣщенное одновременно и въ «Колоколѣ». Вотъ оно:

«Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи «Колоколъ» сборъ денегъ, предназначаемыхъ на *общее наше русское дѣло*; мы беремъ на себя не только обязанность храненія денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающіе прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ *гласный отчетъ* тогда, когда онъ будетъ возможенъ.

Александръ Герценъ.
Николай Огаревъ».

«12 мая 1862 г.»

Наконецъ, два письма знаменитаго итальянскаго эмигранта—Саффи. Первое къ секретарю Гарибальди — Беллаци, отъ 11 мая 1862 г.:

Любезный Беллаци!

«Г. Ничипоренко, отличный русскій патріотъ и другъ Герцена и Бакунина, представится генералу Гарибальди съ письмами къ нему отъ Герцена, Бакунина и меня. Желая быть полезнымъ генералу по связямъ своимъ и свѣдѣніямъ о славянскомъ племени, онъ, какъ молодой человѣкъ, исполненный патріотическихъ чувствъ и познаній, можетъ оказать важныя услуги. Послѣ кратковременнаго путешествія по Италіи, онъ поѣдетъ по славянскимъ землямъ вдоль Дуная и потомъ въ Европейскую Турцію и въ Грецію. Генералъ можетъ воспользоваться его предложеніемъ съ полнымъ къ нему довѣріемъ, я же его рекомендую тебѣ, чтобы ты предупредилъ генерала о его великодушномъ предложеніи и о желаніи объясниться съ генераломъ. Остаюсь любящимъ тебя другомъ.

А. Саффи».

Второе—къ самому Гарибальди:

«Эти строки вамъ представятъ русскій патріотъ г. Ничипоренко, котораго рекомендую вамъ отъ своего имени и отъ имени друзей, Герцена и Бакунина. Онъ можетъ оказать весьма важныя услуги дѣлу народной эмансипаціи по знаніямъ своимъ о славянской народности. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Италіи, Ничипоренко собирается предпринять путешествіе по придунайскимъ зе-

млямъ, и вы можете воспользоваться его связями и дѣйствіями во всемъ, въ чемъ, по вашему благоусмотрѣнію, сочтете нужнымъ. Пользуясь случаемъ и пр. Вашъ покорный слуга

А. Саффи».

Читатель видитъ, что Ничипоренко, дѣйствительно, везъ очень важныя бумаги, и неизвѣстно, чѣмъ бы закончилась подготовка тогдашняго славянскаго движенія, если бы не арестъ «почталіона», бросившаго приведенныя письма подъ скамейку на станціи Пескіерѣ.

На самомъ дѣлѣ Ничипоренко, какъ увидитъ читатель, не игралъ сколько-нибудь выдающейся роли въ политическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, но, благодаря довѣрію Герцена, бывшаго убѣжденнымъ въ его «большомъ характерѣ», исполнялъ кое-какія порученія. Въ романѣ «Некуда» Лѣсковъ облилъ его (названнаго Пархоменко) помоями, думая такимъ простымъ способомъ отвести ихъ отъ защищаемаго имъ всѣми силами Бени; а въ «Загадочномъ человѣкѣ» и просто наклеветалъ на него. Къ Лѣскову мы еще вернемся, а теперь намъ не слѣдуетъ забыть указаніе самого Кельсіева на Ничипоренко, какъ на одного изъ лондонскихъ корреспондентовъ, считавшагося тогда однимъ изъ передовыхъ петербургскихъ дѣятелей. При этомъ Кельсіевъ называетъ его «личностью несимпатичною», но отдаетъ ему должное, именно какъ корреспонденту, говоря, что доставляемыя имъ свѣдѣнія всегда были вѣрны и замѣчательны.

Теперь комиссіи предстояло изловить то таинственное лицо, которое ѣхало къ Гарибальди вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ, и на которое Бакунинъ не совсѣмъ-то полагался. Опытный ищейка Потаповъ имѣлъ уже у себя свѣдѣнія, что это былъ акцизный чиновникъ, писатель Николай Антиповичъ Потѣхинъ. Комиссія постановила арестовать его немедленно. Въ срединѣ августа это и было сдѣлано, и Потѣхина привезли въ Петропавловку.

АРЕСТЫ МАРКИЗА де-ТРАВЕРСЕ, О. М. БѢЛОЗЕРСКАГО и П. П. ЛЯЛИНА.

8-го же августа Потаповъ сообщилъ комиссіи, что маркизъ де-Траверсе арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. 12-го числа жандармскій полковникъ Дурново прибылъ на квартиру брата жены Траверсе—правителя особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, камергера Шидловскаго, для осмотра бумагъ маркиза, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

Одна комната, за неимѣніемъ ключей, чтобы отворить ее, была тогда же опечатана. На слѣдующій день ее удалось открыть, найти бумаги и отправить ихъ въ III Отдѣленіе. Государственный контролеръ, генералъ Н. Н. Анненковъ, сообщилъ кн. Голицыну, что маркизъ служитъ въ его вѣдомствѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій VI класса и аттестуется хорошо.

24 іюля на хуторѣ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи былъ арестованъ Олимпій Михайловичъ Бѣлозерскій. Переписки при немъ никакой не оказалось, но зато нашли три книги: «Опытъ состоянія Россіи», изд. въ Лондонѣ на франц. языкѣ, «Ѳора», т. е. законъ Моисеевъ, — берлинское изданіе въ переводѣ Мандельштама, и Вольтерова «Дѣвственница» («La pucelle»). 7 августа онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

11 августа въ деревнѣ Ивановкѣ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, арестованъ бывшій членъ харьковскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу Пименъ Петровичъ Лялинъ и къ 20 августа тоже заключенъ въ Петропавловку. Ни запрещенныхъ книгъ, ни подозрительныхъ писемъ при немъ не нашли, но комиссія признала обвиненія, падавшія на Лялина, столь важными, что предписала Потапову отобрать *всѣ* его бумаги. Сейчасъ же были запрошены мѣстныя власти о поведеніи этого семидесятилѣтняго старика. Жандармскій полковникъ сообщалъ Потапову, что Лялинъ «человѣкъ строгой жизни, въ сношеніяхъ съ другими честенъ и благороденъ, характера энергическаго, преданъ занятіямъ, особенно, какъ членъ губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, занимался и писалъ очень много; выказывалъ себя постоянно противъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ идей молодежи; общее мнѣніе совершенно въ его пользу». Губернаторъ писалъ почти то же самое министру внутреннихъ дѣлъ. Поиски бумагъ обнаружили письма къ Лялину какой-то Хрущевой, гдѣ она выражала сочувствіе «Колоколу», долгоруковской «Будущности» и пр., и номера «Колокола», «Будущности» и переписанный № 3 «Великорусса».

Итакъ, понемногу, комиссія собирала всѣхъ въ крѣпость, твердо вѣруя, что отыщетъ *корень* и *всѣ* нити пропаганды.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу, томившемуся въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Братъ его Владиміръ рѣшилъ просить свиданія и обратился за этимъ 9 августа къ Потапову. Тотъ передалъ просьбу на усмотрѣніе комиссіи и кстати препроводилъ ей перехваченное при перлюстраціи письмо Константина Серно-Соловьевича къ брату Александру, уѣхавшему еще раньше за-границу. Константинъ писалъ, что, помня ихъ условіе—телеграфировать, въ случаѣ непріятностей для Николая, онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не нашелъ адреса. Теперь, узнавъ его, сообщаетъ объ арестѣ Николая. «Во все время обыска онъ былъ совершенно покоенъ; только маленькій румянецъ покрывалъ его щеки; онъ увѣрялъ меня, что ничего особеннаго нѣтъ и что онъ увѣренъ, что его скоро выпустятъ». 8 іюля онъ, Константинъ, былъ у Потапова, чтобы узнать, гдѣ Николай, и просить свиданія. Жандармскій самодержецъ отвѣтилъ, что братъ въ крѣпости, но свиданія невозможны. На просьбу до-

ставить Николаю бѣлье тоже полученъ отказъ. Далѣе Константинъ пишетъ: «Потаповъ разспрашивалъ меня, гдѣ ты; я отвѣчалъ, что положительно не знаю; потомъ я узналъ, что въ слѣдственной комиссіи сказали, что старшій братъ не такъ опасенъ, но что другіе опаснѣе, и что только что ты вернешься — тебя возьмутъ. Прошу тебя, любезный Саша, не пріѣзжай покуда въ Петербургъ».

Комиссія радовалась, имѣя въ рукахъ это письмо. Она призвала Константина Серно-Соловьевича и учинила ему допросъ, остановившись главнымъ образомъ на томъ, почему же братья ожидали чего-нибудь неладнаго съ Николаемъ? На это былъ полученъ отвѣтъ: «Обѣщаніе писать брату было дано вслѣдствіе закрытія магазина въ первый разъ; что касается совѣта не возвращаться въ Петербургъ, то онъ данъ потому, что Александръ очень боленъ, но хотѣлъ вернуться, если магазинъ будетъ закрытъ. Объ арестованіи его, въ случаѣ возвращенія, говорилось по городу». Мало узнала комиссія, но, все-таки, пріобщила перлюстрованное письмо къ дѣлу.

Что касается свиданія Николая съ Владиміромъ, то комиссія отказала въ этомъ, разрѣшивъ, однако, написать черезъ нее обо всемъ, что нужно сообщить Николаю.

Тогда же до свѣдѣнія комиссіи дошло, что наканунѣ ареста Николай Серно-Соловьевичъ передалъ ящикъ съ какими-то бумагами издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» К. В. Трубникову. Постановлено было отобрать ящикъ и осмотрѣть. Но оказалось, что былъ переданъ не ящикъ, а просто свертокъ акцій, облигацій и кредитокъ, и не Трубникову, а сестрѣ его жены—Вѣрѣ Васильевнѣ Ивашевой, потомъ Черкесовой.

Владиміръ переслалъ брату письмо, на которое Николаемъ написанъ былъ слѣдующій отвѣтъ:

«Отвѣчаю тебѣ, дорогой другъ, на письмо твое отъ 7 сентября.

1. «*Довѣренность* посылаю; я прибавилъ къ ней *право передачи* другому лицу; это необходимо на тотъ случай, если бы тебѣ пришлось по чему-либо—отъѣзду, неохотѣ, болѣзни—поручить дѣла кому-нибудь другому. Кромѣ того, сколько мнѣ помнится, у меня были *двѣ* довѣренности по дому: одна на *управленіе*, другая на *залогъ и продажу*. Справься, пожалуйста, въ бумагахъ, такъ ли.

2. «Принявъ участіе въ конкурсѣ Власова, изучи хорошенько свои права и обязанности. Это ты найдешь въ *Сводѣ Законовъ* т. XI, объ учрежд. коммерческаго суда. Св. З. есть въ библіотекѣ. Вообще позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ—при всякомъ дѣлѣ обращаться къ Своду З. и прочитывать подлежащія статьи. Это на всю жизнь принесетъ пользу [1]).

3. «Страховыя деньги, дѣйствительно, внесены впередъ по *1865 г.* *Полисъ* находится въ правленіи Гор. Кред. Общ. Кстати, надо взять

---

[1]) Очевидно, Серно-Соловьевичъ хотѣлъ этимъ сказать, чтобы братъ его, стоя на формально-правовой точкѣ, добивался кое-чего въ его пользу.

полисы на застрахованные мною во время пожаровъ *магазинъ* и *библіотеку*. Всѣ русскія общества отказались принять на страхъ, и потому пришлось обратиться къ иностраннымъ. *Отказные документы* русскихъ обществъ надо сохранить. Квитанціи иностр. общ. частью у Пыпина, частью, кажется, въ моемъ сундукѣ. Агенты общ. помѣщаются въ 1-мъ стр. общ., въ Петерб. стр. общ. или 2-го стр. общ.—надо взять *4 полиса*.

4. «Сдача помѣщенія Крону возбуждаетъ во мнѣ много думъ. Что можетъ быть характеристичнѣе: закрытая читальня смѣняется пивной. Недостаетъ, чтобы сняли мою квартиру подъ б.....ь! Вѣдь одна—неизбѣжное дополненіе другой (т. е. пивная и другое заведеніе). Снимщики подъ пивную буквально осаждали меня... Мѣсто для нихъ раздольное, но я упорно отказывалъ: вѣдь только слава, что пивная или портерная—въ сущности, тотъ же кабакъ. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали чисто индивидуальныя побужденія. Меня коробила мысль объ этомъ страшномъ растлѣніи народа, я не хотѣлъ служить ему своимъ домомъ. Признаюсь, я предпочелъ бы *другое* торговое заведеніе не только при равныхъ условіяхъ, но даже по той цѣнѣ, за какую при мнѣ ходила лавка, т. е. 400 руб. въ годъ. Впрочемъ, я уже предоставилъ тебѣ быть полнымъ хозяиномъ. Если не является другихъ наемщиковъ на лавку, значитъ, ей придется долго стоять пустою: это значитъ—боятся въѣхать въ помѣщеніе, бывшее запечатаннымъ,—стало быть, «несчастное». Въ такомъ случаѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется волею-неволею впустить хоть пивную. Но во всякомъ случаѣ при этомъ не премини принять слѣдующія предосторожности: 1) условливайся не съ цѣловальникомъ, а *лично съ Крономъ*, съ которымъ заключи контрактъ, 2) контрактъ *не дольше*, какъ на годъ, 3) и притомъ самый *строжайшій*, т. е. не въ смыслѣ притѣсненія, а въ томъ, чтобы оградить свой домъ отъ разврата. Справься въ Св. Зак. въ *уст. объ акцизѣ питейномъ* и *уст. о благоустройствѣ и благочиніи* и не отступай ни на іоту отъ требованій закона. *Недопущеніе* дѣвокъ, азартныхъ игръ, буйства и т. п. непремѣнно должно быть *оговорено* въ контрактѣ съ предоставленіемъ владѣльцу права, въ случаѣ нарушенія этихъ условій, требовать *смѣны* сидѣльца, а потомъ *отказать* отъ квартиры ранѣе срока; 4) при составленіи контракта *посовѣтуйся* съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ домовладѣльцевъ, имѣющихъ въ домѣ трактиръ или подобное заведеніе; 5) недурно *прислать мнѣ* черновой.

«А самое главное, чтобъ дворникъ держалъ ухо востро! Если подручный пьетъ—смѣни его. Потолкуй съ булочникомъ нашимъ; не удастся ли ему водворить въ этой пивной нѣмецкіе порядки; онъ, вѣрно, будетъ habitué, такъ какъ не разъ пытался склонить меня въ пользу пивной, говоря: «Das kann ja doch sehr austandig verden». Пусть же постарается объ austand'ѣ.

5. «Въ числѣ принадлежностей бывшей читальной не забудь *газовый аппаратъ*. Если его не купитъ снимщикъ лавки, то, пока

въ немъ нѣтъ надобности, пусть остается въ его пользованіи, но въ контрактѣ надо оговорить, что онъ—наша собственность, и въ случаѣ нужды, какъ газометръ, такъ и трубы и рожки могутъ быть *сняты нами.* Стоимость нашихъ аппаратовъ показана въ счетѣ мастера, находящемся, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими счетами книжной лавки въ магазинѣ.

6. «Деньги, данныя мусорщику, надо будетъ *зачесть* при расчетѣ. Сдѣлай ему новый расчетный листъ.

7. «Облигація, вышедшая въ тиражъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ къ разряду *сентябрьскаго* срока—стало, % уже нельзя получить. При случаѣ увѣдомь меня о курсѣ облигацій и о твоихъ дѣйствіяхъ по этой операціи.

8. «Въ отвѣтъ о 280 р. % по Шлоссеру боюсь ошибиться, не надѣясь на память. Насколько помню, эти 280 р. должны быть взяты изъ денегъ за проданнаго Шлоссера и обращены на уплату % въ Гор. Кред. Общ. А можетъ быть эти деньги уже зачтены въ счетъ по Шлоссеру и въ такомъ случаѣ не требуютъ никакого распоряженія. Просмотрѣвъ счета, ты увидишь, которое изъ двухъ предположеній истинно. Шлос. для перевода получилъ, за что несказанно благодаренъ. Цѣлый день сижу надъ нимъ, но результаты относительно количества работы пока не соотвѣтствуютъ моимъ желаніямъ. Перевожу не болѣе 8—10 печатныхъ стран. въ день. Стало быть, полученныя 200 стр. будутъ готовы черезъ три недѣли [1]).

9. «О Бирж. Вѣдом. я неточно выразился: я именно и подразумѣвалъ объявленія. Въ маленькой комнатѣ сдѣлать полки и, если можно, безъ большихъ хлопотъ, замѣнить плиту маленькой желѣзной печью; шкафъ мой можно вынести.

10. «Пожалуйста, чтобы *изданія* наши были хорошо *просмотрѣны.* Въ дѣтской книжкѣ тьма орѳогр. ошибокъ; я нѣкоторыя исправилъ, но прочелъ бѣгло. «О пищѣ» надобно *поторопить.* Какъ только первые листы пройдутъ черезъ цензуру, надо заплатить переводчику 100 руб. Въ первомъ письмѣ писалъ о статьяхъ Якушкина, которыя должны быть изданы подъ заглавіемъ: *Путевыя письма, ч. 2-я.* Условіе съ нимъ у Пыпина. Статьи у меня *въ* или *на* столѣ въ магазинѣ: все печатное: Соврем., Основа, Сѣв. Пч., Совр. Лѣтоп., остальныя надо собрать, какъ я писалъ [2]).

«Вопросы твои далеко не пугаютъ меня; напротивъ, они доказываютъ мнѣ, дорогой другъ, не только крайнюю внимательность и истинную братскую заботливость, но и отличную дѣятельность твою. Заботы о дѣлахъ сильнѣе всего тревожили меня, и теперь, благодаря тебѣ, я совершенно покоенъ на этотъ счетъ.

---

[1]) Серно-Соловьевичъ издавалъ извѣстное сочиненіе Шлоссера, которое для скорости переводилось сразу нѣсколькими: Чернышевскимъ, В. А. Обручевымъ, М. И. Михайловымъ, самимъ Серно-Соловьевичемъ и другими. Въ крѣпости эта работа продолжалась.

[2]) Перваго письма Серно-Соловьевича изъ крѣпости въ дѣлѣ нѣтъ.

Б. К. Кукель.

Зато же какъ и благодарю тебя мысленно каждый день. Извѣстіе о маменькѣ весьма успокоило меня. Я совершенно здоровъ и бодръ духомъ. Обнимаю родныхъ, еще разъ сердечно благодарю тебя и горячо, братски жму руку.

Твой *Николай Серно-Соловьевичъ.*

«Скажи Пыпину, что какъ только начнется дѣятельная подписка на СПБ. Вѣд., пусть производитъ конторщику тотъ же окладъ, какъ другому приказчику, т. е. 40 р. въ мѣс., кушанье и чай.

«Черезъ какую контору посланы книги въ *Екатеринбургскую гимназію* и исправила ли комиссія *Перевозчикъ* путаницу съ транспортами въ *Вятку* и *Черниговъ?* и не упустили ли изъ виду написать туда?»

Однако, комиссія не нашла удобнымъ отправленіе этого письма и постановила пріобщить его къ дѣлу, сообщивъ коменданту крѣпости объ объявленіи Серно-Соловьевичу, что письма его съ подобными выраженіями отправляемы не будутъ.

Всѣ письма на имя братьевъ Серно-Соловьевичей и магазина доставлялись съ почты въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію, и передавались по адресу только тогда, если не заключали въ себѣ ничего маломальски подозрительнаго.

Такимъ образомъ были задержаны и подшиты къ дѣлу слѣдующія четыре письма:

И. С. Тургенева.

12 іюля 1862 г.
С. Спасское.

«Милостивый Государь, Николай Александровичъ, спѣшу благодарить Васъ за скорую и обязательную высылку денегъ г-жѣ Буткевичъ; я имѣю уже извѣстіе отъ нея, что она ихъ получила. Также прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и сохранить у себя въ конторѣ письма, которыя могутъ прійти на мое имя въ Петербургъ, такъ какъ я недѣли черезъ три тамъ буду. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи

Ив. Тургеневъ».

А. А. Черкесова.

11 іюля 1862 г.
Лондонъ.

«Неимовѣрно быстро проходитъ здѣсь время между осмотромъ выставки и посѣщеніемъ народныхъ гульбищъ. Рѣшительно минутами считаешь свободное время. Подѣлиться впечатлѣніемъ рѣшительно некогда. Потому, не отнимая у тебя много времени на чтеніе моихъ каракуль, скажу только, что здѣсь житье отличное, я здоровъ и благополученъ. Ты спрашиваешь объ одномъ господинѣ, рекомендованномъ тебѣ письмомъ. Онъ человѣкъ очень хорошій, знающій свое дѣло; на него можно положиться. Пожа-

луйста, давай мнѣ какія-нибудь порученія, только за это пиши что-нибудь о Россіи. Я начинаю понимать mal du pays. Я получилъ письмо отъ Саши изъ Берлина и ничего изъ него не могъ понять. Напиши, пожалуйста, что подѣлывается у насъ въ Питерѣ.

Твой *А. Ч.*».

Л. П. Шелгуновой.

Пароходъ «Работникъ».

«Добрѣйшій другъ мой Серно. Пишу Вамъ наскоро и вотъ почему: мы въ Тюмени сѣли на такой пароходъ, который не долженъ стоять въ Тобольскѣ болѣе двухъ часовъ. Мы все и жалѣли, что не успѣемъ повидаться, съ кѣмъ хотимъ [1]). Насъ начали разспрашивать и такъ какъ здѣсь причина нашего желанія провести нѣсколько часовъ въ Тобольскѣ показалась очень уважительной, намъ и устроили вотъ что: пересадили и меня и Н. В. [2]) на другой пароходъ, который придетъ туда часами шестью раньше. Вы вѣрно догадываетесь, съ кѣмъ хотимъ мы видѣться; онъ обогналъ насъ между Пермью и Екатеринбургомъ. Родной мой и милый Серно, чѣмъ дальше я уѣзжаю, тѣмъ больше и больше думаю о Васъ и люблю Васъ; образки я не ношу потому, что на одной станціи стала мыться, сняла ихъ и чуть не забыла, это такъ меня перепугало, что я ихъ сняла, но теперь, все-таки, не оставила ихъ и взяла съ собой. Переводить я начала, и думала, что трудно, однако же нѣтъ, нисколько. Хорошій мой, голубчикъ, не забывайте же меня и думайте хоть столько же, сколько я думаю о Васъ. Пишите мнѣ побольше».

Н. В. Шелгунова.

Иркутскъ.
29 іюля 1862 г.

«Добрѣйшій Николай Александровичъ, извините, что позволяю себѣ безпокоить Васъ. Дѣлаю это потому, что мнѣ нельзя поступать иначе, и потому, что Вы на меня не разсердитесь за это. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ кому мнѣ обратиться?

«Путь скверный; Сибирь—Сибирь и силь, какъ говорятъ сосланные сюда; жарко и трясетъ, ѣсть нечего, въ гостиницахъ и на станціяхъ дерутъ, но ѣдемъ и ужъ недалеко до мѣста! Черезъ недѣлю или десять дней остановимся. По поводу моей фамиліи вышло въ Иркутскѣ маленькое недоразумѣніе со стороны полиціи. Потребовали мой видъ—что здѣсь никогда не водилось, и продержали его въ полиціи дня два. Оказалось, что ищутъ графа Шуазеля. А онъ проѣхалъ въ Забайкалье около 12 числа.

---

[1]) Съ М. И. Михайловымъ.
[2]) Мужа ея.

«Странныя вѣсти дошли до насъ: «Современникъ» и «Русское Слово» запрещены. Надолго ли? Не слѣдуетъ ли думать, что имъ и совсѣмъ не позволятъ существовать?

«Есть у меня статья у Благосвѣтлова: «Кто лучше». Отдавалъ ее Александръ Александровичъ[1]). Какая участь постигла ее? Въ какіе журналы писать? Не явятся ли сборники? Не ожилъ ли «Вѣкъ»? Теперь бы, кажется, можно, деньги найдутся. Жаль, если «Вѣкъ» угаснетъ.

«Стоитъ ли завести большую статью, листовъ въ 10, о бѣдности и о разныхъ теоріяхъ и системахъ правительственныхъ мѣръ къ ея уничтоженію—куда можно будетъ помѣстить ее? Если некуда—незачѣмъ и тратить время.

«Что дѣлаетъ и гдѣ А. А. [2])? Когда Вы ждете его возвращенія? Говорятъ, Ваша читальня закрыта.

«Вотъ рядъ вопросовъ, на которые намъ интересно бы получить отвѣты. Будьте такъ добры, не пропустите ни одного, и если моя статья осталась безъ кормила и весла, введите ее въ какую-нибудь журнальную гавань, за приличное, разумѣется, вознагражденіе.

«Самъ я буду странствовать въ Забайкальѣ, а письма прошу адресовать такъ—ихъ ко мнѣ перешлютъ: Забайкальской области, черезъ станцію Шелопугинскую въ Казаковскій золотой промыселъ, Его высокоблагородію Петру Ларіоновичу Михайлову[2]). И только.

«Жена здорова и очень, очень, очень Вамъ кланяется. Я равномѣрно, но еще въ большемъ количествѣ «очень».

«А скучно по Петербургу—здѣсь тоска и сердце болитъ, читая газетныя извѣстія—чего они тамъ взваливаютъ пожары на студентовъ!

«Будьте здоровы. До свиданія. Непремѣнно жду отвѣта. Простите, что дѣлаю Вамъ лишнія хлопоты, посылая письмо страховымъ: слишкомъ дорожу отвѣтомъ.

Н. Шелгуновъ».

Разумѣется, эти письма были приняты во вниманіе...

ДОПРОСЫ ВЛАДИМІРОВА, ПЕТРОВСКАГО И ШИБАЕВА.

14, 16 и 20 сентября были сдѣланы три допроса Владимірову. Въ Россію онъ проѣхалъ изъ Лондона въ первыхъ числахъ декабря 1861 г., а изъ Петербурга въ Москву, на мѣсто,—въ концѣ марта 1862 г. Отъ разговоровъ съ Герценомъ, Кельсіевымъ и другими о политикѣ не уклонялся, потому что искалъ этимъ пополнить свое скудное образованіе. «Кельсіевъ уговорилъ меня дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ правительства. При прощаньѣ я не далъ слова, но и не отказался». Пріѣхавъ въ Россію, много

[1]) Братъ Серно-Соловьевича.
[2]) Родному брату сосланнаго писателя Михаила Илларіоновича.

разсказалъ объ эмигрантахъ пріятелю Аркадьеву и устроилъ ему полученіе «Колокола». Потершись по дѣламъ службы среди помѣщиковъ и купцовъ, пришелъ къ заключенію, что идеи пропагандистовъ и русской молодежи—ошибка и потому всякую политику бросилъ. Ни Герценъ, ни другіе не дѣлились съ нимъ никакими своими планами. При отъѣздѣ Герценъ очень просилъ сообщить въ Петербургѣ, напримѣръ, Кавелину, что онъ никогда не поручалъ Бени собирать подписи къ адресу на имя государя о дарованіи конституціи. Кромѣ того, онъ просилъ устроить подписку въ пользу Бакунина. Бени сказалъ Владимірову, что онъ не собираетъ никакихъ подписей и ничего объ адресѣ не знаетъ. О Бакунинѣ никому не заикнулся, какъ только узналъ отъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Скачкова, бывшаго съ нимъ въ берлинскомъ университетѣ, что «это недостойный человѣкъ»...

Кельсіевъ очень много говорилъ съ нимъ объ оппозиціонномъ настроеніи раскольниковъ. Онъ же просилъ какъ-то взять ему мѣсто на пароходѣ въ Норвегію, куда хотѣлъ ѣхать для распространенія лондонскихъ изданій, но почему-то потомъ отказался отъ своего намѣренія. Пріятелямъ Аркадьеву и Журавлеву послалъ по экземпляру листка «Земская Дума». Ничипоренко иногда получалъ отъ него газеты и книги. Что касается портрета Герцена, то, уѣзжая въ Москву, онъ передалъ Евгенію Печаткину портреты двухъ дочерей и сына Герцена и просилъ его передать ихъ вмѣстѣ съ даннымъ раньше портретомъ самого Александра Ивановича Ветошникову. Письмо Герцена отъ 7 декабря ему передалъ на вокзалѣ уже Кельсіевъ, и, пріѣхавъ въ Петербургъ, Владиміровъ передалъ его Ничипоренку, прося все сдѣлать вмѣсто него. Потомъ Ничипоренко вернулъ письмо. Письмо Огарева написано къ кому-то по просьбѣ самого Владимірова въ видѣ рекомендаціи для скорѣйшаго полученія мѣста. Кажется, оно адресовалось къ г. Запаснику, бывавшему часто у Герцена во время изученія въ Лондонѣ банковой системы. Деспотизмомъ въ черновомъ письмѣ называлъ арестъ студентовъ и высылку профессора Павлова.

На дополнительномъ допросѣ Владиміровъ показалъ, что Кельсіевъ просилъ его уничтожать свои портреты, гдѣ бы и у кого бы онъ ихъ не увидѣлъ въ Россіи. Однажды Ничипоренко просилъ Владимірова переслать въ Лондонъ 60 фунт. ст.: часть Бакунину, остальное женѣ Кельсіева. Онъ переслалъ ихъ Суздальцеву и просилъ распредѣлить по усмотрѣнію Ничипоренка. Кромѣ того, послѣдній отослалъ черезъ него семь или восемь писемъ въ Лондонъ, всѣ писанныя его рукой. Затѣмъ Владиміровъ увѣрялъ комиссію въ своей полной благонадежности, сообщивъ, однако, что когда-то подписался на адресѣ государю.

Комиссія была довольна откровенностью Владимірова и поручила полковнику Дурново произвести тщательное разслѣдованіе прикосновенности къ дѣлу всѣхъ только что названныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ рѣшено было допросить Петровскаго.

Онъ показалъ, что въ 1860 году вышелъ въ отставку и жилъ урокахи и сотрудничествомъ въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ».

Съ Кельсіевымъ познакомился въ Петербургѣ года четыре назадъ черезъ покойнаго товарища Сабурова. Еще раньше арестованія Ветошникова получилъ отъ него одно письмо, переданное неизвѣстнымъ. Тамъ Кельсіевъ просилъ сотрудничать въ «Колоколѣ» и «Общемъ Вѣчѣ», но Петровскій не сталъ и отвѣчать. О пріѣздѣ Кельсіева въ Россію ровно ничего не зналъ, пока Кельсіевъ не пришелъ къ нему и не склонялъ участвовать въ «Сборникѣ» по расколу. Сколько онъ пробылъ въ Москвѣ—не знаетъ, но помнитъ, что останавливался въ гостиницѣ Челышевой и имѣлъ паспортъ на имя турецкаго подданнаго Василія Яни. Изъ указанныхъ имъ лицъ Петровскій познакомился только съ Шибаевымъ. При отъѣздѣ Кельсіева въ Лондонъ Петровскій обѣщалъ ему помочь по «Сборнику», но не для возбужденія раскольниковъ противъ правительства, что совершенно безполезно.

«При пріѣздѣ своемъ въ Москву Кельсіевъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ онъ познакомился съ кружкомъ тамошнихъ сектантовъ и старообрядцевъ, что еще раньше пріѣзда въ Россію онъ познакомился съ нѣкоторыми раскольниками въ Пруссіи, гдѣ у нихъ существуетъ печатаніе книгъ церковныхъ, что, кромѣ того, онъ думаетъ познакомиться съ поморцами, изъ которыхъ нѣкоторые были у него въ Лондонѣ. Меня собственно его пріѣздъ подбодрилъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ расколомъ, ибо онъ обѣщалъ познакомить меня съ духовенствомъ раскольничьимъ, съ архіепископами, отъ которыхъ я бы могъ самымъ лучшимъ образомъ узнать о современномъ состояніи раскола».

Но вотъ черезъ десять дней послѣ этого допроса, 5 октября, Петровскій вдругъ рѣшилъ быть вполнѣ чистосердечнымъ и въ отмѣну всего показаннаго раньше сдѣлалъ новыя показанія...

Впервые онъ познакомился съ Кельсіевымъ въ мартѣ 1862 г. черезъ младшаго изъ братьевъ Орфано, Александра. Послѣдній пришелъ и сказалъ, что наканунѣ узналъ отъ князя Павла Петровича Трубецкого, что Кельсіевъ въ Москвѣ ищетъ человѣка, хорошо знакомаго съ расколомъ, которому бы можно было предложить помочь въ распространеніи его изданій и доставленіи новыхъ свѣдѣній. Орфано спросилъ его, не возьметъ ли онъ на себя эту миссію. Петровскій согласился, и они отправились къ Трубецкому. Тамъ былъ какой-то неожиданный гость, и ихъ направили на квартиру Орфано, сказавъ, что туда слѣдомъ явится и Кельсіевъ. Дѣйствительно, Кельсіевъ пришелъ съ Алексѣемъ Александровичемъ Козловымъ. Дома былъ и братъ Орфано; подошелъ и Трубецкой. Кельсіевъ сдѣлалъ Петровскому предложеніе лично и получилъ согласіе. Потомъ они видѣлись каждый день. Бывала у Петровскаго и Марія Александровна Челищева, но только какъ случайно тогда гостившая у него. У Кельсіева бывали Шибаевъ и Сивовъ, но Петровскій ихъ не встрѣчалъ. Планъ Кельсіева—«соединить различ-

ныя согласія раскола и секты въ одну дѣятельность—пропаганду какъ сочиненій ихъ расколоучителей, которыя онъ предполагалъ издавать въ Лондонѣ, такъ равно и его заграничныхъ изданій: «Сборника» и пр. и тѣмъ самымъ распространять какъ эти послѣднія, такъ и идеи, въ нихъ заключающіяся». Пріѣздъ же въ Россію имѣлъ цѣлью: «найти людей, согласныхъ содѣйствовать его намѣренію, устроить и обезпечить правильныя и постоянныя сношенія и, наконецъ, достать денегъ на предполагаемыя изданія». Денегъ, однако, Кельсіевъ не досталъ.

Знакомствъ Петровскій почти никакихъ не успѣлъ завести, потому что сначала искалъ мѣста, а потомъ собирался жениться. На третій день послѣ свиданія съ Кельсіевымъ, послѣдній познакомилъ Петровскаго съ Шибаевымъ сказавъ, что черезъ него онъ уже познакомится съ Александромъ Львовичемъ Сивовымъ и какимъ-то «Семеномъ Семеновичемъ». Но по отъѣздѣ Кельсіева Шибаевъ отъ этого уклонился. Тогда Петровскій самъ сошелся съ ними въ Кремлѣ на святой, когда бываютъ собесѣдованія съ раскольниками. Потомъ онъ дважды не засталъ Сивова дома, а тотъ его. «Семенъ Семеновичъ» его избѣгалъ. Петровскій утверждалъ, что эти лица были неискренни, обѣщая Кельсіеву всякое содѣйствіе, потому что имъ хотѣлось только одного—видѣть напечатанными свои раскольничьи книги.

Оставляя свой лондонскій адресъ и нѣсколько рукописей на имя Тимофѣевой, Кельсіевъ просилъ переслать ихъ ему черезъ Виктора Ивановича Касаткина, съ которымъ посовѣтовалъ познакомиться, что Петровскій и сдѣлалъ. Самъ Кельсіевъ познакомился съ Касаткинымъ въ 1860 г. въ Лондонѣ. А. А. Котляревскій узналъ о пріѣздѣ Кельсіева въ Москву въ день его отъѣзда изъ нея. Кожанчикова видѣлъ у него одинъ разъ. Къ Ничипоренку Петровскій писалъ, по просьбѣ Кельсіева, о высылкѣ для послѣдняго денегъ, чтобы онъ могъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ.

Намѣренія ихъ не были осуществлены даже и частью, потому что Петровскій скоро убѣдился, что «въ различныхъ даже наиболѣе удаленныхъ отъ православія согласіяхъ раскола нѣтъ вообще раздраженія противъ правительства и нѣтъ желанія силой достигнуть торжества своихъ вѣрованій; характеръ почти всѣхъ согласій по преимуществу пассивный, и слова апостола, что гонимая церковь—правая, часто повторяются ими». Онъ подѣлился этимъ своимъ заключеніемъ съ Кельсіевымъ, писавшимъ ему трижды: первое письмо у Шибаева, второе—порвано, а третье—арестовано у Ветошникова.

Показанія Петровскаго были, разумѣется, очень цѣнны. Они вскрывали важные факты, между которыми крупнѣйшимъ былъ смѣлый пріѣздъ Кельсіева не только въ Петербургъ, но и въ Москву... III Отдѣленіе прозѣвало его, и потому Потаповъ хотѣлъ хоть теперь показать свое усердіе и очень допытывался на допросахъ всякихъ мелочей.

Къ массѣ лицъ, названныхъ комиссіи раньше, теперь прибавилась еще цѣлая группа, чуть-было не избѣжавшая правосудія... Мало того, что открывались уже всѣ иниціалы и ребусы, но были и новыя лица. Пока занимались ихъ отысканіемъ, комиссія продолжала допросы, все болѣе и болѣе дававшіе ей твердую почву.

27 и 28 сентября былъ допрошенъ Шибаевъ, назвавшій себя «двадцатисемилѣтнимъ старообрядцемъ-поповцемъ». Онъ сознался, что видѣлъ Кельсіева въ пріѣздъ того въ Москву и черезъ него познакомился потомъ съ Петровскимъ, Касаткинымъ, Трубецкимъ, Афанасьевымъ и Козловымъ. Касаткинъ говорилъ ему, что имѣетъ сообщниковъ въ лицѣ петербургскаго литератора Максимова, и тверскихъ дворянъ—Унковскаго и Европеуса, и что у него есть знакомства въ III Отдѣленіи, гдѣ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, похлопотать о старообрядцахъ. Шибаевъ показалъ также, что Кельсіевъ останавливался въ Петербургѣ у Кожанчикова и Николая Серно-Соловьевича, къ которымъ просилъ направлять и всѣ рукописи для заграничной печати. Фамиліи Кельсіева Шибаевъ такъ и не зналъ. Любопытно, что Шибаевъ утверждалъ, что Кельсіевъ брюнетъ, а Петровскій—что блондинъ. Надо думать, что Кельсіевъ, не чуждый нѣкоторой утрировки въ конспираціи, надѣвалъ парикъ брюнета для сношеній съ нѣкоторыми лицами, потому что нельзя же допустить, чтобы Шибаевъ ошибался, совершенно, однако, не отказываясь отъ знакомства съ нимъ.

АРТУРЪ БЕНИ. АРЕСТЪ ВОРОНОВА. ДОПРОСЫ БѢЛОЗЕРСКАГО СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА, ТРАВЕРСЕ и ЛЯЛИНА.

Изъ новыхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, благодаря откровенности Владимірова, Петровскаго и отчасти Шибаева, прежде всего было обращено вниманіе на великобританскаго подданнаго Артура Бени.

21 сентября комиссія просила Потапова учредить за нимъ секретный надзоръ.

Въ тотъ же день было постановлено произвести обыски у Аркадьева и Журавлева.

2 октября III Отдѣленіе доставило въ комиссію особую записку о Бени, котораго характеризовало, какъ «человѣка замѣчательныхъ способностей». По его свѣдѣніямъ, до пріѣзда въ Россію, подъ осень 1861 г., Бени былъ въ короткихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. «Теперь онъ много полемизируетъ съ нимъ въ письмахъ и настолько полюбилъ Россію, что собирается принять русское подданство». Видя такой аттестатъ, комиссія рѣшила просить Потапова «пригласить къ себѣ Бени и предложить ему объяснить сношенія свои съ Герценомъ и узнать, не извѣстны ли ему другія лица въ Петербургѣ, бывшія въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, равно не видался ли онъ съ пріѣзжав-

шимъ сюда изъ Лондона, въ мартѣ нынѣшняго года, Василіемъ Кельсіевымъ».

Ниже намъ придется говорить довольно много о Бени, а пока я считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ имя это было знакомо очень многимъ. Тёперь, на порядочномъ отдаленіи, оцѣнка этого человѣка становится легче, потому что можетъ основываться уже на документахъ, и труднѣе—потому что многіе штрихи, опредѣляющіе личныя качества, стерлись отъ времени. Во всякомъ случаѣ можно и должно категорически отрицать прежде всего какія-то дружественныя отношенія между Герценомъ и Бени, о которыхъ есть данныя и въ литературѣ и «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза. Никакой дружбы между ними не было, со стороны Герцена не было даже и полнаго довѣрія. Послѣдующій матеріалъ—тому доказательство. Затѣмъ тоже не менѣе категорическому отрицанію подлежитъ серьезность Бени, какъ политическаго, вѣрнѣе—революціоннаго работника. Онъ-было подошелъ къ дверямъ этого поприща, но потомъ сразу отвернулся отъ нихъ, промѣнявъ опасную дорогу на спокойный путь рядомъ съ такими господами, какими были Лѣсковъ, П. С. Усовъ, Мельниковъ-Печерскій и прочіе. Это все, что можно сказать о немъ, оставляя въ сторонѣ и всякіе непровѣренные на его счетъ слухи.

4 октября былъ сдѣланъ допросъ Бѣлозерскому. Онъ показалъ, что воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а съ 1849 г. служилъ въ артиллеріи; выйдя въ отставку въ 1857 г., съ января 1862 г. поступилъ управляющимъ имѣніемъ Джурича и вскорѣ поѣхалъ, по его порученію, за-границу. Въ Лондонъ прибылъ въ серединѣ мая и пробылъ тамъ дней сорокъ, познакомившись съ Герценомъ, Огаревымъ, Бакунинымъ и Кельсіевымъ. Протратившись и позадолжавъ небольшую сумму и боясь англійскихъ законовъ о должникахъ, онъ обратился къ Бакунину, какъ къ старому артиллеристу, съ просьбой о помощи. Тогда-то Бакунинъ и познакомилъ его съ остальными эмигрантами. Съ Кельсіевымъ онъ сошелся, чтобы просить его содѣйствія по распространенію муки Джурича, такъ какъ вся торговля Самарской губерніи въ рукахъ раскольниковъ. Для сближенія съ послѣдними онъ и привезъ «Θору». О планахъ русскихъ изгнанниковъ онъ ровно ничего не знаетъ.

10 октября Потаповъ сообщилъ комиссіи, что обыскъ у Аркадьева сдѣланъ, но бумаги еще не разобраны. На допросѣ Аркадьевъ показалъ, что, получивъ листокъ «Земская Дума», сейчасъ же уничтожилъ его. За нимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ. А на слѣдующій день Потаповъ далъ знать, что въ Тифлисѣ арестованъ долго отыскиваемый бывшій учитель Кубанской гимназіи Вороновъ и отправленъ въ Петропавловку.

Наконецъ, 16 октября былъ сдѣланъ первый допросъ Николаю Серно-Соловьевичу. Привожу отвѣты его полностью; вопросы ясны сами собой.

1. «Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, изъ потомственныхъ дворянъ; 27 лѣтъ; православный, на исповѣди бываю; холостъ; имѣю мать, трехъ братьевъ, сестру, дѣда, бабку, многихъ дядей и тетокъ; мать по болѣзни находится за-границей, остальные родные частью въ Петербургѣ, частью въ другихъ мѣстахъ; недвижимаго имущества не имѣю; воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, кончилъ курсъ въ 1853 г.; постоянное мое жительство въ Петербургѣ; занимался службою, литературою, науками, книжною торговлею, служилъ въ государственной канцеляріи и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ первой былъ старшимъ помощникомъ экспедитора, перейдя во второе былъ командированъ дѣлопроизводителемъ въ калужскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и потомъ состоялъ при земскомъ отдѣлѣ; въ отставкѣ съ декабря 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ. Подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ.

2. «О всѣхъ родныхъ свѣдѣній не имѣю; изъ ближайшихъ знаю, что два брата въ Петербургѣ, третій братъ отправился весною, по болѣзни, за-границу, а сестра была во время моего ареста съ мужемъ въ Черниговской губерніи. О послѣднихъ двухъ лицахъ, т. е. братѣ и сестрѣ, дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣю, гдѣ они теперь.

3. «Получивъ воспитаніе въ лицеѣ, служивъ въ двухъ вѣдомствахъ, будучи акціонеромъ различныхъ компаній, участвуя, какъ уполномоченный матери, въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, занимаясь науками, литературою и торговлею, я имѣю въ Россіи, а преимущественно въ мѣстѣ своего постояннаго жительства весьма большое знакомство въ кругахъ, принадлежащихъ къ моимъ занятіямъ и положенію; поводомъ къ знакомствамъ этимъ послужили однородныя дѣла и занятія, сношенія обусловливаются тѣми же дѣлами и занятіями. За-границей я былъ нѣсколько разъ, частью для свиданія съ матерью, частью для ученыхъ финансовыхъ занятій. Поэтому за-границей я знакомъ, съ одной стороны, съ множествомъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ путешествіяхъ, съ другой—съ государственными людьми или учеными, съ которыми ознакомили занятія.

4. «Съ лондонскими изгнанниками и ихъ сообщниками сношеній не имѣю, злоумышленной пропаганды противъ правительства не распространялъ, никакихъ сообщниковъ не знаю и не зналъ.

5. «Въ продолженіе моей жизни близкихъ знакомыхъ было большое количество, такъ что я не могу съ точностью упомнить и назвать этихъ лицъ. Что касается до переписки, то она находится въ рукахъ комиссіи».

Комиссіи очень не понравились эти очень уклончивые отвѣты, и она просила Серно-Соловьевича дать ихъ въ иномъ, болѣе опредѣленномъ видѣ. Тогда онъ написалъ: «Не находя ничего неумѣстнаго въ правдѣ, такъ какъ всѣ мои бумаги были взяты при моемъ

арестѣ, а корреспонденція послѣ ареста не доходитъ до меня, я могу только повторить прежнія свои показанія».

Возмущенная комиссія вынесла опредѣленіе: «предъявить Серно-Соловьевичу 183 ст. св. законовъ уголовныхъ т. XV, и если онъ за этимъ не согласится дать требуемаго отъ него показанія, то, не домогаясь таковаго, составить о семъ актъ для пріобщенія къ дѣлу». Но Серно-Соловьевичъ игнорировалъ комиссію и молчалъ.

Въ тотъ же день, 16 октября, былъ допрошенъ и маркизъ де-Траверсе. Онъ показалъ, что родился въ 1829 г., воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, который окончилъ въ 1850 г. Женатъ на М. Н. Шидловской. Съ Бакунинымъ былъ въ перепискѣ исключительно о его женѣ, которую узналъ еще во время службы въ Сибири. Лялина знаетъ давно. Пріѣхавъ изъ Лондона, передалъ ему письмо Бакунина черезъ Налбандяна. Въ Лондонъ ѣздилъ въ январѣ 1862 г., познакомился тамъ съ Герценомъ и его друзьями исключительно съ цѣлью узнать, «имѣютъ ли отношенія здѣшнія прокламаціи къ прокламаціямъ лондонскимъ». «Стоитъ припомнить, что сестра моя замужемъ за бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ— и это любопытство мое весьма извинительное»,—писалъ маркизъ, надѣясь, что этого намека достаточно, чтобы убѣдить комиссію, что, знакомясь съ Герценомъ и его друзьями, онъ въ сущности собиралъ матеріалъ для своего beau frèr'а... Бакунинъ увѣрилъ его, что петербургскія прокламаціи не печатаются въ Лондонѣ, и обѣщалъ ему сообщать обо всемъ, что будетъ предпринимаемо лондонскими пропагандистами (sic?!). Съ Кельсіевымъ познакомился и далъ ему черезъ Бакунина 300 рублей безъ отдачи, но, по просьбѣ Кельсіева, передалъ эти деньги Ничипоренку въ Петербургѣ.

Въ другой разъ Траверсе признался, что зналъ о поѣздкѣ Кельсіева въ Россію, но не вѣрилъ возможности ея совершенія. Затѣмъ онъ пояснилъ, что познакомился съ Ничипоренкомъ черезъ Виктора Павловича Гаевскаго, съ которымъ былъ въ лицеѣ. Уѣзжая за-границу, Ничипоренко сказалъ, что письма въ Лондонъ надо передавать теперь Гаевскому, у котораго тамъ есть рука. Одно письмо и было отправлено. Гаевскій потомъ разсказалъ маркизу, что Кельсіевъ останавливался у Ничипоренка, состоящаго агентомъ лондонскихъ эмигрантовъ. Любопытно, какъ характеризовалъ ихъ хотѣвшій отдѣлаться отъ крѣпости маркизъ: «Кто знаетъ частную жизнь Бакунина, — а я ее довольно хорошо знаю, — тотъ не увлечется его идеями. Герценъ противъ меня предупрежденъ кѣмъ-то, Огарева я только видѣлъ, а о Кельсіевѣ не стоитъ говорить»... Затѣмъ, чувствуя, что Гаевскій и Налбандянъ выданы имъ съ головой, маркизъ счелъ нужнымъ прибавить, что первый изъ нихъ возмущался «Молодой Россіей», а второй—исключительно торговый человѣкъ.

На просьбу отца Траверсе о свиданіяхъ съ сыномъ послѣдовалъ отказъ.

Черезъ нѣсколько дней комиссія съ легкостью получила отъ маркиза еще нѣкоторыя указанія,—напримѣръ, что съ Герценомъ его познакомилъ Дмитрій Каншинъ, сынъ откупщика; что письмо, посланное въ Лондонъ Ничипоренку, привезъ ему изъ Москвы Любенковъ. На вопросъ комиссіи, что бы сдѣлалъ Траверсе, если бы узналъ, что связь русскихъ и заграничныхъ прокламацій несомнѣнна, маркизъ имѣлъ наглость отвѣтить: «исполнилъ бы долгъ мой и донесъ, кому слѣдуетъ»... . . . .

Лялинскія показанія тоже производятъ непріятное впечатлѣніе. Во время харьковскихъ губернскихъ дворянскихъ выборовъ «убѣждалъ-де дворянство не составлять никакого адреса и не дѣлать никакой демонстраціи». Молодежь всегда удерживалъ отъ демократическихъ идей, увидя въ 1849 г., къ чему онѣ привели заграницей. Герценъ вреденъ своею дѣятельностью. Въ іюнѣ 1862 г. написалъ Бакунину, съ которымъ познакомился въ Томскѣ въ 1856 г., бывъ тамъ по дѣламъ. Бакунинъ тогда былъ очень признателенъ государю за милость, оказанную многимъ политическимъ преступникамъ, но «разговоры» его были непріятны. Теперь, узнавъ, что онъ уже въ Лондонѣ, Лялинъ написалъ ему съ двумя цѣлями: первая—отклонить Бакунина отъ дружбы съ Герценомъ, вторая—узнать, какими путями дѣйствуетъ послѣдній, чтобы сообразно съ этимъ бороться съ его пропагандой. «Я не скрываю, что въ этомъ письмѣ я помѣстилъ нѣкоторыя выраженія, несогласныя съ моими понятіями и противорѣчащія тому, какъ я пишу и говорю публично, но я помѣстилъ эти выраженія съ тою цѣлью, чтобы, приноравливаясь къ духу Бакунина, вызвать его на откровенность, которая могла бы быть полезна для него самого, такъ равно могла бы открыть возможность противодѣйствовать пропагандѣ, дѣйствующей во вредъ благосостоянію нашего общества». За незнаніемъ адреса Бакунина адресовалъ письмо Носкову, сосѣду по имѣнію, въ Ахенъ. Въ заключеніе Лялинъ просилъ освободить его на поруки.

Прежде чѣмъ допрашивать Кожанчикова, комиссія ждала получить матеріалъ для допроса отъ жандармскаго полковника Дурново. Вотъ что онъ сообщилъ ей. Кожанчиковъ ѣздилъ въ Москву какъ разъ во время пребыванія тамъ Кельсіева и держитъ эту поѣздку въ большомъ секретѣ. Останавливался онъ у своего пріятеля, тоже книгопродавца — Базунова. Въ Петербургѣ у него бываетъ много народу. Серно-Соловьевича, Аксакова и Ничипоренка знаетъ въ лицо и прислуга. Въ теченіе мѣсяца у него часто бывалъ какой-то господинъ, по примѣтамъ похожій на Кельсіева. Дурново хотѣлъ во что бы то ни стало узнать о визитахъ Кельсіева и для этого подослалъ къ управляющему Кожанчикова—Свириденку — шпіона, переодѣтаго французскимъ кондукторомъ, который на чистомъ французскомъ языкѣ огорошилъ Свириденко вопросомъ: не знаетъ ли онъ, гдѣ найти Яни, очень нужнаго по важному дѣлу? Но маневръ не удался: Свириденко не растерялся и, подумавъ, отвѣтилъ: «эта фамилія мнѣ незнакома». Шпіонъ

удалился несолоно хлебавши. Что касается пребыванія Кельсіева у Серно-Соловьевича, то объ этомъ ничего узнать нельзя, потому что вся его тогдашняя прислуга у него уже не живетъ и выѣхала изъ Петербурга.

На этомъ миссія Дурново въ Петербургѣ была признана пока законченной, и его командировали въ Москву съ разбитнымъ полицейскимъ Мироновичемъ, потомъ такъ прославившимся по процессу Сарры Беккеръ. Оттуда Дурново сообщилъ, что Кельсіевъ жилъ въ Москвѣ съ 29 марта до 7 апрѣля. Оказывается, что онъ бывалъ почти ежедневно у служащаго въ московскомъ архивѣ Александра Николаевича Афанасьева. Кельсіева сопровождалъ какой-то красивый блондинъ. У Афанасьева въ это время бывало довольно много народу: братья Орфано, Яковъ Анисимовичъ Ошмянцевъ, Трубецкой, Козловъ и др. Самъ Афанасьевъ вообще держитъ себя подозрительно. Съ Козловымъ очень коротки братья Юлій и Иванъ Мистинскіе, съ Трубецкимъ—Челишева и Свириденко. О Касаткинѣ почти ничего узнать не удалось. Трубецкой держитъ себя весьма надменно, и крестьяне и дворяне недовольны имъ, какъ мировымъ посредникомъ. Козловъ, Орфано и Ошмянцевъ одѣваются по-русски. Солдатенковъ, Большаковъ и Сивовъ подозрѣній не внушаютъ. Затѣмъ Дурново сообщилъ ужъ безусловный вздоръ: въ октябрѣ 1862 г. Кельсіевъ снова былъ въ Москвѣ и останавливался въ той же гостиницѣ.

ДОПРОСЫ ПОТѢХИНА и НИЧИПОРЕНКА.

Между тѣмъ комиссія дѣлала свое дѣло—допрашивала всѣхъ, кого засадила въ крѣпость.

20 октября былъ вызванъ Потѣхинъ. Онъ показалъ, что ему 25 лѣтъ, холостъ, воспитывался въ московскомъ университетѣ, кончилъ его въ 1858 г. и уѣхалъ лѣчиться за-границу, потомъ жилъ въ Парижѣ. Вскорѣ за тѣмъ получилъ мѣсто по откупамъ у Кокорева въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ и пробылъ въ качествѣ главнаго ревизора до іюня 1860 г., когда былъ вызванъ Кокоревымъ въ Петербургъ и получилъ въ управленіе его главную контору. Въ сентябрѣ того же года онъ, однако, оставилъ тяготившее его мѣсто и отдался литературѣ, пока не получилъ казеннаго мѣста по акцизу въ Полтавской губерніи, гдѣ и служилъ до апрѣля 1862 г., когда поѣхалъ за-границу, чтобы приглядѣться тамъ къ взиманію акциза и побывать на лондонской всемірной выставкѣ. Вернулся въ Россію въ послѣднихъ числахъ мая.

Ничипоренка онъ зналъ въ числѣ многихъ другихъ литераторовъ. За-границею познакомился съ Герценомъ, у котораго встрѣтилъ Огарева, Мартьянова и Бакунина. Хотѣлось «анализировать эти личности». Переписки съ ними никогда не велъ. О письмѣ Бакунина къ Гарибальди ничего не знаетъ, но самъ просилъ Гер-

цена или Бакунина дать рекомендательное письмо къ Гарибальди, потому что зналъ, что иначе не увидѣлъ бы всемірно извѣстнаго «генерала».

За-границу поѣхалъ вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ, сослуживцемъ по полтавскому акцизу, потому что дорожилъ его знаніями англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Выѣхавъ изъ Петербурга, они прихватили еще съ собой Николая Степановича Курочкина, доѣхавшаго съ ними только до Берлина. Оттуда, познакомившись съ купцами Кандинскимъ и Сабашниковымъ, они вчетверомъ поѣхали въ Лондонъ. Ничипоренко предувѣдомилъ Кельсіеву, чтобы она подготовила имъ недорогое помѣщеніе [1]). По пріѣздѣ всѣ четверо пошли къ ней и получили адресъ нанятой для нихъ квартиры. Вечеромъ Ничипоренко вошелъ въ комнату Потѣхина съ письмомъ къ Герцену, въ которомъ просилъ свиданія, и предложилъ ему написать такое же. Потѣхинъ послѣдовалъ совѣту. Герценъ отвѣтилъ имъ, что ждетъ въ такой-то день вечеромъ. У самаго подъѣзда они встрѣтили Альбертини. Потѣхинъ задержался съ нимъ въ передней, а Ничипоренко былъ уже въ кабинетѣ Герцена. Въ этотъ разъ они познакомились съ Бакунинымъ, Огаревымъ, сыномъ и дочерью Герцена. Пообѣдали въ тотъ день въ ресторанѣ съ Бакунинымъ и Альбертини. Бакунинъ предложилъ Потѣхину заняться распространеніемъ ихъ изданій, но получилъ отказъ. Послѣ этого, разумѣется, Герценъ и Бакунинъ отказались рекомендовать его Гарибальди. Наканунѣ отъѣзда изъ Лондона Ничипоренко, Потѣхинъ, Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ сошлись въ ресторанѣ Кюна, гдѣ и распрощались. Но, придя поздно ночью домой, Ничипоренко отправился къ Бакунину, сказавъ Потѣхину, что ему слѣдовать за нимъ неудобно. Воротясь, онъ сказалъ, что Бакунинъ рекомендуетъ его Гарибальди въ томъ письмѣ, гдѣ пишетъ и о немъ (это, разумѣется, былъ только благовидный отказъ). Поѣхали. До Пескіеры все шло благополучно. Тамъ по обыкновенію отобрали паспорта, а вещи приняли на таможню. Ничипоренко растерялся и поблѣднѣлъ. Потѣхина осмотрѣли внимательно и возвратили паспортъ. Вдругъ Кандинскій передалъ ему бумажникъ Ничипоренка. «Зачѣмъ?»—«Не знаю». Потѣхинъ развернулъ бумажникъ, увидѣлъ ассигнаціи и нѣсколько писемъ и рѣшилъ скорѣе вернуть ихъ черезъ Кандинскаго же Ничипоренку. Тотъ нехотя взялъ и скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ Потѣхина позвалъ кто-то въ ту комнату, гдѣ былъ Ничипоренко. Очень растерянный, онъ сказалъ ему: «что вы со мною сдѣлали! тутъ лежатъ важныя вещи!» Затѣмъ быстро вынулъ изъ бумажника нѣсколько писемъ и разорвалъ ихъ, а остальныя бросилъ въ темный уголъ, подъ скамейку. Затѣмъ онъ былъ осмотрѣнъ, и всѣ чет-

---

[1]) Въ Кенигсбергѣ Ничипоренко встрѣтилъ Кельсіева, съ которымъ они и продолжали путь до Берлина. Курочкинъ зналъ, съ кѣмъ они ѣдутъ, а Потѣхину Кельсіевъ былъ представленъ, какъ юный молоканъ, ищущій по свѣту правой вѣры. Кельсіевъ въ это время хлопоталъ объ устройствѣ въ Кенигсбергѣ особаго контрабанднаго депо для перевозки лондонскихъ изданій («Заря», 1871 г., іюнь, 25).

веро благополучно сѣли въ поѣздъ и направились по Италіи. Пріѣхали въ Венецію. Вдругъ Ничипоренко объявилъ, что ѣдетъ въ Тріестъ, а оттуда черезъ Константинополь въ Одессу. Такъ и сдѣлалъ, удививъ всѣхъ внезапной перемѣной маршрута. Потомъ Потѣхинъ встрѣтилъ Ничипоренка уже на мѣстѣ службы.

Это откровенное признаніе въ связи со всѣмъ, ранѣе извѣстнымъ, дало достаточный матеріалъ для допроса самого Ничипоренка, который и былъ произведенъ 25 октября.

Онъ родился въ 1837 г., въ с. Подлицахъ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи; учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, которое окончилъ въ 1857 г., и поступилъ въ кабинетъ его величества, гдѣ служилъ до конца 1861 г., оттуда перешелъ въ департаментъ податей и сборовъ, а въ іюлѣ 1862 г. — занялъ должность акцизнаго надзирателя Прилукскаго уѣзда.

Предупредивъ, что все его показаніе «искренно и чистосердечно», Ничипоренко продолжалъ. Въ коммерческомъ училищѣ былъ друженъ съ писателемъ Аверкіевымъ и Кельсіевымъ. По окончаніи училища эти отношенія прервались, а потомъ о Кельсіевѣ онъ уже ничего не зналъ. Черезъ товарища по училищу, Ашмарина, онъ узналъ, что жившій въ Лондонѣ Владиміровъ, тоже воспитанникъ коммерческаго училища, посылаетъ ему вырѣзки изъ англійскихъ газетъ и «Колокола». Ничипоренко просилъ выслать такой матеріалъ и ему. Владиміровъ исполнилъ просьбу и какъ-то сообщилъ Ничипоренку, что Кельсіевъ ищетъ переводчика евангелія на малороссійскій языкъ. Ничипоренко отправился къ Шевченку. Тотъ обѣщалъ переговорить кое съ кѣмъ, но потомъ отвѣтилъ, что переводъ они хотятъ издать сами и притомъ въ Петербургѣ.

Служа въ столицѣ, Ничипоренко слушалъ лекціи въ университетѣ и преподавалъ бухгалтерію нѣкоему Шредеру, у котораго познакомился съ Гаевскимъ, а у профессора Березина — съ Кавелинымъ. Живя у профессора Вернадскаго въ качествѣ наставника его сына, Ничипоренко познакомился съ Лѣсковымъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева и тоже жившимъ нѣкоторое время у Вернадскаго. Черезъ Лѣскова онъ познакомился съ Курочкиными, Траверсе, Громекой, Писаревскимъ, Мельниковымъ и другими. Николай Курочкинъ, Альбертини, Громека и Гаевскій брали у него «Колоколъ». Въ началѣ 1861 г. Ничипоренко отправилъ черезъ Владимірова въ Лондонъ два письма Кельсіеву. Лѣтомъ того года пріѣхалъ изъ Лондона Бени и привезъ ему рекомендательное письмо отъ Кельсіева.

Наскучивъ жить въ Петербургѣ и сойдясь съ Бени, они поѣхали по Россіи, чтобы побывать подольше въ Полтавской губерніи. Въ Москвѣ они были у Каткова и графини Сальясъ, въ Орловской губерніи заѣхали къ братьямъ (Павлу и Виктору) Якушкинымъ и познакомились, черезъ Бени, съ Тургеневымъ [1]. Поживъ въ деревнѣ,

---

[1]) Поѣздка эта, въ которую они проѣхали Тверь, Москву, Нижній-Новгородъ и другіе города, на самомъ дѣлѣ для собиранія подписей къ адресу о дарованіи Россіи конституціи, не привела ровно ни къ какимъ результатамъ; подлинникъ адреса Бени хранилъ потомъ у себя, а когда Ничипоренко поѣхалъ въ Лондонъ, то за-

Ничипоренко увидѣлъ, что въ Петербургѣ масса лжи и натянутости въ либеральномъ настроеніи общества. Эта мысль тамъ еще приходила ему въ голову; въ ней его поддерживалъ литераторъ Максимовъ. Однако, надо было ѣхать въ столицу, чтобы искать мѣста на родинѣ. Въ это время Ничипоренко отправилъ Владимірову пять писемъ Гаевскаго и четыре Альбертини, и одно письмо Щапова Кельсіеву. Вскорѣ вернулся изъ Лондона Бени и привезъ «Колоколъ». Два номера Ничипоренко далъ Гаевскому. Затѣмъ пріѣхалъ изъ-за-границы маркизъ Траверсе и передалъ ему письмо Кельсіева и 300 рублей для него. Кельсіевъ въ письмѣ просилъ деньги эти оставить у себя впредь до уведомленія.

Въ это время «съ внутреннимъ переворотомъ, который во мнѣ развился, я сталъ искать и соотвѣтственной дѣятельности и сталъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы», газеты консерьативной, но болѣе правдивой»... Какъ-то сидя въ редакціи, Ничипоренко увидѣлъ мальчика отъ Бени. Вышелъ къ нему и вдругъ — передъ нимъ стоитъ Кельсіевъ. Было устроено свиданіе его съ Максимовымъ, но при разныхъ точкахъ зрѣнія на расколъ они ни къ чему не пришли. Максимовъ свелъ Кельсіева съ Кожанчиковымъ, и они условились поѣхать въ Москву. На другой или на третій день Кельсіевъ, по совѣту Герцена, перебрался къ Серно-Соловьевичу. Гдѣ онъ бывалъ и что дѣлалъ за время пріѣзда — Ничипоренко не знаетъ. Изъ 300 руб. онъ взялъ у него 50, а 150 просилъ послать въ Лондонъ его женѣ черезъ Владимірова, уже пріѣхавшаго въ Петербургъ. Самъ Владиміровъ о пріѣздѣ Кельсіева тогда ничего не зналъ. На Николаевскій вокзалъ Ничипоренко проводилъ Кельсіева лично. Вскорѣ онъ получилъ изъ Москвы его письмо съ просьбой послать 50 руб. Петровскому. Затѣмъ Ничипоренко заболѣлъ и слегъ въ постель. Кельсіевъ вернулся изъ Москвы, забѣжалъ къ нему и, сказавъ, что уѣзжаетъ въ Лондонъ, ушелъ.

Лѣтомъ Ничипоренко самъ собрался за-границу. Передъ отъѣздомъ къ нему зашелъ Николай Серно-Соловьевичъ, просилъ разыскать въ Кенигсбергѣ Кельсіева и сказать ему, что письмо его получено и что или онъ, или братъ Александръ пріѣдутъ. Ничипоренко все это исполнилъ и взялъ отъ Кожанчикова письмо къ Герцену, въ которомъ тотъ просилъ разрѣшенія на изданіе въ Россіи его прежнихъ сочиненій. Герценъ просилъ передать, что право это уже принадлежитъ Серно-Соловьевичу. Въ Берлинѣ онъ разспрашивалъ Кельсіева о поѣздкѣ, но тотъ ничего не разсказывалъ. Изъ Лондона Ничипоренко уѣхалъ раньше возвращенія туда Кельсіева, много колесившаго по Европѣ на пути изъ Россіи въ Англію. Весь разсказъ Потѣхина о ихъ путешествіи правиленъ.

Когда Бакунинъ узналъ маршрутъ Ничипоренка изъ Лондона на Парижъ, Италію и Одессу, то предложилъ ему рекомендательныя письма, выразилъ желаніе, чтобы онъ повидался съ Гарибальди,

---

хватилъ его показать Герцену и другимъ. Кельсіевъ говоритъ, что видѣлъ этотъ документъ съ нѣсколькими подписями.

и для этого далъ письма свои и Саффи, сказавъ, что Герценъ пришлетъ ему въ Парижъ письмо къ Серно-Соловьевичу и Гарибальди. Бакунинъ упорно заводилъ разговоры о пропагандѣ, но Ничипоренко «ему отвѣчалъ двусмысленно, ни да, ни нѣтъ, потому что считалъ, что начинать споръ и дѣлать опроверженія это значитъ только терять слова» передъ человѣкомъ, который дошелъ до того, что сталъ ругать нѣмецкую науку...

Въ Парижѣ Ничипоренко дѣйствительно получилъ отъ Герцена записку съ письмомъ къ Серно-Соловьевичу и съ десяткомъ воззваній о пожертвованіяхъ въ «общій фондъ». Все это онъ передалъ Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу. Къ Гарибальди не поѣхалъ и вообще рѣшилъ съ нимъ не видѣться. Послѣ того, какъ у него были отобраны въ Пескіерѣ воззванія объ «общемъ фондѣ», Ничипоренко рѣшилъ ѣхать въ Россію, чтобы самому прибыть туда, а не быть привезеннымъ въ качествѣ арестанта. «Я съ чистымъ сердцемъ ѣхалъ въ Россію, потому что у меня никакихъ не было черныхъ мыслей и глупыхъ намѣреній. Въ Малороссію я ѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобы служить честно государю и отечеству, помогать роднымъ и въ тиши заниматься науками».

Черезъ нѣсколько дней Ничипоренко прибавилъ, что самъ проводилъ Кельсіева къ Серно-Соловьевичу, потому что тотъ не зналъ послѣдняго въ лицо и боялся ошибиться. Въ Петербургѣ Кельсіевъ пробылъ 5—6 дней, а въ Москвѣ—около двухъ съ половиною недѣль. Щаповъ писалъ не Кельсіеву, какъ онъ показалъ раньше, а кн. Вяземскому въ отвѣтъ на его стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Затѣмъ черезъ мѣсяцъ, уже въ концѣ ноября, Ничипоренко еще кое-что добавилъ и пояснилъ, вызванный на это вопросами комиссіи. Такъ, онъ показалъ, что уничтожилъ или выбросилъ всѣ письма Бакунина; что относительно пропаганды въ Малороссіи не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ; что Кожанчиковъ и Кельсіевъ поѣхали въ Москву въ одномъ поѣздѣ; что онъ не говорилъ Владимірову, что исполнилъ всѣ порученія Герцена, изложенныя въ письмѣ послѣдняго къ Владимірову, а сказалъ только, что поговоритъ о Бени съ Альбертини, Громекой и Николаемъ Курочкинымъ. При передачѣ Тургеневу въ Парижѣ письма Герцена къ Серно-Соловьевичу присутствовалъ Налбандянъ, которому Ничипоренко вручилъ карточку Бакунина.

Не даромъ Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену отъ 12 февраля 1863 года, т. е. послѣ всѣхъ этихъ показаній Ничипоренка, говорилъ: «Ничипоренко всѣхъ и все выдаетъ». Иначе этихъ правдивыхъ показаній и назвать, разумѣется, нельзя.

Конечно, комиссія торжествовала: она понимала уже почти весь ходъ сношеній съ пропагандистами...

БУМАГИ И ДОПРОСЪ НАЛБАНДЯНА.

Теперь время вернуться къ Налбандяну, котораго мы оставили, какъ только его привезли изъ Нахичевани въ Петропавловскую крѣпость.

Сначала о тѣхъ армянскихъ бумагахъ, которыя были взяты при его арестѣ.

Онѣ очень негладко переведены тѣмъ же Аскархановымъ, который познакомилъ комиссію съ «поваренной книгой». Прежде всего письмо Свачьянца изъ Константинополя отъ 14 мая 1862 г. Тамъ, между прочимъ, было написано:

«Письмо ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное письмо къ *г. Мартиросу*[1]) донынѣ еще недоставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили *г. Мартиросу*; тогда можно будетъ смѣло доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать—*имѣемъ здѣсь банкира*, когда мы его не имѣемъ, поставитъ меня въ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ повредить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ насчетъ вашихъ распоряженій, до меня касающихся. Старался я имѣть здѣсь ложу братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англіи, отъ которой также получено позволеніе, предоставляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попроще ея. Цѣль этого братства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о неимущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ внѣшнимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодую на то, но слѣдовало такъ; на-дняхъ все будетъ отправлено. Съ Катальянцомъ я видаюсь: онъ очень хорошій, но смирный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала, тогда заранѣе воспользовались бы. Прибылъ сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцать человѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, насчетъ же остальныхъ обѣщалъ постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я также

---

[1]) Взятое курсивомъ получитъ объясненіе ниже.

думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при вопросѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемѣрная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаяваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

Читатель, разумѣется, понялъ, что на самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о масонской ложѣ, а о революціонной организаціи армянъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и взятый у Налбандяна шифръ, имѣющій очень большое значеніе для дешифрированія его переписки, болѣе извѣстной соотечественникамъ. Привожу его полностью:

Открыть торговый домъ—сосредоточить и умножить войска.
У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто — въ Трапезонтѣ имѣть одного комиссіонера.
Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ.
Покупать ленъ — съ горцами начать переговоры и заключить союзъ.
Бумагопашество—въ Киликіи водворить колонію.
Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ.
Имѣть кредитъ—издавать газету.
Самсона пріятель—Россія.
Бейрутскій пріятель—Франція.
Манчестерскій пріятель—Англія.
Женевскій пріятель—Италія.
Константинопольскій пріятель—Персія.
Тріестскій пріятель—Польша.
Парижскій пріятель—«нельзя расшифровать имени»—написалъ Аскархановъ, но потомъ кто-то написалъ—Чарторижскій.
Лондонскій пріятель—Герценъ.
Ливорнскій пріятель—Гарибальди.
Фабрикаторъ—публицистъ.
Больной—Арменія.
Хлопчатая бумага—Киликія.
До жатвы выдать деньги—возбудить національность.
Для покупки товара—для возстанія.
Мартиросъ—Мадзини.
Алминкаръ—Бакунинъ.
Часы—штыковое ружье.
Хронометръ—пушка.
Послать индиго—склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликіи.
Пашня для посѣва индиго—Александретта.
Возвысить цѣны на товары—собирать деньги.
Мука—порохъ.
Пшеница—ядро.

Ясно, кажется, о чемъ писалъ Свачьянцъ Налбандяну...

Наконецъ, у него былъ взятъ маршрутъ путешествія, очень важный для всякаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ пространствомъ, на которомъ Налбандянъ дѣйствовалъ въ качествѣ энергичнаго агента-пропагандиста.

15-го іюня 1860 г. Налбандянъ выѣхалъ изъ Петербурга, 16-го пріѣхалъ въ Москву, 6-го іюля—въ Нахичевань, 24-го августа—Парижъ, 6-го сентября—Эчміадзинъ, 19-го октября—Тифлисъ, 7-го ноября—Поти, 15-го ноября—Трапезонтъ, 20-го—Константинополь, 25-го декабря — Мессина, 27-го—Неаполь, 4-го января 1861 г.—Генуя, 9-го Парижъ, 11-го—Лондонъ, 19-го—Парижъ, 3-го февраля — Лондонъ, 17-го марта—Парижъ, 20-го апрѣля—Марсель, 27-го—Александрія, 2-го мая—Каиръ, 13-го—Аденъ, 22-го—Цейлонъ, 27-го—Мадрасъ, 30-го—Калькута, 24-го октября—Греу, 27-го октября—Александрія, 4-го ноября—Іерусалимъ, 11-го—Александрія, 18-го—Смирна, 20-го — Константинополь, 2-го января 1862 г. — Марсель, 5-го—Парижъ, 9-го—Лондонъ, 13-го февраля—Парижъ.

На допросахъ 13, 16, 18, 23, 24 и 25 октября Налбандянъ разсказалъ свою біографію, уже извѣстную читателю, и затѣмъ очень уклончиво отвѣчалъ на вопросы комиссіи. Хафафова зналъ съ дѣтства. Въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ. Отношеній съ ними никакихъ не имѣлъ, если не считать хлопотъ о выпискѣ жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію, для чего познакомился съ Тургеневымъ и Траверсе. Только что приведенное письмо и шифръ объяснялъ, конечно, такъ, что это самыя невинныя вещи, напримѣръ, что константинопольскіе армяне желаютъ при помощи Мадзини перейти въ итальянское подданство и т. д.

Комиссія очень была недовольна ловкостью сочинявшаго всякія легенды Налбандяна и отказала его брату, Лазарю, въ свиданіяхъ съ заключеннымъ. Только настойчивыя представленія, что свиданіе необходимо для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по наслѣдственному процессу нахичеванцевъ, склонили комиссію дать братьямъ чисто дѣловое свиданіе.

ДОПРОСЫ ВОРОНОВА и БЕНИ.

25 февраля былъ допрошенъ Вороновъ.

Онъ показалъ, что родился въ 1832 г., воспитывался въ гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1853 г. Затѣмъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ до смерти жены въ 1861 г., а послѣ поѣхалъ путешествовать и въ мартѣ 1862 г. выѣхалъ за-границу. Сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Словѣ», «Журналѣ для Воспитанія» и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ Лондонѣ на выставкѣ былъ въ апрѣлѣ и не имѣлъ намѣренія знакомиться съ эмигрантами, но случайно познакомился съ Бакунинымъ. Рядомъ съ Вороновымъ въ отелѣ жилъ Н. П. Морозовъ, командированный харьковскимъ университетомъ

для подготовки къ каѳедрѣ, и заболѣлъ [1]). Онъ посѣтилъ его и встрѣтилъ тамъ Бакунина. Бакунинъ хотѣлъ курить, но у Морозова это было запрещено докторомъ. Вороновъ предложилъ ему свою комнату. Тамъ М. А. сталъ упрекать его, что онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не познакомился. Разговоръ перешелъ на «Колоколъ», который Вороновъ подвергъ критикѣ, доказывая, что онъ очень далекъ отъ реальныхъ условій русской жизни и пр. Бакунинъ нашелъ его мнѣніе справедливымъ и сказалъ, что Герценъ былъ бы очень благодаренъ, если бы лично могъ выслушать его. Но въ первое посѣщеніе свое Вороновъ не нашелъ случая поговорить съ Герценомъ, отрываемымъ все время гостями, и потому было назначено особое свиданіе за обѣдомъ. Герценъ неохотно слушалъ его и подъ конецъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ Воронова съ Огаревымъ. Бакунинъ не обращалъ на это вниманія и нѣсколько разъ просилъ Воронова устроить перевозку контрабанды «Колокола» на Кавказѣ. Для этого онъ просилъ его заѣхать въ Парижѣ къ пріятелю Налбандяну и поговорить съ нимъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Вороновъ получилъ отъ Бакунина два письма: Налбандяну и Траверсе, но не передалъ ихъ.

Комиссія приняла эти показанія къ свѣдѣнію. Одновременно она просила Потапова собрать свѣдѣнія «объ образѣ жизни, занятіяхъ и политическомъ направленіи» Ашмарина, Альбертини, Николая Курочкина, Громеки, Максимова, Щапова и Кожанчикова и учредить за ними секретный надзоръ. Черезъ нѣсколько дней такая же просьба была возбуждена относительно Хрущевой, Александра Ивановича Носкова (которому было адресовано лялинское письмо Бакунину) и Подлѣснаго.

4 ноября Потаповъ прислалъ комиссіи показаніе Бени, написанное послѣднимъ по предложенію комиссіи, и сообщилъ отъ себя его біографическія данныя. Бени—сынъ пастора мѣстечка Томашева-Мазовецкаго, Варшавской губерніи; мать—англичанка; родился въ Лондонѣ, воспитывался въ петроковской гимназіи. Въ 1857 г. переѣхалъ въ Англію и принялъ великобританское подданство. Послѣ смерти покровительствовавшей тетки, переѣхалъ въ Парижъ слушать курсъ медицины. Познакомившись тамъ съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ въ 1860 г., чтобъ вскорѣ ѣхать на работу въ Сибирь [2]). Средства Томашевскаго были чѣмъ-то разстроены, и Бени пришлось остаться въ Петербургѣ безъ копейки [3]). Тогда онъ обратился къ В. С. Курочкину, съ которымъ познакомился еще въ Лондонѣ, и черезъ него и Тургенева вошелъ въ кругъ литераторовъ, особенно близко сойдясь съ Ничипоренкомъ. Потомъ уѣзжалъ ненадолго въ Лондонъ и, вернувшись въ концѣ сентября

[1]) Въ августѣ 1863 г. Морозовъ вернулся въ Россію и преподавалъ въ университетѣ физику.

[2]) На самомъ дѣлѣ Бени разсчитывалъ заняться тамъ пропагандой.

[3]) На самомъ дѣлѣ Томашевскій просто раздумалъ приглашать Бени.

1861 г., сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ». При этомъ Потаповъ сообщалъ, что, ѣхавъ въ Россію съ «соціалистическими воззрѣніями», заимствованными у Герцена, Огарева и Кельсіева, Бени увидѣлъ, что все это фантазіи, и потому навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ—агентъ тайной полиціи.

А что же писалось самимъ Бени?

Съ Герценомъ старался познакомиться уже въ 1857 г., т. е. съ самаго начала пребыванія своего въ Англіи. Всѣ теоріи знаменитаго эмигранта казались очень симпатичными. Однажды, въ концѣ 1858 г., въ магазинѣ иностранныхъ книгъ Роланда онъ встрѣтилъ Герцена и рекомендовался, какъ служащій въ англійскомъ военномъ министерствѣ. Былъ вскорѣ раза два-три у Герцена и познакомился тамъ съ семействомъ и Огаревымъ. «Въ основныхъ политическихъ принципахъ я сдѣлался его ученикомъ, и всякій разъ, когда ему случалось заговорить о болѣе общихъ предметахъ, я слушалъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ». Бени вѣрилъ, что Россія можетъ осуществить идеалы соціализма. Въ іюлѣ 1859 г. онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ деревню. Въ это время познакомился съ Кельсіевымъ на почвѣ перевода Пятикнижія [1]). Когда пріѣзжалъ изъ деревни въ Лондонъ, всегда посѣщалъ Герцена. Изъ польской эмиграціи знакомъ только съ Шульчевскимъ, секретаремъ и главнымъ руководителемъ лондонскаго комитета партіи Чарторижскаго. Многіе поляки участвуютъ въ печатаніи и книжной торговлѣ Герцена. Что касается плановъ послѣдняго относительно Россіи, то подробно Герценъ никогда съ нимъ объ этомъ не говорилъ да, вѣроятно, и плановъ никакихъ не имѣлъ. Переѣзжая въ 1860 г. въ Парижъ, Бени просилъ у Герцена рекомендательныхъ писемъ и получилъ два: къ кн. П. В. Долгорукову, издателю «Будущности», и къ Тургеневу. Разъ Герценъ прислалъ ему письмо съ просьбой передать его Мѣрославскому. Послѣдній выразилъ удивленіе, зачѣмъ Бени, полякъ по отцу, знакомится съ русскими. Переѣхавъ въ Россію и поживъ здѣсь, Бени ясно увидѣлъ, что «не только соціалистическіе планы Герцена, но даже болѣе умѣренныя требованія «Великорусса» смѣшны и преждевременны въ Россіи»...

Когда до него дошли слухи о подозрѣніяхъ въ шпіонствѣ, одновременно онъ узналъ о болѣзни второй тетки, жившей въ Англіи, и потому рѣшился ѣхать въ Лондонъ и кстати, если возможно, вынудить у Герцена какое-нибудь письменное или другое ручательство въ своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нимъ и въ томъ, что онъ считаетъ его «неспособнымъ на подобное дѣйствіе». Онъ не скрылъ отъ Герцена о перемѣнѣ своихъ политическихъ взглядовъ и получилъ отъ него категорическій отказъ, мотивированный тѣмъ, что у Герцена нѣтъ такихъ людей въ Петербургѣ, которые, по его письму, могли бы реабилитировать Бени въ общественномъ мнѣніи.

---

[1]) Объ этомъ знакомствѣ Кельсіевъ разсказалъ на стр. 4—5 іюньской книги «Зари», 1871 г.

Прерву здѣсь показанія Бени.

Онъ, дѣйствительно, выѣхалъ въ Лондонъ неожиданно. Въ сентябрѣ 1861 г. онъ вручилъ проѣзжавшему черезъ Петербургъ въ Парижъ Тургеневу большое письмо къ Герцену, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ увѣдомлялъ Александра Ивановича 7 октября н. с. Герценъ получилъ письмо только 18 ноября и на другой же день отвѣчалъ Бени, но не кончилъ отвѣта и, повидимому, потому, что въ періодъ его составленія и переписки Бени самъ былъ уже въ Лондонѣ и имѣлъ съ нимъ личный разговоръ. Изъ черновика отвѣта Герцена, который я привожу ниже, можно видѣть, что Бени и лично говорилъ съ нимъ о двухъ предметахъ: о собираніи подписей подъ составленнымъ имъ адресомъ государю о дарованіи конституціи и о реабилитированіи своего имени. Что касается перваго, то вотъ что хотѣлъ отвѣтить Герценъ:

«Письмо ваше пришло, какъ вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ, но обстоятельства были таковы, что вреда отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы при теперешней реакціи погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ, и недуренъ (хотя о главномъ вопросѣ: о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто), но вы врядъ ли успѣете что-нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до больного мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; вы слишкомъ чужды русской средѣ. Если мысль вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ, для нея вамъ, стало, нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія «Колокола» и о затрудненіяхъ адреса — ясно, что вы можете дѣлать и чего вы не сдѣлаете до тѣхъ поръ, пока вы не пріобрѣтете дѣйствительнаго права гражданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ (пропускъ слова) русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, вы говорили съ людьми, очень мало читающими «Колоколъ»: они вамъ прямо сказали бы что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ, а можемъ только *не мѣшать* ему, такъ, какъ не мѣшаемъ Долгоруковской конституціи. Насчетъ книгъ и «Колокола» мы говорили. Двѣ такія вещи, какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитація—несовмѣстимы»... [1]).

Ясно, что Герценъ непрочь былъ имѣть Бени агентомъ, самое большее по распространенію своихъ изданій, потому что эту работу онъ поручалъ иногда людямъ и совсѣмъ мало знакомымъ.

Но, какъ мы уже знаемъ изъ показаній Ничипоренка, Бени не внялъ совѣту Герцена и, обольщая себя успѣхомъ, пустился съ

[1]) «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену», Женева, 1892 г., стр. 142. Долгоруковской конституціей Герценъ называетъ опубликованный тогда кн. П. В. Долгоруковымъ проектъ преобразованія русской политической системы, которому онъ не сочувствовалъ.

Ничипоренкомъ по Россіи для собиранія подписей подъ своимъ адресомъ.

Что касается отвѣта Герцена (уже устнаго) на просьбу о реабилитаціи, то въ подтвержденіе показанія Бени приведу слова Кельсіева: «Герценъ отказалъ ему въ подобнаго рода удостовѣреніи и отказался отъ всякой съ нимъ солидарности» [1]).

Возвращаемся къ показаніямъ Бени.

Въ первыхъ числахъ декабря 1861 г. онъ вернулся въ Петербургъ. «Подозрѣніе на мой счетъ возросло до того, что почти всѣ мои здѣшніе знакомые отъ меня отвернулись». Тогда, весною 1862 г., Бени написалъ Герцену отреченіе отъ всѣхъ заимствованныхъ у него взглядовъ и послалъ его черезъ П. Алексѣева, уѣзжавшаго въ Лондонъ, но просилъ опустить его въ почтовый ящикъ гдѣ-нибудь въ Англіи. Письмо было адресовано къ родственнику Бени—Кливеленду, который и долженъ былъ передать его по назначенію. Отвѣта не получилось. Желая доказать Герцену, что онъ—человѣкъ не личностей, Бени написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, въ которомъ, нисколько не касаясь самого Герцена, возставалъ противъ неприличнаго тона наглой катковской «Замѣтки» по адресу издателя «Колокола», не сказавъ, однако, ни слова о ея содержаніи.

О пріѣздѣ въ Россію Кельсіева весною 1862 г. Бени узналъ только въ сентябрѣ и то стороной.

ДОПРОСЪ ПЕТРОВСКАГО. БУМАГИ, НАЙДЕННЫЯ У ТРАВЕРСЕ.

Я уже говорилъ, что полковникъ Дурново сообщалъ комиссіи о вторичномъ пріѣздѣ Кельсіева въ Москву въ сентябрѣ 1862 г., т. е. въ самый разгаръ веденнаго уже слѣдствія. Въ началѣ ноября Дурново повторилъ свое сообщеніе и уже въ совершенно утвердительной формѣ. Очевидно, и комиссія и III Отдѣленіе были этимъ очень встревожены, и потому рѣшено было немедленно командировать въ Москву молодца-Дренякина...

Тѣмъ временемъ работа продолжалась.

10-го ноября Петровскій заявилъ, что брюнета Кельсіева, о которомъ говоритъ Кожанчиковъ, онъ не знаетъ, и категорически утверждалъ, что Кельсіевъ—блондинъ, что ни онъ, ни Трубецкой, ни братья Орфано, Козловъ и Ошмянцевъ во время пріѣзда Кельсіева у Афанасьева не бывали; что Кельсіевъ бесѣдовалъ съ Петровскимъ всегда наединѣ, а при другихъ говорилъ о пустякахъ.

16-го ноября комиссія имѣла въ рукахъ еще новый весьма интересный матеріалъ, а именно нѣсколько писемъ М. А. Бакунина, отобранныхъ Дренякинымъ у маркизы Траверсе, по указанію ея

---

[1]) «Заря», 1871 г., іюнь, стр. 21.

мужа; они хранились въ его кабинетѣ, въ конвертѣ съ надписью «Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной».

Прежде всего это письмо къ женѣ:

14/2 іюня 1862 г. Лондонъ.

«Мой милый, неоцѣненный другъ! Ужъ много писемъ написалъ я тебѣ. Одно, я знаю, было истреблено испугавшимся путешественникомъ на русской границѣ. Это, несомнѣнно, дойдетъ до тебя. Я жду тебя, Antonie. Деньги къ тебѣ прійдутъ прежде этого письма. Не задумывайся, другъ, не медли—собирайся въ дорогу и поѣзжай прямо въ Прямухино—черезъ Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и Тверь, въ 30 верстахъ отъ города Торжка; а если хочешь ѣхать покойнѣй—въ Перми садись на пароходъ и на пароходахъ доѣдешь прямо до Твери. Ты пробудешь нѣсколько дней больше въ дорогѣ, но зато поѣдешь гораздо покойнѣе и, кажется, дешевле. Отъ Прямухина до меня рукой подать—и мы скоро, пожалуй, еще въ сентябрѣ, будемъ вмѣстѣ — я буду счастливъ. Сердце мое по тебѣ изныло. Я днемъ и ночью вижу только тебя. Лишь только ты пріѣдешь ко мнѣ, мы съ тобой поѣдемъ въ Италію—тамъ и дешевле, и веселѣе, и дѣла будетъ много. Не бойся, душенька, и горничная-дѣвушка у тебя будетъ, и жить чѣмъ будетъ — только пріѣзжай. Не пора ли будетъ и брату Александру [1]) ѣхать въ университетъ? Какъ бы хорошо, если-бъ онъ поѣхалъ съ тобою въ Россію. Въ Прямухинѣ вы общимъ совѣтомъ рѣшили бы, куда ему окончательно ѣхать: въ Москву ли, въ Петербургъ? Я начинаю думать, что лучше въ Петербургъ. Тамъ мой добрый, умный пріятель, полякъ, профессоръ Калиновскій—который теперь здѣсь и обѣщаетъ мнѣ выхлопотать Александру стипендію, т. е. даровое содержаніе. Въ Питерѣ также и Маткевичъ. Пользуясь опорою и совѣтами такихъ положительныхъ, умныхъ людей, добрыхъ поляковъ, но умѣренныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ, Саша пойдетъ хорошо.

«Что-жъ, мои милые, рѣшайтесь [2]). Грустно вамъ будетъ и съ Антосей и съ Сашей разставаться — да надо, для ихъ же блага надо. Да и вы сами, я въ этомъ увѣренъ, не останетесь долго въ Сибири, въ такомъ безмѣрномъ разстояніи отъ насъ всѣхъ. Ужъ одинъ большой и очень дѣльный капиталистъ, взявшій у меня родъ докладной записки о панѣ Ксаверіѣ [3]), обѣщаетъ мнѣ достать ему въ Россіи, гдѣ-нибудь на Югѣ, и выгодное, и твердое, и вмѣстѣ безопасное мѣсто. Тамъ встрѣчается много поляковъ, и Зося и Юлька [4]) легче найдутъ добрыхъ мужей. Къ тому-жъ желѣзныя дороги связываютъ югъ Россіи съ Москвою и съ Петербургомъ. Итакъ, рѣшитесь, друзья, — отпустите брата Александра съ Антосей — онъ ей и кавалеромъ послужитъ, да и дешевле будетъ.

---

[1]) Братъ жены Бакунина, Квятковскій.

[2]) Здѣсь Бакунинъ обращается къ родителямъ своей жены, у которыхъ она и жила тогда въ Иркутскѣ.

[3]) Отецъ жены Бакунина.

[4]) Сестры жены.

«Антося, жду тебя, будь умна, рѣшительна. Казенныхъ препятствій ты не встрѣтишь — было бы и беззаконно и глупо, а если-бъ тебя захотѣли остановить — на что-жъ умъ и воля. Я жду тебя — пріѣзжай только въ Россію, въ Прямухино — тамъ у тебя въ друзьяхъ недостатка не будетъ. Да забери съ собою мою записку къ Маткевичу, чтобъ онъ видѣлъ, что, уѣзжая изъ Сибири, я его не забылъ. Ты непремѣнно постарайся увидѣться съ нимъ въ Петербургѣ — и сама рекомендуй ему брата Александра.

«Мои милые, Зося, Мама, Раро — грустно и тяжело вамъ будетъ, но не унывайте, вѣрьте, что я непрестанно о васъ думаю и не успокоюсь, пока не перетяну васъ поближе къ намъ. Право, теперь ни пространства, ни вѣчныя разлуки не существуютъ. Вы опять молчите. Пишите-жъ чаще и отдавайте письма Болеславу Казиміровичу [1]). Отдайте ему прилагаемое письмо [2]). — Его письмо меня тронуло. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, добрый и благородный столько же, сколько и умный человѣкъ. Онъ будетъ, надѣюсь, вамъ совѣтомъ и помощью, пока вы останетесь въ Сибири. А что Василій Петровичъ [3])? Бываетъ ли онъ у васъ? Я въ этомъ увѣренъ. Скажите ему, что я люблю и уважаю его по прежнему. Я написалъ ему нѣсколько писемъ — но отвѣта еще не получалъ, и потому придержусь теперь. А Модестъ Николаевичъ [3]) и милая жена его, гдѣ они теперь? — И имъ также много писалъ, и отъ нихъ также ни слова. Обнимите ихъ, если они еще въ Иркутскѣ. Обнимите и нашего добраго и почтеннаго друга Тв-каго [3]) — этотъ вамъ никогда не измѣнитъ.

«Зося, вообрази себѣ, какая жалость: я не только послалъ тебѣ съ тѣмъ пугливымъ путешественникомъ [4]) *особенное* длинное письмо, — но вложилъ еще въ него, какъ рѣдкость, *дружескую записку* отъ Garibaldi — и все это было имъ безжалостно истреблено. — Mais ce n'est que partie remise. Теперь не пишу особенно потому, что спѣшу, но при первомъ случаѣ и постоянно буду тебѣ много писать, милый другъ — и буду тебѣ постоянно посылать и интересныя автографіи и фотографіи. Получила ли ты мою первую посылку, состоявшую изъ оригинальныхъ американскихъ конвертовъ и изъ множества американскихъ портретовъ?

«Антося, другъ неоцѣненный, пріѣзжай, скорѣй пріѣзжай.

Твой *М. Б.*

«Милые мои, пишите-жъ чаще, непремѣнно разъ въ двѣ недѣли — а ты, Зося, обязана мнѣ каждый разъ отдавать подробный отчетъ до послѣднихъ мелочей въ вашихъ занятьяхъ, жизни,

---

1) Кукелю, начальнику штаба войскъ, расположенныхъ въ Восточной Сибири.

2) Приводится ниже.

3) Неизвѣстно, кто эти лица.

4) Имя вторично упоминаемаго пугливаго путешественника, взявшагося передать въ Россіи нѣсколько писемъ Бакунина и вмѣсто того уничтожившаго ихъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

новыхъ и старыхъ знакомствахъ, въ сплетняхъ, удовольствіяхъ и непріятностяхъ — всю чистую правду — также подробно, какъ ты писала, бывало, кузинѣ уродцу Катѣ.

«Обнимаю васъ вмѣстѣ и каждаго на перечетъ крѣпко».

Вотъ приложенное при немъ письмо Б. К. Кукелю:

14/2 іюня 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«*Болеславъ Казиміровичъ!* — На-дняхъ, къ большому моему *сожалѣнію, я узналъ, что* длинное письмо, посланное мною вамъ съ однимъ русскимъ путешественникомъ, съ приложеніемъ моей фотографіи, которую и здѣсь прилагаю, было истреблено имъ съ другими письмами на русской границѣ. Теперь не успѣю написать вамъ много — только нѣсколько словъ.

«Я спѣшу выразить вамъ мою глубокую благодарность за ваше доброе, благородное письмо. Да, я былъ виноватъ передъ вами, судилъ васъ несправедливо и приношу вамъ въ томъ мое полное, искреннее покаяніе. — Простите меня и будемте друзьями, теперь pour tout de bon, до гроба. Съ вниманіемъ я прочелъ все, что вы говорите о себѣ — да, трудно ваше положеніе — но потерпите еще немного, не спѣшите покамѣсть въ Польшу — дайте обрисоваться нѣсколько новому направленію подъ предводительствомъ *В. К. К.* Н.[1]), чтобъ узнать напередъ, можетъ ли добрый полякъ съ *нимъ помириться — не то пропадете, какъ пропалъ* Крыжановскій, *какъ пропало тамъ много порядочныхъ* людей. Польша теперь страшно заѣдаетъ людей — Qui sait attendre sera puissant.— Теперь еще переходное положеніе, а такія положенія бываютъ опасны — кто сумѣетъ потерпѣть да выждать, тотъ будетъ паномъ. Впрочемъ, и времени терять не надо — готовьте себѣ тамъ мѣсто, но вступите на него только тогда, когда все станетъ яснѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей польской политикѣ, да и вообще во всей иностранной политикѣ, теперь совершается переломъ. Несомнѣненъ союзъ съ Франціею, а это значитъ союзъ противъ нѣмцевъ и противъ Англіи, — значитъ, славянская политика, разумѣется отравленная Наполеоновскою и Петербургскою микстурою, — а, все-таки, лучше, чѣмъ нѣмецкая. — Поляки, если будутъ умны, могутъ много выиграть: Галицію, Познань, Западную Пруссію, а со временемъ, можетъ быть, и Литву. — Хорошо бы было, если-бъ вы прежде прожили немного въ Петербургѣ — тамъ легче высмотрѣть. Съ графомъ[2]) я иногда переписываюсь — онъ все будируетъ и живетъ во Франціи, теперь, кажется, въ Крейцнахѣ. Я не потерялъ моей вѣры въ него, дай Богъ, чтобъ онъ только вѣрилъ въ себя, — и искалъ бы своего пути на широкой дорогѣ, а не въ придворныхъ проселкахъ: наше время страшно ѣстъ людей. — На первый разъ довольно объ общихъ вопросахъ.

«Теперь къ моему дорогому, частному. — Да, Болеславъ Ка-

---

[1]) Великій князь Константинъ Николаевичъ.

[2]) Неизвѣстно кто.

зимірович, я разсчитываю на васъ не только, чтобъ выпроводить мою жену изъ Иркутска, какъ можно скорѣе, въ іюлѣ, *съ вѣрными и приличными попутчиками* — но надѣюсь, что въ нашемъ отсутствіи вы будете другомъ, совѣтникомъ и, гдѣ можно, помощникомъ ея, нашей милой семьи. — Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что все, что вы сдѣлаете для жены, для всѣхъ нашихъ, будетъ принято мною, какъ благодѣяніе мнѣ лично, и что моя благодарность никогда не умретъ въ сердцѣ моемъ. Когда вы получите это письмо, жена получитъ. Итакъ, мѣшкать нечего. — Отправляйте ее немедленно въ путь.

«Въ замѣнъ моей фотографіи — пришлите мнѣ непремѣнно вашу и Екатерины Васильевны, и Надежды Терентьевны, и Василія Васильевича — которымъ прошу передать мой дружескій поклонъ. — Въ истребленномъ письмѣ я жалѣлъ о томъ, что совершенно по недосмотру, вслѣдствіе недостатка матеріала, въ «Колоколѣ» прошла преглупая статья о Сибири, гдѣ зацѣплены и Корсаковъ и многіе другіе. Я побранился съ Герценомъ, и съ тѣхъ поръ положено, что ни одна сибирская статья не будетъ помѣщена безъ моего предварительнаго пересмотра. Читали ли вы мою статью въ «Колоколѣ», подъ заглавіемъ: «Къ русскимъ, польскимъ и славянскимъ друзьямъ»? — Напишите мнѣ, какое она произвела на васъ впечатлѣніе. Она имѣла, впрочемъ, хорошій результатъ. Наши отношенія, союзъ нашъ съ поляками, становятся каждый день тѣснѣе и серьезнѣе. Однимъ словомъ, всѣ дѣла подвигаются впередъ — иногда медленно, но вѣрно и твердо. Итакъ, все ладно. Пришлите мнѣ только мою жену — и пишите какъ можно чаще: будете ли въ Польшѣ или въ Сибири. Я буду вамъ отвѣчать аккуратно — дайте мнѣ только адресъ какого-нибудь вашего друга въ Петербургѣ, чтобъ могли передавать ему мои письма.

«Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ *М. Б.*».

Затѣмъ четыре письма женѣ брата Павла, Н. С. Бакуниной:

I.

«Милая Natalie, нарочно распечаталъ письмо, чтобъ еще прибавить нѣсколько словъ [1]). Сейчасъ получилъ письмо, отъ брата Александра [2]) изъ Флоренціи — кажется, съ нимъ совершился спасительный кризисъ и онъ хочетъ ѣхать въ Россію. — Бѣда — денегъ нѣтъ. Онъ пишетъ, что у него всего только 160 франковъ въ карманѣ! Съ этимъ онъ не доѣдетъ. — У меня-жъ, пожалуй, и есть деньги, да не мои, а славянскія, т. е. посвященныя разными лицами на славянское дѣло. Ты видишь, сумма священная. — Я не позволяю себѣ истратить изъ нея на себя ни копѣйки, но мнѣ кажется, такъ важно *для спасенія его*, чтобъ онъ немедленно

---

[1]) Письма, къ которому настоящее приписано, нѣтъ.
[2]) Братъ Бакунина.

ѣхалъ къ вамъ, что я готовъ ссудить ему франковъ 500—только ради Бога возвратите ихъ мнѣ какъ можно скорѣе.—Еще разъ—для меня это дѣло чести, дѣло священное. — Итакъ, вотъ какъ рѣшимъ.

«Это письмо дойдетъ до васъ, вѣроятно, около 20 іюня по вашему, т. е. черезъ двѣ недѣли. — Если вамъ будетъ возможно, пошлите ему *немедленно* 200 руб. серебромъ. Онъ ихъ получитъ около 27-го іюня, т. е. черезъ три недѣли. — Я ему сейчасъ же напишу, чтобъ онъ подождалъ еще недѣли три, и если онъ въ концѣ іюня по старому стилю, по нашему въ первой половинѣ іюля, не получитъ отъ васъ денегъ, то нечего дѣлать—я дамъ ему франковъ 500 изъ славянскихъ. Рѣшусь на это потому, что знаю, до какой степени ему во всѣхъ отношеніяхъ необходимо ѣхать въ Россію.—Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что онъ въ Италіи былъ страстно влюбленъ. — Что у него тамъ случилось, чѣмъ все это кончилось — я не знаю. Онъ прервалъ-было со мной всякую переписку, — en sauvage qu'il a été et qu'il est toujours. — Ну, да не въ этомъ дѣло. Прилагаю его письмо; оно вамъ лучше всего покажетъ состояніе его духа. — А съ нимъ, вѣдь, шутить не слѣдуетъ, онъ на всякое сумасшествіе способенъ. Намъ его не надо,—наша жизнь строга и безъ вознагражденія — ему нужна еще поэзія. — У насъ ее, къ несчастію, нѣтъ. У васъ онъ найдетъ любовь да родной міръ, къ которому онъ страстно привязанъ — братья, сестры, ты, моя милая сестра, — всѣ вмѣстѣ вы его оживите — и между вами онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ.—Пусть же ѣдетъ къ вамъ—а мнѣ въ замѣнъ дайте мнѣ мою Antonie. Не медлите, друзья, не берите грѣха на свою душу — и не равнодушничайте тамъ, гдѣ равнодушіе—измѣна. Энергіею, доброю волею все дѣлается. Но вы разучили меня полагаться на вашу энергію да на ваше участіе и на вашу добрую волю — и потому я долженъ былъ выбрать себѣ посредниковъ и болѣе вѣрныхъ друзей, на которыхъ исключительно полагаюсь — и васъ только прошу не мѣшать, а если доброй воли станетъ, то хоть сколько-нибудь помочь имъ [1]).

Обнимаю васъ всѣхъ. *М. Б.*».

2.

16 іюня.

«Ну, Natalie, помиримся. — Постараюсь написать нѣсколько словъ не бранясь. — Надо-жъ, наконецъ, побѣдить сварливый характеръ.

«Познакомься ты хорошенько съ Налбандовымъ, приласкай его.—Онъ золотой человѣкъ — весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его съ перваго раза. Вотъ И. С. Тургеневъ, напр., другое дѣло—онъ также очень добръ, да Богъ и знаетъ, что Богъ. Онъ и уменъ и любезенъ, да помнитъ себя—нѣтъ той святой простоты, что въ Налбандовѣ, который беретъ не умомъ, а

[1]) Т. е. Тургеневу и Налбандяну.

сердцемъ—хотя, пожалуй, какъ истый армянинъ, и очень хитеръ, когда надо. Письма моего къ нему ты не отсылай по почтѣ, лучше удержи у себя,—или нѣтъ, лучше отдай Тургеневу, или вели передать въ Петербургѣ-жъ: *г-ну Хафафову*, на Васильевскомъ островѣ, въ Биржевомъ переулкѣ, въ домѣ Мѣняева, подъ № 46, для передачи Петру Александровичу Цурикову [1]).

«Я радъ, что ты встрѣтилась съ другомъ моимъ Гейнрихомъ Краевскимъ. — Ты просто обворожила его. — Онъ называетъ тебя: «ange de Dieu descendu sur la terre». Ты, въ самомъ дѣлѣ, должно быть, славная, Natalie,—всѣ тебя любятъ и отъ тебя безъ ума. Не прійдется, кажется, намъ встрѣтиться съ тобою. Ну, такъ будемъ друзьями вдали—хоть и много теорій между нами—теоріи бы еще ничего, да нынче-то время практическое—а обманывать себя нечего; идемъ мы, правда, къ одной цѣли, но совершенно различными путями. Я не осуждаю пути братьевъ,—пусть же они постараются не осуждать и моей тропинки. А главное, пусть они вѣрятъ лично мнѣ, такъ же, какъ я опять готовъ вѣрить въ нихъ, — или, лучше сказать, какъ не переставалъ вѣрить имъ, во всемъ, что не до меня, а до общаго дѣла касалось. Ну, да объясняться болѣе не стану, а то опять допишусь до брани.

«Скажу-жъ что-нибудь и о моей настоящей дѣятельности. Я исключительно занимаюсь вопросомъ польскимъ и русскимъ и общеславянскимъ дѣломъ, проповѣдую систематически и по горячему убѣжденію ненависть къ нѣмцамъ, — и говорю, какъ Вольтеръ про Бога: «s'il n'y avait point d'Allemande, nous devrions les indenier»— потому что, ничто такъ не способно соединить славянъ между собою, какъ коренная ненависть къ нимъ. Лишь только прiѣдетъ жена, отправлюсь въ Италію,—гдѣ стану связывать итальянцевъ съ славянами. По этому предмету я ужъ нахожусь съ Garibaldi въ дружеской перепискѣ. Въ Италіи и женѣ будетъ веселѣе, и жить дешевле, и дѣла много. Можетъ быть, зимою рѣшусь посѣтить и турецкія владѣнія. Моя-жъ специальная страсть это — разрушеніе Австріи. Авось, такъ или иначе удовлетворится.

«Милая Natalie, прилагаю еще письмецо къ моему сибирскому пріятелю, поляку, доктору Фердинанду Леопольдовичу Маткевичу.— Онъ хорошо знакомъ съ г. Калиновскимъ. Адресъ его: Въ Медико-хирургической Академіи на Петербургской сторонѣ. Прошу тебя, черезъ какого-нибудь знакомаго разузнай о немъ и позови его къ себѣ, и собственноручно передай ему мое письмо. Ты найдешь въ немъ чрезвычайно умнаго, образованнаго и благороднаго молодого человѣка. Я съ нимъ не такъ друженъ, какъ съ Краевскимъ, но провелъ съ нимъ много пріятныхъ минутъ. Онъ хорошо знаетъ жену и все семейство ея. Познакомь его съ Павломъ [2]) и, если можно будетъ, пригласите его въ Прямухино.

Ну, прощай, моя милая сестра.

Твой братъ и, право, другъ *М. Бак.*

---

[1]) Т. е. Налбандяну.

[2]) Мужъ Н. С. Бакуниной.

«Обними за меня маменьку и сестеръ, а также крѣпко и всѣхъ братьевъ».

3.

16/4 iюня 1862 г. London.
10. Paddington Green. W.

«Милая Natalie, короткiй отвѣтъ на твое послѣднее, очаровавшее, глубоко тронувшее и устыдившее меня письмо ты ужъ получила.—Да, я виноватъ передъ братьями. Но войди-жъ ты и въ мое положенiе. Вотъ ужъ годъ, какъ я оставилъ мою бѣдную жену въ Иркутскѣ, и все: молчанiе братьевъ, ихъ непонятная для меня до сихъ поръ упорная неохота написать ей нѣсколько ободрительныхъ словъ, — письмо Николая къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу и, наконецъ, множество разныхъ другъ друга подтверждающихъ слуховъ, и даже твое послѣднее письмо, въ которомъ ты говоришь о женѣ моей и о томъ, что знаешь о ней только мелькомъ — все это не должно ли было потрясти во мнѣ вѣру не въ благородство и не въ чистоту, но въ дружбу братьевъ? — Да, я до сихъ поръ еще ея не чувствую и признаю ее, только вѣря тебѣ.—И не могу не повторить, что она мнѣ измѣнила въ дѣлѣ, въ которомъ я на нее болѣе всего надѣялся и въ которомъ она была мнѣ болѣе всего нужна.—Вѣдь я по старости лѣтъ естественнымъ образомъ перешелъ изъ вѣры апостола Павла на вѣру Якова. Къ тому-жъ теперь время не словъ, а дѣла, а жена моя все сидитъ въ Иркутскѣ и никто не попытался еще уяснить: пуститъ ли ее правительство?—Однимъ словомъ, мои братья дѣйствовали во всемъ этомъ дѣлѣ, *наиболѣе близкомъ моему сердцу*, не какъ братья, отчасти же какъ резонеры, а большею частiю какъ совершенно равнодушные чужiе. — Я солгалъ бы, если-бъ сказалъ, что чувствую иначе.—Ты видишь, Natalie, я неисправимъ. Но не сомнѣвайся въ сердцѣ моемъ и въ моей любви ко всѣмъ вамъ—только сердце во мнѣ глубоко оскорблено, уязвлено, и потому слова любви становятся, право, по неволѣ словами горькаго упрека.

«Ну, да довольно объясненiй. Прошедшее позабудемъ, а поговоримъ о настоящемъ.

«Милая сестра, ты, вѣроятно, видѣла ужъ И. С. Тургенева и Налбандова.—На этихъ двухъ людей я полагаюсь исключительно.—Они пошлютъ нужныя деньги и, думаю, ужъ послали. Помоги имъ пожалуйста. Если маменька еще не написала женѣ, уговори ее какъ-нибудь, чтобы она ей написала, и чтобъ позвала ее въ Прямухино,—сестеръ также,—скажи имъ, что она останется въ Прямухинѣ не долго, и потому много безпокойствъ не причинитъ никому.—И ты также ей напиши одно изъ тѣхъ милыхъ и добрыхъ писемъ, которыми ты умѣешь пробуждать и любовь и вѣру въ сердцахъ. Вѣдь ей, бѣдной, будетъ холодно между чужими родными.—И, пожалуйста, въ этомъ дѣлѣ, единственно ея и меня касающемся, не давай себя увлекать ничьими противоположными разсужденiями, какъ бы они, впрочемъ, умны и разсудительны ни казались. *Она хочетъ* ѣхать.

я хочу, чтобъ она пріѣхала ко мнѣ немедленно. Кто этому противенъ, тотъ мнѣ врагъ и тому ненависть моя непримиримая. — Я жертвъ не требую, прошу только о томъ, чтобъ не было помѣхи,— тебя-жъ прошу о помощи—если помочь этому дѣлу тебѣ покажется возможнымъ. — Деньги получитъ она не позже начала іюля — въ августѣ она будетъ въ Прямухинѣ—а въ сентябрѣ я долженъ встрѣтить ее въ Парижѣ. Понимаю, какъ тебѣ будетъ непріятно писать объ этомъ Михаилу Семеновичу [1]), которому такъ легко будетъ помочь ей выѣхать изъ Иркутска съ приличными и добрыми попутчиками, но надѣюсь, все-таки, что ты это сдѣлаешь—или по крайней (мѣрѣ?) попросишь маменьку свою ему написать.—Однимъ словомъ, крѣпко надѣюсь на Тургенева и на Налбандова, но надѣюсь также и на тебя. Мнѣ очень жаль, что я не получилъ письма Павла—можетъ быть, оно мнѣ дало бы возможность писать иначе, чѣмъ я теперь пишу. Да, мы давно разучились понимать другъ друга съ братомъ Павломъ, а теперь мы оба такъ стары, что ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ надежды на перемѣну. Теоретическое и практически-политическое сближеніе между нами мнѣ кажется невозможнымъ. Личное свиданіе, можетъ быть, еще могло бы произвесть чудо—тогда бы, можетъ быть, мы опять почувствовали другъ друга. Вѣдь для любви не надо много словъ—а уразумѣніе черезъ письма дѣло трудное. — Вонъ съ Александромъ мы встрѣтились и даже ничего другъ въ другѣ не поняли. Я понялъ только, что онъ боленъ и тѣломъ и духомъ, старался уговорить его, оставивъ общія разсужденія въ сторонѣ, сохранить со мною братское любовное отношеніе,—написалъ ему нѣсколько писемъ,— но, не получая отвѣта, пересталъ писать. Итакъ, пришлось жить въ полномъ разъединеніи съ тѣмъ, кого я любилъ всю жизнь. Пусть будетъ такъ. Пойдемъ каждый своею дорогою, но сохранимъ вѣру въ благородство и въ чистоту стремленій другъ друга.

«Прощай, Natalie, еще разъ, надѣюсь на тебя, твой братъ

М. Б.

«Передай, пожалуйста, прилагаемое письмо или Тургеневу или Налбандову, а если ни того, ни другого нѣтъ въ Петербургѣ, перешли, какъ знаешь, Налбандову».

4.

20/8 іюня 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Милая Наташа, ты видишь, какъ я расписался. Прилагаю письмо къ И. С. Тургеневу, надписанное *П. С. Т.* — Прочти его, и передай ему, если онъ въ Петербургѣ, а если его нѣтъ, передай Налбандову, а если и того нѣтъ, и ты не имѣешь *вѣрнаго* случая препроводить письмо или тому или другому—то сохрани до ихъ пріѣзда или передай, пожалуй, маркизу де-Траверсе, если ты съ нимъ

[1]) Корсакову.

знакома, въ такомъ только случаѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность письмо имъ доставить, а иначе держи его у себя. Ты увидишь изъ него мои настоятельныя и окончательныя желанія, и я надѣюсь, что такъ какъ они касаются до дѣла исключительно моего, то Прямухинская премудрость передъ ними преклонится.

«Милая сестра, не брани меня, не сердись на меня. — Я васъ, право, люблю по прежнему; но пересталъ на васъ полагаться, потому что пересталъ васъ понимать—а въ этомъ дѣлѣ я ни ждать, ни шутить, ни диспутировать не могу.—И сердце и умъ говорятъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. Въ моемъ дѣлѣ да будетъ же *моя* воля. А все-таки, несмотря на всѣ мои жестокости и грубости, знай во мнѣ горячаго и неизмѣннаго друга,—который, ты видишь, тебѣ грубилъ и, все-таки, даетъ тебѣ порученія безцеремонно. Видно, вѣра въ васъ во мнѣ крѣпка, что, несмотря на все, я все еще вѣрю. Credo quia absurdum est. — Кажется такъ по латыни, спроси братьевъ. Если ты не знакома еще ни съ И. С. Тургеневымъ, ни съ Налбандовымъ, ни съ маркизомъ де Траверсе, то прошу тебя, Natalie, познакомиться съ ними, особливо съ двумя первыми; позови ихъ просто къ себѣ, черезъ кого-нибудь, хоть моимъ именемъ. Адресъ Налбандова ты найдешь въ другомъ пакетѣ, а адресъ И. С. легко узнать—онъ знаменитость. Всѣ говорятъ и пишутъ, что братья скоро будутъ выпущены на свободу. Слава Богу. Въ «Revue des deux Mondes» о нихъ есть статья. о нихъ и о всемъ (слово не разобрано) движеніи.—Обними ихъ за меня.

Твой братъ и другъ *М. Б.*».

Привожу теперь письмо Александра Александровича Бакунина, приложенное Михаиломъ къ первому письму Н. С. Бакуниной:

13-го, пятница, 1862 года.
Флоренція.

«Здравствуй, Миша, я ѣду въ Россію; хотѣлъ бы видѣть тебя, но денегъ у меня теперь 160 франковъ; какъ быть, не знаю.—Жду отъ тебя письма; теперь я къ твоимъ услугамъ; подумай и рѣши, какъ и что мнѣ дѣлать? Изъ дому не получаю ни строчки, что съ ними—не знаю.—У меня пока въ головѣ Tabula Rasa; т. е. я не имѣю никакой опредѣленной цѣли, но зато я и ничѣмъ не связанъ; рѣшеніе мое принести по силамъ и возможности пользу на общее дѣло; а потому и ѣду въ Россію, если нѣтъ особенной нужды вамъ во мнѣ здѣсь, или гдѣ бы то ни было.—Я здоровъ и силенъ и бодръ, и жду твоего совѣта; вы меня видѣли, хотя и не въ нормальномъ видѣ, но все же можете обо мнѣ судить, и слѣдовательно воспользоваться моимъ предложеніемъ, какъ заблагоразсудите, а я не отказываюсь ни отъ какого; пиши же мнѣ поскорѣе, я жду твоего письма. До свиданія.

Твой братъ *А. Бакунинъ.*

«Поклонись отъ меня Герцену и Огареву, и Мартьянову, и послѣднему отъ меня скажи, что онъ и съ земскимъ царемъ далеко не уѣдетъ; времена Атиллъ и Гунновъ далеко ушли; а вотъ если бы онъ придумалъ, чѣмъ избавиться или сойтись народу съ войскомъ—другое дѣло. До свиданія, да не сердись на меня за мое молчаніе; мнѣ было не до себя и не до васъ, и ни до кого въ мірѣ. Виноватъ и каюсь, но не раскаиваюсь; пожалуйста же, пиши, до свиданья.

Твой *А. Б.*

На послѣдней страницѣ подлинника рукою М. А. Бакунина написано:

«Милая Natalie. Еще нѣсколько словъ. Прилагаю письмо къ генералу Кукелю—вѣроятно, твоему знакомому—въ Ирку. *(Написанное перечеркнуто).*

«Прилагаю письмо къ Antonie—ради Бога, перешли его немедленно въ Иркутскъ. — Если нѣтъ курьера, если не знаешь случая, то обратись за совѣтомъ и помощью къ молодому маркизу де-Траверсе, который, вѣроятно, успѣлъ съ тобой познакомиться. Онъ живетъ въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича.

«Съ Маткевичемъ ты можешь познакомиться черезъ Спасовскаго [1]), адвоката братьевъ».

Затѣмъ—письмо къ Налбандяну, приложенное при второмъ къ ней письмѣ:

$^{10}/_{4}$ іюня 1862. London.
10. Paddington Green. W.

«Любезный другъ, вы добрый и вѣрный другъ! На васъ разстояніе не дѣйствуетъ и такъ же горячо чувствуете вы вдали, какъ вблизи. На васъ и вся надежда. Время уходитъ, а жена должна быть непремѣнно въ Парижѣ, куда ѣхать я, наконецъ, получилъ разрѣшеніе въ сентябрѣ или ужъ никакъ не позже октября. Разсудите: деньги она получитъ ровно мѣсяцъ спустя по отправкѣ ихъ изъ Петербурга, двѣ недѣли на сборы и на пріисканіе попутчиковъ, мѣсяцъ на дорогу изъ Иркутска къ матушкѣ въ деревню—и потомъ за-границу. Итакъ, времени терять нечего. Я надѣюсь, что И. С. и вы послали ужъ ей деньги, т. е. 1500 рубл.— Теперь надо думать о средствахъ препровожденія ея изъ Россіи за-границу. Вся надежда на васъ да на И. С. Вы, безъ сомнѣнія, видѣлись уже или съ братомъ Павломъ, или съ женою его, Натальей Семеновной, которая теперь живетъ въ Петербургѣ (кажется, *на Сергіевской въ домѣ Бантышъ-Каменскаго*), передали имъ мои письма и переговорили съ ними, о чемъ слѣдуетъ. Будьте со мной вполнѣ откровенны, я прошу васъ объ этомъ, я этого требую отъ васъ именемъ нашей дружбы. Скажите: справедливы были въ какомъ бы то ни было отношеніи мои жалобы на нихъ или нѣтъ?—

---

[1]) В. Д. Спасовича.

Почему они не писали женѣ? Почему они мнѣ не писали? Почему вообще оказали себя во всемъ этомъ дѣлѣ и въ отношеніи къ ней и въ отношеніи ко мнѣ столь мало охотными и рачительными? — Холодъ ли, неумѣніе или то и другое вмѣстѣ были тому причиною?—Скажите правду, и какъ бы я желалъ, чтобъ правда эта была въ ихъ пользу.—Всю жизнь я вѣрилъ въ нихъ, трудно отвыкать подъ старость отъ любимой привычки, но во всякомъ случаѣ, именемъ дружбы, я требую отъ васъ правды.

«Еще разъ, на васъ и на И. С. вся надежда—дайте мнѣ мою жену.—Я не пишу теперь ему особенно—недавно писалъ но жду его письма—и вашихъ писемъ, многихъ и частыхъ писемъ, —милый другъ мой,—чтобъ я зналъ о каждомъ дѣйствіи, о каждомъ шагѣ впередъ въ этомъ дорогомъ для меня дѣлѣ. Врядъ ли это письмо застанетъ васъ въ Петербургѣ. Брошюры ваши я получилъ только на-дняхъ, — и дня черезъ четыре отошлю къ вамъ двѣ. Костеровъ [1]) также взялся переслать вамъ нѣсколько экземпляровъ.

«Или нѣтъ, буду лучше писать вамъ по словарю И. С.—перепишите, и будемъ употреблять его.—онъ полнѣе и удобнѣе.—Итакъ, лишь только пріѣдетъ Лизавета Семеновна [2]), Сергѣй Павловичъ Крапоткинъ [2]) отправится къ Валентинѣ [2]), съ которой у него завязались теперь большія дѣла въ компаніи съ Ростиславомъ Ростиславовичемъ [2])—у нихъ даже и денежки завелись. Singli Gentleman крѣпко о нихъ, а также и объ Агафоклеѣ [2]) нашей заботится.—А что вы скажете про путешествіе Рюмина [3]) въ Александровское [4])? и про новую, кажется, тѣсную дружбу Варвары Трофимовны [2]) съ M-lle Julie Boret [2])? Не сдобровать Ивану Ивановичу [2])—и Ростиславу [2]), пожалуй, лучше, да также и не безопасно. Онъ долженъ глядѣть въ оба.—Даже Левъ Львовичъ [2]) видимо поумнѣлъ—ищетъ дружбы Ростислава, и отказался громогласно отъ своихъ исключительныхъ неумѣстныхъ требованій. Агафоклея очень больна, не поможетъ ей даже и дружба miss Fenny Eygerton [2]),—а Леонтина Васильевна [2]) въ страшныхъ тревогахъ.— Что-то подѣлываетъ Евгенія Марковна [2])? — О ней ни слуха, ни духа.

«Это письмо достанется вамъ изъ рукъ въ руки, но вы его сожгите.—Я нарочно употребилъ словарь, данный мною И. С., чтобъ вы его переписали—онъ намъ будетъ полезенъ.—Прибавлю еще, что мы, наконецъ, встрѣтили нѣсколькихъ людей изъ самаго Александровскаго, съ которыми могли тѣсно связаться—и сдружились также съ проживающею тамъ Вѣрою Николаевною, которая не только съ нами согласна, но положительно съ самоотверженіемъ геройскимъ требуетъ дѣла [5]). Берегите вы, какъ зеницу ока, Петра Александровича Цурикова [6]),—онъ человѣкъ золотой.

---

[1]) Т. е. Огаревъ.

[2]) Неизвѣстно, кто эти лица.

[3]) Т. е. Великій князь Константинъ Николаевичъ.

[4]) Т. е. Варшава.

[5]) Рѣчь идетъ, разумѣется, о полякахъ изъ Варшавы.

[6]) Т. е. Налбандяна.

«Ну, вотъ вамъ, любезный другъ, навралъ вамъ съ три короба, читайте да разбирайте.

«Возвращаюсь къ моему дѣлу. Обдумайте напередъ планъ, т. е. время, дорогу, спутника, для препровожденія жены изъ Россіи заграницу. Хорошо бы было, если-бъ спутникомъ могли быть вы!—Переговорите обо всемъ съ И. С. и (моими? — слово не разобрано).—Постарайтесь сблизиться съ Наталіей Семеновной. Она, кажется, золотая душа.

Прощайте, Вашъ *М.*».

Письмо къ Ф. Л. Маткевичу, приложенное ко второму же письму къ Н. С. Бакуниной:

16/4 іюня 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

«Маткевичъ! Вѣроятно, жена не успѣла переслать тебѣ моего прощальнаго письма изъ Иркутска. Ты, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ бы мнѣ. И ты и я—мы теперь въ новыхъ мірахъ—на свѣжемъ воздухѣ, въ которомъ для мелкихъ ссоръ, порожденныхъ душною томскою атмосферою, не можетъ быть мѣста. Итакъ, я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ старому другу, съ полной увѣренностью, что ты подашь мнѣ руку. Я радъ былъ, очень радъ, узнавъ отъ К. [1]), что ты теперь въ Петербургѣ. Надѣюсь, что ты былъ радъ, узнавъ, что я въ Лондонѣ. Время серьезное. Вспомни наши частые разговоры—время переводить слова на дѣло. Болтуновъ много — умныхъ дѣятелей мало. Мы съ тобой не болтуны. Не подадимъ ли другъ другу руки и на дѣло? Ты, безъ сомнѣнія, читалъ мою статью [2]). Оставивъ въ сторонѣ чисто соціальную часть вопроса, которая на первый разъ касается исключительно Великой Русіи, — неужели ты со мной не согласенъ въ другихъ частяхъ?—Мы ведемъ здѣсь игру чистую, безъ arrières pensées, cartes sur table. Неужели-жъ вы не поймете, что вамъ можно, что вамъ должно съ нами соединиться?—Перечти въ исторіи Мохнацкаго, что онъ говоритъ о Stosunkach spiskowych moskiewskich z Polakami—второго изданія томъ второй, стр. 99, 101—102, и 90—и спроси себя, не пришло ли такое-жъ, лучшее время и суждено ли вамъ сдѣлать ту-жъ ошибку?

«Расширьте-жъ голову и сердце свое. Пожалуйста, отвѣчай мнѣ не только, какъ полякъ, но какъ старый другъ—безъ обиняковъ, съ полною откровенностью. А случай ты найдешь легко; если-жъ самъ не сумѣешь найти, то отдай свое письмо Наталіи Семеновнѣ Бакуниной, женѣ брата Павла, которая собственноручно передастъ тебѣ это письмо. Постарайся съ нею, а черезъ нее съ братьями сблизиться. Она, надѣюсь, будетъ стараться о томъ же.

«Жена, вѣроятно, будетъ въ Петербургѣ въ августѣ или сентябрѣ, чтобъ ѣхать ко мнѣ. Не правда ли, вѣдь ты постараешься

---

1) Калиновскаго.

2) Рѣчь идетъ о статьѣ «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ братьямъ» которой Бакунинъ справедливо придавалъ большое значеніе.

встрѣтить ее? Она передастъ тебѣ мое письмо, писанное за нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ или, лучше сказать, бѣгствомъ. А у меня будетъ до тебя просьба, Маткевичъ. К. сказалъ мнѣ, что ты, по всей вѣроятности, пробудешь нѣсколько лѣтъ въ Питерѣ.—Я уговариваю Юлію Михайловну [1]) послать Сашу, брата Antonie, въ Петербургскій университетъ. Будь ему путеводителемъ и старшимъ братомъ, чтобъ онъ сдѣлался добрымъ полякомъ, и вмѣстѣ не руссоѣдомъ,—а главное—пиши мнѣ. Обнимаю тебя съ старымъ чувствомъ и старою дружбою.

М. Бак.».

Письмо И. С. Тургеневу, приложенное къ четвертому письму Н. С. Бакуниной:

И. С. Т. ²⁰/₈ іюня 1862 г. Лондонъ.

«Мой милый другъ, спасибо тебѣ. Сегодня получилъ твое письмо и сейчасъ же сажусь за столъ и отвѣчаю тебѣ — благо, есть вѣрный случай. Только боюсь, что это письмо ужъ не застанетъ тебя въ Питерѣ. Спасибо тебѣ, добрый и вѣрный другъ. Но въ письмѣ твоемъ одно меня озадачило: черезъ шесть недѣль, пишешь ты—значитъ, жена получитъ деньги не прежде половины вашего августа.—Значитъ, она будетъ въ Прямухинѣ не прежде конца сентября или даже начала октября.—А еще, если въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября изъ Иркутска въ Россію не будетъ случая—одна она никакимъ образомъ не можетъ ѣхать, а попутчики не растутъ, какъ грибы. Да и не со всякимъ попутчикомъ можно будетъ ей ѣхать. Кромѣ того, ты, кажется, вмѣстѣ съ братьями положилъ, что она должна будетъ остаться въ моемъ семействѣ на неопредѣленное время, т. е. до тѣхъ поръ, пока я не стану Крезомъ [2]).—Я ни съ тобой, ни съ ними не могу согласиться.—Вѣдь ты знаешь, что мы и въ политикѣ враги всякой регламентаціи сверху, такъ ради Бога-жъ не регламентируйте вы моей жизни! — А если я, по-вашему, дѣлаю глупость, предоставьте мнѣ право глупости—а я, согласно съ желаніемъ жены, положилъ, что она должна ѣхать ко мнѣ не въ Лондонъ, а въ Парижъ, куда, благодаря одному сэру и Мериме, я, наконецъ, получилъ позволеніе явиться. Она должна выѣхать ко мнѣ изъ Прямухина, отдохнувъ тамъ двѣ, много три недѣли. — У меня на то причинъ множество. Во-первыхъ, и это главное, мы того хотимъ. Во-вторыхъ, потому, что въ такомъ дѣлѣ, при такихъ разстояніяхъ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—откладывать и раз-

---

[1]) Квятковскую, мать своей жены.

[2]) Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ Тургеневъ, исполняя просьбу Бакунина, видѣлся съ его братьями. Для этого онъ обратился къ генералъ-губернатору кн. Суворову, откровенно объяснивъ, почему свиданіе необходимо. Съ него было взято слово, что разговоръ будетъ касаться исключительно однихъ частныхъ дѣлъ. Тургеневъ выяснилъ, что братья вполнѣ сочувствуютъ пріѣзду жены Михаила и даже готовы помочь ей денежно.

считывать на дальнія болѣе удобныя обстоятельства просто дѣтски и глупо. Нынче много-много, что за три мѣсяца впередъ разсчитывать можно. И потому надо дѣйствовать рѣшительно, опредѣленно, ясно—не теряя ни одного дня, ни одной минуты. Такъ я дѣйствовать и намѣренъ—и требую отъ тебя и Н. [1]) именемъ дружбы, чтобы ее ни минуты лишней не задерживали. А будемъ мы существовать по возможности и по лучшему умѣнію, и, увѣренъ,—не пропадемъ.—Итакъ, другъ, прошу тебя именемъ всѣхъ святыхъ, ради Бога спѣши посылкою денегъ—какъ ты писалъ: 1500 руб. въ Иркутскъ—а тамъ постарайся достать еще руб. 500—если у братьевъ ихъ не будетъ—чтобъ, не откладывая, дать возможность женѣ выѣхать изъ Россіи за-границу.—Вѣдь она должна и за-границу ѣхать съ кѣмъ-нибудь — и это нужно *вамъ* будетъ устроить. На способность братьевъ устраивать я по всему испытанному ужъ совсѣмъ болѣе не полагаюсь.

«Наконецъ, вѣрно ли то, что правительство не воспротивится ея поѣздкѣ за-границу?—Я видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ серьезныхъ людей, которые въ этомъ сомнѣваются сильно.—Тогда нужно будетъ ее просто выкрасть. А тамъ подъ деморализующимъ вліяніемъ моихъ разсудительныхъ братцевъ, а, можетъ, и по собственному движенью, заговоритъ о выжиданіяхъ и объ откладываніяхъ. Нѣтъ, братъ, ковать надо желѣзо, пока горячо. Вѣдь вы не вѣрите въ движеніе воды,—вы въ лѣсу, а потому за деревьями лѣса не видите — а мы издали видимъ, что васъ ужъ буря захватываетъ.—Скоро будетъ поздно устраивать да перевозить—да и правительство можетъ сдѣлаться злѣе.—Итакъ, я рѣшительно не соглашаюсь ни на какія оттягиванія, а требую именемъ дружбы дѣйствія быстраго и рѣшительнаго—а будущее въ рукахъ Божіихъ. Захочетъ сохранить и помиловать, такъ помилуетъ. Итакъ, пошлите ей, если можно, *немедленно* 1500 руб. въ Иркутскъ, дайте ей 500 руб. и добрыхъ попутчиковъ изъ Россіи за-границу, устройте какъ можно вѣрнѣе и скорѣе ея поѣздку за-границу — и я вамъ поклонюсь въ ножки. Меньшаго я отъ васъ не жду, а большаго требовать не стану, но это мнѣ нужно.

«Прощай, другъ, обнимаю и благодарю тебя отъ всей души. У насъ всѣ здоровы—а вы какъ?

Твой *М. Б.*».

Но это еще было не все, найденное въ таинственномъ конвертѣ Траверсе.

Комиссія узнала подробности бѣгства Бакунина изъ Сибири изъ письма его къ П. П. Лялину:

27 февраля 1862 г. Лондонъ.
10 Grove terrau. Grove Road-
Saint Johns Wood—N. W.

«И вотъ, Пименъ Петровичъ, я опять на свободѣ.—Вы видите, женитьба меня не связала.—Но я жду жену съ сердечною тревогою;

---

[1]) Налбандяна.

она должна была выѣхать изъ Сибири въ октябрѣ (1861) и прямо въ Тверскую губернію, къ намъ, въ извѣстное вамъ село Прямухино. Оттуда братья должны доставить ее ко мнѣ.—Вашъ знакомый маркизъ долженъ вамъ доставить мое письмо и экземпляръ моей первой статьи въ «Колоколѣ» [1]). Дай Богъ, чтобъ моя вступительная рѣчь вамъ понравилась. Я остался вѣренъ нашей дружбѣ, не знаю, какъ вы. Между нами въ послѣднее время сталъ дуракъ, котораго вы ко мнѣ прислали, студентъ Подлѣсный [2])—я принялъ его, какъ рекомендуемаго вами человѣка, со всѣмъ возможнымъ радушіемъ, но онъ изъ рукъ вонъ глупъ — сошелся съ шайкою мерзавцевъ, доносчиковъ въ 3 отдѣленіе, съ отъявленными шпіонами, какъ, напримѣръ, Розенталь, такъ что я долженъ былъ запереть ему мою дверь.—Онъ вамъ, безъ сомнѣнія, на меня жаловался,—и я не находилъ нужнымъ передъ вами извиняться, — но вѣренъ въ душѣ я вамъ остался, Пименъ Петровичъ, и для меня сдѣлалось необходимостью написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобъ напомнить вамъ о себѣ. Неужели вы меня забыли?—Я васъ не забылъ. Я прожилъ въ Томскѣ вторую молодость свою, свое возрожденіе послѣ 8-ми-лѣтней крѣпостной смерти, и вы мнѣ дороги, какъ другъ юности, сами юный, свѣжій и бодрый, несмотря на ваши 60 лѣтъ. Я никогда не умѣлъ выразить вамъ, какъ глубоко я васъ люблю, уважаю и какъ дорого цѣню вашу дружбу.—Подъ конецъ я сталъ молчаливъ, потому что вы перестали отвѣчать на мои письма, но вѣренъ вамъ я остался и останусь до гроба. — Вотъ вамъ и декларація въ наказаніе за ваше грѣшное молчаніе.

«Гдѣ вы теперь, какъ, чѣмъ, съ кѣмъ живете? Дайте вѣсть о себѣ. А я рѣшился уѣхать потому, что убѣдился, что Петербургъ намѣренъ былъ продержать меня слишкомъ долго въ Сибири. Не могъ же я согласиться на то, чтобы силы мои пропали даромъ, когда всѣмъ и всякому предстоитъ такъ много хорошаго дѣла. Вотъ я и рѣшился. Простился съ женою, назначилъ ей свиданіе въ Лондонѣ, и, пользуясь тѣмъ, что послѣднее время мнѣ было дано право свободнаго движенія по Сибири, 5-го іюня по русскому счету выѣхалъ изъ Иркутска, — 2-го іюля прибылъ на пароходѣ, внизъ по Амуру, въ Николаевскъ на устьѣ Амура. 8-го іюля сѣлъ на американское судно и съ нимъ отправился въ гавань Ольгу въ Японскомъ морѣ, оттуда въ Японію на немъ же.—Прибылъ сначала въ Хокодате, 4-го августа, и въ Іокогаму, верстахъ въ 25 отъ Іедо, 24-го августа. 5-го сентября сѣлъ на другой американскій клиперъ и прибылъ въ С-нъ Франциско (въ Калифорніи) $^{3}/_{15}$ октября.—$^{9}/_{21}$ октября на пароходѣ отправился въ Панаму, куда и прибылъ 24-го октября, а $^{3}/_{15}$ ноября въ Нью-Іоркъ. Въ Америкѣ пробылъ съ мѣсяцъ и многому поучился. Увидѣлъ, какъ край путемъ демагогіи дошелъ до тѣхъ же жалкихъ результатовъ, какихъ мы достигли

[1]) Статья была озаглавлена: «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», и была приложена къ № 122—123 «Колокола» (15 февраля 1862 г.).

[2]) Подлѣсный — студентъ, познакомившійся съ Бакунинымъ въ 1859 году въ Иркутскѣ и затѣмъ пріѣхавшій зачѣмъ-то въ Англію.

путемъ деспотизма. Между Америкою и Россіею, въ самомъ дѣлѣ, много общаго,—а что для меня главное, я нашелъ въ Америкѣ такую повсемѣстную и безусловную симпатію къ Россіи и вѣру въ русскую народную будущность, что, несмотря на все мною самимъ видѣнное и слышанное, я уѣхалъ изъ Америки рѣшительнымъ партизаномъ Соединенныхъ Штатовъ.—Изъ Нью-Іорка уѣхалъ на пароходѣ 2/14 декабря, а въ Лондонъ прибылъ 15/27 декабря 1861 г.—сдѣлавъ такимъ образомъ 30.000 верстъ въ шесть мѣсяцевъ дороги. — Здѣсь Герценъ и Огаревъ встрѣтили меня, какъ брата, и какъ братъ я соединился съ ними.

«Дѣла много, и я былъ бы вполнѣ доволенъ своею судьбою, если бы меня не мучила неизвѣстность о женѣ.—Меня увѣряютъ, что правительство ее не задержитъ. — Судьба меня до сихъ поръ выносила,—надѣюсь, что и теперь вынесетъ. — Я люблю жену, Пименъ Петровичъ, люблю всею душою. — И вы видите, она не остановила меня и не была и никогда не будетъ препятствіемъ къ дѣлу и къ моей свободѣ.—Дай Богъ мнѣ скорѣй обнять ее.—А вы, добрый и благороднѣйшій другъ мой, вѣрно, порадовались, узнавъ о моемъ освобожденіи.—Пишите мнѣ скорѣе и, прошу васъ, пришлите мнѣ свою фотографію. Прилагаю при семъ свою, дабы вамъ напомнить живѣе о себѣ и вмѣстѣ дать вамъ хорошій примѣръ.—Ваше письмо съ фотографіею отправьте къ маркизу де-Траверсе—въ Петербургѣ, въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича. — По этому адресу пишите мнѣ всегда, и ваши письма будутъ доходить до меня скоро, вѣрно и безопасно.—Я жду ихъ.—Вашъ неизмѣнный

М. Бакунинъ.

«Если вамъ вздумается писать мнѣ прямо чрезъ путешествующаго, то пусть спроситъ о моемъ жилищѣ г-на Тхоржевскаго въ Лондонѣ—1 Gerard Strect—Maulefield Strect. Soho».

Письмо это имѣетъ большое значеніе, заключая въ себѣ собственный разсказъ Бакунина, написанный подъ свѣжими впечатлѣніями, о его грандіозномъ побѣгѣ. Изъ него мы впервые узнаемъ точный маршрутъ слѣдованія М. А. и время, употребленное на совершеніе 30.000-верстнаго бѣгства.

Наконецъ, въ конвертѣ было еще два письма: жены Бакунина къ мужу и литератора Альбертини къ литератору С. С. Громекѣ сдѣлавшемуся изъ жандармовъ герценовскимъ корреспондентомъ

14-го іюня 1862 г.

«Милый другъ Michel,

«Жду позволенія съ Петербурга, чтобъ ѣхать къ тебѣ, я не знаю, когда я съ тобою увижусь, грустно, очень грустно; покамѣсть я воображала себя совершенно свободной, я спокойно ждала случая, чтобъ поѣхать къ тебѣ, но теперь, когда я знаю, что хоть бы ихъ тысячу представилось, я все-таки не могу ѣхать, — такъ тяжело, что передать трудно. Но все же мы съ тобою увидимся во что бы ни стало, никто не въ состояніи намъ помѣшать; будь увѣ-

ренъ, что самое мое сильное и неизмѣнное желаніе, это быть съ тобою вмѣстѣ и по возможности составить твое счастіе.

«До свиданія, мой милый, дорогой другъ. Любящая и уважающая тебя *Бренчанинова* [1]).

Письмо Альбертини:

[16]/4 апрѣля 1862 г.

«Пишу къ вамъ, дорогой Степанъ Степановичъ, чрезъ моего добраго лондонскаго знакомаго, Налбандова. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ сказать вамъ многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего-нибудь не скажу, за кратковременностію срока, остающагося мнѣ для написанія письма,—то вамъ доскажетъ самъ Налбандовъ, человѣкъ, вполнѣ пользующійся уваженіемъ лондонскихъ русскихъ.

«Прежде всего о «Русскомъ Вѣстникѣ», о моемъ, а болѣе всего о вашемъ участіи въ немъ.—Степанъ Степановичъ, ради Бога подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Вы и Катковъ—элементы не соединимые. Вамъ нельзя быть вмѣстѣ. Вы понимаете вещи тѣмъ чутьемъ, которое всегда есть у людей съ сердцемъ. «Русскій Вѣстникъ» все понимаетъ не иначе, какъ холоднымъ разсудкомъ; онъ разсуждаетъ, когда надо чувствовать. Какъ же вамъ идти вмѣстѣ съ Катковымъ. Вѣдь можно удивляться его уму, его знаніямъ, логичности его выводовъ, заключеній, стройности хода его мышленія, ловкости оборота въ мысли, въ словѣ; но сердце ваше всегда будетъ далеко отъ него. У васъ *никогда* не будетъ съ нимъ сочувственныхъ сторонъ. Онъ васъ мало-по-малу *подчинитъ* (именно *подчинитъ*) своему холодному міросозерцанію.—Вы потеряете ту теплоту чувства, которая даетъ такую силу вашимъ словамъ; вы начнете резонировать. Вы научитесь этому мало-по-малу въ вашихъ частныхъ съ нимъ сношеніяхъ, въ вашихъ работахъ съ этимъ человѣкомъ, который такъ ловко умѣетъ свою мысль, мысль сухую, ученую, кабинетскую, навязывать людямъ, къ нему близкимъ.—Вспомните, какъ часто вы расходились съ «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ чемъ былъ этотъ разладъ?—Ежели вы хорошенько анализируете всѣ случаи, то найдете, что разладъ именно былъ въ томъ, что «Р. В.» относился къ дѣлу съ холоднымъ педантизмомъ ученаго, тогда какъ вы своимъ сердцемъ чуяли, проводили другого рода стороны, недоступныя «Русскому Вѣстнику». Вспомните студенческую исторію. Ваши отношенія къ ней и «Русскаго Вѣстника» должны показать вамъ, въ чемъ ваше несходство.

«Что же, и вы готовы отказаться отъ того дара, который составляетъ вашу силу?—Въ вашемъ талантѣ есть одна родственная черта съ нашимъ величайшимъ публицистомъ [2]), это —то, что вы оба много понимаете сердцемъ. Теперь поставьте же рядомъ Каткова и Герцена, спросите себя, что у нихъ родственнаго, и могутъ

---

[1]) Подпись была условная.

[2]) Герценомъ.

ли они работать въ одномъ журналѣ[1])?—Что вы скажете? На мѣсто Герцена поставьте себя,—дѣло будетъ то же самое, и выводъ тотъ же. Не даромъ онъ васъ такъ любитъ; не даромъ говорилъ какъ-то, что вотъ бы отдохнуть ему, а «Колоколъ»—если-бъ только можно было—пусть бы издавалъ Громека [2]). Онъ чуетъ въ васъ родственную себѣ натуру, онъ видитъ васъ ясно.

«Но есть еще другая сторона дѣла. У Каткова вы будете работникъ подчиненный, подвластный,—что бы онъ тамъ ни говорилъ и какія бы ни были его условія.—У Краевскаго какъ вы были, такъ и будьте, и будете въ газетѣ [3]) больше, чѣмъ гдѣ-нибудь,—какъ панъ, какъ набольшій. Что лучше для васъ?

«Но есть и еще нѣчто. Въ газетѣ Каткова вашъ талантъ изсякнетъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ я говорилъ выше. Случится то же, что случилось бы, если-бъ вы поступили нѣкогда въ «Сѣверную Почту» [4]), хоть и отъ другой причины,—тамъ отъ внѣшней невозможности говорить свободно, здѣсь отъ незамѣтнаго для васъ подчиненія чужому уму, который вы уважаете. Въ *Голосѣ* вы будете свободны. Вашъ талантъ найдетъ себѣ просторъ, найдетъ арену, какая для васъ нужна. Тутъ онъ раскроется, какъ только онъ можетъ раскрыться при благопріятныхъ условіяхъ. Тамъ вы только жалкимъ образомъ раздѣлите крушеніе стараго судна, которое уже начало гнить и съ которымъ, на послѣднихъ его порахъ, вы будете имѣть неблагоразуміе связать свою участь. Здѣсь вы сами капитанъ,—сами строитель корабля,—сами оснащиваете его, сами устраиваете его, какъ знаете,—и корабль вашъ новенькій, отправляется въ путь съ попутнымъ вѣтромъ. Будетъ неудача, сядетъ онъ на мель, разобьетъ его,—будетъ ваша вина, ваша бѣда,—но, по крайней мѣрѣ, не останется на вашей совѣсти упрека себѣ въ томъ, что имѣли неблагоразуміе дырявому кораблю поручить свою участь.

«Значеніе Каткова—падаетъ. Многочисленна ли его партія? Съ какою злобою говорятъ о немъ наши лучшіе люди? Или вы, можетъ быть, хотите спасти его, пожертвовать своимъ именемъ для поддержанія авторитета Каткова? — Это благородно. На это, я знаю, вы способны.—Но я, любя васъ, вижу прежде всего опасности для васъ отъ этого союза. Вы авторитета его не поддержите, а себя погубите.

«Наконецъ, въ 130 № «Кол.» вы получите и еще одинъ аргументъ противъ вашей рѣшимости пристать къ Р. Вѣст.—«*Къ какой мы принадлежимъ партіи?*»—Возмутительна, какъ не возмутительны статьи Чичерина.—Вѣдь *наши шутовскія партіи*—возму-

---

[1]) Когда Альбертини писалъ эти строки, Катковъ уже вступилъ на поле «патріотической» брани по адресу Герцена.

[2]) Разумѣется, Герценъ говорилъ такія вещи въ шутку, которой Альбертини не разобралъ.

[3]) Съ января 1863 г. Катковъ готовился издавать «Московскія Вѣдомости», Краевскій—«Голосъ».

[4]) Предшественница «Правительственнаго Вѣстника».

тили васъ,—вѣдь рѣшимость *не принадлежать даже и къ серьезнымъ партіямъ, если бы онѣ когда-нибудь явились*,—не есть ваша рѣшимость. Вѣдь этотъ холодный доктринаризмъ, развивающій теорію консерватизма въ обществѣ, гдѣ все перестраивается и перерабатывается, не находитъ въ васъ сочувственной струны. — Какъ же вы пойдете со всѣмъ этимъ рука объ руку.

«Степанъ Степановичъ, ежели ваше рѣшеніе непоколебимо, то вы извините меня,—что я рѣшился все это высказать. Мои сердечныя отношенія къ вамъ, моя искренняя любовь къ вамъ давали, казалось, право мнѣ сказать вамъ это все. Но ежели ваше рѣшеніе еще не принято окончательно, если это такъ только, — то я въ восторгѣ, что мое мнѣніе объ этомъ пунктѣ сошлось съ вашимъ.

«Мнѣ кажется, что ежели даже вы и дали слово Каткову, то отказаться вамъ есть еще полная возможность. Вы давали его, ничего не зная о *Голосѣ* (тутъ виноватъ, конечно, Андрей Ал. [1])—своею несчастною страстью секретничать; хотя бы онъ тутъ, наконецъ, убѣдился, что секретничать съ людьми близкими къ дѣлу никогда не слѣдуетъ). Теперь, когда очутился *Голосъ*, вы силою самаго положенія дѣлъ принадлежите *Голосу*. Есть основаніе взять слово назадъ. Да и времени къ тому же еще много. Катковъ вашимъ отказомъ не будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе.

«Мнѣ представляются тѣ соображенія, которыя заставили васъ пойти на союзъ съ Катковымъ. Для васъ безотрадно положеніе литературы. Тамъ Чичеринъ, Павловъ и всѣ приспѣшники правительства; тутъ ярые свистуны [2]). Въ срединѣ стоитъ маленькая кучка людей «*Отеч. Зап.*» и гигантъ Катковъ. Катковъ и мы сходимся между собою въ одномъ пунктѣ: какъ онъ, такъ и мы равно далеки и отъ Чичерина, и отъ свистуновъ,—но и только въ этомъ одномъ пунктѣ. Во всемъ остальномъ между нами *должна* быть пропасть непроходимая. Васъ смущаетъ то, что мы сила невидная, незамѣтная, даже не сила, а такъ себѣ что-то, а Катковъ сила признанная. Изъ-за одной отрицательной стороны Каткова,—изъ-за того, что онъ—не Чичеринъ и не свистуны,—да еще изъ-за того, что онъ сила, вы примыкаете къ нему, забывая, что васъ отталкиваетъ въ положительной сторонѣ Каткова. Но вотъ вамъ мое убѣжденіе.—Пойдемте смѣло въ *Голосъ*, съ вѣрою, — и мы, можетъ быть, пріобрѣтемъ силу, т. е. вы ее пріобрѣтете. Не вливайте новаго вина въ старые мѣха; смотрите, чтобъ вино не смѣшалось съ грязью. А лучше пойдемте-ка съ своимъ виномъ съ новыми мѣхами,—можетъ быть, и будетъ вино знатное.

«Хотѣлъ писать и о другомъ кое о чемъ, но ужъ некогда. Другой разъ.

«Вотъ только самое необходимое.

---

[1]) Краевскій.

[2]) Кличка сотрудниковъ «Современника».

«Здѣсь нужны свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи и Малоруссіи. Объ одной изъ нихъ вы можете добыть отъ человѣка близкаго; о другой—скажите, кому найдете возможнымъ.

«Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать многоуважаемой Катеринѣ Өедоровнѣ [1]) мое глубокое уваженіе, а вашихъ милыхъ дѣтей поцѣлуйте за меня крѣпко.

Вашъ *Н. А.*

«Многоуважаемому и добрѣйшему Ипполиту Өедоровичу, ежели только онъ въ Петербургѣ, передайте мой нижайшій поклонъ.

«NB. Вы не повѣрите, какъ тяжело отозвалось здѣсь ваше извѣстіе о *союзѣ* съ Катковымъ. Вѣдь этотъ союзъ—ежели только вы не шутите—объяснилъ для А. И. [2]) паденіе такихъ людей, какъ друзья его Евг. Коршъ, Кетчеръ, нынѣшнихъ друзей Чичерина. Это все отъ того, по его словамъ, что у насъ *дѣйствительно* нѣтъ еще политическаго чутья и политической честности.

«Какъ вы видите, я выступаю противъ васъ со всѣми возможными аргументами. Есть еще одинъ. Вамъ дорого ваше честное имя.—Для меня ваше честное имя очень дорого. Вотъ именно поэтому вамъ не слѣдуетъ быть съ Катковымъ.—Настанетъ время, когда быть съ Катковымъ будетъ такъ же безчестно, какъ быть Чичеринымъ,—потому что оба они равно враги нашего движенія.

«Вотъ вамъ все.

«Откуда у васъ такой примирительный взглядъ? *Все люди честные?*—Да вамъ-то именно нужно видѣть въ нихъ подлецовъ, чувствовать ихъ такими; чувствовать ихъ *подлость въ данную минуту*,—и тогда вы будете противъ нихъ страшною силою.

«Вонъ очо, видите ли уже теперь, куда пошло,—на признаніе честности въ Чичеринѣ, Соловьевѣ. Да вы забываете, что кромѣ мѣщанской честности есть другая,—честность политическая, честность общественнаго дѣятеля; та честность, которая всякаго порядочнаго человѣка заставляетъ произносить съ уваженіемъ имя Михайлова, имена 13 тверскихъ посредниковъ, хотя бы самъ и не былъ того мнѣнія, что Михайловъ. А для нихъ, для вашихъ *честныхъ людей*, что такое *Михайловъ* — безголовый свистунъ? Тверскіе дворяне—что? Шутовское явленіе?

«Полно, не отъ васъ бы слушать такія вещи.

«Я началъ такъ любезно, а кончилъ съ сердцемъ. Сами виноваты. Вы, должно быть, тамъ расхандрились.

«*Наше Время*, хотя и поздно, но все-таки пришлите съ первою оказіею».

Читатель, вѣроятно, недоумѣваетъ, какимъ образомъ попали всѣ эти письма къ маркизу де-Траверсе. Очень просто: одну часть ихъ онъ самъ получилъ въ Лондонѣ, но не передалъ по назначе-

---

[1]) Жена Громеки.

[2]) Герценъ.

нію, другую получилъ отъ Налбандяна и тоже придержалъ, наконецъ, письмо А. К. Бакуниной не переслалъ мужу.

Разумѣется, комиссія понимала истинную цѣну этихъ документовъ и представила по этому случаю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ особо указала на то, что въ перепискѣ съ Бакунинымъ состоитъ начальникъ штаба войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, генералъ-маіоръ Б. К. Кукель [1]). Александръ II хотѣлъ посадить Кукеля въ крѣпость, и только заступничество выдвинувшаго его Н. Н. Муравьева-Амурскаго спасло этого симпатичнаго администратора отъ каземата. Все ограничилось отставкой и опалой.

ПОКАЗАНІЯ КОЖАНЧИКОВА, НИЧИПОРЕНКА, БЕНИ и ГАЕВСКАГО. ДРЕНЯКИНСКАЯ РАБОТА.

Комиссія выжидала дѣйствій Дренякина и рѣшила, что какъ только узнаетъ, что онъ приступилъ къ обыскамъ въ Москвѣ, обыскать въ Петербургѣ Дмитрія Ефремовича Кожанчикова, доставить его къ оберъ-полицеймейстеру и сдѣлать подробный допросъ, на который вызвать Бени и литератора Максимова.

22 ноября къ Кожанчикову нагрянули съ обыскомъ, но ничего подозрительнаго не нашли. На допросѣ онъ отрекся отъ знакомства съ Кельсіевымъ и поѣздки съ нимъ въ Москву и вообще не обнаружилъ говорливости. Желая дѣйствовать на него, какъ на вѣрующаго человѣка, Кожанчикова долго увѣщевалъ попъ, но, несмотря на это, 4 декабря онъ лишь подтвердилъ предыдущее показаніе. Дали очную ставку съ Ничипоренкомъ — Кожанчиковъ остался при своемъ.

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки Ничипоренко далъ комиссіи очень цѣнныя указанія, въ которыхъ обнаружилъ недурныя способности сыщика. Онъ рекомендовалъ допытаться отъ Максимова всего, чтобы обнаружить участіе въ дѣлѣ Кожанчикова. Относительно же Гаевскаго его совѣтъ былъ таковъ: поискать въ его бумагахъ или въ банкѣ переводное письмо (вексель), адресованное на лондонскій торговый домъ отъ здѣшняго торговаго дома Винекена, съ бланковою надписью Тиблена. Отысканіе такого векселя въ архивѣ самого Гаевскаго или въ банковскомъ дастъ твердое указаніе, что Ничипоренко отослалъ такимъ образомъ деньги въ Лондонъ. При этомъ Ничипоренко добавилъ, что онъ на очной ставкѣ умышленно умолчалъ пока о двухъ доказательствахъ:

---

[1]) П. А. Кропоткинъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ революціонера», что, будучи назначенъ къ Кукелю адъютантомъ, онъ очень быстро сталъ съ нимъ въ дружескія отношенія и пользовался библіотекой генерала, получавшаго всѣ лучшіе русскіе журналы и имѣвшаго полную коллекцію лондонскихъ изданій Герцена.

первое — Кожанчиковъ далъ ему 100 рублей передъ отъѣздомъ за-границу на пріобрѣтеніе сочиненій Кельсіева, и второе—письмо Герцена къ Владимірову Ничипоренко передалъ Гаевскому, на что тотъ сказалъ — «хорошо». Не преминулъ онъ и сообщить еще, что вспомнилъ, что подложный паспортъ Кельсіеву досталъ Налбандянъ.

Допрошенный Бени сознался, что Кельсіевъ былъ у него въ первый день пріѣзда въ Петербургъ и въ день отъѣзда въ Москву; о цѣли пріѣзда онъ не спросилъ, опасаясь быть ложно понятымъ въ виду слуховъ о своемъ шпіонствѣ. Когда Кельсіевъ сказалъ, что хочетъ видѣть Ничипоренко, Бени послалъ за нимъ мальчика въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Подписей ни на какой адресъ не собиралъ, денегъ для Бакунина — тоже. Комиссія признала нужнымъ учредить за нимъ строгій надзоръ... 28 ноября Бени обратился къ ней съ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что, «убѣдившись уже съ нѣкотораго времени, что его занятія, какъ литературныя, такъ и ученыя, дѣлаютъ Россію болѣе выгоднымъ для него мѣстопребываніемъ, чѣмъ Англія, и имѣя вслѣдствіе этого намѣреніе поступить въ русское подданство», онъ узналъ, что, состоя подъ слѣдствіемъ, не можетъ сдѣлать этого теперь же. Поэтому онъ проситъ разрѣшить ему ходатайствовать о поступленіи въ русское подданство. При этомъ Бени прибавлялъ, что хорошо понимаетъ, что избавленъ отъ мѣръ административнаго воздѣйствія и именно потому «желалъ бы добровольно отказаться отъ этого преимущества именно теперь, когда подобный шагъ могъ бы служить по крайней мѣрѣ нравственнымъ доказательствомъ его желанія продолжать его прежнія занятія и совершенной безвредности его дѣйствій».

Комиссія объявила, что разрѣшеніе этого прошенія не входитъ въ ея компетенцю.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что взятъ былъ сначала на подозрѣніе, а потомъ и просто на сугубое наблюденіе дѣйствительный статскій совѣтникъ Викторъ Павловичъ Гаевскій, котораго только и поджидали изъ-за-границы. Еще въ октябрѣ у него на квартирѣ былъ сдѣланъ тщательный обыскъ, послѣ котораго всѣ бумаги опечатали и сдали въ III Отдѣленіе, а книги запечатали въ сараѣ. Гаевскій вернулся въ серединѣ ноября и сейчасъ же запросилъ кн. Голицына, въ чемъ его обвиняютъ.

Изъ бумагъ его комиссія обратила вниманіе на два письма: одно—Панаевой, другое—Касаткина.

1. «Успокойтесь; Антоновичъ, развѣ взятъ, то сейчасъ, потому что въ 2 часа дня сегодня видѣли Чернышевскаго, который былъ спокоенъ, а это невозможно было бы при арестованіи Антоновича. Очень желаю, чтобы вы скорѣе выздоровѣли. Сейчасъ поѣдутъ къ Антоновичу, чтобы быть совершенно увѣренными, что арестованія не было. *Ав. Панаева*».

2. «Многоуважаемый Викторъ Павловичъ.

«Такъ какъ я остаюсь въ Питерѣ до воскресенья, а четвергъ занятъ у васъ, да и я забылъ, что обѣщался быть въ этотъ день въ клубѣ, то позвольте мнѣ побесѣдовать съ вами въ пятницу, или въ субботу. Назначеніе того или другого дня зависитъ отъ васъ, о чемъ вы и черкнете мнѣ. За оттискъ вашей статьи душевно благодаренъ. О Вадимѣ [1]) до сихъ поръ—ни слуху, ни духу».

Преданный вамъ

В. Касаткинъ».

28 марта 1862 г.

Перваго декабря Гаевскому былъ сдѣланъ допросъ. Онъ категорически отрицалъ всякія свои сношенія съ заграничной эмиграціей и полученіе вырѣзокъ изъ «Колокола». Правда, получалъ отъ Ничипоренка «Колоколъ», но возвращалъ въ тотъ же день. Съ Кельсіевымъ никогда не видѣлся. Вообще Гаевскій рѣшилъ взять смѣлостью отрицанія. На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ онъ велъ себя точно такъ же, между тѣмъ, по словамъ П. А. Ефремова, онъ самъ присутствовалъ при передачѣ Ничипоренкомъ письма Гаевскому... Временно его рѣшили оставить въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько дней Потаповъ сообщилъ комиссіи, что у Траверсе наблюдаются признаки умопомѣшательства и что его помѣстили уже въ военно-сухопутный госпиталь...

Отважный Дренякинъ работалъ.

Прежде всего по его просьбѣ комиссія увѣдомила министра иностранныхъ дѣлъ, что она не ручается за сохранность важныхъ государственныхъ актовъ въ московскомъ архивѣ, если не будетъ обращено должное вниманіе на служащаго тамъ литератора Афанасьева [2])... Разумѣется, на него было обращено это должное вниманіе и заявлено, что если онъ не оправдается совершенно отъ подозрѣнія въ неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, то будетъ немедленно уволенъ.

22 и 23 ноября Дренякинъ произвелъ обыски у Челищевой, кн. Трубецкого, Афанасьева, Козлова и Ошмянцева, и, если не считать одного стихотворенія, взятаго у первой (см. приложеніе № 8), ничего подозрительнаго не нашелъ, а потому ограничился подписками о невыѣздѣ. Къ Орфано былъ командированъ полковникъ Дурново. При этомъ «любитель не бюрократическихъ способовъ сыска», Дренякинъ писалъ Потапову, что нарочно не арестовалъ помянутыхъ лицъ, избѣгая пока шума, но что, если правительство признаетъ арестованіе необходимымъ, то пусть только

---

[1]) Псевдонимъ В. Кельсіева.

[2]) Любопытно, что Афанасьеву не было поставлено въ вину изданіе «Народныхъ русскихъ легендъ», выпущенное имъ въ 1859 г. въ Лондонѣ: оно совершенно ускользнуло отъ вниманія III Отдѣленія и комиссіи.

сообщить ему объ этомъ шифромъ—и все сдѣлается очень тонко и хорошо.

На допросѣ Афанасьевъ категорически отрицалъ знакомство съ Кельсіевымъ, котораго, по словамъ П. А. Ефремова, принялъ у себя весьма сухо. Трубецкого и Шибаева знаетъ, а Козлова — только въ лицо. Касаткинъ участвовалъ въ его «Библіографическихъ Запискахъ» 1858—1859 г.

Челищева о пріѣздѣ Кельсіева въ Россію не знала ничего, пока не арестовали Петровскаго. То же самое показали Ошмянцевъ, Козловъ, Трубецкой и братья Орфано.

Очевидно, надо было заставить ихъ всѣхъ говорить, и потому Голицынъ приказалъ пригласить ихъ въ Петербургъ, куда они и пріѣхали безъ особаго надзора. Но на допросахъ комиссіи всѣ пріѣхавшіе москвичи ровно ничего не прибавили къ сказанному прежде Дренякину...

4 декабря былъ допрошенъ вытребованный для этого Дмитрій Васильевичъ Каншинъ, 33 лѣтъ, воспитывавшійся въ лицеѣ. Съ Герценомъ онъ познакомился въ Лондонѣ, гдѣ жилъ въ одномъ отелѣ съ Траверсе; оба они въ пропагандѣ не принимали никакого участія.

7 декабря Голицынъ доложилъ государю о необходимости вызвать изъ-за-границы Александра Серно-Соловьевича, Кельсіева, И. С. Тургенева, Касаткина и А. А. Черкесова, и получилъ высочайшее одобреніе этой мѣры. Немедленно были сдѣланы всѣ соотвѣтствующія распоряженія по министерству иностранныхъ дѣлъ.

15 декабря Голицынъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ бумагахъ Афанасьева найдена копія секретнаго доклада о раскольникахъ. Александръ II написалъ: «необходимо».

Однозременно въ Рыбинскѣ былъ допрошенъ товарищъ Владимірова—Журавлевъ, показавшій, что какъ только онъ получилъ экземпляръ прокламаціи «Земская Дума», такъ сейчасъ же его уничтожилъ. За Журавлевымъ приказано было учредить строгій полицейскій надзоръ.

ПОКАЗАНІЯ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу.

5, 8 и 11 декабря ему были сдѣланы второй, третій и четвертый допросы. Повидимому, онъ рѣшилъ измѣнить свою тактику и на этотъ разъ не уклонился отъ нѣкоторыхъ объясненій.

1. «У меня были два торговыхъ заведенія: книжный магазинъ и библіотека для чтенія на Невскомъ проспектѣ, открытые мною однимъ въ концѣ прошлаго года, и книжная лавка съ читальней [1]), теперь уже не существующія, вслѣдствіе закрытія этихъ

[1]) Она открыта была А. А. Слѣпцовымъ.

заведеній правительствомъ. Оставшіеся книжный магазинъ съ библіотекой принадлежатъ мнѣ одному. Комиссіонерами моими въ различныхъ городахъ Россіи книгопродавцы. За-границей комиссіонеровъ не имѣю.

2. «Бумага, о которой идетъ рѣчь въ этомъ вопросѣ,—недоконченный черновой проектъ всеподданнѣйшаго письма къ Государю Императору, которое я имѣлъ намѣреніе написать и представить его величеству въ такомъ случаѣ, если бы успѣлъ вполнѣ обработать набросанный въ общихъ чертахъ законодательный проектъ, названный мною проектомъ Уложенія Императора Александра II. Письмо и проектъ не были поданы и даже окончены. Поводомъ къ написанію этихъ бумагъ были слѣдующія обстоятельства. Въ 1858 г. я имѣлъ счастье подать Государю Императору письмо; въ немъ не заключалось никакого общаго, органическаго проекта, а только отдѣльныя, въ общихъ словахъ выраженныя предположенія по разнымъ вопросамъ и очеркъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, очеркъ далеко не свѣтлый. Несмотря на это, Государь Императоръ принялъ письмо весьма милостиво и повелѣлъ покойному предсѣдателю государственнаго совѣта, кн. Орлову, благодарить меня отъ имени его величества за «откровенное изложеніе настоящаго положенія дѣлъ», какъ сказано было въ высочайшей резолюціи на моемъ письмѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ думать, что составленіе не критической только замѣтки-записки, а положительнаго органическаго проекта, имѣющаго въ виду пользу и благо отечества, было бы принято его величествомъ безъ неудовольствія. Затѣмъ два совершенно случайныя обстоятельства побудили меня начать составленіе помянутыхъ бумагъ. Первое изъ нихъ былъ разговоръ съ генералъ-губернаторомъ кн. Суворовымъ. Я, между прочимъ, сообщилъ ему о моемъ прежнемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ и резолюціи Государя Императора. Кн. Суворовъ сказалъ: «Государь Императоръ только и думаетъ о народномъ благѣ, и всѣ искренно любящіе отечество должны содѣйствовать ему въ достиженіи его благихъ намѣреній». Вскорѣ послѣ этого у меня былъ другой разговоръ съ г. предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Я справлялся объ участи одной написанной мною финансовой статьи. Г. предсѣдатель сказалъ, что моя статья была представлена его величеству. Изъ общаго характера этого разговора я вынесъ впечатлѣніе, что моя статья не могла понравиться его величеству. Я боялся, что нѣсколько мыслей, не вполнѣ развитыхъ, не представлявшихъ общей системы, дадутъ невѣрныя понятія о моемъ образѣ мыслей и стремленіяхъ. Эти два случайныхъ разговора окончательно установили во мнѣ давнишнее намѣреніе— и я приступилъ къ составленію проекта уложенія и всеподданнѣйшаго письма.

3. «Въ городѣ какъ-то разнесся слухъ, оказавшійся неосновательнымъ, будто г. Щаповъ, извѣстный профессоръ и литераторъ, подвергнется непріятностямъ за какую-то журнальную статью. Не помню, кому-то пришла мысль написать отъ имени литерато-

ровъ прошеніе къ г. министру народнаго просвѣщенія, прося, чтобы онъ принялъ во вниманіе ученыя заслуги и болѣзненное положеніе г. Щапова. Я подписался, уговорилъ подписать брата Александра, гг. Николая Потѣхина и Андрея Ничипоренко, такъ какъ въ письмѣ или прошеніи къ г. министру ничего предосудительнаго не заключалось. Но потомъ мысль эта осталась безъ исполненія или потому, что слухъ оказался неосновательнымъ, или потому, что кто-то замѣтилъ, что мы вовсе не имѣемъ права подавать министру прошенія отъ многихъ лицъ. Знакомство мое съ гг. Николаемъ Потѣхинымъ и Андреемъ Ничипоренко, какъ говорится, чисто шапочное, основанное на нѣсколькихъ встрѣчахъ. Съ студентомъ Гюбнеромъ, сколько припомню, не знакомъ; можетъ быть, и случалось какъ-нибудь встрѣтиться — при моихъ обширныхъ сношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ не припомню и объ образѣ мыслей и занятіи его ничего не знаю. Лично г. Щапова я не знаю.

4. «Кѣмъ сообщена и написана эта записка (о баронѣ Фирксѣ—*М. Л.*) рѣшительно не припомню, имѣлъ ее безъ всякой цѣли, вѣроятно случайно [1]).

5. «Объ этомъ (о фактѣ, сообщенномъ въ статьѣ «Крѣпостники грамотности»—*М. Л.*) я узналъ изъ городскихъ слуховъ и хотѣлъ помѣстить статью въ вѣдомостяхъ, но не помѣстилъ, сколько помню, потому, что не счелъ слухъ достовѣрнымъ источникомъ.

6. «Брошюра польская попала какъ-нибудь случайно — польскаго языка не знаю совершенно [2]).

7. «Статью (брошюру по крестьянскому вопросу, выпущенную за-границей — *М. Л.*) я въ цензуру не представлялъ, но г. государственный секретарь, имѣвшій въ то время главный надзоръ за литературою по крестьянскому вопросу, сказалъ мнѣ, что никакихъ замѣчаній о положеніи 19 февраля печатать нельзя. Цѣль моя изложена въ предисловіи. Изучивъ довольно основательно крестьянскій вопросъ, я видѣлъ, что рѣшеніе неудовлетворительно; свѣдѣнія, публикуемыя въ вѣдомостяхъ о ходѣ дѣла, вполнѣ оправдывали мой взглядъ: величайшая, благодѣтельнѣйшая мѣра для народа и всего государства приводилась въ исполненіе военною силою, наказаніями, ссылками, даже пролитіемъ крови. Я былъ убѣжденъ, что въ этомъ виновато чисто недоразумѣніе, неправильная постановка вопроса. По моему убѣжденію, подкрѣпляемому тѣмъ, что я слышалъ со всѣхъ сторонъ, подкрѣпляемому общимъ ходомъ дѣлъ — только выкупъ могъ быть благопріятнымъ для всего государства рѣшеніемъ вопроса. Составивъ полный проектъ и не имѣя возможности напечатать его въ Россіи, я рѣшился напечатать его за-границей. Я такъ глубоко былъ убѣжденъ, что предлагаемыя мною мѣры клонятся къ истинной пользѣ государства, что

---

[1]) Несомнѣнно, она была приготовлена для «Колокола».

[2]) Рѣчь идетъ о брошюрѣ «Kraj, emigracyja i towarzystwo demokratyczne polskie», подписанной Jan Kryński, Konrad Dąbrowski и Jan Tolkemitu и изданной въ 1855 г. въ Лондонѣ.

счелъ истиннымъ долгомъ передъ отечествомъ напечатать свои предположенія. Послѣдствія доказали, что мой взглядъ былъ правиленъ. Я далекъ отъ мысли, чтобъ мой проектъ хотя насколько-нибудь повліялъ на послѣдующія распоряженія правительства: я хочу только сказать, что я правильно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ. Въ 1861 г. я указывалъ на три капитальныя мѣры, существенно необходимыя для Россіи: выкупъ, заграничный заемъ и общественные губернскіе банки. Въ 1862 г. были приняты нѣкоторыя мѣры, относившіяся къ развитію кредитныхъ учрежденій въ губерніяхъ, былъ заключенъ заемъ и дозволены выкупныя сдѣлки владѣльцамъ барщинныхъ помѣстій. Только въ моемъ проектѣ всѣ эти мѣры были въ общей связи и системѣ, оттого, смѣю думать, дѣйствія ихъ были бы значительнѣе. Что касается до послѣдней фразы статьи, то смыслъ ея вотъ какой: все послѣднее пятилѣтіе доказываетъ, что Россія выступаетъ на новую дорогу. Правительство своими преобразованіями доказываетъ, что считаетъ прежній порядокъ неудовлетворительнымъ. Внутренняя общественная жизнь требуетъ еще бо́льшихъ преобразованій — о чемъ ежедневно пишутъ во всѣхъ газетахъ, журналахъ, говорятъ во всѣхъ сферахъ общества, упрекая общество, т. е. самихъ себя, въ апатіи, лѣни и т. п. Чтобъ реформы были дѣйствительно успѣшны, нужно, чтобъ въ Россіи прибавилось силъ: нравственныхъ и матеріальныхъ, чтобъ тѣ, которые ровно ничего не дѣлаютъ или трудятся непроизводительно, сдѣлались не только потребителями, но и производителями. Для этого нужно имѣть не только много внутреннихъ силъ, но и много смѣлости, такъ какъ придется бороться со многими предразсудками. Вотъ вкратцѣ моя мысль.

8. «Эта статья («Мысли вслухъ»—*М. Л.*) была мною написана для журнала «Вѣкъ». Она должна была служить отвѣтомъ на одну изъ статей г. Чичерина, потому касалась общихъ теоретическихъ началъ. Не раздѣляя взглядовъ школы, началъ которой держится этотъ писатель, я высказалъ нѣсколько противоположныхъ ей положеній, имѣющихъ общій характеръ. Статья не была напечатана или потому, что была возвращена мнѣ редакціею, или по случаю прекращенія «Вѣка».

9. «Г. Тургеневъ передалъ мнѣ рукопись напечатанной уже теперь книжки «Дневникъ дѣвочки», сочинительница которой г-жа Буткевичъ.

10. «Съ г. Тургеневымъ я познакомился именно по поводу сдѣланнаго имъ мнѣ предложенія издать эту книгу. Вѣроятно, г. Тургеневъ, не имѣя постоянной квартиры въ Петербургѣ, далъ своимъ знакомымъ адресъ моего магазина. Никакихъ другихъ отношеній съ г. Тургеневымъ я не имѣю, кромѣ переговоровъ объ изданіи «Дневника дѣвочки».

11. «Съ г. Долгоруковымъ я вовсе незнакомъ и не имѣлъ никакихъ сношеній. Журнала его «Правдивый» я даже никогда не

видѣлъ. Почему онъ прислалъ его мнѣ—не знаю. До моего ареста я не получалъ отъ него никогда его журнала [1]).

12. «О какомъ господинѣ говорится въ письмѣ Черкесова—не знаю.

13. «Я не могу припомнить, кто такая женщина, писавшая письмо, и потому не знаю лицъ, упоминаемыхъ въ немъ, ни обстоятельствъ, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

14. «Съ г. Шелгуновымъ я знакомъ потому, что онъ нанималъ квартиру въ домѣ моей матери, которымъ я завѣдывалъ. Онъ служилъ, кажется, въ корпусѣ лѣсничихъ, но вышелъ въ отставку. Знаю, что онъ уѣхалъ въ Сибирь, но въ какое именно мѣсто и съ какою цѣлью не знаю,—кажется, имѣя въ виду какое-то частное мѣсто. Статья, о которой онъ пишетъ, была написана имъ для журнала «Русское Слово»; содержаніе мнѣ неизвѣстно. Кто Петръ Ларіоновичъ Михайловъ, и почему надо адресовать къ нему письма—не знаю; вѣроятно, это знакомый Шелгунова, имѣющій постоянное мѣстопребываніе.

15. «Братъ мой Александръ—человѣкъ въ высокой степени болѣзненный; въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ заболѣвалъ около тридцати разъ и притомъ такъ, что доктора всякій разъ боялись за его жизнь. За-границу его отправили насильно, притомъ пользовавшіе его доктора (Команъ, Вейде и временно Эккъ) настоятельно требовали, чтобы онъ остался за-границей до совершеннаго выздоровленія,—онъ упорно хотѣлъ возвратиться послѣ одного курса. Комиссія могла видѣть изъ моихъ писемъ къ другому брату Владиміру, что я выражалъ сильное опасеніе о здоровьѣ брата Александра. Болѣзнь сдѣлала его въ высшей степени мнительнымъ и слабонервнымъ. Безъ сомнѣнія, получивъ извѣстіе о моемъ арестованіи, совершенно неожиданное и внезапное и къ тому же неопредѣленное, такъ какъ едва ли писавшій могъ указать причину ареста—братъ Александръ былъ сильно потрясенъ. Можетъ быть, возобновился болѣзненный припадокъ, угрожавшій его жизни.

16. «Сколько я помню, ни литераторъ Тургеневъ, ни другое лицо не доставляло мнѣ письма и записки отъ Герцена и другого лица. Я дѣйствительно имѣлъ намѣреніе издать сочиненія Герцена, писанныя имъ въ Россіи, и даже подалъ объ этомъ прошеніе г. предсѣдателю комиссіи цензурнаго комитета, въ которомъ просилъ разрѣшенія условно, т. е. если получу дозволеніе на изданіе отъ автора, или лицъ, имѣющихъ право на эту литературную собственность, но, сколько помню, не входилъ еще съ г. Герценомъ въ сношенія по этому предмету, кажется, потому, что хотѣлъ обстоятельнѣе узнать, кому принадлежитъ законное право собственности на эти сочиненія.

[1]) Когда Серно-Соловьевичъ сидѣлъ уже въ крѣпости, на его имя былъ полученъ конвертъ, въ которомъ было вложено нѣсколько экземпляровъ объявленія объ изданіи Долгоруковымъ журнала «Le Véridique». Конвертъ писанъ рукою князя.

17. «Означенныхъ объявленій объ общемъ фондѣ (посланныхъ Ничипоренко черезъ Тургенева — *М. Л.*) я не только не получалъ, но и не видалъ; обстоятельства, о которыхъ здѣсь упоминается, мнѣ совершенно неизвѣстны.

18. «Весьма можетъ быть, что я писалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру, прося его переговорить объ этомъ дѣлѣ при случаѣ съ Герценомъ. Герценъ не говоритъ, что отвѣчаетъ на мое письмо къ нему, а просто на мое письмо, въ которомъ спрашиваю согласія. Сношеній съ нимъ и съ другими лондонскими пропагандистами, въ томъ числѣ и съ Кельсіевымъ, не имѣлъ.

19. «Предъявленное мнѣ письмо (Огарева и Герцена—*М. Л.*), писанное различными почерками, не имѣющее подписи и неизвѣстно къ кому адресованное, откуда и когда написанное, мнѣ вовсе неизвѣстно, и я не признаю достовѣрнымъ, чтобы оно было писано ко мнѣ. Всѣ обстоятельства, о которыхъ въ немъ упоминается, мнѣ вовсе неизвѣстны.

20. «Всѣ означенныя здѣсь обстоятельства (пріѣздъ Кельсіева и пр.—*М. Л.*) мнѣ совершенно неизвѣстны.

21. «Предъявленное мнѣ неподписанное письмо (Кельсіева къ Серно-Соловьевичу—*М. Л.*) писано неизвѣстною рукою, говоритъ объ обстоятельствахъ совершенно неизвѣстныхъ. Я вовсе не отношу его къ себѣ. Съ Кельсіевымъ, которому комиссія приписываетъ его, я не знакомъ и никакихъ дѣлъ никогда не имѣлъ».

Комиссія была такъ возмущена неискренностью Серно-Соловьевича, что отказала даже въ просьбѣ брату Константину, уволенному изъ лицея, выдать ему заграничный паспортъ. Разумѣется, здѣсь постарался Потаповъ, направивши прошеніе на уваженіе комиссіи.

11 декабря, вечеромъ, придя уже въ казематъ, Серно-Соловьевичъ написалъ дополнительное показаніе. Онъ заявилъ въ немъ, что, подумавъ, сомнѣвается, чтобы письмо писалъ Черкесовъ, и, чтобы отвести подозрѣніе отъ своего пріятеля, Николай Александровичъ сочинилъ цѣлый разсказъ, который я и привожу, въ увѣренности, что читатели не будутъ въ претензіи на эту деталь.

«Весь 1860 годъ я провелъ за-границей, изучая финансовую науку. Въ концѣ года былъ въ Парижѣ и обыкновенно ходилъ завтракать въ Café de la Bourse, находившееся близко биржи и потому удобное для моихъ занятій. Мой третій братъ, проѣзжая черезъ Парижъ, въ hyerés, остановился на два дня въ томъ же отелѣ, гдѣ я стоялъ, и уговорилъ меня пойти съ нимъ въ Café Monmorancy (если не ошибаюсь), гдѣ обыкновенно бывало много русскихъ. На другой день братъ уѣхалъ, я остался. Дня черезъ два въ Café de la Bourse подходитъ ко мнѣ незнакомецъ и по-русски проситъ передать газету. Когда я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, онъ вступилъ въ разговоръ, объясняя, что слышалъ, какъ я говорилъ съ другимъ господиномъ въ Monmorancy, и, узнавъ, что я хожу въ Café de la Bourse, нарочно пришелъ познакомиться со мной, такъ какъ, судя по нѣсколькимъ моимъ отзывамъ,

слышаннымъ имъ въ Café Montmorancy, между нами должна быть симпатія. Я спросилъ его фамилію. Онъ замялся и сказалъ: «это щекотливый для меня вопросъ». Я изъявилъ удивленіе и назвалъ себя. Тогда онъ разсыпался въ комплиментахъ, благословлялъ судьбу, сведшую насъ, и сказалъ, что онъ здѣсь подъ именемъ Михайлова, но что настоящая его фамилія другая, что онъ мнѣ сообщитъ ее, когда сойдемся поближе, что онъ уѣхалъ изъ Россіи по политическимъ дѣламъ. Затѣмъ этотъ господинъ сталъ преслѣдовать меня, несмотря на явное мое нежеланіе быть съ нимъ знакомымъ. Сверхъ того, постоянно зазывалъ къ своей кузинѣ, какъ онъ называлъ—Alexandrine или Сашѣ, о которой сочинилъ цѣлую исторію. Мать ея русская, отецъ былъ полякъ, они эмигрировали, когда она была ребенкомъ, потомъ она вышла замужъ за венгерскаго магната, который былъ убитъ въ итальянскую кампанію, сражаясь за Италію. Я подъ предлогомъ своихъ занятій упорно отговаривался. Однажды онъ пришелъ въ Café съ чрезвычайно красивою женщиной,—это была кузина; она обошлась со мной, какъ со стариннымъ пріятелемъ, говоря, что такъ много слышала обо мнѣ отъ своего брата. Спросила, говорю ли я по-венгерски, и послѣ отрицательнаго отвѣта продолжала по-французски, но не особенно хорошо,—русскій она совсѣмъ забыла, а нѣмецкій знаетъ, но ненавидитъ. На мой взглядъ она показалась какою-нибудь смѣшанною еврейкою. Спросила бутылку дорогого вина,—я велѣлъ дать другую; настаивала, чтобы весь день провелъ съ ними,—я отклонилъ, но долженъ былъ обѣщать вечеръ. Дала адресъ въ Rue de st. Honore. Михайловъ просилъ позволенія заплатить за меня; я, конечно, отказался; затѣмъ они очень скоро ушли. Мнѣ подали счетъ за двѣ бутылки. Вечеромъ я, конечно, не пошелъ къ нимъ и даже рѣшилъ перемѣнить Café. Рано утромъ на другой день ко мнѣ въ отель входитъ неожиданно Михайловъ, страшно претендуетъ, что я не сдержалъ слово, и располагается у меня какъ дома, смотритъ книги, бумаги. Между прочимъ, вдругъ спрашиваетъ, взяли съ меня за вино вчера, и, узнавъ, что взяли за ихъ бутылку, вошелъ въ пафосъ и сталъ просить пойти вмѣстѣ въ Café, обѣщая сдѣлать тамъ скандалъ, такъ какъ онъ заплатилъ и за меня. Я отклонилъ предложеніе, говоря, что не охотникъ до скандаловъ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ, что думаетъ переселиться въ Лондонъ, и просилъ рекомендательное письмо къ Герцену. Я отвѣчалъ, что не знакомъ съ нимъ, но, по его мнѣнію, мое имя было такъ извѣстно, что Герценъ, даже не зная меня лично, уважитъ мое письмо. Я опять выразилъ сомнѣніе, представляя, что мои литературные труды не важны, письмо къ государю, вѣроятно, не особенная заслуга въ глазахъ Герцена, а больше ему неоткуда знать обо мнѣ. Вообще господинъ этотъ былъ крайне навязчивъ и наглъ и говорилъ мнѣ «ты» и mon chér, хотя я ему отвѣчалъ «вы». Наконецъ я выпроводилъ его, сказавъ, что долженъ идти, запретилъ трактирному лакею пускать его ко мнѣ, и перемѣнилъ Café. Этимъ я на нѣсколько дней спасся, но однажды вечеромъ,

въ театрѣ, они подходятъ ко мнѣ, и кузина заявляетъ, что, во что бы то ни стало, дѣлаетъ меня на вечеръ плѣнникомъ, приглашаетъ послѣ театра играть въ карты и посмотритъ, какъ я отдѣлаюсь на этотъ разъ. Мнѣ уже сильно наскучили эти преслѣдованія, потому я отвѣтилъ довольно рѣзко: «а вотъ какъ: я вамъ скажу, что крайне удивляюсь, что женщина, называющая себя вдовою венгерскаго магната, не имѣетъ достаточно такта и гордости, чтобы перестать навязывать свое знакомство человѣку, видимо уклоняющемуся отъ него»,—и ушелъ, не дожидая отвѣта. Это наконецъ избавило меня отъ преслѣдованій, къ тому же я скоро уѣхалъ. Всему этому происшествію я не придавалъ никакого серьезнаго значенія, считая его попыткой завлечь и обобрать молодого человѣка.

«Прошло больше года, я совсѣмъ забылъ о немъ, но въ началѣ нынѣшней весны получаю изъ Лондона письмо незнакомой руки съ неразборчивой подписью. Авторъ пишетъ мнѣ, какъ короткому пріятелю, на «ты», говоритъ, что онъ Михайловъ, но, переселясь теперь въ Лондонъ, принялъ польскую фамилію, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, какъ онъ выразился—«съ нашимъ общимъ другомъ А. И.», поздравляетъ меня съ открытіемъ магазина и, желая доказать свою дружбу, рекомендуетъ золотого человѣка, Орловскаго, который явится ко мнѣ съ запиской отъ него,—онъ можетъ мнѣ служить секретаремъ и факторомъ, способности его я скоро оцѣню и все, что имѣю пересылать Герцену, могу сообщать ему, Орловскому; онъ будетъ пересылать своему пріятелю, а тотъ передавать Герцену; кузина его, Саша, пріѣдетъ въ Петербургъ и на дѣлѣ докажетъ, что я былъ о ней невѣрнаго мнѣнія. Теперь она въ Берлинѣ. Орловскій будетъ знать ея адресъ; она не сердится на меня, и всякій присланный мною будетъ принятъ, какъ другъ. Къ сожалѣнію, эта наглость до того разсердила меня, что я, прочтя письмо, тутъ же скомкалъ и изорвалъ его въ мелкіе клочки. Съ недѣлю спустя ко мнѣ на квартиру явился незнакомый господинъ, рекомендуясь Орловскимъ и показывая письмецо, въ которомъ значилось, что предъявитель его—тотъ самый Орловскій, о которомъ уже было писано, къ кому обращаться не означено, подпись неясная. Я прежде всего спросилъ адресъ Орловскаго —онъ отвѣчалъ уклончиво и не далъ; я объявилъ, что мѣста для него у меня нѣтъ, и чтобы онъ сообщилъ своему пріятелю, что если бы я имѣлъ намѣреніе дать ему, Орловскому, мѣсто, то послѣ такого письма, какъ написалъ его пріятель, отказался бы отъ своего плана. Онъ поспѣшно взялъ со стола рекомендательную записку и ушелъ. Это было, кажется, въ маѣ. Съ тѣхъ поръ я ни о комъ изъ этихъ лицъ извѣстій не имѣлъ. Письмо, упоминаемое въ вопросѣ комиссіи, говорящее о рекомендованномъ человѣкѣ и о Сашѣ, по содержанію своему могло быть написано этимъ самымъ человѣкомъ. Само по себѣ и это письмо не имѣло бы для меня никакого значенія, но нѣкоторыя другія обстоятельства, между прочимъ, присылъ въ мой книжный магазинъ *по почтѣ послѣ моег*

ареста объявленій о газетѣ Долгорукова, естественно заставляютъ меня опасаться различныхъ тайныхъ козней. Потому я и счелъ необходимымъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія комиссіи».

ДОПРОСЫ Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА, ЕГО ПРИСЛУГИ И БОРЩОВА.

Черезъ два дня послѣ дополнительнаго показанія, Николая Серно-Соловьевича призвали опять на допросъ, но онъ былъ твердъ и на всѣ увѣщанія комиссіи показать правду отвѣчалъ тѣмъ же, что показывалъ и раньше, а въ подтвержденіе справедливости сказаннаго о письмѣ Огарева и Герцена, привезенномъ Ветошниковымъ, просилъ съ нимъ очной ставки, хорошо, конечно, зная, что она ровно ничего противъ него не дастъ. Вмѣсто этого сама комиссія въ тотъ же день дала ему очную ставку съ Ничипоренкомъ, на которой оба обвиняемые остались при своихъ показаніяхъ. Затѣмъ комиссія рѣшила вызвать для допроса лакея, кухарку и артельщика Серно-Соловьевича, а также и брата его Константина. 20-го декабря послѣдній показалъ, что ѣздилъ домой изъ лицея только по воскресеньямъ; никакого Кельсіева у брата не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ. Относительно кухарки Леоновой, лакея Игнатьева (тогда служившаго уже дворникомъ въ его домѣ въ Нарвской части) и артельщика Бѣлова Николай Серно-Соловьевичъ ничего не имѣлъ противъ допроса ихъ подъ присягой, увѣренный, что хорошо скрылъ концы кельсіевскаго пребыванія у себя [1]).

---

[1]) Въ сожженномъ изданіи «Сочиненій» Шелгунова есть, между прочимъ, такія строки о прислугѣ Серно-Соловьевича:

«Когда я переѣхалъ къ Серно-Соловьевичамъ, у нихъ служилъ какой-то необыкновенный лакей: изящный, красивый, съ салонными манерами, говорившій интеллигентнымъ языкомъ. Все это было подозрительно, а въ особенности никому не нравилась внимательность, съ которой интеллигентный лакей относился къ разговорамъ. Николай Серно-Соловьевичъ, болѣе довѣрчивый, смотрѣлъ на интеллигентнаго камердинера довольно безразлично, но Александръ думалъ иначе и былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ не простого лакея, получавшаго жалованіе только отъ Серно-Соловьевичей. Конечно, въ этомъ щекотливомъ вопросѣ не могли не принять участіе друзья, которые и позаботились обставить Серно-Соловьевичей прислугой болѣе подходящей. По рекомендаціи друзей, мѣсто интеллигентнаго лакея занялъ деревенскій парень въ красной русской рубашкѣ и штанами въ сапоги бутылками, взятый изъ одного книжнаго магазина; а въ кухарки была отрекомендована дѣвушка (уже не молодая) изъ вѣрной и хорошей мѣщанской семьи. Судя по тому, что Кельсіевъ успѣлъ уѣхать благополучно, нужно думать, что пріѣздъ его сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ и, всего вѣроятнѣе, по чьей-нибудь неосторожной откровенности. . . . Черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ и деревенскій парень и взята къ допросу и «вѣрная» кухарка. Парень долго не дѣлалъ никакихъ показаній и говорилъ, что ничего не знаетъ, но вѣрная кухарка оказалась всезнающей, и на очныхъ ставкахъ съ парнемъ запальчиво, съ налетомъ уличала его въ томъ, что онъ говоритъ неправду, что къ Серно-Соловьевичамъ ходили такія-то и такія-то лица».

Леонова показала, что поступила къ Серно-Соловьевичу въ услуженіе въ октябрѣ 1861 г. и жила до апрѣля слѣдующаго года. Во время великаго поста у барина жили: Илья Борщовъ —весь постъ, Черкесовъ — половину поста, и какой-то «молодой человѣкъ», пріѣхавшій неизвѣстно откуда, прожилъ около недѣли и куда уѣхалъ—ей неизвѣстно, но помнитъ, что уѣхалъ до Пасхи.

Онъ былъ средняго роста, худощавый, бѣлокурый, безъ бороды и усовъ; ходилъ въ статскомъ платьѣ. Прислуживалъ ему лакей Михайло Игнатьевъ.

Послѣдній показалъ, что ничего не знаетъ о пріѣздѣ человѣка, называемаго комиссіей «Василіемъ Ивановичемъ». То же самое сказалъ и Бѣловъ.

Затѣмъ спросили Серно-Соловьевича, думая, вѣроятно, что, узнавъ о предварительныхъ допросахъ прислуги, онъ покажетъ всю правду. Но Н. А. сказалъ, что не помнитъ, останавливался ли у него кто-нибудь, кромѣ Борщова и Черкесова. Тогда ему дали очныя ставки съ тремя только что допрошенными. Ставка съ Леоновой ровно ничего не прибавила; на ставкѣ съ Игнатьевымъ Серно-Соловьевичъ только замѣтилъ, что въ домѣ его матери останавливался Василій Ивановичъ Мягковъ, это единственный ихъ знакомый «Василій Ивановичъ». Что было дѣлать комиссіи? Оставалось еще одно средство: перекрестныя очныя ставки самой прислуги. Такъ и сдѣлали. Оказалось, что Леонова хорошо знаетъ Мягкова и настаиваетъ, что у нихъ жилъ другой «Василій Ивановичъ». Тогда и Игнатьевъ прибавилъ, что припоминаетъ, что у нихъ останавливался «Василій Ивановичъ», но не Мягковъ.

Комиссія такъ была афропирована неудачными очными ставками, что рѣшилась на обычное средство, употребляемое въ такихъ случаяхъ. О немъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго протокола:

«1862 г. декабря 10 дня, высоч. учрежденная въ С.-Петербургѣ слѣдствен. комиссія, въ присутствіи гг. членовъ ея, генералъ-маіора Огарева и д. ст. с. Гедда, по приводѣ къ присягѣ временно обязаннаго крестьянина Тульской губ. Крапивенскаго уѣзда деревни Сороченки, Михайла Игнатьева, приступила къ отобранію отъ него показанія. Первоначально Игнатьевъ запирался въ знаніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ его разспрашивали, отзываясь, что онъ не помнитъ или не знаетъ, и видимо давалъ уклончивые отвѣты. Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ изворотовъ смысла своихъ словъ, Игнатьевъ написалъ показаніе, то д. ст. сов. Гедда прочелъ оное и *послѣ каждой фразы* спрашивалъ его: «такъ ли?». На эти вопросы Игнатьевъ отвѣчалъ: «такъ» и подписалъ свое показаніе. Когда за симъ былъ призванъ надворный сов. Серно-Соловьевичъ и на очной ставкѣ съ Игнатьевымъ сталъ подтверждать прежніе свои отвѣты, то и Игнатьевъ, видимо желая согласоваться съ показаніями Серно-Соловьевича, отозвался, что останавливался ли въ квартирѣ послѣдняго Василій Ивановичъ — не помнитъ; когда же члены и *самъ Серно-Соловьевичъ* убѣдили Игнатьева, что въ показаніи своемъ онъ ясно выразилъ, что Василій Ивановичъ останав-

ливался у Серно-Соловьевича зимой, то Игнатьевъ позволилъ себѣ сказать, что *члены комиссіи наговорили ему о пребываніи Василія Ивановича у Серно-Соловьевича.* На предложеніе членовъ, чтобы Игнатьевъ написалъ о семъ въ актѣ очной ставки, онъ далъ показаніе, въ которомъ, въ отмѣну перваго, объяснилъ, что онъ не помнитъ, останавливался ли Василій Ивановичъ у Серно-Соловьевича. Послѣ сего Игнатьеву дана была очная ставка съ вдовою Леоновою, и когда сія послѣдняя уличала его, что въ посту, кромѣ Борщова и Черкесова, дѣйствительно останавливался у нихъ еще третій молодой человѣкъ, которому Игнатьевъ прислуживалъ, тогда онъ подтвердилъ прежнее свое показаніе о томъ, что Василій Ивановичъ дѣйствительно остановился въ показанное Леоновою время».

Ясно, что допросъ чинился «съ пристрастіемъ».

На слѣдующій день Серно-Соловьевичъ написалъ еще дополнительное показаніе, которое имѣетъ интересъ, но, разумѣется, не по существу дѣла.

«Возвратясь послѣ допроса въ свою комнату, я, напрягая свою память, вспомнилъ, что у меня, дѣйствительно, проживало короткое время, зимою, лицо, о которомъ я совершенно забылъ, такъ какъ наши отношенія были такого рода, что память о нихъ почти изгладилась во мнѣ. Вспомнивъ о немъ, я хотѣлъ тотчасъ возвратиться въ комиссію, для дополненія показанія, но мнѣ было сказано, что уже присутствіе кончилось.

«Обстоятельства знакомства съ помянутымъ лицомъ были слѣдующія: по окончаніи слѣдствія надъ бывшими студентами здѣшняго университета, въ городѣ были слухи (оказавшіеся справедливыми), что многимъ изъ заключенныхъ молодыхъ людей негдѣ пристать. Потому я далъ свой адресъ кому-то изъ профессоровъ (кому именно, не помню), прося, въ случаѣ нужды, прислать ко мнѣ кого-нибудь изъ молодыхъ людей, такъ какъ у меня есть возможность принять къ себѣ кого-нибудь на короткое время. Вслѣдствіе этого ко мнѣ былъ присланъ молодой человѣкъ, наружность котораго соотвѣтствуетъ описанной Леоновой; спалъ онъ, дѣйствительно, въ холодной комнатѣ. Фамилію и имя его я забылъ [1]), такъ какъ видался съ нимъ весьма рѣдко, потому что я проводилъ цѣлый день въ магазинѣ, а онъ у товарищей. Ходитъ онъ въ штатскомъ платьѣ, именно, если не ошибаюсь, ему дано было платье изъ числа пожертвованныхъ публикою, такъ какъ онъ не имѣлъ здѣсь никого изъ родныхъ и не имѣлъ денегъ. Пробылъ онъ у меня недолго, но не могу сказать, опредѣлить, сколько именно времени. Онъ былъ опредѣленъ въ какое-то губернское заведеніе, куда и отправился отъ меня; сколько могу припомнить, заведеніе это не университетъ, а, кажется, одинъ изъ губернскихъ лицеевъ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакого извѣстія. Какъ сказалъ уже, имени его не помню; можетъ быть, его, дѣй-

---

[1]) Николай Михайловичъ Соколовскій.

ствительно, зовутъ Василіемъ Ивановичемъ, можетъ быть, что я, говоря съ помянутымъ Игнатьевымъ, служившимъ у меня въ комнатахъ, назвалъ этого молодого человѣка Василіемъ Ивановичемъ или по разсѣянности (такъ какъ у меня было много хлопотъ съ помянутымъ жильцомъ, Василіемъ Ивановичемъ Мягковымъ, по случаю его дѣлъ съ кварталомъ), или просто забывая его имя. Я тогда весь былъ погруженъ въ дѣла вновь открытаго магазина и во множество другихъ моихъ семейныхъ дѣлъ, такъ что былъ разсѣянъ въ остальныхъ маловажныхъ для меня предметахъ. Фактъ пребыванія у меня этого молодого человѣка былъ извѣстенъ мѣстному полицейскому начальству, которое, кажется, и дало ему денегъ на проѣздъ въ его новое заведеніе. Сколько припомню, ни Борщова, ни Черкесова во время пребыванія молодого человѣка у меня не было».

Комиссія игнорировала это показаніе, надо сознаться, очень недурно заметавшее слѣдъ Кельсіева, и дала Серно-Соловьевичу очную ставку еще съ бывшимъ его дворникомъ, Ефимомъ Тихоновымъ, но тотъ обманулъ ожиданія комиссіи, показавъ, что поступилъ на пятой недѣлѣ поста и объ остановкахъ Борщова, Черкесова и «Василія Ивановича» ровно ничего не помнитъ [1]).

Не больше дала и очная ставка Серно-Соловьевича съ Ничипоренкомъ, показавшимъ за нѣсколько дней до того, что онъ хорошо помнитъ, какъ въ день пріѣзда Кельсіева изъ Москвы, въ страстную субботу, къ нему, Ничипоренку, пришелъ Серно-Соловьевичъ, не раздѣваясь взялъ деньги Кельсіева и ушелъ, сказавъ, что Кельсіевъ сегодня же уѣзжаетъ изъ Россіи. Это было показано въ исправленіе ранѣе сдѣланной ошибки, будто бы Кельсіевъ зашелъ за деньгами самъ. Это совершенно справедливое показаніе Серно-Соловьевичъ, разумѣется, отрицалъ, и потому очная ставка ничего не дала.

Позже, уже въ январѣ 1863 г., надворный совѣтникъ Илья Григорьевичъ Борщовъ [2]) былъ отысканъ въ Петербургѣ и привлеченъ къ допросу. Онъ кончилъ лицей въ 1853 г., и тогда уже занимался естественными науками; въ 1857—1858 гг. былъ командированъ академіей наукъ въ ученую экспедицію, а по возвращеніи оттуда получилъ ученую командировку за-границу. Отношенія его съ Н. А. Серно-Соловьевичемъ были всегда хорошія. Жилъ онъ у него въ 1862 г. около четырехъ мѣсяцевъ, но кромѣ Черкесова не помнитъ, чтобы кто-нибудь у нихъ останавливался. На очной ставкѣ Борщова съ Ничипоренкомъ послѣдній заявилъ, что именно его-то онъ и видѣлъ у Серно-Соловьевича, когда пришелъ съ Кельсіевымъ. Борщовъ не отрицалъ, что видѣлъ Ничипоренко, но безъ кого бы то ни было. Привлеченные снова къ допросу Леонова и

---

[1]) На самомъ дѣлѣ Борщовъ жилъ у Серно-Соловьевича съ 22 января 1862 г. по 20 мая. Черкесовъ—съ 1 октября 1861 г. по 4 января слѣдующаго и еще нѣсколько дней въ посту, а студентъ Соколовскій—съ первыхъ чиселъ декабря 1861 г. до 11 января, когда уѣхалъ въ Нѣжинъ.

[2]) Потомъ профессоръ кіевскаго университета.

Игнатьевъ, кухарка и лакей Н. А., показали, что не знаютъ, видѣлся ли Борщовъ съ «Василіемъ Ивановичемъ», потому что онъ почти не бывалъ дома [1]).

ДОПРОСЫ ГАЕВСКАГО, КОЖАНЧИКОВА, ЩАПОВА И ТРАВЕРСЕ.

11 декабря князь Голицынъ сообщилъ Потапову о желаніи комиссіи, чтобы въ Москву, въ помощь полковнику Дурново, былъ командированъ надзиратель петербургской полиціи штабсъ-капитанъ Мироновичъ, уже отличившійся энергичною дѣятельностью въ прошлую командировку.

Въ ожиданіи дѣйствій этихъ двухъ молодцовъ комиссія продолжала разслѣдованіе.

13 декабря снова былъ вызванъ для допроса Гаевскій, къ которому приступили, по совѣту Ничипоренка, относительно векселя съ бланкомъ Тиблена. Гаевскій продолжалъ тактику отрицанія и на этотъ разъ заявилъ, что ровно никакихъ дѣлъ съ Тибленомъ не имѣлъ и ни о какомъ векселѣ не знаетъ. На вопросъ комиссіи, что значитъ фраза въ письмѣ Касаткина: «О Вадимѣ ни слуху, ни духу», Гаевскій сказалъ, что вскользь упомянулъ Касаткину о слухѣ, будто Кельсіевъ пріѣзжалъ въ Россію, и на это Касаткинъ отвѣтилъ фразой, называя Кельсіева его заграничнымъ литературнымъ псевдонимомъ. Снова ему была дана очная ставка съ Ничипоренкомъ, но Гаевскій ничего не прибавилъ. Тогда призвали Николая Тиблена, котораго Гаевскій, разумѣется, обо всемъ предупредилъ [2]). Онъ сказалъ, что, можетъ быть, и бралъ въ банкирскомъ домѣ Винекена въ мартѣ 1862 г. переводное письмо на Лондонъ въ 41 фунтъ, но не помнитъ; Гаевскому же никакихъ векселей не передавалъ.

Потерпѣвъ неудачу съ Гаевскимъ и Серно-Соловьевичемъ, обратились къ безпокоившему комиссію Кожанчикову. Но тотъ былъ очень кратокъ: съ Траверсе познакомился еще въ Москвѣ въ 1856 г. и не подозрѣвалъ о его знакомствѣ съ лондонскими пропагандистами; Ничипоренку денегъ никакихъ не давалъ, Касаткина въ

---

[1]) Тучкова-Огарева говоритъ, будто Борщовъ такъ понравился Герцену, что тотъ не переставалъ твердить, что онъ былъ бы счастливъ, если бы судьба послала его дочери такого мужа (стр. 200 «Воспоминаній»).

[2]) Въ дѣлѣ есть нѣкоторыя указанія на біографію Тиблена, игравшаго скромную роль въ движеніи того времени. Сынъ артиллериста, онъ не кончилъ гимназіи и перешелъ въ Михайловское артиллерійское училище, откуда вышелъ офицеромъ. въ севастопольскую кампанію раненъ и перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность секретаря директора департамента общихъ дѣлъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, открылъ на Васильевскомъ островѣ типографію, проданную въ 1862 г. Женатъ на дочери доктора Задлера, сыну котораго и продалъ свою типографію. Тогда занимался книгоиздательствомъ. Въ началѣ 1862 г. до III Отдѣленія дошли слухи, что Тибленъ въ сношеніяхъ съ Герценомъ и его товарищами, а, по словамъ покойнаго теперь уже литератора Пятковскаго, сказаннымъ имъ неосторожно въ интимномъ обществѣ, наборщики типографіи Тиблена разносили по городу воззванія. Всѣ эти обвиненія не подтвердились.

Москвѣ не видѣлъ. Очная ставка съ Ничипоренкомъ ничего не прибавила...

Комиссія видѣла, что періодъ разслѣдованія самъ собой приходитъ къ концу, и обремененная массою другихъ дѣлъ, обусловленныхъ срочностью производства, рѣшила закончить его возможно быстрѣе и нашла нужнымъ 24 декабря испросить высочайшее повелѣніе на отдѣленіе этого дѣла отъ другихъ и на передачу его въ сенатъ.

Въ эти послѣдніе дни своего владычества она допросила, наконецъ, и Щапова. Въ виду историко-біографическаго интереса, привожу его показаніе полностью:

«Аѳанасій Прокопьевъ Щаповъ, сынъ пономаря, отъ роду мнѣ 31 годъ, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно, не женатъ, имѣю брата, сестеръ и родственниковъ, находятся они въ Иркутской губерніи. Недвижимой собственности не имѣю. Курсъ кончилъ въ казанской духовной академіи; послѣ того проживалъ въ Казани, 4 года баккалавромъ казанской духовной академіи, потомъ полгода въ казанскомъ университетѣ. Въ настоящее время на службѣ не состою. Потомъ былъ подъ судомъ или подъ арестомъ по поводу панихиды въ Казани на куртинѣ 10 апрѣля 1861 года. Высочайше помилованъ. Дѣло о панихидѣ производилось, какъ мнѣ кажется, въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ свят. синодѣ. Содержался я подъ арестомъ сначала въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, а потомъ въ 1-й адмиралтейской части.

«Никакого письма я не передавалъ коллежскому регистратору Андрею Ничипоренко для отправленія въ Лондонъ къ Кельсіеву. Не было рѣшительно никакого повода и предмета для письма къ Кельсіеву. Никогда съ Кельсіевымъ я не знакомился и не имѣлъ рѣшительно никакихъ надобностей знакомиться: едва знаю о существованіи его.

«Съ Ничипоренкомъ только случайно видѣлся гдѣ-то разъ, кажется, въ Шахматномъ литературномъ клубѣ, не имѣлъ съ нимъ никакихъ отношеній и не отправлялъ никакого письма къ Кельсіеву, переписки съ Кельсіевымъ вовсе не было никакой и отъ Кельсіева не получалъ никакого письма. О Кельсіевѣ только по наслышкѣ слыхалъ».

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Щаповъ отрицалъ его показаніе о передачѣ ему статьи, написанной имъ по поводу стихотворенія кн. Вяземскаго.

На этомъ для Щапова все и кончилось.

Жена маркиза Траверсе просила князя Голицына ускорить выясненіе степени участія въ дѣлѣ ея больного мужа, и потому комиссія запросила главнаго госпитальнаго врача, можно ли призвать маркиза на дополнительный допросъ. Тотъ отвѣтилъ, что, въ виду все еще неопредѣленности истиннаго состоянія здоровья Траверсе, полагалъ бы невозможнымъ привозъ его въ крѣпость, а желательнымъ допросъ въ стѣнахъ госпиталя. 5 января два члена комиссіи

поѣхали туда и узнали кое-что новое. А именно: бывъ у Герцена вмѣстѣ съ Каншинымъ, маркизъ передалъ ему письмо мирового посредника къ дворянамъ, списанное имъ въ Псковѣ съ копіи, бывшей у Болычева, и просилъ напечатать его въ «Колоколѣ». Зачѣмъ найденныя у него уже послѣ письма Бакунина были въ его столѣ— не знаетъ, но помнитъ, что доставилъ ихъ ему докторъ Бушъ. Хотѣлъ передать ихъ Н. С. Бакуниной, но за отъѣздомъ ея въ деревню не успѣлъ. Письмо Альбертини къ Громекѣ получилъ отъ Налбандяна, а жены Бакунина—по почтѣ; о другихъ письмахъ ничего не помнитъ.

Въ тотъ же день Траверсе были даны очныя ставки съ Гаевскимъ и Кожанчиковымъ, но, какъ и многія другія, онѣ ничего новаго не выяснили.

Разумѣется, комиссія просила Потапова разыскать Буша и представить ей для допроса [1]). Тогда же Гаевскому была возвращена его обширная библіотека, отданная на просмотръ члену комиссіи Каменскому; удержаны были только три какія-то сочиненія Герцена.

ДѢЛО ВЪ СЕНАТѢ. ПИСЬМО КАСАТКИНА.

31 декабря 1862 г. государь согласился на передачу всего этого дѣла въ сенатъ. 18 января 1863 г. министръ юстиціи Замятнинъ увѣдомилъ объ этомъ общее собраніе сената.

А пока министръ собирался писать сенату, комиссія получила въ свое распоряженіе очень интересный документъ, попавшій ей въ руки, повидимому, благодаря щедрости русскаго правительства, никогда не жалѣвшаго денегъ на подкупъ заграничныхъ чиновниковъ всякаго ранга. Это было письмо Касаткина къ Огареву отъ 7 января н. с. 1863 г. Вотъ оно:

«Поздравляю васъ и А. И. [2]) съ новымъ годомъ, потому что не жду отъ него гадостей прошлаго и вѣрю въ лучшее будущее.

«Черезъ десять дней ѣдетъ отсюда одинъ русскій съ женой въ Питеръ и потомъ въ Москву. Онъ берется кое-что захватить съ собой и передать кому нужно *словесно* все, что ему будетъ поручено. Не найдется ли у васъ какихъ-нибудь порученій и слѣдуетъ ли отдать ему вашъ адресъ, который переписанъ въ двухъ экземплярахъ, для Петербурга и Москвы.

«Послѣднее время у меня была только дѣловая переписка и потому пока ничего не могу сообщить вамъ особенно важнаго. Серно-Соловьевичу пишутъ, что дѣло Николая Александровича и Николая Гавриловича [3]) вовсе не подвигается впередъ; вѣрно, ихъ еще долго протомятъ.

---

[1]) Докторъ Богданъ Ивановичъ Бушъ былъ старшимъ врачомъ 16 флотскаго экипажа и вернулся изъ-за границы въ началѣ августа 1862 г. По сообщенію оберъ-полицеймейстера—«либеральныхъ идей въ немъ не замѣчается».

[2]) Герцена.

[3]) Чернышевскаго.

«Сообщу вамъ разсказъ здѣшняго попа, который съ недѣлю вернулся изъ Россіи.

«Къ сожалѣнію, его *нельзя* напечатать, потому что схватятъ и попа, и достанется тѣмъ двумъ русскимъ, которымъ онъ сообщалъ его. Попъ ѣздилъ въ Россію собирать на построеніе церкви въ Женевѣ. Время для этого было выбрано неудачно—и онъ обратился къ разнымъ властямъ помочь ему. Между прочимъ, Филаретъ взялся сказать объ этомъ государынѣ (въ бытность ея въ Москвѣ). М. Александровна дала слѣдующій отвѣтъ: церкви въ Женевѣ незачѣмъ строить, потому что, заведи въ Женевѣ церковь, такъ русскіе будутъ больше останавливаться въ этомъ *вольномъ* городѣ, а въ республикѣ имъ не житье и хорошему они не научатся, а привезутъ съ собой опасныя мысли. Передавая этотъ отвѣтъ попу, самъ Филаретъ пожималъ плечами. Петербургскій Суворовъ думаетъ объ этомъ не такъ, потому что помогъ попу въ дѣлѣ сбора.

«Изъ Москвы, между прочимъ, плачевная новость. Н. М. Щ. [1]) закрываетъ свой магазинъ къ новому году. Разладица дошла между «отцами» и «дѣтьми» до nec plus ultra. «Отцы» не посовѣстились все взвалить на шею одного Щ., который и долженъ за это порядочно поплатиться; это главнѣе всего разрушаетъ всѣ планы добраго дѣла. Щ. думаетъ сдѣлаться мировымъ судьей.

«Книга чичеринской наглости выше [2]). Первой статьей въ ней письмо его къ А. И. Хороши родители, нечего сказать. Теперь уже ни ихъ, ни ихъ адъютантовъ, чай, не своротишь съ колеи, въ которой они увязли. Остается желать, чтобы они завязли въ ней съ головой.

«А каковъ московскій лордъ-мэръ!? На колѣняхъ встрѣтилъ е. в. [3]). Онъ, вѣрно, подумалъ, что если ужъ становился (будучи головой же) на колѣни передъ Сѣчинскимъ въ номерахъ «Крыма», то встать передъ А. Н. и подавно слѣдуетъ.

«А, впрочемъ, вѣдь и одинъ изъ «отцовъ» становился на колѣни да еще передъ портретомъ А. Н.

«Будьте здоровы,

душевно преданный».

Письмо это съ несомнѣнностью устанавливало виновность Касаткина, имя котораго, хотя и не подписанное, комиссіи было почему-то извѣстно.

---

1) Николай Михайловичъ Щепкинъ, державшій въ Москвѣ свой книжный магазинъ.

2) Рѣчь идетъ о книгѣ Б. Н. Чичерина — «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», вышедшей въ свѣтъ въ концѣ 1862 года. Въ ней на первомъ мѣстѣ стояло письмо Чичерина къ Герцену, предварительно напечатанное въ «Колоколѣ».

3) Его Величество.

ОБЫСКЪ И АРЕСТЪ ЛЮБЕНКОВА И НАЧАЛО ДѢЛА ВЪ СЕНАТѢ.

Первымъ распоряженіемъ сената [1]) было освобожденіе на поруки изъ крѣпости Бѣлозерскаго по ходатайству его брата, Василія Михайловича.

Черезъ недѣлю министръ юстиціи прислалъ въ сенатъ акты допросовъ отставного гвардіи штабсъ-капитана Николая Владиміровича Любенкова, произведенныхъ въ Москвѣ жандармскимъ полковникомъ Воейковымъ 3-мъ, и сообщилъ, что сдѣлано распоряженіе о заключеніи Любенкова въ Петропавловскую крѣпость и объ обыскѣ въ имѣніи его отца, отставного генерала.

Воейковъ доносилъ Потапову, что 13-го января онъ исполнилъ данное ему предписаніе «со всей возможною осторожностью и деликатностью». Это значило, что знакомый съ Любенковымъ квартальный надзиратель, прапорщикъ Крушинскій, подъ предлогомъ «гостей» пригласилъ его къ себѣ. Тамъ же былъ и Воейковъ, сообщившій Любенкову о порученіи своего начальства и сказавшій, что не является прямо къ нему на домъ, чтобы не испугать старика-отца и семейство. Затѣмъ они тихонько отправились на квартиру Любенкова, сдѣлали тамъ обыскъ въ присутствіи брата его Льва, взяли съ Николая подписку о невыѣздѣ изъ Москвы и пригласили его для допроса въ канцелярію оберъ-полицеймейстера. Самъ Любенковъ очень тревожился, что дѣлалъ непріятность маркизу Траверсе, которому привезъ одно письмо для Бакунина.

На допросѣ онъ показалъ, что родился въ 1834 г., въ 1851 г. произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, въ сентябрѣ 1861 г. поѣхалъ прокатиться въ Германію, Италію, Францію и Англію и недѣлю пробылъ на лондонской выставкѣ. Въ это время дважды былъ у Герцена и видѣлъ много народу. Бакунинъ очень просилъ передать письмо Траверсе. Потомъ, уже изъ Россіи, онъ самъ писалъ Бакунину, на имя Громилова, о правительственныхъ слухахъ и о назначеніи Константина Николаевича въ Царство Польское.

Обыскъ въ имѣніи отца Любенкова не далъ никакихъ результатовъ.

2 февраля петербургскій военный генералъ-губернаторъ кн. А. А. Суворовъ сообщилъ сенату о томъ, что врачъ госпиталя, психіатръ Балинскій, находитъ необходимымъ, чтобы маркизъ Траверсе имѣлъ ежедневныя прогулки. Сенатъ разрѣшилъ ихъ, но подъ извѣстнымъ надзоромъ.

Въ тотъ же день кн. Суворовъ доводилъ до свѣдѣнія сената о просьбѣ Кожанчикова съѣздить на десять дней въ Москву. Надѣясь изъ этой поѣздки извлечь что-нибудь и для себя въ смыслѣ выясненія личныхъ сношеній Кожанчикова, сенатъ разрѣшилъ и эту

[1]) Составъ I-го отдѣленія 5 департамента былъ въ то время слѣдующій: первоприсутствовавшій Карніолинъ-Пинскій, сенаторы: Карнѣевъ, Веневитиновъ, Беръ, Лукашъ и Донауровъ.

просьбу, взявъ только съ А. А. Краевскаго, на котораго выборъ палъ по соглашенію съ Кожанчиковымъ, ручательство, что Кожанчиковъ вернется по первому требованію.

ДОПРОСЫ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Читатель помнитъ, какъ часто упоминалось имя Тургенева въ письмахъ Бакунина, не забылъ также и двухъ записокъ его къ Налбандяну.

Прежде чѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ успѣло довести до свѣдѣнія писателя о привлеченіи его къ дѣлу, онъ былъ увѣдомленъ объ этомъ своимъ пріятелемъ П. В. Анненковымъ, всегда поддерживавшимъ хорошія связи. Въ январѣ 1863 г. Анненковъ извѣстилъ Тургенева, что ему предстоитъ непріятность вызова въ Петербургъ для допроса по дѣлу, въ которое замѣшаны Серно-Соловьевичи, Кельсіевъ и другіе. Тургеневъ спѣшилъ отвѣтомъ, датированнымъ 19 января:

«Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызывать меня теперь (въ сенатъ) послѣ «Отцовъ и дѣтей», послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно—чуть не публично — разошелся съ лондонскими изгнанниками, т. е. съ ихъ образомъ мыслей.—это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ, никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ на-дняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду — смѣшно даже прибавлять: съ спокойной совѣстью. Одно мнѣ будетъ непріятно—зимняя поѣздка, которая при моемъ нездоровьѣ не представляетъ ничего отраднаго, ну да и дочь мою оставить здѣсь не совсѣмъ весело. Но до сихъ поръ я ничего ни отъ кого не слышалъ и надѣюсь, что все это окажется пуфомъ. А, все-таки, имѣю самонадѣянность думать (экой галлицизмъ!), что мой образъ мыслей долженъ быть извѣстенъ и государю и правительственнымъ лицамъ у насъ»[1]).

На послѣднее надѣялся и Анненковъ, недаромъ называя Тургенева «тайнымъ приверженцемъ» русскаго правительства, что обозначало, конечно, что Павлу Васильевичу хорошо была понятна вся умѣренность тургеневскаго либерализма.

Тургеневъ, однако, отправился къ Будбергу и, дѣйствительно ровно ничего непріятнаго для себя не услышалъ: оффиціальная бумага путешествовала еще по Европѣ.

Наконецъ, черезъ три недѣли было получено предписаніе немедленно явиться въ Петербургъ. Тургеневъ не могъ этого сдѣлать

---

1) «Вѣстникъ Европы», 1887 г. I, 9—10.

по состоянію своего здоровья безъ крайней необходимости и потому рѣшилъ обратиться съ просьбой къ самому государю. Вотъ что онъ писалъ ему по его собственной передачѣ, которую мнѣ не удалось провѣрить по документу, отсутствующему въ сенатскомъ дѣлѣ.

«Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

«Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ Вашему Величеству, и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно [1]). Удостойте меня, Государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

«Сегодня я получилъ черезъ здѣшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь съ полной откровенностью, что не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ подобный знакъ недовѣрія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дѣятельность моя извѣстна всѣмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, Ваше Величество, и больше ничего: вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смѣю думать, что всякій, кто только захочетъ обратить на нихъ вниманіе, отдастъ справедливость умѣренности моихъ убѣжденій, вполнѣ независимыхъ, но добросовѣстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда Вы, Государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дѣла правосудія и человѣколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можетъ быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферѣ старался, по мѣрѣ силъ, способствовать тѣмъ высокимъ предначертаніямъ. Состояніе моего здоровья и дѣла, не терпящія отлагательства, не позволяютъ мнѣ вернуться теперь въ Россію, а потому соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, приказать выслать мнѣ запросные пункты. Обѣщаюсь честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полной откровенностью. Вѣрьте искренности моихъ словъ, Государь: къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляетъ меня питать къ особѣ Вашего Величества, присоединяется личная благодарность» [2]).

Черезъ день Тургеневъ сообщаетъ Анненкову, что по совѣту посланника написалъ письмо Государю и все еще продолжаетъ не понимать, въ чемъ его обвиняютъ. А черезъ шесть дней пишетъ Герцену: «Я отвѣчалъ письмомъ государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать допросные пункты; если они удовлетворятся моими отвѣтами — тѣмъ лучше, если нѣтъ — я не поѣду, и пусть они срамятся и лишаютъ меня чиновъ и т. д.»

Кромѣ этой похвальбы, Тургеневъ прибавилъ, между прочимъ, въ концѣ письма: «Твое посланіе къ русскимъ солдатамъ въ по-

---

[1]) Напоминаніе на два письма: одно, когда Тургеневъ былъ сосланъ въ Орловскую губернію за статью о Гоголѣ (1852 г.), другое по дѣлу Огрызко, редактора польскаго «Слова».

[2]) «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892 г., стр. 181—182.

слѣднемъ «Колоколѣ» меня прослезило». Между тѣмъ, за шесть дней до этого, въ письмѣ къ Анненкову Тургеневъ говоритъ: «Извѣстія изъ Польши горестно отразились и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы... Когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней. Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія этого безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши»... Черта очень любопытная для истинной характеристики до сихъ поръ излишне прославляемаго гражданина (разумѣется, не писателя) Тургенева..

Александръ II приказалъ удовлетворить просьбу о высылкѣ въ Парижъ допросныхъ пунктовъ. 26 февраля сенатъ сдѣлалъ соотвѣтствующее опредѣленіе, и 22 марта Тургеневъ вручилъ уже посланнику свой пространный отвѣтъ, который я и привожу полностью.

1. «Я, дворянинъ Тульской губерніи, отставной коллежскій секретарь, называюсь Иванъ Сергѣевъ Тургеневъ, имѣю отъ роду 44 года, живу теперь въ Парижѣ, rue de Rivoli, 210, исповѣдую православную вѣру, былъ у исповѣди и причастія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ деревнѣ, находился около двухъ лѣтъ на службѣ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, при графѣ Перовскомъ, не получилъ на службѣ ни знаковъ отличія, ни выговоровъ; за мною недвижимое имѣніе, населенное 1900-и крестьянами. Я женатъ не былъ, но имѣю дочь, которой теперь 21-й годъ».

2. «Отвѣчать съ должной подробностью на предлагаемый вопросъ — перечислить *всѣхъ* моихъ знакомыхъ, вспомнить время и образъ нашего сближенія, опредѣлить мои сношенія съ ними — рѣшительно превосходитъ силы моей памяти. А потому полагаю, что рѣчь идетъ преимущественно о поименованныхъ ниже лондонскихъ изгнанникахъ — ссылаюсь на мой отвѣтъ на слѣдующій пунктъ».

3. «Я знакомъ съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ; г. Кельсіева я вовсе не знаю и никогда не видалъ. Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Москвѣ около 1842 г.; съ Бакунинымъ я познакомился еще ранѣе, а именно въ 1840 г., въ Берлинѣ. Въ то время мы оба занимались изученіемъ философіи и, проживъ въ одномъ домѣ, почти въ одной комнатѣ, около года, не разсуждали о политическихъ вопросахъ, считая ихъ дѣломъ посторроннимъ и второстепеннымъ. Послѣ этого я потерялъ его изъ виду, встрѣчался съ нимъ изрѣдка за-границей, а въ 1848 г. въ Парижѣ, во время февральской революціи, въ которой онъ игралъ нѣкоторую роль, — не былъ у него ни разу и видѣлъ его только однажды на улицѣ. Дальнѣйшая участь его извѣстна; увидѣлся я съ нимъ снова въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго (1862) года въ Лондонѣ, куда ѣздилъ на три дня. Я никогда не раздѣлялъ его образа мыслей и не участвовалъ ни прямо, ни косвенно ни въ одномъ изъ его предпріятій».

«Съ Огаревымъ никогда не былъ близокъ и мало говорилъ съ нимъ. Герцена я зналъ хорошо и находился съ нимъ въ пріятель-

скихъ отношеніяхъ. Я долгое время не прерывалъ съ нимъ связи, хотя зналъ, что онъ дѣйствуетъ противъ правительства; нечего прибавлять, что я не принималъ никакого участія въ этихъ дѣйствіяхъ, будучи, по самому существу своему, врагомъ всего, что походитъ на заговоръ, и т. п. Но я сознаю необходимость объяснить мои сношенія съ нимъ, — начну съ начала».

«Я познакомился съ Герценомъ, какъ уже сказано, въ сороковыхъ годахъ. Разсказать подробно исторію послѣднихъ двадцати лѣтъ было бы неумѣстно и затруднительно; но всякому русскому извѣстно, какой громадный внутренній переворотъ совершился у насъ въ теченіе этого времени. Тогдашнее молодое поколѣніе, къ которому принадлежали Герценъ и я, и многіе другіе— живые и мертвые — имѣло общіе интересы, стремилось къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ, уже достигнуты и, спѣшу прибавить, достигнуты подъ руководствомъ и по указаніямъ самого правительства; но, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ совершавшихся событій, перемѣны царствованія, большей зрѣлости общественнаго мнѣнія и гражданскихъ убѣжденій, та сплошная масса молодого поколѣнія, о которомъ я говорилъ, стала понемногу разбиваться, раздѣляться на группы; одни, усталые, остались назади, — другіе, нетерпѣливые, ушли впередъ, и такъ далеко впередъ, что потеряли изъ виду самую Россію [1]); иные, наконецъ, сдѣлались добровольными изгнанниками. Въ числѣ ихъ, какъ извѣстно, находится Герценъ. Оставляя родину въ концѣ 1846 г., онъ уже находился въ разладѣ со всей умѣренной, династически-либеральной партіей, изъ которой я, напримѣръ, могу назвать покойнаго Грановскаго. Въ Россіи до 1846 г. я видѣлся съ Герценомъ весьма рѣдко: я только что начиналъ свое литературное поприще, и вопросы чисто политическіе занимали меня мало. Я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ 1848 г. Зрѣлище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тутъ я оставался только зрителемъ поднявшейся бури, да и самъ Герценъ находился тогда какъ бы въ бездѣйствіи: о пропагандѣ, о вліяніи на русскую публику не было и рѣчи; нужно было сперва понять, куда шла, чего хотѣла исторія. Насколько ему удалось, или, говоря правильнѣе, какъ мало это ему удалось, можно видѣть въ его сочиненіяхъ; но, возвращаясь въ Россію весной 1850 г., я оставлялъ его политическимъ писателемъ, чѣмъ-то среднимъ между теоретикомъ и скептикомъ, но уже никакъ не пропагандистомъ, не проповѣдникомъ соціализма и возстанія у насъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, окончательно рѣшили мою судьбу: я сдѣлался писателемъ, и больше ничѣмъ. Я понялъ, что я призванъ, по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствовать гласно, дѣйствовать словомъ и образами, и я постоянно трудился на этомъ поприщѣ, быть можетъ, не безъ пользы. Когда,

---

[1]) Очевидный намекъ на отколовшуюся отъ либераловъ радикальную группу «Современника», «Русскаго Слова», «Молодой Россіи» и пр.

въ 1856 г., я снова пріѣхалъ за-границу,—въ Лондонѣ уже второгодъ издавался «Колоколъ» [1]); но Герценъ все еще не вступалъ безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела его къ одиночеству, въ которомъ онъ теперь находится, къ полному разъединенію со всѣми его бывшими друзьями. Онъ тогда еще только отрицалъ и обличалъ: отрицаніе его было рѣзкое, часто необдуманное, обличеніе часто несправедливое; но онъ въ душѣ своей еще вѣрилъ въ возможность правильной и спокойной будущности для Россіи, скорбѣлъ о томъ, что онъ считалъ ошибками правительства, радовался его успѣхамъ. Я увидѣлъ его въ Лондонѣ, и хотя я уже тогда чувствовалъ, какая глубокая черта меня отъ него отдѣляла, однако я не признавалъ ни необходимымъ, ни даже полезнымъ прекратить съ нимъ сношенія, несмотря на то, что эти сношенія часто выражались въ однихъ спорахъ. Герценъ все-таки былъ представителемъ извѣстныхъ силъ и направленій русской жизни, русскаго ума. Но время шло, и все стало измѣняться. Теряя болѣе и болѣе пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей Россіи, которой онъ, впрочемъ, никогда хорошо не зналъ, увлекаясь болѣе и болѣе старыми предубѣжденіями и новыми страстями, враждуя съ правительствомъ даже въ такомъ святомъ дѣлѣ, каково было освобожденіе крестьянъ, подчинившись, наконецъ, тѣмъ самымъ ученіямъ, отъ которыхъ здравый смыслъ отводилъ его нѣкогда,—Герценъ пересталъ отрицать и началъ проповѣдывать преувеличенно, шумно, какъ обыкновенно проповѣдуютъ скептики, рѣшившіе сдѣлаться фанатиками [2]). Рѣже и рѣже видаясь съ нимъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ (съ осени 1860 г. до нынѣшняго времени я провелъ съ нимъ всего три дня, въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года), я съ каждой встрѣчей становился ему болѣе чуждымъ. И не я одинъ, всѣ прежніе его товарищи одинъ за однимъ отъ него отвернулись. Они не измѣняли своимъ стариннымъ, задушевнымъ убѣжденіямъ, но Герценъ, сдѣлавшійся республиканцемъ и соціалистомъ, Герценъ, подпавшій подъ вліяніе Огарева, не имѣлъ уже рѣшительно ничего общаго ни съ однимъ здравомыслящимъ русскимъ, не раздѣляющимъ народа отъ царя, честной любви къ разумной свободѣ отъ убѣжденія въ необходимости монархическаго начала [3]). Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я видѣлъ Герцена въ послѣдній разъ (онъ тогда уже прочелъ «Отцы и дѣти»), и наши личныя сношенія прекратились. Глубоко раздражаемый чувствомъ своего одиночества, ослабленіемъ своего значенія, всеобщимъ осужденіемъ бывшихъ друзей, которое онъ называлъ измѣной, Герценъ утратилъ почти всю свою силу, самый блескъ своего безспорно-замѣчательнаго таланта. Мнѣніе его обо мнѣ, какъ объ охладѣвшемъ

---

[1]) Здѣсь въ чемъ-нибудь да описка: если рѣчь идетъ о 1856 годѣ, то тогда надо было поставить «Полярную Звѣзду» вмѣсто «Колокола»; если о «Колоколѣ», то—1858 г.

[2]) Указаніе очень характерное для Тургенева...

[3]) Это мѣсто еще характернѣе. При всемъ своемъ умѣ Тургеневъ не понялъ, что Герценъ былъ такимъ же революціонеромъ, какимъ онъ самъ былъ, ну. хоть анархистомъ.

эпикурейцѣ и человѣкѣ отсталомъ и отжившемъ, выразилось въ письмахъ, озаглавленныхъ: «Концы и начала». Я ему отвѣчалъ съ безпощадною искренностью... Теперь все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ».

«Я объяснился съ полной откровенностью,—что же мнѣ еще остается отвѣтить? Если одни сношенія, какого бы рода они ни были, съ политическимъ преступникомъ, съ изгнанникомъ считаются преступленіемъ въ глазахъ правительства, то я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать. Но я надѣюсь, что судьи мои до произнесенія приговора примутъ въ соображеніе то обстоятельство, что я былъ представителемъ событія, совершившагося надъ цѣлымъ поколѣніемъ,—событія, которому само правительство не можетъ не сочувствовать, а именно: отрезвленія и успокоенія умовъ, происходящаго отъ удовлетворенія законныхъ требованій [1]); я надѣюсь, что мои судьи вспомнятъ, что сношенія, въ которыхъ меня обвиняютъ, носили въ послѣдніе годы характеръ полемики, борьбы, и что заслуга борьбы съ направленіемъ, вреднымъ для государства, не уменьшается отъ того, что эта борьба и независима, и безкорыстна» [2]).

4. «Всѣ показанія г. Налбандова совершенно справедливы, и я могу прибавить къ нимъ нѣкоторыя подробности и объясненія. Бакунинъ во время своей бытности въ Сибири женился на дочери чиновника въ Иркутскѣ, польской уроженкѣ. При своемъ бѣгствѣ изъ Сибири, лѣтомъ 1861 г., онъ принужденъ былъ оставить ее въ Иркутскѣ, и, прибывши въ Лондонъ, началъ хлопотать о томъ, какъ бы ее выписать, если не за-границу, то, по крайней мѣрѣ, въ Тверскую губернію, въ деревню Прямухино Торжковскаго уѣзда, гдѣ живетъ его семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Но къ исполненію этого намѣренія представлялись важныя затрудненія. Не говоря уже объ отдаленіи Лондона отъ Иркутска и невозможности прямыхъ сообщеній, жена Бакунина не имѣла денегъ для совершенія столь продолжительнаго путешествія и имѣла долги; притомъ же самъ Бакунинъ не былъ увѣренъ въ томъ, захотятъ ли его братья и сестры принять ее къ себѣ въ домъ, такъ какъ свадьба его была имъ, какъ онъ полагалъ, непріятна. Къ довершенію всего, двое изъ братьевъ Бакунина—Николай и Алексѣй—содержались въ Петропавловской крѣпости по дѣлу адреса тверскихъ дворянъ. Увидавшись со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ, Бакунинъ обратился ко мнѣ съ самой настоятельной просьбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и я не отказалъ ему. Я не отказалъ ему, между прочимъ, и потому, что окончательно разошелся съ нимъ во всѣхъ моихъ убѣжденіяхъ. Я видѣлъ передъ собою не политическаго изгнанника, съ которымъ уже давно не имѣлъ ничего общаго, а человѣка въ горѣ, стараго товарища молодости, помочь которому предписывало состраданіе и не запрещала совѣсть. Въ томъ же самомъ маѣ мѣсяцѣ и по тому же поводу я позна-

---

[1]) Это полезно помнить всѣмъ апологетамъ Тургенева.
[2]) Sic!!

комился въ Парижѣ съ г. Налбандовымъ, видѣлся съ нимъ раза три или четыре, а разговаривалъ съ нимъ исключительно о средствахъ переселенія жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прежде всего желалъ удостовѣриться, точно ли семейство Бакунина не хочетъ принять его жены къ себѣ въ домъ. Для этого мнѣ нужно было видѣться съ братьями Бакунина, заключенными въ крѣпости. Безъ разрѣшенія с-петербургскаго генералъ-губернатора, князя Суворова, это было невозможно. Я прямо обратился къ князю, откровенно объяснился съ нимъ, и князь, взявши съ меня слово, что разговоръ мой съ братьями Бакунина будетъ касаться однихъ частныхъ дѣлъ, далъ мнѣ возможность видѣться съ ними въ крѣпости. Они немедленно объявили мнѣ свою готовность принять къ себѣ жену брата; оставалось доставить ей денежныя средства перебраться изъ Иркутска въ Тверскую губернію. Средствъ этихъ въ то время у Бакунина не оказалось, я предложилъ свои, и вмѣстѣ съ полученными отъ г. Налбандова 300 руб. сер. доставилъ своихъ 200 рублей женѣ третьяго брата Бакунина, Павла, находившейся тогда въ С.-Петербургѣ. Деньги эти, сколько мнѣ извѣстно, были доставлены женѣ Бакунина въ Иркутскъ, и сама она, кажется, недавно переѣхала въ Тверскую губернію. Я тогда же отправилъ Бакунину письмо, въ которомъ увѣдомилъ его обо всемъ, что было сдѣлано для его жены. На этомъ дѣло для меня остановилось. Самой жены Бакунина я никогда не видалъ и не имѣлъ съ нею никакихъ сношеній. Впрочемъ, приложенное мною письмо Бакунина ко мнѣ подтверждаетъ все вышесказанное».

5. «Г. Ничипоренко былъ у меня въ Парижѣ прошлой весной разъ или два, никакъ не болѣе, и могъ встрѣтиться у меня съ г. Налбандовымъ, который около того времени заходилъ ко мнѣ. О передачѣ карточки (Бакунина—*М. Л.*) я ничего не зналъ, но невѣроятности въ этомъ нѣтъ. Г. Налбандовъ былъ мнѣ извѣстенъ, какъ знакомый Бакунина, взявшій къ сердцу дѣло его жены. Могу увѣрить (и г. Налбандовъ подтвердитъ мои слова), что въ наши весьма немногочисленныя свиданія рѣчь исключительно шла о семейныхъ дѣлахъ Бакунина и не касалась политики. Г. Ничипоренка я знаю еще менѣе. Я его встрѣтилъ мелькомъ въ Россіи года три тому назадъ. Прошлой осенью я, къ удивленію своему, прочелъ въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ, что г. Ничипоренко былъ арестованъ въ Италіи, какъ агентъ Бакунина. Не могу судить, насколько это справедливо, но могу утвердительно сказать, что я только тогда узналъ, что г. Ничипоренко занимается пропагандой. Вообще же я долженъ замѣтить, что лондонскимъ изгнанникамъ, не прекратившимъ со мною частныхъ связей, мой образъ мыслей былъ хорошо извѣстенъ; а потому, когда имъ случалось адресовать соотечественниковъ ко мнѣ, преимущественно какъ къ литератору, они оставляли въ сторонѣ политическіе вопросы».

6. «Въ дополненіе къ моему отвѣту на 4 вопроса присовокупляется, что я дѣйствительно обѣщалъ Бакунину сумму денегъ,

частью на переѣздъ его жены изъ Сибири въ Тверскую губернію, частью на собственные его расходы. Впрочемъ, эта сумма не такъ значительна, какъ онъ ее показывалъ. Я ему обѣщалъ 3.500 франковъ, а выдалъ въ дѣйствительности около 1.000 франковъ, да 500 рублей сер., т. е. около 1.800 франковъ, послалъ изъ деревни женѣ Павла Бакунина. Не могу не прибавить, что, по-моему, бо̀льшая или меньшая значительность суммы въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой важности, такъ какъ вся эта сумма назначалась для цѣли домашней, частной, и выдавалась единственно изъ чувства сострадания, воспоминаній молодости и т. п. Я уже объяснилъ выше, что и 500 рублей, пересланныхъ мною Натальѣ Семеновнѣ Бакуниной, назначались на тотъ же предметъ».

7. «Изъ моихъ отвѣтовъ на предыдущіе пункты и изъ копій съ собственноручныхъ писемъ Бакунина видно, я надѣюсь, съ достаточной ясностью, что единственныя отношенія между нами состояли въ моемъ обѣщаніи доставить его женѣ возможность вернуться изъ Сибири въ Тверскую губернію да въ личномъ вспомоществованіи ему. Легко можетъ статься, что Бакунинъ, чрезвычайно озабоченный участью своей жены и огорченный молчаніемъ своихъ родственниковъ, имѣлъ въ мысляхъ дать мнѣ нѣчто въ родѣ словаря, или условнаго ключа, для облегченія мнѣ возможности писать на его имя письма; я даже припоминаю, что во время свиданія со мною въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Лондонѣ онъ говорилъ мнѣ, что въ случаѣ надобности можно назвать жену его однимъ мужскимъ именемъ, а городъ Иркутскъ, гдѣ она тогда находилась, другимъ мужскимъ именемъ; я соглашался съ нимъ, хотя и не видѣлъ въ этомъ особенной необходимости; но, во всякомъ случаѣ, Бакунинъ не исполнилъ своего намѣренья и не далъ мнѣ никакого пространнаго словаря, хотя, повидимому, писалъ объ этомъ г. Налбандову. Да и на что было ему давать такой словарь человѣку, про котораго онъ самъ писалъ, что онъ принадлежитъ къ «противному лагерю», съ которымъ онъ рѣшился прекращать всякіе политическіе споры, какъ ни къ чему не ведущіе, и т. п.? Повторяю, онъ могъ имѣть намѣреніе сообщить мнѣ ключъ, или словарь, для облегченія переписки объ его женѣ, но этого намѣренія онъ не исполнилъ; а я, какъ выше сказано, обошелся безъ всякаго ключа и написалъ ему письмо, въ которомъ прямо разсказалъ все, что было сдѣлано для его жены».

8. «Съ г. Серно-Соловьевичемъ я видѣлся всего два раза, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ его магазинѣ, въ С.-Петербургѣ. Я съ нимъ не былъ знакомъ лично и обратился къ нему, какъ къ книгопродавцу и издателю. Одна знакомая мнѣ дама поручила мнѣ продать рукопись сочиненной ею дѣтской книжки, подъ заглавіемъ: «Дневникъ дѣвочки». Г. Серно-Соловьевичъ, къ которому я пришелъ послѣ отказа двухъ или трехъ другихъ книгопродавцевъ, купилъ у меня эту рукопись и напечаталъ ее впослѣдствіи вмѣстѣ съ моимъ предисловіемъ. Помнится мнѣ, что кто-то поручилъ мнѣ—въ 1861 или 1862 г.—передать г. Серно-Соловьевичу

небольшой пакетъ, содержаніе котораго мнѣ было неизвѣстно; весьма можетъ быть, что этотъ пакетъ былъ мнѣ переданъ г. Ничипоренкомъ, котораго я видѣлъ въ числѣ многихъ другихъ русскихъ у себя на квартирѣ, въ Парижѣ. Такого рода порученія (доставленіе пакетовъ, писемъ и т. п.) даются почти каждому русскому, возвращающемуся изъ-за-границы на родину. Мнѣ совершенно неизвѣстно, о какой денежной части говорилъ Герценъ г. Ничипоренку; что же касается до фонда для русскихъ политическихъ изгнанниковъ, или на такъ называемое «общее дѣло», то о немъ часто упоминается въ «Колоколѣ»; въ одномъ изъ номеровъ издатели, между прочимъ, жалуются на незначительность собираемыхъ суммъ. Собственно я въ этотъ фондъ денегъ не вносилъ—ни своихъ, ни черезъ мои руки присланныхъ—и вообще я объ этомъ фондѣ имѣю только тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ «Колокола». Повторяю, что съ г. Серно-Соловьевичемъ я разговаривалъ только о «Дневникѣ дѣвочки», да и самый пакетъ, сколько мнѣ помнится, вручилъ не ему, а одному изъ его приказчиковъ въ магазинѣ».

9. «Изъ отвѣтовъ моихъ всякій можетъ заключить, что я, по глубокому чувству убѣжденія, всегда чуждался и чуждаюсь всякаго рода пропаганды, особенно тайной; вижу въ ней положительный вредъ и важное препятствіе къ успѣшному ходу народнаго развитія и самой свободы. Всякій мракъ мнѣ ненавистенъ: мракъ заговоровъ не менѣе другихъ. Все, что я дѣлалъ до сихъ поръ, совершалось завѣдомо для каждаго, открыто и ясно, при солнечномъ свѣтѣ: ни одинъ добросовѣстный писатель не можетъ дѣйствовать иначе [1]). Смѣю прибавить, что мнѣ нѣтъ никакой причины, ни даже выгоды, сойти съ дороги, по которой я шелъ до сихъ поръ. Вслѣдствіе этого мнѣ остались совершенно чужды всѣ сношенія, которыя могутъ существовать между русскими пропагандистами и ихъ единомышленниками въ Россіи и за-границей, и я съ совершенно спокойной совѣстью объявляю заранѣе, что никогда и нигдѣ не откажусь отъ моего имени, потому что мое имя не встрѣтится тамъ, гдѣ бы мнѣ слѣдовало отъ него отказаться».

Кромѣ этого отвѣта, весьма любопытнаго для изученія личности Тургенева, послѣдній представилъ въ посольство еще четыре письма: два отъ Бакунина и два отъ Герцена съ просьбой, въ случаѣ ихъ надобности для правительства, скопировать тамъ же, въ Парижѣ, а подлинникъ возвратить ему.

Будбергъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ присланныя въ сенатъ копіи съ неизвѣстно для чего сдѣланными пропусками:

1. Письмо Бакунина.

5 октября 1862 г., London.
10. Paddington Green. W.

«Добрый другъ. Спасибо тебѣ за письмо и за все, что ты для меня сдѣлалъ. Я радъ, что братья не совсѣмъ забыли меня. Еще

[1]) Sic!!

болѣе былъ бы радъ, если бы они вспомнили, что на свѣтѣ есть чернила, перья, бумага, и что, написавъ мнѣ невинное письмо о моей женѣ и моихъ дѣлахъ, они даже со стороны нашего правительства не могли бы подвергнуться ни малѣйшей опасности. Прошу тебя, Тургеневъ, докончи сдѣланное, постарайся узнать что-нибудь положительное и опредѣленное о женѣ, и лишь только узнаешь, увѣдомь меня. Ты, безъ сомнѣнія, читалъ «Концы и начала» Герцена, собственно написанные для тебя. Не сомнѣваюсь въ томъ, что они понравились тебѣ въ отношеніи литературномъ. Но что думаешь ты о ихъ содержаніи и цѣли? Ты одинъ изъ противнаго лагеря остаешься намъ другомъ, и съ тобою однимъ мы можемъ говорить, выворачивая все сердце наружу. А хорошо, что у тебя есть на Западѣ свои люди, друзья, и что въ западномъ мірѣ ты создалъ для своего обихода свой собственный міръ. Въ Россіи, между твоими теперешними единомышленниками, людьми «средними», тебѣ, я думаю, приходилось жутко. Вѣдь для такого порядочнаго человѣка, какъ ты, не можетъ быть возможности жить съ такими дрянными людьми, какъ всѣ, которымъ позволено нынѣ открыто говорить и печатать въ Россіи. Посылаю тебѣ мою брошюру, не для того, чтобы убѣдить тебя, а просто потому, что мнѣ хочется, чтобъ все написанное мною было тобою прочтено. Трудъ небольшой: я пишу немного. Я думаю, ты ошибся, назвавъ русскій народъ «второстепеннымъ по природѣ» народомъ. Дѣло въ томъ, что онъ народъ не городовой, а земледѣльческій,—земледѣльческіе же народы не легко подаются на движеніе, зато, когда приходятъ въ движеніе, ихъ не успокоишь такъ скоро. Доказательствомъ можетъ служить движеніе гусситовъ въ Богеміи. Да, роды русскіе трудны, имъ нужно помочь военною операціею. Мы къ этому и стремимся. Ты, безъ сомнѣнія, прочелъ въ «Колоколѣ» письмо Варшавскаго комитета. Это—не статья, а документъ, первый дѣйствительный шагъ, сдѣланный Польшею для сближенія съ Россіею. А я ожидаю отъ этого сближенія благодѣтельнѣйшихъ результатовъ. Въ будущемъ № «Колокола», № 147, 15-го октября, ты прочтешь великолѣпный отвѣтъ Герцена и письмо его къ русскимъ офицерамъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ № 148, 23-го октября, адресъ тѣхъ же офицеровъ къ великому князю Константину Николаевичу, въ которомъ высказана вся постыдная нестерпимость положенія русскихъ войскъ въ Польшѣ. Посмотримъ, что выйдетъ изъ всего этого . . . . Мы дѣлаемъ и будемъ дѣлать по совѣсти,—es geschehe, was geschehen soll . . . . . .

«А что Налбандовъ,—ради Бога постарайся узнать о его участи. Слышно также, что и маркиза посадили за одинъ мой поклонъ ему въ письмѣ къ Natalie Bakounine. Тамъ сказано было: «поклонись маркизу, и если онъ захочетъ писать мнѣ, возьми его письмо и перешли мнѣ черезъ Ветошникова». Все это было взято на этомъ несчастномъ Ветошниковѣ. Впрочемъ, за маркиза я не боюсь,—онъ невиненъ, какъ дитя. Да и Налбандовъ невиненъ, да у

него нѣтъ связей, и онъ слабъ грудью, а крѣпость для грудныхъ болѣзней нехороша. Узнай, что только возможно узнать, и увѣдомь меня . . . .

«Ну, а когда увидимся? Вѣдь ты, вѣрно, не побоишься къ намъ пріѣхать. А мы тебя, несмотря на всѣ различія въ мысляхъ и въ направленіяхъ, примемъ съ старою дружбою и съ старою радостью.

Твой *М. Б.*».

2. Его же.

23 октября 1862 г. London.
10. Paddington Green. W.

«Ты правъ, Тургеневъ, прекратимъ безполезныя разсужденія о вопросахъ политическихъ, которые насъ только раздразниваютъ, ссорятъ и ни на шагъ не подвигаютъ. Мы оба слишкомъ стары, чтобы мѣнять шкуру, останемся каждый при своей старой, но также останемся и друзьями. Правда, что въ этой дружбѣ весь выигрышъ мой: ты для меня много дѣлаешь, я же для тебя сдѣлать ничего не могу. Но пусть будетъ это неравенство, лишь бы оно не надоѣло тебѣ, я съ нимъ мирюсь, и въ доказательство сейчасъ же начинаю говорить о своихъ дѣлахъ.

«Наконецъ, послѣ долгаго, долгаго молчанія, я получилъ письмо не отъ братьевъ, которые остаются вѣрны, если не старой дружбѣ, то, по крайней мѣрѣ, новому равнодушію, но отъ жены, изъ Иркутска, отъ 5 іюня. Вотъ что она мнѣ пишетъ: она совсѣмъ было собралась ѣхать въ Россію, еще до полученія денегъ, своими средствами, или, вѣрнѣе, средствами своихъ родителей, но ея не пустили, объявивъ, что надо напередъ испросить соизволенія верховной власти,—однимъ словомъ, не дали паспорта. Она—въ отчаяніи. Правда, что въ это время Корсаковъ былъ на Амурѣ, и мѣсто его временно занималъ ограниченный формалистъ николаевскій, генералъ Жуковскій,—правда, что передъ отъѣздомъ своимъ Корсаковъ обѣщалъ ей выдать паспортъ не въ Лондонъ и не въ С.-Петербургъ, а въ Тверь, тѣмъ не менѣе, обстоятельства могли измѣниться, а съ ними вмѣстѣ и гуморъ произволомъ пропитаннаго правительства. У нея въ Иркутскѣ дѣятельныхъ помощниковъ нѣтъ, братья спятъ сномъ молодецкимъ, и если ты черезъ своихъ друзей, умныхъ и хорошихъ, о которыхъ ты пишешь, мнѣ не поможешь, я, право, не буду знать, куда дѣваться и что дѣлать съ своимъ горемъ. Жена пишетъ, что она послала въ Петербургъ просьбу о дозволеніи ей выѣхать изъ Сибири, или что начальство сдѣлало запросъ, навѣрное не знаю, потому что она говоритъ объ этомъ съ женскою безтолковостью.

«Все это въ высшей степени нелѣпо и безполезно, и глупо и незаконно. Но вѣдь у насъ, не въ укоръ вашей милости, законъ, даже пресловутый проектъ о юридическихъ и гражданскихъ реформахъ,—ловушка, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствительно повсюду вводимаго военнаго положенія,—это ясно, какъ ты самъ

еще лучше меня знаешь, вздоръ, одинъ произволъ, глупый, дикій, безстыдный произволъ. Ужъ если они мнѣ дѣлаютъ честь меня бояться, то, по крайней мѣрѣ, они должны бы были понять, что человѣкъ съ женою въ сто кратъ безопаснѣе человѣка безъ жены. Тургеневъ, помоги,—и разузнай и помоги,—а если можешь, чрезъ кого-нибудь жигани братьевъ, чтобы они наконецъ проснулись, устыдились и поняли, что мало быть добрыми людьми, и что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Пусть же, наконецъ, они мнѣ напишутъ хоть слово не о своихъ политически-философскихъ стремленіяхъ, до которыхъ мнѣ, право, нѣтъ дѣла, но о моихъ дѣлахъ, о моей женѣ, о томъ, что они сдѣлали и собираются сдѣлать для того, чтобы освободить ее.

«Правительство не разсердится на братьевъ, которые пишутъ брату о предметѣ, столь дорогомъ для него, какъ жена. Само наше правительство, пожалуй, удивится ихъ добродѣтельной скромности и воздержанности, которую, за неимѣніемъ русскаго слова, я, пожалуй, готовъ окрестить словомъ: «lâcheté». Братъ Павелъ въ отвѣтъ на мои безчисленныя, измученныя письма, въ которыхъ я умолялъ ихъ всѣхъ объ извѣстіяхъ о женѣ, о помощи ей, о тепломъ для нея словѣ,—братъ Павелъ послалъ мнѣ, правда, въ началѣ нынѣшняго лѣта длинную, длинную философскую диссертацію, но она до меня не доплыла. Должно быть, на дорогѣ пропала. Укралъ ее какой-нибудь нѣмецъ, а онъ, вѣроятно, пишетъ другую. А сестра жены пишетъ, что она, бѣдная, съ тоски заболѣла. Вѣдь, право, можно съ ума сойти. Помоги, Тургеневъ.

«Другая моя забота—Налбандовъ: говорятъ, что онъ былъ въ Петропавловской крѣпости, а теперь пропалъ, никто не знаетъ куда. Узнай, Тургеневъ. Вотъ видишь ли, и безъ политики наполнилъ цѣлое письмо, а подъ конецъ тебя обнимаю и на тебя уповаю.

Твой *М. Б.*».

3. Письмо Герцена [1]).

1-го ноября. Orsetthouse Westb. Tenau.

«Итакъ, ты вообразилъ, что я разсердился за адресъ [2]).

«Политическимъ человѣкомъ я тебя никогда не считалъ, и теперь не считаю, несмотря на то, что ты съ Робинсономъ Крузе на островѣ Вайтѣ говорилъ объ азбукѣ.

«Напротивъ, то, что ты четыре раза писалъ объясненія, смягченія . . . . меня помирило бы съ тобою, и въ самомъ дѣлѣ, если бы я въ гнѣвобѣсіе взошелъ.

«Позвольте спросить, какъ нравится продолженіе писемъ «Концы»?»

---

[1]) Отвѣтъ Тургенева напечатанъ на стр. 168—170 женевскаго изданія писемъ.

[2]) Тургеневъ отвергъ адресъ государю о реформахъ, составленный не безъ участія редакторовъ «Колокола».

4. Его же[1]).

22 ноября. Orsetthouse Westb. Tenau.

«Я какъ-то съ мѣсяцъ тому написалъ тебѣ довольно злое письмо, и оставилъ его у себя въ столѣ. Потомъ пришло твое, съ критикой противъ послѣдняго письма «Концы и начала». Ты ошибаешься въ твоей оцѣнкѣ, но писать объ этомъ скучно. Замѣчаешь ли ты, что ты съ своимъ Шопенгауеромъ (о Шопенг. я и Энгельсонъ писали въ 1-й «Пол. Звѣздѣ», т. е. въ 1855) становишься нигилистомъ. Меня не это фруассировало въ твоихъ письмахъ, а замѣчательная метода—на мнѣ казнить другихъ. Во-первыхъ, откуда эта нетерпимость къ Огареву? Вѣдь этакія слабости допускаютъ однимъ беременнымъ женщинамъ. Ты же вообще такъ гуманенъ, т. е. такъ мало разборчивъ, что могъ быть другомъ и на «ты» съ воришкой Некрасовымъ, вѣроятно, и теперь еще знакомъ съ Чичеринымъ и съ Катковымъ, но до этого до всего мнѣ дѣла нѣтъ. Напротивъ, я люблю гуманность, идущую до необходимости исключенія знакомыхъ самобытныхъ, для приглашенія нравственныхъ нищихъ и чужеядныхъ нахлѣбниковъ à la Strübing[2]). Но, 1-ое, почему ты съ твоей тонкой наблюдательностью, зная, что я съ Огаревымъ въ хорошихъ, тѣсныхъ, близкихъ сношеніяхъ, считаешь умнымъ ругать его статьи, именно въ письмахъ ко мнѣ? 2-ое, полагаю же я, что всякій честный дѣятель, работающій на общей аренѣ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не порицаніями прибавляли больше резоновъ, чѣмъ брюхатая женщина въ своихъ антипатіяхъ. О какой теоріи соціализма Огарева ты говоришь, какимъ мнѣніемъ, какимъ выводомъ ты недоволенъ, съ чѣмъ несогласенъ? Почему его добросовѣстный трудъ ты ставишь на одну доску съ fatras Бакунинской демагогіи.

«Колоколъ» основанъ Огаревымъ.

«Вѣче» основано Огаревымъ, да оно въ вашихъ кружкахъ не нравится, а намъ оно принесло переписку съ раскольниками. . .

. . . .

«Ты имѣешь зубъ на молодое поколѣніе и грызешь имъ старое, благо оно ближе».

Сенатъ не ограничился этими показаніями и, желая дать Тургеневу нѣсколько личныхъ ставокъ, предписалъ прибыть въ Петербургъ. Тургеневъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ написать нашему послу въ Парижѣ:

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277.
14 сентября 1863 г.

«Милостивый государь!

«Прошу васъ извинить невольное замедленіе моего отвѣта: ваше письмо было адресовано poste-restante и, пролежавъ на почтѣ нѣсколько дней, только сегодня дошло въ мои руки. Изъ него я

---

[1]) Интересный отвѣтъ Тургенева на это письмо помѣщенъ на стр. 174—175 женевскаго изданія его писемъ къ Герцену.

[2]) Агентъ III Отдѣленія.

могъ заключить, что сенатъ не удовлетворился объясненіями на предложенные мнѣ вопросы, которые я послалъ черезъ посольство; но, такъ какъ онъ требуетъ моего возвращенія не безусловно, а въ случаѣ, если состояніе моего здоровья и дѣлъ моихъ не представитъ тому препятствія, то я долженъ замѣтить, что именно эти двѣ причины лишаютъ меня возможности возвратиться теперь въ Россію, даже на неопредѣленное время; мнѣ это легче будетъ сдѣлать въ ноябрѣ, когда я поселю свою дочь въ Парижѣ и устрою ея положеніе. Притомъ считаю долгомъ завѣрить снова честью, что я сообщилъ въ совершенной подробности всѣ касающіяся до меня обстоятельства въ моихъ отвѣтахъ, и что, слѣдовательно, мое личное отсутствіе не можетъ затруднять производимое слѣдствіе о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами. Въ Парижъ я надѣюсь прибыть недѣль черезъ шесть и, разумѣется, немедленно явлюсь къ вамъ.

«Прошу васъ принять выраженіе чувствъ моей совершенной преданности и почтенія.

Ив. Тургеневъ».

Одновременно онъ просилъ Анненкова похлопотать, чтобы его не торопили безъ крайней надобности, а затѣмъ, когда увидѣлъ, что пропустилъ и назначенный ему ноябрь, то обратился прямо къ первоприсутствовавшему сенатору Карніолинъ-Пинскому:

«Милостивый государь,
«Матвѣй Михайловичъ!

«Мнѣ приходится сообщить вашему превосходительству фактъ, весьма для меня прискорбный. Я не могу явиться къ сроку въ Петербургъ и даже не знаю въ точности, когда я буду въ состояніи это сдѣлать. Незначительная боль въ ногѣ, начавшаяся двѣ недѣли тому назадъ, приняла такіе размѣры, что всякое движеніе стало мнѣ невозможнымъ, не говорю уже о путешествіи. Прилагаемое свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Столыпинымъ, служитъ тому удостовѣреніемъ. Я ждалъ до послѣдняго дня, въ надеждѣ на облегченіе боли, но теперь я долженъ покориться необходимости. Считаю излишнимъ увѣрять ваше превосходительство, до какой степени это неожиданное препятствіе меня огорчаетъ. Мнѣ особенно тяжело думать, что по причинѣ моей неявки уже замедлилось и можетъ еще замедлиться разрѣшеніе участи многихъ лицъ, находящихся подъ судомъ. А потому покорно прошу ваше превосходительство, какъ предсѣдателя комиссіи, вызывавшей меня въ С.-Петербургъ, соблаговолить принять къ свѣдѣнію мое теперешнее заявленіе и дать дѣлу, къ которому я прикосновененъ, законный ходъ. Спѣшу прибавить, что я, какъ только мнѣ позволитъ моя болѣзнь, прибуду въ Петербургъ и также готовъ попрежнему дать полный и подробный отвѣтъ на всякій мнѣ поставленный вопросъ. Но повторяю, что отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго снисхожденія ко мнѣ и покоряюсь заранѣе приговору закона.

«Засимъ, прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и таковой же преданности, съ которыми честь имѣю пребыть вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Пв. Тургеневъ».

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. 9-21 декабря 1863 г.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ХОДЪ ДѢЛА ВЪ СЕНАТѢ.

6 февраля 1863 г. сенатъ заслушалъ словесное прошеніе Ветошникова о разрѣшеніи ему свиданія съ родственниками и съ тѣми, съ кѣмъ онъ видѣлся раньше, когда дѣло было въ рукахъ комиссіи, и прошенія Николая Серно-Соловьевича и Ветошникова о допущеніи ихъ къ чтенію и рукоприкладству записки о нихъ сената. Всѣ эти просьбы были удовлетворены. Любопытно, что никто изъ другихъ обвиняемыхъ въ этомъ громадномъ дѣлѣ не просилъ о томъ, на что имѣлъ несомнѣнныя права: на прочтеніе сенатской записки, которая должна была вѣнчать все дѣло,—настолько было велико незнаніе своего права, настолько многихъ подавляла обстановка заключенія...

12 февраля Налбандянъ просилъ объ отдачѣ его на поруки и о продолженіи свиданій, какъ было и до передачи дѣла въ сенатъ. Сенатъ опредѣлилъ: первую просьбу имѣть въ виду, вторую—удовлетворить.

Въ тотъ же день Павелъ и Владиміръ Потѣхины просили отдать имъ на поруки брата Николая. Тогда же было доложено всеподданнѣйшее прошеніе Фанни Ферклундъ о разрѣшеніи ей слѣдовать въ ссылку за Ветошниковымъ, какъ за отцомъ ея ребенка, и быть обвѣнчанной съ нимъ до отправки въ Сибирь. Сенатъ положилъ имѣть прошеніе въ виду при окончаніи дѣла и опредѣленіи наказанія Ветошникову.

20 февраля были разрѣшены свиданія Бѣлозерскому и Петровскому, а первому еще и чтеніе книгъ.

26 февраля въ сенатъ явился Альбертини и далъ подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга.

Сенатъ почти два мѣсяца выяснялъ составъ преступленія всѣхъ обвиняемыхъ и только въ засѣданіи 4 марта приказалъ: Ветошникова, Николая Серно-Соловьевича, Владимірова, Петровскаго, Ничипоренко и Лялина—содержать попрежнему въ крѣпости до окончанія дѣла; Бѣлозерскаго, Потѣхина, Воронова и Любенкова—отдать на поруки; съ Бени, Гаевскаго, Максимова и Каншина взять подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга. Относительно всѣхъ другихъ—оставить ихъ пока на свободѣ, но подъ надзоромъ полиціи.

6 марта кн. Суворовъ увѣдомилъ сенатъ, что государь разрѣшилъ Налбандяну, Петровскому и Бѣлозерскому свиданія только съ родственниками. А оберъ-полицеймейстеръ увѣдомилъ сенатъ, что

литераторъ Максимовъ въ Петербургъ еще не пріѣзжалъ, потому что командированъ морскимъ министерствомъ на Кавказъ [1]).

Тогда же министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что Черкесовъ проситъ разрѣшить ему остаться за-границей до полнаго излѣченія.

14 марта сенатъ опредѣлилъ вызванныхъ въ Петербургъ Аркадьева, Афанасьева, Козлова, братьевъ Орфано и Трубецкого обязать подпиской явиться въ сенатъ по первому требованію и на этомъ условіи разрѣшить имъ жить, гдѣ пожелаютъ.

ЗАПИСКА ГАЕВСКАГО И ДОПРОСЫ АЛЬБЕРТИНИ И МАКСИМОВА.

19 марта Гаевскій представилъ въ сенатъ обстоятельную объяснительную записку, въ которой весьма ловко сумѣлъ доказать, что комиссія обратила все свое вниманіе на голословныя противъ него обвиненія, совершенно оставивъ безъ вниманія обстоятельства, его оправдывающія. Самымъ убѣдительнымъ должно было показаться первое доказательство: комиссія обвиняла его въ томъ, что и онъ ѣздилъ на «поклоненіе» въ Лондонъ, а между тѣмъ приложенный къ запискѣ заграничный паспортъ этого не подтверждаетъ; мало того, онъ даже не визированъ въ тѣхъ городахъ Европы, откуда можно отправиться въ Лондонъ... (Замѣчу, что Гаевскій ѣздилъ въ Лондонъ съ паспортомъ одного изъ своихъ друзей)... Затѣмъ Гаевскій писалъ, что, служа въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, т. е. у того же Голицына, семь лѣтъ, онъ ничего не видѣлъ о ней въ «Колоколѣ», слѣдовательно, ничего туда не сообщалъ, потому что, разумѣется, если бы былъ корреспондентомъ, то не преминулъ бы воспользоваться очень интереснымъ матеріаломъ своего мѣста службы. Гаевскій указывалъ также, что «эти темныя личности заслуживаютъ мало довѣрія». «Ничипоренко, старавшійся облегчить тяжесть павшихъ на него обвиненій, разложивъ ее на возможно большее число лицъ, и поощряемый слѣдователями, поразилъ своимъ нравственнымъ цинизмомъ всѣхъ, не исключая даже пользовавшихся его мнимыми услугами». «Траверсе—душевнобольной». Вотъ каковы его обвинители. Между тѣмъ кн. Голицынъ долженъ знать его, потому что всегда хвалилъ его, давалъ секретныя порученія и видѣлъ его не менѣе 200 разъ. Ничипоренко видѣлъ его только 10 разъ,—значитъ, князь «довѣряетъ какому-нибудь Ничипоренку въ 20 разъ болѣе, чѣмъ самому себѣ»... Гаевскій призналъ за собой только двѣ вины: полученіе отъ Ничипоренка двухъ-трехъ номеровъ «Колокола» и доставку Траверсе письма,

---

[1]) Немедленно дано было знать морскому министру и получено отъ него увѣдомленіе, что приказано по всѣмъ Черноморскимъ и Каспійскимъ портамъ, чтобъ сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ его возвращеніи въ Петербургъ. Дѣйствительно, вскорѣ Максимовъ пріѣхалъ въ Астрахань и на другой же день былъ отправленъ въ Петербургъ. 10-го іюня съ него была уже взята подписка о невыѣздѣ.

полученнаго самимъ по почтѣ. Между тѣмъ, только за это Голицынъ уже уволилъ его со службы; кажется, этого наказанія совершенно достаточно.

16 апрѣля сенатъ допросилъ Альбертини. Онъ воспитывался въ 3-й московской реальной гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ, который кончилъ кандидатомъ юридическаго факультета въ 1851 г. Содержитъ себя гонораромъ съ «Отечественныхъ Записокъ». Отъ Ничипоренка «Колокола» не получалъ; Кельсіеву никогда не писалъ. Иногда въ литературныхъ кружкахъ слышалъ, какъ Ничипоренко читалъ вслухъ «Колоколъ». Кельсіева узналъ только въ Лондонѣ. Живя тамъ пять мѣсяцевъ въ 1862 г., онъ часто бывалъ у Герцена и разъ видѣлъ тамъ Потѣхина. «Разъ, дѣйствительно, выпилъ за обѣдомъ лишнее—объ этомъ и писалъ Бакунинъ». Близкихъ отношеній съ изгнанниками не имѣлъ и о планахъ ихъ ничего не знаетъ. Громекѣ писалъ потому, что узналъ, что онъ далъ за него согласіе Каткову, даже не спросивъ его разрѣшенія. Налбандяна очень уважаютъ въ Лондонѣ Мартьяновъ, Ковалевскій и Фрикъ. О польскихъ губерніяхъ писалъ Громекѣ, думая дать о нихъ свѣдѣнія въ англійскія газеты, а не въ «Колоколъ». Каткова и Чичерина «считаетъ врагами нашего прогрессивнаго движенія», потому что они были противъ судебной и земской реформъ. Что подъ конецъ своего пребыванія онъ не видѣлся уже съ Герценомъ и другими его товарищами—можно ясно видѣть изъ его писемъ къ Краевскому, которыя и представляетъ для этого сенату.

Вотъ они:

1.

7 іюля 1862 г.

«Посылаю вамъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, продолженіе статьи. Это — примѣчанія къ присланному дня три назадъ комитетскому отчету. Конецъ этихъ примѣчаній явится, должно быть, послѣзавтра. Прочитавши ихъ, вы убѣдитесь въ слѣдующемъ: во-первыхъ, я старался, чтобъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаю, ни одного пункта для читателей не осталось необъясненнымъ. Поэтому примѣчанія эти, собственно, составляютъ мою главную работу. Во-вторыхъ, вы увидите, что для нихъ мнѣ пришлось залѣзть въ самую глубь, въ самую тину англійскихъ законовъ; а это дѣло для меня было весьма нелегкое. Это объяснитъ вамъ, отчего такъ долго я не писалъ статей. Кажется, простая штука—информаціонный процессъ, напримѣръ,—а двое адвокатовъ не могли мнѣ объяснить его хорошенько, конечно, не потому, чтобъ они сами его не знали, а потому, что они слишкомъ сильны въ своемъ крючкотворствѣ, и крючки-то для нихъ важнѣе сущности. То же самое и въ ихъ юридическихъ книжкахъ.— Въ этомъ главная трудность.

«На-дняхъ я переѣзжаю опять въ Лондонъ, на свою старую квартиру; позаймусь еще мѣсяцъ въ British Museum,—чтобъ допол-

нить матеріалы для статей о народныхъ школахъ — единственно превосходныхъ школахъ въ Англіи (ни университеты англійскіе, ни частныя школы—grammos schools и industrial schools не могутъ дать намъ ничего для соображеній, для поученія) и единственно заслуживающихъ нашего вниманія; желательно было бы, чтобъ и въ нашихъ народныхъ школахъ, ежели онѣ должны скоро явиться,— принята была англійская система, съ тѣми, конечно, измѣненіями, которыя для нихъ окажутся необходимыми. — Но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ.

«Мнѣ все кажется, что все то, что я теперь дѣлаю для англійскихъ законовъ о печати, будетъ собственно для насъ, русскихъ, толченіемъ воды въ рѣшетѣ. Трудно представить себѣ, чтобъ въ настоящее время можно было достигнуть отмѣны цензуры: послѣдняя мѣра относительно надзора за типографіями и книжными лавками, запрещеніе журналовъ, — общее направленіе дѣлъ,—все показываетъ, что не въ духѣ либеральныхъ реформъ будутъ новыя распоряженія и новыя мѣры. — Но можетъ быть, я и ошибаюсь,—и желалъ бы, чтобъ это такъ.

«Прочиталъ наконецъ я и «Молодую Россію»: кто-то изъ русскихъ—не знаю, кто именно—въ Café de la Regence далъ мнѣ прочесть ее. Право, не знаю, что вы, въ Петербургѣ, нашли въ ней такого страшнаго. Это — глупость, которая не могла имѣть никакого вліянія,—и способна только возбудить сожалѣніе къ той молодежи, которая набила себѣ голову французскими революціонными идеями заднихъ годовъ.—Подымать изъ-за этого гвалтъ въ обществѣ, а особенно въ литературѣ, право, не стоитъ.—На-дняхъ мнѣ попались англійскіе подобные же листки сороковыхъ годовъ: какихъ только тамъ нѣтъ воззваній, — а кто же на нихъ обращалъ здѣсь вниманіе? Право, надобно пожить въ Англіи, чтобъ отвыкнуть отъ пустыхъ страховъ, отвыкнуть отъ привычки придавать значеніе печатной строкѣ.

«А у насъ, у насъ-то, Господи, какія творятся вещи. Право, страшно и возвращаться въ Россію.—А все-таки, вы не повѣрите, Андрей Александровичъ, какъ мнѣ хочется вернуться поскорѣе. Такъ и рвусь туда,—туда; работаю теперь съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, только чтобъ все кончить скорѣе и пуститься въ путь.

«Въ Россіи обвиняютъ все и всѣхъ. Какъ мнѣ кажется, обвиненія эти неосновательны.

«А плохую штуку сдѣлало правительство, запретивши журналы на время [1]). Ежели ничто у насъ не перемѣнится, то когда пройдетъ этотъ срокъ и снова воскреснутъ опаленные журналы, они привлекутъ къ себѣ огромную массу подписчиковъ,—а не опаленные останутся непричемъ,—потеряютъ, можетъ быть, половину. Это исторія весьма плохая,—какъ для правительства, такъ и для умѣренно прогрессивныхъ журналовъ.—Тутъ ужъ надобно было или

---

[1]) «Современникъ» и «Русское Слово» были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ.

вовсе не запрещать, или ужъ запретить совсѣмъ, такъ чтобъ и духу не осталось.—Вы, конечно, не подумаете, чтобъ я когда-нибудь оправдывалъ такую звѣрскую штуку. Я только говорю, что этого требовала бы *послѣдовательность* съ точки зрѣнія тѣхъ людей, которые ужъ рѣшились запрещать журналы. — Полумѣра же не годится никуда и разразится особенно вредно надъ тѣми журналами, которые не гнутъ сильно ни на ту, ни на другую сторону. — Впрочемъ, въ восемь мѣсяцевъ можетъ еще многое измѣниться.

«Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ мы должно быть увидимся.— Кланяюсь всѣмъ и желаю вамъ всякаго благополучія.

«Вамъ искренно преданный

Н. Альбертини.

«Напишите, ради Бога, отвѣтъ о статьѣ Росселя.

«Въ іюльской книжкѣ Cornhill Magazine явилось начало новаго романа Джоржа Эллiота, автора «*Адама Бида*»—называется «*Ромола*». Романъ историческій—дѣйствіе въ Италіи, во Флоренціи, въ концѣ XV вѣка. Первыя пять главъ весьма интересны. Не посылаю вамъ вырѣзокъ единственно потому, что братъ Темирязева, переводчика нашего, говорилъ мнѣ, что онъ послалъ уже къ брату. Слѣдовательно, вещь въ вашемъ распоряженіи».

II.

Лондонъ, 1 августа 1862 г.

«Запоздалъ я присылкой конца своей статьи, многоуважаемый Андрей Александровичъ; но надѣюсь, ни мало не помѣшалъ этимъ напечатанію первой половины ея въ іюльской книжкѣ. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ вся статья такъ ужъ и могла попасть цѣликомъ въ одну книжку. Въ это время мною была продолжаема другая статья, начатая еще прежде, — тоже о журналистикѣ, — статья, въ которой разсказывается, что англійской журналистикѣ было плохо, пока она не заставила уважать себя, — а когда пришло уваженіе къ ней, то ужъ не трудно было получить и все, что хотѣлось. Эта статья будетъ кончена уже въ Россіи. Тамъ же будутъ приготовлены къ печати и статьи о школахъ, для которыхъ матеріаловъ у меня множество.

«Воротиться въ Россію какъ можно скорѣе — мнѣ страшно хочется. А между тѣмъ есть еще пробѣлы, которые надо пополнить,—а пополнить ихъ на мѣстѣ не будетъ средствъ. Жить-то здѣсь уже стало невыносимо. Въ послѣднее время я живу, почти никого не видя, почти одинокій. Говорю —одинокій, потому что очень рѣдко вижу русскихъ, со многими изъ нихъ я разошелся въ мнѣніяхъ до того, что даже какъ-то неловко съ ними встрѣтиться, другіе — пошлые дураки. Жду—не дождусь того времени, когда опять буду съ вами, съ Степаномъ Семеновичемъ [1]), Сте-

[1]) Дудышкинъ.

паномъ Степановичемъ [1]), Константиномъ Николаевичемъ [2]). Тамъ хоть мы и спорили часто, но какъ-то все шло и все оканчивалось по душѣ. Съ другими не такъ,—поспоришь, вотъ ужъ и разошелся совсѣмъ, и ужъ трудно встрѣтиться и протянуть руку другъ другу. Такъ-то бываетъ всегда съ людьми, отданными фанатической мысли. Богъ съ ними, съ такими людьми.

«Мое участіе въ «*Голосѣ*»,—насколько для этого нужно мое желаніе—не подлежитъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, никакому сомнѣнію,—послѣ того, какъ вы объяснили мнѣ роль и значеніе въ газетѣ Скарятина, котораго здѣсь уже называли *главнымъ редакторомъ*. Вотъ такъ-то и все, и обо всемъ-то тутъ толкуютъ такіе вздоры.

«Поклонитесь отъ меня всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, кого увидите,—и скажите имъ одно,—что я жду—не дождусь времени, когда увижу ихъ.

«Искренно преданный вамъ

Н. Альбертини.

«P. S. Прошу васъ,—отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, на это письмо. Отвѣтъ вашъ можетъ еще застать меня въ Лондонѣ, ежели будетъ написанъ немедленно. Я буду ждать вашего письма».

Козырнувши этими двумя письмами, доказывавшими, что Альбертини вмѣстѣ съ большинствомъ русскаго общества послѣ майскихъ дней 1862 года шарахнулся вправо, онъ такъ закончилъ свое показаніе:

«Долга чести, вѣрноподданнической преданности Государю Императору, полнаго уваженія къ закону и полной готовности исполнить его во всякое время я не забывалъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Самымъ полнымъ ручательствомъ въ этомъ можетъ послужить все мое прошлое, хорошо извѣстное всѣмъ людямъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Настоящія, истинныя и постоянныя мои мнѣнія о такихъ дѣйствіяхъ, какъ преступленіе Михайлова, можно видѣть изъ многочисленныхъ статей моихъ политическаго содержанія, напечатанныхъ въ разное время въ «Отечественныхъ Запискахъ». Преступникъ, подобно Михайлову, покусившійся поколебать спокойствіе въ государствѣ, возбуждаетъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ ужасъ и отвращеніе»...

На очной ставкѣ съ Ничипоренкомъ Альбертини остался при всѣхъ своихъ показаніяхъ. Онъ былъ отпущенъ съ миромъ.

10-го іюля допросили Максимова, сказавшаго, что съ издателемъ его сочиненій, Кожанчиковымъ, онъ не поддерживалъ личныхъ отношеній, Кельсіева не знаетъ, въ Лондонѣ никогда не былъ. Очная ставка Максимова съ Ничипоренкомъ дала неожиданный результатъ: Ничипоренко вдругъ написалъ: «Я отказываюсь какъ въ отношеніи сказаннаго мною относительно г. Максимова, такъ и въ

[1]) Громека.
[2]) Бестужевъ-Рюминъ.

отношеніи другихъ лицъ, имѣвшихъ со мною очныя ставки и не согласившихся съ моими показаніями, хотя и теперь подтверждаю все, касающееся меня лично»...

Эффектъ былъ большой... Сенаторы не ожидали, что изъ ихъ рукъ выпадетъ такая масса драгоцѣнныхъ уликъ и обвиненій.

8-го іюля Бени написалъ слѣдующее интересное прошеніе:

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій,

Великій Государь Императоръ

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ,

Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій!

«Пользуясь разрѣшеніемъ на то Высокаго Суда, я бы желалъ представить слѣдующія объясненія къ тѣмъ моимъ показаніямъ, которыя уже находятся прикосновенными къ дѣлу, нынѣ разбираемому въ 1-мъ Отдѣленіи V-го Департамента Правительствующаго Сената.

«Возводимыя на меня обвиненія относятся къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

1) къ пріѣзду въ С.-Петербургъ В. И. Кельсіева; и

2) къ привезенію мною изъ-за-границы, въ ноябрѣ 1861 года, двухъ экземпляровъ журнала «Колоколъ».

«Что касается перваго изъ этихъ двухъ пунктовъ, то я показалъ уже передъ Высочайше утвержденною Слѣдственною Коммиссіею, что во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ весною 1862 года В. И. Кельсіевъ былъ дѣйствительно въ моей квартирѣ [1]). Мое незнаніе, несмотря на это, про его планы и намѣренія я уже объяснилъ слѣдственной комиссіи подозрѣніями, существовавшими на мой счетъ между моими знакомыми, и которыя не позволяли мнѣ напрашиваться на довѣріе тамъ, гдѣ оно мнѣ не было предлагаемо свободно и добровольно. Впрочемъ, весь небольшой промежутокъ времени между приходомъ ко мнѣ В. И. Кельсіева и при-

---

[1]) «Могло бы показаться страннымъ, и слѣдственная коммиссія обратила даже вниманіе на это обстоятельство, почему я скрылъ этотъ фактъ въ запискѣ, представленной мною, по его же требованію, Его Превосходительству Генералъ Маіору Потапову. Причина этого заключалась въ томъ, что генералъ Потаповъ увѣрялъ меня, что требуемое отъ меня объясненіе лишено всякаго юридическаго, а слѣдовательно и *слѣдственнаго*, характера; что это одно чисто-личное объясненіе. Вотъ почему я и счелъ себя въ правѣ умолчать объ этомъ фактѣ, тѣмъ болѣе что если бы я упомянулъ о немъ, то мнѣ бы, по необходимости, пришлось разсказать и про свиданіе у меня А. Н. Ничипоренко съ В. И. Кельсіевымъ. Между тѣмъ, я узналъ-было, еще до представленія моей записки генералу Потапову, что А. И. Ничипоренко арестованъ будто по поводу какихъ-то его отношеній съ В. И. Кельсіевымъ. Полагая, что, можетъ быть, существовала какая-нибудь связь между пріѣздомъ въ Россію В. И. Кельсіева и арестованіемъ А. И. Ничипоренко, я не желалъ, безо всякой на то нужды, повредить этому послѣднему указаніемъ на извѣстный мнѣ фактъ его свиданія съ В. И. Кельсіевымъ. Потомъ уже, когда, во время моего допроса передъ коммиссіею, я убѣдился, что фактъ этого свиданія уже извѣстенъ коммиссіи изъ показаній самого А. И. Ничипоренко, я, разумѣется, не имѣлъ больше никакой причины не говорить объ этомъ свиданіи съ полною откровенностію.—*(Примѣчаніе Бени)*.

бытіемъ А. И. Ничипоренко прошелъ для меня въ приготовленіи закуски (лакея я послалъ-было, по просьбѣ В. И. Кельсіева, съ запиской за А. И. Ничипоренко), а для В. И. Кельсіева въ просматриваніи моей библіотеки и иностранныхъ газетъ. Все-таки, могло бы казаться страннымъ, даже невѣроятнымъ, что В. И. Кельсіевъ приходилъ ко мнѣ нарочно, и въ то же время не имѣлъ намѣренія сообщить мнѣ цѣль своего пріѣзда въ Россію. Но дѣло именно въ томъ, что онъ пришелъ ко мнѣ вовсе не *нарочно*, а, напротивъ того, только по невозможности найти квартиру А. И. Ничипоренко и въ увѣренности, что онъ можетъ узнать про нее у меня, такъ какъ мы оба были сотрудниками по одной и той же газетѣ. (Мой же адресъ былъ извѣстенъ В. И. Кельсіеву по письму, которое я ему написалъ еще въ предыдущемъ январѣ мѣсяцѣ, и въ которомъ я рекомендовалъ ему одного изъ моихъ лондонскихъ знакомыхъ, готовившагося уѣхать въ Кантонъ, въ ученики китайскаго языка).

«Доказавъ такимъ образомъ мое незнаніе цѣли пріѣзда въ Россію В. И. Кельсіева, остается еще то обстоятельство, что я зналъ про самый фактъ его пріѣзда. Тутъ весь вопросъ состоитъ въ томъ, какой *характеръ* я могъ придавать этому пріѣзду. Судя по карточкѣ, на которой былъ напечатанъ французскій адресъ какихъ-то chambres-garnies [1]) близъ Вознесенскаго проспекта (которую карточку я видѣлъ у него въ рукахъ), я заключилъ, что присутствіе В. И. Кельсіева въ городѣ извѣстно санктъ-петербургской городской полиціи и что оно, слѣдовательно, было вполнѣ законно и сопровождаемо обыкновенными паспортными формальностями. Разумѣется, онъ могъ соблюсти эти формальности, и все-таки пріѣздъ его при помощи фальшиваго паспорта могъ остаться неизвѣстнымъ для городской полиціи. Даже одно изъ моихъ показаній передъ Слѣдственною Комиссіею могло бы навести на мысль, что я зналъ про пріѣздъ В. И. Кельсіева подъ фальшивымъ именемъ турецкаго подданнаго Янъ или Яни. Между тѣмъ, онъ самъ не говорилъ мнѣ объ этомъ ни одного слова, я же узналъ про это обстоятельство уже гораздо позже, а именно только осенью прошлаго года.

«Но самое сильное доказательство моего полнаго невѣдѣнія про незаконный характеръ пріѣзда В. И. Кельсіева въ С.-Петербургъ состоитъ въ моемъ совершенномъ отчужденіи отъ всего лондонскаго круга моихъ русскихъ знакомыхъ. Изъ двухъ предположеній одно: или я зналъ, или я не зналъ про истинный характеръ пріѣзда В. И. Кельсіева; если допустить первое, то ясно, что я долженъ былъ находиться въ связяхъ съ русскимъ кругомъ, живущимъ въ Лондонѣ; а между тѣмъ, въ подтвержденіе подобнаго предположенія не только нѣтъ никакихъ доказательствъ, но, напротивъ, существовавшее на мой счетъ подозрѣніе ясно доказыва-

---

[1]) «Онъ самъ говорилъ мнѣ, что остановился въ этихъ chambres-garnies».
(Примѣчаніе Бени).

етъ мой полный разрывъ съ лондонскими русскими. Остается, слѣдовательно, только одно: это—принять второе заключеніе и убѣдиться въ моемъ совершенномъ незнаніи какъ цѣли, такъ и характера пріѣзда В. И. Кельсіева въ С.-Петербургъ.

«Относительно второго пункта, т. е. привезенія мною изъ-заграницы въ декабрѣ 1861 года двухъ экземпляровъ журнала «Колоколъ», я бы желалъ обратить вниманіе Высокаго Суда на *цѣль*, или, правильнѣе говоря, на *отсутствіе всякой цѣли*, съ какимъ я привезъ эти экземпляры. Я отнюдь не имѣлъ намѣренія распространить ихъ между моими знакомыми послѣ моего пріѣзда въ С.-Петербургъ; это были просто экземпляры, вышедшіе во время моего пребыванія въ Англіи, случайно оставшіеся между моими бумагами, и такимъ образомъ привезенные мною въ Петербургъ.

Великобританскій подданный

Артуръ Бени».

ПОМѢШАТЕЛЬСТВО ТРАВЕРСЕ. ВЫЗОВЪ ИЗЪ-ЗА-ГРАНИЦЫ. ЗАКОНЪ О НАГРАЖДЕНІИ ДОНОСЧИКОВЪ. СМЕРТЬ НИЧИПОРЕНКА.

28-го іюля губернаторъ и нѣсколько чиновниковъ свидѣтельствовали умственныя способности Траверсе и тоже были поражены: онъ обвинялъ государя въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ и въ распространеніи прокламацій, клеветалъ на вѣрность своей жены и пр. Ясно было, что маркизъ совершенно уже ненормаленъ... Его помѣстили въ домъ для умалишенныхъ, по истеченіи шести недѣль снова освидѣтельствовали и признали нужнымъ подвергнуть опять шестинедѣльному испытанію...

Въ іюлѣ были получены, наконецъ, всѣ «повальные обыски» о поведеніи обвиняемыхъ; они были вполнѣ для нихъ благопріятны; любопытно, что обыскъ о Налбандянѣ подписанъ сотней нахичеванцевъ, что указываетъ на широкое къ нему уваженіе и на желаніе реабилитировать его.

Въ серединѣ сентября министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ сенатъ, что, благодаря безобразной туринской полиціи, Черкесовъ и Александръ Серно-Соловьевичъ до сихъ поръ еще не разысканы и потому не знаютъ о призывѣ ихъ въ Россію [1]). Тогда же генеральный консулъ въ Лондонѣ увѣдомилъ министерство, что, несмотря на вызовъ, сдѣланный въ мартѣ въ газетѣ «Times», ни Касаткинъ, ни Кельсіевъ не явились въ консульство, да, навѣрное, и не явятся. Въ сентябрѣ вызовъ былъ повторенъ.

Въ октябрѣ Бени просился съѣздить въ Царство Польское къ больной матери. Сенатъ отдалъ это на усмотрѣніе кн. Суворова,

---

[1]) Значитъ, прося отсрочки заграничнаго паспорта, Черкесовъ еще и не зналъ о привлеченіи его къ дѣлу.

а послѣдній отпустилъ Бени, взявъ съ него подписку о возвращеніи по первому требованію [1]).

Видя, что, послѣ отказа отъ сдѣланныхъ показаній Ничипоренкомъ и сумасшествія Траверсе, въ рукахъ его остается не очень-то много уликъ, и вообще замѣтивъ упорство въ показаніяхъ еще и въ другихъ дѣлахъ, одновременно разбиравшихся въ сенатѣ,—правительство рѣшилось на возмутительную мѣру, облеченную въ форму закона. А именно постановлялось, что:

«1. Обо всѣхъ лицахъ, которыя при производствѣ объ нихъ дѣлъ высочайше учрежденною въ С.-Петербургѣ слѣдственною комиссіею покажутъ полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству.

«2. Равно повергать на всемилостивѣйшее воззрѣніе участь и тѣхъ раскаявшихся и сознавшихся, о коихъ дѣла, по окончаніи производства въ комиссіи, переданы къ судебному разсмотрѣнію и находятся въ настоящее время въ правительствующемъ сенатѣ. Причемъ поставить въ обязанность суду: при заключеніи приговора объяснять отдѣльно и вкратцѣ, въ какой мѣрѣ означенныя лица способствовали къ открытію преступленій.

«3. Объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Петровскомъ и другихъ подобныхъ ему лицахъ, преданныхъ уже суду правительствующаго сената, которыя показали полное раскаяніе и готовность способствовать къ открытію преступленій, дѣлать особыя представленія Его Величеству»...

Разумѣется, сенатъ сейчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи на поруки Петровскаго, котораго и взялъ Д. Д. Дашковъ...

Показаній никакихъ получить, однако, не удалось: кто былъ непорядоченъ или малодушенъ—все уже разсказалъ, люди же порядочные и твердые, разумѣется, не хотѣли купить свою относительную свободу цѣною будущаго другихъ... Это былъ лучшій отвѣтъ на милостивое разрѣшеніе...

На другой день въ крѣпости умеръ Ничипоренко...

Сенатъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сталъ вести дѣло къ окончанію.

ПРОШЕНІЕ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

11-го декабря Николай Серно-Соловьевичъ приступилъ къ чтенію всего производства по своему дѣлу, уже прошедшаго передъ читателемъ. Ветошниковъ этого почему-то не сдѣлалъ, хотя, какъ мы уже знаемъ, получилъ разрѣшеніе.

Серно-Соловьевичу стало ясно, что многое скрывать уже совершенно безполезно, что это только усилитъ тяжесть наказанія,

[1]) Въ началѣ января 1864 г. онъ вернулся въ Петербургъ.

и потому 18-го онъ просилъ сенатъ допустить его къ дачѣ словеснаго показанія.

Когда онъ пришелъ въ присутствіе, то объяснилъ, что «данныя имъ во время слѣдствія показанія въ нѣкоторыхъ частяхъ невѣрны и неточны отъ того исключительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ былъ предшествовавшими аресту его и послѣдовавшими обстоятельствами». Затѣмъ онъ объяснилъ очень многое и просилъ разрѣшить изложить все это еще подробнѣе письменно. Сенатъ не препятствовалъ ему въ этомъ несомнѣнномъ правѣ.

16-го января кн. Суворовъ препроводилъ въ сенатъ это пространное показаніе, имѣвшее, лишь на основаніи закона, форму всеподданнѣйшаго прошенія.

Въ виду громаднаго интереса этого документа, я привожу его съ незначительными лишь сокращеніями.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій
Великій Государь Императоръ
Александръ Николаевичъ,
Самодержецъ Всероссійскій,
Государь Всемилостивѣйшій!

Проситъ отставной надворный совѣтникъ Николай Александровичъ сынъ Серно-Соловьевичъ, а о чемъ прошеніе мое, тому слѣдуютъ пункты:

1.

При слѣдствіи по обвиненію меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, я, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, объясненныхъ ниже, не могъ дать по нѣкоторымъ вопросамъ точныхъ показаній. Подтверждая въ Пр. Сенатѣ свои отвѣты на вопросы слѣдственной комиссіи, я объяснилъ, что долженъ дополнить ихъ, и просилъ рукоприкладства, имѣя въ виду дополнить письменно свои показанія, такъ какъ ст. 445 кн. 2-й т. XV св. з. называетъ рукоприкладство послѣднимъ способомъ къ защитѣ и охраненію невинности. Но приступивъ къ чтенію записки изъ дѣла, я узналъ, что неправильно понималъ значеніе рукоприкладства, ограниченнаго содержаніемъ записки [1]), и потому просилъ Пр. Сенатъ выслушать мои словесныя показанія. Пр. Сенатъ, выслушавъ ихъ, разрѣшилъ мнѣ изложить ихъ въ письменномъ прошеніи, объявивъ при томъ, что желаетъ доставить мнѣ всѣ способы къ оправданію. Во исполненіе сего я написалъ сіе прошеніе, изложивъ въ немъ все необходимое для своего оправданія.

---

[1]) Т. е. дѣлопроизводствомъ.

2.

Помянутыя въ пунктѣ 1 обстоятельства объясняются всѣмъ моимъ прошедшимъ и тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился за все продолженіе слѣдствія.

3.

Въ мою недолгую, но не бѣдную дѣятельностью жизнь руководящими началами всѣхъ моихъ дѣйствій были: любовь къ отечеству и прочныя нравственныя правила. Это часто вовлекало меня въ борьбу съ различными неправдами, такъ какъ я былъ еще молодъ. Этимъ я пріобрѣлъ много враговъ въ людяхъ, вовсе не знавшихъ меня лично, но вр ждебныхъ началамъ, на основаніи которыхъ я поступалъ. Такая вражда опасна въ странѣ, гдѣ нѣтъ гражданской свободы и мало развита публичность. Она всегда успѣваетъ создать предубѣжденіе противъ лица, и затѣмъ всѣ его дѣйствія судятся извѣстными кругами общества въ силу этого чувства. Мнѣ довелось испытать это.

4.

Окончивъ въ 1853 г. курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ былъ награжденъ серебряною медалью, я поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, и въ 1857 г. былъ пожалованъ въ надворные совѣтники, имѣя 23 года отъ роду. Въ 1858 г. я имѣлъ счастіе представить всеподданнѣйшую записку Вашему И. В. Ея подлинное содержаніе мало кто зналъ но о направленіи ходили слухи. Тѣ, кому она не нравилась, не взлюбили меня. Въ 1859 г. я участвовалъ въ занятіяхъ калужскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Его занятія обратили на себя вниманіе. Онъ первый просилъ и получилъ разрѣшеніе составить проектъ Выкупного Положенія, за что ему было объявлено удовольствіе Вашего И. В. Все это не нравилось людямъ, не сочувствовавшимъ реформѣ. Я былъ въ комитетѣ не болѣе, какъ дѣлопроизводитель, но какъ мое имя было уже связано съ крестьянскимъ вопросомъ, то неудовольствіе падало на меня. Затѣмъ я обратилъ общественное вниманіе на злоупотребленія въ акціонерныхъ компаніяхъ. Люди, злоупотреблявшіе властью, объявили меня революціонеромъ. Названіе было подхвачено недовольными моими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу и съ тѣхъ поръ пошло въ ходъ. Мнѣ надо было отдохнуть и физически и нравственно, и потому я, выйдя въ отставку, уѣхалъ за-границу. Главною моею цѣлью было воспользоваться промежуткомъ, остававшимся до рѣшенія крестьянскаго вопроса, чтобъ образовать себя для будущей государственной дѣятельности; я думалъ, что она вскорѣ приметъ у насъ общеевопейскій характеръ. Путешествуя и занимаясь, я постоянно слѣ-

дилъ за нашими реформами; писалъ о нихъ, какъ умѣлъ, и посылалъ печатать въ Россію.

5.

Возвратясь въ Россію осенью 1861 г., я не рѣшился по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступить на службу. По своимъ правиламъ я былъ неспособенъ заняться ею мимоходомъ. Служа, я отдал я бы весь своимъ занятіямъ, какъ въ калужскомъ комитетѣ, гдѣ 7 мѣсяцевъ работалъ изо-дня-въ-день 14 часовъ въ сутки. Но я не имѣлъ довѣрія къ канцелярскому порядку. Служивъ подъ непосредственнымъ начальствомъ способнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, я личнымъ опытомъ убѣдился, что наша служба суживаетъ взгляды и дѣлаетъ невозможной широкую самостоятельную дѣятельность. Проживъ 1½ года въ Англіи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и Франціи, я понялъ, что канцелярскимъ формамъ нѣтъ никакой возможности совладать съ текущими дѣлами и громадными преобразованіями, одновременно лежащими на нихъ у насъ, въ настоящее время. Потому я счелъ полезнѣе заняться частною дѣятельностью. Я имѣлъ въ виду, что на всякое служебное мѣсто, которое я могъ бы занять, правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотни людей, тогда какъ оно можетъ расчитывать на весьма небольшое число дѣятелей, которые трудились бы для отечества, не прося себѣ ничего, кромѣ права трудиться. На книжной торговлѣ я остановился потому, что послѣ отмѣны крѣпостного права считалъ самымъ капитальнымъ вопросомъ для Россіи дѣло народнаго образованія. Книжная торговля давала мнѣ возможность, ведя семейныя дѣла, трудиться для этого дѣла и притомъ имѣть подъ рукою всѣ пособія для своихъ литературныхъ и ученыхъ занятій. Сверхъ того, я понималъ, что въ переживаемую нами переходную эпоху мыслящему человѣку, стоящему внѣ служебнаго круга, трудно уберечься отъ раздраженія и увлеченій. Мнѣ хотѣлось сберечь себя, и я считалъ практическую торговую дѣятельность весьма надежнымъ предохранительнымъ средствомъ. Я лично велъ значительное торговое заведеніе и долженъ былъ быть тѣмъ внимательнѣе къ дѣлу, совершенно для меня новому, что имъ было заинтересовано все мое семейство. А какъ сверхъ магазина съ библіотекой и книжной лавки съ читальней [1]) у меня были на рукахъ дѣла моей матери и различныя литературныя и общественныя занятія, то все мое время безъ остатка поглощалось усиленною работою.

6.

Но и на этомъ, рѣшительно никого не затрагивающемъ поприщѣ меня встрѣтило старинное недоброжелательство. Только теперь это была не личная непріязнь, а слѣдствіе общаго хода дѣлъ,

[1]) Открытой съ А. А. Слѣпцовымъ.

непріязнь людей отживающаго порядка къ людямъ возникающаго. Это чувство вполнѣ объясняется нашимъ настоящимъ. Люди двухъ различныхъ эпохъ необходимо должны расходиться между собою во мнѣніяхъ. Въ переживаемое нами переходное время государству необходимѣе, чѣмъ когда-либо, имѣть поле, гдѣ различныя мнѣнія могли бы открыто и спокойно сталкиваться. Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшіе люди обоихъ поколѣній имѣютъ общее чувство—любовь къ отечеству; не можетъ быть сомнѣнія, что каждое изъ мнѣній имѣетъ въ себѣ много вѣрнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по несовершенству человѣческой природы, и много недостаточнаго. Спокойнымъ, законнымъ столкновеніемъ они дополняли бы другъ друга, и преобразованія приняли бы практически вѣрное направленіе, на которомъ мирились бы всѣ добросовѣстные люди. Наше государственное устройство не представляетъ такого поля. Потому весь ходъ дѣла представляетъ не общее обсужденіе, какъ лучше устроить отечество, а борьбу между двумя порядками, борьбу со всѣми ея несчастными слѣдствіями. Главное оружіе въ ней—взаимныя обвиненія и клеветы, которыхъ некому провѣрять среди всеобщаго раздраженія. А такъ какъ эта, какъ и всякая борьба, ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, то ея жертвами непремѣнно становятся самыя выдающіяся личности съ той и другой стороны. Онѣ страдаютъ и гибнутъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, тогда какъ при другихъ условіяхъ страданій этихъ не могло бы быть вовсе, а люди, хотя бы и стояли въ разныхъ лагеряхъ, трудились бы совмѣстно для пользы отечества.

7.

Едва я открылъ торговлю, обо мнѣ стали распространять самые оскорбительные слухи. Въ мою читальню такъ нагло являлись подстрекатели, что я лично довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. оберъ-полиціймейстера. Когда начались пожары, меня называли поджигателемъ. Вслѣдъ за тѣмъ моя библіотека, книжная лавка, читальня были внезапно запечатаны. Я письменно просилъ слѣдствія надъ собой. Дѣло кончилось лишеніемъ библіотеки права чтенія въ ея помѣщеніи и упраздненіемъ читальни, вслѣдствіе чего я былъ вынужденъ закрыть и книжную лавку. Все это нанесло непоправимый вредъ моей торговлѣ, а я не получилъ даже объясненія о причинѣ этихъ мѣръ.

8.

Все это можетъ объяснить, въ какомъ настроеніи я долженъ былъ находиться, когда меня арестовали и заключили въ крѣпость. 100 дней, съ 7 іюля по 16 октября, я пробылъ въ неизвѣстности, за что, для чего, по чьему распоряженію я заключенъ. Послѣдняго я не зналъ до чтенія записки изъ дѣла въ Пр. Сенатѣ. Когда началось слѣдствіе, я не зналъ ни состава слѣдственной комиссіи, ни

на какомъ основанiи она дѣйствуетъ. Я не зналъ, на законномъ или внѣзаконномъ основанiи со мной поступаютъ. Черезъ 100 дней послѣ ареста мнѣ было предъявлено въ неопредѣленныхъ и неимѣвшихъ строгаго законнаго характера выраженiяхъ обвиненiе въ преступленiяхъ, въ которыхъ я былъ невиненъ. Затѣмъ я былъ опять 50 дней въ положенiи худшемъ, чѣмъ даже прежняя неизвѣстность. Ежедневные допросы начались черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенiя. Ходъ его былъ до-нельзя способенъ питать мои подозрѣнiя и опасенiя. Десятки вопросовъ касались моихъ бумагъ или отдѣльныхъ фразъ изъ нихъ, которыя и цензура пропустила бы въ хорошее время безъ затрудненiя. Отъ меня требовали объясненiй по письму, адресованному кѣмъ-то изъ Туна въ Берлинъ на имя моего брата, бывшаго за-границей, письму, попавшему изъ берлинскаго почтамта въ руки слѣдственной комиссiи. Мнѣ предъявляли объявленiя объ изданiи листка Долгорукаго, присланныя неизвѣстно кѣмъ на мое имя, изъ Спа, послѣ моего заключенiя, по почтѣ. Мнѣ дѣлали вопросъ о полученныхъ будто бы мною, черезъ Тургенева, письмѣ отъ Герцена и объявленiяхъ о сборѣ денегъ, не предъявляя ни этихъ документовъ, ни извѣтчика. Наконецъ, мнѣ предъявили одно за другимъ письма Герцена и Кельсiева, что ихъ привезло $5^1/_2$ мѣсяцевъ назадъ лицо, фамилiю котораго я въ первый разъ слышалъ. Изъ нихъ одно письмо Герцена говорило исключительно объ обстоятельствѣ, о которомъ я незадолго до ареста входилъ съ прошенiемъ въ цензурный комитетъ; другое, ясно писанное двумя лицами, приписывалось одному и по содержанiю вопроса, очевидно, перетолковано; письмо же Кельсiева, почерка котораго я не знаю, не имѣло ни подписи, ни моего адреса и было такого содержанiя, что я не могъ отнести его къ себѣ. Лица, привезшаго письма, мнѣ вовсе не предъявляли, хотя я самъ просилъ очной ставки съ нимъ, а по закону—мнѣ дать ее даже слѣдовало. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и многихъ другихъ неважныхъ самихъ по себѣ, но все же влiявшихъ на меня въ одномъ направленiи; сознанiе, что меня преслѣдуютъ несправедливо, и что вмѣстѣ съ моими страданiями разоряется все мое семейство, дѣлъ котораго некому было вести,—привели меня въ странное нравственное состоянiе. Я былъ раздраженъ, озлобленъ, всего опасался и ничему не довѣрялъ.

9.

При другихъ условiяхъ мнѣ могли бы внушить довѣрiе уже тѣ члены слѣдственной комиссiи, которые допрашивали меня. Впрочемъ, я не сомнѣвался въ чистотѣ ея дѣйствiй, хотя, повидимому, она была предубѣждена противъ меня; я безъ затрудненiя далъ въ Пр. Сенатѣ подписку, что мнѣ не дѣлали пристрастныхъ допросовъ, и далъ ее тогда, когда еще сущность дѣла была для меня темна и непонятна. Но я не зналъ, въ какомъ видѣ получила это дѣло слѣдственная комиссiя. Я видѣлъ положительный фактъ пе-

рехвата писемъ изъ заграничнаго почтамта и, понимая, что въ дѣлѣ такого свойства не могли участвовать правительственныя лица, имѣлъ право предполагать, что въ дѣлѣ замѣшаны грязныя руки. Наконецъ, я не зналъ, будетъ ли слѣдствіе разсмотрѣно законнымъ или внѣзаконнымъ порядкомъ. Все это заставило меня отрицать даже знакомство съ Герценомъ и Кельсіевымъ, не имѣвшее не только преступнаго, но и предосудительнаго характера, но одинъ фактъ котораго могъ послужить къ тому, чтобы погубить меня, если бы сужденіе о дѣлѣ было предоставлено внѣзаконной или спеціальной инстанціи.

10.

Опасенія мои разсѣялись преданіемъ меня суду Пр. Сената и общимъ впечатлѣніемъ перваго призыва меня въ Пр. Сенатъ. Я подтвердилъ свои отвѣты, данные при слѣдствіи, такъ какъ сущность ихъ не могла измѣниться: преступленія, въ которомъ меня обвиняютъ, я не совершилъ. Но при томъ, какъ объяснено въ пунктѣ I, объявилъ, что имѣю сдѣлать къ нимъ дополненіе. Дополнить свои показанія я считалъ нужнымъ разъясненіемъ обстоятельствъ своего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсіевымъ и точнаго характера и значенія ихъ писемъ, буде они дѣйствительно писаны или адресованы ко мнѣ[1]).

11.

Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Лондонѣ. Къ этому знакомству меня привело желаніе лично оцѣнить эти личности, о которыхъ слышалъ самые различные отзывы, а самъ заглазно не могъ составить опредѣленнаго мнѣнія. Въ Россіи, зная о нихъ больше по слухамъ, я былъ предубѣжденъ противъ нихъ. За-границей, читая ихъ серьезныя сочиненія, часто находилъ тамъ необыкновенную глубину мысли. Кромѣ того, увидя въ Европѣ на практикѣ результаты свободы печати, долженъ былъ сознаться, что различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ недостаточная причина къ обвиненіямъ. Личное знакомство представило мнѣ Герцена и Огарева въ новомъ свѣтѣ. Я увидѣлъ, что это не увлекающіеся люди и не фанатики. Ихъ мнѣнія выработаны размышленіемъ, изученіемъ и жизнью; такого рода мнѣнія всегда добросовѣстны и измѣняются, какъ скоро имъ доказана ихъ ошибочность. Все несчастіе этихъ людей въ томъ, что они должны писать за-границей. Самое задушевное желаніе ихъ вернуться въ Россію, но только отнюдь не такъ, какъ утверждаетъ г. Шедо-Ферроти, потому что такое утвержденіе — или грубое заблужденіе, или неудачная вы-

[1]) Читатель увидитъ и дальше, что Серно-Соловьевичъ все время стоялъ на формальной точкѣ зрѣнія и нигдѣ не призналъ совершенно доказаннымъ, что письмо Герцена и Огарева было адресовано къ нему; въ немъ не было обращенія, а конвертъ, въ которомъ оно лежало, былъ въ дѣлѣ, конечно, распечатанъ.

думка. Вернуться въ отечество имъ хочется, чтобы заниматься тамъ единственнымъ дѣломъ, на которое они дѣйствительно способны: быть публицистами. Чѣмъ меньше надеждъ на это, по общему ходу дѣлъ, тѣмъ сильнѣе становится ихъ раздраженіе и какъ патріотовъ, и какъ людей. Съ другой стороны, не имѣя возможности вести правильной полемики, они не могутъ провѣрять правильности своихъ взглядовъ, и это они вполнѣ сознаютъ. Потому сама сила обстоятельствъ заставляетъ ихъ писать за-границей многое, чего никогда не написали бы и не напечатали бы въ Россіи. Узнавъ ихъ лично, трудно не отдать справедливости ихъ серьезному уму и безкорыстной любви къ Россіи, хотя бы и не раздѣлялъ ихъ мнѣній [1]).

12.

Тѣмъ, что теперь называютъ пропагандистами, они въ то время не были, и мнѣ трудно повѣрить, чтобы сдѣлались потомъ. Вести пропаганду, т. е. распространять тайно свои сочиненія въ Россіи, имъ мѣшали слѣдующія, почти неустранимыя обстоятельства: а) зависимость отъ Трюбнера, которому принадлежатъ всѣ ихъ изданія; онъ — человѣкъ коммерческій, не рискующій безразсудно капиталомъ и потому не ведущій дѣлъ въ такихъ странахъ, гдѣ товаръ можетъ быть конфискованъ; б) невозможность сбыта; о провозѣ одной партіи не стоило бы и хлопотать, такъ какъ это не имѣло бы никакой цѣли, ни значенія. Устроить же постоянный сбытъ въ Россіи положительно невозможно при бдительности правительства; в) личный взглядъ Герцена, что если въ Россіи будетъ потребность въ его сочиненіяхъ, то они попадутъ туда безъ его хлопотъ; если же въ нихъ нѣтъ надобности, то и ввозимыя они не имѣли бы значенія. Потому никакой пропаганды не было въ теченіе пятилѣтняго существованія въ Лондонѣ русскаго печатанія. Изданія печатались въ небольшомъ сравнительно числѣ экземпляровъ и расходились исключительно за-границей. Если бы для существованія «Колокола» необходимы были постоянные корреспонденты, онъ не могъ бы издаваться, потому что, сколько мнѣ извѣстно, Герценъ никогда не могъ убѣдить ни одного человѣка взять на себя трудъ постояннаго сообщенія извѣстій. Но свободная печать—сила, сама притягивающая матеріалъ. Почти съ каждою почтою Герценъ получаетъ письма и статьи и изъ всевозможныхъ мѣстъ, преимущественно за-границею, и обыкновенно анонимныя. По его словамъ, ихъ содержаніе и тонъ—его единственный барометръ для оцѣнки положенія дѣлъ въ Россіи. Чѣмъ дѣла идутъ хуже, чѣмъ круче дѣйствуетъ правительство, тѣмъ рѣзче тонъ сообщеній; чѣмъ либеральнѣе поступаетъ правитель-

[1]) Давать такую оцѣнку людей, при одномъ имени которыхъ перекашивались физіономіи правительственныхъ кормчихъ шестидесятыхъ годовъ, было большимъ мужествомъ и вмѣстѣ вѣрною гибелью. Серно-Соловьевичъ понималъ это ясно, но не считалъ честнымъ поступить иначе тамъ, гдѣ рѣчь шла о людяхъ, заушаемыхъ всею рептильною прессой.

ство, тѣмъ умѣреннѣе сообщенія и тѣмъ меньше ихъ. Этимъ объясняются колебанія въ направленіи «Колокола»[1]).

13.

Однородныя занятія экономическими вопросами сблизили меня съ Огаревымъ. Я нашелъ въ немъ неутомимаго труженика и одного изъ глубочайшихъ знатоковъ нашего экономическаго положенія. Мы много говорили о Россіи. Я доказывалъ, что ихъ надежды на народъ неосновательны; что реформы снизу были бы еще неудачнѣе реформъ сверху; что вообще, по-моему, реформы только тогда могутъ быть дѣйствительны, если вмѣстѣ съ ними расширяется и возвышается нравственный и умственный уровень народа и если при нихъ не нарушаютъ ничьихъ интересовъ, потому что государственная жизнь слагается изъ совокупности всѣхъ существующихъ интересовъ и ни одного изъ нихъ нельзя нарушить безъ того, чтобъ это не отозвалось, такъ или иначе, на всѣхъ; что единственное начало, въ которомъ я вижу органически созидающую силу,—это начало свободы; всякое же насильственное измѣненіе порядка — смѣна господства однихъ началъ деспотизмомъ другихъ. Потому единственный путь, отъ котораго я жду для Россіи добра: соединеніе всѣхъ частей націи для общихъ трудовъ. А для этого необходимо, чтобы въ массѣ народа развивались образованіе и самодѣятельность, чтобы образованные классы изучали страну и народъ, которыхъ мы положительно не знаемъ, а Государь узнавалъ бы о нуждахъ и потребностяхъ, а также и средствахъ народа отъ тѣхъ, до кого непосредственно касаются правительственныя распоряженія. Таковы были тогда, такими остаются до сихъ поръ мои практическіе политическіе взгляды. Я высказывалъ ихъ во всѣхъ своихъ статьяхъ. На нихъ же основаны и моя брошюра «Проектъ окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса», и особенно найденный въ моихъ бумагахъ «Проектъ уложенія Императора Александра II». Огаревъ относился къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, а Герценъ никогда не пытался склонить меня къ болѣе крайнимъ. О какихъ-либо политическихъ замыслахъ не было и рѣчи, и я убѣжденъ, что никакихъ не существовало. Напротивъ, Огаревъ убѣждалъ меня всячески остерегаться увлеченій переходнаго времени и беречь себя для государственной дѣятельности. Мы разстались въ отношеніяхъ чисто пріятельскихъ. Когда я возвращался въ Россію, Герценъ письменно просилъ меня похлопотать, нельзя ли будетъ его сыну вернуться въ Россію и не возвратятъ ли его старшей дочери секвестрованнаго имѣнія, если бы и она пріѣхала. Наши послѣдующія отношенія ограничивались рѣдкими письмами или, вѣрнѣе,

[1]) Разумѣется, все сказанное въ п. 12 не соотвѣтствуетъ истиннымъ обстоятельствамъ. Серно-Соловьевичу надо было доказать, что онъ не участвовалъ въ пропагандѣ, и для этого онъ исходилъ изъ желанія доказать, что пропаганды никакой и быть не могло.

записками пріятельскаго содержанія. Со времени возвращенія въ Россію, мнѣ удалось имъ писать не болѣе двухъ или трехъ разъ, такъ какъ всѣ мои дѣла отвлекали меня отъ всякой недѣловой переписки.

14.

Кельсіевъ не былъ близокъ съ ними. Я его видѣлъ тамъ всего одинъ разъ. Но и съ одного раза можно было понять, что это не политическій дѣятель. Онъ человѣкъ, повидимому, съ добрымъ сердцемъ, но болѣзненный, нервный, впечатлительный. Сверхъ того занятія богословскими вопросами положили на него весьма странный отпечатокъ. Онъ легко возбудитъ участіе лично къ себѣ, но всегда поселитъ недовѣріе къ дѣлу, за которое берется. Бакунинъ былъ еще въ Сибири: его я вовсе не знаю.

15.

Въ 1862 г., когда я былъ уже въ Петербургѣ, однажды вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Кельсіевъ. Было это черезъ нѣсколько времени послѣ высылки профессора Павлова. Это посѣщеніе, сколько помню, сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: былъ тутъ Ничипоренко, и чуть ли они не вмѣстѣ пріѣхали. Я не сразу узналъ Кельсіева, видѣвъ его года за полтора. Ничипоренко зналъ, но не коротко. Онъ оставался недолго. Братъ мой, Александръ, вышелъ къ чаю и, посидѣвъ немного, ушелъ. Онъ былъ занятъ переводомъ «Всемірной исторіи» Шлоссера. Затѣмъ мы остались вдвоемъ съ Кельсіевымъ. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Москву по семейнымъ дѣламъ. Потомъ разговоръ шелъ о разныхъ неважныхъ предметахъ. Я говорилъ объ изданіи братомъ Шлоссера и вообще о моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ брату. Кельсіевъ разспрашивалъ о моей торговлѣ, жаловался на свои стѣсненныя обстоятельства и тутъ, между прочимъ, сказалъ, что досаднѣе всего, что при этомъ у него подъ руками золотыя горы—переводъ Библіи и «Сборникъ», но книги не имѣютъ доступа въ Россію, и что ему хотѣлось бы потолковать съ кѣмъ-нибудь изъ книгопродавцевъ. Я сказалъ, что если книги недозволены, то ни одинъ солидный книгопродавецъ не возьмется сбывать ихъ; сбытъ недозволенныхъ книгъ цѣлыми партіями у насъ рѣшительно невозможенъ, да и прибыль была бы слишкомъ непропорціональна риску потерять заведеніе. Тутъ же я говорилъ, что, по нынѣшнему времени, можетъ представиться благопріятная минута для полученія разрѣшенія на ввозъ, что носятся слухи о пересмотрѣ закона о раскольникахъ и что надо стараться ничѣмъ не вредить этому дѣлу, что если оно пойдетъ въ ходъ, ему, какъ спеціалисту, можетъ открыться видная законная дѣятельность. Это ему понравилось, и конецъ вечера онъ провелъ въ развитіи разныхъ плановъ о соединеніи церквей.

16.

О Герценѣ и Огаревѣ онъ говорилъ неохотно и уклончиво, изъ чего я заключилъ, что они попрежнему не въ ладу. Онъ даже не привезъ мнѣ письма.

17.

Помню, что было довольно поздно, когда онъ сталъ собираться уходить и, прощаясь, видимо затруднялся незнаніемъ мѣстности и неимѣніемъ извозчика, а я, зная, что наши мѣста (Нарвская часть) дѣйствительно безлюдны въ позднюю пору, предложилъ ему переночевать, что онъ и принялъ безъ отговорокъ. Я не разспрашивалъ, гдѣ онъ остановился, но мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ пріѣхать съ чужимъ паспортомъ, тѣмъ болѣе, что онъ назывался своимъ настоящимъ именемъ. Обстоятельствъ его прежней жизни я не зналъ, а изданіе «Сборника», не читавъ его, не считалъ препятствіемъ къ возвращенію въ Россію, такъ какъ я самъ, напечатавъ въ Берлинѣ брошюру о крестьянскомъ вопросѣ, вернулся и не былъ тревожимъ за нее. На слѣдующее утро я, по обыкновенію, отправился въ магазинъ, гдѣ всегда оставался до вечера, и затѣмъ не видалъ Кельсіева до его возвращенія изъ Москвы [1]).

18.

Что онъ дѣлалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался, съ кѣмъ видѣлся—не знаю. Помню только, что разъ утромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ, говоря, что только что изъ Москвы, и заѣхалъ по пути проститься, отправляясь въ то же утро за-границу. Тутъ я пробылъ съ нимъ недолго, спѣша въ магазинъ. Онъ сказалъ, что

[1]) Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести разсказъ Н. В. Шелгунова, разумѣется, совершенно иначе обрисовывающій посѣщеніе Кельсіевымъ Серно-Соловьевича. Заимствую его изъ сожженнаго комитетомъ министровъ изданія «Сочиненій» Шелгунова, сдѣланнаго Павленковымъ въ 1891 г.

«Я жилъ въ то время на Царскосельскомъ проспектѣ, въ домѣ Серно-Соловьевичей, двери противъ двери съ ихъ квартирой. Разъ приходитъ ко мнѣ младшій Серно-Соловьевичъ (Александръ) и таинственно предупреждаетъ, что въ теченіе трехъ-четырехъ дней къ нимъ будетъ заходить неудобно. Это предупрежденіе Серно-Соловьевичъ сдѣлалъ изъ предосторожности. Теперь каждые шаги по лѣстницѣ имѣли для меня что-то таинственное. Вотъ кто-то подымается, останавливается на нашей площадкѣ, и я притаиваю дыханіе, прислушиваюсь, жду, что будетъ дальше: дверь отворяется, сейчасъ же затворяется, таинственный посѣтитель исчезаетъ, и опять водворяется гробовая тишина, еще болѣе настраивающая меня въ чувствѣ тревожнаго ожиданія. Не скажу, чтобы это чувство было пріятное. Шаги таинственныхъ посѣтителей слышались и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и чѣмъ они слышались позже, тѣмъ больше ихъ таинственная загадочность возбуждала во мнѣ тревогу, хотя я нисколько не боялся ни за Серно-Соловьевичей, ни за себя. Тогда въ Петербургѣ жилось еще патріархально и все дѣлалось довольно открыто.........Когда Серно-Соловьевичъ снялъ съ меня запрещеніе, все получило свой обыкновенный видъ, и жизнь потекла попрежнему. Кельсіевъ вернулся благополучно въ Лондонъ. Серно-Соловьевичи были спокойны».

недоволенъ Москвой, и опять упомянулъ о «Сборникѣ», прося хоть похлопотать о немъ въ цензурѣ. Еще просилъ собрать и прислать ему все, что здѣсь печаталось съ дозволенія цензуры о расколѣ. Я обѣщалъ, но не могъ исполнить, такъ какъ онъ не оставилъ мнѣ адреса, да и не выслалъ денегъ. Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ о немъ до вопросовъ слѣдственной комиссіи.

19.

Ничипоренко показалъ, что я заѣзжалъ къ нему въ день отъѣзда Кельсіева за-границу и взялъ для него деньги. Этого я не помню. Но навѣрное помню, что видѣлся съ Кельсіевымъ въ этотъ день только одинъ разъ. Могло быть, что онъ, чтобъ не опоздать на машину, просилъ меня съѣздить къ Ничипоренко за деньгами, а я, давъ ему изъ своихъ, тотчасъ заѣхалъ къ Ничипоренко. Впрочемъ, Ничипоренко сперва показалъ, что лично далъ деньги Кельсіеву, а потомъ измѣнилъ показаніе. Я же совершенно не помню этого обстоятельства.

20.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ доказываетъ якобы неправдоподобность показаній Ничипоренка и Леоновой объ остановкѣ у него Кельсіева).

21.

Мысль о ввозѣ «Сборника» я отнюдь не считалъ цѣлью поѣздки Кельсіева. Я въ ней видѣлъ мимолетную фразу, высказанную въ пылу разговора и забытую вслѣдствіе моихъ доводовъ. Если-бъ я придавалъ ей значеніе или подозрѣвалъ, что она возродилась въ Москвѣ, я убѣдилъ бы его по возвращеніи въ невозможности и безцѣльности ввоза раскольничьихъ книгъ. Но я до сихъ поръ полагаю, что онъ уѣхалъ безъ всякихъ составленныхъ плановъ, а тѣмъ менѣе безъ подготовленныхъ средствъ къ осуществленію ихъ. Я взялся бы отговорить его чисто по своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Безъ сомнѣнія, я не считаю полезными наши законы о раскольникахъ. Кто имѣетъ принципомъ свободу, тотъ желаетъ ее для всѣхъ, понимая, что такая свобода — лучшая гарантія общественнаго благосостоянія и спокойствія и лучшая система воспитанія народа. Но здѣсь и кончается мое сочувствіе къ раскольникамъ. Между другомъ свободы и слѣпымъ приверженцемъ старины не можетъ быть симпатіи. Тѣмъ менѣе она возможна между человѣкомъ, осмысливающимъ свою религію, и людьми, для которыхъ она заключается въ однихъ обрядахъ. Отсюда логическій выводъ, что я могу желать имъ свободы *данной*, но отнюдь не взятой, такъ какъ, по общимъ историческимъ законамъ торжество раскола, достигнутое насиліемъ, было бы эпохой гибели людей, развитіе которыхъ внушаетъ имъ религіозныя чувства слишкомъ высокія для того, чтобъ ихъ могла понять невѣжественная

масса. Думать же воспользоваться раскольниками, какъ орудіями для какихъ-либо политическихъ цѣлей, значитъ не знать ни этихъ людей, ни людей вообще и не имѣть политическаго смысла. Высшія политическія, какъ и высшія религіозныя понятія,— результаты высокаго развитія и образованія. Они доступны не каждому. Людей же, стоящихъ на уровнѣ раскольниковъ, можно направить на политическія цѣли, только воспламенивъ до изувѣрства ихъ фанатизмъ. А въ такомъ состояніи съ нимъ не управится никакая политическая партія. Все это начальныя правила для людей, занимающихся политическими вопросами. Я, конечно, желалъ бы, чтобъ раскольники пробудились отъ своей неподвижности такъ какъ въ нихъ много крѣпкихъ силъ, необходимыхъ для обновленія Россіи. Но именно потому я и не желалъ бы, чтобъ они читали книги, могущія укоренять ихъ предразсудки. Имъ нужны, какъ и всему нашему народу, хорошія, толковыя, народныя книги, которыми мы такъ бѣдны.

22.

(Здѣсь Серно Соловьевичъ, пользуясь нѣкоторыми формальными уловками, старается доказать, что нѣтъ никакихъ твердыхъ основаній считать письма Герцена, Огарева и Кельсіева адресованными къ нему).

23.

Если принять во вниманіе личный характеръ Кельсіева и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, если взглянуть на его положеніе сколько-нибудь человѣчески и затѣмъ перечесть всѣ его письма вмѣстѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, то, кажется, истинное значеніе и ихъ, и всего настоящаго дѣла представляется въ довольно вѣрномъ свѣтѣ [1]).

24.

Даже не зная его лично, можно оцѣнить его характеръ по обстоятельствамъ дѣла и письмамъ. Онъ, повидимому, пріѣзжаетъ въ Россію съ чужимъ паспортомъ и выбираетъ турецкій, т. е. страны, языка которой, по всей вѣроятности, не знаетъ. Принимая чужую фамилію, сохраняетъ свое настоящее имя. Выдавая себя за иностранца, говоритъ такъ чисто по-русски, что возбуждаетъ удивленіе въ гостиницѣ. Живетъ нѣсколько времени въ Москвѣ и не заботится взять видъ на выѣздъ изъ Россіи. Принужденъ перейти границу пѣшкомъ и попадаетъ въ руки прусской полиціи. Проситъ, чтобъ ему писали условно, и теряетъ ключъ къ условнымъ выраженіямъ. Пишетъ, что высылаетъ условную азбуку, и тутъ же пишетъ, что не высылаетъ. Заказываетъ книги и не можетъ взять

[1]) Пункты 21 и 25 я считаю очень любопытными: въ нихъ сдѣланъ прекрасный и вполнѣ вѣрный анализъ дѣятельности Кельсіева вообще и во время пріѣзда въ Россію въ частности.

ихъ изъ типографіи за недостаткомъ денегъ. Не имѣетъ денегъ даже, чтобъ завести шрифтъ, и проектируетъ распространеніе сочиненій, на которыя надо употребить нѣсколько тысячъ. Вычисляетъ прибыль въ 100°/о и въ слѣдующемъ письмѣ уже возводитъ ее въ 500°/о. При такомъ характерѣ онъ попадаетъ подъ гнетъ страшно тяжелыхъ обстоятельствъ. Человѣкъ самаго обыкновеннаго образа мыслей, онъ, вѣроятно, по необдуманности заградилъ себѣ возвратъ въ отечество. Средствъ къ жизни никакихъ, а на рукахъ семья. Нравственныя страданія и физическія лишенія совершенно изнурили его. Кругомъ холодный народъ, отъ котораго иностранцу, особенно русскому, нечего ждать даже добраго слова. Единственный рессурсъ существованія — изданіе книгъ — изсякаетъ.

Трюбнеръ неохотно печатаетъ. Тогда онъ рѣшается ѣхать въ Россію. Если поѣздка имѣла другую цѣль, кромѣ семейныхъ дѣлъ, она, очевидно, была безуспѣшна. Вѣроятно, всѣ, къ кому онъ обращался, отвѣчали: «посмотримъ, надо подумать» словами, которыми обыкновенно отказываютъ дѣловые люди. Сознавая неудачу, онъ, вѣроятно, пришелъ къ мысли, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, если въ немъ примутъ участіе Герценъ и Огаревъ, и сталъ сближаться съ ними. Это не могло сладиться скоро, такъ какъ общаго у нихъ мало. Изъ писемъ видно, что переговоры тянулись съ самаго возвращенія Кельсіева, и понятно, что ни къ чему положительному не привели. Наконецъ, Герценъ, или въ видѣ опыта, или подъ вліяніемъ обстоятельствъ, согласился издавать вмѣстѣ листокъ, отдѣльный отъ «Колокола». Кельсіевъ вообразилъ себя политическимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, подошло время выставки, вдвойнѣ возбуждавшее его. Во-первыхъ, возрастаетъ дороговизна: его съ семьей чуть не гонятъ на улицу. Во-вторыхъ, стекаются массы русскихъ, идутъ разсказы, разговоры конечно нецензированные. Все это до-нельзя возбуждаетъ человѣка впечатлительнаго и нервнаго. Представляется случай писать въ Россію. Писать въ его положеніи чуть не единственное удовольствіе, потому что ничего не стоитъ. Онъ припоминаетъ всѣхъ, кому имѣетъ малѣйшую возможность писать, и пишетъ нѣсколько дней. Письма окончательно увлекаютъ его. Онъ забываетъ недавнюю неудачу и отсутствіе средствъ не только пропагандировать, но и печатать, и принимаетъ надежды за дѣйствительность, просьбы за обѣщанія, свои предположенія за исполненное уже другими. Такимъ образомъ является множество безсвязныхъ предположеній о пропагандѣ, которая и по своей цѣли, и по имѣющимся у него средствамъ для осуществленія ея—воздушный замокъ.

25.

Если Кельсіевъ имѣлъ въ виду устроить своею поѣздкою ввозъ книгъ, онъ потерпѣлъ полную и окончательную неудачу. Практическій торговый человѣкъ пойметъ это съ перваго взгляда на его письма, какъ они ни маскируютъ настоящаго положенія

дѣла. Ввозъ товара, все равно—дозволеннаго или недозволеннаго, совершается тѣмъ же порядкомъ.

Нужны: отправщикъ, провозчикъ, получатель; нужна переписка между отправщикомъ и получателемъ. Сбытъ—дѣло получателя. Кельсіевъ отправщикъ. Провозъ, какъ онъ пишетъ, въ его рукахъ, и это возможно, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ дѣла по изданію «Сборника» съ австрійскими или другими заграничными раскольниками, а тѣ, въ свою очередь, могутъ имѣть знакомыхъ контрабандистовъ. Значитъ, Кельсіеву нуженъ получатель. Получатель нуженъ всего одинъ: онъ самъ отыщетъ комиссіонеровъ, съ которыми желаетъ вести дѣло. Если получателя нѣтъ, ввозъ невозможенъ. Но если бы ввозъ былъ возможенъ, то Кельсіеву незачѣмъ было бы и ѣздить, потому что, конечно, австрійскіе раскольники устроили бы его. Если же Кельсіевъ пріѣзжалъ искать получателя и нашелъ бы такого человѣка, тотъ сказалъ бы ему: «вотъ имя для присылки товара и писемъ; дайте имя, на которое мнѣ писать вамъ»,—и дѣло было бы кончено. Если же послѣдовали уклончивые и неопредѣленные отвѣты, значитъ—дѣло не состоялось, и послѣ этого всякія письменныя сношенія безполезны. Всѣ настоящія письма Кельсіева, если отбросить все, нейдущее къ дѣлу,—просьбы принимать его книги, сообщать ему имена, указанія, какъ переписываться. Эти просьбы обращаются къ нѣсколькимъ лицамъ. Онѣ пишутся черезъ три мѣсяца послѣ его поѣздки.

Все это слишкомъ очевидные признаки его неудачи, если только онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь серьезно. Наконецъ, въ ней онъ самъ сознается. Въ одномъ письмѣ пишетъ: «моя поѣздка была не безполезна: я сдѣлалъ множество новыхъ знакомствъ». Но объ устройствѣ провоза ни слова. Въ другомъ же, къ Владимірову, котораго проситъ быть получателемъ: «безъ вашей помощи вся наша пропаганда вянетъ за-границей». Въ этомъ же письмѣ говорится, что онъ пробилъ широкіе пути книгамъ до Петербурга, что книги должны отправляться на ярмарку и что онъ проситъ продержать ихъ въ Москвѣ день или два. Тутъ явныя противорѣчія. Если книгамъ пробиты пути до Петербурга, значитъ—пропаганда не вянетъ за-границей. Если есть получатель въ Петербургѣ, незачѣмъ Кельсіеву хлопотать о получателѣ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга можно прямо отправить въ Нижній. А въ то же время, какъ это пишется Владимірову, въ письмѣ на мою фамилію сказано: «развяжите намъ руки, пришлите имя», и тутъ же сожалѣніе, что ему отсовѣтовали войти въ сношеніе по провозу съ Кожанчиковымъ. Изъ письма же къ Владимірову ясно, что тотъ и не думалъ брать на себя порученіе, такъ какъ тамъ говорится: «мы, забытые вами». Изъ всего этого очевидно, что онъ ничего не устроилъ, и тѣмъ меньше могъ устроить письмомъ. Вѣроятно, люди, отказавшіе ему, понимали, что ввозъ и безполезенъ и невозможенъ. Трудно допустить, чтобы на нихъ могли подѣйствовать письма, гдѣ вдобавокъ Кельсіевъ сознается, что у него

никакихъ средствъ нѣтъ къ печатанію. Кромѣ того, изъ писемъ видно, что люди, на содѣйствіе которыхъ онъ, повидимому, разсчитывалъ, заболѣваютъ, не даютъ денегъ и, по его собственному выраженію, «знать ничего не знаютъ».

26.

(Здѣсь идетъ детальное развитіе предшествующаго пункта).

27.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ указываетъ на противорѣчіе писемъ Кельсіева и Огарева, изъ которыхъ одно, да и то лишь въ концѣ, призываетъ его къ пропагандѣ, а второе—воздерживаетъ отъ нея).

28—30.

(Нѣсколько мелкихъ указаній, для читателя не имѣющихъ значенія).

31.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ указывалъ на ошибочность чтенія въ письмѣ къ нему Огарева словъ «обнимаю ваше общество» вмѣсто «обнимаю васъ обоихъ», съ чѣмъ сенатъ потомъ и согласился).

32—34.

(Эти пункты несущественны).

35.

Мои убѣжденія прочны, самостоятельны и, я думаю, практичны. Я не сторонникъ бюрократическаго порядка, потому что онъ несвоевремененъ и по своему существу неудобенъ для преобразованій. Я искренно желаю, чтобы преобразованія были бы не только хороши по мысли, но и практичны по выполненію, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ и средствамъ русскаго народа, денежнымъ и личнымъ. Потому я желаю, чтобы правительство, преобразовывая старый порядокъ, очевидно несостоятельный, дало возможность самому себѣ и всей Россіи услышать, въ чемъ нуждаются, что могутъ сдѣлать, чѣмъ могутъ взаимно помочь другъ другу различные слои общества, различныя мѣстности, различные народы, составляющіе наше громадное государство. Эти убѣжденія я старался высказывать, но всегда открытыми путями. Въ силу этихъ убѣжденій я былъ знакомъ и друженъ съ людьми самыхъ различныхъ мнѣній, въ которыхъ находилъ умъ, способности, познанія и любовь къ отечеству. Я искалъ такихъ знакомствъ, потому что только, слыша различныя сужденія и взвѣшивая ихъ вмѣстѣ, можно приблизиться къ истинѣ. Но быть знакомымъ съ людьми, умѣть цѣнить ихъ и содѣйствовать невозможнымъ планамъ — вещи совершенно различныя. Въ моихъ цѣляхъ и моихъ

путяхъ трудно ошибаться, если безпристрастно судить о нихъ. Моимъ первымъ политическимъ шагомъ была вышеуказанная всеподданнѣйшая записка 1858 г. Въ самую эпоху своего ареста я работалъ надъ проектомъ Уложенія Императора Александра II, и, кажется, довольно прочитать въ немъ статью объ основныхъ началахъ, которыя мнѣ хотѣлось видѣть въ нашей государственной жизни, чтобы оцѣнить мои стремленія. Въ крѣпости я составилъ обширный планъ общей финансовой и экономической реформы, мысли котораго когда-нибудь принесутъ плодъ [1]). Потомъ, узнавъ о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ Россіи, составилъ записку, чтобы дать правительству возможность имѣть въ виду, при его соображеніяхъ, и взгляды на положеніе дѣлъ людей неоффиціальнаго образа мыслей [2]). Наконецъ, въ минувшемъ декабрѣ я опять представилъ всеподданнѣйшее прошеніе на имя Вашего И. В., заключавшее въ себѣ взгляды на нынѣшнее положеніе дѣлъ, основанные на тѣхъ же широкихъ примирительныхъ началахъ [3]). Вотъ документы, обнимавшіе всю мою карьеру. Если бы сличить съ ними все печатанное мною, всюду оказались бы тѣ же мысли, вѣрность которыхъ далеко не опровергается общимъ положеніемъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ [4]).

36—51.

(Въ этихъ пунктахъ Серно-Соловьевичъ доказываетъ свою невиновность въ падавшихъ на него обвиненіяхъ, но новаго ничего не сообщаетъ).

52.

Чтобъ меня стали преслѣдовать за свой образъ мыслей, я не вѣрю. Въ царствованіе Государя, освободившаго крѣпостныхъ и заявившаго всему міру, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, свое сочувствіе къ свободѣ, такія преслѣдованія возможны только, какъ несчастныя недоразумѣнія. Они невозможны, какъ система. Если же скажутъ, что правительство преслѣдуетъ не свободный, а революціонный образъ мыслей, я отвѣчу: я высказалъ свои принципы, я желаю, чтобы начала, практически доказавшія свое превосходство въ цѣлой Европѣ, получили дѣйствіе у насъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ были приняты въ соображеніе всѣ особенности русской жизни; желаю этого потому, что при такой системѣ Россія будетъ черезъ 25 лѣтъ первою европейскою страною по своему экономическому, стало быть, и политическому положенію, тогда какъ при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ надъ нею будетъ годъ отъ года

---

[1]) Этого документа нѣтъ въ сенатскомъ архивѣ.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

[4]) Замѣчательна настойчивость Серно-Соловьевича, съ которою онъ такъ часто обращался къ правительству съ изложеніемъ своихъ плановъ по упорядоченію государственнаго управленія. Въ этомъ прошеніи, ниже, тоже будутъ очень въ этомъ отношеніи цѣнныя страницы.

сильнѣе и сильнѣе тяготѣть умственное, нравственное, финансовое, торговое и промышленное превосходство Европы. Успокаивать себя тѣмъ, что мы дѣлаемъ успѣхи, значитъ имѣть односторонній взглядъ на общее положеніе дѣлъ. Какъ бы ни гнали, мы все-таки ѣдемъ въ старомъ тарантасѣ, а Европа въ вагонахъ. Если смотрѣть не на внѣшность, а на дѣйствительныя нравственныя и экономическія силы—разстояніе между нами и Европой не уменьшается. Чтобы догнать ее, намъ надо пустить въ ходъ всѣ наши громадные, но покуда еще мертвые рессурсы. И мы могли бы это сдѣлать. Если понимать это и желать этого, если любить отечество всѣмъ своимъ существомъ и желать видѣть его счастливымъ—преступленіе — я преступникъ. Иначе я могу быть только жертвой тяжелой эпохи и несчастныхъ обстоятельствъ.

53.

Если скажутъ: намѣренія могутъ быть хороши, но средства дурны,—я отвѣчу фактическими доводами, которые мнѣ больно приводить, потому что, если мои принципы и расходятся съ принципами правительства, это не мѣшаетъ мнѣ цѣнить его дѣятельность и его стремленія. Въ дѣлѣ есть письмо генерала Дрențкина къ генералу Потапову, въ которомъ буквально высказано: *цѣль освящаетъ средства*. Я не стану вспоминать, какимъ образомъ было примѣнено это начало въ этомъ случаѣ. Но оно высказано оффиціальнымъ лицомъ, членомъ слѣдственной коммиссіи, и не только высказано, но приведено въ исполненіе, причемъ слѣдователь прямо называетъ лицъ, подлежащихъ слѣдствію, *врагами*. Примѣненіе этого начала не ограничилось однимъ случаемъ. Оно коснулось меня. Ему далъ широкое примѣненіе полковникъ корпуса жандармовъ Дурново, имѣвшій порученіе собрать свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Кельсіева. Нѣкоторыя изъ употребленныхъ имъ средствъ изложены въ его рапортѣ. О Кельсіевѣ онъ не собралъ никакихъ свѣдѣній. Но вмѣсто нихъ онъ представилъ обо мнѣ рядъ свѣдѣній положительно невѣрныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть приписаны путямъ, которыми онъ сбиралъ ихъ; источникъ другихъ, очевидно, онъ самъ... Если бы я дѣйствительно имѣлъ въ виду дурныя средства, все изложенное мною въ этомъ пунктѣ давало бы мнѣ полное основаніе сказать: почему же меня преслѣдуютъ за тотъ самый принципъ, который не только высказываютъ, но и приводятъ въ дѣйствіе оффиціальныя лица, производящія надо мною слѣдствіе? Если принципъ у насъ одинъ, надо обсудить, чьи цѣли лучше: высказываемыя мною или достигаемыя средствами, употребляемыми противъ меня. Но мнѣ не нуженъ этотъ доводъ, такъ какъ въ настоящемъ прошеніи я изложилъ свои цѣли и пути, которыми дѣйствовалъ всю жизнь. И я смѣю думать, что для истинныхъ интересовъ и Россіи и правительства они были бы гораздо полезнѣе тѣхъ средствъ, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, и тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводятъ подобныя средства.

54.

Единственный результатъ этихъ средствъ—возбужденіе дѣлъ, подобныхъ настоящему, а такія дѣла—самый несчастный анахронизмъ въ нынѣшнее царствованіе. Если бы у насъ была свобода мнѣній, существующая въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ правительство считаетъ надежнѣйшею опорою тѣсный, сердечный союзъ съ народомъ,—переписка, возбудившая настоящее дѣло, не могла бы возникнуть. Если бы въ настоящемъ случаѣ эти письма достигли назначенія, то ихъ единственнымъ результатомъ, по всей вѣроятности, было бы сожженіе ихъ.

Люди, живущіе въ Россіи и наблюдающіе за ходомъ дѣлъ, очень хорошо знаютъ силы, которыми располагаетъ правительство, и тѣ, которыя могли бы высказать сочувствіе химерамъ. Но попадая въ руки правительства, такія письма приводятъ его къ преслѣдованіямъ. А правительство преобразовывающее и правительство преслѣдующее за мнѣніе—понятія несовмѣстимыя. Зло, приносимое Россіи такими преслѣдованіями и въ настоящемъ и особенно въ будущемъ, неизмѣримо. Остановить распространеніе неблагопріятныхъ идей правительство могло бы гораздо дѣйствительными и выгоднѣйшими для Россіи мѣрами. Преслѣдовать въ Россіи революціонныя мысли значитъ создавать ихъ. Года три назадъ у насъ не было положительно ни одного человѣка, безусловно враждебнаго монархическому началу. И если бы правительство тогда же прислушалось къ общественному голосу, оно упрочило бы за собою, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, положеніе самаго популярнаго правительства въ мірѣ. Если умы молодежи были возбуждены, и она горячилась, это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ эпохи, вліянію которой всякій болѣе или менѣе подчиняется. Если бы само правительство было вполнѣ свободно отъ него, оно взглянуло бы на это явленіе совершенно съ другой точки зрѣнія и никогда не увлеклось бы въ рядъ карательныхъ и репрессивныхъ мѣръ, нисколько не соотвѣтствующихъ характеру нынѣшняго правительства и ведущихъ къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Взвѣсивъ общее положеніе дѣлъ, правительство увидѣло бы, что это возбужденіе— счастье для него. Ему представлялась возможность, давъ волю общественной дѣятельности и слову, сложить съ себя безъ всякихъ хлопотъ значительную часть своего громаднаго груза. Къ несчастію, оно не имѣетъ довольно довѣрія къ самому себѣ, къ незыблемой прочности своего положенія. Оно сочло нужнымъ обороняться отъ людей, которые были бы не въ силахъ пошевелить его *мизинца* и которые, отрезвившись практическою дѣятельностью, были бы надежнѣйшими ратниками. Этимъ оно само усиливало зло, которое думало остановить. Преслѣдованіемъ можно только погубить нѣсколько личностей и заставить идеи на время притаиться. Но это ожесточаетъ ихъ и усиливаетъ ихъ распространеніе незамѣтными, но самыми дѣйствительными путями: размышленіемъ и разговорами. Неблагопріятныя правительству идеи, какъ все, имѣютъ свою при-

чину. Эта причина заключается, главнымъ образомъ, въ неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ и въ томъ, что размѣры гражданской свободы не соотвѣтствуютъ умственному развитію общества.

Преслѣдованіе за мнѣнія не ослабляетъ, а усиливаетъ эту причину. Сверхъ того, оно гибельно тѣмъ, что, вступивъ на путь политическихъ преслѣдованій, почти нельзя остановиться, если не отказаться вовсе отъ нихъ: тутъ одинъ шагъ ведетъ за собой десять другихъ. Между мнѣніями нельзя провести рѣзкихъ границъ, особенно въ переходное время, когда самый ходъ законодательства заставляетъ общество безпрестанно мѣнять точки зрѣнія на важнѣйшія общественныя отношенія. Потому никакое правительство, начавшее въ такую эпоху преслѣдованіе за мнѣнія, не въ состояніи опредѣлить пункта, на которомъ остановится. Наше же правительство тѣмъ менѣе въ состояніи сдѣлать это, что у него нѣтъ подъ рукою никакого политическаго барометра для опредѣленія быстро измѣняющагося средняго уровня мнѣній въ странѣ. Разъ начались преслѣдованія, нѣтъ ни одного мнѣнія, ни одного человѣка, которые могли бы считать себя безопасными отъ нихъ. Настоящее дѣло вполнѣ подтверждаетъ это. Если вообще можно понять обвиненія въ сношеніяхъ съ пропагандистами, то первымъ необходимѣйшимъ условіемъ должна быть однородность мнѣній обвиняемыхъ. По настоящему дѣлу преданы суду болѣе тридцати человѣкъ. Между ними встрѣчаются: имя Тургенева, имена Максимова, Касаткина, Афанасьева, спеціалистовъ, почтенная дѣятельность которыхъ извѣстна всѣмъ, слѣдящимъ за русскою литературою, наконецъ имена постоянныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» и «Отечественныхъ Записокъ». Если сообразить, что тутъ же находятся имена двухъ титулованныхъ лицъ, двухъ купцовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, человѣка шестидесяти лѣтъ, и дѣвицы, то ясно, что мнѣнія и интересы прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ составляютъ кругъ, могущій обнять все русское образованное и полуобразованное русское общество.

И дѣйствительно, если бы правительство захотѣло быть послѣдовательнымъ—и вести до конца систему арестовъ, обысковъ, перехватовъ писемъ, допросовъ, то къ настоящему дѣлу можно бы привлечь безчисленное множество людей. Число русскихъ, ѣздившихъ въ Европу, какъ видно изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, доходило въ послѣднее время до 90 тысячъ въ годъ. Если-бъ тщательно развѣдать, оказалось бы, что весьма значительная часть изъ нихъ имѣла въ своихъ рукахъ лондонскія русскія изданія, давала ихъ читать знакомымъ, разговаривала о нихъ или посѣщала Герцена, т. е. вела пропаганду въ такой же или еще сильнѣйшей степени, какъ подсудимые по этому дѣлу. А если бы собрать имена всѣхъ, жаловавшихся словесно или письменно на существующій порядокъ вещей и, слѣдовательно, такъ или иначе пропагандировавшихъ противъ него, то трудно будетъ найти людей, не попавшихъ въ этотъ списокъ. Чѣмъ же виновнѣе всѣхъ этихъ несчастныхъ сотенъ тысячъ людей тѣ, которымъ были писаны неполученныя ими письма

о пропагандѣ? Если скажутъ, что эти утвержденія бездоказательны, то можно отвѣтить, что они до такой степени общеизвѣстны, что добросовѣстно ихъ нельзя опровергнуть. Возраженіе о доказательствахъ было бы умѣстно, если бы правительство начинало подобныя дѣла только для того, чтобы имѣть удовольствіе осудить нѣсколькихъ лицъ. Если же они имѣютъ государственную цѣль: противодѣйствія распространенію неблагопріятныхъ мнѣній, то надо и смотрѣть на дѣло съ государственной точки зрѣнія. Думать, чтобы правительство взяло на себя роль политическаго преслѣдователя изъ удовольствія или ex officio, значило бы въ первомъ случаѣ не уважать его, во второмъ отрицать въ немъ всякія политическія способности. Очевидно, оно считаетъ неблагопріятныя себѣ мнѣнія зломъ и старается пресѣчь его. Вотъ единственная серьезная точка зрѣнія на дѣло.

Но преслѣдовать пять или десять человѣкъ за то же, что дѣлаютъ всѣ, на томъ основаніи, что у этихъ пятерыхъ оказалась какая-нибудь бумажка, значитъ вводить высшее правительство въ заблужденіе объ общемъ положеніи дѣлъ и готовить ему въ будущемъ безконечныя затрудненія. Разъ правительство начало отстаивать свои мнѣнія уголовными мѣрами, и имѣетъ при этомъ государственныя соображенія, ему только и можно дѣлить мнѣнія на двѣ категоріи: благопріятныя существующему порядку, statu quo, и неблагопріятныя. Послѣднія наше правительство не имѣетъ возможности подраздѣлять на категоріи, такъ какъ у насъ нѣтъ признанныхъ политическихъ партій. Но общественное мнѣніе видимо теряетъ довѣріе къ старому порядку. Въ полуторагодовой промежутокъ были подвергнуты запрещеніямъ «Современникъ», «Русское Слово», «Время», «Современное Слово», «День». Значитъ правительство объявило неблагопріятными себѣ мнѣнія всей массы интеллигентныхъ подписчиковъ этихъ органовъ. Теперь оно предало суду, въ числѣ другихъ, сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверной Пчелы». Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени оно выразило, прямо или косвенно, свое неодобреніе почти всѣмъ важнѣйшимъ оттѣнкамъ общественнаго мнѣнія. Пять лѣтъ назадъ оно встрѣчало въ литературѣ только самое горячее сочувствіе. Такая перемѣна отношеній правительства къ умственнымъ силамъ страны должна бы, кажется, убѣдить опытныхъ государственныхъ людей, что положеніе государства требуетъ не преслѣдованія за мнѣнія, а совсѣмъ другихъ мѣръ.

Русскій народъ слишкомъ практиченъ и хладнокровенъ, чтобъ увлечься словами или теоріями. Главная масса его обезпечена землею. Потому пропаганда революціонеровъ всего міра заставила бы его только ухмыляться, если бы дѣла шли хорошо. Въ образованномъ же обществѣ ее встрѣтило бы только негодованіе. Но, наоборотъ, если дѣла идутъ неудовлетворительно, никто не повѣритъ у насъ, что они идутъ хорошо, хотя бы въ печати появлялись однѣ хвалы. Въ этомъ отношеніи наша публика обладаетъ большимъ тактомъ. Съ самаго начала нынѣшняго царствованія всѣ стали го-

ворить, что «новое вино не льютъ въ старые мѣха». Въ то время это относили преимущественно къ людямъ стараго времени. Люди мало-по-малу смѣнялись, въ составъ правительства входили способнѣйшія и дѣятельнѣйшія изъ служащихъ лицъ, но общее положеніе дѣлъ, все-таки, не улучшалось. А въ этотъ промежутокъ общество сдѣлало громадные успѣхи въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Оно поняло, что подъ мѣхами надо понимать, главнымъ образомъ, руководящія начала и механизмъ правительственной системы, и что, если даже самыя начала вѣрны, то для практическаго примѣненія ихъ безусловно необходимы соотвѣтственныя имъ формы.

Ближайшее знакомство съ европейскими государственными учрежденіями и изученіе отечественной исторіи внѣдрили въ умы убѣжденіе, что намъ нѣтъ иного пути выбиться изъ настоящихъ затрудненій, какъ при помощи мѣры, искони спасавшей Россію въ трудныя минуты. Русская земля увидѣла себя въ новомъ, необычайномъ положеніи, и нашъ природный мірской инстинктъ заговорилъ въ цѣлой массѣ образованнаго общества. Оно почувствовало неодолимое желаніе уяснить себѣ это положеніе, обсудить его міромъ, соборне. Если вслушаться въ общественный голосъ, оказалось бы, что почти всѣ многоразличные его оттѣнки сходятся и мирятся на этой спасительной мѣрѣ, а что всякія предложенія, идущія далѣе, возбуждаютъ въ обществѣ негодованіе. Таково было состояніе общественнаго мнѣнія за полтора года. Общее положеніе дѣлъ въ государствѣ извѣстно, болѣе или менѣе, всякому. Послѣ восьми лѣтъ непрерывной и самой добросовѣстной дѣятельности правительства [1]), нельзя назвать ни одной части, окончательно устроенной; финансы, и государственные и частные, въ положеніи, которое трудно назвать удовлетворительнымъ; бремя государственнаго долга увеличивается съ быстротою, едва ли бывалою въ нашей исторіи до крымской войны; во внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ открылись старыя раны; отношенія къ Европѣ ухудшаются; конца тяжелаго переходнаго времени не видать и вдали, а трудности положенія скорѣе возрастаютъ, чѣмъ уменьшаются. Въ это самое время въ подвластной Россіи странѣ [2]) правительство принимаетъ мѣру однородную съ той, которая составляетъ предметъ желаній большинства нашего образованнаго общества, но которой мы не можемъ открыто просить подъ страхомъ обвиненія въ государственномъ преступленіи.

---

[1]) Любопытно, что Серно-Соловьевичъ не включаетъ въ время «самой добросовѣстной дѣятельности правительства» 1863 годъ (1855 — 1862 гг. будетъ ровно восемь), годъ, когда правительству поневолѣ пришлось снять маску реформатора и откровенно вступить на искони излюбленный путь реакціи. Впрочемъ, на-ряду со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ въ этомъ прошеніи петропавловскій узникъ, эта его откровенность была менѣе непріятна.

[2]) Финляндія. Въ сентябрѣ 1863 г. Александръ II, открывая сеймъ, обѣщалъ даровать «либеральныя учрежденія», и вскорѣ кое-что было дѣйствительно дано. Фактъ указанія на это Серно-Соловьевичемъ доказываетъ, что, сидя въ крѣпости, онъ имѣлъ обо всемъ происходящемъ въ Россіи точныя свѣдѣнія.

Вотъ сущность общаго положенія дѣлъ, до того труднаго и необычайнаго, что, вѣроятно, подобнаго не запомнятъ и самые старые изъ живущихъ людей. Преслѣдуя въ такую пору за мнѣнія, правительство добровольно создаетъ себѣ новыя затрудненія или ненужныя, или опасныя. Преслѣдовать людей, не уяснившихъ самимъ себѣ, чего хотятъ, и предлагающихъ химеры, безполезно, потому что съ ними безъ труда управится общественное мнѣніе. Преслѣдовать же людей, выражающихъ разумныя желанія, желанія значительной части общественнаго мнѣнія, значитъ вступать на путь, ведущій въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ къ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. Этого, очевидно, не можетъ желать правительство.

Итакъ, прежде чѣмъ рѣшаться продолжать такое преслѣдованіе, правительству въ виду всѣхъ настоящихъ трудностей предстоитъ рѣшить два капитальныхъ вопроса: надѣется ли оно въ непродолжительномъ времени вывести Россію изъ затруднительнаго положенія безъ помощи мѣры, указываемой общественнымъ голосомъ? и надѣется ли оно уничтожить въ умахъ убѣжденія, что такая мѣра полезна и необходима? Если правительственныя лица рѣшатся сказать Государю и Россіи *да*, то благоразуміе требовало бы объяснить всей Россіи, какимъ образомъ надѣются этого достигнуть, и не преслѣдовать людей, имѣющихъ сдѣлать возраженія противъ такого утвержденія, а дать имъ возможность высказать свои доводы. Такимъ путемъ добросовѣстныя недоразумѣнія разъяснились бы со всѣхъ сторонъ легко и просто. Если же государственная опытность удержала бы правительственныхъ лицъ отъ такого положительнаго утвержденія и заставила бы ихъ задуматься надъ вопросами, они не могли бы не вспомнить общеисторическаго закона: «чѣмъ раньше и полнѣе принимаетъ правительство мѣру, необходимость которой начинаетъ сознавать общество, тѣмъ дешевле она достается и тѣмъ лучше приноситъ результаты». Это исторически доказанная истина. То, что однимъ поколѣніемъ принимается, какъ даръ, требуется слѣдующимъ, какъ право. А если это вѣрно, то преслѣдовать людей, призывающихъ на это вниманіе правительства, значитъ дѣйствовать въ ущербъ ему и къ явной невыгодѣ Россіи. Итакъ, съ какой стороны ни подходить къ вопросу, преслѣдованіе за мнѣнія не можетъ принести ничего, кромѣ вреда.

55.

Я старался изложить въ настоящемъ прошеніи не только относящіеся къ дѣлу факты, но и сущность своихъ убѣжденій, считая это необходимымъ для своего оправданія по существу обвиненія. Меня обвиняютъ въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Я объяснилъ, что эти сношенія имѣли характеръ личнаго знакомства. Я высказалъ свои мнѣнія. Они могутъ быть ошибочны, но они добросовѣстны и самостоятельны, и потому для меня невозможна пропаганда чужихъ мнѣній. Я не сторонникъ никакой отвлеченной теоріи, по-

тому что послѣдовательно знакомился со всѣми и нашелъ въ каждой столько же свѣтлыхъ мыслей, сколько нелѣпостей. Это привело меня къ тому, что я ищу одного: счастья отечества, т. е. всѣхъ безъ исключенія имѣющихъ долю въ немъ, счастья не на словахъ, а на дѣлѣ. По-моему, скорѣе и дешевле всего привела бы къ этому свобода и опять-таки не химерическая свобода, а практическая, при разумномъ согласованіи и прочномъ обезпеченіи всѣхъ существующихъ въ государствѣ интересовъ. Если мои мнѣнія ошибочны, то первый человѣкъ, который доказалъ бы мнѣ это путемъ фактовъ, заставилъ бы меня перемѣнить образъ мыслей. Но преслѣдованія и наказанія не считаю убѣдительными доводами, зная, что правильныя мнѣнія къ нимъ не прибѣгаютъ. Если бы мои страданія приносили какую-нибудь пользу отечеству, я охотно бы несъ свой крестъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы мое полуторагодовое заключеніе улучшило хотя на одну линію общее положеніе дѣлъ въ государствѣ. А между тѣмъ оно разорило цѣлое семейство, причинило много огорченій и нравственныхъ страданій, лишило общество дѣятельности человѣка, каждый день старавшагося сдѣлать что-нибудь полезное. Трудно говорить, чтобы правительство или отечество что-нибудь выиграли этимъ. Какая бы участь ни ждала меня въ будущемъ, я встрѣчу ее съ твердостью. Но, зная, что вся моя вина—убѣжденія, а они враждебны только тѣмъ, кто не дорожитъ благомъ отечества, я полагаюсь на справедливость судебъ, благоразуміе государственныхъ людей и любовь къ Россіи нашего августѣйшаго монарха.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было: 1) Правительствующему Сенату принять во вниманіе содержаніе сего прошенія при слушаніи дѣла объ обвиненіи меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами и 2) Правительствующему Сенату, по выслушаніи сего прошенія, приказать освободить меня изъ заключенія, отдавъ на поруки, впредь до рѣшенія дѣла обо мнѣ, подъ надежное поручительство. С.-Петербургъ. Января 12 дня 1864 г. Къ поданію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената. Прошеніе сіе сочинялъ и набѣло переписывалъ самъ проситель отставной надворный совѣтникъ *Николай Александровъ сынъ Серно-Соловьевичъ*.

«Содержусь въ С.-Петербургской крѣпости».

ПРІѢЗДЪ ТУРГЕНЕВА.

7-го января (1864 г.) Тургеневъ явился въ присутствіе сената для выслушанія высочайшаго повелѣнія о преданіи его суду. Затѣмъ съ него была взята подписка о невыѣздѣ изъ столицы безъ разрѣшенія сената.

31-го января онъ вторично былъ въ сенатѣ и по предъявленіи показаній Налбандяна и Ничипоренка показалъ:

«Въ показаніяхъ г. Налбандова я нашелъ новаго—противъ присланныхъ мнѣ запросовъ—только упоминовеніе моего свиданія съ маркизомъ де-Траверсе. Я дѣйствительно видѣлся съ маркизомъ де-Траверсе два раза по тому же дѣлу доставленія женѣ Бакунина денегъ и ни о чемъ другомъ съ нимъ не говорилъ. Онъ, сколько мнѣ помнится, далъ сто рублей и сообщилъ мнѣ адресъ г-жи Бакуниной, жены Павла Александровича Бакунина, черезъ которую деньги были посланы въ Иркутскъ. Г. Налбандовъ упомянулъ-было въ одномъ показаніи о полученіи черезъ меня какого-то письма Бакунина, но потомъ самъ вычеркнулъ мое имя, вспомнивъ, что это письмо было вручено ему маркизомъ де-Траверсе. Мнѣ остается подтвердить это показаніе въ томъ смыслѣ, что собственно я ничего не зналъ объ этомъ письмѣ. Сверхъ того, я долженъ повторить уже объясненное мною въ моихъ отвѣтахъ: Бакунинъ, дѣйствительно, выражалъ мнѣ свое желаніе снабдить меня словаремъ для облегченія мнѣ переписки о его женѣ, о ея путешествіи изъ Сибири въ Тверскую губернію и т. п. Но этого словаря онъ мнѣ не далъ, и если писалъ объ этомъ, то либо память ему измѣнила, либо онъ дѣйствовалъ въ силу неизвѣстныхъ мнѣ цѣлей.

«Что касается до показанія г. Ничипоренка, то въ пополненіе моихъ прежнихъ отвѣтовъ имѣю сказать слѣдующее:

«Я г. Ничипоренка видѣлъ всего два раза: лѣтомъ 1860 г. у себя въ деревнѣ, въ Орловской губерніи, и потомъ 1862 г. весной въ Парижѣ. Въ деревню онъ ко мнѣ заѣхалъ (какъ онъ это самъ показываетъ на листѣ 59-мъ), временно проживая въ гостяхъ по сосѣдству и желая со мной познакомиться. Я нашелъ въ немъ человѣка молчаливаго и мало интереснаго; посѣщеніе его продолжалось весьма недолго, и онъ уѣхалъ, не высказавъ никакихъ своихъ убѣжденій. Я совершенно забылъ о его существованіи, когда онъ явился ко мнѣ въ Парижъ, и тутъ наше свиданіе продолжалось еще менѣе и было еще незначительнѣе. Я собирался ѣхать въ Россію, и онъ просилъ меня передать небольшой пакетъ г. Серно-Соловьевичу. Въ г. Серно-Соловьевичѣ, съ которымъ я вовсе знакомъ не былъ, я могъ видѣть только книгопродавца и не имѣлъ никакого понятія объ его политическихъ воззрѣніяхъ, а въ г. Ничипоренкѣ я имѣлъ передъ собой человѣка, почти мнѣ незнакомаго, политическія воззрѣнія котораго мнѣ были также совершенно неизвѣстны, и которому приходилось оказать небольшое одолженіе, весьма обыкновенное при отъѣздѣ русскихъ изъ-за-границы. Вообще весь этотъ фактъ, по своей незначительности и обыденности, до того мало слѣда оставилъ въ моей памяти, что я, по справедливости, могъ написать въ своихъ прежнихъ отвѣтахъ что не помнилъ хорошенько, отъ кого именно получилъ я этотъ пакетъ. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, я передалъ его даже не самому г. Серно-Соловьевичу, а одному изъ его приказчиковъ, и, помнится, тутъ же подписалъ небольшую сумму въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ (дѣло происходило

въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г.) на листѣ, выставленномъ отъ имени того же самаго г. Серно-Соловьевича. Нечего прибавлять, что я не зналъ и не любопытствовалъ знать содержаніе врученнаго мнѣ пакета, въ которомъ, какъ видно изъ словъ г. Ничипоренка, содержались запрещенныя бумаги.

«Остается мнѣ упомянуть о письмѣ Герцена, найденномъ у неизвѣстнаго мнѣ г. Владимірова, въ которомъ онъ, Герценъ, проситъ выслать деньги на его имя въ Лондонъ или на имя мое въ Парижъ. Я утверждаю честнымъ словомъ, что ни денегъ никакихъ не получалъ, ни Герценъ не просилъ меня объ этомъ. Онъ и не нуждался въ подобной просьбѣ, справедливо предполагая что, если бы я получилъ деньги на мое имя для доставленія *ему*,—я бы ихъ не задержалъ и препроводилъ бы ихъ по адресу. Но, повторяю, денегъ я никакихъ не получалъ, и вообще въ первый разъ объ этомъ слышу. Въ такъ называемомъ *русскомъ фондѣ*, извѣстномъ мнѣ единственно по «Колоколу», нѣтъ ни моихъ, ни присланныхъ черезъ меня денегъ, подтверждаю это вторично моимъ честнымъ словомъ».

28-го января сенатъ опредѣлилъ разрѣшить Тургеневу выѣхать за-границу съ отобраніемъ, однако, подписки о явкѣ по первому требованію.

Еще не выѣзжая изъ Петербурга, Тургеневъ увидѣлъ № 177 «Колокола» (15 января), въ которомъ были такія строки: «Корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужескаго рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго «она прервала всѣ связи съ друзьями юности»...

Иванъ Сергѣевичъ понялъ, въ кого мѣтилъ Герценъ, узнавшій объ его письмѣ государю и о показаніяхъ... Желаніе во что бы то ни стало оправдаться заставило Тургенева написать Герцену, по пріѣздѣ въ Парижъ, письмо, въ которомъ онъ не постѣснялся сказать: «Если-бъ я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости (sic?) вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, которымъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моимъ судьямъ»... [1])

Герцену этого было достаточно, чтобы надолго прервать свои отношенія съ Тургеневымъ.

ВТОРОЕ ПРОШЕНІЕ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

Въ засѣданіи 27-го января сенатъ опредѣлилъ: на поруки Серно-Соловьевича не отдавать, а по содержанію прошенія изготовить вопросные пункты.

[1]) Женевское изданіе писемъ, стр. 181.

На другой день товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ вторично сообщилъ, что до сихъ поръ не могутъ обнаружить мѣстопребываніе Александра Серно-Соловьевича и Черкесова.

10-го февраля Серно-Соловьевичъ былъ вызванъ для допроса по содержанію своего прошенія. На вопросъ, почему онъ не донесъ правительству о желаніи Кельсіева распространить свои изданія въ Россіи, Николай Александровичъ отвѣчалъ между прочимъ: «Мои обязанности вѣрноподданнаго опредѣляются положительнымъ закономъ и совѣстью. Тамъ, гдѣ ихъ требованія расходятся, гдѣ приходится поступаться или противъ закона, или противъ совѣсти, я всегда дѣйствую по внутреннему убѣжденію. Извѣщать правительство о мысляхъ, высказываемыхъ у меня въ домѣ моимъ гостемъ, я считаю противнымъ своей совѣсти. По моимъ понятіямъ, въ государствѣ, гдѣ правительство имѣетъ спеціальныя учрежденія для наблюденія за политическимъ направленіемъ и мнѣніями подданныхъ, обязанность частнаго человѣка извѣщать правительство можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ и серьезнымъ опасностямъ, грозящимъ особѣ Его Императорскаго Величества или государству. Извѣщеніе же о мысляхъ, высказываемыхъ въ разговорѣ, и притомъ такъ неопредѣленно, какъ эта мысль была высказана мнѣ, по моему мнѣнію, повело бы только къ развращенію общественной нравственности и, слѣдовательно, было бы прямо противно истиннымъ интересамъ Его Императорскаго Величества и государства, значитъ, въ моихъ глазахъ такое извѣщеніе было бы съ моей стороны нарушеніемъ моихъ истинныхъ обязанностей».

На другой вопросъ онъ между прочимъ написалъ:

«Дѣятельность тѣхъ, которые поступаютъ сколько-нибудь самостоятельно, я дѣлю на три категоріи: 1) *преступную*—по-моему дѣятельность тѣхъ, которые изъ личныхъ цѣлей или нечестныхъ побужденій старались бы удержать порядокъ вредный для общества или водворить невозможный; 2) *несчастную*—дѣятельность тѣхъ, которые стали бы дѣйствовать въ томъ же смыслѣ по непониманію, увлеченію или убѣжденію; 3) *разумную*—дѣятельность тѣхъ, которые, понимая, чего требуютъ время и обстоятельства, старались бы достигнуть своихъ цѣлей разумными путями».

Въ протоколѣ засѣданія сказано, что «по выслушаніи всѣхъ предложенныхъ ему десяти вопросовъ Серно-Соловьевичъ сказалъ, что находится въ затрудненіи, по силѣ того самаго прошенія, отвѣчать на оные. За симъ, когда объяснено ему было, что затрудненіе быть не должно, ибо въ отвѣтахъ своихъ онъ можетъ писать то, что признаетъ нужнымъ, и при этомъ нѣтъ ему никакого насилія, онъ сказалъ: «физическаго—да, но моральное—огромное». Положено записать о семъ въ журналъ и принять отъ него отвѣты въ томъ видѣ, въ какомъ даны имъ будутъ, не требуя дальнѣйшихъ отъ него разъясненій по сему прошенію».

11-го февраля кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ второе всеподданнѣйшее (опять-таки по формѣ, а не по существу) прошеніе Серно-Соловьевича, писанное имъ 26-го января.

Приведу и его съ нѣкоторыми сокращеніями.

Послѣ обычнаго начала слѣдовали «пункты».

1.

«Въ дополненіе къ моему прошенію отъ 12 сего января считаю необходимымъ объяснить нижеслѣдующее.

2.

Главною побудительною причиною къ подачѣ того прошенія было не желаніе облегчить свою участь. Для людей сильныхъ убѣжденій вызываемыя ими наказанія имѣютъ значеніе мученичества или страданій, дѣлающихъ для распространенія этихъ убѣжденій несравненно больше самой усиленной личной дѣятельности. Кромѣ того, всякій, знакомый съ настоящимъ дѣломъ и нашимъ уголовнымъ законодательствомъ, долженъ согласиться, что мнѣ было бы гораздо выгоднѣе оставить дѣло въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно находилось до моего прошенія. Слѣдственная комиссія не представила противъ меня ни одного юридическаго доказательства. Предъявленныя мнѣ письма были въ открытыхъ конвертахъ, безъ печатей, безъ адресовъ, безъ подписей. Не было выяснено, можетъ ли Ветошниковъ доказать, что это дѣйствительно тѣ письма, которыя онъ получилъ отъ названныхъ имъ лицъ, что эти лица дѣйствительно дали ему письма и что слѣдуютъ мнѣ. Значитъ, передъ судомъ они не имѣли никакой силы. Знакомство мое съ Герценомъ и Кельсіевымъ было доказано. Такимъ образомъ, если бы я имѣлъ цѣлью только избѣжать наказанія, я основалъ бы свою защиту исключительно на томъ, что противъ меня нѣтъ никакихъ формальныхъ доказательствъ. Вмѣсто того я самъ подробно объяснилъ обстоятельства моего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсіевымъ, объяснилъ, что письмо, приписываемое Герцену, но, очевидно, писанное двумя почерками, писано не только Герценомъ, но и Огаревымъ, о которомъ вовсе не упоминалось при слѣдствіи; наконецъ, объяснилъ происхожденіе и значеніе всѣхъ этихъ писемъ.

3.

Я сдѣлалъ все, что могъ, для разъясненія этого дѣла главнымъ образомъ вслѣдствіе происшедшей во мнѣ самомъ перемѣны. Размышленія и серьезныя занятія значительно измѣнили мой образъ мыслей. Я свято сохранилъ свои основныя убѣжденія и пересталъ бы уважать себя, если бы измѣнилъ имъ. Но перемѣнились мои взгляды на положеніе нашего отечества и вообще на людей. Чтобъ вполнѣ уяснить эту перемѣну, пришлось бы написать цѣлый томъ, такъ какъ она совершилась не внезапно, а началась еще до моего ареста и шла постепенно по мѣрѣ того, какъ я анализировалъ и уяснялъ себѣ закоулки человѣческаго сердца и различныя части сложнаго и запутаннаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Я мало-по-малу дошелъ до сознанія, что высокіе идеалы доступны

только для отдѣльныхъ личностей, но недостижимы для цѣлыхъ массъ, что тѣ или другія условія общественной и государственной жизни зависятъ отъ степени развитія общества или народа и не могутъ быть привиты ему никакими искусственными средствами, что потому человѣкъ, сознательно и сильно желающій общественнаго блага, долженъ приспособлять свои личныя мнѣнія къ практикѣ и, не стремясь къ невозможному, всѣми силами содѣйствовать тому, что возможно и полезно. Конечнымъ результатомъ этихъ долговременныхъ думъ было мое всеподданнѣйшее прошеніе изъ крѣпости Вашему И. В., гдѣ былъ изложенъ краткій взглядъ на нынѣшнее состояніе умовъ [1]. Подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей я писалъ и прошеніе по моему дѣлу.

4.

Сущность этихъ мыслей сводится на то, что въ настоящее время всякій свободный человѣкъ, серьезно желающій пользы отечеству, долженъ не отдѣляться отъ правительства, а тѣсно примыкать къ нему. Если бы я могъ въ своемъ положеніи предлагать правительственнымъ лицамъ условія своего содѣйствія, я прямо сказалъ бы: если бы я былъ теперь на свободѣ, всѣ мои способности направлены были бы къ тому, чтобы распространять эту мысль въ молодомъ поколѣніи. Не имѣя права сдѣлать этого, въ своемъ прошеніи я просто высказалъ вмѣстѣ съ фактами, относящимися къ дѣлу, исповѣдь своихъ убѣжденій. По моему настоящему образу мыслей, я думалъ, что если правительство смотритъ на всѣ уголовно-политическія дѣла съ широкой государственной точки зрѣнія, то для него главный вопросъ долженъ быть въ томъ, чтобы пріостановить напоръ неблагопріятныхъ мыслей и мнѣній. Своимъ прошеніемъ я хотѣлъ доставить ему полную возможность судить меня по моимъ мнѣніямъ и вмѣстѣ дать самое положительное доказательство, что мои мнѣнія не враждебны правительству, заботящемуся о народномъ благѣ и способному сдѣлать государство счастливымъ.

5.

Продолжая знакомиться съ дѣломъ подачи своего прошенія, я узналъ, что въ минувшемъ ноябрѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе Вашего И. В. о томъ, чтобы Пр. Сенатъ освобождалъ изъ заключенія подсудимыхъ по политическимъ дѣламъ, которые покажутъ раскаяніе и будутъ содѣйствовать обнаруженію злоумышленій указаніемъ своихъ сообщниковъ, и доводилъ бы о нихъ до свѣдѣнія Вашего И. В. Мнѣ было неизвѣстно объ этой высочайшей волѣ, когда я писалъ свое прошеніе. Узнавъ о ней, я считаю не только своимъ правомъ, но своею обязанностью просить, чтобъ на меня распространили дѣйствіе этого высочайшаго повелѣнія, вслѣдствіе моего перваго прошенія и дополнительныхъ объясненій, изложенныхъ здѣсь.

[1]) Я уже говорилъ, что этого прошенія въ дѣлѣ нѣтъ.

6.

Мнѣ кажется, что я могу подойти подъ него, если слѣдовать не одной буквѣ, а духу его. Я думаю, что не превратно истолкую высочайшую волю, говоря, что вижу въ ней не желаніе прельстить подсудимаго или наградить его за отступничество, а благія, милосердныя и глубоко государственныя мысли: подавить непріязненныя правительству мнѣнія великодушіемъ и милосердіемъ, самыми дѣйствительными орудіями противъ политическихъ подсудимыхъ, и пригласить ихъ откровенно сообщать правительству причины ихъ вражды, чтобы дать ему возможность уничтожить ее. Кажется, такого объясненія нельзя отвергнуть. Отвергая его, придется или вовсе не примѣнять высочайшаго повелѣнія, или сдѣлать его источникомъ большихъ затрудненій для правительства. Примѣняя его только по буквѣ, придется большею частью облегчать участь людей, совершенно недостойныхъ, и до безконечности усиливать всеобщее раздраженіе въ общественномъ мнѣніи. Тотъ, кто предаетъ своихъ друзей, чтобъ облегчить свою участь, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ. А если бы стали примѣнять это высочайшее повелѣніе не по духу, а по буквѣ, имъ непремѣнно воспользуется всякій подсудимый, не имѣющій прочныхъ нравственныхъ началъ и готовый торговать своими мнѣніями. Онъ непремѣнно назоветъ нѣсколькихъ лицъ, съ которыми имѣлъ какія-нибудь сношенія, и выразитъ раскаяніе. Человѣкъ лукавый сумѣетъ сдѣлать это такъ ловко, что всегда подойдетъ подъ букву высочайшаго повелѣнія. Часто черезъ это придется страдать или, по крайней мѣрѣ, тревожиться людямъ совершенно невиннымъ, но которымъ по стеченію обстоятельствъ трудно будетъ положительно отвергнуть обвиненіе, тѣмъ болѣе, что почти никогда нельзя положительно доказать, что оговоръ вымышленъ. Если принять во вниманіе неумолимую суровость нашихъ уголовныхъ законовъ и благородныя понятія нашей публики о требованіяхъ политической чести, то не трудно понять, что все это производило бы самое неблагопріятное для правительства впечатлѣніе въ публикѣ и окончательно ожесточило бы людей, не расположенныхъ къ правительству. Отсюда, кажется, ясно, что высочайшее повелѣніе дано не въ узкомъ, буквальномъ, а въ широкомъ государственномъ смыслѣ, обнимающемъ всѣхъ, которые окажутся не безусловными противниками правительства. Тогда оно—истинно благотворная мѣра, показывающая глубокое знаніе человѣческой природы, такъ какъ тогда въ основаніи его ляжетъ несомнѣнно совершенно вѣрная мысль, что уединенное размышленіе можетъ дать мыслямъ зрѣлость, а люди убѣжденные, сдѣлавшись зрѣлѣе, непремѣнно будутъ полезными людьми.

Но въ этомъ смыслѣ я прямо подходилъ бы подъ высочайшее повелѣніе. Я не отрекаюсь отъ своихъ убѣжденій, не поношу ни ихъ, ни людей непріятныхъ правительству, не прибѣгаю ни къ какимъ фокусамъ. Но я говорю, что мои убѣжденія были и остались

чисты и честны; сознаюсь, что они не правительственнаго оттѣнка, и не благопріятны канцелярскому порядку, которому я и противодѣйствовалъ словомъ и перомъ, но говорю, что они добросовѣстны, и что я всегда имѣлъ въ виду исключительно общую пользу и счастіе отечества, а не какія нибудь другія побужденія; я могъ ошибаться въ практическомъ примѣненіи своихъ взглядовъ, но опытъ, время, размышленія постоянно дѣлаютъ ихъ правильными и практическими. Я не называю сообщниковъ, потому что заранѣе обдуманной пропаганды я не велъ, но мнѣ пришлось бы называть безъ конца людей, у которыхъ я видалъ запрещенныя изданія, о которыхъ знаю, что они писали или говорили противъ существующаго порядка, значитъ—такъ или иначе пропагандировали противъ него. Сверхъ того, по своимъ понятіямъ о чести я скорѣе бы пошелъ на казнь, чѣмъ сдѣлаться Іудой, а по своимъ свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ знаю, что мое чистосердечное раскаяніе и обнаруженіе злоумышленниковъ было бы только цѣлымъ рядомъ совершенно безполезныхъ для государства сплетней, которыя обратили бы настоящее дѣло о пропагандѣ въ громаднѣйшій скандалъ. Въ какое положеніе было бы поставлено само правительство, если бы я думалъ представлять безконечный списокъ знакомыхъ и полузнакомыхъ мнѣ лицъ, порицавшихъ его дѣйствія или недовольныхъ существующимъ порядкомъ? А вѣдь это корень всякой пропаганды. Потому я и говорю правительству:

«Зло—не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а во времени и обстоятельствахъ. Мы больны радикально, и потому лѣченіе должно быть радикальное и серьезное. Отыскивать въ такое время такъ называемыхъ злоумышленниковъ, чтобы истреблять ихъ, то же, что стараться избавиться отъ какой-нибудь сыпи или оспы, срывая ее. Не пропаганда вызываетъ раздраженіе, а раздраженіе—пропаганду, а причина раздраженія—общее положеніе дѣлъ. И лондонскіе и всякіе другіе пропагандисты—продуктъ времени. Уничтожьте этихъ людей, ихъ мѣста займутся другими, еще опаснѣйшими, если не измѣнятся обстоятельства. Истинная государственная мудрость въ томъ, чтобы понять, что всѣ эти люди не злоумышленники, а люди сильныхъ убѣжденій, и что изъ ихъ способностей искусное правительство сумѣетъ извлечь огромную пользу для государства. Правильность этихъ взглядовъ я могъ бы доказать положительными данными и фактами, и, если правительство пожелаетъ, всѣ мои способности и знанія къ услугамъ отечества».

Если одиночное размышленіе дало моимъ мыслямъ правильное направленіе, если я теперь лучше понимаю наше положеніе и характеръ дѣятельности правительства, оно не можетъ не понять, что человѣкъ моего закала, говорящій такимъ образомъ, стоитъ человѣка, раскаявшагося и назвавшаго сообщниковъ.

8.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ снова доказываетъ старыми аргументами отсутствіе организованной лондонской пропаганды).

9.

(Здѣсь заключаются указанія не интересныя для читателя).

10.

По своей сущности это дѣло не имѣетъ почти никакого значенія. Его основаніе: приглашеніе содѣйствовать предполагаемой пропагандѣ, приглашеніе, не дошедшее до тѣхъ, кому адресовано. Въ странѣ со свободой печати подобнаго дѣла не могло бы и возникнуть. Но оно чрезвычайно важно, какъ одинъ изъ симптомовъ времени и обстоятельствъ. Вотъ почему пунктъ 54-й моего прошенія важнѣе для правительства ста раскаяній, если только оно пожелаетъ извлечь изъ него пользу. Въ этомъ пунктѣ нѣтъ ни одного слова, сказаннаго на вѣтеръ, каждая фраза имѣетъ государственный смыслъ, подробное разъясненіе котораго со всѣми фактическими и историческими доводами потребовало бы цѣлой книги. Во власти правительства воспользоваться имъ или нѣтъ. Но я скажу, что могу документально, печатными статьями доказать, что во множествѣ государственныхъ и экономическихъ вопросовъ сбывались мои предсказанія, дѣлаемыя задолго до событій. Это я говорю не изъ самохвальства, а изъ сердечнаго желанія пользы отечеству. Причина этого весьма проста. Событіями управляютъ неизмѣнные законы. Кто вникаетъ въ нихъ и изучилъ характеръ времени, тотъ всегда можетъ довольно вѣрно предсказать ходъ событій, основательно ознакомясь съ предметомъ. Въ этомъ всегда и заключается главная сила искренних государственныхъ людей. Вотъ почему я настойчиво говорю изъ глубины своей тюрьмы:

«Времена переворота прошли. Старый государственный порядокъ кончилъ свое существованіе въ исторіи. Теперь еще во власти правительства совершить переворотъ мирнымъ путемъ и сдѣлать Россію счастливѣйшею страною. Но уже времени упущено не мало и его немного впереди. Каждый пропускаемый годъ долженъ нести въ настоящемъ и готовить въ будущемъ несчастныя бѣдствія и приближать насъ къ страшнымъ потрясеніямъ. Я умоляю Ваше Императорское Величество именемъ всего для Васъ священнаго и дорогого обратить вниманіе на мои слова, потому что я говорю ихъ сознательно и берусь подтвердить поразительными историческими сопоставленіями».

11.

Переворотъ въ государствѣ неизбѣженъ потому, что совершается переворотъ въ понятіяхъ. Всѣ дѣйствія Вашего Величества съ первой минуты вступленія на престолъ доказываютъ пониманіе этого. Ваше Величество дѣлали и дѣлаете все, что возможно сдѣлать государю лично для мирнаго исхода. Но старыя государственныя формы, приспособленныя не для движенія, а для застоя, парализуютъ всѣ благія желанія Вашего Величества и способнѣйшихъ правительственныхъ лицъ. Этого противодѣйствія не осилитъ ника-

кой генiй, потому что реформы не могутъ поспѣвать за развитiемъ понятiй. Вотъ почему всѣ лучшiя мѣры нынѣшняго царствованiя при первомъ извѣщенiи о нихъ встрѣчались съ восторгомъ, а при исполненiи съ холодностью, а иногда неудовольствiемъ. Теперь наиболѣе образованная часть нацiи видимо опередила въ своихъ стремленiяхъ правительство. Если правительство не займетъ своего природнаго мѣста, т. е. не встанетъ во главѣ всего умственнаго движенiя государства, насильственный переворотъ неизбѣженъ, потому что всѣ правительственныя мѣры, и либеральныя и крутыя, будутъ обращаться во вредъ ему, и помочь этому невозможно. Правительству, не стоящему въ такую пору во главѣ умственнаго движенiя, нѣтъ иного пути, какъ путь уступокъ. А при неограниченномъ правительствѣ система уступокъ обнаруживаетъ, что у правительства и народа различные интересы и что правительство начинаетъ чувствовать затрудненiя. Потому всякая его уступка вызываетъ со стороны народа новыя требованiя, а каждое требованiе естественно рождаетъ въ правительствѣ желанiе ограничить или обуздать его. Отсюда рядъ безпрерывныхъ колебанiй и полумѣръ со стороны правительства и быстро усиливающееся раздраженiе въ публикѣ. Доказательства на-лицо: отмѣна крѣпостного права -событiе, которое должно было вызвать въ цѣломъ мiрѣ безконечный крикъ восторга—привела къ экзекуцiямъ, развитiе грамотности—къ закрытiю воскресныхъ школъ, временныя цензурныя облегченiя—къ небывалымъ карательнымъ мѣрамъ противъ литературы, множество финансовыхъ мѣръ къ возрастающему разстройству финансовъ и кредита, отмѣна откуповъ — это можно смѣло предсказывать—къ небывалому пьянству, а оно, въ свою очередь, приведетъ къ ограниченiямъ торговли водкой. Отсюда очевидно, что даже безусловно полезныя и необходимыя начинанiя должны были рождать въ конечномъ результатѣ неудовольствiе. Что же сказать о влiянiи слѣдовавшихъ за ними стѣсненiй или карательныхъ мѣръ? Знающiй исторiю—знаетъ, что вина всего этого не въ людяхъ, а въ учрежденiяхъ, не соотвѣтствующихъ времени. Но все это ведетъ къ страшнымъ результатамъ. Слѣдственная комиссiя, однажды учрежденная, можетъ сдѣлаться постояннымъ учрежденiемъ и потому обратиться въ дѣйствительный революцiонный комитетъ. Это очевидно, такъ какъ ея задача отыскивать злоумышленниковъ, а каждый ея шагъ долженъ создавать ихъ сотнями. Этого нельзя не предвидѣть, понимая характеръ времени. Не знаю, разъяснила ли слѣдственная комиссiя правительству исторiю распространенiя воззванiй. Но если въ ней есть свѣдущiе и способные государственные люди, ей слѣдовало сдѣлать это при самомъ учрежденiи. Кто слѣдилъ за событiями и знаетъ общiе историческiе законы, тотъ не можетъ сомнѣваться, что дѣло шло, идетъ и, вѣрно, будетъ идти обычнымъ путемъ, потому что тѣ же причины всегда рождаютъ тѣ же слѣдствiя. Правительство разбудило своими мѣрами общество, но не дало ему свободы высказываться. А высказываться — такая же потребность развивающагося общества, какъ болтать—развивающагося

ребенка, потому обществу ничего не оставалось, какъ высказываться помимо дозволенія. Вся литература годъ твердила объ этомъ. Потаенныя рукописи появлялись съ незапамятныхъ временъ. Прошло ихъ время,—появилась свободная печать за-границей. По времени и она сдѣлалась недостаточной, и тогда неизбѣжно должна была появиться тайная печать въ Россіи. Такъ и случилось. Если бы государственные люди смотрѣли на событія и управленіе государствомъ со всемірно-исторической, а не канцелярской точки зрѣнія, ихъ первѣйшею обязанностью было бы представить Вашему В., что пришло время дать свободу слову. Если бы это было сдѣлано, противъ каждаго человѣка, который отважился бы напечатать статью, похожую на воззваніе, нашлись бы десятки оппонентовъ, и на этомъ пунктѣ завязалась бы такая же журнальная полемика, какая ведется на всѣхъ другихъ, и которую опытнѣйшія европейскія правительства считаютъ важнѣйшимъ пособіемъ въ управленіи государствомъ. Къ несчастію, правительство прибѣгло къ карательнымъ мѣрамъ. Это былъ капитальный государственный промахъ. Имя наказаннаго человѣка сдѣлалось чуть не самымъ популярнымъ именемъ. Содержаніе воззванія, конечно, было черезъ мѣсяцъ забыто тремя четвертями читавшихъ. Но для публики наказанный сдѣлался страдальцемъ за принципъ свободы печати. Съ этой минуты борьба была неизбѣжна, и она началась. Со стороны публики ее вела не шайка, а громадная масса. Каждый напечатавшій воззваніе могъ быть увѣренъ, что оно разойдется, потому что всѣ будутъ участниками въ распространеніи, а люди особенно пылкіе будутъ даже переписывать и перепечатывать. Доискиваться какого-нибудь центра распространителей было безполезно, потому что его, очевидно, не было. Если бы были люди, управлявшіе дѣломъ, всѣ воззванія имѣли бы одно направленіе и составлялись бы, конечно, гораздо умнѣе. Такая нелѣпая бравада, какъ «Молодая Россія», никогда не могла бы появиться, потому что ею доставленъ былъ правительству незамѣнимый случай убить на нѣсколько лѣтъ тайную печать, возстановивъ противъ нея всю массу публики, безъ содѣйствія которой распространеніе немыслимо; этого бы никакъ не могли упустить изъ виду руководители дѣла. Ихъ, очевидно, не было, и потому правительство, учредивъ слѣдственную коммиссію, потеряло все, что выиграло «Молодой Россіей». Если бы каждый арестованный выдавалъ всѣхъ, кого могъ, цифры вышли бы баснословны, потому что каждый могъ бы выдать нѣсколькихъ знакомыхъ, тѣ—своихъ знакомыхъ и такъ до безконечности. Все это были бы распространители, а составители или печатники, по всей вѣроятности,—никому неизвѣстныя личности, изъ коихъ, можетъ быть, однѣ это дѣлаютъ по убѣжденію, другія по злобѣ, третьи для препровожденія времени. Если бы между ними была связь, дѣло, конечно, велось бы серьезнѣе. Потому, что въ дѣлѣ участвуетъ публика, каждый арестъ, каждая ссылка должны волновать массу людей и ожесточать огромную часть молодежи. Все это неизбѣжно приведетъ къ тому, что, вѣроятно, вся эта шаль-

ная пропаганда на время прекратится для того, чтобы обратиться въ серьезную, организованную. Дѣло въ томъ, что преслѣдованія въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ необходимо должны выработать большое количество личностей, страшныхъ энергіею и непримиримостью убѣжденій. О такихъ личностяхъ мы не имѣли понятія лѣтъ пять назадъ. Но уже въ послѣдніе два-три года между самою юною молодежью стали проявляться характеры, предъ силою которыхъ самые крайніе люди поколѣній, воспитанныхъ въ прошлое царствованіе, оказывались почти дѣтьми. Это характеристическій признакъ приближенія грозы. Истребить этихъ людей нельзя, такъ какъ каждый десятокъ ихъ обращается на слѣдующій годъ въ сотню, потому что въ переходное время передовыя личности каждаго новаго поколѣнія становятся сильнѣе и сильнѣе. Въ настоящее время для правительства нѣтъ важнѣе вопроса, какъ тотъ: какъ привлечь къ себѣ эти силы и направить ихъ на практическую дѣятельность? Если оно не достигнетъ этого, ему придется начать съ ними борьбу на смерть, результаты которой будутъ страшны, а исходъ во всякомъ случаѣ тяжелъ для правительства, потому что ему будетъ приходиться все терять и ничего не выигрывать, а его противники—люди, которые будутъ по убѣжденію напрашиваться на страданія. Такъ же постепенно вырабатывались временемъ и французскіе террористы. Но во Франціи переворотъ длился почти столѣтіе, катастрофа послѣдовала черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Людовика XIV, съ которымъ умерла тамъ старая система. У насъ событія должны идти гораздо быстрѣе, такъ какъ общая атмосфера въ Европѣ теперь совсѣмъ другая; это видно, сличая явленія, повторяющіяся въ общихъ чертахъ съ поразительнымъ сходствомъ.

Я считаю своею священнѣйшею обязанностью говорить все это, зная по собственному опыту, что въ пылу дѣятельной жизни почти невозможно уяснить себѣ положеніе и замѣтить, съ какою быстротою зрѣютъ обстоятельства. Въ такія критическія эпохи единственное спасеніе правительства — какъ можно скорѣе и полнѣе слить свои интересы съ народными. Восемь лѣтъ назадъ можно было пальцемъ перечесть людей, помышлявшихъ о какихъ-либо представительныхъ учрежденіяхъ: года три назадъ уже были люди, не сочувствующіе монархическимъ началамъ, но самые крайніе изъ нихъ съ ужасомъ бы отступили отъ роли террористовъ, а теперь, по всей вѣроятности, время уже вырабатываетъ такихъ людей, а сохраненіе старыхъ формъ будетъ быстро размножать ихъ. Потому я и говорю: теперь въ рукахъ правительства спасти себя и Россію отъ страшныхъ бѣдъ, но это время можетъ быстро пройти. Мѣры, спасительныя теперь, могутъ сдѣлаться чрезъ нѣсколько лѣтъ вынужденными и потому безсильными. О возстановленіи стараго порядка не можетъ быть и рѣчи: онъ исторически отжилъ. Вопросъ стоитъ между широкой свободой и рядомъ потрясеній, исходъ которыхъ неизвѣстенъ. Громадная масса энергическихъ силъ теперь еще сторонники свободы. Но недостатокъ ея начи-

наетъ вырабатывать революціонеровъ. Потому я и говорю, что преслѣдовать теперь революціонныя мнѣнія значитъ создавать ихъ.

Правительство обладаетъ еще громадною силою; никакая пропаганда сама по себѣ неопасна ему; но собственныя ошибки могутъ быстро уничтожить эту силу, такъ какъ она болѣе физическая, чѣмъ нравственная. Войско состоитъ изъ людей, потому въ переходное время его духъ мѣняется такъ же быстро, какъ понятія въ обществѣ.

Я не знаю о состояніи умовъ въ войскѣ, но если вѣрно понимаю общее положеніе, въ дисциплинѣ должна происходить перемѣна. А разъ она началась въ такое время это явленіе могутъ остановить не отдѣльныя мѣры, а только устраненіе общихъ условій, вызвавшихъ его, другими словами—общее успокоеніе умовъ. Такимъ образомъ, общее положеніе дѣлъ сводится къ слѣдующему: возвратъ къ тому, что было за 10 лѣтъ, невозможенъ. Затѣмъ остается выборъ между двумя системами: нынѣшнею, т. е. системою уступокъ пополамъ съ крутыми мѣрами — при ней правительство сохраняетъ свой авторитетъ по виду, но подкапываетъ его въ основаніи и потому готовитъ въ будущемъ рядъ печальныхъ событій: это будущее можетъ отсрочиться или приблизиться на нѣсколько пятилѣтій, но оно неизбѣжно при этой системѣ.

Другая система: свобода. Тутъ правительство, устраняя старыя, мѣшающія ему формы, сливаетъ свои интересы съ народными и, опираясь на лучшія силы страны, съ полнымъ достоинствомъ и энергіей ведетъ ее къ славѣ и счастью. Тутъ объ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи, потому что каждая льгота является общею выгодою, и потому преобразованія всегда полны и своевременны.

12.

Объяснивъ все это, я исполнилъ долгъ совѣсти. Быть можетъ, мои взгляды ошибочны, но мнѣ кажется, что событія подтверждаютъ ихъ. Положеніе страшно усложнено, и потому надъ нимъ надо думать и думать, и, все-таки, можно ошибаться. Во всякомъ случаѣ все, что я имѣю, предлагаю на алтарь отечества. Это—непоколебимыя правила, личная энергія, безграничная любовь къ отечеству и, я думаю, пониманіе времени. Дѣлаю я это единственно по внутреннему убѣжденію. Взять или отвергнуть приношеніе зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Страданій я не боюсь, потому что по своимъ свойствамъ принадлежу къ свободному поколѣнію, но если правительству не безполезны такіе люди, оно не станетъ ихъ преслѣдовать. Я считаю, что, какова бы ни была буква высочайшаго повелѣнія, его духъ, безъ сомнѣнія, новъ.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было Правительствующему Сенату распространить на меня силу помянутаго высочайшаго повелѣнія, а буде Пр. Сенатъ усмотритъ неполноту въ моихъ объясненіяхъ, потребовать отъ меня дополнительныхъ объясненій по тѣмъ обстоятельствамъ

дѣла, которыя найдетъ недостаточно разъясненными моими прошеніями. Января 26 дня 1864 г.» (конецъ, какъ и въ предыдущемъ прошеніи).

Но сенатъ отказалъ и на этотъ разъ въ освобожденіи Серно-Соловьевича на поруки. Тогда же было отказано Петровскому въ просьбѣ разрѣшить ему рукоприкладство, въ виду его жительства въ Москвѣ.

Правительство не прочло даже прошеній Серно-Соловьевича, въ которыхъ замѣчался такой прекрасный анализъ тогдашняго положенія дѣлъ, такіе умные совѣты для его измѣненія къ обоюдной выгодѣ и столько мужества человѣка, сознательно готовившаго себѣ все болѣе и болѣе отдаленную Сибирь... Кромѣ нѣсколькихъ безгласныхъ сенаторовъ, прошенія эти никѣмъ не прочлись. Ни одинъ министръ или дворцовый интриганъ не поинтересовался голосомъ человѣка, такъ ясно предвидѣвшаго всю послѣдующую русскую исторію.

Читатель, вѣроятно, не очень поразился перемѣной, происшедшей во взглядахъ Серно-Соловьевича на роль революціонной массы: человѣку, просидѣвшему почти два года въ одиночкѣ, ошибившемуся въ расчетѣ на широкое народное движеніе и ясно видѣвшему перекинувшееся въ реакцію широкое общество — вполнѣ естественно было принять именно этотъ образъ мыслей.

И, несмотря на это, оба прошенія производятъ сильное впечатлѣніе... «Я умоляю ваше императорское величество именемъ всего для васъ священнаго и дорогого обратить вниманіе на мои слова»... Развѣ это не то же, что слова маркиза Позы: «Посвятите счастью народовъ силу и власть правителя, которыя служили до сихъ поръ только величію престола. Возстановите утраченное благородство человѣка»...

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНІЕ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА И СЕНАТСКОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

2-го марта Серно-Соловьевичу были объявлены опредѣленія сената по обоимъ его прошеніямъ, и 5-го онъ пишетъ третье:

1.

«Въ объявленномъ мнѣ заключеніи Пр. Сената, состоявшемся 10 прошлаго февраля по дѣлу моему, сказано, что, выслушавъ предложенные мнѣ десять вопросовъ, я сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи отвѣчать на нихъ, и вижу въ томъ страшное нравственное насиліе. Смыслъ моихъ словъ былъ не совсѣмъ таковъ, какъ значится въ томъ заключеніи, и потому я считаю необходимымъ объяснить его.

2.

Я не находилъ затрудненія отвѣчать на предложенные мнѣ вопросы и тѣмъ не менѣе могъ считать предложеніе ихъ нравственнымъ насиліемъ, зная, что всякое судебное мѣсто не только имѣетъ право, но обязано требовать отъ подсудимаго разъясненія обстоятельствъ дѣла. Я не могъ находить никакого затрудненія отвѣчать на вопросы, потому что, какъ видно изъ моихъ отвѣтовъ, мнѣ приходилось только развивать и объяснять мысли и обстоятельства, изложенныя въ прошеніи. Все, высказанное мною, относилось не къ тому, что Пр. Сенатъ предложилъ мнѣ вопросы, и не ко всѣмъ предложеннымъ вопросамъ, а только къ тому, что, когда я далъ словесный отвѣтъ на первый вопросъ, мнѣ было объяснено, что Пр. Сенатъ не удовлетворяется имъ и требуетъ категорическаго объясненія, кѣмъ и кому писаны письма. Тогда я и сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи, потому что другого отвѣта дать не могу, и когда мнѣ затѣмъ было сказано, что могу писать въ отвѣтѣ, что признаю нужнымъ, и что мнѣ не дѣлаютъ насилія, я отвѣтилъ словами, записанными въ журналъ.

3.

Впрочемъ, я уже словесно объяснялъ Пр. Сенату, что и въ этомъ смыслѣ я сказалъ тѣ слова единственно потому, что полтора года, проведенные мною въ одиночномъ заключеніи, привели мои нервы въ такое состояніе, что малѣйшее напряженіе совершенно разстраиваетъ ихъ, а отвыкнувъ говорить, я такъ волнуюсь самымъ процессомъ рѣчи, что не всегда въ состояніи управлять словами; что, во всякомъ случаѣ, я искренно сожалѣю объ этихъ словахъ, которыхъ никогда не произнесъ бы въ совершенно здоровомъ состояніи, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Пр. Сената относительно меня никогда не было ничего похожаго на какое-либо нравственное насиліе».

23 марта сенатъ приступилъ къ слушанію своей записки, которое кончилъ только 1-го іюня.

7 апрѣля министръ иностранныхъ дѣлъ снова довелъ до свѣдѣнія сената, что Кельсіевъ, Касаткинъ, Александръ Серно-Соловьевичъ и Черкесовъ не разысканы въ Европѣ, несмотря на публикаціи.

Въ маѣ Ляпинъ и Шибаевъ были освобождены на поруки.

2 апрѣля было третье освидѣтельствованіе умственныхъ способностей маркиза Траверсе, которое закончилось объявленіемъ его совершенно здоровымъ. 9 іюня его призвали въ сенатъ, нашли явно сумасшедшимъ и отправили снова въ больницу для окончательнаго удостовѣренія. 27 августа онъ былъ перевезенъ на квартиру жены съ учрежденіемъ тамъ полицейскаго караула, а 5 сентября умеръ.

15 іюня завѣдывающему магазиномъ Серно-Соловьевича, А. А. Рихтеру, человѣку довольно тогда выдающемуся, было разрѣшено

свиданіе съ Николаемъ Александровичемъ для выясненія матеріальнаго положенія его и семейства.

10 марта Серно-Соловьевичъ отказался присутствовать на слушаніи дѣла.

Только 10 декабря 1864 г. была готова сенатская записка по дѣлу и опредѣленіе. Я не буду приводить его, потому что оно часто повторяетъ хорошо уже извѣстное читателю, и потому ограничусь исключительно резолютивной частью. Вотъ она:

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ узаконеній Правительствующій Сенатъ полагаетъ:

1. Отставного надв. совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику (sic!) Кельсіеву съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія [1],— лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2. отставного кол. секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3. Почетн. гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ,—за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ злоумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій— лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. Изъ нихъ кол. секр. Ветошникова по предмету участія въ самомъ злоумышленіи лондонскихъ пропагандистовъ противъ русскаго правительства—признать неизобличеннымъ;

4. отставн. штабсъ-капитана Николая Петровскаго за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ—признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ;

5. купца Ивана Шибаева за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсіевымъ, напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ того, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія— признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шибаева, ходатайствовать передъ Г. И. объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіи имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго

---

[1] Это оцѣнка его прошеній!..

дѣла, съ отдачею, впрочемъ, Шибаева подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по предмету недонесенія правительству о прибытіи преступника Кельсіева въ Россію Шибаева отъ суда освободить;

6. отставн. кол. регистратора Пимена Лялина, 66 лѣтъ, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ выдержанію подъ арестомъ два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе; по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ оставить въ сильномъ подозрѣніи;

7, 8, 9. преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду пр. сената находящихся за-границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василія Кельсіева, за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, несмотря на дѣлаемые имъ вызовы,—лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства съ тѣмъ, 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. 368 ст. улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ осужденія на законномъ основаніи въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи правительству по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу;

10. великобританскаго подданнаго Артура Бени за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ С.-Петербургъ русскаго подданнаго Василія Кельсіева, по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни—выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за-границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію подъ опасеніемъ поступить съ нимъ по 354 ст. уложенія;

11. почетнаго гражданина Михаила Журавлева;

12. чиновника X класса Павла Аркадьева за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева и за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи воззванія «Земская Дума»—выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обоихъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ;

13. дочь маіора дѣвицу Марію Челищеву за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній—выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

«Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2 т. XV св. зак. уголовн., представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: 1) кандидата с.-петербургскаго университета Михаила Налбандова въ знаніи о преступныхъ замыслахъ лондонскихъ пропагандистовъ, въ содѣйствіи имъ къ распространенію въ Россіи запрещенныхъ ихъ лондонскихъ изданій, въ стремленіи распространить на югѣ Россіи, между армянами, противоправительственное движеніе—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ, какъ личность неблагонадежную, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ выслать въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи;

2 и 3) Сужденіе объ отставныхъ надворномъ совѣтникѣ маркизѣ Николаѣ де-Траверсе и кол. регистраторѣ Ничипоренко, за смертью ихъ, прекратить;

4) отставного поручика кн. Павла Трубецкого, братьевъ: 5) отставн. поручика Александра и 6) кол. рег. Алексѣя Орфано; 7) надв. сов. Александра Афанасьева; 8) кандидата московскаго университета Алексѣя Козлова; 9) купца Дмитрія Кожанчикова; 10) литератора Максимова; 11) отставн. штабсъ-капитана Бѣлозерскаго; 12) отставн. штабсъ-капитана Любенкова; 13) отставн. кол. ассесора Воронова; 14) дѣйств. студента Николая Потѣхина; 15) дѣйств. стат. сов. Гаевскаго; 16) отставн. кол. ассесора Каншина; 17) отставн. кол. ассесора Альбертини и 18) кол. секр. Ивана Тургенева—по настоящему дѣлу освободить отъ суда. А дѣвицѣ Фернклундъ, на просьбу ея о позволеніи ѣхать ей за однимъ изъ подсудимыхъ, Ветошниковымъ, въ ссылку обвѣнчанною его женою, объявить, что предметъ этотъ до разрѣшенія сената не относится и что она съ просьбою своею о семъ должна была своевременно обратиться къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, коему предпишется объ исполненіи имѣющаго состояться о Ветошниковѣ и прочихъ рѣшенія».

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на самое замѣчательное въ этомъ приговорѣ, подъ которымъ такъ и ищется тавро Алариха, а именно на то необыкновенное званіе, которое придано Кельсіеву — «неосужденный государственный преступникъ»... Разумѣется, это нужно было для обоснованія всего только что изложеннаго, и сенатъ вышелъ изъ своего затрудненія...

Опредѣленіе пошло, какъ и всегда, въ государственный совѣтъ, откуда было возвращено 9 апрѣля 1865 года. Государственный совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сената, «призналъ однако же возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго», и потому мнѣніемъ положилъ: «1) участь отставн. надв. сов. Николая Серно-Соловьевича и кол. секр. Ветошникова повергнуть монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Е. И. В. высочайше повелѣть подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ

состоянія, не ссылая на каторжную работу, поселить въ Сибири навсегда; 2) отставного тит. сов. Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14 класса Василія Кельсіева и литератора Виктора Касаткина, лишивъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства; 3) въ прочемъ утвердить заключеніе сената».

30 марта государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

27 апрѣля приговоръ былъ объявленъ въ собраніи сената при открытыхъ дверяхъ.

ПРИГОВОРЪ А. А. ЧЕРКЕСОВУ.

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на то, что въ сенатскомъ опредѣленіи не упоминается имя одного обвиняемаго, котораго разыскивали наравнѣ съ Касаткинымъ, Кельсіевымъ и Александромъ Серно-Соловьевичемъ,—Александра Александровича Черкесова [1]).

Произошло это вовсе не случайно. Черкесовъ еще занималъ вниманіе сената, но уже тогда, когда «дѣло о лицахъ, обвинявшихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами», было сдано въ архивъ. Только въ августѣ 1865 г. онъ возвратился въ Россію и тогда же былъ заключенъ въ казематъ при III Отдѣленіи, хотя въ бумагахъ его ровно ничего подозрительнаго не нашли.

27 августа и 1 сентября Черкесову были сдѣланы допросы. Онъ показалъ, что, уѣхавъ за-границу въ іюнѣ 1862 г., жилъ тамъ безпрерывно и все время лѣчился. Съ братьями Серно-Соловьевичами жилъ на одной квартирѣ, учась въ лицеѣ. За-границей поддерживалъ отношенія съ больнымъ Александромъ Серно-Соловьевичемъ и былъ единственнымъ къ нему близкимъ человѣкомъ. Ни о какой пропагандѣ не имѣетъ понятія; съ лондонскими эмигрантами незнакомъ.

21 сентября Черкесовъ былъ привезенъ въ сенатъ, и съ него взяли подписку въ неимѣніи подозрѣній противъ состава сенаторовъ пятаго департамента. При уходѣ его изъ засѣданія сената первоприсутствовавшій Карніолинъ-Пинскій такъ закричалъ на него, что Черкесовъ, видя въ этомъ открытое враждебное къ себѣ отношеніе, невольно отвѣтилъ тоже дерзостью и крикомъ. А вернувшись въ казематъ, изложилъ это обстоятельство и просилъ считать только что данную подписку недѣйствительной.

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя данныя изъ его аттестата отъ 9 января 1861 г. Родился въ 1839 г., изъ дворянъ, у родителей были имѣнія въ Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда 352 души, Владимірской губерніи, Покровскаго у. 278 д. и Новгородской губ., Череповецкаго у. 308 душъ при 14.112 дес. земли, а въ Москвѣ каменный домъ. Кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, въ декабрѣ 1857 г. опредѣленъ въ государственную канцелярію чиномъ губернскаго секретаря, въ іюнѣ 1859 г. переведенъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, въ январѣ 1860 г.—въ ярославскую казенную палату, въ сентябрѣ того же года уволенъ отъ службы по болѣзни.

Изъ журнала собранія сената 23 сентября, слушавшаго эту записку Черкесова, видно, что первоприсутствовавшій потому повысилъ голосъ, что Черкесовъ вошелъ въ залъ, держа руки въ карманахъ сюртука, и не поклонился собранію ни при входѣ, ни при удаленіи.

6 октября, на третьемъ допросѣ, Черкесовъ показалъ, что ни въ мартѣ, ни въ апрѣлѣ 1862 г. онъ не жилъ у Серно-Соловьевичей, былъ все это время въ деревнѣ и Москвѣ. О пріѣздѣ Кельсіева въ Россію ничего не знаетъ. Сенатъ нашелъ возможнымъ освободить Черкесова на поруки его знакомаго Трегубова, а 16 марта 1866 г. приказалъ освободить его отъ всякой отвѣтственности.

ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА ПОДСУДИМЫХЪ.

Теперь я считаю небезынтереснымъ вкратцѣ ознакомить читателей съ дальнѣйшею судьбою нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ по изученному нами дѣлу.

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Николай Серно-Соловьевичъ.

Въ январской книжкѣ за 1865 г. «Русскаго Слова» напечатана за его подписью очень интересная статья—«Не требуетъ ли нынѣшнее состояніе знаній новой науки?» (См. приложеніе № 9). Она очень любопытна для изученія автора и для иллюстраціи его сибирской жизни. Очевидно, мозгъ дѣятельно работалъ. И надо сказать, что статья, устанавливая необходимость созданія соціологіи, отличается большими достоинствами. Это одно изъ первыхъ русскихъ произведеній научной мысли, назвавшее новую науку.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ точныхъ данныхъ о жизни Серно-Соловьевича въ Сибири, и потому еще цѣннѣе его письмо къ В. В. Ивашевой, потомъ Черкесовой, доставленное мнѣ М. Н. Слѣпцовой. Привожу его полностью:

3-е ноября 1865 г.

«Вѣра Васильевна. Посылаю Вамъ оконченный переводъ данной мнѣ четвертой части исторіи работничьихъ ассоціацій Энглендера. Потрудитесь передать его Влад. Онуфр. и похлопотать, чтобъ этотъ трудъ не остался безъ вознагражденія. Притомъ пришлите точный расчетъ, сколько получится за него, такъ какъ я самъ работалъ ассоціаціоннымъ способомъ, диктуя товарищу, съ которымъ я долженъ подѣлиться возмездіемъ. Мой переводъ сдѣланъ такъ добросовѣстно, какъ только я умѣлъ, хотя много страницъ переведено мною ночами у изголовья больной женщины, одной изъ многихъ пошедшихъ за мужьями въ ссылку. По поправкамъ можно видѣть, что переводъ тщательно пересмотрѣнъ.

«Если Вы получили письмо, посланное изъ Красноярска съ портретами, Вы знаете, что я отправился въ Иркутскъ. Пріѣхавъ,

постараюсь увѣдомить о своей дальнѣйшей судьбѣ, если только слухъ о ней не дойдетъ до Васъ ранѣе какимъ-нибудь инымъ путемъ.

«Легкое нездоровье или, вѣрнѣе, непривычка къ западу побудили меня пріостановиться на дорогѣ и ввели въ непредвидѣнные расходы. Хотя у меня и есть еще деньги, но я счелъ благоразумнѣе сдѣлать заемъ. Если получу просимыя деньги, отъ 100 до 200 руб.—уплатите за меня ихъ, адресовавъ Петру Ивановичу Кузнецову, въ Красноярскъ, и сдѣлайте это какъ можно скорѣе не ожидая дальнѣйшаго увѣдомленія отъ меня. Сумма долга будетъ стоять на полѣ первой страницы перевода, подъ заглавіемъ, такъ какъ въ настоящую минуту еще не знаю, сколько получу. При посылкѣ денегъ объясните, за кого уплачиваете, и просите увѣдомить меня или Васъ.

«Не извиняюсь, что дѣлаю Вамъ столько хлопотъ, ни даже что требую денегъ, не освѣдомляясь, есть ли онѣ у Васъ. Мнѣ деньги очень нужны, очень—а Вы знаете, что я не мотъ. Вы не сочтете меня также сибаритомъ, не умѣющимъ переносить съ достаточною твердостью лишеній. Если бы даже такая мысль на мгновеніе пришла Вамъ, обстоятельства скоро разувѣрятъ Васъ. По крайней мѣрѣ пишу съ увѣренностью, что больше не придется Васъ тревожить своими просьбами. Если бы такъ случилось, не поминайте ихъ и меня лихомъ. Вообще, что бы ни случилось, сохраните мнѣ свою дружбу. Для меня воспоминаніе о Васъ всегда дорого. Помните, разставаясь, мы оба недоумѣвали, откуда Вы получите вѣсти, съ Востока или съ Запада. Теперь вопросъ давно рѣшенъ окончательно и безповоротно, и, конечно, «онъ не напрасно подчинился самой страшной судьбѣ, какая только можетъ постигнуть человѣка». Помните эти слова и носите ихъ въ себѣ.

«Всѣмъ стоющимъ того передайте мой сердечный привѣтъ,—кому въ особенности—мнѣ нечего Вамъ говорить. Я постояненъ и въ привязанностяхъ, и въ ненавистяхъ. Живите жизнью настоящею, живою, а не дремотнымъ прозябаніемъ. Старайтесь помнить притчу о женихѣ и дѣвахъ.

«Прощайте. Я знаю, что Вы не забудете своего друга.

«Вотъ Вамъ мои послѣдніе стихи,—писанные еще на Оби:

Пусть другіе здѣсь пишутъ стихи,
Я не буду—лишь эти строки.
Не даетъ мнѣ плѣнительныхъ думъ
Отягченный нелѣпицей умъ.
Нѣтъ, друзья, не меня вдохновитъ
Край оковъ, гдѣ все сердце томитъ,
Гдѣ безмѣрность лѣсовъ и степей
Населяютъ при звукахъ цѣпей;
Гдѣ столѣтія изъ рода въ родъ
Изнываетъ несчастный народъ;
Гдѣ нельзя намъ ни мыслить, ни жить;
Гдѣ должны мы въ лишеніяхъ гнить.
Я не созданъ невольникомъ пѣть!

Я тогда воспою этотъ край,
Когда воля посѣетъ въ немъ рай
И проснувшійся разумъ сотретъ
Человѣка осилившій гнетъ.

Н. С.-С».

Это единственное письмо Серно-Соловьевича изъ Сибири показываетъ, какъ бодрился онъ въ тяжкихъ условіяхъ ссыльнаго. Оно же содержитъ въ себѣ указаніе на мысль о побѣгѣ...

9 или 10 февраля 1866 г. Серно-Соловьевича не стало.

Обстоятельства его смерти изложены въ двухъ письмахъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ неизвѣстно же кому адресованныхъ.

Они получены мною тоже отъ М. Н. Слѣпцовой.

Первое.

«Случай завелъ меня недавно въ анатомическій театръ. Я съ любопытствомъ разсматривалъ трупы убитыхъ и обгорѣлыхъ, о которыхъ такъ много говорили въ городѣ. Сторожъ въ двухъ-трехъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію каждаго. Но болѣе всѣхъ привлекъ мое вниманіе молодой мужчина, худой, съ впалыми, почернѣвшими глазами и съ открытымъ ртомъ и вздувшейся губой. На подбородкѣ рѣдкая черноватая бородка. «Это кто?»—спросилъ я сторожа. – «Серно-Соловьевичъ», — отвѣчалъ безучастно солдатъ. «Зачѣмъ же его рѣзали?»—«Ну, какъ политическій преступникъ, извѣстный писатель и какъ человѣкъ замѣчательнаго ума», — не безъ нѣкоторой гордости добавилъ сторожъ. «Такъ зачѣмъ же его рѣзали?»—«Для телеграфа, чтобы знать, отъ чего померъ, чтобы въ Петербургъ донести».—«Ну и что же нашли?»—«А нашли, что тифомъ былъ боленъ».—«Ну, а прежде что думали?»—«Да и прежде то же думали».—«Зачѣмъ же лобъ такъ искривленъ?»—«А это мозгъ смотрѣли».—«А гдѣ же онъ?»—«Да опять положили въ черепъ. Да черепъ-то только неладно прикрыли».—«А что, ничего отъ трупа не взяли?»—«Его вѣдь самъ инспекторъ врачебной управы анатомировалъ. Такъ онъ всѣ внутренности разсматривалъ, такъ назадъ и положилъ, а взялъ только мочевой пузырь, положилъ въ банку и увезъ его съ собой».

«Невыразимо грустно мнѣ стало слушая сторожа,—я вышелъ. Я еще такъ недавно читалъ въ «Современникѣ» старыхъ годовъ его статьи и въ «Русскомъ Словѣ» 1865 г. послѣднее сочиненіе. И вотъ человѣкъ, честности, благородству и уму котораго всѣ отдавали справедливость, въ трупарнѣ.

«Мнѣ очень хотѣлось узнать о немъ болѣе. На одномъ дворѣ съ трупарней находится зданіе, гдѣ помѣщаются поляки. На дворѣ же я встрѣтилъ одного изъ нихъ. Я сталъ разспрашивать. Одинъ полякъ мнѣ сказалъ, что онъ тифомъ былъ боленъ и умеръ. Другой сказалъ, что онъ въ партіи съ нимъ изъ Красноярска пріѣхалъ.—«Мы ѣхали по-двое на подводѣ,—сказалъ этотъ. — Подъѣзжая къ Мальтѣ, мы стали спускаться съ горы. Заднія лошади

наскочили на подводу, гдѣ сидѣлъ Николай, подмяли его подъ себя, и сани съ двумя сѣдоками и ямщикомъ проѣхали по немъ. Онъ боли не чувствовалъ. Все время былъ веселъ и пѣлъ пѣсни. Пріѣхали на этапъ. Мы натерли его водкой съ мыломъ. Все было ничего. Онъ совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо. Пріѣхали въ Иркутскъ; насъ заперли въ острогъ. А на другой день С.-С. пошелъ въ больницу и 9 или 10 февраля Богу духъ отдалъ».—«Что-жъ, за нимъ никто не ходилъ?»—«Какже, наши сидѣли у него постоянно».—«А гдѣ же его товарищи?»—«Русскіе купцы?»—«Да».—«Ихъ 26 января выслали въ волости: одного въ Идинскую, а другого въ Оёкъ».—«Что же, они не знаютъ объ этомъ?»—«Нѣтъ. Гдѣ же знать; они сюда не ѣздятъ».

«Да,—подумалъ я,—тяжело умирать одному среди чужихъ.

«Что-жъ, онъ вспоминалъ о нихъ?»—«Да, одному поручилъ все свое имѣніе. да какъ мы ему перешлемъ».—«Какъ же онъ умеръ?»—«Тихо, какъ заснулъ».

«Спи же мирно, землякъ. Ты свое сдѣлалъ; честно служилъ тому, что считалъ правдой. Ни словомъ, ни дѣломъ ты не измѣнилъ себѣ. Умеръ композиторъ, но звуки его станутъ жить вѣчно и вѣчно станутъ пробуждать спящихъ и вызывать ихъ къ жизни.

«Гибнутъ русскіе ссыльные, а много ли ихъ? И тѣмъ мы не хотимъ облегчить ихъ тяжелой участи. Ни участія, ни руки помощи. Мартьяновъ тоже умеръ въ Иркутскомъ острогѣ. Ждали ли Вы такой вѣсти? Меня, какъ громомъ, поразило. Перешлите немедленно этотъ листокъ въ Петербургъ (дальше нѣсколько словъ выскоблено—*М. Л.*).

«Вотъ Вамъ русскіе ссыльные: Заичневскій въ Витимской волости на Ленѣ, въ Кир. округѣ; Григорьевъ въ Якутской обл.; Обручевъ въ Уракъ, 23 версты отъ Иркутска; Владиміровъ въ Оёкѣ, 35 верстъ отъ города; Ветошниковъ въ Идинской волости. Насколько эти свѣдѣнія вѣрны, не знаю; мнѣ поляки ихъ сказали».

Второе.

Иркутскъ. 10 марта 1866 г.

«До Васъ, вѣроятно, уже дошло печальное извѣстіе о кончинѣ нашего добраго товарища. Все, что Вамъ сообщили объ обстоятельствахъ его смерти, все было такъ. На дорогѣ онъ упалъ, а пріѣхавъ сюда, слегъ и захворалъ тифомъ. Надо только добавить—кромѣ паденія, на боль въ боку имѣлъ уже вліяніе ударъ въ бокъ ружьемъ. Онъ, видите ли, заступился за своихъ спутниковъ, и защитникъ отечества хватилъ его въ бокъ. Онъ былъ боленъ 11 дней, умеръ въ памяти. Изъ ѣхавшихъ съ нимъ изъ Россіи товарищей при немъ никого не было, они даже не знали о его болѣзни. Едва успѣли одному изъ нихъ [1]) сообщить, что онъ захворалъ, какъ тотъ тотчасъ пріѣхалъ сюда. Но засталъ его уже на столѣ.

[1]) Ветошникову.

«Мнѣ извѣстно только, что пріѣхавшему передали слова умершаго, которыя касались распоряженія его вещами. Послѣ него осталось 273 р. 10 коп., часть платья и книги. Все это онъ велѣлъ передать въ распоряженіе товарища младшаго по лѣтамъ [1]). Онъ ждетъ, одобрите Вы его распоряженія или нѣтъ. Надо Вамъ сказать, что дорогою они вели расходы вмѣстѣ, не считая, за какую вещь изъ чьего кошелька заплачено. Вамъ извѣстно, что у товарища умершаго не было денегъ, собственнымъ трудомъ заработанныхъ. Всѣ его деньги были собраны ему его пріятелями, какъ равно и деньги умершаго. Потому мы сочли за лучшее предложить ихъ этому товарищу съ условіемъ, чтобы онъ выплатилъ ихъ тѣмъ, кто будетъ въ нихъ нуждаться изъ такихъ людей, которые станутъ учить дѣтей грамотѣ. Отдавъ эти деньги ему, мы слышали, что часть этихъ денегъ онъ уже отдалъ въ ссуду одному семейству, которое покойный очень любилъ, немного послалъ третьему своему товарищу, который сидитъ безъ денегъ. Вамъ ближе, быть можетъ, извѣстны отношенія умершаго къ его товарищамъ, и потому Вы увѣдомьте, согласно ли желаніямъ покойнаго поступили. Найдите случай увѣдомить этого самаго товарища. Намъ такъ передали слова умершаго; вотъ послѣднія слова: «мои вещи, книги и деньги отдайте (онъ назвалъ имя)». Мы такъ и сдѣлали, тѣмъ болѣе, что положеніе этого товарища незавидное. Золотые часы у него. Что съ ними дѣлать? Платья, вѣроятно, не стоитъ пересылать; мы думаемъ посовѣтовать товарищу распорядиться имъ, какъ сочтетъ за лучшее — если ему нужно, пусть оставитъ себѣ, если имѣетъ платья достаточно, пусть отдастъ кому ходить не въ чемъ».

Только Герценъ могъ бросить русскому правительству нѣсколько гнѣвныхъ словъ... 1 мая 1866 г. въ № 219 «Колокола» онъ писалъ между прочимъ:

«Благороднѣйшій, чистѣйшій, честнѣйшій Серно-Соловьевичъ— и его убили...

«Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ, такимъ же напоминовеніемъ, какъ вѣсть о варшавскихъ убійствахъ 10 апрѣля 1861 г. пронеслась грознымъ memento и покрыла трауромъ нашъ праздникъ освобожденія крестьянъ.

«Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, что *ихъ* можно вразумить; онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ, онъ его тронулъ,—и умеръ въ Иркутскѣ, изнеможенный истязаніемъ трехлѣтнихъ казематъ. За что? Прочтите сенатскую записку и всплесните руками.

«Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что «Московскія Вѣдомости» не обругали его, не донесли на него

[1]) Владимірова.

во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ—поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ *весеннихъ* провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ... «Да они не хотѣли его смерти». Что за вздоръ, Михайловъ умеръ, Серно-Соловьевичъ умеръ, Чернышевскій боленъ»...

Кельсіевъ въ маѣ 1867 г. добровольно явился въ Скулянскую таможню и отдался въ руки мѣстныхъ властей, а оттуда арестованный былъ доставленъ въ III Отдѣленіе и подвергнутъ допросу въ высочайше учрежденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ланского. Потомъ дѣло его было доложено государю, и 3 сентября Кельсіевъ получилъ полное прощеніе...

Налбандянъ послѣ приговора былъ отправленъ въ Саратовскую губернію и умеръ тамъ 31 марта 1866 г...

Касаткинъ умеръ въ Женевѣ 28 декабря 1867 г....

КЪ БІОГРАФІИ А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

А. А. Серно-Соловьевичъ.

Къ біографіи А. А. Серно-Соловьевича.

Читатели моей работы: «Дѣло 32-хъ» болѣе или менѣе знакомы съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ производитъ большое впечатлѣніе и своимъ умственнымъ развитіемъ, и уровнемъ нравственныхъ убѣжденій. Гораздо менѣе извѣстенъ его непосредственно младшій братъ—Александръ, такъ трагически кончившій свою молодую и очень незаурядную жизнь. Литература о немъ поразительно ничтожна, какъ будто человѣкъ былъ самымъ рядовымъ, не заслуживающимъ ничьего вниманія въ потомствѣ. На самомъ же дѣлѣ это объясняется иначе: въ Россіи, гдѣ Серно-Соловьевича знали очень многіе, писать о немъ не было никакой возможности.

Это былъ горячій борецъ за народную свободу, честный, энергичный, преданный и безкорыстный человѣкъ,—какъ его характеризуетъ анонимный авторъ некролога въ «Народномъ Дѣлѣ». Шелгуновъ говоритъ, что объ Александрѣ Александровичѣ у него сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія. «Это былъ человѣкъ кипучей энергіи, горячій, скорый, смѣлый и очень умный. По энергіи темперамента, по пылкой страстности характера, по быстротѣ соображенія, тонкому ироническому уму и по беззавѣтности, съ какой онъ отдавался дѣлу, не думая о себѣ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ очень немногихъ людей того времени» [1]).

Я очень радъ, что въ моемъ распоряженіи есть цѣнные матеріалы для наброска нѣкоторыхъ чертъ Александра Александровича Серно-Соловьевича. Это пачка писемъ, адресованныхъ юношей своему лицейскому другу и товарищу Ш., оказавшаяся въ копіяхъ въ архивѣ недавно скончавшагося друга Николая Серно-Соловьевича—А. А. Слѣпцова. Г. Ш., занимающій нынѣ видное служебное положеніе, былъ любезенъ не только разрѣшить мнѣ воспользоваться этимъ матеріаломъ, но еще и далъ не мало очень цѣнныхъ указаній, безъ которыхъ моя работа не имѣла бы настоящаго вида и характера.

---

[1]) Изъ павленковскаго изданія сочиненій 1891 г., сожженнаго комитетомъ министровъ.

Александръ Александровичъ родился въ 1838 г. Объ отцѣ его свѣдѣній у меня нѣтъ. Мать, урожденная Кирилина, была родной сестрой Андрея Николаевича Кирилина, начальника военно-походной канцеляріи Николая I, потомъ управляющаго канцеляріей императорскаго двора. Кирилинъ оказывалъ замѣтное вліяніе на воспитаніе сыновей своей сестры, а потомъ, когда они были юношами, не мало разсказывалъ имъ изъ эпохи Николая, которую послѣ смерти грознаго повелителя окрашивалъ не всегда въ розовыхъ тѣняхъ...

Дѣтство Александра Александровича было не особенно свѣтло и проходило въ совершенно антипедагогической обстановкѣ, въ семьѣ, не знавшей тишины и покоя... Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Александровскій лицей, гдѣ былъ уже его старшій братъ, Николай. Тамъ юноша быстро росъ, чему не мало помогала атмосфера учебнаго заведенія, при многихъ своихъ недостаткахъ, вселявшая, однако, либеральныя убѣжденія, традиціонно сохранявшіяся со временъ великаго поэта. Товарищи очень любили Серно-Соловьевича за его рѣдкую сердечность, доброту и прямоту. Онъ былъ, по словамъ г. Ш., несравненно одареннѣе Николая, на котораго, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оказывалъ всегда замѣтное вліяніе. Кружокъ товарищей, группировавшійся около Александра Александровича, много читалъ и притомъ всегда отдавалъ преимущество гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности же исторіи и литературѣ. Нерѣдко на этой почвѣ возникали горячіе споры, которые, какъ извѣстно всякому, не мало способствуютъ развитію юношей.

Все это не мѣшало братьямъ Серно-Соловьевичамъ быть настоящими франтами, любить пріодѣться, щегольнуть, потанцовать и вообще побыть въ свѣтской обстановкѣ. Не будучи очень богатыми, братья всегда были при деньгахъ и иногда располагали довольно значительными для своего возраста суммами.

За время лицейскаго періода у меня есть шесть писемъ Александра Александровича къ г. Ш. Приведу ихъ съ неизбѣжными пока сокращеніями, не опуская, однако, ничего, что бы могло характеризовать юнаго корреспондента.

Первое письмо относится къ семнадцати годамъ и даетъ возможность оцѣнить сердечность писавшаго.

Первое.

1855 г. 3 іюля, воскресенье, 2 ч. ночи.
Село Прицы Воротынскіе.

«Милый, добрый NN, не знаю, какъ просить у тебя извиненія; поведеніе мое относительно тебя достойно болѣе, чѣмъ порицанія, но ты простишь меня, когда, по пріѣздѣ въ Петербургъ, объясню въ подробности всѣ обстоятельства, которыми сопровождался мой отъѣздъ. Ты, по свойственной тебѣ добротѣ, уже теперь, вѣрно, не сердишься на меня. Письмо твое отъ 19 іюня, которое получилъ я

29-го (такъ долго ходитъ сюда почта), доставило мнѣ больше, чѣмъ радость. Ежели ты писалъ только съ цѣлью доставить себѣ развлеченіе, то беру свое слово назадъ; ежели въ немъ отпечатокъ чувствъ твоихъ ко мнѣ, то прими все писанное мною за чистую монету. Ты знаешь, что я черезчуръ откровененъ; это часто вредитъ мнѣ въ моей лицейской жизни, особенно въ любви товарищей ко мнѣ; много пріобрѣлъ я черезъ это враговъ, но увѣренъ, что тѣ, которые знаютъ меня, ежели не любятъ, то, по крайней мѣрѣ, видятъ во мнѣ благороднаго человѣка. Къ числу послѣднихъ причисляю я тебя и въ упрекахъ твоихъ вижу не совершенное равнодушіе ко мнѣ, и этого достаточно, чтобы усилить во мнѣ любовь и привязанность, которыя питаю къ тебѣ, какъ къ другу, товарищу и человѣку. Извини, что называю тебя этими тремя словами, но повѣрь, говорю тебѣ чистую правду. Чувства мои къ тебѣ выражаются совершенно въ этихъ трехъ словахъ. Повѣрь, что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые болѣе другихъ въ нашемъ классѣ способны понимать тебя, но ты никогда не считалъ меня таковымъ. Однимъ словомъ, чтобы покончить разомъ о моихъ чувствахъ къ тебѣ, скажу, что люблю тебя очень много, такъ, какъ немногихъ своихъ товарищей.

«Скуку твою понимаю совершенно, потому что самъ хандрю, можетъ быть, болѣе тебя; этому способствуетъ не одна скучная, деревенская жизнь; есть еще много причинъ; ежели тебѣ интересно знать то, что касается меня лично, то потерпи немного, скоро пріѣду назадъ (къ 25 или 26 іюля) и открою тебѣ душу. мою.

«Выѣхали мы изъ Петербурга 16 іюня, въ Москвѣ прожили недѣлю. Прескучный городъ, пустота страшная, нѣтъ даже хорошихъ улицъ: Кузнецкій Мостъ и Тверская. считающіяся лучшими, въ подметки не годятся ни Невскому, ни Морской, вродѣ Литейной. 24-го выѣхали въ деревню. Дорогой (мы ѣхали на перекладной) я мучился,—трясло ужасно, да притомъ нельзя было спать (а ты знаешь, какой я любитель сна): вздремнулъ полчаса и потерялъ съ головы лицейскую фуражку, также разную мелочь, которая была у меня въ узелкѣ. Всѣ старанія отыскать ихъ были напрасны, и вещи погибли безвозвратно.

«Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ирицы Воротынскіе (село) разнеслась молва, что пріѣхалъ молодой баринъ (Митьковъ [1]), а съ нимъ кто-то чужой (Я). Личность моя, кажется, очень заняла всѣхъ, такъ что на другой день узнали, какъ меня зовутъ, хотя я еще покоился сладкимъ сномъ. Встаю я въ 11 часовъ. Сначала это всѣхъ очень удивляло, но мало-по-малу они свыклись съ моимъ образомъ жизни. Тотчасъ же ѣду верхомъ. Такъ проходитъ утро, обыкновенно очень скоро. Но вотъ настаетъ длинный вечеръ, продолжаю-

[1]) Мих. Платоновичъ Митьковъ окончилъ лицей въ 1853 г. и потомъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ. Умеръ въ 1889 дѣятельнымъ гласнымъ петербургской думы.

щійся у меня до второго и третьяго часа ночи. Такъ привыкъ поздно ложиться, что, несмотря на движеніе, никакъ не могу заснуть раньше. Вечеромъ обыкновенно гуляю по нѣскольку часовъ; здѣсь есть великолѣпныя мѣста; курю, читаю. Повидимому, провожу время очень весело, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Для тѣла, какъ ты видишь, много удовольствій, но для души—никакихъ; остается одинъ Митьковъ,—прескучная забава. Представь себѣ, здѣсь ни одной живой души! Крестьянъ, которые слишкомъ необразованы и грубы, я не считаю за таковыхъ. Нѣтъ человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить дружески, которому можно бы излить всю свою душу, для меня же, съ моимъ характеромъ, это необходимо. Дома я имѣлъ брата; въ лицеѣ—товарищей, отъ которыхъ ничего не скрывалъ; здѣсь же, еще разъ повторяю, никого нѣтъ.

«Познакомлю тебя короче съ молодымъ Митьковымъ. Онъ—препорядочный человѣкъ; съ нимъ можно быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но только до тѣхъ поръ, пока не будешь искать въ немъ того, чего онъ не въ состояніи выполнить. Я увѣренъ, что онъ къ нашему семейству питаетъ столько расположенія, сколько можетъ вмѣстить его холодная, эгоистическая натура. Для насъ онъ готовъ сдѣлать все, но не ищи въ немъ этого теплаго участія, этого дружескаго пожатія руки, этого горячаго чувства, которыя необходимы для меня.

«Еще позабылъ сообщить тебѣ одно очень для меня важное неудобство. Отъ природы брезгливаго характера, я всегда питалъ отвращеніе ко всякаго рода насѣкомымъ, въ особенности къ прусакамъ и тараканамъ, а въ деревнѣ все наполнено этой дрянью. Зато я не упускаю случая и истребляю ихъ огнемъ, ногами и папиросами; табачный дымъ страшно ядовитъ для нихъ.

«Что подѣлываютъ товарищи наши? Гдѣ-то они, вспоминаютъ ли о насъ? Вѣрно, большая часть никогда. Что С., несмотря на свое обѣщаніе писать мнѣ [1])? Не получилъ отъ него ни одного письма. Я также, какъ и ты, помѣшанъ на товариществѣ. Если будешь писать Гревеницу [2]), кланяйся очень отъ меня, поблагодари за письмо, которое онъ писалъ мнѣ, и скажи, что я бы съ удовольствіемъ писалъ ему, но не знаю, куда адресовать. Что дѣлаетъ Николаевъ [3])? Преблагородная душа, прекрасный человѣкъ, но, къ несчастью, холоднаго темперамента; кланяйся ему. Всѣмъ, кому будешь писать, или кого увидишь, поклонись очень отъ меня.

[1]) А. А. С., окончившій лицей въ 1857 г., одновременно съ Александромъ Серно-Соловьевичемъ, занимаетъ теперь видное служебное положеніе.

[2]) Баронъ Александръ Александровичъ Гревеницъ окончилъ лицей одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, служилъ въ канцеляріи статсъ-секретаря по принятію прошеній, кн. А. О. Голицына, потомъ былъ директоромъ Воспитательнаго дома и умеръ въ 1901 г.

[3]) Василій Никитичъ Николаевъ, окончившій лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, потомъ служилъ въ департаментѣ удѣловъ, умеръ въ 1898 г.

«Прощай, любезный Ш., желаю тебѣ быть здоровымъ, не скучать и вообще всего лучшаго. Не забывай того, который тебѣ душевно преданъ и который, если бы въ чемъ-нибудь серьезномъ понадобилась его помощь, одинъ изъ первыхъ будетъ готовъ всегда подать тебѣ руку.

А. Серно-Соловьевичъ.

«Если будешь писать, что доставитъ мнѣ большое удовольствіе, то пиши не въ деревню, а въ Москву, на Мясницкую улицу, въ Милютинъ переулокъ, противъ католической церкви, въ д. Митькова».

Второе письмо—записка, посланная съ оказіей сидѣвшему подъ арестомъ другу Ш.

В т о р о е.

1856 г. 10 марта, суббота, 7 ч. у.

«Вчера еще хотѣлъ написать тебѣ, дорогой Иванъ Ивановичъ, но боялся предательства, боялся, чтобы З—ъ, которому я не очень довѣряю, не передалъ бы письма моего въ другія руки; здѣсь подлецъ на подлецѣ, подлецомъ погоняетъ, не на кого рѣшительно положиться (исключеніе составляетъ развѣ одинъ Николаевъ). Успокойся, пожалуйста, начальство не очень сердито на тебя, и, вѣроятно, наказаніе твое окончится скоро, воскресеній болѣе двухъ не просидишь, потому что мы говѣемъ на 4-й. Старшій классъ нисколько не въ претензіи,—напротивъ, всѣ очень жалѣютъ тебя; о нашихъ не буду и говорить много; всѣ, всѣ плачутъ по тебѣ и придумываютъ средства, чтобы хоть нѣсколько облегчить участь твою, но самъ знаешь, что можемъ мы, воспитанники, сдѣлать у начальства, окруженные со всѣхъ сторонъ подлецами и шпіонами. О себѣ скажу, что арестъ твой привелъ меня въ отчаяніе, навелъ скуку и хандру. Дай Богъ, чтобъ ты скорѣй возвратился къ тѣмъ, которые всѣ любятъ тебя, и которыхъ одушевляешь ты присутствіемъ своимъ. День вчера былъ удивительно скученъ, хотя погода прекрасная; не весело встрѣчаешь ты первый весенній день. Лекціи всѣ были. Съ Бужо [1]) страшно холодны и никто почти не слушалъ его. Паукеръ [2])—дежурный,—кажется, очень хорошій человѣкъ. Посылаю тебѣ часы мои, чтобы хоть мысленно могъ ты перенестись къ намъ и знать, что мы дѣлаемъ. Книги у тебя есть. Ежели же нужно другихъ или вообще что-нибудь понадобится, то тотчасъ дай мнѣ знать. Ежели Спѣшневъ [3]) вздумаетъ зайти къ тебѣ, что весьма вѣроятно, то soye sur vos gardis, ты знакомъ съ этой скотиной, онъ будетъ выпытывать мно-

[1]) А. Б. Бужо, преподаватель французскаго языка и литературы.
[2]) Л. Е. Паукеръ, воспитатель и репетиторъ.
[3]) Я. Т. Спѣшневъ, воспитатель.

гое. Тороплюсь готовить репетицію статистики, которая огромна. Прощай, не скучай и молись Богу.

«Навсегда преданный и много любящій тебя

А. С.-Соловьевичъ.

«Всѣ, всѣ очень и очень кланяются тебѣ».

Вступивъ въ послѣдній классъ, Серно-Соловьевичъ отправился вмѣстѣ съ матерью, братомъ Николаемъ и родными за-границу. Какъ только они обосновались въ Шлангенбадѣ, онъ пишетъ своему другу пространное письмо, проливающее свѣтъ опять-таки на нѣжную душу.

Третье.

1856 г. 17/29 іюня. Шлангенбадъ.
Вторникъ, 8 ч. вечера.

«Прости меня, дорогой Ш., за то, что не написалъ тебѣ до сихъ поръ ни слова. Боюсь, чтобы не подумалъ, что я забылъ заграницей товарищей своихъ. Нѣтъ, ничто въ мірѣ не замѣнитъ мнѣ пріятельскаго кружка; къ вамъ, друзья мои, стремятся мои мысли, съ вами, и въ особенности съ тобой, привыкъ дѣлить я всѣ радости и горести; теперь, находясь въ разлукѣ, еще болѣе привязанъ къ вамъ и съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда снова буду посреди тѣхъ, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Что Германія, Парижъ и т. д., «когда нѣтъ друга... кому бы могъ пожать отъ сердца руку и пожелать счастливыхъ много дней». Эти строки незабвеннаго Пушкина можешь принять на свой счетъ. Въ пять неразлучно проведенныхъ лѣтъ я вполнѣ узналъ и оцѣнилъ *твое сердце, умъ и высокій образъ мыслей*. Но отчего же, быть можетъ, спросишь ты, цѣлый мѣсяцъ о тебѣ ни слуху, ни духу?

«Отвѣчу на это, что, оставя тебя въ сомнѣніи, какого рода жизнь избрать на предстоящее лѣто, я рѣшительно не зналъ, куда адресовать письма мои—вотъ что удерживало меня писать, и, повѣрь, это была единственная причина. Но живо вообразивъ печальное положеніе твое и скуку, не имѣя близъ себя человѣка, который бы раздѣлялъ тоску твою, я рѣшился, наконецъ, писать въ лицей. Ежели письмо мое и не скоро дойдетъ до тебя, то, все-таки, когда-нибудь, прочтя его, ты узнаешь, что есть сердце вполнѣ тебѣ преданное.

«Начну теперь повѣствованіе о путешествіи нашемъ, но обо всемъ случившемся со мной скажу кратко, въ нѣсколькихъ словахъ, оставляя подробное описаніе до личнаго свиданія, которое, увы, будетъ еще не скоро.

«Грустно было уѣзжать изъ Петербурга, не простившись со многими товарищами, обѣщавшими пріѣхать проводить меня. Впрочемъ, я нисколько не въ претензіи,—нельзя требовать къ себѣ

тѣхъ чувствъ, которыя самъ питаешь. Только Висковатовъ [1]) и Ж. [2]) пріѣхали на пароходъ, и добрый Волукъ [3]) провожалъ меня до Кронштадта. Въ первые дни мореплаванія погода благопріятствовала намъ, больныхъ было очень мало, все, казалось, шло, какъ нельзя лучше. Но вотъ наступила роковая ночь съ 11 на 12 іюня, которая долго не изгладится изъ моей памяти. Ровно въ 12 часовъ началась жестокая буря, продолжавшаяся до 3-хъ слѣдующаго дня, т. е. до прибытія въ Свинамюндскую гавань. Не буду описывать теперь всѣхъ подробностей, скажу только, что жизнь наша висѣла на волоскѣ, мы только молились Богу и прощались уже со всѣми милыми сердцамъ нашимъ. Изъ всѣхъ пассажировъ, которыхъ, кстати сказать, было очень много, только я и одинъ русскій помѣщикъ были здоровы. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ морской бури, всего отчаянія погибавшихъ и почти не оставлялъ палубы. Какъ жалки казались мнѣ тогда бонтоны петербургскаго общества, зараженные аристократизмомъ, этою подагрою нравственнаго міра... Можетъ быть, ты не повѣришь мнѣ, подумаешь, что изъ мухи дѣлаю слона, но спроси у Кожуховскаго [4]), который ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ нами (онъ, вѣроятно, возвратится раньше меня въ лицей). Такъ промучившись около 15 часовъ, доплыли мы, наконецъ, до Штетина.

«Вообрази всеобщій восторгъ и радость! Отдохнувъ немного, отправились на другой день по жел. дорогѣ въ Берлинъ, куда пріѣхали въ среду въ 4 часа пополудни. Что сказать о столицѣ Пруссіи... Полторы недѣли, проведенныя здѣсь, были посвящены обозрѣнію города и его окрестностей. Всѣ достопримѣчательности, какъ-то: дворцы, галлереи, университетъ, сады, конечно Потсдамъ, Санъ-Суси и т. д. были осмотрѣны; многое хорошо, но почти ничего не бросается въ глаза. Кто видѣлъ Петербургъ, того удивитъ, развѣ, Парижъ или Лондонъ. Въ Берлинѣ дожидались мы дѣда и тетку, которымъ наши доктора совѣтовали ѣхать въ Теплицъ, но здѣшніе эскулапы (Schönlein, Romberg и Hauck) отвергли ихъ мнѣніе и послали мать въ Шлангенбадъ, а тетку въ Висбаденъ, и такъ мы другъ отъ друга находимся въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды. Можетъ быть, ты подумаешь, что я не совсѣмъ доволенъ подобнымъ распоряженіемъ; напротивъ, дѣдъ мой здѣсь совершенно другой человѣкъ, добръ, любезенъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятный спутникъ; наконецъ, это дастъ болѣе свободы брату и мнѣ совершать различныя прогулки по берегамъ Рейна, потому что мать по слабости здоровья не въ состояніи много ходить.

«Итакъ, въ настоящую минуту мы находимся въ Шлангенбадѣ, въ герцогствѣ Нассаускомъ, богатомъ всѣми минеральными водами.

---

[1]) Константинъ Александровичъ Висковатовъ окончилъ лицей въ 1857 г. и потомъ служилъ въ канцеляріи государ. совѣта, умеръ въ 1906 г.

[2]) В. В. Ж., тоже выпуска 1857 г., потомъ секретарь посольства въ Константинополѣ.

[3]) Прозвище Ж.

[4]) Антонъ Антоновичъ Кожуховскій кончилъ лицей двумя годами позже А. Серно-Соловьевича.

Мѣстоположеніе удивительное окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, Taunus Gebirge;—мѣстечко это представляетъ изъ себя родъ ущелья, воздухъ удивительный, но при всемъ томъ мнѣ невыносимая хандра, и если-бъ не книги, которыми запаслись мы въ Берлинѣ, я не зналъ бы, что дѣлать. Народу очень много, русскихъ и французовъ бездна, но я не люблю подобнаго общества и теперь на практикѣ доказываю то, что развивалъ въ теоріи. Здѣсь пробудемъ мы четыре недѣли или двѣ, а двѣ въ Швальбахѣ,—однимъ словомъ, еще мѣсяцъ въ нассаускихъ владѣніяхъ; отсюда опять на двѣ недѣли въ Остенде, потомъ на три въ Парижъ и, наконецъ, черезъ Швейцарію, Ломбардію и Австрію назадъ въ родимый Питеръ.

«Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Едва не забылъ сказать, что нѣсколько разъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, былъ у Глинки [1]), отвезъ письмо отъ сына.

«Вотъ въ короткихъ словахъ жизнь моя за-границей.

«Теперь предложу тебѣ нѣсколько вопросовъ, которые ты, вѣроятно, не оставишь безъ отвѣта. Какъ здоровъ, гдѣ живешь, что дѣлаешь, что дѣлаютъ другіе товарищи, лицей и вообще Петербургъ? Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе и побольше. Адресъ мой: Duché de Nassau, Schlangenbad, poste restante; ежели насъ уже здѣсь не будетъ, то на почтѣ будутъ сдѣланы приличныя распоряженія. Мать и братъ очень тебѣ кланяются, а я крѣпко жму руку.

Навсегда твой

А. Серно-Соловьевичъ.

«Поклонись отъ меня Сабанскому [2]) и скажи, что здѣсь много соотечественниковъ его, прелюбезныхъ и премилыхъ людей. Поцѣлуй Ваську [3]) и вообще очень кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые спросятъ обо мнѣ. Прощай еще разъ и не забывай меня. Прости за нескладное письмо, но головная боль, жаръ и мухи мѣшаютъ послѣдовательности мыслей моихъ».

Любопытно, что жившій въ одно время съ Серно-Соловьевичами въ Шлангенбадѣ Щербачевъ замѣчаетъ, что своимъ умомъ и образованіемъ братья умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь курорта [4]).

Въ то же лѣто г. Ш. получилъ еще три письма отъ странствовавшаго друга.

---

[1]) Отецъ Николая Дмитріевича Глинки, окончившаго лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, посланникъ въ Бразиліи, потомъ въ Португаліи.

[2]) Михаилъ Θедоровичъ Сабанскій, кончилъ лицей въ 1857 г. и скоро вышелъ въ отставку.

[3]) В. Н. Николаевъ.

[4]) «Идеалы моей жизни». М. 1895 г. 187—188 стр.

Четвертое.

1856 г. Шлангенбадъ.
4/16 августа. Суббота.

«Рѣшительно не знаю, чему приписать такое долгое молчаніе съ твоей стороны. Неужели письмо мое не дошло еще? или же забылъ ты совершенно о существованіи преданнаго тебѣ друга? Такъ или иначе, но вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мы разстались, и я не знаю, живъ ли ты и что подѣлываешь. Жизнь твоя, конечно, не весела, но и моя не такъ красна, какъ, вѣроятно, думаютъ всѣ тѣ, которые хоть изрѣдка вспоминаютъ обо мнѣ. Несносная грусть тѣснитъ мое сердце; многіе посмѣются надъ ней, но ты, я знаю, вполнѣ поймешь меня.

«Несмотря на молодость мою, я не жажду наслажденій и нахожу удовольствіе въ томъ, въ чемъ другіе не находятъ. Для меня нужны люди, которымъ бы могъ излить душу свою; я ищу дружескаго слова и крѣпкаго пожатія руки. Черезъ три недѣли кончаются каникулы, и вы снова соберетесь въ лицеѣ; счастливцы—вы будете вмѣстѣ, а я далеко отъ васъ—одинъ. Часто, со многими говорилъ я о нашей братской жизни, но въ продолжительность ея никто не вѣритъ. «Юношеская мечта» сказалъ мнѣ одинъ человѣкъ. «Подождите еще годъ, свѣтъ раздѣлитъ васъ, а съ этимъ разнесутся и иллюзіи». Неужели общество дѣлаетъ человѣка такимъ холоднымъ эгоистомъ, да и есть ли это непреложный законъ, которому должны подчиниться всѣ? Нѣтъ, я еще вѣрю въ дружбу, вѣрю, что не всѣ изъ насъ, но нѣкоторые сохранятъ и послѣ выхода лицейское единство.

«Но довольно объ этомъ, не буду болѣе распространяться о моей привязанности къ вамъ—словами подобныхъ чувствъ не выразить.

«Въ четвергъ, если не послѣдуетъ contre ordre, покидаемъ мы, наконецъ, Шлангенбадъ и отправляемся въ Остенде, куда и попрошу тебя адресовать письма (poste restante). Пожалуйста, пиши все, что дѣлаешь,—каждое малѣйшее обстоятельство твоей жизни много интересуетъ меня. На этихъ дняхъ совершили мы съ братомъ [1]) маленькое путешествіе по берегамъ Рейна (отъ Майнца до Кельна). Въ Ахенѣ я встрѣтился съ Дурасовымъ—лицеистомъ [2]); не могу сказать тебѣ, какъ порадовалъ онъ меня извѣстіемъ о выходѣ Гескета [3]) изъ лицея.

«Прости, дорогой NN, за безцвѣтность письма моего; охота писать тебѣ велика, но въ матеріалахъ рѣшительный недостатокъ. Жизнь и занятія наши въ Шлангенбадѣ почти не выходятъ изъ опредѣленной рамы, вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня ночью и ночи днемъ. До свиданія, пе-

[1]) Николаемъ.
[2]) XVII курса.
[3]) Эсаулъ Д. Т. Гескетъ былъ однимъ изъ прикомандированныхъ къ лицею офицеровъ, ненавистныхъ юношамъ своею казарменною муштровкою.

редай мой поклонъ Сабанскому и всѣмъ товарищамъ. Прошу объ одномъ, не забывайте меня и въ своихъ лицейскихъ бесѣдахъ вспоминайте о другѣ вашемъ, не такъ часто, какъ я, потому что это невозможно, а хоть изрѣдка.

Душевно твой

А. Серно-Соловьевичъ.

«Вчера послалъ барону [1]) просьбу о продолженіи отпуска (повѣрь, это не мое собственное желаніе),—потрудись узнать о послѣдствіяхъ и увѣдомить меня».

П я т о е.

1856 г. Остенде. 28 авг. (9 сент.), 11 ч. веч.

«Въ четвергъ 9 августа покинули мы, наконецъ, ненавистную Германію и благополучно добрались до Остенде, гдѣ находимся въ настоящую минуту. Путешествіе отъ Шлангенбада до Остенде, сначала Рейномъ до Кельна, а потомъ по желѣзной дорогѣ черезъ всю Бельгію, было весьма незамѣчательно. Одно только скажу, что на пароходѣ познакомился я съ Ломоносовымъ, лицеистомъ перваго курса, нынѣ посланникомъ въ Гаагѣ [2]). Съ трепетомъ въ душѣ подошелъ къ нему, надѣясь поговорить съ нимъ о Пушкинѣ, о дорогомъ нашемъ лицеѣ, но не нашелъ я въ немъ того, чего искалъ. Забылъ онъ уже товарищей своихъ, а о Пушкинѣ я не могъ ничего сказать. Просилъ онъ меня, однако, смотрѣть за племянникомъ, Алексѣемъ Ломоносовымъ, поступившимъ въ лицей.

«Остенде съ перваго раза произвело на меня пріятное впечатлѣніе. И дѣйствительно нельзя не восхищаться, сидя на берегу моря. Въ каждое время дня взору твоему представляются новыя картины: приливъ и отливъ, восхожденіе и захожденіе солнца, вечеромъ фосфорическій блескъ моря; все это такъ хорошо, такъ прекрасно. Народъ самый представляетъ такой удивительный контрастъ съ нѣмцами: живые, веселые бельгійцы (хотя до высшей степени дерзновенные) только и думаютъ о наслажденіяхъ. Театры, балы, вечера, постоянная музыка, однимъ словомъ, всѣ возможныя удовольствія. Не думай, однако же, чтобы я слишкомъ предавался имъ и проводилъ время очень весело. Правда, что я не скучаю уже такъ, какъ въ Шлангенбадѣ, но мысль, что далеко отъ васъ, постоянно со мною. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ здѣсь, былъ тотъ, въ который я получилъ письмо твое. Описать радостное впечатлѣніе, произведенное на меня,—это повторять то, что уже было высказано въ предыдущихъ письмахъ. Благодарю, отъ всего сердца благодарю тебя за него и въ особенности за нѣсколько строчекъ, глубоко запавшихъ мнѣ въ душу. Вмѣстѣ съ

[1]) Баронъ Штейнгель—инспекторъ лицея, очень любимый воспитанниками.

[2]) Полномочный министръ при Нидерландскомъ дворѣ.

раздражительнымъ, подчасъ несноснымъ характеромъ получилъ я отъ природы и теплое сердце, которымъ постараюсь, сколько силъ будетъ, отплатить за привязанность ко мнѣ.

«Письмо мое застанетъ васъ уже собравшимися въ лицеѣ. Пожалуйста, передай мой дружескій поклонъ всѣмъ товарищамъ и проси не забывать меня. Сабанскаго очень благодарю за расположеніе ко мнѣ; увѣрь его, что всегда желалъ и желаю ему всего лучшаго. Надѣюсь, что смѣна наша останется почти въ томъ же составѣ и вы не исключите меня изъ нея. Надѣюсь, что ты будешь столь добръ и познакомишь брата моего съ лицейскими правилами и обычаями [1]). Ты самъ знаешь, какъ важны первые дни лицейской жизни, и потому прошу тебя—не оставь его въ это трудное время. Береги свое здоровье и лѣчись серьезнѣе. Мать и братъ очень, очень кланяются, а я отъ всей души жму руку и молю Создателя, чтобы онъ сохранилъ тебя. До свиданія.

Навсегда твой другъ *А. Серно-Соловьевичъ.*

«Мой нижайшій поклонъ Лялину [2]), всѣмъ воспитателямъ и въ особенности Строкину [3]). Пишите мнѣ въ Парижъ (poste restante). А. А. [4]) мое глубочайшее почтеніе; скажи ему, что видѣлъ отца его и сестеръ въ Соденѣ».

Шестое.

1856 г. 17 (1 окт.). Берлинъ. Среда.

Не показывай никому моего письма.

«Всеобщее желаніе возвратиться скорѣй въ Петербургъ перемѣнило совершенно планъ дальнѣйшаго путешествія, и мы уже на возвратномъ пути. Черезъ недѣлю, много десять дней, я опять въ лицеѣ, посреди васъ. Мы съ братомъ воспользовались долгимъ пребываніемъ нашихъ въ Остенде и успѣли побывать въ столицѣ міра. Парижъ восхитителенъ, въ томъ спору нѣтъ; великолѣпнѣе и веселѣе города я не знаю, волшебнаго, однако, и чего-то упоительнаго, по выраженію всѣхъ почти русскихъ, не нашли мы въ немъ. Но близокъ, близокъ часъ свиданія, и тогда на досугѣ поговоримъ обо всемъ. Я разскажу все, что дѣлалъ въ четыре мѣсяца, ты, съ своей стороны, отплатишь мнѣ тѣмъ же.

«Оставивъ Остенде (въ которомъ, между нами, оставилъ и сердце свое), пустились мы въ обратное путешествіе, скучное и хандривое до невѣроятія. Въ каждомъ большомъ городѣ останавливаемся,—слѣдовательно, возня съ вещами; дѣдъ мой еще несноснѣе, чѣмъ дома; мать, на которую желѣзная дорога имѣетъ весьма не-

[1]) Рѣчь идетъ о братѣ Константинѣ.
[2]) С. В. Лялинъ, воспитатель и репетиторъ въ лицеѣ.
[3]) Алексѣй Николаевичъ Строкинъ, магистръ, преподаватель закона Божія, психологіи и логики. Онъ очень былъ расположенъ къ А. Серно-Соловьевичу.
[4]) С.

благопріятное дѣйствіе, раздражая нервы, также безпокойна. Съ одной стороны желаніе поскорѣе увидѣться съ вами, въ особенности съ тобой, въ совѣтахъ котораго нуждаюсь теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь; съ другой—тоска по той, которую оставилъ въ Остендѣ; постоянныя семейныя сцены, которыя хотя и бывали во время вояжа, но рѣдко доходили до такой степени, какъ теперь,—все это такъ отвратительно, что не знаю, какъ выразить тебѣ грусть мою. Единственное утѣшеніе—это написать тебѣ, въ расположеніи котораго убѣжденъ теперь, и ты, конечно, примешь участіе въ печальномъ положеніи моемъ.

«Вообще, любезный Ш., буду просить тебя быть теперь со мною дружнѣе и откровеннѣе по возвращеніи въ лицей и, говоря правду-матку въ глаза, сдѣлать характеръ мой болѣе пріятнымъ для товарищей. Какъ намѣрены вы встрѣтить 19 октября [1]). Кланяйся всѣмъ товарищамъ и брату моему, который, кажется, очень доволенъ настоящимъ положеніемъ своимъ.

«Итакъ, до свиданія, обнимаю тебя и остаюсь душевнымъ твоимъ другомъ.

А. Серно-Соловьевичъ.

«Нюнька очень тебѣ кланяется.

«Не забывай меня».

Слѣдующее письмо отправлено уже изъ Маріенбада, когда Серно-Соловьевичу было девятнадцать лѣтъ.

С е д ь м о е.

1857 г. Маріенбадъ. 8 (20 іюля). Понедѣльникъ.

«Большіе часы Маріенбада только что пробили полночь. Вокругъ меня все тихо и спокойно. Обитатели здѣшняго мѣстечка, у которыхъ день начинается въ 7 часовъ утра, давно уже въ объятіяхъ Морфея. Одинъ я (а, можетъ быть, есть и другой несчастный, котораго судьба забросила въ это захолустье, такъ далеко отъ всего, что дорого и мило сердцу) бодрствую. Любитель ночныхъ бесѣдъ, не могу не выбрать времени этого, чтобы не побесѣдовать съ вами, любезные друзья, Звѣревъ [2]), Николаевъ и Ш. Можетъ быть, сидите вы теперь за длиннымъ столомъ въ музыкальной, пьете пиво отъ Пискунова, вспоминаете о товарищахъ, а съ ними и о далекомъ другѣ, далекомъ по разстоянію, но душой всегда, какъ и въ настоящую минуту, близкомъ и тѣсно, неразлучно соединенномъ съ вами.

«Скоро мѣсяцъ, какъ я разстался съ вами. Съ каждой минутой пространство между нами становилось все больше и больше, и спрошу: неужели съ нимъ исчезла и память обо мнѣ? Невольно

[1]) Лицейскій праздникъ.

[2]) Модестъ Ивановичъ Звѣревъ, кончилъ курсъ лицея въ 1857 г. и служилъ въ министерствѣ юстиціи.

долженъ сдѣлать вопросъ этотъ, потому что, къ несчастью моему, не получалъ до сихъ поръ отъ васъ ни строчки. Что за причина? Долго ломалъ голову, придумывалъ все возможное и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, уѣхали вы изъ Петербурга; другой причины не могъ прибрать; или, можетъ быть, ожидали вы отъ меня перваго письма, чтобы испытать, не забылъ ли я васъ? Прежняя поѣздка доказала вамъ противное, а нынѣшняя еще болѣе убѣдила меня, что, гдѣ бы я ни былъ, никогда не буду совершенно веселъ и доволенъ въ разлукѣ съ вами. Всякое удовольствіе хотѣлось бы раздѣлить съ тѣми, которыхъ люблю всей душой, которыхъ судьба тѣсно связала со мной. Тѣсный кружокъ нашъ необходимъ для общаго счастья; горе тому, кто первый отстанетъ отъ него.

«Послѣ двухнедѣльнаго странствованія дотащились мы, наконецъ, до Маріенбада, первой цѣли нашего вояжа. Семь дней ѣхали мы до Варшавы, и въ эту недѣлю вполнѣ узналъ я всю пріятность путешествія по Россіи. Ѣзда съ *женщинами* въ собственномъ экипажѣ, гдѣ каждую минуту трепеталъ я за цѣлость кареты! Дѣйствительно, три раза были мы жертвою кузнецовъ, которые, какъ хищные звѣри, ожидаютъ пріѣзда на станцію и немилосердно грабятъ проѣзжающихъ. Жара, блохи, мои вѣчные враги, возня съ жидами и съ поляками въ особенности, все это въ этотъ разъ соединено было, чтобъ отвратить меня отъ подобнаго путешествія. Разъ даже ночевали мы въ жидовской корчмѣ, и 18-е іюня останется надолго памятнымъ для меня днемъ.

«Невозможно описать всѣхъ мелкихъ непріятностей, которыя испытывали мы, потому вы легко поймете, съ какимъ возрастающимъ нетерпѣніемъ приближались мы къ Варшавѣ. Дѣйствительность, однако, не оправдала нашихъ ожиданій. По случаю огромнаго стеченія публики всѣ Hôtel'и были заняты, и мы нашли грязную комнату въ четвертомъ этажѣ. Совершенное незнаніе польскаго языка дѣлало еще болѣе невозможнымъ долгое пребываніе въ Польшѣ, такъ что, несмотря на усталость и желаніе отдохнуть, отправились мы на другой же день вечеромъ въ Вѣну. Все это живо напомнило мнѣ прошлогоднюю поѣздку на пароходѣ, которая имѣетъ, все-таки, преимущества; право, лучше 18 часовъ бури, нежели семь дней всевозможныхъ лишеній.

«О столицѣ Австріи не могу ничего разсказывать вамъ, любезные друзья, потому что день, проведенный въ ней, былъ посвященъ хожденію по магазинамъ, которыми, впрочемъ, дамы мои остались очень недовольны. Иностранцамъ рекомендую Hôtel zum goldenen Lamm, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ женскомъ (по красотѣ лицъ). Вообразите себѣ удивленіе мое, когда у банкира встрѣтилъ я Стефана [1]) съ отцомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ, согласились мы посмотрѣть вмѣстѣ Италію, куда отправлялись они послѣ десятидневнаго пребыванія

[1]) Александръ Густавовичъ Стефанъ окончилъ лицей въ 1856 г. и потомъ служилъ въ военномъ министерствѣ.

въ Вѣнѣ. Но съ тѣхъ поръ многія изъ обстоятельствъ перемѣнились, и я посылаю письмо къ нему въ Миланъ, въ которомъ извиняюсь, что не могу пріѣхать подъ предлогомъ будто бы болѣзни маменьки. Вмѣсто того отправляюсь съ Михаиломъ Митьковымъ, котораго нашелъ здѣсь, сначала въ Дрезденъ, потомъ, вѣроятно, въ Мюнхенъ оттуда въ Шафгаузенъ, Цюрихъ, Люцернъ, Базель, вообще посмотрѣть на Швейцарію, а ежели будетъ время, то заглянуть и на югъ Франціи. Я получилъ отъ нашихъ отпускъ на 16 дней, по истеченіи которыхъ долженъ вернуться назадъ въ Маріенбадъ и вмѣстѣ уже ѣхать въ Ахенъ, гдѣ, пробывъ недѣли двѣ, возвращусь назадъ къ вамъ.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю путешествія этого, отчасти потому что оно очень интересно, частью же оттого, что вздохну свободно послѣ столь долгой кабалы. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, понимаю всю прелесть свободы и во что бы то ни стало достигну желанной цѣли, живя съ товарищами послѣ выпуска, ежели только позволятъ финансы мои.

«До сихъ поръ отзывы мои о заграницѣ были только съ невыгодной стороны, но, судя строго и справедливо, не могу не отдать полной справедливости устройству жизни, людямъ, однимъ словомъ, всему передъ нашимъ отечествомъ. Еще теперь мы въ Австріи, которая рѣзкими чертами отдѣляется отъ остальной Европы. Какъ посмотришь на все это, подивишься нашему застою. Здѣсь все проще какъ-то и потому гораздо счастливѣе, хоть бы, напримѣръ, въ настоящую минуту въ Маріенбадѣ, лордъ Dundee съ женой; говорятъ, одинъ изъ первыхъ богачей Англіи. Онъ ведетъ себя такъ тихо и скромно, ничѣмъ не отличаясь отъ толпы. Напротивъ того, русскіе, которыхъ здѣсь бездна (въ особенности же дамы), помѣшаны на бонтонѣ, важничаютъ страшно, знакомы только съ иностранцами и то съ немногими. Вслѣдствіе этого скучаютъ и носятъ съ собой ту хандру, которая теперь эпидемическая болѣзнь въ нашей сѣверной столицѣ. Изъ русскихъ дамъ здѣсь между прочими мать и сестра лицеиста Дензаса [1]). Особы эти отвратительны для меня. Mademoiselle совершенная собачья старость. Безобразовъ [2]), будущій профессоръ лицея, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ фатовствомъ. Я, по свойственной дикости характера, рѣшительно ни съ кѣмъ незнакомъ, дни свои провожу въ прогулкахъ по горамъ, наслаждаюсь природой; горы (Ergezbirge) похожи на шлангенбадскія, но болѣе дики и мрачны. Книгъ здѣсь нѣтъ, кромѣ глупыхъ романовъ; папиросы не доставляютъ мнѣ большого удовольствія, частью потому, что Жернаковъ далъ мнѣ скверный табакъ, частью оттого, что здѣсь такъ сыро.

«Вотъ два дня, какъ у насъ страшная гроза, какой не запомнятъ маріенбадскіе старожилы. Каждый день хожу въ театръ. Недавно пѣли въ немъ пѣвцы, пріѣхавшіе изъ Беарніи; я познако-

---

[1]) Борисъ Антоновичъ Дензасъ выпуска 1859 г., служилъ потомъ при посольствѣ въ Берлинѣ.

[2]) Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

мился съ ними, потому что восхищенъ былъ ихъ пѣніемъ. Они пѣли мнѣ *нѣкоторыя* изъ французскихъ пѣсенъ лицейскаго репертуара, которыя я самъ насвистываю цѣлый день. «*Слава*» наша пройдетъ со мной по Европѣ: на многихъ столбахъ и бесѣдкахъ написалъ я любимую пѣснь нашу, и вездѣ буду дѣлать то же [1]). Желаніе учиться нѣмецкому языку осталось только желаніемъ; впрочемъ, не моя вина, что здѣсь нѣтъ учителя. Занятія англійскимъ языкомъ также невозможны,—вообще я ужасно облѣнился; трудно будетъ въ лицеѣ, особенно по возвращеніи, когда необходимо прилежнѣе взяться за дѣло [2]).

«Два листа пишу все еще о себѣ и не спросилъ еще, что подѣлываете вы, друзья и товарищи, живете ли все еще въ лицеѣ? Катаясь на лодкѣ, ѣздили ли 24 іюня на Крестовскій? Что твоя диссертація и головныя боли, NN? уѣхалъ ли Мудушка [3]) изъ Петербурга? а ты, Василій Никитичъ [4]), мой любезный, вспоминаешь ли обо мнѣ? Отложи-ка лѣнь, да напиши подробно о вашемъ житьѣ. Бываетъ ли у васъ Гриша [5])? Я часто и много думаю о немъ; передайте ему мой душевный поклонъ. Имѣетъ ли онъ извѣстія объ Ильѣ [6])? Не сомнѣваясь въ томъ, что вы напишите мнѣ, попрошу адресовать въ Маріенбадъ, zum goldenen Falken, № 35 да пишите побольше и почаще. Крѣпко жму вамъ руки и остаюсь вашъ другъ и товарищъ.

Лицеистъ *А. Серно-Соловьевичъ*.

«Поклонитесь отъ меня товарищамъ, въ особенности Висковатову, Долгово, Ж., Рихтеру [7]), С., Черкесову и Сабанскому. Послѣдній, вѣрно, въ лицеѣ. Со многими изъ нихъ вы въ перепискѣ; скажите, что я не пишу имъ потому, что вы—центръ моей корреспонденціи, и отъ васъ, ежели интересуются, могутъ узнать обо мнѣ. Въ особенности *Тамаръ* [8]) скажите, что всякій день вспоминаю и восхищаюсь подвигомъ его. Сабурову и Жадовскому писалъ еще изъ Петербурга и отъ нихъ не имѣю извѣстій. Не знаете ли, гдѣ теперь Гревеницъ? Хотѣлось бы встрѣтить его за-границей. Васъ-то лично я не благодарилъ еще за участіе, которое вы оказали мнѣ во время мнимой болѣзни, при отъѣздѣ изъ Петербурга; то, что вы дѣлали, глубоко запечатлѣлось въ памяти моей. Напишите мнѣ, что знаете о другихъ товарищахъ. Бываешь ли въ Парголовѣ, Ш.? и не былъ ли недоволенъ букетомъ баронъ, здоровъ ли онъ?

[1]) Пѣсня того курса лицеистовъ, къ которому принадлежалъ А. С.-С.

[2]) Т. е. за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ.

[3]) Прозвище М. Н. Звѣрева.

[4]) Николаевъ.

[5]) Григорій Григорьевичъ Борщевъ, XIX лицейскаго курса, очень близкій къ семьѣ Серно-Соловьевичей; потомъ присяжный повѣренный въ Саратовѣ.

[6]) Илья Григорьевичъ Борщевъ, родной братъ Григорія, окончилъ лицей въ 1853 г.; потомъ небезызвѣстный натуралистъ и профессоръ въ кіевскомъ университетѣ.

[7]) Андрей Александровичъ Рихтеръ, выпуска 1856 г., потомъ мировой посредникъ Калужской губ.

[8]) Прозвище Висковатова.

Хотѣлъ бы еще продолжить, но уже 3-й часъ, да и бумага пришла къ концу».

Осенью Александръ Александровичъ вернулся въ Петербургъ. Желая стѣснять себя возможно меньше, братья, Николай и Александръ, въ компаніи съ А. А. Черкесовымъ и Долгово-Сабуровымъ сняли себѣ по окончаніи лицея самостоятельную квартиру, довольно хорошо ее обставили, держали повара и еженедѣльно принимали товарищей. Собранія были очень оживленны... Это было время пробужденія русскаго общества послѣ тяжелаго сна при Николаѣ I... Бесѣды все больше и больше велись на политическія темы и злобы дня. Это, впрочемъ, не мѣшало и карточной игрѣ. Чтобы иллюстрировать тогдашнее настроеніе братьевъ, небезынтересно сообщить слѣдующій фактъ. Какъ-то они были на именинахъ въ одномъ знакомомъ домѣ, за городомъ. Былъ нанятъ хоръ конногвардейцевъ. Случайно проѣхалъ мимо дачи Александръ II. Узнавъ, что онъ скоро вернется, Николай Серно-Соловьевичъ очень хлопоталъ, чтобы не пропустить его и во-время сыграть «Боже, царя храни»... Въ этой же квартирѣ была окончательно средактирована извѣстная записка (см. стр. 43) Николая къ государю. Александръ Александровичъ настаивалъ на ея подачѣ, и только его другъ Ш. былъ противъ этого. Николай подчинился вліянію брата.

Проживъ зиму и весну въ Петербургѣ, Александръ Александровичъ снова въ началѣ лѣта поѣхалъ за-границу и оттуда написалъ своему другу одно письмо.

Восьмое.

1858 г. Августъ.

«Наконецъ-то и на моей улицѣ праздникъ, долгое ожиданіе вознаграждено: я получилъ ваши письма отъ 27 іюня. Хотя, по совѣсти, слѣдовало бы отвѣчать вамъ, но рѣшительно не имѣю времени,—скоро пускаюсь въ обратный путь и занятъ счетами и т. п. 3/15 сентября, во вторникъ, отправился я на любекскомъ пароходѣ и, ежели не утону, то въ пятницу 6-го вечеромъ или въ субботу утромъ надѣюсь быть въ Петербургѣ. Какъ порадовало бы меня, если-бъ кто-нибудь изъ васъ пріѣхалъ встрѣтить. О днѣ и часѣ прихода можно узнать въ почтамтѣ. Еще разъ спасибо вамъ за письма, до свиданія.

Не забывайте

А. Серно-Соловьевича.

«Поблагодари Гришу за его дружеское посланіе; нѣсколько разъ принимался писать ему, набрасывалъ двѣ-три строчки и не имѣлъ рѣшительно моральныхъ силъ продолжать.

«Не знаю, гдѣ находится Нюнька [1]); ежели въ Петербургѣ, сообщи ему о моемъ возвращеніи.

---

[1]) Старшій братъ, Николай.

«Крѣпко цѣлую тебя, любезный NN; много придется поговорить намъ, и я съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ помышляю объ этомъ времени.

«Пожалуйста, не сердись на меня.

«Гревеницъ всѣмъ очень кланяется».

Но въ Петербургъ онъ вернулся ненадолго. Въ концѣ ноября или началѣ декабря Серно-Соловьевичъ снова уѣзжаетъ и опять-таки съ своими родными за-границу, откуда въ теченіе первой половины 1859 г. присылаетъ своему другу девять писемъ, изъ которыхъ ясно уже и будущее юноши, и его общественные идеалы.

Девятое.

1859 г. 10—11 января. Берлинъ.
1858 г. 29—30 декабря.

«Первыя замиранія, раздиравшія душу при прощаніи со всѣмъ дорогимъ и милымъ, прошли, конечно, на время, чтобы снова явиться съ большей силой и ожесточеніемъ; успокоились на минуту разломанные дорогой члены моего тѣла, и я впервые могу отдать отчетъ всему тому, что происходило и происходитъ во мнѣ и кругомъ.

«Прежде всего нѣсколько словъ о путешествіи по Россіи. Оно запечатлѣно глубокими страданіями, каждый суставчикъ вопіетъ громко.

«Въ Лугѣ разстался я съ Митьковымъ и, утомленный нѣсколькими безсонными ночами, впечатлѣніями послѣднихъ дней, забылся и заснулъ. Долго спалъ я непробуднымъ сномъ, ничто не могло воззвать къ жизни, физика брала верхъ. Только ночью, когда колымага наша остановилась, пришелъ я въ себя, и глазамъ представилась великолѣпная картина: кондукторъ грѣетъ руки на спинѣ ямщика, ямщикъ вымещаетъ побои на лошадяхъ; лошади бьютъ копытами землю, не двигаясь съ мѣста; путешественники вылѣзли изъ экипажа и оглашаютъ воздухъ стенаніями... Вѣтеръ воетъ, кругомъ пусто, нигдѣ не видно человѣческаго слѣда. И съ этой самой минуты начались бѣдствія всѣхъ возможныхъ родовъ: дороги отвратительныя, нигдѣ нѣтъ чистой комнаты, нѣтъ свѣжаго куска хлѣба.

«We are six. Моимъ собесѣдникомъ, по счастью, случился артиллерійскій полковникъ, и бесѣда съ нимъ составляла единственную отраду въ этомъ безвыходномъ положеніи. Твои предчувствія не оправдались. Все располагало къ откровенному слову, и мы, кажется, вполнѣ поняли другъ друга. Затѣмъ архитекторъ, обрусѣлый нѣмецъ, отличавшійся своею нѣжностью къ сестрѣ, маленькому, отвратительному созданію, про которую онъ не иначе выражался, какъ: онѣ такъ нѣжны, такъ деликатны, онѣ не въ состо-

янiи выдержать этотъ вояжъ; французъ-фабрикантъ, потѣшавшiй публику площадными восклицанiями, и нѣмецъ—купеческiй комиссiонеръ изъ Гамбурга, бѣлокурый юноша страструбадура. Впрочемъ, общество наше, несмотря на всю разнохарактерность, отличалось взаимными услугами и чрезвычайной предупредительностью.

«Отъ Петербурга до Варшавы 1080 верстъ. Проѣхавъ 638, пересадили насъ въ сани попарно и повезли на перекладной. Такъ добрались мы до Ковна, гдѣ обѣщанъ былъ дилижансъ на колесахъ. Продержавъ въ этомъ грязномъ городѣ цѣлый день, дѣйствительно дали намъ только не карету, а чортъ знаетъ, что такое, и запихали туда, какъ свиней. Вездѣ щели, отовсюду дуетъ, окно разбито, ни стать, ни сѣсть, ни протянуть ногъ, ни сдѣлать малѣйшее движенiе. Послѣ 100 верстъ подобной ѣзды, рѣшились мы, наконецъ, съ полковникомъ взять простую телѣгу: болѣе не было возможности терпѣть, уже и такъ поплатился зубомъ, который выдернулъ сегодня.

«И все это могло быть устранено простымъ распоряженiемъ, приказанiемъ заготовить намъ по пути экипажи, а для этого стоило только узнать попечительному начальству почтоваго управленiя, гдѣ кончается зимняя дорога. И мнѣ кажется, что это его прямая обязанность. Но къ чему? Между нами не было ни одного генерала, ни одного сколько-нибудь достойнаго уваженiя лица. Будьте благодарны и за то, что васъ не кинули посрединѣ дороги, не бросили на произволъ судьбы, на жертву всѣмъ мерзостямъ. И это уваженiе къ личности, къ праву человѣка!

«Французъ нашъ кричалъ: c'est un vol, но хитрый на выдумки нѣмецъ поддакивалъ и вторилъ ему; архитекторъ не смѣлъ очень громко высказывать своего мнѣнiя. Я повторялъ: бѣдная, несчастная Россiя!

«Какая-то давящая грусть овладѣвала мной при видѣ этихъ широко раскинутыхъ полей, лѣсовъ и разбросанныхъ кое-гдѣ на далекомъ разстоянiи хижинъ, занесенныхъ снѣгомъ. Я пользовался длинными часовыми остановками на станцiяхъ и забѣгалъ въ деревни. Какая бѣдность, какая нравственная нищета! Бывалъ ли кто-нибудь изъ васъ зимой въ деревнѣ? Я не бывалъ тамъ и лѣтомъ. И воображенiе невольно переносило меня къ *иному мiру*, къ *другимъ людямъ*, невольно заглядывалъ я въ себя самого, въ свою собственную душу, въ нашу семью и спрашивалъ: близки ли, знакомы ли намъ вполнѣ подобныя страданiя? И какъ-то глухо отзывалось внутри.

«Сломя голову, не жалѣя ни денегъ, ни боковъ, летѣлъ я въ надеждѣ, если не въ тотъ же вечеръ, то на другое утро непремѣнно уѣхать куда-нибудь, только скорѣе прочь. Но иначе вышло на дѣлѣ. Дня два продержали меня въ Варшавѣ, два утра обивалъ я пороги канцелярiй, комиссiй, таможенъ, экспедицiй; 8 бумагъ было написано и переписано изъ-за 5 фунтовъ табаку, изъ-за 5 руб. сер., которые я предлагалъ заплатить при самомъ въѣздѣ въ городъ. И все это оттого, что этимъ людямъ хотѣлось получить денегъ; я даже ви-

дѣлъ на заставѣ движенiе руки и подмигиванiе глазъ одного изъ чиновниковъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаю. И что за личности, съ которыми пришлось имѣть дѣло! Съ какимъ убiйственнымъ ехидствомъ, съ какимъ равнодушiемъ и хладнокровiемъ дѣлаютъ они всѣ эти мелкiя придирки, способныя вывести изъ себя и возмутить самаго спокойнаго человѣка.

«Презрительной усмѣшкой отвѣчалъ я имъ, и только, когда приходилъ домой, чувствовалъ, какъ слабѣлъ. Слезы навертывались на глазахъ, но онѣ не выливались, а только жгли, и разлившаяся желчь подступала къ горлу.

«Нѣтъ, мало посылаемыхъ проклятiй, мало изливаемой ненависти,—нужно воспитывать ядовитую злобу, лелѣять ее, довести до послѣднихъ предѣловъ, пусть будетъ она не вспышками, медленно уничтожающими, а нормальнымъ состоянiемъ. Пусть будетъ она девизомъ, вѣчнымъ знаменемъ, съ которымъ нужно идти на борьбу, потому что невозможно никакое примиренiе тамъ, гдѣ не хотятъ его знать, гдѣ все окружающее напоминаетъ только о томъ, что ты грязь и ничтожество.

«Во имя всего святого, узами дружбы умоляю васъ, не будьте равнодушны къ общественнымъ интересамъ. Больше энергiи, больше жизни; иначе умрешь и сгнiешь.

«Я ничего не видѣлъ въ Варшавѣ, да ничего и видѣть не хотѣлъ. Только вечеромъ, когда зажигались огни, выходилъ на улицу— и что же: эти самые поляки, за часъ передъ тѣмъ, черезъ часъ послѣ того, готовые броситься въ страстныя объятiя—съ зажженными свѣчами стоятъ передъ статуями святыхъ и молятся. Грустный фактъ и вотъ послѣдствiя угнетенiя: или апатiя и равнодушiе, или развратъ и мистицизмъ.

«Машина свистнула — граница. еще разъ — Берлинъ, и я повторяю: «часъ отъ часу нелегче». Быть можетъ, и вы упрекнете меня въ вѣчномъ недовольствѣ; скажете, что по первымъ впечатлѣнiямъ судить нельзя и что сужденiя мои незрѣлы, что нужно пожить между людьми, чтобы произнести свой приговоръ, и пожить вообще больше для того, чтобы имѣть право судить. Пусть будетъ такъ, и припишите это, чему хотите: молодости, идеализму... но здѣсь душно и скверно. Та же тема, только измѣненныя варiацiи, немного заманчивѣе и лучше. И не забудьте, что эти люди въ своемъ высокомѣрiи дошли почти до statu quo, развитiе ихъ едва ли можетъ идти дальше, потому что всякая мысль, выходящая изъ глухо запаяннаго ихъ круга понятiй, дика и непонятна имъ. Наши барскiя и господскiя удовольствiя, пожалуй, еще глупѣе и пошлѣе, но, согласитесь сами, что въ кружкѣ пива, въ нѣсколькихъ часахъ безсловеснаго молчанiя и безсмысленно вылупленныхъ глазъ есть что-то страшно узкое и тупое. Вспомните наши споры, вспомните, какъ горячо защищалъ я чувство собственнаго достоинства трактирной прислуги, и теперь отрекаюсь, отрекаюсь вполнѣ отъ словъ своихъ. Вы, судившiе этихъ людей практически, вы были правы. Не только сапогъ съ ноги вашей, но что угодно за золотые. За

деньги—все, безъ денегъ—ничего. Дайте деньги—и вопреки всякаго желанья, вопреки всякихъ просьбъ, какъ это было со мной, васъ будутъ называть княземъ, графомъ, барономъ. Дайте денегъ, а потомъ приказывайте и дѣлайте все, все, что хотите. Впрочемъ, я, дѣйствительно, слишкомъ скоръ и по нѣсколькимъ личностямъ заключаю обо всѣхъ.

«Завтра хочу отправиться въ университетъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, найду что-нибудь отличное, лучшее и болѣе утѣшительное. Можетъ быть, здѣсь придется поселиться, а это для меня въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Четыре мѣсяца займусь нѣмецкимъ языкомъ, накупилъ себѣ уже нѣсколько классическихъ книгъ, а въ Ахенѣ будетъ много свободнаго времени. Тяжело будетъ разстаться со всѣми и страшно трудно отдѣлаться отъ всего родного. Одиночество невыносимо, а для меня, можетъ быть, болѣе, чѣмъ для кого-нибудь. Но вѣдь мы, какъ соціалисты, должны смотрѣть впередъ и повторять: l'avenir est à nous. Впереди виднѣется берегъ, берегъ, правда, далекій. Развитіе—нужно оно намъ, при подымающихся вопросахъ, нужно оно для того, чтобы съ бо́льшимъ сознаніемъ принести себя въ жертву, ежели того потребуютъ обстоятельства; нужно оно намъ для самолюбія, для того, чтобы быть въ состояніи со временемъ кинуть перчатку людямъ, называющимъ это восторженностью воображенія, и съ бо́льшимъ правомъ сказать: смотрите, лѣта насъ не измѣнили, все тѣ же мы, все такъ же горячо любимъ людей, все такъ же вѣримъ въ ихъ развитіе и мечты, надъ которыми вы смѣялись! Не однѣ иллюзіи, не одинъ бредъ больной головы!

«Главное—заглянуть строго и безпристрастно въ самого себя, создать цѣль и отъ нея не отступать. И тутъ вы можете помочь—это ваша обязанность и долгъ. Одному заглянуть въ себя страшно, хотя это-то и нужно главнымъ образомъ. Первая задача—произнести надъ собою приговоръ. Печальная дѣйствительность лучше заманчивыхъ мечтаній, особенно, когда отъ нея зависитъ многое, ежели не все мое будущее. Будущее... Какъ много въ этомъ словѣ, сколько надеждъ, сколько вѣры.

«Но довольно, оставимъ пока всѣ эти большія и малыя цѣли, оставимъ ихъ,—впереди много времени. Мнѣ хочется поговорить еще немного сердцемъ, сладкими воспоминаніями, къ которымъ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться. Потолковать о близкомъ прошедшемъ, такъ высоко поднимавшемъ грудь, и отъ чего и теперь, когда пишу эти строки, сердце бьется такъ сильно, такъ скоро... А какъ недавно, казалось мнѣ, что эти чувства утрачены уже навсегда, что кровь не можетъ больше броситься въ голову. И думалось мнѣ, что не сильна была натура, которая не только пошатнулась, но и надломилась при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Но тотъ же огонь вспыхиваетъ снова и пробѣгаетъ по жиламъ. И не отдамъ я его ни за что на свѣтѣ. За него все, всѣ лишенія и муки! Для насъ настала эпоха, всѣ мы стоимъ на перекресткѣ и не знаемъ, идти вправо или влѣво. Недугъ нашъ общъ:

та же жажда дѣятельности, потребность вылиться въ извѣстную форму. До сихъ поръ мы жили только сердцемъ, и оно выработалось у насъ, струны его при малѣйшемъ прикосновенiи издаютъ звукъ. Теперь пора подумать о другомъ, время серьезнаго труда пришло. Больше работы надъ собой, больше сосредоточенности, больше анализа.

«Вотъ вамъ, товарищи, мои желанiя на новый годъ.

«Тебѣ, Ш., въ моемъ прошедшемъ принадлежитъ одна изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ страничекъ. Тебѣ ближе, чѣмъ комунибудь, знакомы всѣ мои слабости, всѣ волновавшiя меня страсти. Кто подавалъ мнѣ всегда руку помощи, кому не чужды и не дики мои сомнѣнiя и надежды? Загляни въ нашу лицейскую жизнь, въ прошедшiй послѣ выпуска годъ, и въ него-то въ особенности. Съ тобой прочность нашихъ отношенiй перешла, кажется, границу колебанiй. Спасибо, задушевное спасибо и крѣпкое дружеское пожатiе!

«Насъ, Долгово и Черкесовъ, сама судьба сплотила тѣснѣе, вмѣстѣ прошли мы первые шаги въ жизни и вмѣстѣ встрѣтили первый рядъ томительныхъ и удушливыхъ дней, который пронесся надъ нашими головами. Разъѣхавшись, считалъ я домъ вашъ своимъ, вотъ почему разлука съ вами отзывается чувствительнѣе и больнѣе. Мы могли слѣдить другъ за другомъ и послѣ лицея, и тутъ еще болѣе я оцѣнилъ васъ. Вы оба на отличной дорогѣ, но чувствами оставайтесь тѣ же и только больше работайте надъ собой. Сколько нѣжности выказали вы мнѣ и въ это послѣднее время моего пребыванiя въ Петербургѣ! Спасибо, спасибо и вамъ за все, и тоже крѣпкое, братское пожатiе.

«Съ тобой, Гавриловъ [1]), мы недавно обнялись. Долго не довѣрялъ ты мнѣ, долго сомнѣвался—и это испытанiе служитъ вѣрнымъ залогомъ нашего соединенiя. Тебѣ нужно одно: идти непреклонно тѣмъ же путемъ, ты первый изъ насъ сталъ трудиться. Тебѣ честь и слава. Позволь же и тебѣ послать мой горячiй поцѣлуй.

«Кто будетъ писать Николаеву, Рихтеру, С. и другимъ изъ нашихъ, не находящихся въ Петербургѣ, всѣмъ передайте мое привѣтствiе.

«Прощайте, я уѣзжаю въ Ахенъ.

«Передай, пожалуйста, мой душевный поклонъ и поздравленiе въ особенности Лазаревымъ [2]), Люб. Ив. [3]), а черезъ Нюньку и Алек. Никол. Штакельбергъ, Трубниковой [4]), Тургеневой [5]), Вѣрѣ Ва-

[1]) Михаилъ Ильичъ Гавриловъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцелярiи ком. министровъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ; умеръ въ 1901 г.

[2]) Александръ Алексѣевичъ и Ирина Ивановна Лазаревы.

[3]) Сестра Лазаревой Любовь Ивановна Караулова.

[4]) Марiя Васильевна Трубникова, урожденная Ивашева, дочь декабриста, человѣкъ очень замѣтный въ общественной работѣ шестидесятыхъ годовъ.

[5]) Ольга Борисовна Тургенева, впослѣдствiи Соковнина.

сильевнѣ [1]), семейству барона, Гришѣ, Володѣ Митькову. Если увидишь—Петру Васильевичу, Строкину, Ненарокомову, etc., etc. Когда уѣхалъ Нюнька и какъ ему писать? Въ какомъ положеніи дѣла дома? Гдѣ вы встрѣтили новый годъ?

«Еще разъ крѣпко цѣлую и тебя. Пиши мнѣ подробно обо всемъ, что интересуетъ меня, а ты это очень хорошо знаешь. Но напередъ всего сдѣлаемъ условіе не считаться письмами. Я по своему положенію долженъ писать очень многимъ, потому тебѣ и стыдно и грѣшно будетъ только отвѣчать. Ты не знаешь, какъ мнѣ необходимъ разборъ самого себя, и ты долженъ непремѣнно помогать мнѣ въ этомъ.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

«Главное побольше политическихъ новостей».

Десятое.

1859 г. 10 января. Ахенъ.

XX, я прибѣгаю къ тебѣ съ просьбою, которая, знаю, будетъ стоить огромныхъ хлопотъ, но во что бы то ни стало исполни ее. Мнѣ необходимо 400 р. сер.—Зачѣмъ, не могу теперь сказать—послѣ все узнаешь. Дѣло очень важное и не касается меня одного, для многихъ оно должно всегда остаться тайной. Займи у какого-нибудь ростовщика, дай ему вексель на свое имя, попроси кого-нибудь поручиться. Я даю до 20 іюня 600 р. с., т. е. 200%. Въ крайнемъ случаѣ попроси нашихъ (только не всѣхъ) сдѣлать складчину. Конечно, нужно, сколько возможно, держать въ секретѣ.

«Деньги мнѣ необходимы къ 1 марта нашего стиля, но, пожалуйста, дай скорѣй отвѣтъ, есть ли какая-нибудь надежда. Поговори съ Коковцевымъ [2]): у него есть акціи; пусть онъ продастъ мнѣ ихъ,—я возвращу ему не только съ преміей, но отдамъ ту сумму, которую онѣ будутъ стоить въ іюнѣ. Ты знаешь, что 15 іюня получу я капиталъ свой и въ отдачѣ буду аккуратенъ. Если возможно, устрой съ Коковцевымъ это, потому что, чѣмъ меньше будутъ знать, чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ лучше. Извини меня за неделикатность, но и ты бы на моемъ мѣстѣ поступилъ такъ же.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

А. Серно-Соловьевичъ.

«P. S. Получилъ ли ты первое письмо? Я знаю одного господина, у котораго можно занять,—это булочникъ Реккеръ, перейдя Измайловскій мостъ съ правой стороны, во второмъ домѣ. Съ по-

---

[1]) Родная сестра М. В. Трубниковой, впослѣдствіи вышедшая замужъ за А. А. Черкесова и нынѣ живущая съ мужемъ въ Херсонѣ.

[2]) Сергѣй Николаевичъ Коковцевъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи морского министерства.

ручителемъ онъ дастъ, только не говори, что присланъ отъ меня. Еще разъ извини. Распечатываютъ ли мои письма?

Одиннадцатое.

1859 г. 17/29 января. Суббота. Ахенъ [1]).

«Воображаю себѣ, какъ удивила, какъ озадачила тебя записка, посланная въ письмѣ къ Гаврилову [2]). Не легко было и мнѣ рѣшиться, но, повѣрь, только крайняя необходимость заставила обратиться къ вамъ, которые одни можете вывести меня изъ страшно непріятнаго и щекотливаго положенія. Мысль, что я какъ будто требую назадъ данныя взаймы деньги, долго убивала меня; хотя, конечно, нѣсколько рублей ни въ чемъ не помогли бы и ни на волосъ не улучшили моей тягостной позиціи. Вы, т. е. ты, вѣроятно, это очень хорошо понимаете. Свои люди—сочтемся: вотъ что утѣшало меня и извиняло нѣсколько неделикатную просьбу. Какъ приговора, ожидаю отвѣта. Деньги! деньги! сколько вы заставили меня переносить скорбныхъ минутъ, сколько разъ жестоко страдало изъ-за васъ самолюбіе мое! Кто не испыталъ себя на этомъ оселкѣ, тому недостаетъ большой опытности. Впрочемъ, все это вздоръ, непростительная слабость характера, малодушіе, ничѣмъ не оправдываемое. Ставить существованіе свое въ зависимость благороднаго металла несовмѣстно съ свободой человѣка. Послѣ этого, пожалуй, и принципы и убѣжденія пойдутъ къ дьяволу. Это также одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые нужно обратить вниманіе. Надѣюсь, что для меня былъ послѣдній урокъ.

«Много ожидалъ я отъ настоящей поѣздки, съ самаго начала поколебался въ достиженіи чего-либо, теперь снова просвѣчиваетъ лучъ надежды. Отчаяніе, вырвавшееся изъ груди, когда писалъ Долгово, было сильнымъ кризисомъ; нервы не совсѣмъ еще успокоились. Да и что-жъ тутъ удивительнаго: я слишкомъ горячія привязанности оставилъ въ Петербургѣ; не мудрено, что сердце часто надрывается. Однако, чѣмъ глубже всматриваюсь въ себя, чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе сознаю пользу заграничнаго путешествія. Вѣдь вояжъ былъ предпринятъ не зря; для другихъ былъ онъ прогулкой, для меня онъ имѣлъ или долженъ былъ имѣть болѣе серьезный смыслъ. Это совсѣмъ не значитъ, что вотъ уже все готово, маршъ въ дорогу; совсѣмъ нѣтъ; я далекъ отъ подобной мысли. Не начато, не рѣшено еще ничего, а только прибавилось больше спокойствія, несмотря на всю нелѣпость обстановки, которая во всякое другое время имѣла бы самыя мрачныя послѣдствія. Письмо твое въ этомъ отношеніи не осталось безъ громаднаго значенія. Представь себѣ,— увидя его помѣченнымъ *2-мъ января*, я такъ былъ доволенъ, какъ

[1]) Въ верхнемъ лѣвомъ углу почтоваго листа вытисненъ дворянскій гербъ съ инициалами A. S. Александръ Александровичъ пишетъ около него: «корона не моя, а матери».

[2]) Предыдущее письмо.

будто ничего болѣе и не хотѣлось (человѣкъ твой, вѣроятно, забылъ отнести его на почту, потому что въ нашемъ почтамтѣ поставленъ штемпель 9 января, да иначе не могъ бы объяснить себѣ, отчего оно шло 14 дней). Прочтя его, еще болѣе убѣдился, сколько добра могу вынести изъ нашей корреспонденціи. Непривычка класть свои мысли на бумагу, хотя и является большой помѣхой, тѣмъ не менѣе восполняетъ нѣкоторымъ образомъ совершенное отсутствіе въ людяхъ, съ которыми бы можно было перемолвить слово о томъ, о чемъ такъ хочется поговорить. Здѣсь меня никто не понимаетъ: ни свои, ни чужіе. Я точно очутился въ другомъ мірѣ: взаимныхъ интересовъ у насъ рѣшительно нѣтъ, не на комъ отдохнуть, не съ кѣмъ подѣлиться. Мнѣ же по преимуществу нуженъ обмѣнъ, нужны, если хочешь, сцена и зрители,—тогда являются мысли; въ противномъ случаѣ остаюсь при двухъ-трехъ идеяхъ, далѣе которыхъ не двигаюсь ни съ мѣста. Причина этого заключается, полагаю, въ маломъ чтеніи дѣльныхъ книгъ, и въ безтолковомъ чтеніи прочитанныхъ.

«Вчера вечеромъ получилъ я, наконецъ, письмо твое,—сегодня берусь за перо. Тонъ твой какъ-то особенно поразилъ меня, обрадовалъ той довѣренностью, той теплотой, которыми онъ дышитъ. Насъ разлука на довольно продолжительное время сведетъ еще крѣпче, мнѣ дастъ еще сильнѣе почувствовать ту нужду, которую имѣю въ тебѣ. Не знаю, можетъ быть, нехорошо еще провѣрилъ себя, но, все-таки, кажется, что люблю тебя сильнѣе, чѣмъ кого-либо. Болѣе того, — я съ полнымъ сознаніемъ, съ полной готовностью отвѣтить называю тебя другомъ. Не подумай, что тутъ скрывается arrière pensée, невысказанный упрекъ, нисколько. Не скрою, конечно, и того, что памятенъ будетъ тотъ день, въ который назовешь ты меня этимъ дорогимъ именемъ. Въ твоемъ письмѣ вижу вызовъ на болѣе серьезную переписку и съ полною готовностью откликаюсь на нее. Это мое самое искреннее желаніе. Все, что было говорено, писано, сбивается опять-таки на общія мѣста. Сегодняшнимъ письмомъ хочу тебя познакомить съ моей обстановкой, а на всѣ слѣдующіе раза оставить интимную переписку, обмѣняться убѣжденіями, чувствами и сказать другъ другу, какъ ты выражаешься, sans ménagement, всю правду.

«Мы остановились на Берлинѣ. Послушать университетскія лекціи не удалось, потому что въ этотъ день онѣ были только въ медицинскомъ факультетѣ. Но есть сказать и о немъ кое-что утѣшительное: это необыкновенно милый пріемъ, сдѣланный мнѣ нашимъ священникомъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Строкина. Къ несчастію, недолго могъ я бесѣдовать съ нимъ, но все, что было говорено, вѣяло нашими идеями. Послѣднія слова его были: «душевно сожалѣю, что въ настоящую минуту ничѣмъ быть вамъ полезнымъ не могу; пожалуйста, напишите мнѣ изъ-за-границы, ежели будете имѣть хоть въ чемъ-нибудь нужду». Чистосердечность, съ которой это сказано было, глубоко тронула меня, и я не могъ не спросить его, покраснѣвъ до ушей, чему обязанъ. Вѣрнѣе сказать,

просто хотѣлось узнать, что пишетъ про меня Строкинъ. Любопытство было удовлетворено только отчасти; письма онъ не показалъ, но на словахъ передалъ рекомендацію, которая превзошла всѣ ожиданія. Вотъ ужъ никогда бы не сказалъ, что А. Никол. [1]) подобнаго мнѣнія обо мнѣ. Пожалуйста, передай Строкину огромную благодарность за лестный отзывъ, скажи ему, однако, что это слишкомъ много.

«30-го вечеромъ сѣлъ въ вагонъ, провелъ всю ночь въ разговорахъ съ однимъ англійскимъ лордомъ, удивившимъ меня своей любезностью. Я не видѣлъ, какъ время шло, — такъ было интересно. Много спорили мы насчетъ Россіи, много разсказывалъ онъ про Англію, и мы разстались большими пріятелями. Прощаясь, лордъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ нѣсколько комплиментовъ нашему молодому поколѣнію; я отвѣчалъ тѣмъ же, говоря, что оно полно сочувствія къ Англіи. Меня удивляло, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ мои нападки, во многомъ, конечно, очень невѣрныя, на англійскую аристократію и аристократизмъ вообще.

«31-го декабря прибылъ въ Ахенъ, и со второго же дня образъ жизни принялъ такой однообразный ходъ, что достаточно описать одинъ день, для того, чтобы имѣть полное понятіе о томъ, что я дѣлаю. Въ 8 час. встаю; въ 9 приносятъ кофе и газеты; отъ 10—11½ ѣзжу верхомъ; по приходѣ домой сижу съ нашими, которыя въ это время пьютъ чай; отъ 1 до 2½ занимаюсь нѣмецкимъ языкомъ, перевожу или читаю что-нибудь; послѣ обѣда читаю матери часовъ до 5; затѣмъ иду гулять, пью чай, послѣ котораго, глядя по обстановкѣ, пишу, читаю или бесѣдую съ дамами. По субботамъ хожу вечеромъ въ собраніе работниковъ (фабричныхъ), которые отлично поютъ; тутъ иногда раздаются сильно демократическія рѣчи, нѣчто вродѣ митинговъ, остающихся пока безъ послѣдствій. Съ 14 февраля начнутся здѣсь процессы, и мнѣ заготовили уже одно изъ лучшихъ мѣстъ.

«Мать моя впала въ совершенный мистицизмъ; иначе и быть не могло. Тетка влюблена въ одного изъ католическихъ патеровъ. Общество заключается въ нѣсколькихъ духовныхъ, докторѣ и двухъ-трехъ нѣмецкихъ барышняхъ. Я постоянно удаляюсь къ себѣ при появленіи кого-нибудь изъ чужихъ. Духовные здѣсь или очень умны, но страшные канальи, или набитые дураки. Есть одинъ порядочный молодой человѣкъ, и у него беру уроки на нѣмецкомъ языкѣ. Отношенія съ матерью очень хороши; я по возможности стараюсь ломать себя и быть очень внимательнымъ, она очень деликатна и мила. Понятія наши еще болѣе отдалились; иногда бываютъ схватки изъ-за религіи, но кончаются всегда мирно. Ты знаешь, однако, что я никогда особенно не любилъ ее; иногда хочется возбудить въ себѣ это чувство, когда, строго критикуя, не можешь не воздать ей должнаго, просто заставляешь себя разнѣжиться; но нѣтъ, видно, ужъ тутъ ничего не закажешь. Въ моей головѣ те-

[1]) Строкинъ.

перь бродитъ планъ оставить ихъ совсѣмъ за-границей. Онѣ съ восторгомъ приняли его, но главное препятствіе со стороны дѣда.

«*Пожалуйста, отнынѣ моихъ писемъ никому не показывай и о семействѣ вообще ничего никому не говори.*

«Въ началѣ марта я поѣду путешествовать на двѣ недѣли, но портрета не пришлю, потому что весной лучше его снять. Хотѣлось бы написать С., но время бѣжитъ безъ оглядки, не успѣваешь ничего сдѣлать. Если ты будешь писать ему, увѣдомь о моемъ мѣстопребываніи. Когда они выѣзжаютъ изъ Ницы? Нельзя ли намъ назначить гдѣ-нибудь rendez-vous? Узнай мнѣ, пожалуйста, все это и дай нѣсколько инструкцій относительно Е. А. [1]).

«Прости за отвратительное письмо, но я до многаго не хотѣлъ дотрогиваться, желаю включить въ другой отдѣлъ. Отчего ты ни слова не говоришь о Николаевѣ? Что Гриша? Попроси его написать мнѣ нѣсколько строкъ. Путь, избранный вами, очень хорошъ: не забудь, что я руку всѣхъ знаю.

«Поздравляю тебя съ мѣстомъ и окончаніемъ работы.

«Баронамъ и баронессамъ мой поклонъ, старуху поцѣлуй.

«*Не забудь узнать все о С -выхъ*, да поскорѣй.

«Долгово и всѣмъ нашимъ мой поцѣлуй. Нѣтъ ли чего новаго. Тебя не спрашивалъ ни о комъ, потому что, когда думаю о себѣ, тогда думаю и о тебѣ; чего желаю себѣ, того желаю и тебѣ, потому что съ тобой неразлучно и тѣсно связано все свѣтлое, все хорошее, все милое мое.

«Кончаю отвратительное письмо мечтой, которую лелѣю съ 1 января. Вотъ въ чемъ она заключается: ежели осуществится мое переселеніе за-границу, поѣдемъ вмѣстѣ. Выслушай меня безъ гримасъ. Мы будемъ работать для *будущаго*, для *Россіи*, слѣдовательно тутъ всякую деликатность въ сторону. Деньги у меня есть и за прожитіемъ, которое по справкамъ оказалось очень дешево, останется еще маленькій капиталъ. Наконецъ, ты мнѣ отдашь ихъ, когда заработаешь. Ежели не служба, а одна церемонія, то это меня глубоко оскорбитъ. Какъ бы это ни показалось тебѣ дико и странно сначала, подумай хорошенько, я требую *спора*. Не прошу этого во имя мое, но умоляю для общественной пользы. Во всякомъ случаѣ займись, т. е. начни читать нѣмецкія книги.

Цѣлую тебя.

Твой другъ *А. Серно-Соловьевичъ*.

«Рекомендую тебѣ: Шиллера и исторію Гервинуса. Итакъ, до слѣдующаго раза. Пиши каждую недѣлю. Знаете, можно устроить колонію за-границей, если залучить Черкесова и Гришу. Скажи нянюшкѣ С—выхъ, что я о ней часто вспоминаю. Спроси, забыла ли она меня? Пришли мнѣ образчикъ письма къ Гаугеру [2]), самаго оффиціальнаго».

---

[1]) Сестра А. А. С.

[2]) Помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ.

Двѣнадцатое.

1859 г. 12/24 февраля. Четвергъ.

«Вчера получилъ вексель и письмо къ Гаугеру. Крѣпко цѣлую за все. Передай это, кому слѣдуетъ, напиши мой адресъ, а меня извѣсти тотчасъ, какъ отдашь. Скоро побесѣдуемъ съ тобой побольше; не сердись на меня за то, что медлю отвѣтомъ на два письма.

«Отчего всѣ письма доходятъ до меня черезъ двѣ недѣли, когда самый долгій срокъ восемь дней?

«Также напиши о подробностяхъ вашего свиданія».

А. С.-С.».

Тринадцатое.

1859 г. 17 февр. (1-го марта).
Вторникъ. Ахенъ. 4 часа ночи.

«Ровно мѣсяцъ тому назадъ писалъ я тебѣ въ послѣдній разъ, драгоцѣнный Ш. Съ тѣхъ поръ получилъ отъ тебя два приложенія и ни на одно не отвѣчалъ. А между тѣмъ послѣ каждаго изъ нихъ первымъ порывомъ, первымъ желаніемъ было броситься къ перу. Всякая почти строка задирала одну изъ самыхъ чувствительныхъ, самыхъ слабыхъ струнъ. Не правильнѣе ли будетъ сказать — изъ самыхъ сильныхъ? Зачѣмъ не поддавался я этому вѣянію? Выслушай мои оправданія.

«1. Внутреннее безпокойство, томившее меня, не дававшее столько свободнаго времени, сколько нужно было для того, чтобы отвѣчать такъ, какъ хотѣлось. Причинъ такого состоянія очень много; я постараюсь коснуться до нихъ въ разныхъ мѣстахъ нашей бесѣды.

«2. Цѣлая недѣля, проведенная въ ассизномъ судѣ (утромъ и вечеромъ).

«3. Зубная боль, продолжавшаяся нѣсколько дней.

«Но главной причиной долгаго молчанія была мысль окончить всю переписку, написать всѣ отвѣты, а затѣмъ уже посвятить тебѣ одному нѣсколько дней, дней, въ которые я выложилъ бы передъ тобой душу мою.

«И вотъ, когда всѣ препятствія отстранены, я чувствую себя до такой степени нездоровымъ, что не въ состояніи связать двухъ словъ. Третью ночь не смыкалъ глазъ, лицо пожелтѣло, какъ лимонъ. Но, несмотря на это, моральныя силы свѣжи, и никогда, никогда не было у меня столько энергіи въ душѣ, столько страстности стремленій. Дрожаніе руки напоминаетъ о лихорадочномъ положеніи, голова горитъ, но потребность писать сдѣлалась слишкомъ громадна.

«Всегда соглашусь, что у меня мало еще выработаннаго, мало завершеннаго, но отказать себѣ въ убѣжденіяхъ значило бы уничтожить все прошедшее, признать, что никогда не мыслилъ, не

чувствовалъ. Но подобнаго приговора произнести нельзя, какъ бы пуста ни была жизнь моя до сихъ поръ, какъ бы строго ни судили меня. Каждое столкновеніе, возникнувшій вопросъ, книги даютъ толчокъ влѣво или вправо, но главная тема должна оставаться и останется неизмѣнной, и если бы для того понадобилась жизнь моя, я и тогда бы не призадумался. Неужели же все, что было говорено,—пустыя фразы, громкія слова, всѣ дѣйствія безсознательныя или по вколоченной привычкѣ? Неужели нѣтъ той искры, которая бы произвела пожаръ? Ты знаешь почти все существованіе мое вдоль и поперекъ.

«Дѣтство мое—борьба съ семействомъ, съ существовавшимъ у насъ порядкомъ, рядъ наказаній, побѣговъ, запираній въ дворницкую, розогъ (объ одномъ изъ такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ я и теперь не могъ равнодушно вспомнить, хотя это было восемь лѣтъ тому назадъ). Могло ли это даромъ пройти, не оставивъ отпечатка на молодой душѣ. Та же мысль, то же чувство просвѣчиваютъ во всѣхъ поступкахъ, восходя мало-по-малу до совершеннаго сознанія ихъ.

«Лицейская жизнь — опять противодѣйствіе, опять сильныя ощущенія ненависти и симпатіи. Ежели я опустился послѣ выпуска, ежели не перенесъ прежнихъ стремленій, столкнувшись съ дѣйствительностью, зато и страдалъ я, зато и душило меня по временамъ. И вотъ отчего знакомство съ человѣкомъ, которому ты передалъ мое письмо [1]), имѣетъ громадное значеніе. Онъ указалъ мнѣ на необходимость серьезной работы, какъ на единственный выходъ изъ того состоянія, котораго послѣдствіями бѣлая горячка, или еще хуже—нравственная смерть, апатія. Я не вѣрю въ будущій міръ, потому дѣятельность здѣсь составляетъ для меня вопросъ жизни и смерти. Стать на пьедесталъ и съ высоты величія наблюдать за всѣми треволненіями, не принимая въ нихъ участія, я также не въ состояніи, потому что слишкомъ люблю людей, слѣдовательно и себя, слишкомъ горячъ отъ природы и перегорю. Людей, смотрящихъ съ холоднымъ безпристрастіемъ, никогда не увлекающихся, смѣющихся надъ внутренними страданіями, надъ неравномѣрнымъ біеніемъ сердца потому только, что они имъ незнакомы—я всегда не терпѣлъ. Сдѣлаться подобнымъ имъ такъ же трудно, какъ превратиться въ католическаго монаха.

«Можетъ быть, это то же самое, что я писалъ тебѣ въ первомъ письмѣ, въ такомъ случаѣ извини за повтореніе.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

«Хотѣлъ поговорить о многомъ. Во всякомъ случаѣ можно заняться нѣм. яз. Будь здоровъ, цѣлую тебя крѣпко. Главное не дай лѣни овладать».

---

[1]) ?

Четырнадцатое.

1859 г. 22 февр. (7 марта
Воскресенье. 6 ч. веч.

«Припоминая сегодня писанное тебѣ во вторникъ, мнѣ пришла мысль просить тебя критиковать письма мои какъ можно строже и безпристрастнѣе. Мнѣ кажется, что я вдаюсь въ очень частыя повторенія. Но это бы еще ничего. Важнѣе то, что читающему ихъ можетъ броситься въ голову претензія на непонятую будто бы натуру и т. п., чего бы мнѣ очень не хотѣлось. Пожалуйста, прими это безъ всякой задней мысли; я говорю то, что думаю. Можетъ быть, на меня бы произвели подобное впечатлѣніе такія строки. Дѣйствительно, я все кричу о внутреннихъ страданіяхъ, о самопожертвованіи, ненависти. Гдѣ же право? на чемъ оно основано и не противорѣчу ли ежедневно тому, что проповѣдую съ такимъ озлобленіемъ? Притомъ такая переписка будетъ полезна для насъ обоихъ, да и, по правдѣ сказать, мнѣ не совсѣмъ извѣстны твои теоріи, съ которыми бы хотѣлось познакомиться во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ.

«Съ нашего выпуска меня постоянно преслѣдовало опасеніе, чтобъ ты не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Выраженіе это такъ неясно, имѣетъ столько значеній и мнѣ слышится вопросъ, что понимаю я подъ нимъ? Трудно хорошо отвѣтить. Конечно, я теперь не думаю, чтобъ пустыя приличія взяли надъ тобой верхъ— для этого ты слишкомъ уменъ; на короткое время, мгновенно— пожалуй. Меня мучитъ совсѣмъ другое. Я опасаюсь: 1) чтобъ ты не потерялъ полную чистоту, 2) за твои политическія убѣжденія. Опять двусмысленно. Вотъ что значитъ непривычка писать.

«Подъ чистотою я понимаю неотступленіе ни въ чемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, отъ истины, т. е. отъ того, что принимаешь за правду. Другими словами, не дѣлать уступокъ quand même. Нѣсколько выше я дѣлаю то же обвиненіе самому себѣ, но у тебя гораздо больше искушеній. Вотъ къ достиженію этой-то чистоты и нужно намъ стремиться, а свѣтскія условія и наклонности противоположны ей. Теперь, пока не приходится дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ, все наше поле въ мелочахъ, въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ, слѣдовательно, въ ожиданіи будущаго намъ нужно бороться въ этихъ предѣлахъ Тогда какъ гостиныя заставляютъ часто не только быть уклончивыми, но придавать значеніе такимъ людямъ и вещамъ, отъ которыхъ нужно бѣгать. Уступая въ ничтожностяхъ, дойдемъ мало-помалу до уступки въ серьезномъ дѣлѣ. Этого я страшусь, зная, какъ одно извиненіе ведетъ за собой цѣлый рядъ. Впрочемъ, долженъ тебѣ сказать, что этого рода опасенія развились сознательнѣе только теперь; въ Петербургѣ они являлись болѣе со стороны формальностей. Въ особенности не могъ я переварить двухъ знакомствъ: Д—выхъ и Т. О первыхъ у насъ былъ разговоръ. Ты отвѣчалъ, что изучаешь людей. Позволь возразить на это, что об-

стоятельства, служба сталкиваютъ насъ достаточно съ такого рода людьми, для того, чтобы мы еще сами сближались съ ними. Наконецъ, при нашей незрѣлости, юности слѣдуетъ сначала окрѣпнуть, а пока нельзя безъ боязни ѣздить всюду. Это страшная самоувѣренность и вѣра въ свои силы. «Нѣтъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови», а кто ручается, что ты не заразишься. Можетъ быть, нерѣдко, не имѣя положительныхъ доказательствъ, а только одно предчувствіе, нюхъ, ты невольно поддаешься противной сторонѣ, которая также бываетъ сильна. Недаромъ одинъ мой знакомый нѣмецъ повторяетъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: «vieles hat seine zweiseiten».

«Насчетъ опасенія за политическія убѣжденія могу сказать только: боюсь, чтобы мы не разошлись, или, правильнѣе, боюсь, что ты не примешь крайнихъ, къ которымъ питаю все сочувствіе, имѣю склонность и буду обрабатывать.

«Затѣмъ рѣшительно не знаю, откуда ты взялъ, что я сержусь на тебя, что между нами существуютъ недоразумѣнія (въ первомъ письмѣ). Все, что я могъ имѣть противъ тебя, это то, что ты не останавливалъ моего дурного поведенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей, въ особенности съ моей нетерпимостью, которая поселила такую страшную вражду во многихъ изъ нихъ. Впрочемъ, не ты ли же одинъ указалъ мнѣ, какъ далеко это поведетъ. Къ несчастію, было уже поздно. Да будто возможно намъ примириться чистосердечно съ тѣми, на которыхъ намекаю? Мы идемъ по слишкомъ разнымъ дорогамъ и чѣмъ старше становимся, тѣмъ рѣзче проводится черта. Кто-нибудь долженъ уступить, иначе отношенія будутъ вертѣться на дипломатіи и при первомъ представившемся случаѣ разлетятся въ дребезги.

«Въ какомъ положеніи нашъ товарищескій кружокъ?

«О перепечатываніи сомнѣваюсь.

«Извѣстія о Катковѣ привели меня въ восторгъ и въ бѣшенство. Въ послѣднемъ номерѣ отличный отвѣтъ на письмо русской дамы. Твое и вообще впечатлѣніе протеста на обвинительный актъ [1])?

«Сейчасъ получилъ великолѣпное посланіе отъ Нюньки: онъ сильно зрѣетъ. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. До тѣхъ поръ хотѣлъ бы многое сдѣлать: прочесть еще кое-что, поговорить съ тобой о многомъ, написать Черкесову, Гришѣ (обвинительное письмо), Нюнькѣ, не знаю, успѣю ли.

«(Съ нетерпѣніемъ жду подробностей вашего свиданія и знакомства).

«Не извѣстно ли чего-нибудь тебѣ о предположеніяхъ Штакельберговъ насчетъ заграничной поѣздки (это былъ секретъ)? Ежели «задушевный поклонъ» были подлинныя слова Алекс. Никол. [2]),

---

[1]) Рѣчь идетъ о герценовскомъ «Колоколѣ», который читался Серно-Соловьевичемъ въ засосъ. «Отвѣтъ русской дамѣ» напечатанъ въ № 36, отъ 15 февраля, а «Обвинительный актъ» въ 29 №, отъ 1 декабря 1858 г.

[2]) Строкинъ.

скажи, что они глубоко тронули меня.

«Передай всѣмъ товарищамъ и знакомымъ, которые помнятъ меня, что я обо всѣхъ думаю.

«Прощай, бѣгу, у насъ начинается карнавалъ, о которомъ вы не имѣете понятія. Крики, музыка, веселье напропалую на улицѣ. Я въ отличномъ расположеніи духа, здоровье только швахъ. Пиши же въ Ахенъ, да почаще. Крѣпко цѣлую тебя.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

«Я думаю, что письма мои хоть отчасти должны доказать, что нисколько не сомнѣваюсь въ чувствахъ твоихъ ко мнѣ. Да и не имѣю права.

«О благотворительности мало думаю, но что видѣлъ и узналъ, сообщу объ этомъ».

Пятнадцатое.

1859 г. 1/13 марта. Воскресенье. 10 час. веч.

«Чрезвычайно какъ порадовало меня твое желаніе заняться соціальнымъ вопросомъ, и потому съ поспѣшностью сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія объ Овенѣ.

«У меня подъ рукой все книги подобнаго содержанія, на которыя съ жаромъ набросился (впрочемъ, находящіяся въ моемъ владѣніи болѣе относятся до Германіи и Франціи). Еще разъ, однако, прошу тебя читать по преимуществу нѣмецкія сочиненія, потому что, съ своей стороны, не считаю дѣло наше оконченнымъ, до моего возвращенія и личнаго объясненія.

«R. Owen родился въ 1771 г. въ Newton (графство Монгомери) отъ бѣдныхъ родителей. Первое поприще его было торговое. Скопивъ небольшое состояніе, онъ употребилъ его на ученіе. 30 лѣтъ женился онъ на дочери богатаго купца Даля (въ Манчестерѣ), который взялъ его, какъ главнаго ассоціе въ хлопчато-бумажную прядильню (New Lenark въ Шотландіи). Овенъ засталъ жителей этой деревни (основанной самимъ Далемъ) въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Своими трудами, примѣромъ, въ особенности же громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ преобразовалъ онъ въ 4 года всю деревню, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась примѣромъ по благосостоянію, честности и развитію обывателей. На свой счетъ основалъ онъ здѣсь школу для дѣтей. Ободренный успѣхомъ въ практической жизни, является Овенъ, какъ теоретикъ, въ 1812 г. Систему свою излагаетъ онъ въ первый разъ въ брошюрѣ «New views of society, or essays upon the formation of human character». Для истребленія бѣдствій и упадка общества, должны, по его мнѣнію, отношенія между людьми совершенно измѣниться, а для этого нужна другая система воспитанія. Принципъ, на который онъ опирается: неотвѣтственность человѣка относительно его положенія и поступ-

ковъ. Слѣдствіемъ этого не должно быть ни вознагражденія, ни наказанія, совершенное равенство въ правахъ и обязанностяхъ, уничтоженіе всякаго превосходства (образованія и капитала).

«Денежными средствами, брошюрами, митингами проводитъ Овенъ на дѣлѣ свои теоріи. Быстро росло число его приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ, и по подпискѣ была основана колонія въ Шотландіи. Съ 1816—18 призывалъ парламентъ Овена для составленія законовъ относительно фабричныхъ и народныхъ школъ. Къ этому же времени относится основаніе имъ училищъ для маленькихъ дѣтей. Огромными суммами поддерживалъ онъ Белье и Ланкастера. Несмотря на весь энтузіазмъ народа и огромное количество послѣдователей, навлекъ Овенъ своими религіозными и политическими проповѣдями противодѣйствіе, особенно со стороны духовенства.

«Преслѣдуемый ругательствами и насмѣшками (послѣ смерти покровителя своего, принца Кентскаго), отправился Овенъ въ 1823 г. въ Соед. Штаты, гдѣ основалъ на свой счетъ общину (коммунистическую). Онъ купилъ колонію (New Harmony) въ штатѣ Индіана, съ 30 т. дес. пахотной земли и жилищами на 2 т. человѣкъ и призывалъ къ себѣ желающихъ работать. Капиталисты были устрашены коммунистическими правилами, и потому къ нему стремились все бѣдные. Уже въ 1826 г. оказался страшный дефицитъ въ капиталахъ, а за нимъ пошли безпорядки. Тогда Овенъ вступаетъ въ переговоры съ Мексикою и колонизаціею въ Техасѣ, но они не сходятся въ условіяхъ. Въ 1827 г. возвращается Овенъ въ Англію для распространенія коммунизма. Раздавъ все оставшееся имущество дѣтямъ, онъ начинаетъ свое литературное поприще. Съ 1827—37 г. говорилъ онъ 1000 рѣчей, написалъ 500 адресовъ къ народу, 2000 журнальныхъ статей и сдѣлалъ 250 путешествій (2 во Францію). Изъ его сочиненій (которыя онъ написалъ въ формѣ трактатовъ) особенно замѣчательны: «Lectures ou a new state of society», «Essays on the formation of human character», «Outline of the rational system», наконецъ главное—«The book of the new moral world», въ которомъ онъ называетъ себя изобрѣтателемъ и основателемъ разумной и соціальной системы. Однако, въ эти годы не оставлялъ онъ и практической дѣятельности и съ своими учениками (овенитами) былъ душою рабочей общины, изъ которой выродился чартизмъ. Это и новое сочиненіе «National labour equitable exchange» (въ которомъ онъ намекаетъ на уничтоженіе денегъ) навлекли на него опять гоненія. (Въ 1832 г. основываетъ банкъ, который лопнулъ). Въ 1834 г., когда рабочая община, требуя большой платы, прекращаетъ работу, является опять Овенъ представителемъ ея. Вскорѣ оставляетъ онъ Лондонъ и является въ Манчестеръ во главѣ Community friendly society», которая извѣстна подъ именемъ «Association of all classes or all nations». Въ 1840 г. лордъ Мельбурне доставляетъ ему аудіенцію Викторіи, противъ которой дѣйствуетъ Bischof Henry Phillpotts. Овенъ печатаетъ манифестъ, въ которомъ излагаетъ свою систему, подтверждая каждый пунктъ

свѣдѣніями изъ практики. Но съ этого времени онъ теряетъ расположеніе народа и въ 1847, какъ кандидатъ Marylebone, получаетъ онъ всего одинъ голосъ. Неудачи не сломали и не поколебали его вѣрованій, и въ 1850 г. издаетъ онъ новое изложеніе своихъ идей— «Revolution in the mind and pratice of the human race». Овенъ умеръ въ концѣ прошлаго года (1858). Смотри въ некрологѣ «Nord», есть замѣчательный анекдотъ; помнится мнѣ, что я читалъ его передъ самымъ отъѣздомъ. Прочти его,—кажется, впрочемъ, что это въ томъ же номерѣ, въ которомъ помѣщено описаніе суда надъ Монталамберомъ (свѣдѣнія переведены изъ «Real-Encyclopedie»).

«По части судопроизводства не могу дать отвѣта. Мой знаменитый адвокатъ уѣхалъ въ Берлинъ, а на книгопродавца не могу положиться. Хотѣлось бы раздвинуть шире письмо, сообщить коечто о благотворительности, но кончаю.

«Моя комната отдѣляется узкимъ проходомъ отъ спальной нашей хозяйки, которая рожаетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Крики и стоны какъ-то раздражаютъ и къ тому же наши безпрестанно приходятъ отъ нея ко мнѣ.

«Я все въ томъ же отличномъ настроеніи духа. Цѣлые дни провожу за чтеніемъ; оставилъ прогулки, ѣзду и чувствую себя довольнымъ въ этомъ затворничествѣ. Нужно отдать также полную справедливость матери: она чрезвычайно деликатна со мной, почти совсѣмъ не стѣсняетъ моей свободы, такъ что я хозяинъ располагать часы, какъ угодно. Кромѣ того, она мнѣ подарила много книгъ, конечно, по моему выбору. Я также принялся за англійское чтеніе, посвящаю ему два часа въ день. Сначала было ужасно трудно, чуть ни каждое слово приходилось отыскивать въ лексиконѣ. Теперь становится легче. Нѣм. яз. (на счетъ книгъ) идетъ довольно успѣшно. Скажи, пожалуйста, что у насъ говорятъ о войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ страшная. Неужели насъ втянутъ? успѣютъ отвлечь вниманіе отъ домашнихъ дѣлъ? Я слѣжу за политикой, благодаря доктору введенъ членомъ одного общества и пользуюсь даромъ всѣми газетами. Но всѣ онѣ мало касаются Россіи; «Nord» только посылаетъ хвалебные гимны Наполеону. Правда ли? «Nord» опять печатаетъ слухъ о назначеніи Ростовцева министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ужасно, если правда.

«Потрудись отослать письмо это по адресу, взявъ въ почтамтѣ росписку для большей вѣрности. Получилъ ли ты письмо съ письмомъ? Я начинаю безпокоиться, доходятъ ли до тебя мои письма. Я писалъ тебѣ съ записочками 30 декабря, 10, 17 января, 11, 12, 17, 22 февраля.

«Я писалъ Володѣ, чтобы онъ отправился къ Лазаревымъ и спросилъ отъ моего имени, не нужно ли имъ что-нибудь изъ-за-границы купить; я съ радостью исполню всякую комиссію. Это, можетъ быть, покажется очень страннымъ. Объясни И. И., что я выдумалъ этотъ предлогъ для того, чтобъ доставить случай Володѣ

побывать у нихъ—онъ мнѣ пишетъ письма, полныя отчаянія; дѣйствительно, ему тоска невыносимая. Я надѣюсь, что И. И. не будетъ въ претензіи.

«Давай же мнѣ въ самомъ дѣлѣ знать о себѣ почаще. Твой, какъ и всегда,

А. Серно-Соловьевичъ.

«Ты мнѣ не пишешь, проходятъ ли мои письма черезъ цензуру. Нѣтъ ли радостныхъ новостей? Недавно вышла въ Лейпцигѣ маленькая книга. Не знаю, что за произведеніе. Мнѣ ее только что прислали: «Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ посредство ликвидаціонныхъ уѣздныхъ конторъ» князя Львова. Въ какомъ настроеніи Черкесовъ? Сообщилъ ли ты ему мой планъ?»

Шестнадцатое.

1859 г. 20 апрѣля. Четвергъ. Ахенъ.

«Наконецъ-то могу я исполнить твое давнишнее желаніе: послать портретъ мой, отличный по работѣ и столь же хорошій по сходству. Такъ говорятъ всѣ, которые его видѣли. Первый вполнѣ удавшійся снимокъ моего изображенія. Кому же отдать его, какъ не тому, котораго я не переставалъ любить съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, любилъ неровно, то бурно, то тихо, порою бѣшено, порою нѣжно, но всегда тепло, всегда глубоко. Въ моихъ отношеніяхъ къ тебѣ отразилась всего ярче сгорающая, несчастная натура, быстро переходящая отъ страсти къ ненависти, отъ броженія къ покою, отъ самой возбужденной энергіи къ самой ужасной апатіи. Сильно боролся я съ собой въ эти затворническіе дни, многое старался перешибить, сломить, а на повѣрку выходитъ, что все тотъ же. Ни горячая слеза вѣры въ людей, ни горечь отчаянія не исправили неисправимой головы. Съ тобой дѣлилъ я всѣ темныя и свѣтлыя минуты души, какъ будто ты былъ тутъ и слушалъ меня, какъ будто мы жили вмѣстѣ. Помнишь ли наши ночныя прогулки, наши бесѣды на набережной. Какой свѣжестью, какой силой, какимъ здоровьемъ дышитъ отъ нихъ. Ты прикрѣпленъ какими-то желѣзными нитками ко мнѣ, и оттого оторвать тебя значитъ вырвать половину сердца, половину самого себя.

Твой старый другъ
А. Серно-Соловьевичъ».

Семнадцатое.

1859 г. 12 мая. Вторникъ.

«Три недѣли страдаю я головой и едва въ состояніи сегодня набросать тебѣ нѣсколько строкъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ порученіе, которое, пожалуйста, исполни немедленно и въ точности:

«1. Сходи къ К., узнай, въ какой день, какого числа онъ ѣдетъ за-границу и какъ: моремъ ли черезъ Штетинъ, Любекъ, Ростокъ или сухимъ путемъ черезъ Варшаву или Кенигсбергъ? Узнавъ у него объ этомъ, отправишься на почту и спросишь, когда предполагается пароходу или каретѣ достичь одного изъ вышеупомянутыхъ городовъ. Володя писалъ, что онъ выѣзжаетъ 21 мая, но куда и вѣрно ли это? Будь такъ добръ, дай знать *непремѣнно* телеграфомъ: письмо не дойдетъ такъ скоро, чтобъ я могъ встрѣтить его, а мнѣ необходимо переговорить съ нимъ. Деньги получишь тотчасъ по возвращеніи моемъ, въ депешѣ напишешь глухо.

«2. Поздравь Долгово съ именинами; не могу самъ этого сдѣлать по вышеуказанной причинѣ.

«3. Сколько разъ принимался я благодарить Черкесова и вмѣстѣ перетолковать съ нимъ длиннымъ письмомъ.

«4. С. спасибо за его письмо, на которое хотѣлось бы отвѣчать, но въ мозгу страшная революція. С—вымъ нижайшій поклонъ.

«5. Передъ Штакельбергами я такъ виноватъ,—не знаю, какъ явлюсь къ нимъ, вѣдь я даже не благодарилъ его за шубу, безъ которой бы пропалъ. Ему и ей дружескій и душевный chak-hands.

«6. Барона поздравь съ 12 маемъ.

«7. Кланяйся Трубниковымъ.

«8. Порученіе Висковатова исполню; никто ничего не выигралъ; Володю я просилъ подождать до моего возвращенія.

«9. Тѣмъ, которые забыли меня, напоминаю о своемъ существованіи.

«Мать остается за-границей; я возвращаюсь въ самомъ скоромъ времени, жду только отвѣта отъ Н. [1]), который долженъ быть на-дняхъ, и возможности увидѣться съ К. Послѣднее много зависитъ отъ твоей аккуратности, а на нее я разсчитываю на этотъ разъ.

«Итакъ, къ 1 іюня нашего стиля я надѣюсь быть въ Петербургѣ.

Твой *А. Серно-Соловьевичъ*».

Это было послѣднее письмо. Вслѣдъ за тѣмъ Серно-Соловьевичъ вернулся въ Россію и вступилъ на поприще общественной дѣятельности, совершенно не желая отдаваться государственной службѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его работѣ. Поневолѣ приходится ограничиться такимъ глухимъ, или, вѣрнѣе, неопредѣленнымъ указаніемъ, которое дѣлается въ некрологѣ «Народнаго Дѣла». Возвратившись изъ-за-границы, оба брата, Николай и Александръ, который, между прочимъ, имѣлъ значительное вліяніе на старшаго брата и который звалъ его на прямое дѣло, оба они стали въ передовые ряды революціонныхъ организаторовъ, время для которыхъ наступило съ лѣта 1861 г., съ появленія «Великорусса». Съ этого времени Николай и Александръ ни минуты

[1]) Братъ Николай.

не покидаютъ революціоннаго дѣла. Во время осенней студентской исторіи въ Петербургѣ, когда 400 человѣкъ брошено было въ Кронштадскую и Петропавловскую крѣпости, и когда Шуваловы, Паткули, Игнатьевы и Панины норовили сдать студентскую молодежь въ солдаты и арестантскія роты, на Кавказъ и въ Сибирь, общественная агитація заставила отцовъ отечества остепениться и задержать свою жажду крови. Въ этой агитаціи оба брата играли значительную роль и готовы были идти до крайнихъ мѣръ, полагая, что при дальнѣйшихъ насиліяхъ правительства и при поддержкѣ, которую тогда готовы были оказать молодежи нѣкоторые элементы низшихъ слоевъ, можно будетъ повести общество на энергическую оппозицію правительственнымъ мѣрамъ» [1]).

Съ другомъ Ш. и товарищами Александръ Александровичъ былъ уже, въ сущности, не такъ близокъ. Разница ихъ политическихъ убѣжденій дѣлалась все яснѣй и яснѣй. На празднованіи лицейской годовщины 19 октября 1860 г. Серно-Соловьевичъ предложилъ исключить изъ круга товарищей троихъ, ведшихъ вполнѣ свѣтскую, разсѣянную жизнь. Остальные возстали противъ такой мѣры... Это было первое проявленіе отсутствія солидарности... Затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1861 г. г. Ш., въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, гуляя на островахъ, убѣждалъ Серно-Соловьевича вступить на путь открытой общественной работы, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе... Наконецъ, въ январѣ 1862 г. Александръ Александровичъ явился къ нему съ предложеніемъ сдѣлать какое-нибудь пожертвованіе въ пользу польскихъ повстанцевъ и получилъ отказъ... Отношенія ихъ окончательно испортились...

Весной 1862 г. Александръ Александровичъ уѣхалъ за-границу, чтобы выдержать полный курсъ крайне необходимаго ему лѣченія. Пользовавшіе его доктора настоятельно требовали этого. И только благодаря отъѣзду, онъ не былъ арестованъ вмѣстѣ съ братомъ въ іюлѣ. III Отдѣленіе съ нетерпѣніемъ поджидало его возвращенія въ Россію, но Серно-Соловьевичъ навсегда остался заграницей въ качествѣ государственнаго преступника [2]).

Что дѣлалъ вначалѣ за-границей, въ Лондонѣ, Александръ Александровичъ? Для отвѣта и на этотъ вопросъ тоже пока имѣется очень мало данныхъ.

Извѣстно, что онъ велъ дѣятельную жизнь вмѣстѣ съ одновременно съ нимъ пріѣхавшими изъ Россіи Николаемъ Утинымъ и Николаемъ Жуковскимъ, что велъ съ Герценомъ какіе-то переговоры, что помогалъ Кельсіеву устроить сбытъ лондонскихъ изданій въ Россіи—вотъ и все. Судя по показанію г-жи Огаревой-Тучковой, Герценъ былъ къ нему очень расположенъ и, въ свою очередь, пользовался тѣмъ же отъ Серно-Соловьевича.

[1]) «Народное Дѣло» 1869 г., №№ 7, 8, 9 и 10, стр. 106—107.

[2]) Разсказы о томъ, что Александру Александровичу удалось уѣхать только благодаря своевременному предупрежденію о возможности ареста, ровно ни на чемъ не основаны.

Разумѣется, двухгодичное заключеніе въ крѣпости брата Николая не прошло безслѣдно. Слабое здоровье Александра сильно разстраивалось, благодаря постоянной мысли о горячо любимомъ петербургскомъ узникѣ. Не мало доставляло горечи и заключеніе Чернышевскаго, къ которому Александръ Александровичъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и просто благоговѣніемъ. По справедливому указанію «Народнаго Дѣла», «еще мучительнѣе становилось положеніе Александра Серно-Соловьевича вдали, изолированное отъ мѣста дѣйствія, когда вслѣдъ за погромомъ 1862 г. уцѣлѣвшіе и новые борцы не захотѣли предательски бросить дѣла, поднятаго старшими братьями, и стали сплачивать революціонныя силы молодой Россіи, не взирая ни на какія преслѣдованія правительства, только болѣе вызывавшія энергію и охоту борьбы. Пораженіе польскаго возстанія рядомъ съ пораженіемъ революціонной организаціи въ Россіи тѣмъ болѣе потрясло Соловьевича, что какъ въ той, такъ и въ другой организаціи было много товарищей его, и многіе друзья его, польскіе и русскіе, дрались отважно и смѣло съ петербургскимъ императорствомъ въ Польшѣ»...

Дѣятельная натура Александра Александровича не могла допустить отсутствія организованности той массы эмигрантской молодежи, которая хлынула въ 1863 г. изъ Россіи и Царства Польскаго. Онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ созданіи въ Женевѣ, куда потомъ переѣхалъ, тѣснаго круга, который своею готовностью и положеніемъ могъ бы служить постояннымъ резервомъ пропагандистовъ въ Россіи. На этомъ пути было не мало треній и непріятностей, на немъ же пришлось въ концѣ концовъ порвать со старой эмиграціей, не признававшей открытой революціонной борьбы... Разрывъ этотъ вотъ-вотъ приближался...

1 мая 1866 г. Герценъ такъ отозвался о покушеніи Каракозова: «Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, *которую на себя бралъ какой-то фанатикъ*. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ — первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами» [1]).

Молодая эмиграція не могла не осудить эту выходку... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ началѣ 1867 г., Герценъ писалъ статью «Порядокъ торжествуетъ», въ которой умалилъ значеніе Чернышевскаго, бывшаго въ то время нравственной опорой и соціалистической, и революціонной пропаганды.

Александръ Серно-Соловьевичъ не выдержалъ и разразился очень рѣзкимъ памфлетомъ по адресу главы старой эмиграціи. Это была напечатанная въ Вѣнѣ (1867 г.) брошюра: «*Наши домашнія дѣла. Отвѣтъ г. Герцену на статью «Порядокъ торжествуетъ»*. Сами друзья автора соглашаются, что въ нее напрасно внесенъ тонъ личной насмѣшки и поясненія домашняго характера.

---

1) «Колоколъ», № 219.

Нельзя также не замѣтить, что въ пылу полемики авторъ перешелъ границы, которыя слѣдовало бы, пожалуй, соблюсти именно въ отношенiи Герцена. Но такъ или иначе, брошюра теперь—историческiй фактъ и, какъ таковой, требуетъ ознакомленiя съ нею читателя. Съ этою цѣлью я приведу все наиболѣе замѣчательное.

«Молодое поколѣнiе поняло васъ, — писалъ Серно-Соловьевичъ,—и, понявъ васъ, отвернулось съ отвращенiемъ, а вы все еще мечтаете, что направляете его» (стр. 5). «Вы поэтъ, художникъ, артистъ, разсказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическiй дѣятель и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученiя» (6). «Нѣтъ, г. основатель русскаго соцiализма, молодое поколѣнiе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ,—этихъ строкъ вы не выскоблите ничѣмъ» (10). Далѣе Серно-Соловьевичъ бросаетъ Герцену очень тяжелый упрекъ, будто онъ позволилъ себѣ «издѣваться, съ обычнымъ остроумiемъ, надъ русскими офицерами, участвовавшими въ возстанiи (въ августѣ 66 года, при мнѣ, на pont des Bergues) и кричать на Corraterie, въ Женевѣ, à qui veut l'entendre, что пора перестать деликатничать съ поляками, пора высказать имъ всю правду. Исторiя, видите ли, въ томъ, что вы, не понимая того, что дѣлается кругомъ васъ, не понимая, что не польскiя дѣла, а отсутствiе въ васъ внутренняго содержанiя, заставило публику отвернуться отъ васъ, приписали паденiе «Колокола» своимъ симпатiямъ къ полякамъ, которыми, разумѣется, тотчасъ и пожертвовали, когда вопросъ коснулся самолюбiя» (11 — 12). «Знаете ли, какъ вашъ «братъ и другъ Потебня» отзывался мнѣ о васъ, когда мы однажды въ Лондонѣ, уже въ послѣднюю его поѣздку въ Англiю, выходили вмѣстѣ отъ васъ? Онъ съ озлобленiемъ говорилъ мнѣ о васъ, о вашихъ отношенiяхъ къ офицерскому обществу и въ заключенiе сказалъ: «Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ» (13).

Затѣмъ, сказавъ о наплывѣ изъ Россiи и Польши въ Женеву и Лондонъ молодежи, Серно-Соловьевичъ продолжалъ: «Когда эти юноши съ святыми ранами, о которыхъ вы проливали слезы, сдѣлались вдругъ эмигрантами и, спасаясь въ Швейцарiи отъ каторги и висѣлицы, ободранные и голодные обратились къ вамъ—вождю, миллiонеру и неисправимому соцiалисту, обратились не съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ, а съ предложенiемъ общей работы, вы отвернулись и съ гордымъ презрѣнiемъ отвѣчали: «Что это за эмиграцiя? Я не признаю эмиграцiи! Не надо эмиграцiи!» «Въ то время, какъ вы, неисправимый соцiалистъ, распивали въ своемъ буасьеровскомъ дворцѣ шампанское за соцiальную пропаганду и вспрыскивали русскiй соцiализмъ, около васъ русскiе эмигранты не обѣдали по недѣлямъ» (19—20).

Наконецъ, Серно-Соловьевичъ отвѣчаетъ на фразу Герцена о томъ, что они съ Чернышевскимъ не только не представляли антагонизма, но служили взаимнымъ дополненiемъ другъ друга.

«Вы дополняли Чернышевскаго! Нѣтъ, г. Герценъ, теперь ужъ поздно прятаться за Чернышевскаго. Troppo tardi, удобное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга. Вы представители двухъ враждебныхъ натуръ, не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ—отъ міросозерцанія до отношеній къ самимъ себѣ и къ людямъ, отъ общихъ вопросовъ до мельчайшихъ проявленій частной жизни. Чернышевскій человѣкъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы спеціалистъ по энтузіазму. Чернышевскій человѣкъ науки, популяризовавшій всѣ послѣдніе выводы ея,—между вами и наукою столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободой. Чернышевскій человѣкъ объективной истины, вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ. Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли, — вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути. Чернышевскій училъ: не вѣрьте ни одному правительству, хотя бы оно состояло изъ ангеловъ, и въ тотъ день, когда я сдѣлался бы правительствомъ, перестаньте вѣрить мнѣ,—вы умилялись передъ идейкой земскаго царя и воскликнули: «побѣдилъ, Галилеянинъ!» Чернышевскій ненавидѣлъ декораціи, роли, громкія фразы,—вы олицетвореніе эффекта, театральныхъ подмостокъ, крика. Чернышевскій злобно преслѣдовалъ всякое обожаніе,—вы, какъ институтка, все обожаете кого-нибудь, вы молитесь сами себѣ, вы ненавидите того, кто умилительно не смотритъ вамъ въ глаза, кто не исторгаетъ слезъ восторга, слушая, какъ вы читаете собственныя произведенія. Чернышевскій говорилъ: «и сойдутъ *эти* (понимаете?) люди со сцены гордые, но скромные, суровые, но добрые, какъ всегда; они сдѣлали свое дѣло, люди получили отъ нихъ пользу, съ нихъ и этого довольно»,—вы чеканите медали съ своимъ портретомъ и формально требуете себѣ исторической благодарности. Чернышевскій со скромностью всѣхъ великихъ людей признавалъ умственное превосходство надъ собой юноши Добролюбова,—вы со скромностью, свойственной вамъ, заявляете себя основателемъ школы. Чернышевскому идеаломъ была истина,—ваши идеалы смѣняются по настроенію духа: сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣзавтра Викторъ Гюго, самъ Викторъ Гюго! Чернышевскій, этотъ холодный, недоступный Чернышевскій радовался, какъ ребенокъ, всякому проявленію жизни въ Россіи, всякому поступку, выражавшему сознаніе, энергію,—вы до того только поэтъ свободы, что васъ поразилъ и грубо оскорбилъ даже свободный языкъ молодой эмиграціи, и вы совсѣмъ растерялись, найдя въ Женевѣ не толпу хамовъ и обожателей, а свободныхъ людей, говорящихъ съ вами такимъ же языкомъ, какъ со всѣми, и примѣнявшихъ къ вамъ тотъ же критерій, что и ко всѣмъ смертнымъ. Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу, онъ воспитывалъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей, — гдѣ ваши послѣдователи,

не знаю. Въ чемъ же, г. Герценъ, дополняли вы Чернышевскаго?» (25—28).

Этимъ памфлетомъ молодая эмиграція порвала со старой... Разумѣется, здѣсь не мѣсто разбирать, кто и въ какой мѣрѣ изъ нихъ былъ правъ и виноватъ. Для этого даже нѣтъ еще и достаточнаго числа неоспоримыхъ данныхъ...

Помимо посильнаго участія въ русской революціонной дѣятельности, Серно-Соловьевичъ не мало потрудился въ Интернаціоналѣ и притомъ въ самое трудное время его нарожденія. «Когда онъ былъ нуженъ на трибунѣ, онъ являлся на нее, и не разъ общее собраніе всѣхъ секцій звало его въ президенты собранія. Но гораздо важнѣе, чѣмъ на трибунѣ, была его дѣятельность въ кружкахъ рабочихъ, въ личныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними: тамъ, гдѣ онъ могъ что-либо заимствовать для выясненія основныхъ началъ и практическаго пути дѣйствій, тамъ онъ слушалъ жадно и являлся ученикомъ; тамъ же, гдѣ онъ могъ дать что-либо отъ своего знанія и изученія, которое столь цѣнятъ работники, неимѣющіе достаточно ни времени, ни средствъ для самостоятельнаго знанія, тамъ онъ обращался въ искренняго, добросовѣстнаго учителя и будилъ сознаніе въ уснувшихъ, или еще не пробужденныхъ, и вселялъ смѣлость въ робкихъ, и звалъ къ единству разрозненныхъ, и всѣ научились понимать его, всѣ его любили, всѣ его уважали въ Интернаціоналѣ. Ему принадлежитъ заслуга въ томъ, что своей безкорыстною преданностью онъ сдѣлалъ то, что Интернаціоналы встрѣчаютъ радушно и привѣтливо своихъ русскихъ братьевъ,— братьевъ по одному и тому же дѣлу общаго всенароднаго освобожденія, во имя однихъ и тѣхъ же началъ новой народной жизни!» [1]).

Извѣстный изслѣдователь исторіи Интернаціонала—Іеккъ—говоритъ: «Серно-Соловьевичъ въ Женевѣ оказалъ очень большія услуги дѣлу рабочихъ».

И дѣлая дѣло Интернаціонала, Серно-Соловьевичъ не переставалъ думать о своей несчастной родинѣ. Онъ иногда говорилъ: «меня мучитъ, что я не иду въ Россію мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое единичное мщеніе было бы недостаточно и безсильно; работая здѣсь въ общемъ дѣлѣ, мы отомстимъ всему этому проклятому порядку повсюду, повсемѣстно»...

Но болѣзнь замѣтно подтачивала жизнь этого человѣка. Кромѣ того, не мало повліяло на здоровье и то нервное состояніе, въ которомъ Серно-Соловьевичъ находился, благодаря любимой имъ женщинѣ, назвать которую мы пока не считаемъ себя въ правѣ, хотя въ литературѣ это почти уже сдѣлано въ весьма прозрачныхъ иниціалахъ.

«Постоянно сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во-всю разбили наконецъ сильный организмъ, и Серно-Соловьевичъ сошелъ съ ума,—говоритъ Шелгуновъ... Вначалѣ болѣзнь перемежалась со свѣтлыми промежутками, и когда свѣтлый промежутокъ прихо-

---

[1]) «Народное Дѣло», стр. 111—112.

дилъ къ концу и наступалъ приступъ болѣзни, Серно-Соловьевичемъ овладѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго Серно-Соловьевича, потому что онъ просилъ доктора заведенія, въ которомъ лѣчился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда Александръ Александровичъ поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ—и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая несчастная жизнь» [1]).

Это произошло 4—16 августа 1869 г. въ Женевѣ.

Въ заключеніе приведу буквальный переводъ статьи «Освященіе памятника Серно», напечатанной въ «L'Égalite» 1 января 1870 г. [2]).

«Въ воскресенье 27 декабря, въ Женевѣ, на кладбищѣ Пленпале (Plainpalais) происходило освященіе памятника на могилѣ Серно; при этомъ присутствовали члены Интернаціонала и значительное число русскихъ и польскихъ эмигрантовъ.

«Памятникъ этотъ—простой, неотдѣланный, гранитный камень, на одной сторонѣ котораго врѣзанъ большой медальонъ бѣлаго мрамора со слѣдующей надписью:

A la mémoire
D'Alexandre Serno-Solowiewitsch
Les Internationaux de Genève
1839—1869.

«Внизу медальона оставлено мѣсто, чтобы награвировать по-русски:

Серно-Соловьевичу
политическому осужденному
отъ нѣсколькихъ друзей.

«Рѣчь Перрона (Perron) прервала глубокую задумчивость присутствовавшихъ. Онъ сказалъ:

«Граждане,

«Когда вѣсть о смерти Серно такъ тяжко поразила насъ, тѣло нашего друга уже было покрыто землей, и никто изъ насъ не могъ присутствовать при его погребеніи.

«Съ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ, время, котораго часто бываетъ достаточно, чтобы забыть человѣка, но память о Серно живетъ среди насъ. Она не ослабнетъ. Рабочіе не могутъ забыть этого преданнаго, страстнаго, неутомимаго товарища, который разрывался, чтобы оказать помощь, и котораго мы находили вездѣ, гдѣ его поддержка была нужна.

«Серно былъ бѣденъ; какъ мы, онъ жилъ своимъ трудомъ, но онъ умѣлъ отказываться отъ необходимаго, чтобы смягчить

[1]) Изъ экземпляра сожженнаго изданія сочиненій.
[2]) Приношу за него свою благодарность В. А. Ляцкой.

страданія, которыя ему ежедневно встрѣчались. Какъ многимъ изъ насъ онъ помогъ сдѣлать трудный шагъ или не упасть подъ бременемъ нужды! Какъ многихъ изъ насъ въ минуты упадка духа поддержали трогательныя и дружескія заботы этого замѣчательно добраго человѣка.

«Человѣкъ науки, Серно вѣрилъ въ Бога, онъ жилъ и умеръ атеистомъ, но онъ любилъ человѣчество, и всѣмъ людямъ онъ дѣлалъ столько добра, сколько могъ. Вся его жизнь - самоотверженіе, долгое мученичество.

«Онъ родился въ Петербургѣ и пробылъ тамъ до тѣхъ поръ, пока императоръ всероссійскій не приговорилъ его къ смерти, какъ революціонера; ему удалось бѣжать, но братъ его погибаетъ въ Сибири, сестра умираетъ отъ горя, и состояніе его конфисковано.

«Онъ могъ бы вернуться на родину, снова тамъ пріобрѣсти состояніе и положеніе—ему стоило только послѣдовать совѣту нѣсколькихъ высокопоставленныхъ людей: написать словечко раскаянія Его Величеству... но какъ Бакунинъ, какъ Герценъ, какъ Огаревъ, какъ многіе изъ нашихъ русскихъ друзей, онъ былъ неспособенъ на низость. Онъ остался достойнымъ почтенія и уваженія честныхъ людей.

«Именно тогда пріѣхалъ онъ въ Женеву, проживъ передъ тѣмъ нѣкоторое время въ Германіи.

«Вы знаете, граждане, что̀ онъ дѣлалъ, когда былъ среди насъ; позвольте мнѣ коротко сказать вамъ, какое было у Серно великое желаніе, сказать для того, чтобы всѣ мы могли работать для осуществленія его мечты.

«Я былъ близкимъ другомъ Серно, я заботился о немъ въ послѣднія недѣли его жизни, я проникалъ въ глубину его мысли—и могу сказать, что онъ постоянно былъ занятъ изысканіемъ средствъ для улучшенія Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ; организація пока еще неудовлетворительная была, по его мнѣнію, величайшей опасностью, которой слѣдовало избѣгать рабочему классу.

«Серно не сомнѣвался, что соціальная революція близка, потому что онъ лучше, чѣмъ кто-либо, зналъ, что современное экономическое положеніе близко къ паденію подъ тяжестью неустройствъ и нищеты, имъ размноженныхъ; другъ нашъ понималъ, что пробьетъ часъ, когда на видъ, въ большей своей части, равнодушный, спокойный и смиренный пролетаріатъ поднимется огромный, сплоченный, непреодолимый, чтобы сбросить гнетъ буржуазіи.

«Но этотъ грандіозный переворотъ можетъ оказаться неудачнымъ, если при этомъ для укрѣпленія пути пролетаріата не будетъ просвѣщеннаго и стойкаго вожака; кто же можетъ быть этимъ вожакомъ, этой поддержкой, какъ не Интернаціоналъ? Таково было мнѣніе Серно.

«Въ силу такой важной роли, которую въ недалекомъ будущемъ призвана выполнить наша ассоціація, такихъ людей, какъ Серно, по справедливости занимала возможность ускоренія полной законченности нашего грандіознаго учрежденія.

«Граждане, члены Интернаціонала, обѣщаемъ на могилѣ нашего друга всѣми силами содѣйствовать тому успѣху, котораго такъ горячо желалъ онъ; обѣщаемъ принимать въ свою среду людей сердца и энергіи, которыхъ тираны заставляютъ искать у насъ убѣжища,—принимать такъ, какъ мы приняли Серно, т. е. какъ брата, а не какъ *иностранца*. Главное, сумѣемъ при ихъ жизни признавать отличающія ихъ большія достоинства, при помощи которыхъ только и можетъ быть упрочено торжество соціальной революціи.

«Этими чувствами, граждане, мы воздаемъ истинное почтеніе памяти того, кого мы оплакиваемъ; это лучшій способъ освященія скромнаго памятника, который мы нынче воздвигаемъ нашему другу, о которомъ мы такъ скорбимъ,—Серно-Соловьевичу».

«Шеназъ (Chênaz), предсѣдатель секціи гранильщиковъ и каменщиковъ, въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ напоминаетъ о томъ, что̀ для рабочихъ на постройкахъ сдѣлалъ Серно во время послѣдней забастовки, приписывая его сверхъ-человѣческой дѣятельности, его энергіи и совѣтамъ значительную долю успѣха, которымъ закончился этотъ кризисъ, и послѣдовавшія затѣмъ улучшенія въ судьбѣ рабочихъ. Онъ заканчиваетъ трогательнымъ «прости» этому человѣку, котораго они такъ любили.

«Утинъ отъ имени молодой русской партіи благодаритъ рабочихъ Женевы за почести, оказываемыя ими памяти Серно, человѣка, всю жизнь свою положившаго за великое дѣло народа, съ юности ушедшаго изъ привилегированнаго круга, чтобы смѣшаться съ классомъ, который буржуа называютъ презрѣннымъ (canaille):

«Серно былъ осужденъ на смерть за стремленіе вести къ свободѣ пролетаріатъ, но придетъ день, когда мы потребуемъ отчета у его убійцъ, которые опираются на законъ и религію, два средства притѣсненія и тираніи; придетъ день, когда наши умершіе братья будутъ отомщены, и въ тотъ день мы не простимъ.

«Серно, который въ Россіи боролся подъ революціоннымъ знаменемъ «*Земля и Воля*», долженъ былъ, укрываясь на Западѣ, вступить въ Интернаціоналъ, который также хочетъ земли и свободы. Онъ хочетъ земли для людей, которые на ней живутъ, а не для какихъ-то паразитовъ, которые пользуются трудами тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; онъ хочетъ свободы, но свободы истинной, свободы, которая опирается на равенство, свободы, которая основана на правѣ жизни, правѣ интегральнаго развитія человѣческихъ способностей, а не такъ называемой свободы, проповѣдуемой буржуа и состоящей въ пра̀вѣ эксплуатаціи рабочихъ до смерти.

«Пусть настоящая минута послужитъ союзомъ молодой революціонной Россіи и Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ!»

«Гражданинъ Дартуцци (полякъ) прочелъ хвалу усопшему. Онъ воздаетъ должное широкому и истинно интернаціональному характеру Серно, видѣвшему въ полякахъ, подавляемыхъ царемъ, братьевъ, которымъ въ день революціи должна быть возвращена свобода и независимость.

«Гражданинъ Серебренниковъ, за день или два прибывшій изъ Россіи, пришелъ на могилу соотечественника, чтобы подтвердить, что дѣло, на которое Серно положилъ всю свою жизнь, преуспѣваетъ послѣ его смерти. Соціалъ-революціонное движеніе растетъ въ Россіи, несмотря на всѣ преслѣдованія.

«Послѣ этой рѣчи, закончившей погребальное торжество, собраніе безмолвно разошлось».

Мѣсто для могилы Серно-Соловьевича было куплено только на десять лѣтъ. Петербургскіе друзья покойнаго рѣшили откупить мѣсто навсегда, и для этого одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ 1879 г. въ Женеву. Но оказалось, что онъ пріѣхалъ, когда могила уже была срыта.

Такимъ образомъ, ея теперь уже не существуетъ.

МОЛОДОСТЬ „ОТЦА МИТРОФАНА“.

Молодость „отца Митрофана".

I.

Митрофанъ Даниловичъ Муравскій — крупная фигура въ рядахъ русскихъ революціонеровъ. Во время третьяго своего процесса, такъ называемаго «Большого», или «процесса 193-хъ», онъ проявилъ столько нравственной и политической выдержки, столько мужества и упорной энергіи, столько, наконецъ, горячей любви къ своимъ товарищамъ, что потомъ и въ могилу сошелъ съ кличкой «отца Митрофана», которой люди, его глубоко уважавшіе, хотѣли закрѣпить свое сыновнее къ нему благоговѣніе. Молодежь льнула къ нему, потому что, по словамъ г-жи Брешковской,—«находила въ немъ ту неподкупную нравственную силу, которая не обманетъ и не дастъ сдѣлать ложнаго шага». «Всѣ чтили его, всѣ боялись его осужденія» [1]).

Разумѣется, занять такое положеніе среди лицъ, уже самихъ по себѣ далеко недюжинныхъ, а то и просто весьма выдающихся, могъ только человѣкъ дѣйствительно большой и замѣчательный. И Муравскій былъ именно такимъ большимъ и замѣчательнымъ человѣкомъ. Вѣроятно, не за горами уже возможность ознакомиться съ нимъ по «Большому» процессу: участники послѣдняго живы, и имъ ближе всего нарисовать своего «батьку». Но это будетъ очеркъ Муравскаго, уже въ вполнѣ зрѣломъ возрастѣ, на склонѣ четвертаго десятка лѣтъ и при началѣ пятаго. Между тѣмъ молодость его врядъ ли можетъ найти освѣщеніе подъ перомъ современниковъ: они быстро сходятъ въ могилу и, не обладая необходимыми документами, не въ состояніи нарисовать намъ эту фигуру.

Въ моемъ распоряженіи находятся точныя копіи съ такихъ документовъ, которые даютъ возможность познакомиться съ первыми двумя политическими дѣлами Муравскаго, до сихъ поръ никѣмъ не разсказанными и въ литературѣ совершенно неизвѣ-

---

[1]) *Е. Брешковская.* «Изъ моихъ воспоминаній», изд. Вл. Распопова. СПБ., 1906 г.

стными, если не считать нѣсколькихъ строкъ въ указанной брошюрѣ г-жи Брешковской, замѣтно расходящихся съ дѣйствительностью, несмотря на то, что онѣ писаны по разсказу самого Муравскаго, а можетъ быть, и благодаря этому: Митрофанъ Даниловичъ просто забылъ многія подробности, а нѣкоторыя не удержались въ памяти самой г-жи Брешковской.

Первое изъ этихъ дѣлъ—тайное общество въ Харьковѣ, второе—возникшее изъ переписки съ сосланными въ разные концы товарищами.

Относительно тайнаго общества въ литературѣ вообще нѣтъ указаній сколько-нибудь подробныхъ и точныхъ. Я заимствую ихъ изъ доклада предсѣдателя особой слѣдственной комиссіи, сенатора Жданова, которому поручено было въ іюнѣ 1862 года производство слѣдствія о «дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія». Комиссія эта была образована послѣ разгрома воскресныхъ школъ, по высочайшему повелѣнію. Она состояла изъ Жданова, управляющаго III Отдѣленіемъ генерала Потапова, петербурскаго генералъ-губернатора кн. Суворова и представителей министерства народнаго просвѣщенія (директора VI петербургской гимназіи, Кнорринга) и юстиціи. Послѣ продолжительной работы комиссія представила государю пространную записку, въ которой, между прочимъ, находимъ много очень интереснаго для объясненія истинной причины возникновенія тогда воскресныхъ школъ въ Россіи [1]). Я не буду заниматься здѣсь этимъ вопросомъ вообще, а остановлюсь лишь на томъ, что должно быть интересно въ данный моментъ въ отношеніи Муравскаго.

Одна изъ частей записки Жданова озаглавлена: «*О тайномъ обществѣ, открытомъ въ Харьковѣ*». Приведу ее полностью.

«Въ 1855 г. въ Харьковѣ кружокъ студентовъ тамошняго университета основалъ тайное политическое общество, цѣль коего состояла въ перемѣнѣ существующаго образа правленія въ Россіи. Для прикрытія дѣйствій тайнаго общества и для большей возможности усилить оное новыми членами съ мятежными тенденціями, было основано, съ разрѣшенія университетскаго начальства, литературное общество.

«Въ тайныхъ собраніяхъ своихъ члены политическаго общества, разсуждая о необходимости государственнаго переворота въ Россіи, колебались въ своихъ заключеніяхъ между выборомъ конституціоннаго или республиканскаго правленія и однажды остановились на преступномъ убѣжденіи въ необходимости истребленія всей августѣйшей его императорскаго величества фамиліи. Въ собраніи этомъ были Завадскій, Ефименко, Муравскій, Ивковъ. Исполненіе этого злодѣйскаго намѣренія вызвался принять на себя одинъ

[1]) Архивъ Мин. Народн. Просвѣщенія. дѣло № 152905. «О закрытіи воскресныхъ школъ».

изъ членовъ общества, студентъ Завадскій, для чего собирался ѣхать въ Петербургъ.

«Главные основатели и энергическіе двигатели этого противозаконнаго общества были студенты: Бекманъ, Муравскій, Ефименко, Завадскій, Ивковъ. Кромѣ того, были прикосновенны къ дѣлу: Левченко, Португаловъ, Зеленскій, Раевскій и другіе.

«*Средствомъ* къ достиженію цѣли полагали, между прочимъ, *распространеніе либеральныхъ понятій между простымъ народомъ и раскольниками*, какъ людьми болѣе другихъ склонными къ перевороту, по причинѣ недовольства своимъ положеніемъ. Въ виду этой цѣли члены общества признали необходимымъ заняться *приготовленіемъ самихъ себя* къ предстоящему назначенію *и другихъ*. Вначалѣ общество, какъ видно, не уяснило себѣ еще мысль о томъ, какимъ путемъ удобнѣе проводить между народомъ пропаганду своихъ преступныхъ идей, а предположеніе объ учрежденіи воскресныхъ школъ опредѣлительно еще не высказалось. Но уже и въ то время ясно было заявлено намѣреніе—подъ видомъ распространенія грамотности подготовлять простой народъ къ принятію участія въ осуществленіи преступныхъ цѣлей.

«Не ограничиваясь распространеніемъ печатаемыхъ за-границею сочиненій возмутительнаго содержанія, одинъ изъ членовъ общества, Завадскій, тогда уже приготовлялъ статьи для распространенія между простымъ народомъ. Для сего имъ были составлены: *замѣтки*, въ видѣ сказки о происходящихъ для народа неудобствахъ отъ монархическаго правленія, и *поученіе* простому народу, въ коемъ, между прочимъ, сказано: «народу нужно знать, какіе порядки были у насъ въ старину, что въ нихъ хорошаго, что нужно перемѣнить и какъ бы это сдѣлать». Кромѣ того, для достиженія предложенныхъ цѣлей признавалось полезнымъ имѣть въ виду пользоваться св. Евангеліемъ, такъ какъ оно, по духу своему, противорѣчитъ самодержавію.

«Подготовляя такимъ образомъ преступное ученіе между простымъ народомъ, Завадскій тогда уже писалъ: «составился небольшой кружокъ студентовъ, который отчасти началъ трудиться *надъ распространеніемъ грамотности*; все это могло исполниться не иначе, какъ при возможной самостоятельности общества студентовъ, устранивъ всякое недобросовѣстное вмѣшательство начальства».

«Между тѣмъ, по поводу бывшаго въ 1858 г. волненія студентовъ харьковскаго университета, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, бывъ исключены изъ университета, переѣхали въ Кіевъ [1])».

«Такимъ образомъ, дѣятельность членовъ тайнаго общества, ограничивавшаяся доселѣ только Харьковомъ, переноситъ свои воз-

[1]) Бекманъ, Муравскій и впослѣдствіи Левченко. Поводомъ къ «волненіямъ» послужило удаленіе изъ университета двухъ студентовъ за дебошъ на улицѣ. Произошла сходка, рѣшено было прекратить слушаніе лекцій, 138 студентовъ подали прошеніе объ увольненіи. Муравскій, Бекманъ и др. вступили въ переговоры съ инспекціей,—въ результатѣ они были тоже уволены (кое-какія данныя объ этомъ вообще можно найти на стр. 163—164 «Краткаго очерка исторіи Харьков. унив.», Харьковъ, 1906 г.).

мутительныя идеи на новую почву, гдѣ съ тою же энергіею члены общества развиваютъ свои преступныя намѣренія и распространяютъ ихъ между новыми своими членами».

Другая часть записки называется: «*Учрежденіе первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ*». Вотъ и она.

«Соединившись въ Кіевѣ между собою въ тѣсный кружокъ, они вскорѣ увеличиваютъ личный составъ свой присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета. Въ этомъ кружкѣ впервые появляется отчетливое намѣреніе и сознательная мысль объ учрежденіи *воскресныхъ школъ* въ тѣхъ видахъ, чтобы обученіемъ простого народа имѣть въ немъ вліяніе и поддержку для осуществленія задуманныхъ цѣлей. Во главѣ этого предпріятія становится профессоръ Павловъ, начинается дѣятельная переписка съ членами тайнаго общества, находящимися въ Харьковѣ; устанавливаются сношенія, чрезъ того же профессора Павлова, со студентами московскаго и петербургскаго университетовъ. Наконецъ, получается *разрѣшеніе* начальства *объ учрежденіи* первыхъ *воскресныхъ школъ* въ Кіевѣ.

«Профессоръ Павловъ, коему начальствомъ поручается главный надзоръ за воскресными школами, становится передовымъ дѣятелемъ и двигателемъ развитія и направленія этихъ будущихъ разсадниковъ народнаго образованія.

«Такимъ образомъ, ходомъ самыхъ обстоятельствъ слагается *двойственная* роль профессора Павлова: съ *одной* стороны онъ является во главѣ новаго учрежденія, какъ агентъ правительства, съ *другой*—онъ становится центромъ, возлѣ котораго, въ качествѣ дѣятелей воскресныхъ школъ, группируются личности съ преступными тенденціями, которыя ему не могли не быть извѣстными, и которыхъ онъ, конечно, и самъ не былъ чуждъ.

«Ближайшая сокровенная цѣль и направленіе учреждающихся въ Кіевѣ воскресныхъ школъ весьма ясно высказывается даже въ темныхъ намекахъ и полувыраженныхъ мысляхъ, заявленныхъ главными дѣятелями въ ихъ письмахъ и прочихъ бумагахъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи слѣдственной комиссіи.

«Въ этомъ отношеніи будетъ небезполезно обратиться къ письмамъ и замѣткамъ самихъ членовъ.

«Бекманъ пишетъ: «настало другое время, открылось болѣе простора для общественной дѣятельности... подъ вліяніемъ этого времени основался кругъ студентовъ, въ которомъ исчезли всѣ враждебныя начала, раздѣлявшія нашъ университетъ. *Среди этого круга* родилась мысль *объ учрежденіи воскресныхъ школъ*».

«При извѣстіи въ Харьковѣ объ открытіи въ Кіевѣ воскресныхъ школъ Ляховскій пишетъ Муравскому: «ура! ура! Митрофанъ Даниловичъ! *поздравляю съ открытіемъ воскресныхъ школъ! Душевно радъ, что вы у брега*».

«Левченко, принимавшій непосредственное участіе въ преподаваніи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, высказывается еще яснѣе; вотъ его слова: «*средствомъ къ распространенію въ массѣ простого народа либеральныхъ идей должны служить воскресныя школы*». Онъ сочувствовалъ этому предпріятію въ особенности потому, что, такъ какъ при образованіи массы имѣлось въ виду распространеніе въ ней понятій о естественныхъ правахъ человѣка, то въ этомъ онъ видѣлъ задатокъ измѣненій въ будущемъ существующаго порядка. Между университетами, по мнѣнію Левченко, должны поддерживаться постоянныя сношенія передачею всего того, что дѣлается въ каждомъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, безъ опредѣленныхъ формъ, безъ названныхъ членовъ являлось бы общество, организованное единствомъ цѣлей, *и сама собою дожна была образоваться пропаганда, распространяя по возможности вездѣ либеральныя понятія*».

На этомъ кончается часть записки сенатора Жданова, проливающая хоть небольшой свѣтъ на тайное общество, о которомъ упоминаетъ, какъ увидимъ ниже, и самъ Муравскій. Правда, свѣтъ этотъ неполонъ и неярокъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ достаточенъ, чтобы получить нѣкоторое представленіе о внутренней сущности организаціи.

Результатомъ записки по отношенію участниковъ тайнаго общества была административная съ ними расправа: ихъ разослали въ различные города Европейской Россіи [1]). Муравскій попалъ въ Бирскъ Оренбургской губерніи.

Чѣмъ же объяснить такую, по тогдашнимъ временамъ, легкую кару за участіе въ явно террористической организаціи?

Мнѣ кажется, тѣми документами, которые еще неизвѣстны, но, несомнѣнно, имѣются въ архивѣ III Отдѣленія. Послѣднему была ясна ошибка ждановской комиссіи. III Отдѣленіе узнало, вѣроятно, то, о чемъ г. Пантелѣеву сообщили потомъ Я. Н. Бекманъ и М. С. Гуревичъ. А именно: тайное общество ставило своей практической задачей исключительно просвѣщеніе широкихъ народныхъ массъ и средство выполненія ея видѣло въ воскресной школѣ. Замкнутость и конспиративность кружка были результатомъ осторожности, вызывавшейся тогдашними условіями времени [2]).

II.

Тамъ бы Муравскій и жилъ болѣе или менѣе спокойно до конца срока, если бы не арестъ Николая Серно-Соловьевича. Въ числѣ бумагъ, опечатанныхъ у послѣдняго при обыскѣ, были между прочимъ письма Завадскаго (изъ Петрозаводска), адресованныя къ

[1]) П. С. Ефименко въ Пермь, Я. Н. Бекмана въ Вологду, Левченко въ Курскъ, В. О. Португалова въ Шадринскъ, Ивкова въ Слободской Вятской губ., Завадскаго въ Каргополь Олонецкой губ.

[2]) *Пантелѣевъ*. письмо въ редакцію «Былого» 1907 г. III.

завѣдывавшему книжнымъ магазиномъ С. Н. Пыпину, родному брату недавно умершаго академика. Они-то и обратили вниманіе въ сторону Муравскаго.

Въ одномъ письмѣ Завадскій просилъ прислать ему для продажи нѣсколько экземпляровъ шумѣвшаго тогда письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ и очень хвалилъ мѣстнаго крестьянина Распутина, обращая на него вниманіе, какъ на крупнаго по уму человѣка, пользующагося весьма замѣтнымъ вліяніемъ въ своей волости.

Очевидно, сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ арестованіи, и Завадскій 29 іюля былъ уже водворенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ его бумагахъ нашли два письма Муравскаго и четыре жены ротмистра Екатерины Степановны Гаршиной. Она, между прочимъ, писала Завадскому:

«Неужели ты не понялъ, по какой дорогѣ я пошла. У меня есть дѣти, и я люблю ихъ больше жизни своей, но еще выше дѣтей есть что-то другое. Я теперь не мать, не жена, не сестра, я гражданка моей родины и буду счастлива выше всякаго земного счастья, если хоть одну свою лепту душевную принесу на общее дѣло. Можетъ быть. не для меня, такъ для нихъ, для моихъ дѣтей наступитъ пора лучшая, и порадуются тогда мои косточки».

Въ другомъ письмѣ находимъ слѣдующее мѣсто, тоже обратившее вниманіе комиссіи:

«Послѣ демонстраціи по поводу Павлова я съ недѣлю была въ самомъ тревожномъ состояніи, ждали обысковъ, ареста, ссылокъ, но, благодаря судьбѣ въ образѣ Суворова, все обошлось благополучно. Скажи, пожалуйста, неужели ты боишься, чтобы я не попала въ кр.(ѣпость)? Поэтому самое лучшее мнѣ убраться подъ благословенный кровъ Г. [1]); тамъ ужъ, конечно, я буду въ безопасности. А теперь, конечно, близкія связи съ С., У. [2]) и другими чего добраго доведутъ до бѣды».

Завадскій, въ свою очередь, отвѣчалъ, что пора перейти отъ прокламацій къ дѣлу, чтобы такимъ образомъ заручиться сочувствіемъ народа...[3]).

Кромѣ того, въ письмѣ Воронкова сосланный М. И. Михайловъ былъ названъ «мученикомъ за русскую свободу».

А вотъ что писалъ Завадскому Муравскій. Привожу оба письма полностью, полагая ихъ важными не только для біографіи самого корреспондента, но и для исторіи шестидесятыхъ годовъ, все еще не имѣющей достаточнаго подбора просто фактическаго матеріала.

[1]) Гаршина, мужа, съ которымъ Гаршина разошлась.

[2]) С.—Спасскій; У.—Николай Утинъ.

[3]) Г. Пантелѣевъ въ указанномъ уже письмѣ въ редакцію «Былого» ошибочно указываетъ на то, что арестъ Завадскаго былъ результатомъ посѣщенія его полиціей, пришедшей забрать Гаршину для водворенія ея къ мужу.

Первое.

Бирскъ. 1861 г. 29 января.

«Чортъ бы васъ побралъ, Петръ Васильевичъ! Что я вамъ такое сдѣлалъ, что вы вводите меня въ лишнія издержки? Изъ-за того, что вамъ пришла фантазія отвѣтить на мое письмо только въ 1861 г., я долженъ былъ послать вамъ страховое и еще теперешній отвѣтъ, т. е. издержать 33 коп. сер., т. е. 23 коп. лишнихъ, а вѣдь этого стало бы мнѣ на полмѣсяца на табакъ и свѣчи, — вотъ какъ я экономно живу. — Ваше письмо произвело на меня какое-то тяжелое впечатлѣніе. Видно, что вамъ не совсѣмъ хорошо, что послѣ петропавловскаго удушья вы еще не успѣли вдохнуть въ себя свѣжаго воздуху. Вы до того захандрили, что у васъ явилась даже такая мысль, что такъ какъ въ письмахъ свободно распространяться нельзя, то переписки намъ вести не стоитъ... Зачѣмъ же это, Петръ Васильевичъ, вы упустили изъ виду, что, не говоря кой о чемъ другомъ (объ этомъ ниже), переписка наша необходима для насъ лично: вы сами пишете, что послѣ бекмановскаго письма вы стали веселѣе смотрѣть на міръ божій. Я думаю, что окрещенные тюрьмою и ссылкою, сдѣлавши этотъ первый дебютъ, мы еще тѣснѣе сблизились между собою; и я думаю, что двухтысячныя пространства не должны бы уменьшить въ каждомъ изъ насъ желанія знать о нравственномъ состояніи и внѣшней обстановкѣ, о надеждахъ и желаніяхъ, горестяхъ и радостяхъ всѣхъ другихъ... Кромѣ того, изъ моего страхового письма вы видѣли, что и по части общаго дѣла творится много хорошаго: вѣдь ничего же нѣтъ безцензурнаго въ томъ, если мы будемъ сообщать одинъ другому этого рода новости; развѣ мы виноваты, что ли, въ томъ, что онѣ дѣлаются? (...) Потомъ, если мы одинъ о другомъ знаемъ такую штуку, о которой съ насъ взяли подписку молчать, то было бы чрезвычайно неразумно думать, что мы не имѣемъ права разсказывать одинъ другому о своихъ похожденіяхъ. Но это доказательство умозрительное; сейчасъ вамъ представлю и опытное. Ефименку я послалъ по почтѣ письмо, въ которомъ пришлось къ слову разсказать ему о приключеніи, случившемся со мною въ Москвѣ, и нѣчто о показаніяхъ, данныхъ мною въ Харьковѣ; это письмо онъ получилъ совершенно безпрепятственно, такъ же, какъ и всѣ прочія. Если хотите, то я, пожалуй, и вамъ напишу, о чемъ писалъ Ефименку. Впрочемъ, начну ab ovo.

«1-го февраля 1860 г. въ Кіевѣ я былъ взятъ въ плѣнъ, бумаги мои всѣ ограблены, и въ тотъ же день вечеромъ я посаженъ въ одинъ изъ казематовъ тамошней крѣпости. Все случившееся со мною произошло съ Бекманомъ, Португаловымъ, Россинскимъ, Розеномъ, Каценомъ, Зеленскимъ, Шмулевичемъ, Стрижевскимъ, Тищинскимъ и Ефименкомъ[1]). На третьи сутки ночью, съ двумя гу-

[1]) Завадскій оставался въ харьковскомъ университетѣ.

вернерами [1]), отправили меня на почтовыхъ въ Харьковъ. Тамъ я просидѣлъ въ острогѣ въ секретномъ казематѣ недѣли съ полторы, съ тараканами, на арестантской пищѣ, безъ книгъ и въ нѣкоторомъ родѣ безъ табаку. По сосѣдству со мною были Тищинскій и Лебедевъ; мы перепѣвались между собою: «Впередъ безъ страха», «Ой, на гори та жинци жнуть» и проч. Здѣсь мнѣ предложены были вопросы, соотвѣтствующіе общежитейскому: позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? и на которые отвѣчаютъ: рекомендуюсь, дворянинъ, бываю на исповѣди и у св. причастія и проч., и чтобы я изложилъ свою біографію. Я разсказалъ о сценахъ изъ крѣпостного права, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ дѣтствѣ, о поступкахъ гимназическаго начальства, о неудачной восточной войнѣ,—вообще о причинахъ, произведшихъ перемѣну въ моемъ образѣ мыслей, и упомянулъ о нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно утвердившихъ меня въ ненависти къ старому направленію. Къ числу ихъ относится и сидѣніе мое въ части (помните, въ апрѣлѣ 58 г. [2])?

«Дѣло въ томъ, что сверхъ этого ареста Лужинъ [3]) еще сказалъ мнѣ тогда грубость, на которую я не отвѣтилъ. Цѣлыхъ полтора года это обстоятельство сильно меня мучило. Можете представить, какъ я обрадовался при мысли, что предстоитъ случай отомстить и за грубость, и за сидѣніе на съѣзжей, притомъ местью самою современною, самою приличною студенту: разсказать поступокъ Лужина въ своихъ показаніяхъ, и стало быть сдѣлать заразъ слѣдующія добрыя дѣла: довести объ этомъ поступкѣ до свѣдѣнія высшаго начальства и дать нравственную оплеуху самому Лужину.

«Вотъ это мѣсто въ моемъ показаніи: «Въ апрѣлѣ 1858 г. меня замѣшали въ исторію, бывшую между людьми кн. Салтыкова и студ. Петровскимъ и Кутыревымъ [4]). Въ ту ночь, когда происходила эта исторія, мнѣ случайно пришлось быть въ томъ же дворѣ; тамъ меня и арестовали. На показанія мои, что въ самой исторіи я не участвовалъ и узналъ о ней послѣ того уже, какъ она случилась, какъ видно, не было обращено ни малѣйшаго вниманія; не потрудились также, какъ видно, разспросить хорошенько всѣхъ, кому это дѣло могло быть сколько-нибудь извѣстно. Когда меня на третій, кажется, день потребовали къ г. Начальнику губерніи, И. Д. Лужину, я ожидалъ, что онъ разспроситъ меня о случившемся и постарается разъяснить дѣло. Но вмѣсто этого его превосход. сказалъ мнѣ небольшую рѣчь, въ которой говорилъ о какой-то «безнравственности», о «старшихъ», о какихъ-то «мерзавцахъ съ республиканскимъ духомъ», о томъ, что «фортку вы-

[1]) Разумѣется, жандармами.

[2]) Передъ исключеніемъ изъ харьковскаго университета.

[3]) Харьковскій губернаторъ.

[4]) Студенты ночью стучались къ своимъ товарищамъ и потревожили жившаго въ этомъ домѣ кн. Салтыкова. Послѣдній выслалъ свою прислугу усмирить «буяновъ», а они отколотили ее.

ломали», о «сѣрой шинели» и проч., и общаго содержанія которой я никакъ не понялъ; тонъ и выраженія этой рѣчи были до того неделикатны, что оскорбиться ею я счелъ для себя неприличнымъ. Потомъ г. Начальн. губерніи приказалъ отправить меня въ полицію, гдѣ и продержали меня цѣлую недѣлю.—Я распространился объ этихъ случаяхъ потому, что, повторяю, они особенно утвердили меня въ моемъ новомъ направленіи».

«Что месть эта достигла цѣли, въ этомъ я убѣдился, когда передъ выѣздомъ изъ Харькова ввели меня къ Лужину. Я ожидалъ, что онъ разразится громомъ дерзостей, и принялъ твердое намѣреніе при первомъ же его грубомъ словѣ «выместить обиду на лицѣ противника». Ничего не бывало: Лужинъ убѣждалъ меня только не скрывать ничего въ Петербургѣ, потому что только это можетъ облегчить мою участь; но при всемъ томъ былъ какъ нельзя вѣжливѣе. Нѣтъ лучше наслажденія, какъ видѣть передъ собою рослую фигуру глупаго и наглаго генерала, который дрожитъ отъ бѣшенства, глазами готовъ съѣсть васъ, лицо у него подергивается судорогами, и въ то же время онъ боится за каждое свое слово, корчитъ человѣка искренно къ вамъ расположеннаго. Я испытывалъ истинное блаженство, побѣда была полная, лежачаго не бьютъ,—и съ Лужинымъ я разстался мирно.

«Дорогою въ Петербургъ одинъ изъ жандармовъ разсказалъ мнѣ о томъ, что арестовано было до 30 человѣкъ, и вообще оказывалъ мнѣ такія противузаконныя привилегіи, что я заключилъ, что онъ хорошій человѣкъ. У меня явилась мысль, не былъ ли кто изъ арестованныхъ въ перепискѣ и съ московскими студентами? авось, еще не поздно! да если и поздно, все-таки попытаться предупредить: по крайней мѣрѣ, совѣсть будетъ спокойнѣе. На одной станціи я сталъ писать такую записку: «Господа! многихъ студентовъ въ Харьковѣ арестовали, нѣкоторыхъ везутъ въ Питеръ, въ томъ числѣ и меня. Будьте осторожны, особенно харьковцы, и тѣ, кто близки съ ними,—даже не показывайте вида, что близко знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ харьковцевъ. Бывшій студ. харьк. универ. *Муравскій*» [1]). На вопросъ жандарма я отвѣчалъ, что вспомнилъ одно стихотвореніе, и такъ, отъ нечего дѣлать, пишу; онъ успокоился. Кончивши, я спрашиваю его: прочесть это мнѣ или онъ самъ прочтетъ, если, можетъ быть, сомнѣвается въ чемъ?— «Нѣтъ, зачѣмъ, прочтите сами»,—отвѣчалъ онъ. Я прочелъ что-то; онъ совершенно успокоился и повѣрилъ. Оставалось только положить записку въ карманъ и потомъ въ Москвѣ, встрѣтившись съ какимъ-нибудь студентомъ, бросить ее незамѣтнымъ образомъ съ саней. Нѣтъ же, канальство,—лукавый попуталъ! Онъ такъ ввѣ-

[1]) Передавая записку свою по памяти, Муравскій измѣнилъ ея содержаніе. Въ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія есть точная ея копія. Вотъ она: «Господа, многихъ студентовъ харьковскаго университета арестовали, нѣкоторыхъ везутъ въ Петербургъ, въ томъ числѣ и меня. Будьте осторожны, особенно тѣ изъ васъ, кто переѣхалъ изъ Харькова или былъ близокъ съ кѣмъ-нибудь изъ харьковцевъ».

рился мнѣ, зачѣмъ же я его обманываю? а смѣлая, рыцарская выходка можетъ поощрить его и на будущее время быть хорошимъ человѣкомъ,—и любопытно, знакомо ли жандарму чувство чести? къ тому же записка не опаснаго содержанія, по фамиліи никто не названъ. Если кто изъ москвичей былъ съ нашими въ перепискѣ, все равно будетъ взятъ; цѣль, стало быть, только предупредить объ арестѣ, а не избавить отъ него. Въ силу этихъ соображеній я говорю жандарму просто и откровенно, что записка эта вотъ какая, и что я намѣренъ сдѣлать вотъ что. Ему ничего не стоило просто отнять у меня записку. Вмѣсто этого онъ только сказалъ, что согласиться на это не можетъ, ибо узнаютъ какъ-нибудь и ему достанется, и посовѣтовалъ мнѣ уничтожить ее. Потомъ, минутъ черезъ пять, подумавши,—«а впрочемъ, знаете ли что?» говоритъ,—«дайте вы ее мнѣ, да какъ я ужъ сдамъ васъ въ Москвѣ, надѣну эту шапку, тулупъ, пойду на базаръ за хлѣбомъ, и встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь изъ студентовъ, отдамъ, и никто знать не будетъ». Придумано было умно; я съ минуту поколебался—и ввѣрился его чести, отдалъ. Въ Москвѣ изъ нѣсколькихъ его выраженій замѣтилъ я что-то недоброе, и потому рѣшился помимо записки предупредить студентовъ. Встрѣтившемуся и подошедшему къ намъ какому-то студенту, котораго, какъ и многихъ прохожихъ, жандармы стали спрашивать, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ жандармскій генералъ, я успѣлъ сказать: «предупредите товарищей, чтобъ были осторожны». На послѣднихъ словахъ этой фразы жандармъ *зажалъ мнѣ ротъ своею собственною рукою.* Я его не ударилъ: было бы какъ-то неловко, потому что я баринъ, а онъ не генералъ и не офицеръ, а солдатъ, и не выругалъ: это было бы смѣшно, потому что сердитъ, да не силенъ... братъ. Все-таки, при воспоминаніи объ этомъ у меня нутро переворачивается. Записку представилъ онъ жандармскому генералу. Къ счастью, это обошлось безъ дурныхъ послѣдствій. Изъ московскихъ студентовъ былъ арестованъ одинъ только Юкельзонъ, но не по причинѣ моей записки, а потому, что у Португалова найдено было письмо Юкельзона, въ которомъ говорилось, что будто бы въ Москвѣ литографируются сочиненія Герцена. Это осталось безъ послѣдствій. Затѣмъ я очутился въ Питерѣ. Остальное вамъ извѣстно.

«Мы съ Бекманомъ встрѣтили на желѣзной дорогѣ Левченка. Онъ ѣхалъ безъ жандарма. Я съ трудомъ узналъ его: лицо у него какъ-то запало, щеки ввалились, голосъ былъ сиплый и кашлялъ онъ чахоточно. Когда ихъ нѣсколько человѣкъ ѣхали изъ крѣпости въ III Отдѣленіе, Шимковъ спросилъ его: отчего вы такъ страшно перемѣнились, заболѣли чахоткой?—Оттого, что я женатъ,—отвѣчалъ Левченко. Всѣ трое ѣхали мы до самой Москвы, гдѣ и попрощались. Затѣмъ я проѣхалъ 1400 верстъ, видѣлъ Владиміръ, Нижній, Казань, видѣлъ Волгу, переѣзжалъ Каму, видѣлъ чувашей, черемисовъ, татаръ. На дорогѣ въ Владиміръ встрѣтилъ на нѣсколькихъ подводахъ партію арестантовъ, отправлявшихся

въ Сибирь въ сопровожденіи этапной команды, въ цѣпяхъ, съ дѣтьми и женами. Изъ дороги я вынесъ нѣсколько впечатлѣній, поистинѣ прекрасныхъ... Вездѣ такое вниманіе, радушіе, видимое—не то что участіе, а сочувствіе. Нигдѣ я не былъ между чужими: вездѣ дома, все свои, всѣ знакомы... Вѣжливость переходила иногда въ какое-то почтеніе, даже совѣстно дѣлалось. Скорѣе это былъ рядъ тріумфовъ, нежели путешествіе въ ссылку. И вся причина этому та, что на мнѣ была студенческая шинель и фуражка, на моемъ попутчикѣ жандармскій костюмъ, да подорожная у насъ по казенной надобности. Можетъ быть, впрочемъ, и то было причиною, что по этой самой дорогѣ много проѣхало нашего брата,—стало быть, здѣсь имѣютъ о насъ понятіе; впрочемъ, желѣзная дорога еще болѣе... Во всякомъ случаѣ славное теперь, Петръ Васильевичъ, русское общество! Не знаю, какъ вы ѣхали. Начальство какъ губернское, такъ и уѣздное приняло меня очень хорошо. Стало быть, вы должны отдать преимущество кое въ чемъ Бирску передъ Каргóполемъ [1]).

«Въ настоящее время, какъ я уже писалъ вамъ, я переѣзжаю въ Оренбургъ, и генералъ-губернаторъ Безакъ хочетъ помѣстить меня въ свою канцелярію: это будетъ имѣть и хорошую, и дурную сторону: хорошо потому, что жалованья довольно, дурно потому, что занятій пропасть, и стало быть, большая часть времени должна проходить чортъ знаетъ въ чемъ. Впрочемъ, посмотримъ, что и какъ. Во всякомъ случаѣ, вы видите, что переписываться намъ есть о чемъ. Неизвѣстное намъ и интересное для насъ—такого рода, что о немъ можно свободно писать, а то, о чемъ свободно писать нельзя намъ, или безъ того извѣстно, или же не трудно догадаться по какому-либо намеку. Напишите, какой былъ поводъ къ арестамъ, кто именно былъ арестованъ и какимъ образомъ это все открылось. Опять-таки, напишите, что произошло между вами и Лужинымъ.

«Что еще? все, кажется. О новостяхъ я писалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ. Кланяется вамъ Федоръ Павловскій. Онъ пишетъ, что въ Харьковѣ открыта третья воскресная школа; тамъ 100 человѣкъ. Лапшинъ [2]) преподаетъ общеполезныя свѣдѣнія; на одной его лекціи въ воскресной школѣ показана и объяснена была модель паровой машины и приведена была въ дѣйствіе; на другой—вагонъ въ 1/2 аршина силою паровъ приведенъ былъ въ дѣйствіе и бѣжалъ черезъ весь нижній корридоръ. Средства школы и студентской кассы блистательны.

«*19-го февраля.* Впрочемъ, обо всемъ этомъ вы имѣете непосредственныя извѣстія изъ Харькова.

[1]) Указываемое Муравскимъ сочувствіе общества и средняго ранга администраціи къ политическимъ ссыльнымъ, особенно къ студентамъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія: до полнаго расцвѣта реакціи въ 1866 г. это было гласнымъ заявленіемъ если не своей солидарности, то именно сочувствія.

[2]) Харьковскій профессоръ.

«*6-го марта.* Я началъ это письмо чортъ знаетъ когда. Откладывалъ его на томъ основанiи, что у васъ уже есть мое страховое. Ну-съ, о себѣ прежде, потомъ о прочемъ. Я получилъ разрѣшенiе выѣхать въ Оренбургъ, но не выѣзжаю, по неимѣнiю денегъ. Изъ харьковской студенческой кассы, куда я писалъ о заимообразной высылкѣ мнѣ 50 р. с., получилъ отказъ. Вѣроятно, я останусь въ Бирскѣ. На этотъ случай я подалъ прошенiе о поступленiи въ земскiй судъ (ибо здѣсь жалованье будетъ сносное); опредѣленiя еще не состоялось. Я и не поступалъ бы на службу, если-бъ были здѣсь другiе какiе-либо источники къ существованiю. Сказать еще вамъ о болѣзни, которая заставила меня проситься въ Оренбургъ или въ Уфу. Болѣзнь эта составляетъ очень уважительную причину къ тому, чтобъ позаботиться объ излѣченiи; хотя узнать ее по наружнымъ признакамъ нельзя. Вотъ въ чемъ она проявляется: вздутiе живота, вѣтры, отрыжка, давленiе подъ ложечкой послѣ обѣда, тошнота натощакъ, головокруженiе очень часто, боль въ лѣвомъ боку по временамъ, запоры и поносы, потеря аппетита, во рту скверно. Вѣдь вы тоже нездоровы этой болѣзнью,—а въ уѣздномъ городѣ, все-таки, можно найти меньше медицинскихъ средствъ, нежели въ губернскомъ. Отчего же вы пренебрегаете такъ здоровьемъ—и не проситесь въ Петрозаводскъ. Ну-съ, это мое матерiальное положенiе. Нравственное какъ нельзя лучше. Не таково оно было мѣсяца три тому назадъ. Уѣздная жизнь, чувство одиночества (куда ни оглянешься, вездѣ чиновникъ) навели-было на меня страшную тоску и апатiю. Мнѣ показалось-было даже, что я заснулъ совсѣмъ и ни къ чему не способенъ уже, и проч. Это меня до того обезпокоило, что я написалъ объ этомъ въ ближайшiя мѣста,—въ Казань и Пермь. Ефименко въ отвѣтъ высказалъ мнѣ разныя неутѣшительныя мысли, которыя пришли ему въ голову по поводу моего письма. «Не только жаль,—писалъ онъ,—но и смѣшно будетъ, если мы, едва сдѣлавши первый шагъ въ жизни, споткнемся и падемъ... И стоитъ ли правительству обращать на насъ вниманiе? Гдѣ твердость, стойкость нашихъ убѣжденiй и характера? Да и есть ли у насъ эти убѣжденiя, твердыя, никакими обстоятельствами несокрушимыя? Съ такимъ ли образованiемъ и характеромъ должны быть тѣ, которые выступаютъ на поприще политической дѣятельности?.. Что послѣ этого всѣ наши стремленiя, какъ не необдуманныя вспышки молодости, которыя при первомъ шагѣ въ жизнь, вмѣсто того, чтобъ прилагаться на практикѣ, гаснутъ, какъ ничтожныя искорки... Не имѣютъ ли права надъ нами смѣяться, и жестоко, консерваторы, рутинеры, предержащiя? Какое право мы имѣемъ требовать отъ другихъ убѣжденiй, стойкости, энергiи, когда сами все это на первыхъ же порахъ утрачиваемъ?.. Нѣтъ, братъ, мы еще ничего не сдѣлали достойнаго себя, не выполнили своего назначенiя. Наше дѣло впереди. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю. Право, совѣстно въ настоящее время, когда вездѣ жизнь, дѣятельность кипитъ,—кому же? Намъ! впасть въ нравственную и

умственную спячку! Если настоящее наше не отрадно, то будемъ жить надеждой на лучшее будущее, а не считать себя состарившимися». Португаловъ отвѣчалъ мнѣ, что я вру, что я и не думалъ умирать, что я долженъ жить и долженъ работать потому что принадлежу не себѣ одному, а всѣмъ нашимъ, такъ же, какъ наши всѣ принадлежатъ мнѣ. Указалъ на Казань, на все, что въ ней дѣлается въ послѣднее время хорошаго, что волнуетъ кровь и веселитъ душу, заставлялъ оглянуться кругомъ. Ради многаго, во имя великихъ святыхъ воспоминаній и отношеній онъ умоляетъ «не дѣлать изъ себя Обломова, а быть тѣмъ же...» и проч.

«Оба эти письма, особенно послѣднее, пробили кору, которая здѣсь облѣпила-было меня, и проникли до самаго нутра... Словомъ, я ожилъ, опомнился, образумился. Я увидѣлъ, что я въ самомъ дѣлѣ вру, и что вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ будетъ смѣшно и стыдно, если мы, едва сдѣлавши первый шагъ, споткнемся и падемъ... Затѣмъ, общее дѣло, воскресныя школы и литературныя собранія въ Бирскѣ, надежды на близкую перемѣну даже внѣшняго своего положенія здѣсь,—поддержали хорошее расположеніе духа. Между тѣмъ перемѣна послѣдовала, нельзя сказать, чтобы благопріятная,—но ужъ теперь она со мной ничего не сдѣлаетъ. Я теперь въ такомъ же настроеніи, нравственная природа такъ же возбуждена, мысль, что на меня смотрятъ,—также поддерживаетъ и заставляетъ какія бы ни было шереховатости пропускать мимо ушей, какъ это было въ Петропавловской крѣпости. Я теперь доволенъ собой...—Вы знаете, что переписка необходима. Португаловъ уѣхалъ изъ Казани (онъ кончилъ курсъ и поѣхалъ въ Лубны), съ Зеленскимъ довольно грустная исторія (онъ перешелъ на кондицію къ какому-то полковнику, который не подаетъ ему руки и обходится съ нимъ, какъ съ лакеемъ; это, и сверхъ того, тюремная гордость Зеленскаго вооружили противъ него всѣхъ лучшихъ людей); если у васъ есть о чемъ писать, то вступите въ переписку съ Казанью, сообщайте все: я, по желанію Португалова, давно уже переписываюсь съ студентомъ казанскаго университета Вячеславомъ Авксентьевичемъ Манасеинымъ. Вступите и вы по этому адресу въ сношенія съ Казанью.

«Получилъ, наконецъ, отвѣтъ отъ Ивкова. Онъ въ Вятск. губ., въ городѣ Слободскомъ, служитъ протоколистомъ дворянск. опеки. Адресъ его: Владиміру Васильевичу Ивкову, въ Вятск. губ., въ гор. Слободской. Пишетъ, что въ вагонѣ встрѣтился онъ съ Хлоповымъ, но тотъ «меня не узналъ, —пишетъ Ивковъ,—вѣроятно, вслѣдствіе той причины, что со мной былъ жандармъ». Любопытно-бъ узнать, что за оказія такая?..—Получилъ письмо—знаете отъ кого?.. Отъ Гулевича!!!...[1]). Онъ въ Петербургѣ, занимается частными уроками,

[1]) Михаилъ Семеновичъ Гулевичъ былъ членомъ комитета II Отдѣленія Литературнаго Фонда, потомъ членомъ общества «Земля и Воля»; эмигрировалъ за-границу и въ началѣ 70-хъ годовъ выбросился изъ окна въ припадкѣ нервнаго разстройства.

ходитъ на лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ; работа освѣжаетъ его, и онъ начинаетъ приходить въ себя. Хвалитъ петербургскій университетъ, не одобряетъ московскаго въ теперешнемъ его состояніи и отдаетъ большое преимущество Петербургу передъ Москвою. Въ Петербургѣ не заснешь и не умрешь съ голоду, если есть силы и задатки для работы, тогда какъ въ Москвѣ можетъ случиться и то и другое. Совѣтуетъ мнѣ, какъ только получу возможность возвратиться, ѣхать въ Петербургъ, чтобъ наверстать потерянное, чтобъ парализировать дѣйствіе глуши, промѣнявши ее на шумъ, свѣтъ и дѣятельность.—Левченко и жена его перенесли сильную и опасную болѣзнь; онъ теперь редакторомъ «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Курскѣ тоже есть воскресныя школы, но объ нихъ я пока еще ничего не знаю. Отъ Демченка отвѣта до сихъ поръ нѣтъ. Послалъ ему страховое.

«Кромѣ Гулевича, въ Петербургѣ еще Бѣлозерскій, Рымаренко и Евгеній Ильенко (въ университетѣ). Адресъ Бѣлозерскаго: *Въ Петербургъ, на углу Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка, домъ Жако, № квартиры 36-й, Карпу Ивановичу Бѣлозерскому*. Гулевичу можно адресовать на имя Бѣлозерскаго съ передачей.

«Затѣмъ, *Бирскъ*. Вѣроятно, вамъ уже извѣстно, что на воскресныя школы въ послѣднее время воздвиглось гоненіе: всѣ онѣ едва не были закрыты, насилу ихъ отстояли, но преподаваніе въ нихъ ограничено только закономъ Божіимъ, ариѳметикой и грамотой и учрежденъ за ними строгій надзоръ. Начальству подлежащему, сколько замѣтно, дано подъ рукою знать, чтобъ оно не очень усердствовало въ дѣлѣ открытія школъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, смотритель охладѣлъ къ воскреснымъ школамъ, за нимъ и учителя (исключая одного), такъ что въ школу стало являться не болѣе двухъ-трехъ преподавателей. Наконецъ, по распоряженію начальства, съ новаго года открылось въ Бирскѣ училище для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ въ сельскіе писаря. Туда и перешли всѣ посѣщавшіе школу; такимъ образомъ, она и прекратилась. Литературныя собранія тоже прекратились. Смотритель замѣтилъ одному изъ членовъ, что не слѣдовало бы... вслѣдствіе чего тотъ отказался посѣщать собранія, за нимъ и другой. Съ того времени ихъ нѣтъ и нѣтъ. Теперь въ училищѣ бываютъ только педагогическія собранія учителей, обязательныя по уставу. Литературныя собранія, можетъ быть, опять устроятся, также и воскресныя школы. Смотритель здѣсь человѣкъ довольно сносный,—но онъ иногда дурѣетъ. Такъ и теперь случилось. Его, впрочемъ, можно настраивать, дѣйствуя на самолюбіе, которому, вѣроятно, непріятно, что мысль о литературныхъ собраніяхъ въ училищѣ не удалась. Будемъ надѣяться, что это только временный кризисъ, и что потомъ дѣло какъ съ литературными собраніями, такъ и съ воскресными школами наладится.

«*Уфа*. Тамъ сконфузились передъ Бирскомъ и въ послѣднее время сильно стали хлопотать о воскресной школѣ. Было одно

литературное утро въ пользу ея. Гимназисты соглашаются быть преподавателями; нѣкоторые изъ нихъ обрадовались до остервенѣнія. Кажется, теперь она уже открыта. Одинъ учитель семинаріи предложилъ ректору завести ученическую библіотеку и учредить литературныя чтенія; тотъ непрочь; есть надежда, что и архіерей поддержитъ; говорятъ, онъ порядочный человѣкъ. Открыто женское духовное училище.

«Изъ *Новомосковска* (Екатер. губ.) пишетъ мнѣ Залюбовскій, что онъ намѣренъ дѣятельнымъ образомъ похлопотать объ открытіи воскресной школы и надѣется собрать нѣсколько книгъ для библіотеки Алексѣевскаго равелина.

«Шмулевичъ пишетъ изъ *Кіева*: «У насъ все мерзость, кромѣ Пирогова. Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. За то-жъ ему и достается со всѣхъ сторонъ. Добро бы еще... а то и журналы на него нападаютъ. Наши заказные и оффиціальные либералы хотятъ замарать своими нечистыми рылами. Но это имъ рѣшительно не удастся: Пироговъ готовитъ большую статью въ оправданіе своей служебной дѣятельности, отъ которой ему совѣтовали (конфиденціальнымъ образомъ) освободиться. Университетъ рѣшительно палъ. Павловъ никѣмъ еще не замѣщенъ; Шульгинъ тоже не читаетъ больше; Бунге ректоромъ. Кромѣ того, еще 12 каѳедръ незанятыхъ. Кстати о Павловѣ. Его освободили отъ всевозможныхъ каѳедръ и должностей, и онъ теперь живетъ частнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ. Наши студенты становятся лучше—у насъ еще открылись 4 (кромѣ прежнихъ двухъ) воскресныя школы и 2 женскихъ. Въ нашей подольской школѣ считается до 280 учениковъ, а въ женской подольской 60».

«*Казань*. Отъ 7-го февраля. Въ студентской кассѣ до 2000 запаснаго капитала и около 1500 въ оборотѣ. Положено начало общенію съ академіей. «Между гимназистами,—пишетъ Манасеинъ,—есть нѣкоторыя личности великолѣпныя. Они приносятъ въ наше общество ту свѣжесть, которой, къ сожалѣнію, недостаетъ большей части изъ насъ. Весело глядѣть, какъ смѣло готовы они протянуть свою голову подъ топоръ за всякое доброе дѣло: примѣръ ихъ если не убиваетъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ нашъ скептицизмъ». Профессоръ Щаповъ (Аѳанасій Прокофьевичъ) хочетъ учредить тамъ общество для распространенія грамотности посредствомъ учрежденія сельскихъ школъ, крестьянскихъ даровыхъ библіотекъ, школъ для приготовленія сельскихъ учителей. Лишь бы разрѣшили, а средства найдутся: купцы обѣщали уже свои капиталы; кромѣ того, намѣрены предложить крестьянамъ пожертвовать по 1 или по 2 копейки съ души. Есть надежда, что въ концѣ года откроется частная книжная лавка однимъ студентомъ, оканчивающимъ теперь курсъ. Теперешніе книгопродавцы—Дубровинъ и Мясниковъ—страшная дрянь: первый—мошенникъ, и у него все за тройную цѣну; второй—ханжа, и у него, кромѣ псалтырей и азбукъ, ничего нѣтъ. Эта же лавка заводится не для спекуляціи, а для общаго дѣла. На воскресныя школы гоненія; льются министер-

скіе циркуляры, какъ вода изъ ведра, да еще по высочайшему повелѣнію: не смѣй дѣлать того-то, не учи тому-то, говори такъ-то. Чуть не закрыли мужскую школу за то, что въ ней, противно циркуляру, обучали языкамъ, исторіи, географіи, естествен. наукамъ. Но тамъ рѣшились не уступать. Отправляютъ за общею подписью всѣхъ преподавателей протестъ къ министру. А между тѣмъ, оставивши школу для неграмотныхъ и малограмотныхъ, остальнымъ предметамъ будутъ обучать по домамъ. Какъ бы на зло начальству, ученики наплываютъ да наплываютъ: въ мужской школѣ 584 человѣка на лицо, и болѣе 700 по спискамъ; въ женскихъ 206 учеництъ. Другія же школы, заведенныя не студентами и вполнѣ казенныя, пусты: въ мужской 32 ученика, въ женской ни одной ученицы.

«Тамъ случилась исторія. Филологи рѣшились не слушать профессора Струве, личность скверную. Выслушавъ желаніе студентовъ, Струве пересталъ читать,—но послѣ трехмѣсячнаго молчанія объявилъ, что опять намѣренъ читать, и 13 января на лекцію явилось до 60 человѣкъ, чтобъ объясниться. Тотъ началъ говорить дерзости, и за это былъ освистанъ и выгнанъ. Ректоръ Бутлеровъ потребовалъ имена свиставшихъ. 108 человѣкъ подписалось въ томъ, что при такой дерзости они признаютъ естественность свистка. Ихъ представили къ министру и грозятъ исключеніемъ. «Но что бы ни было,—прибавляетъ М-нъ,—а начатаго дѣла мы не оставимъ».— Отъ 28 февраля. «Немедленныя реформы въ нашемъ университетѣ необходимѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Большинство нашихъ профессоровъ ниже посредственности, библіотека (казенная) въ страшномъ безпорядкѣ, студентскія по неимѣнію средствъ почти ничтожны, клиники ниже всякой критики, лабораторія одна, и она почти исключительно назначена для ректорскихъ лакеевъ (ректоръ въ то же время и профессоръ химіи), кабинеты въ зародышѣ, книжныхъ магазиновъ только два, да и въ тѣхъ ничего нельзя найти. Словомъ, средствъ къ работѣ почти никакихъ, и оттого всѣ наши усилія и направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти возможно бо́льшую свободу занятій (уничтоженіе репетицій, переходныхъ экзаменовъ, обязательнаго слушанія лекцій и т. п.), подобрать болѣе сносныхъ профессоровъ и для того выгнать всю находящуюся дрянь, доставить себѣ право голоса не только въ отношеніи профессорскихъ лекцій, но и въ отношеніи всѣхъ университетскихъ дѣлъ вообще. Разумѣется, все это пока еще только pia desideria, но уже и то хорошо, что цѣль сознана и къ достиженію ея проложена тропа, хотя и небольшая, тѣмъ, что нѣкоторые изъ товарищей уже поплатились за начатое. Дѣло извѣстное, что разъ принесенная жертва изъ простой попытки дѣлаетъ серьезную борьбу. Итакъ, будемъ надѣяться, что труды наши не пропадутъ даромъ. На первый разъ уволили изъ университета 7-хъ: Христофорова, Темникова, Клауса, Олигера, Христова, Умнова и меня» (т. е. Манасеина). Казанскіе студенты, узнавши, что Павловъ лишился мѣста, послали къ нему за общею подписью филологовъ письмо, на которомъ подписались и депутаты остальныхъ факультетовъ, и въ ко-

торомъ убѣдительно просили Павлова ѣхать въ Казань на каѳедру археологіи. «Но на-дняхъ мы получили отвѣтъ, въ которомъ Павловъ отказывается отъ нашего предложенія, но въ то же время говоритъ, что письмо наше онъ сохранитъ какъ лучшую награду за свою дѣятельность, какъ самое дорогое воспоминаніе. Все письмо не болѣе 15 строчекъ, но уже и изъ нихъ видно, что за человѣкъ Платонъ Васильевичъ. Еще одна надежда рухнула, но мы все-таки не отчаиваемся».—«Чтобы покончить съ Казанью, скажу вамъ нѣсколько словъ о воскресныхъ школахъ. Нѣтъ худа безъ добра,— гласитъ мудрая пословица. Министерскіе циркуляры принесли большую пользу школамъ. Рвеніе студентовъ уже начинало остывать, какъ вдругъ давленіе свыше разогрѣло охладѣвшихъ и пришпорило наиболѣе рьяныхъ. Что прежде дѣлалось въ школѣ, теперь будетъ дѣлаться по домамъ. Число учительницъ въ женской воскр. школѣ сильно уменьшилось, но мы, оставшіеся, хотя отъ этого намъ и прибавилось работы, отъ души тому рады. Теперь у насъ сформировалась славная компанія—душа радуется. Для примѣра разскажу вамъ одну сцену. Одинъ изъ 4-хъ надзирателей, приставленныхъ къ нашей школѣ, сдѣлалъ нашей распорядительницѣ Безобразовой замѣчаніе за то, что она дозволяетъ *всякому съ улицы* толковать о порядкахъ школы. «Ужъ если правительство,—отвѣчала она,—не давъ ни копейки на содержаніе школъ, считаетъ себя въ правѣ насъ контролировать, то тѣмъ болѣе имѣютъ это право люди *съ улицы*, какъ вы, г. Клеренбергъ, называете ихъ, забывая, что эти-то люди *съ улицы* и содержатъ школу». Я чуть-было не расцѣловалъ Безобразову. Не плохо идетъ и будничная школа для дѣвочекъ. Всего лучше въ ней то, что ученицы не дичатся учителей, а, напротивъ того, обращаются съ ними, какъ съ равными. Я никогда не забуду минуты, когда мои ученицы, узнавъ, что меня уволили изъ университета, заплакали и бросились цѣловаться.—Не знаю, сообщалъ ли я вамъ адресъ московскаго корреспондента, съ которымъ вы можете вступить въ переписку, если пожелаете. Въ правленіе университета, студенту 4-го курса медиц. факул. Аполлинарію Палладьевичу Покровскому. Это мой учитель и лучшій другъ и въ настоящее время добрый знакомый Португалова».

«Стало быть, и вы, Петръ Васильевичъ, можете вступить въ переписку съ Москвою. Въ Москвѣ между проч. произошла такая оказія. «Извѣстно, что въ петерб. лекціи профессоровъ посѣщаются дамами; примѣру петербургскихъ дамъ захотѣли слѣдовать и московскія. Впрочемъ, можетъ быть, и не одно подражаніе, а мотивы болѣе высокіе поддерживали ихъ—не знаю. Только дѣло въ томъ, что первое начало положили дѣвицы Словутинскія, дочери довольно извѣстнаго беллетриста. Каково же было удивленіе бѣдныхъ дѣвушекъ, когда брата ихъ—студента—призвалъ попечитель Исаковъ, галантерейный генералъ, и, несмотря на прежде данное позволеніе, объявилъ, что уволитъ его изъ университета, если сестры будутъ продолжать ходить на лекціи. Старикъ Словутинскій поѣхалъ-было объясняться, но получилъ въ отвѣтъ, что барышни на лекціи ѣздятъ

для того только, чтобы подразнить студентовъ. Оскорбленный отецъ отправился къ министру съ жалобой. Какова будетъ резолюція, пока неизвѣстно. Не легки же первые шаги русской женщины во всякомъ порядочномъ дѣлѣ. Съ одной стороны сплетни сверстницъ, съ другой—нахальство большинства студентовъ, являющихся на лекціи, чтобы только поглазѣть «на синіе чулки», и въ заключеніе всего дерзости солдатъ, поставленныхъ во главѣ университетской жизни. И мы, казанцы, надѣялись залучить нѣкоторыхъ барынь въ аудиторіи, но, увы, неудачно. Пошлое мнѣніе глупыхъ матушекъ и тетенекъ, кичливо называющееся общественнымъ, парализировало всѣ наши усилія. А между тѣмъ, при здѣшнемъ попечителѣ, кн. Вяземскомъ, дѣло еще можно бы устроить. Ну, да и студенты здѣшніе не были бы на столько нахальны, какъ петербургскіе (см. «Русскій Міръ», №№ 7 и 8).—Въ Казани такихъ «аристократовъ» не водится, или, лучше сказать, они подавлены несравненнымъ большинствомъ демократовъ».

«Начатое 29 января, я окончилъ это письмо 19 марта. Причина этому слѣдующая: письма здѣсь получаются въ воскресенье, почта же отсюда отходитъ въ понедѣльникъ (разъ въ недѣлю). Каждую почту приходится писать нѣсколько отвѣтовъ. Не желая опоздать съ отвѣтами, не терпящими отлагательства, я откладывалъ съ почты на почту письмо къ вамъ, на томъ основаніи, что вы уже получили отъ меня два письма, и потому, можетъ быть, и сами къ присланному уже письму присоедините и другое; кромѣ того, не хотѣлось мнѣ написать къ вамъ какъ-нибудь не полно, хотѣлось писать подробнѣе. Съ этихъ же поръ, когда вы обѣщаете писать, когда установится у насъ аккуратная переписка, и я буду аккуратенъ (а чѣмъ же я и теперь не аккуратенъ?..). Итакъ, вы не будете на меня въ претензіи; кромѣ того, будете писать и мнѣ и другимъ: вы видите, что это необходимо какъ для насъ лично, такъ и по другимъ причинамъ. Переписка для насъ очень важна. Вотъ факты: письма Португалова и Ефименка воскресили изъ мертвыхъ; вы пишете, что послѣ бекмановскаго письма стали веселѣе глядѣть на свѣтъ божій; Бекманъ пишетъ, что мое письмо развеселило духъ его; Левченко пишетъ, что наши письма составляютъ для него одну изъ значительныхъ нравственныхъ поддержекъ; Тищинскій пишетъ: «теперь мы оцѣнили всю важность и благодѣтельность для насъ переписки; письма ждешь отъ товарища какъ не знаю чего,—что же бываетъ по полученіи—нечего и говорить». Я думаю, что намъ слѣдуетъ писать, не дожидаясь отвѣтовъ, а просто, при первомъ свободномъ времени и... при первомъ свободномъ гривенникѣ. Такъ дѣло будетъ чаще, а стало быть и полезнѣе. По крайней мѣрѣ я намѣренъ такъ поступать. Объ этомъ же я и другимъ пишу. Не будемъ поддаваться, чортъ возьми. Если мы будемъ единодушны, если станемъ поддерживать одинъ другого, то никакія мѣры, никакое раскассированіе, никакая ссылка, никакая «провинціальная среда» намъ не страшны. Dixi.—До свиданія.

Весь вашъ *М. Муравскій.*

«P. S. Обстоятельства мои перемѣнились. Въ среду (сегодня воскресенье) я переѣзжаю въ Оренбургъ. Дѣло было такъ. Записку въ студент. кассу я отправилъ на имя Ладовскаго въ половинѣ ноября 1860 г. Не получая отъ него *никакого* отвѣта, я 23 января 1861 г. таковую же записку отправилъ на имя Павловскаго. Во второй половинѣ февраля 1861 г. удостоился, наконецъ, получить отвѣтъ Ладовскаго, который пишетъ, что «въ кассѣ полученъ отказъ». 12 марта получилъ изъ Харькова 60 р. с., письмо изъ дому и отъ Павловскаго. Павловскій пишетъ, что въ кассѣ теперь очень мало денегъ, да и тѣ уже обѣщаны. Родители (нужно вамъ сказать, что они сами теперь очень нуждаются) пишутъ, что Павловскій и его семейство, узнавши, что изъ кассы выслать нельзя, рѣшили, что «не оставаться же ему въ самомъ дѣлѣ изъ-за этого въ Бирскѣ», и просили меня принять посылаемыя деньги отъ нихъ взаймы. Я только могу сказать имъ самое искреннее спасибо.

«Адресуйте мнѣ въ Бирскъ, а если тамъ нѣтъ, то прошу отправить это письмо въ Оренбургъ».

Второе.

Оренбургъ. 10 октября 1861 г.

«Дорогой Петръ Васильевичъ! Ваши коротенькое извѣщеніе и потомъ длинное письмо я получилъ уже въ Оренбургѣ и очень давно. Понимаю, что значитъ ожиданіе отвѣта на такое письмо, понимаю, сколько я виноватъ передъ вами, до того виноватъ, что мнѣ даже совѣстно просить о прощеніи Я долго не отвѣчалъ и вамъ, и другимъ, и ничего не дѣлалъ, потому что здѣсь нахлынула было на меня туча такихъ нравственныхъ и физическихъ обстоятельствъ, которыхъ я никому не желаю, и которыя способны помѣшать хорошему расположенію духа. Но успокойтесь: теперь это все прошло. . . . .

«Отвѣчаю на вашъ вопросъ: вы должны были, по моему мнѣнію, поступить такъ, какъ вы поступили. О поступкѣ Лужина съ вами я слышалъ еще прежде. Изъ вашего письма я увидѣлъ, что этотъ поступокъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ ни щемитъ нутро при этой мысли, но тутъ же цѣлительнымъ бальзамомъ дѣйствуетъ другая мысль, именно—что только гора съ горой не сходится, а съ Лужинымъ-то еще приведетъ Богъ... Но я хотѣлъ бы, чтобъ это привелось не вамъ,—я имѣю очень уважительныя причины, которыхъ вы еще не знаете. Если вы хотите быть со мною хоть сколько-нибудь гуманнымъ, вы непремѣнно согласитесь, что ваши причины передъ моими блѣдны; жаль, что пишу по почтѣ. Объ Оренбургѣ напишу къ вамъ когда-нибудь послѣ. О польскихъ панихидахъ въ Питерѣ, Москвѣ и Кіевѣ, о возстаніи крестьянъ въ Казанской губ., о панихидѣ казанскихъ студентовъ и о прочемъ вы ужъ, вѣрно, знаете,—да и не время писать. Все это ничто въ сравненіи съ послѣднею новостью, съ этимъ первымъ явленіемъ драмы, съ наступившимъ уже наконецъ столь долго ожидаемымъ

настоящимъ дѣломъ, цѣлью: закрытіе петербургскаго университета и послѣдствія этой необдуманной шалости. Въ день закрытія, на площади и улицѣ, передъ квартирою попечителя собрались студенты и толпа народу, тысячъ до 6, требовать объясненія, за что закрыли. Противъ нихъ выслали со всего города жандармовъ и полицію, и павловскій полкъ, всего войска до 6000 — съ заряженными ружьями. Играли сигнальныя трубы, и это возбудило въ инсургентахъ взрывъ восторга, долго не умолкавшіе крики «браво!» и «въ Сибирь, на каторгу за святое и правое дѣло!» Гвардія не хотѣла стрѣлять, офицеры вышли изъ фронта. Въ тотъ день арестовано было до 150 всякаго сословія, а потомъ каждый день еще до 30 человѣкъ. Говорятъ, Адлербергъ и Игнатьевъ писали царю, что столица въ опасности, на что онъ отвѣчалъ: «я надѣюсь на свою гвардію». Мнѣ кажется, что это должно поднять всѣ университеты,—они должны бы вступиться за петербургскій. Можетъ быть, и Питеръ, воспользовавшись, пока желѣзо горячо, приступитъ прямо къ цѣли. Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ объ этихъ происшествіяхъ трубить, разумѣется, и съ нужными комментаріями. Въ Москвѣ арестовано и свезено въ Петропавловскую крѣпость до 20 студентовъ по поводу какихъ-то будто бы литографій... Далѣе, хотѣлъ я поговорить еще о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ.

«Въ наше время для достиженія извѣстной цѣли ограничиваться путемъ медленнымъ, путемъ распространенія образованія не идетъ. Теперь пришло время открытыхъ и недвусмысленныхъ дѣйствій, которыя не окольными путями, а прямо бы хватались за цѣль (таковы: адресы тверского и владимірскаго дворянствъ, польскія панихиды, происшествія въ Казани, особенно же послѣднія происшествія въ Питерѣ). Хорошо бы, если-бъ примѣру тверского и владимірскаго дворянствъ послѣдовали не только дворяне др. губерній, но и другія сословія,—запрудить бы требованіями себѣ реформъ, основанныхъ на самоуправленіи. Посмотримъ, впрочемъ, что вотъ изъ петербургскаго волненія выйдетъ, — можетъ быть, въ почтительныхъ просьбахъ уже и надобности не окажется. Университетамъ слѣдуетъ потребовать, списавшись этакъ, реформъ, основанныхъ на самоуправленіи. Далѣе. Хорошо было бы издавать сборники — вы имѣйте въ виду, что все это приходило въ голову до петербургскихъ событій,—можетъ быть, и надобности не будетъ въ этихъ приготовительныхъ мѣрахъ,—да, такъ хорошо было бы издавать сборники для простого народа, составленные изъ лучшихъ статей, и въ прозѣ, и въ стихахъ, съ популярными объясненіями непонятныхъ мѣстъ. Заниматься такими изданіями можетъ всякій, — потому что 1) статьи такія могутъ найтись вездѣ, 2) объяснять ихъ можетъ каждый, 3) матеріальныхъ издержекъ для этого никакихъ,—только извѣстное количество бумаги, да не полѣниться переписывать. Образованная публика ужъ не нуждается въ подобныхъ вещахъ, начиталась,—а простому-то народу нужно бы. Далѣе. Въ одномъ заграничномъ изданіи была статья Огарева, въ кото-

рой тотъ совѣтуетъ молодымъ людямъ стараться пріобрѣтать мѣста въ военной службѣ. Въ одномъ городѣ есть кружокъ, имѣющій своею спеціальною цѣлью защищать простой народъ отъ нахальства и кулаковъ, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ. Цѣль скромная, но хоть понемногу да пріучаетъ простой народъ къ той мысли, что если есть такіе, которые его угнетаютъ, то и такіе есть, которые готовы защищать его. Нужно бы вездѣ стараться объ этомъ. Такимъ вещамъ, какъ адресъ владимірскаго и тверского дворянства, слѣдуетъ давать какъ можно большій ходъ.

«Затѣмъ, покамѣстъ, прощайте. Не берите съ меня примѣра, Петръ Васильевичъ, и пишите,—лучше меньше, да чаще. Вы говорите, что хотѣли всѣмъ намъ разсказать о своихъ похожденіяхъ: пріятная вещь, чего стоило вамъ разсказывать объ нихъ—и потому напишите мнѣ,—не лучше ли было бы, если-бъ вы удовольствовались только тѣмъ, что мнѣ разсказали,—а ваше письмо я взялъ бы да и разослалъ ко всѣмъ нашимъ? Получивши отъ васъ утвердительный отвѣтъ на этотъ счетъ, я такъ и сдѣлаю. Ефименко переведенъ въ Красноуфимскъ. Адресъ его: Въ Красноуфимскъ (Пермской губ.), такому-то. Мой адресъ: Въ Оренбургъ, такому-то. Еще,—открытыя дѣйствія необходимы и полезны потому, что, хоть они оканчиваются по большей части неудачею, но возбуждаютъ публику. Путь образованія народнаго при этомъ, конечно, тоже долженъ идти,—это ужъ само собою.

«Пишите. Обнимаю васъ, вашъ

М. М-скій».

III.

Прочитавъ оба письма, слѣдственная комиссія князя Голицына 1 сентября 1862 г постановила просить III Отдѣленіе о немедленномъ арестованіи Муравскаго и о доставленіи его въ ея распоряженіе со всѣми бумагами. Дѣло было сдѣлано скоро, совсѣмъ не по-рассейски: 24 сентября Митрофанъ Даниловичъ сидѣлъ уже въ Петропавловкѣ. Осмотръ его бумагъ былъ порученъ члену комиссіи Каменскому, наспеціализировавшемуся въ этомъ по одновременно возникшимъ дѣламъ Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др.

9-го, 10-го и 13-го октября были сдѣланы допросы Завадскому, изъ которыхъ видно, что онъ не отрицалъ факта переписки съ Муравскимъ и С. Н. Пыпинымъ. Что же касается того, какъ онъ понималъ выраженіе Муравскаго — «общее дѣло», Завадскій уклончиво показалъ, что видѣлъ въ немъ общее стремленіе молодежи къ образованію, которое тогда такъ явно обнаруживалось. Разумѣется, комиссія ждала совсѣмъ не такого объясненія... Бумаги Муравскаго ее разочаровали вполнѣ: въ нихъ ровно ничего не нашли, ни строки.

Тѣмъ бо́льшія надежды возлагались на допросъ, который и

былъ данъ 13 октября въ присутствіи членовъ: К. И. Огарева, А. М. Дренякина, П. Н. Слѣпцова и М. Ѳ. Гедды. Послѣ пресловутаго священническаго «увѣщеванія» Муравскій написалъ отвѣты на допросные вопросы.

1. «Митрофанъ Даниловичъ Муравскій; двадцати пяти лѣтъ; исповѣданія греко-россійскаго; на исповѣди и у причастія бываю каждый годъ; изъ моихъ родителей жива мать и находится въ Оренбургѣ [1]); братьевъ и сестеръ нѣтъ; изъ другихъ родственниковъ есть трое дядей (гдѣ они, этого не знаю, потому что сношеній съ ними давно уже не имѣю); воспитывался я въ екатеринославской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, откуда исключенъ за одно объясненіе съ инспекторомъ, не понравившееся университетскому начальству [2]); по выходѣ изъ университета проживалъ я въ Харьковѣ и Кіевѣ, занимался тамъ университетскими лекціями и содержалъ себя частными уроками; въ Оренбургъ я прибылъ въ концѣ марта 1861 г. изъ Бирска и служилъ тамъ въ областномъ правленіи оренбургскими киргизами [3]); службу я оставилъ по болѣзни [4]); до настоящаго моего арестованія былъ подъ слѣдствіемъ въ первой половинѣ 1860 г., по дѣлу харьковскихъ студентовъ; дѣло производилось въ С.-Петербургѣ въ учрежденной императоромъ комиссіи: кончилось тѣмъ, что меня сослали въ Оренбургскую губернію подъ надзоръ полиціи; подъ судомъ не былъ, сосланъ былъ по высочайшей резолюціи.

2. «Кромѣ товарищей по воспитанію и лицъ, съ которыми приходилось мнѣ въ Оренбургской губ. сталкиваться по службѣ, я ни въ какихъ городахъ знакомыхъ не имѣю; переписки, находясь въ Оренбургской губ., ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ родителей, когда они жили въ Харьковѣ, не велъ. Лица, съ которыми я въ Оренб. губ. сталкивался по службѣ, слѣдующія: въ Бирскѣ уѣздный судья г. Нагаткинъ, секретарь уѣзд. суда г. Шаркевичъ, засѣдатели уѣзд. суда г. Волковъ и г. Алкинъ, исправникъ г. Кротовъ, секретарь земскаго суда г. Коноваловъ и др. должностныя лица, какъ въ Бирскѣ, такъ и въ Оренбургѣ, съ которыми никакихъ сношеній, кромѣ службы, я не имѣлъ. Изъ товарищей по воспитанію я знакомъ съ гг. Бекманомъ, Португаловымъ, Завадскимъ, Зеленскимъ и другими, которые въ 1860 г. были арестованы по одному дѣлу со мной, по окончаніи же этого дѣла я съ ними никакихъ сношеній не имѣлъ. Въ перепискѣ со своими товарищами я также не былъ».

На вопросъ по содержанію приведенныхъ двухъ писемъ къ Завадскому Муравскій отвѣчалъ:

[1]) Недвижимой собственности у Муравскихъ не было.
[2]) Въ университетъ поступилъ въ 1854 г., а исключенъ оттуда въ 1858 г.
[3]) Былъ тамъ въ должности писца временнаго стола по управленію внутренною киргизскою ордою, на высшемъ окладѣ.
[4]) Уволенъ 20 апрѣля 1862 г.

«По причинамъ, которыя считаю вполнѣ уважительными и которыхъ нахожу себя обязаннымъ не объяснять комиссіи, на этотъ вопросъ я отвѣчать не намѣренъ»...

Это было уже возмутительно. Комиссія не привыкла слышать такіе отвѣты. Но это было далеко не все...

На другой аналогичный вопросъ Муравскій отвѣтилъ:

«Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ и всѣ ему подобные, честь имѣю объяснить комиссіи слѣдующее. Если комиссія желаетъ знать мои настоящія политическія убѣжденія, то не нахожу нужнымъ скрывать ихъ. Вотъ они: *Въ послѣдніе три года или четыре я пришелъ къ твердому убѣжденію, что отъ русскаго правительства (подъ именемъ котораго я понимаю императора и всѣхъ нынѣ существующихъ властей) подвластныя ему національности не должны ожидать никакихъ существенно полезныхъ преобразованій, такъ какъ правительство не имѣетъ ни способности, ни желанія сдѣлать что-нибудь подобное для народа,—и что единственное средство къ перемѣнѣ существующаго порядка остается, по моему мнѣнію, путь насильственной революціи.* Что же касается до моихъ личныхъ дѣйствій или намѣреній въ духѣ сказанныхъ убѣжденій, до обстоятельствъ, какимъ бы то ни было образомъ относящихся къ этимъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ, то на всѣ касающіеся этого предмета вопросы отвѣчать не намѣренъ и, кромѣ вышесказаннаго, прибавить къ настоящему своему отвѣту, въ объясненіе на упоминаемое въ вопросномъ пунктѣ письмо, ничего не имѣю...»

Комиссія была поражена, какъ никогда! Ни отъ одного арестованнаго и схваченнаго по массѣ одновременно возникшихъ дѣлъ она не слышала ничего подобнаго. Никто не ставилъ такъ открыто рѣзко и опредѣленно своихъ политическихъ убѣжденій... Муравскій представился ей какимъ-то чудовищнымъ разрушителемъ существующаго порядка...

Было рѣшено предложить III Отдѣленію немедленно распорядиться о производствѣ обысковъ у Вячеслава Манасеина въ Казани, Ефименка въ Красноуфимскѣ, Праотцева и Распутина въ Каргополѣ, у Гаршиной, Спасскаго и Воронкова въ Петербургѣ.

30 октября Муравскій написалъ коротенькое письмо матери своей, Аннѣ Демьяновнѣ, въ которомъ увѣдомлялъ о мѣстѣ своего заключенія и о полной неосвѣдомленности о причинѣ ареста. Комиссія задержала письмо, какъ неподлежащее отправленію.

Вскорѣ каргопольскій исправникъ донесъ, что бумаги Праотцева взяты, въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго; у Распутиныхъ ничего не оказалось. Оба они люди скромные и политикой не занимаются. Черезъ нѣсколько дней III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Манасеинъ перевелся въ дерптскій университетъ, а Ефименко переведенъ въ Архангельскую губ., по дѣлу объ открытіи въ Перми рукописи «Посланіе старца Кондратія», составленной, какъ извѣстно, Энгельсономъ въ 1854 г. и тогда же напечатанной въ Лондонѣ. Архангельскій же губернаторъ сообщалъ, въ свою очередь,

что у Ефименка сдѣланъ обыскъ, не давшій никакихъ положительныхъ результатовъ. Самъ же обысканный аттестовывался «держащимъ себя безукоризненно и удаляющимся всякихъ политическихъ разговоровъ».

IV.

У Манасеина нашли зато довольно много. Кромѣ писемъ Муравскаго, тамъ оказались письма Покровскаго, Тринклера, Дроздова, Праотцева, Лебединскаго, Тищинскаго, Португалова, Матвѣева и Рымаренка, въ которыхъ порицались дѣйствія правительства въ 1861 и 1862 гг., затѣмъ тетрадь запрещенныхъ стиховъ и рукописныхъ статей, номера «Колокола», «Полярной звѣзды», «Голосовъ изъ Россіи», «Общаго Вѣча» и др. Приведу письма къ нему Митрофана Даниловича. Они опять-таки полны массы мелкихъ фактовъ изъ общественной жизни Россіи той эпохи и ярко обрисовываютъ самого Муравскаго.

Первое.

Бирскъ. 25-го декабря 1860 г.

«Вячеславъ Авксентьевичъ!

«Мы ужъ знакомы. Надо это знакомство примѣнить къ дѣлу. Потому Вы и читаете теперь мое письмо. По извѣстнымъ причинамъ я нахожу, что... краткость вполнѣ необходима. Я увѣренъ, что, посылая ко мнѣ письма, Вы тоже будете въ этомъ случаѣ соглашаться со мною. Прежде всего порадуйтесь вмѣстѣ со мною,— тому, что у насъ открыты 18-го декабря двѣ воскресныя школы.— мужская и женская. *Разскажу по порядку.*

«*Въ Бирскѣ мысль о воскресной школѣ явилась у учителя здѣшняго уѣзднаго училища Петрова еще въ концѣ апрѣля.* Ее приняли вяло. Май, іюнь и іюль прошли безъ толку. Въ началѣ августа дѣло подвинулось: преподаватели набраны (не безъ нѣкоторыхъ усилій, впрочемъ), все обсуждено, участвующіе сдѣлали даже маленькую складчину въ пользу школы (собрано 4 р. с. и достаточное количество бумаги и перьевъ), положено было открыть школу непремѣнно. Оставалось только набрать учениковъ. Было объ этомъ дѣлѣ разглашено въ городѣ, но безъ успѣха. Рабочаго класса, для котораго-то собственно и заведены воскресныя школы, здѣсь нѣтъ: единственный стекольщикъ, два-три портныхъ и сапожника и столяръ мастеровыхъ не держатъ, а работаютъ сами. Остальные же городскіе мальчики ходятъ въ уѣздное и приходское училища. Увидѣли, что воскресная школа здѣсь возможна только для крестьянскихъ мальчиковъ изъ ближайшихъ деревень. Говорено было и крестьянамъ. Но въ то время была страдная пора; въ будни занимались работами въ полѣ, по воскресеньямъ собирали орѣхи въ лѣсу. Открывать школу, все-таки, было не для кого. Отложено было до зимы. Между тѣмъ и отъ директора гимназіи получено

предписаніе открыть воскресную школу, если это возможно. Тутъ уже и тѣ учителя, на которыхъ до сихъ поръ надежда была слаба, изъявили полную готовность, потому что увидѣли, что и само начальство хочетъ школы. Одинъ здѣшній попъ подалъ довольно хорошую мысль. Дѣло въ томъ, что здѣшній простой народъ къ «батюшкѣ» имѣетъ болѣе довѣрія, нежели къ кому другому, и набожнѣе, нежели въ университетскихъ городахъ. Мысль, поданная попомъ, въ томъ состояла, чтобы привести крестьянъ къ школѣ исподволь и чтобы начали это попы, а не міряне, потому что въ противномъ случаѣ крестьяне посмотрѣли бы на школу, какъ на учрежденіе, заведенное казною, и, слѣдовательно, враждебное народу, съ цѣлью какихъ-нибудь налоговъ, что ли. Священникъ Кассимовскій взялся говорить послѣ утрени поученія крестьянамъ, которые каждое воскресенье пріѣзжаютъ въ городъ на базаръ и бываютъ въ церкви. Въ этихъ поученіяхъ онъ намѣренъ былъ толковать о пользѣ грамотности и потомъ пригласить ихъ современемъ въ училище. Поученія его слушали охотно. Но являлись въ церковь только пожилые люди и по большей части бабы. Обѣщали и дѣтей приводить съ собою, но эти обѣщанія какъ-то не исполнялись. Между тѣмъ штатный смотритель и учителя открыли женское училище; но о немъ послѣ. Когда встрѣтилось столько затрудненій открыть школу въ городѣ, у упомянутаго Петрова (бывшій казанскій студентъ, «изъ вятскихъ», какъ онъ выражается съ гордостью) явилась мысль завести эту школу въ деревнѣ, и именно въ ближайшей изъ нихъ, Кулигѣ (она же и Пономаревка, версты двѣ отъ города), съ тѣмъ, чтобы преподаватели ѣздили туда каждое воскресенье. Кассимовскій съ Петровымъ 17-го декабря, въ субботу, послѣ обѣда поѣхали въ Кулигу. Писарь, съ которымъ предварительно условились, собралъ уже къ тому времени подъ какимъ-то предлогомъ сходку. Кассимовскій тоже пришелъ туда какъ будто случайно и, болтая съ крестьянами, объяснилъ имъ сущность воскресной школы. Они согласились, даже благодарили, и рѣшено было открыть школу на другой же день, т. е. въ воскресенье. Крестьяне обѣщали собраться въ первомъ часу. На другой день преподаватели поѣхали туда на трехъ подводахъ, которыя достали у знакомыхъ. Писарь послалъ оповѣстить крестьянъ, чтобъ собирались съ ребятами въ сельскую расправу, комнаты которой, по собственному мнѣнію крестьянъ, и признаны наиболѣе удобнымъ помѣщеніемъ для школы. Оказалось, что изъ кулижскихъ жителей одни пьяны, другіе отдыхаютъ послѣ обѣда и лѣнь выйти; юношество же кулижское занято гдѣ-то на улицѣ игрою въ бабки. Часамъ къ четыремъ въ сельскую расправу собралось всего около двадцати человѣкъ, и то стариковъ. Примѣтно уже повечерѣло. Тогда Кассимовскій взялъ съ собою сына своего (мальчикъ лѣтъ семи), который тоже пріѣхалъ съ нимъ,—и отправился по деревнѣ. Это возымѣло полный успѣхъ. Сына его знаютъ еще изъ прежнихъ церковныхъ поѣздокъ Кассимовскаго всѣ деревенскіе мальчики, и онъ съ ними большой пріятель. Наученный отцомъ, онъ уговорилъ ихъ идти въ расправу.

Въ концѣ пятаго часа собралось тамъ около шестидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ до двадцати мальчиковъ и шесть дѣвочекъ. Кассимовскій отслужилъ молебенъ, сказалъ небольшое поученіе, и затѣмъ приступили къ грамотѣ. Съ мальчиками занимались въ одной комнатѣ, съ дѣвочками—въ другой. Всѣ остались довольны и разошлись въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

«Болѣе этого писать о школахъ пока еще нечего. Впослѣдствіи, когда виденъ будетъ характеръ школы, я Вамъ напишу. Есть надежда на дальнѣйшіе успѣхи; есть надежда завести воскресныя школы и въ другихъ ближайшихъ деревняхъ. Остановка только за количествомъ преподавателей; но есть надежда, что эта остановка будетъ устранена. Теперь только девять преподавателей, изъ которыхъ на одного надежда очень плоха, другой уѣдетъ изъ Бирска (это—студентъ Поповъ, общій нашъ знакомый), третій — можетъ быть, тоже уѣдетъ.

«Еще о женскомъ училищѣ. О немъ стали хлопотать что-то очень давно. Открыто оно въ сентябрѣ. Занятія бываютъ въ зданіи уѣзднаго училища каждый день по три часа послѣ обѣда, когда съ учениками уѣздн. училища нѣтъ занятій. Платы не полагается съ учеництъ. Училище будетъ содержаться отчасти добровольными пожертвованіями, отчасти пособіями отъ казны. Здѣсь предполагается пройти въ продолженіе трехъ лѣтъ курсъ уѣзднаго училища (математика только будетъ пократче); кромѣ того, будутъ естественныя науки, физика и рукодѣлія. Учениць теперь 32. По большей части дочери чиновниковъ, мѣщанъ, поповъ, есть крестьянки, изъ купеческаго сословія очень мало. Кромѣ трехъ лѣтъ, есть еще годъ приготовительный, — для неграмотныхъ и малограмотныхъ. Поощреній и понужденій нѣтъ.

«Есть еще предположеніе о литературныхъ собраніяхъ и проч. Есть слабая мечта объ обществахъ трезвости. Впрочемъ, слабое съ теченіемъ времени крѣпнетъ. Вообще, для человѣка, могущаго свободно располагать своимъ временемъ, здѣсь было бы не скучно, дѣло нашлось бы: матеріаловъ пропасть. Остановка, и большая, за количествомъ и качествомъ работниковъ. Нельзя ли ее устранить? Можно... Но объ этомъ когда-ниб. потомъ.

«Это Бирскъ.

«Далѣе—*Пермь*. «У насъ,—пишетъ мнѣ оттуда Ефименко, одинъ изъ моихъ товарищей,—открывается нѣсколько воскресныхъ школъ. Въ одной, уже открытой, занимаются гимназисты.—Другую, а если понадобится, и третью, откроютъ вообще ревнители просвѣщенія: учителя семинаріи, уѣздн. училища, чиновники и пр. (учителя гимназіи здѣсь дрянь). Женскую школу хочетъ открыть жена губернатора. Женская гимназія открывается черезъ мѣсяцъ. Семинаристы здѣсь прекраснѣйшій народъ. За два года издаютъ уже восьмой рукописный журналъ, въ которомъ нападаютъ на недостатки семинаріи и семинаристовъ и на причины этихъ недостатковъ. Народъ этотъ пришелъ въ сознаніе и называетъ семинарію прямо помойною ямою. Гимназисты похуже. У нихъ недавно

вышелъ 1-й № перваго рукописнаго ихъ журнала. У тѣхъ и другихъ бываютъ литературныя собранія. На гимназическихъ собраніяхъ бываютъ и семинаристы.—Составляется *общество для распространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній.* На-дняхъ обсуждали проектъ устава (написанъ мной). Было достаточное количество народу; между ними были лица съ властью,—напр., предсѣдатель уголовной и гражданской палаты, прокуроръ, предсѣдатель еще какой-то палаты и проч. На слѣдующемъ собраніи будетъ еще больше. Можно разсчитывать на полный успѣхъ; не знаю только, какъ въ Петербургѣ примутъ. Дѣйствія Общества: заведеніе ремесленной школы въ Перми и Екатеринбургѣ, заведеніе въ губерніи воскресныхъ школъ и библіотекъ, учрежденіе литературныхъ собраній и публичныхъ лекцій, вспомоществованіе молодымъ людямъ, ищущимъ дальнѣйшаго образованія, изданіе газеты и проч. Средства найдутся, богатаго народу довольно, да врядъ ли разрѣшатъ въ Петербургѣ. Можно надѣяться, что не разрѣшатъ, потому что Общества Вернадскаго съ цѣлью заведенія библіотекъ и публичныхъ чтеній по Россіи не разрѣшили же. Какъ только прошеніе и уставъ передадутся губернатору для отсылки въ Петербургъ, подниметея вопросъ объ *обществѣ распространенія трезвости.* Уставъ этого общества составленъ однимъ частнымъ лицомъ еще въ прошломъ году, но въ ходъ не былъ пущенъ; теперь же примемся и за него. А тамъ поговариваютъ объ *обществѣ взаимнаго вспомоществованія,* на манеръ Рочдельскаго. Но это еще впереди; надо прежде одно покончить, а потомъ приниматься за другое, а тамъ за третье и проч.—Пермская школа завела сношенія съ Новостроенскою Кіевскою и съ одною изъ московскихъ воскресныхъ школъ. У первой просила совѣта, какія книги выписать для библіотеки и какой методъ преподаванія употреблять. Вторую просила, чтобы она взяла на себя обязанность покупки и пересылки книгъ на высылаемыя отсюда деньги. Та согласилась. Въ письмѣ, полученномъ здѣшнею школою изъ Новостроенской изъ Кіева, предполагаютъ изданіе особой газеты, которая была бы органомъ всѣхъ воскресныхъ школъ, или, если-бъ это не удалось, то выбрать для этой цѣли одну изъ существующихъ уже газетъ. Таковымъ органомъ и предлагаютъ «Петербургскія Вѣдомости». Но это неудобоисполнимо, потому что не каждая школа имѣетъ «средства получать «Петербургскія Вѣдомости»—цѣна огромная. Другое дѣло, по-моему, «Народное Чтеніе», безъ котораго не можетъ обойтись ни одна школа. Списавшись съ редакторами «Народнаго Чтенія», можно побудить ихъ къ открытію особаго отдѣла для этого предмета».

«Ефименку же слѣдующее пишутъ изъ Дерпта и Кіева.

«*Дерптъ.* «Теперешній кругъ русскихъ студентовъ въ Дерптѣ не многочисленъ (10 человѣкъ); по образованію и развитію здѣшніе русскіе студенты стоятъ гораздо ниже нашего бывшаго кружка. Я даже до сихъ поръ не могу сказать утвердительно, что́ ихъ больше занимаетъ — пиво или наука. Мои теперешніе товарищи

скорѣе соберутся для пирушки, нежели для того, чтобъ поговорить. И вотъ, сколько я уже здѣсь, еще ни одной сходки не прошло безъ того, чтобъ не явилось пиво, а гдѣ пиво, тамъ, конечно, крикъ, шумъ, пѣсни, разгулъ, веселье и проч. Эту же жизнь приходится и мнѣ вести. Русскіе студенты стоятъ къ нѣмецкимъ до сихъ поръ еще въ нехорошихъ отношеніяхъ, т. е. какъ фершиссные [1]). Теперь затѣяли вытребовать себѣ права, но еще ничего неизвѣстно. Мы съ Лебедевымъ» (онъ, т. е. Тищинскій, и Лебедевъ—тоже мои товарищи, посланы въ дерптскій университетъ) «стоимъ въ обществѣ русскихъ студентовъ въ хорошемъ положеніи. По крайней мѣрѣ, около насъ они теперь начинаютъ группироваться; положительно можно сказать, что ни одного дня не проходитъ безъ того, чтобы у насъ кто-нибудь не былъ. У насъ кутятъ, у насъ же рѣшаютъ всѣ бумаги, посылаемыя въ корпораціи. А о корпораціяхъ смотри «Протестъ»: все въ томъ же видѣ, прогресса не послѣдовало. Вотъ еще одно мое теперешнее занятіе. Здѣсь есть школа для дѣвочекъ (русскихъ и чухонокъ). Мы съ Лебедевымъ втерлись въ нее и распространяемъ руссицизмъ, т. е. учимъ русскому языку и русской грамотѣ. И признаюсь, я такъ полюбилъ мое занятіе, что ради этого только было бы непріятно оставить Дерптъ. Нельзя передать, до какой степени пошла́ и однообразна жизнь Дерпта. Кромѣ напитковъ, другого удовольствія нѣтъ, такъ что сдѣлаться пьяницею здѣсь ничего не стоитъ. Хорошъ Дерптъ тѣмъ, что здѣсь каждый русскій непремѣнно сдѣлается патріотомъ: частыя столкновенія съ нѣмцами, насмѣшки и пренебреженіе всего русскаго этому очень способствуютъ. Жаль только, что Дерптъ не даетъ общечеловѣческаго развитія—и поэтому здѣсь выходятъ все квасные патріоты. Это будетъ совершенно понятно, если я добавлю, что остзейскіе нѣмцы—консерваторы. Вся ихъ дѣятельность устремлена на то только, чтобы удержать свои права, но ничуть не на то, чтобы ихъ развить. Отсюда, естественно, происходитъ нелюбовь нѣмцевъ къ русскимъ. Образующіеся же здѣсь русскіе невольно подражаютъ своимъ учителямъ, т. е. нѣмцамъ. Это и причина, что здѣсь фабрика квасныхъ патріотовъ. Остзейскіе нѣмцы до того исключительны, что хотятъ изъ своего края сдѣлать особый міръ, равно замкнутый и отъ вліянія Россіи, и отъ вліянія Германіи. Съ этою цѣлью выписываютъ изъ Германіи профессоровъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, а то все замѣщаютъ своими остзейцами. Черезъ это университетъ падаетъ, и въ настоящее время здѣсь только и хороши, что факультеты медицинскій и кое-какъ—математическій. Юридическій изъ рукъ вонъ плохъ; все вниманіе обращено на изученіе мѣстныхъ правъ да римскаго. Чтобы уберечь университетъ отъ наплыва русскихъ студентовъ,

---

[1]) «*Фершиссные*». Вѣроятно, П. говорилъ Вамъ о протестѣ русск. студентовъ дерптскаго университета противъ поступка нѣмцевъ, и что такое «auf den Ferschiss setzen». Если нѣтъ, напишите,—я напишу Вамъ. (*Прим. Муравскаго*).

недавно послали въ Петербургъ проектъ, что каждый переѣзжающій въ дерптскій университетъ непремѣнно долженъ держать экзаменъ по греческому языку. Выдумка не дурна, тѣмъ болѣе, что древніе языки у насъ не въ ходу; въ здѣшнихъ же гимназіяхъ ихъ только и изучаютъ (французскій дается на произволъ). Мнѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности слѣдить за русскою журналистикой: ни въ одной библіотекѣ, кромѣ нѣмецкихъ, никакихъ другихъ книгъ не найдешь, такъ что здѣсь можно сдѣлаться совершеннымъ невѣждою въ отношеніи русской литературы». — «Мы, кажись, попали не въ университетскій городъ, а просто въ какой-то чухонскій городокъ, въ которомъ для красы выстроенъ университетъ какимъ-то нѣмецкимъ архитекторомъ. А мы, студенты, приносимъ большую пользу тѣмъ, что увеличиваемъ народонаселеніе города и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣшимъ разными выходками почтенную публику. Общечеловѣческое развитіе боится Дерпта, какъ чумы; гелертерство же прилипло какъ банный листъ къ..... Студенчество съ страшнымъ ухарскимъ оттѣнкомъ. Удивительно угловато и дико куралеситъ. Этотъ университетъ такъ же похожъ на германскій, какъ ты на нѣмца. Враждебность нѣмцевъ-студентовъ къ русскимъ замѣчательна; они смотрятъ на насъ, какъ на азіатцевъ, да еще первобытныхъ временъ».

«*Кіевъ*. «Теперь у насъ въ Кіевѣ воскресныхъ школъ: старыхъ (слово вырвано) мужскихъ и одна женская, да на Печерскѣ открыта одна, да еще открывается двѣ. Дѣятельность образованія захватываетъ болѣе пространства. Рвеніе къ образованію въ простомъ народѣ усиливается. Новостроевская школа принуждена перейти во Вторую гимназію, такъ какъ въ прежнемъ помѣщеніи было тѣсно. Студенты намѣреваются дать спектакль и учредить публичныя чтенія въ пользу школъ. Теперь только одно скверно: недостатокъ единства. Нѣкоторыя личности мѣшаютъ этому. Это такъ называемые крикуны. Но, разумѣется, что всѣ желаютъ единства и взаимодѣйствія для усовершенствованія педагогическихъ пріемовъ, для изгнанія всякихъ фанатическихъ самолюбій».

«*Харьковъ*. Въ Харьковѣ двѣ воскресныхъ школы. Отъ 10 часовъ до 11½ преподается чтеніе, письмо, ариѳметика. Отъ 11½ до 12—законъ божій. Отъ 12 до 1 часу—бесѣды по географіи, популярной химіи и о полезныхъ животныхъ. Потомъ ученики расходятся, и начинается совѣтъ преподавателей. Кромѣ того, отъ 8 до 10 часовъ для грамотныхъ преподаются французскій и нѣмецкій языки и рисованіе. Законъ божій слушаютъ всѣ вмѣстѣ, остальные предметы преподаются по группамъ, — по три ученика на каждаго учителя. Всѣхъ учителей болѣе 100, учениковъ болѣе 300, и число ихъ съ каждымъ воскресеньемъ прибавляется. Распорядитель школы избирается на полгода изъ числа преподавателей; у него есть помощникъ. Въ педагогическомъ отношеніи за школою наблюдаетъ профессоръ Лавровскій. Школа есть заведеніе открытое, и каждый изъ постороннихъ посѣтителей имѣетъ право вносить свои замѣчанія въ особенную книгу. Студенты давали спектакль въ

пользу школъ. 20-го ноября студенты открыли третью воскресную школу. Между прочимъ, попечитель университета Левшинъ, у котораго на это спрашивали разрѣшенія, замѣтилъ имъ, что «если они затѣваютъ съ заднею мыслью, то школы ихъ не будетъ».

«Забылъ еще сказать Вамъ, что, по распоряженію начальства, въ Бирскѣ открывается училище для крестьянскихъ дѣтей обоего пола. Мальчиковъ будутъ приготовлять въ сельскіе писаря; дѣвочекъ намѣрены присоединить къ существующему уже здѣсь женскому училищу. Крестьянское училище будетъ содержаться на счетъ крестьянъ, на которыхъ сдѣлана раскладка требуемой суммы. Это послѣднее возбуждаетъ между бѣдными изъ нихъ неудовольствіе, которое служитъ одною изъ причинъ къ затрудненіямъ распространять образованіе между ними.—Желательно было бы, чтобъ и въ другихъ городахъ, особенно университетскихъ, позаботились объ открытіи воскресныхъ школъ не только въ городѣ, но и въ ближайшихъ деревняхъ.

До свиданія. Кланяйтесь...

Вашъ *М. Муравскій...*

«P. S. Можетъ быть, меня переведутъ отсюда въ Оренбургъ.

Адресъ: Въ Оренбургскую губернію, въ Бирскъ, Митрофану Даниловичу Муравскому.

«Извините, что пишу на скверной бумагѣ,—не нашлось другой,—(осмотрите ее внимательнѣе, и Вы сами увидите, что я обязанъ былъ извиниться).

«P. P. S. Сейчасъ между преподавателями была вторая подписка въ пользу воскресныхъ школъ. Собрано около 25 руб. сер. (считая и прежніе 4). Имѣется въ виду, въ случаѣ надобности, пустить въ ходъ эту подписку и въ городскомъ обществѣ».

Второе.

Бирскъ. 20 января 1861 г.

«Насилу-то могу писать по оказіи и поговорить о томъ, о чемъ столько времени хотѣлось поговорить. Посылая ко мнѣ письма по почтѣ, имѣйте въ виду, Вячеславъ Авксентьевичъ, что за мною учрежденъ тайный полицейскій надзоръ и что искусство подрѣзывать печати и пр. въ нашъ вѣкъ усовершенствованій находится въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Очень можетъ быть, что многія письма по лѣни, или по глупости почтоваго начальства и не прочитываются; но неизвѣстно, какія именно письма ускользаютъ отъ этой чести. Если Ваше письмо, можетъ быть, не было прочитано, то легко могло бы случиться и совершенно другое; и тогда увидѣли бы наприм., что Щаповъ профессоръ не вѣрноподданническій, что въ женской школѣ и въ первой мужской направленіе не православно самодержавное. И тогда что? вмѣсто Щапова

прислали бы какого-нибудь Бланка, студентовъ замѣнили бы въ воскресныхъ школахъ монахами или квартальными и т. п.

«О почтовыхъ реформахъ послѣ, теперь же нѣчто о Бирскѣ.

«Занятія въ воскресныхъ школахъ послѣ 18-го декабря были еще раза три. Въ теченіе этого времени число учениковъ колебалось между пятнадцатью и восемью, учениць почти ни одной. Но это неуспѣхъ только кажущійся: дѣло въ томъ, что продолжающіе ходить занимаются съ видимою охотою, о томъ же, почему такъ мало ходитъ, крестьяне говорятъ, что «дѣло это непривычное, прежде никогда этакой учьбы не было,—какъ же его ходить? а вотъ мы на это ученье посмотримъ, попривыкнуть надо, ну, тогда будемъ посылать ребятъ,—отчего не такъ? можно». Слѣдовательно, какъ бы ни было, какъ бы ни острили здѣшніе *критиканы* (какъ выражаются бирскія дамы), школы все-таки будутъ и будутъ. Пока занимаемся обученіемъ грамотѣ и нѣкоторыхъ (разбирающихъ уже слова) письму. Естественнымъ какъ-то образомъ, на самомъ опытѣ, вошло у насъ въ употребленіе соединять методъ синтетическій съ аналитическимъ. Но вотъ что нѣсколько дурно: преподаватели не совсѣмъ аккуратно посѣщаютъ школу. Все-таки, имѣйте въ виду, что здѣсь подобныя предпріятія только что начались. Въ Бирскѣ общее дѣло находится теперь, такъ сказать, въ героическомъ еще періодѣ своего существованія; все это еще не окрѣпло, колеблется, дѣлаетъ промахи. Но за началомъ дѣла слѣдуетъ его дальнѣйшій и болѣе успѣшный ходъ, за героическимъ періодомъ—болѣе разумная гражданская жизнь. Въ этомъ отношеніи подаютъ большую надежду начавшіяся здѣсь литературныя собранія; сколько можно предвидѣть, они будутъ имѣть хорошее вліяніе на бирскую либеральную партію, т. е. на тѣхъ, которые участвуютъ въ воскресныхъ школахъ, какъ-то: весь училищный штатъ и двое молодыхъ людей изъ купцовъ. Но объ этихъ собраніяхъ послѣ. Есть въ этой партіи и православно-вѣрноподданническіе элементы: это по преимуществу священникъ Кассимовскій (герой 18-го декабря). Къ счастію, онъ человѣкъ глупый, и ему, какъ говорится, словесности богъ не далъ, такъ что для воскресныхъ школъ онъ безвреденъ; кромѣ того, имя «батюшки» и добродушный нравъ его располагаютъ къ нему крестьянъ, а это очень и очень важно, особенно когда имѣются намѣренія завести воскресныя школы и по другимъ деревнямъ,—слѣдоват., онъ даже полезенъ. Литературныя собранія начались двѣ недѣли тому назадъ. Они бываютъ въ училищной залѣ, были уже два раза. До сихъ поръ были собранія только училищнаго штата (для краткости я буду называть училищнымъ кружкомъ не только учителей, но и ихъ короткихъ знакомыхъ, какъ-то: тѣ два купца и пишущій это письмо). По словамъ смотрителя, и городская публика изъявляетъ желаніе посѣщать эти собранія; потому положено было назначить ихъ два раза въ недѣлю: одинъ разъ частныя собранія (одного только училищн. кружка), другой—общія или собранія и остальной публики. Дѣло до того новое и до того опасно, чтобъ публика не охладѣла, до того сильна необходимость «зама-

нивать господъ», что собранія эти устраиваются безплатно. Общія собранія начнутся, вѣроятно, черезъ недѣлю; до сихъ поръ мѣшала имъ ярмарка и другія общественныя событія (святки, вечера и проч.). На первыхъ порахъ литературныя бесѣды идутъ здѣсь довольно туго. Онѣ нѣсколько различаются отъ литературныхъ бесѣдъ въ университетѣ. Я помню, что на нашихъ литературныхъ собраніяхъ (въ Харьковѣ и Кіевѣ) не мало случалось безтолковщины, особенно на первыхъ порахъ; отчасти это происходило оттого, что каждый спѣшилъ поскорѣе высказаться, говорилъ много и горячо, шумъ подымался страшный. Бирскихъ же литерат. собраній нельзя упрекнуть въ этомъ; здѣсь иногда бываютъ антракты, каждый придумываетъ, что ему сказать. Недавно былъ споръ—и знаете ли о чемъ? о томъ, что̀ лучше—деспотизмъ или свобода для государства и гдѣ лучше—въ Англіи или въ Россіи, и спорили не въ видѣ шутки, а серьезно. Младенчество самое первобытное! Двое отстаивали свободу и Англію, около пяти были противъ этого, остальные четверо хотя не молчали, даже говорили довольно, но обнаружили такую непривычку къ подобнымъ бесѣдамъ, такую катавасію въ головѣ, что я положительно отказываюсь рѣшить, что они одобряютъ: деспотизмъ и Россію, или свободу и Англію. Впрочемъ, Вы не подумайте чего-нибудь дурного: эти мнѣнія о пользѣ деспотизма имѣютъ чисто теоретическое значеніе, никакъ не больше. Вовсе нельзя назвать деспотизмомъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ училищѣ, ласковое обращеніе съ учениками, усердную довольно заботливость о распространеніи между учениками охоты къ разнымъ теперешнимъ предпріятіямъ и желаніе заводить ихъ и здѣсь. Младенческая же незрѣлость ничего не значитъ; нѣтъ такой зрѣлости, которая когда бы то ни было не имѣла этого періода. Въ литературныя бесѣды имѣетъ быть внесенъ искандеровскій элементъ: мнѣ удалось достать въ Уфѣ нѣкоторыя его статьи.

«Итакъ, вотъ что уже *дѣлается* въ Бирскѣ. Въ ближайшей перспективѣ имѣются воскресныя школы въ остальныхъ трехъ деревняхъ и учрежденіе литерат. бесѣдъ между учениками уѣздн. училища; въ болѣе отдаленной—общества трезвости между крестьянами, популярныя бесѣды по географіи, естественнымъ наукамъ и русской исторіи въ воскресныхъ школахъ, публичныя лекціи; разумѣется, все это пока еще предположенія и гаданія.

«Послѣ Вашего письма я получилъ извѣстія изъ Дерпта, Перми и Харькова. О первыхъ двухъ ничего не пишу, потому что съ ними Казань въ перепискѣ (впрочемъ, насчетъ Дерпта навѣрное не знаю; если Вы съ нимъ не имѣете сношеній, то напишите—я къ Вашимъ услугамъ). Въ Харьковѣ четыре воскресныхъ школы: три мужскихъ и одна женская. Во всѣхъ мужскихъ школахъ занимаются студенты и гимназисты; преподавателей менѣе 150, учениковъ болѣе 370. Занятія идутъ отъ 8 часовъ утра до часу. Предметы преподаванія: грамотность, ариѳметика, законъ божій (на него, впрочемъ, полагается только полчаса), популярныя бесѣды по географіи, химіи, о полезныхъ животныхъ, народная медицина, рисованіе и языки фран-

цузскій и нѣмецкій. Эти бесѣды, между прочимъ, идутъ довольно плохо: напр., за естественныя науки брались словесники и по недостатку свѣдѣній сообщали народу ложныя понятія: такъ, одинъ изъ преподавателей сказалъ, что землетрясеніе происходитъ отъ какихъ-то *сухихъ жилъ*; въ числѣ преподавателей химіи былъ одинъ студентъ 1-го курса медицинскаго факультета,—слѣдовательно, отъ него и ожидать нельзя было, чтобы онъ зналъ химію настолько, чтобы знакомить съ нею народъ. Прочія бесѣды идутъ кое-какъ. Преподаваніе языковъ явилось вслѣдствіе потребности въ этомъ учащихся: такъ, ученики уѣзднаго училища являются въ школу для того только, чтобы учиться языкамъ и слушать общеполезныя свѣдѣнія; учиться языкамъ изъявили желаніе также многіе приказчики, солдаты и ученики духовнаго училища. Нельзя было отказать имъ, несмотря на то, что сначала преподаваніе языковъ не имѣлось въ виду: преподаватели хотятъ дать школамъ такое положеніе, чтобы народъ находилъ тамъ удовлетворяющіе отвѣты на всѣ свои вопросы. Недавно въ школу пришли пять купцовъ, чтобы спросить: одно или два горла у человѣка; въ отвѣтъ на это имъ была показана модель и объяснена. Третью мужскую школу открыли студенты, недовольные порядкомъ управленія въ первыхъ двухъ. Дѣлами школы завѣдываетъ тамъ не распорядитель, какъ въ остальныхъ двухъ, а особый совѣтъ, который состоитъ изъ одиннадцати человѣкъ и смѣняется черезъ каждые два мѣсяца. Одинъ изъ членовъ совѣта взялъ на себя обязанность казначея, другой—секретаря, третій взялся записывать учениковъ и раздѣлять ихъ по группамъ. Школа помѣщается въ университетѣ. Средства ея сначала были очень скудны, такъ что преподаватели обложили себя податью по 50 коп. съ человѣка; кромѣ того, разыграли въ лотерею «Revue de deux mondes», принадлежавшее литературному обществу. Такимъ образомъ составилось нѣсколько рублей. Теперь средства школы весьма удовлетворительны. Профессоръ-наблюдатель Лапшинъ (читаетъ физику) предоставилъ въ ея распоряженіе университетскій физическій кабинетъ; кромѣ того, по добровольной подпискѣ собрано до 200 руб. сер. Вообще надобно отдать справедливость Лапшину: онъ съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ на себя обязанность наблюдателя и очень усердно исполнялъ ее. Онъ собралъ самъ до 150 руб., и при его посредствѣ одинъ господинъ пожертвовалъ туда очень хорошій глобусъ. Лапшинъ также взялся читать общеполезныя свѣдѣнія, и первыя двѣ лекціи его произвели эффектъ: на первой была показана большая модель паровой машины и приведена въ дѣйствіе; на второй—вагонъ (въ 1/2 аршина) дѣйствіемъ паровъ бѣжалъ черезъ весь нижній корридоръ. Впрочемъ, слишкомъ хвалиться пока нечѣмъ, потому что многіе смотрятъ на школу очень легко.—Въ женской воскресной школѣ, открытой не такъ давно, участвуютъ жена помощника попечителя Фойгта (онъ былъ когда-то у васъ въ Казани) въ качествѣ попечительницы школы и классныя дамы изъ института. Эта школа—заведеніе закрытое: входъ постороннимъ дозволяется только по

рекомендаціи попечительницы и преподавательницъ. Женской школѣ хвалиться очень сомнительно. «Вообще,—пишетъ желчный корреспондентъ,—въ отношеніи къ женскому образованію Бирскъ чуть ли не выше Харькова. Правда, есть у насъ женская гимназія (открыты первые три класса), но порядка въ ней не одобряютъ, и, кромѣ того, цѣна слишкомъ высока: 50 руб. сер. съ каждой ученицы, которая желаетъ заниматься науками, искусствами и языками, а безъ послѣднихъ двухъ 25. Тогда какъ въ Полтавѣ учителя обязались 7 лѣтъ преподавать безплатно, и за что у насъ 50, тамъ назначено 10 руб. сер.».—Въ Харьковѣ было два литературныхъ вечера. На первомъ Каченовскій (профес. общенароднаго права, молодой человѣкъ, пользуется у студентовъ популярностью; въ «Рус. Словѣ» за 60-й годъ, кажется, въ апрѣльской книгѣ напечатана его лекція, читанная имъ по возвращеніи въ 59-мъ году изъ-за-границы, куда его посылали на полтора года) заслужилъ рукоплесканія, читалъ свои путевыя замѣтки. Собрано 223 руб., которые и розданы бѣднымъ студентамъ. Кромѣ того, Лапшинъ пожертвовалъ 100 руб. и будетъ вносить по стольку же ежегодно, съ тѣмъ, чтобъ они были выдаваемы, какъ стипендіи, двумъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Сборъ за второй литературный вечеръ назначенъ въ пользу общества приготовленія молодыхъ людей въ университетъ. — Было два спектакля. Директоръ театра не согласился дать театральное зданіе, потому спектакль былъ въ залѣ дворянскаго собранія; студенты сами нарисовали занавѣсъ (представляющій видъ Харькова) и декораціи; оркестръ также состоялъ изъ студентовъ. Были даны—«Ревизоръ», «Кумъ мирошныкъ», а на второмъ спектаклѣ—«Не сошлись характерами», «Москаль - Чаривныкъ» и «Новички въ любви». Играли весьма удовлетворительно. Несмотря на высокую цѣну (кресла, напр., 1-го ряда 5 р. сер.), въ оба раза зала была полна, нѣкоторые даже стояли. Издержекъ было до 450 руб., зато и сборъ хорошъ. Предполагается въ скоромъ времени третій спектакль въ пользу кассы бѣдныхъ студентовъ и студентской библіотеки, которая скоро откроется.—Левшинъ запретилъ заниматься въ воскресныхъ школахъ тѣмъ изъ студентовъ, которыхъ возили въ Питеръ [1]). Но, разумѣется, этимъ царь мало выигрываетъ, потому что въ наше время нѣтъ ни одного вѣрноподданническаго студента.

«Перехожу опять къ Бирску. Общество здѣшнее—дрянь; направленія своего уже не перемѣнитъ. Если и можно будетъ подвинуть его на что-нибудь хорошее (а эта возможность предстоитъ въ то время, когда получатъ ходъ общія лит. собранія), то не иначе, какъ задѣвши его самолюбіе, желаніе броситься въ глаза начальству и т. п. Въ статьѣ, посланной о здѣшн. воскресн. школ. въ «Петербургскія Вѣдомости», Петровъ очень расхвалилъ попа Кассимовскаго; но это сдѣлано единственно только для того, чтобы поощрить его къ дальнѣйшимъ хлопотамъ объ открытіи школъ. Молодыхъ людей, кромѣ нѣсколькихъ моихъ товарищей по службѣ

1) Т. е. на слѣдствіе, въ 1860 г.

(приказныхъ уѣзднаго суда), почти никого. Зато-жъ здѣсь ничего не стоитъ имѣть непосредственныя сношенія съ сельскимъ сословіемъ; кромѣ того, можно позаботиться съ пользою объ ученикахъ уѣзднаго училища, которые потомъ дѣлаются здѣшними купцами-чиновниками средняго разбора,—словомъ, входятъ въ составъ здѣшней публики и составляютъ довольно значительную ея часть. Слѣдовательно, они потомъ въ самой публикѣ могли бы составить самую преданную къ порядочному дѣлу часть ея. Впереди всѣхъ приходится стоять училищному кружку. Между ними и не безъ хорошихъ людей, да дѣло въ томъ, что порядочные лю·и здѣсь непремѣнно съ какимъ-нибудь изъяномъ: или онъ по постамъ не ѣстъ скоромнаго, или вмѣсто лит. собранія иной разъ придетъ человѣку охота пойти куда-нибудь сѣсть за преферансикъ, или доказывать, что государственнаго зла въ Англіи больше, нежели въ Россіи. Большинство этого кружка подаетъ хорошія надежды, если оно будетъ имѣть постоянную нравственную поддержку. Есть двѣ-три личности крайне пошлыя, но онѣ безвредны, потому что боятся смотрителя (отецъ студ. Попова), а онъ человѣкъ довольно сносный. Я выѣду въ Оренбургъ недѣли, можетъ быть, черезъ три, и въ такомъ случаѣ прошу Васъ вступить въ переписку съ Петровымъ; онъ человѣкъ очень порядочный, и эта переписка будетъ очень полезна для здѣшняго уѣзда. Адресъ: учителю уѣзднаго училища Константину Петровичу Петрову. Вашъ адресъ онъ уже знаетъ.

«Объ Оренбургѣ я слышалъ много хорошаго; тамъ есть много людей образованныхъ, тамъ получается «Колоколъ»; но, должно быть, тамошняя публика спитъ,—нѣтъ до сихъ поръ ни одной даже воскресной школы. Тамъ, между прочимъ, пропасть войска и кадетскій корпусъ. Имѣя въ виду, что престолъ держится только войскомъ, въ нашемъ тайномъ обществѣ поговаривали иногда, что слѣдуетъ покороче сблизиться съ военнымъ сословіемъ, для этого не худо бы даже кой-кому изъ насъ поступить потомъ въ военную службу. Не знаю, насколько эти мечты удадутся въ Оренбургѣ. Поживши нѣсколько времени въ уѣздномъ городкѣ, особенно въ такомъ, изъ котораго хоть три года скачи, то ни до какого университета не доскачешь, можно очень хорошо увидѣть, что большую роль въ дѣлѣ нашего развитія должны играть уѣздные учителя и попы. Образованнѣе уѣздныхъ учителей нѣтъ никого въ цѣломъ уѣздѣ, и они воспитываютъ все подрастающее уѣздное поколѣніе. Попы имѣютъ постоянныя и непосредственныя сношенія съ крестьянами и могли бы оказывать на нихъ очень благодѣтельное вліяніе. Продолжать въ уѣздахъ университетское дѣло, кромѣ уѣздныхъ учителей и поповъ, некому. Потому желательно было бы, чтобы направленіе тѣхъ и другихъ было тоже университетское. А такъ какъ они по большей части берутся изъ губернск. гимназій и семинарій, то желательно было бы, чтобы въ тѣхъ и другихъ было это направленіе. Кромѣ того, въ здѣшнемъ краю Россіи могла бы принадлежать честь распространенія цивилизаціи между инородцами, а для этого прежде всего необходимо

избавить ихъ отъ религій, которыя мѣшаютъ этому, т. е. распространить между ними христіанство. Хорошо было бы дать этой мысли особенный ходъ въ казанской семинаріи и духовной академіи. Обломово-нравные миссіонеры и полупьяные попы мало объ этомъ заботятся. Хорошо было бы университету сблизиться съ семинаріею и академіею, какъ онъ сблизился съ обѣими гимназіями, завести тамъ кружки: опытъ Харькова, Кіева и Казани показалъ, какихъ великолѣпныхъ результатовъ можно этимъ достигнуть.

«Издается ли у васъ студентскій рукописный журналъ? и есть ли студентская касса? Нельзя ли то и другое завести въ гимназіяхъ, семинаріи и академіи? Нельзя ли въ воскресныхъ школахъ преподавать русскую исторію? идеи Щапова какъ были бы симпатичны народу! Нельзя ли завести городскія литературныя собранія? начавши съ этого, можно было бы хотя бы исподволь заняться и тѣмъ, что дѣлается теперь въ Перми,—общество для распространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній, общество для распространенія трезвости, общество взаимнаго вспомоществованія, общій столъ, коммерческое общество на паяхъ съ цѣлью удешевленія предметовъ жизненной потребности.

«Сношенія чрезвычайно необходимы; почты не всегда для этого удобны. Мнѣ какъ-то пришло въ голову, нельзя ли помимо казенныхъ почтъ устроить собственныя. Я объ этомъ разговорился со студентомъ Поповымъ; онъ, хоть и шутя, безъ всякой серьезной цѣли, но высказалъ превосходную мысль. Надобно почталіоновъ привлечь въ воскресныя школы, гдѣ очень удобно будетъ заслужить ихъ преданность къ студентамъ и готовность развозить нужныя письма и пакеты; или употребить какія-нибудь интриги, чтобы замѣстить въ почталіоны тѣхъ изъ простого народа, кто получилъ образованіе въ воскресныхъ школахъ. Въ почталіоны же имѣетъ право поступать всякій (я объ этомъ нарочно справлялся). Разумѣется, всѣ университетскіе люди тогда посылали бы письма не черезъ оффиціальную почту,—слѣдовательно, плата за пересылку оставалась бы у почталіоновъ, слѣдовательно, можно было бы обезпечить ихъ въ жалованьи. Если бы это устроилось, тогда по истинѣ наши университеты были бы status in statu. Нельзя ли будетъ пообсудить эту мысль? Пока наши сношенія будутъ совершаться черезъ казенную почту, позвольте Вамъ предложить слѣдующую азбуку, къ которой, мнѣ кажется, можно было бы прибѣгать въ необходимыхъ случаяхъ. Впрочемъ, извините, я спѣшу и не имѣю времени изложить ее. Я пришлю ее Вамъ, если не случится оказіи, по почтѣ, и именно такъ: этой азбукой я напишу общеизвѣстное, хотя и запрещенное стихотвореніе Пушкина «Декабристамъ»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье и пр.

«Зная это стихотвореніе, Вы его прочтете, и такимъ образомъ узнаете и самую азбуку; недостающія буквы я напишу отдѣльно,—

это не бѣда. Устройство ея, какъ Вы увидите, очень просто. Эта азбука пригодится и для переписки съ Петровымъ: она ему извѣстна.

«Ефименко пишетъ мнѣ, что Левченко писалъ ему о томъ, что Петрашевскій посаженъ въ острогъ, о новыхъ подлостяхъ славнаго нѣкогда Бакунина и пр. Онъ не пишетъ подробнѣе, думая, что обо всемъ этомъ мнѣ уже писали изъ Казани. Что это такое? Португаловъ тоже не пишетъ, что именно дѣлается въ Костромѣ; не извѣстно ли это Вамъ?

«О сборѣ книгъ въ библіотеку Алексѣевскаго равелина я постараюсь похлопотать въ Уфѣ и Оренбургѣ; кромѣ того, напишу въ Екатеринодаръ, въ Новомосковскъ (Екатеринославск. губ.), въ Херсонъ, Курскъ, Вологду, Вятку. Каргополь (Олонецк. губ.). Со всѣми этими городами (кромѣ Херсона, куда я напишу еще въ первый разъ, Вятки и Олонецкой губ. [1]), куда я послалъ письма очень давно и до сихъ поръ не получилъ отвѣта; теперь пошлю страховыя) я веду переписку: тамъ мои товарищи; кромѣ, того послалъ письмо въ Кіевъ и веду переписку съ Дерптомъ и Харьковомъ. Португаловъ въ своемъ письмѣ вычислилъ слѣдующія фамиліи: «Макавѣевъ, Манасеинъ, Протопоповъ, Кипиченко, Христофоровъ, Олигеръ, Клаузы, Петровы, Песковъ, Кострицынъ, Пѣшковъ, Княгиницкій и многіе другіе; гимназисты—Александровъ, Нехотяевъ, Сабунаевъ». Кланяйтесь всѣмъ; впрочемъ, въ этомъ поклонѣ нѣтъ надобности, потому что, вѣроятно, мое письмо относится къ нимъ настолько же, какъ и къ Вамъ. Попросите гимназистовъ, если это не составитъ хлопотъ очень большихъ, сообщить мнѣ статью Португалова о нашемъ кружкѣ, читанную имъ на послѣднемъ у него собраніи и посвященную гимназистамъ. Пришлите сюда побольше запрещенныхъ сочиненій. Все это потрудитесь передать Попову,— онъ отправитъ по оказіи, если таковой Вамъ не представится. У меня теперь есть слѣдующія сочиненія. *Стихотворенія:* «Русскому народу», «Русскому царю», «Ночь», «Впередъ безъ страха и сомнѣнья», «Вѣчевой колоколъ», «Царь нашъ нѣмецъ прусскій», «Кнутъ» (Тургенева), «Четыре націи», «Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ», «Чадаеву», «Декабристамъ и отвѣтъ ихъ», «Три пѣсни крымскихъ солдатъ», «Перестала Русь храбриться», «На смерть Оленина», «Когда нашъ Новгородъ великій» (Михайлова), «Не жди, чтобъ зацвѣла страна», «Двуглавый орелъ», «Русскій пѣвецъ», «Арестантъ», «Пророчество», «Царь Никита» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. *Проза:* «Составъ русскаго общества», «Письмо Герцена къ Александру, къ его женѣ», «Анонимное письмо Герцену и отвѣтъ на него», «Путешествіе вдовствующей императрицы», «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю», «Русскому дворянству, послѣднее слово».— Въ Оренбургѣ я, разумѣется, найду кое-что, но главнымъ образомъ такія сочиненія нужны для здѣшняго училищнаго кружка.—Кстати,— нельзя ли позаботиться въ Казани о литографированіи этихъ сочиненій?

[1]) Завадскому.

«Затѣмъ до свиданія. Искренно желаю Вамъ, любезные товарищи, всего хорошаго.

Вашъ *М. Муравскій*».

Третье.

Бирскъ, 19 февраля (1861 г.).

«Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй...
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней...»
Языковъ.

«Да цвѣтетъ же Казань!»
Португаловъ.

«Я не отвѣчалъ на Ваше письмо съ первою почтою, потому что опоздалъ: пропасть накопилось отвѣтовъ, я всѣ ихъ написалъ, понесъ на почту, но тамъ уже ихъ не приняли. Пришлось отложить до слѣд. почты, т. е. опоздать на цѣлую недѣлю. Но къ дѣлу.

«Вотъ онъ, кризисъ-то! Куда ни оглянешься, вездѣ надвигаются тучи. Харьковскій университетъ падаетъ, кіевскій лишается нѣкоторыхъ своихъ опоръ, воскресныя школы преслѣдуются, Казань готова потерять многихъ изъ 108, въ Перми дѣла разстраиваются, а у насъ въ Бирскѣ въ настоящее время—сущая дрянь! Этакъ можно бы и въ дурное расположеніе духа придти, но—но «ны такый страшный вовкъ, якъ ёгó малюють», «изъ каждаго положенія», какъ говоритъ Г., «есть выходъ», зло такъ же непостоянно, какъ и добро,—то и другое перемежается, гоненія же имѣютъ положительно хорошую сторону, потому что ведутъ къ ускоренію развязки. Вотъ почему не смущаешься, когда свѣтъ представляется иной разъ не бѣлымъ, а сѣрымъ.

«*Бирскъ.* Смотритель, неизвѣстно почему, въ послѣднее время охладѣлъ къ воскресной школѣ; за нимъ и учителя, такъ что въ школу стало являться не болѣе двухъ-трехъ преподавателей. Въ этомъ году открылось въ Бирскѣ училище для приготовленія крестьянскихъ мальчишекъ въ сельскіе писаря: въ это училище и перешли всѣ посѣщавшіе воскресную школу, такъ что она прекратилась. Преподавателемъ въ этомъ училищѣ—Кассимовскій!—«Впрочемъ, можетъ быть, откроются воскресныя школы по другимъ деревнямъ; а, можетъ быть, теперь удастся завести школу въ самомъ городѣ. Петровъ хочетъ похлопотать. Общихъ литературныхъ собраній до сихъ поръ не было, есть надежда, что и не будетъ, потому что и частныя прекратились. Теперь существуютъ только собранія педагогическія,—собранія, по уставу обязательныя для каждаго училища. Гнили обнаружилось достаточно. Впрочемъ, зло, нельзя сказать, чтобъ неизлѣчимое. Разумѣется, самое скорое, удобное и вѣрное средство—замѣна теперешнихъ членовъ училищ-

наго кружка болѣе новыми и университетскими; цѣль можетъ быть достигнута и безъ этого, но не скоро и трудно: работа нужна непрерывная, долгая, микроскопическая, да еще такъ, что нѣсколько разъ придется ее вновь начинать. Много хорошаго можно было бы сдѣлать тутъ посредствомъ оффиціальной власти. А вся заслуга здѣшняго смотрителя состоитъ только въ томъ, что онъ—человѣкъ сносный, т. е., если онъ и дурѣетъ, то не непрерывно, а періодически; кромѣ того, его можно настраивать. А будь здѣшній смотритель человѣкъ вполнѣ порядочный, учителя далеко не съ такою откровенностью и не такъ часто обнаруживали бы самихъ себя, старались бы хоть казаться порядочными людьми,—и то было бы полезно. Но вообще дѣло не очень безнадежно. Времена кризиса бывали здѣсь и прежде, и проходили, и этотъ пройдетъ».

«*Уфа*. Тамъ сконфузились передъ Бирскомъ, и потому сильно хлопочутъ о воскресной школѣ; было уже одно литературное утро въ пользу ея. Гимназисты соглашаются быть преподавателями; нѣкоторые изъ нихъ обрадовались до остервенѣнія. Одинъ учитель семинаріи (Кассимовскій, братъ бирскаго попа и товарищъ по академіи Щапова) предложилъ ректору мысль завести ученическую библіотеку и литературныя чтенія; есть надежда, что и архіерей это поддержитъ (говорятъ, онъ порядочный человѣкъ).

«*Пермь*. Вотъ что пишетъ Ефименко: «Въ прежнихъ письмахъ писалъ я тебѣ о проявленіи у насъ въ Перми общественной дѣятельности, именно—о воскресныхъ школахъ, которыхъ у насъ 5 (3 мужскихъ и 2 женск.), о литератури. вечерахъ, о составленіи общества для распространенія грамотности,—но въ настоящее время все это разстраивается и падаетъ. Воскресныя школы падаютъ отчасти отъ послѣдняго циркуляра, отчасти отъ притѣсненій директора гимназіи, который запрещаетъ, въ силу вышеупомянутаго циркуляра, *порядочнымъ* людямъ быть преподавателями въ нихъ; такъ что школы у насъ или совершенно падутъ, или сдѣлаются чисто оффиціальнымъ учрежденіемъ. Общество для распространенія грамотности должно умереть, не родившись, потому что правительство не утвердило устава подобнаго же общества, составлявшагося въ Пензѣ. Оно, т. е. правительство, выразилось при этомъ такимъ образомъ, что образовать народъ можно и безъ обществъ, другими способами и средствами; т. е., что оно само этимъ дѣломъ займется,—такъ это, дескать, будетъ прочнѣе. Такимъ образомъ, у публики отнята всякая иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. У насъ теперь уныніе и недовольство: да оно и вездѣ должно быть такъ. Я теперь сижу почти сложивши руки и обдумываю два плана насчетъ самообразованія и образованія другихъ. 1-й—устроить такую компанію, которая согласилась бы составить библіотеку лучшихъ учебниковъ, потомъ раздѣлила бы между собою предметы по одному или по два. Каждый, изучивши предварительно свой предметъ, чтобы читалъ другимъ по этому предмету лекціи. 2-й—учредить домашніе литературные вечера, притомъ такъ, чтобы каждый выбралъ себѣ одинъ изъ современныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ литературѣ, про-

челъ о немъ все, что было писано, составилъ сводъ всего, и потомъ знакомилъ остальныхъ. Я теперь, главнымъ образомъ, занимаюсь христіанствомъ и дошелъ до такихъ выводовъ, которые тебѣ, можетъ быть, покажутся странными,—именно, по-моему, оно до высшей степени безнравственно».

«*Кіевъ* [1]).

«*Вологда.* Вологодскій край бѣденъ и грязенъ,—лѣсъ да болото. Уѣздные города, кромѣ Устюга,—глушь страшная: въ нихъ, какъ говорятъ, очень и очень мало кто читаетъ. Цѣломудріе въ Вологодской губерніи не въ ходу. Одинъ изъ бывшихъ губернаторовъ въ своемъ отчетѣ писалъ, что «нравственность въ Вол. губ. вообще не высока, а въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ господствуетъ наглый и безстыдный развратъ». «Вологда,—пишетъ Бекманъ,—тоже довольно дрянной городъ; по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ еще ни одного губернскаго города хуже ея. Она недалеко отъ Москвы (430 вер.) и отъ Петерб. (430 до желѣзной дороги въ Валдаѣ), и оттуда, кажется, 200, но лежитъ какъ-то въ сторонѣ, и потому не имѣетъ частыхъ сообщеній». Единственный книжный магазинъ, въ которомъ 11 подписчиковъ на чтеніе и продается книгъ рублей на 25 въ годъ, существуетъ только по приказанію начальства. Есть нѣсколько порядочныхъ людей: братья Поповы (одинъ изъ нихъ бывшій московскій студентъ),—это лучшіе изъ всѣхъ; кромѣ того, попъ Петровскій, человѣкъ молодой и хорошій; да еще нѣсколько чиновниковъ и два учителя духовнаго училища. Петровскій завелъ тамъ ежедневную безплатную школу, въ которой обучается до 25 мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ хотѣлъ завести и воскресную, но, не говоря о равнодушіи публики и училищнаго начальства, помѣшали этому еще гоненія на школы. «Всѣ онѣ,—пишетъ Бекманъ,—едва не были закрыты, кое-какъ отстояли ихъ, но изданы строгія правила, учрежденъ надзоръ и пр. Начальству подлежащему, сколько замѣтно, дано знать подъ рукою, чтобъ оно не очень усердствовало въ дѣлѣ открытія школъ». «Семинарія—положительная дрянь, да и неимовѣрно трудно въ нее проникнуть. Гимназія, сколько я могъ замѣтить, тоже не очень завидна. Вообще Вологда—такое болото, грязи преисполненное, какое я съ трудомъ могъ себѣ прежде представить. Тишь, гладь и благодать божія».

«*Курскъ.* Тамъ существуютъ воскресныя школы, но о нихъ я получу извѣстія уже въ отвѣтъ на письмо, которое теперь посылаю.

«О Харьковѣ вы уже знаете.

«*Каргополь.* Недавно получилъ оттуда письмо отъ Завадскаго. Туземцы не выходятъ изъ узаконеннаго штата уѣздн. чиновниковъ. Городничій, «человѣкъ, впрочемъ, самой близорукой доброты», началъ при первомъ же пріѣздѣ убѣждать Завадскаго, чтобы онъ велъ себя порядочно, а главное—не пьянствовалъ бы. Дѣло потомъ объяснилось: въ Каргополѣ есть нѣсколько человѣкъ, сосланныхъ

---

1) То же, что сообщено выше о Пироговѣ, Павловѣ и пр.

за пьянство. Тамошній простой народъ развитѣе харьковскаго, грамотность распространена, и рѣдкій не бывалъ въ Петербургѣ, несмотря на 700 верстъ. Есть много раскольниковъ.

«Получилъ я еще письмо отъ одного изъ своихъ товарищей, Гулевича; съ полгода ѣздилъ онъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи, полгода прожилъ въ Москвѣ и столько же въ Петербургѣ, гдѣ и теперь живетъ. Онъ тоже скептикъ, и скорѣе выругаетъ, нежели похвалитъ; поэтому у меня въ привычку вошло не всегда вѣрить его ругательствамъ, зато ужъ безусловно вѣрить его похваламъ. Вотъ что онъ говоритъ о петербургскомъ и московскомъ университетахъ. «Хожу въ университетъ—слушаю Костомарова, сблизился со студентами—отличные есть люди. Петербургскій университетъ стоитъ неизмѣримо выше другихъ университетовъ—а странное дѣло, про него совсѣмъ было неслышно, или же ходили самые невыгодные слухи. Какъ посравнить его съ тѣмъ, что видѣлъ въ другихъ университетахъ, особенно съ харьковскимъ,—выходитъ большая невыгода для этихъ другихъ... То, что называется, напримѣръ, въ Харьковѣ развитіемъ,—просто игра словъ, или, лучше, игра, которою тѣшатся мальчики. Здѣсь видно развитіе,—но оно не кричитъ, не заявляетъ о себѣ различными возгласами,—оно видно. Да и профессора здѣсь! Костомаровъ, Кавелинъ, Спасовичъ... Это и ученые и люди, въ благороднѣйшемъ смыслѣ... Особенно утѣшительно видѣть на лекціяхъ много дамъ, а еще утѣшительнѣе, что это не изъ моды, не изъ обычая, какъ иногда случается на ученыхъ собраніяхъ въ Москвѣ,—а изъ жажды знанія. Нѣкоторыя изъ нихъ слушаютъ полный курсъ по какому-нибудь факультету. Все это такъ просто, такъ хорошо, что за себя дѣлается совѣстно, когда этому удивляешься, не видѣвши ничего подобнаго въ другихъ мѣстахъ». Московскій университетъ. «Это былъ когда-то славный университетъ, пріобрѣлъ громкую славу, — и за дѣло; но теперь не то... Въ немъ есть отличные люди, но они живутъ особнякомъ, кружками. Мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ кружкомъ, и я нашелъ людей, заслуживающихъ уваженія, хорошихъ людей,—но это капля въ морѣ... Въ общемъ въ университетѣ—сонъ и апатія... Нѣтъ, теперь не славное былое, — прошло оно! Можетъ, и еще будетъ, да теперь нѣтъ...» Сравнивая же Петербургъ вообще съ Москвою и говоря, что Петербургъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ мѣстъ есть наименѣе скверное, онъ приходитъ къ такому заключенію: «Москва передъ Петербургомъ то же, что скверная баба передъ порядочнымъ человѣкомъ».

«*Дерптъ*. Университетъ и цѣлый Остзейскій край въ жалкомъ состояніи. Это самые вѣрные и честные рабы; зато же ими и довольны въ Питерѣ. Общечеловѣческаго развитія и въ поминѣ нѣтъ; сухая номенклатура знаній усовершенствована. Студенты занимаются только пьянствомъ и драками; имъ вовсе незнакомы интересы, преслѣдуемые другими нашими университетами. Конечная цѣль студента-нѣмца — чиновникъ. Оттуда-то, а не изъ ученой Германіи, ползетъ на русскую землю эссенція бюрократіи, извѣ-

стная подъ именемъ русскихъ нѣмцевъ. Духовенство тамошнее—гнусные фанатики; хотять учредить у себя іерархическую лѣстницу. Впрочемъ, подробныя извѣстія о Дерптѣ будете получать непосредственно.— Адресъ: *Въ Лифляндскую губернію, въ Дерптъ, студенту университета Александру Сергѣевичу Лебедеву,* а не то- *Александру Амфіановичу Тищинскому.* Если еще не получаете постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга, то вотъ адресъ: *Въ Петербургъ, на углу Большой Морской улицы и Кирпичн. переулка, домъ Жако, № квартиры 36-й, Карпу Ивановичу Бѣлозерскому, съ передачей Михаилу Семеновичу Гулевичу.*—Еще адресы: *Въ Вологду, Якову Николаевичу Бекману, въ канцелярію губернатора.—Въ Каргополь (Олонецкой губерніи), бывшему студенту харьковскаго университета Петру Васильевичу Завадскому.—Въ Курскъ, Митрофану Федоровичу Левченку, редактору губернскихъ вѣдомостей.* (Это тоже одинъ изъ нашихъ товарищей; его тоже возили въ Питеръ, и онъ посланъ въ Курскъ на службу).— Объ адресѣ въ Харьковъ если не написалъ Вамъ Португаловъ, то я, право, затрудняюсь; на первый разъ вотъ: *Студенту университета Федору Андреевичу Павловскому. На Пескахъ, противъ университетскаго сада, въ собствен. домѣ.* Этотъ студентъ вступилъ со мною въ переписку, не будучи до сихъ поръ знакомъ лично.—Я, впрочемъ, узнаю о нѣсколькихъ адресахъ въ Харьковѣ разомъ, и удобнѣйшій пришлю Вамъ (если до того времени продержитесь въ Казани).—Объ адресѣ въ Кіевѣ я ужъ совсѣмъ затрудняюсь; или Португаловъ напишетъ Вамъ (и скоро), или я напишу, но послѣ. Пока переписка съ Кіевомъ можетъ идти или черезъ меня, или черезъ Ефименка.—Въ Бирскъ продолжайте писать на мое имя. Врядъ ли я выѣду въ Оренбургъ, хоть и давнымъ-давно получилъ на это разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора: матеріальныя обстоятельства не позволяютъ, и кой въ какихъ разсчетахъ ошибся. Служба еще проклятая мѣшаетъ многому (я теперь служу въ земскомъ судѣ писцомъ; каждый день просиживать съ 8 и до 2, а иногда до 3 часовъ дня, и съ 6 до 10, иногда до 11 вечера,—времени для дѣла, стало быть, очень немного. Безъ службы же никакъ не обойдешься, потому что здѣсь нѣтъ ни кондицій, ничего подобнаго.

Правда ли?

«Правда ли, что крестьяне освобождаются безъ земли?

«Правда ли, что въ Казани есть слухи, будто бы закрыли кіевскій университетъ за то, что тамошніе студенты освистали высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ не свистать и не апплодировать?

«Правда ли, что Струвевское дѣло есть только начало той облавы на широкихъ основаніяхъ, которая затѣвается въ Казани: хотятъ истребить всѣхъ безголовыхъ, и, какъ будущія жертвы, имѣются въ виду: Ландергретъ, Больцани, Дмитріевскій, Блосфельдъ и Зейдерштетъ?

Вашъ *М. Муравскій.*

«P. S. Нельзя ли сюда прислать экземпляръ протеста, посылаемаго отъ воскресныхъ школъ министру?»

Конецъ этого письма испещренъ какими-то черточками и точками: это шифръ, предложенный Муравскимъ Манасеину и переданный Петрову.

V.

Какъ только эти письма были присланы въ Петербургъ, Муравскому снова сдѣлали допросъ. Митрофанъ Даниловичъ показалъ, что не знаетъ Манасеина и не писалъ представленныхъ ему писемъ. Тогда же онъ добавилъ: «Въ отвѣтѣ, данномъ мною 13 октября, высказывая свои убѣжденія о правительствѣ, я второпяхъ употребилъ выраженія, которыя могутъ дать поводъ думать, будто съ моей стороны были дѣйствія или попытки дѣйствовать въ духѣ сказанныхъ убѣжденій. Въ дополненіе къ тому честь имѣю объяснить, что таковыхъ дѣйствій и попытокъ съ моей стороны не было, высказанныя же тамъ убѣжденія составляютъ только теоретическое мнѣніе, котораго я держусь».

Въ тотъ же день, 29 декабря, Муравскому была дана очная ставка съ Завадскимъ. Послѣдній утверждалъ, что приведенныя вначалѣ два письма получилъ отъ Митрофана Даниловича, потому что другихъ знакомыхъ въ Бирскѣ не имѣетъ. Муравскій продолжалъ, все-таки, отрицать свое авторство. Тогда же онъ вторично отказался и отъ писемъ Манасеину, чѣмъ не мало волновалъ комиссію. Его принялись уговаривать не упираться... Въ концѣ концовъ Митрофанъ Даниловичъ сказалъ, что «ежели Манасеинъ уличитъ, что письма писаны имъ, то онъ тогда готовъ сознаться». Рѣшено было вызвать Манасеина.

6 января онъ привезенъ былъ прямо въ казематъ при III Отдѣленіи, а 7-го вызванъ на допросъ. Вячеславъ Авксентьевичъ показалъ, что письма получалъ отъ Муравскаго но лично его никогда не видалъ. Въ своемъ мало для насъ интересномъ показаніи онъ всячески старался выгородить Муравскаго и всѣ несомнѣнно безцензурныя мѣста его писемъ объяснялъ просто. На вопросъ, откуда у него такая масса нелегальщины, Манасеинъ отвѣчалъ, что покупалъ ее у букиниста. Относительно шифра сказалъ, что раза два пользовался имъ просто такъ, для разнообразія, но ключа въ настоящее время не помнитъ. На очной ставкѣ съ Муравскимъ 8 января Манасеинъ сказалъ, что получалъ письма отъ Муравскаго и писалъ ему отвѣты. Тогда Митрофанъ Даниловичъ сознался въ корреспондированіи и Завадскому, и Манасеину.

Пользуясь присутствіемъ Муравскаго и видя, что онъ сталъ немного уступчивѣе, комиссія еще разъ спросила его, что значитъ его выраженіе «общее дѣло», такъ часто употребляемое въ пись-

махъ. Муравскій написалъ: «Общее дѣло, о которомъ я писалъ въ предъявленныхъ мнѣ письмахъ, имѣетъ своею цѣлью приготовленіе русскаго общества къ тому, чтобы оно со временемъ получило возможность управлять своими дѣлами само. О томъ, чего я могъ въ этомъ отношеніи достигнуть, я нисколько не думалъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, невозможно въ этихъ случаяхъ разсчитать что-нибудь съ точностью напередъ. Сближеніе съ уѣздными учителями и сельскимъ духовенствомъ я находилъ нужнымъ для того, чтобы распространить между солдатами образованіе. Объ учреждении тайныхъ почтъ я писалъ въ шутку. Секретную азбуку для переписки я изобрѣлъ на тотъ случай, если бы пришлось говорить въ письмахъ о какихъ-нибудь семейныхъ обстоятельствахъ».

Комиссія не была удовлетворена...

9 января Манасеину позволено было вернуться въ Дерптъ и предписано имѣть за нимъ строгій полицейскій надзоръ.

14 января Муравскій послалъ въ комиссію особое дополнительное показаніе, которое составилъ, очевидно, понявъ, насколько вѣско можетъ быть его обвиненіе. Вотъ оно полностью:

«Въ дополненіе и объясненіе нѣкоторыхъ моихъ отвѣтовъ, данныхъ мной комиссіи 13 октября и 29 декабря 1862 г. и 8 января 1863 г. и въ отмѣну прочихъ, считаю нужнымъ изложить слѣдующее:

«На многіе вопросы, предложенные мнѣ 13 октября, я не отвѣчалъ потому, что, будучи на тотъ разъ въ дурномъ расположеніи духа, не былъ увѣренъ, что дамъ такіе отвѣты, которыми останусь доволенъ самъ. Но не желая, чтобы молчаніе мое приписано было, между прочимъ, тому, что я, изъ страха за себя или по неувѣренности въ собственныхъ убѣжденіяхъ, не осмѣливаюсь обнаружить, какому образу политическихъ дѣйствій сочувствую, я, въ одномъ изъ данныхъ мною тогда отвѣтовъ, счелъ нужнымъ высказать раздѣляемыя мною по этому предмету мнѣнія. Они состоятъ въ томъ, что для Россіи, въ настоящее время, единственное и самое надежное средство выйти изъ своего тяжелаго положенія заключается въ насильственной революціи, такъ какъ изъ дѣйствій правительства видно, что оно, во-первыхъ, не умѣетъ сдѣлать ничего существенно-полезнаго для народа, во-вторыхъ, не хочетъ отказаться отъ своего деспотизма, почему въ самихъ преобразованіяхъ своихъ ограничивается полумѣрами.

«Къ сказаннымъ убѣжденіямъ привели меня слѣдующія дѣйствія правительства, происходившія преимущественно въ 1861 году: стѣсненія университетовъ; стѣсненія воскресныхъ школъ и другихъ частныхъ предпріятій, вліяніе которыхъ на общественное развитіе начинало уже дѣлаться замѣтнымъ; поступки правительства въ Польшѣ; разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, несогласное съ справедливыми желаніями крестьянъ; неблаговидныя средства, употребляемыя противъ порядочныхъ людей, напр.—позволеніе нападать въ печати на сочиненія и личности русскихъ политическихъ выходцевъ, съ запрещеніемъ возражать противъ этихъ нападеній, или—слухъ,

пущенный въ Москвѣ тамошнею полиціей между простымъ народомъ, въ сентябрѣ или октябрѣ 61-го г., по поводу студентской исторіи,—о томъ, что студенты изъ того бунтуются, что царь у нихъ крестьянъ отбираетъ; боязнь распространить будущее гласное судопроизводство на политическія преступленія; боязливость правительства, доходящая иногда до страннаго,—напр. — обязываніе въ 1860-мъ г. меня и моихъ товарищей подпиской хранить навсегда въ тайнѣ, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, все. извѣстное намъ о дѣлѣ, по которому были мы подъ слѣдствіе..., и мѣстѣ, гдѣ содержались во время слѣдствія подъ арестомъ, и проч. На эти и другія, подобныя имъ, дѣйствія я теперь не могу указать съ точностью и подробностью, потому что не имѣлъ нужныхъ для этого матеріаловъ.

«Не желая 13 октября, по объясненной уже причинѣ, отвѣчать на многіе вопросы, я тогда не имѣлъ намѣренія отвѣчать и въ томъ случаѣ, если бы меня спросили, не было ли съ моей стороны какихъ-либо дѣйствій или попытокъ дѣйствовать въ духѣ выраженныхъ здѣсь убѣжденій. Объясняя это комиссіи въ томъ же отвѣтѣ, въ которомъ высказалъ и эти убѣжденія, я, второпяхъ, употребилъ выраженія не довольно ясныя; поэтому, относительно подлиннаго смысла того отвѣта, прошу комиссію руководствоваться настоящимъ моимъ показаніемъ.

«Никакихъ подобныхъ дѣйствій и попытокъ дѣйствовать съ моей стороны не было. Составляя не болѣе, какъ теоретическое мнѣніе, котораго я держусь теперь, но которое могу перемѣнить потомъ, что, конечно, зависитъ не отъ моего личнаго произвола, а отъ того, каковы будутъ дальнѣйшія дѣйствія правительства, убѣжденія эти—считаю долгомъ это сказать — касаются меня одного и не имѣютъ ничего общаго съ перепиской, которую я, находясь въ Оренбургской губерніи, велъ съ своими товарищами, жившими въ другихъ мѣстахъ.

«Въ этой перепискѣ я не сознавался не потому, чтобы она имѣла въ себѣ что-нибудь противное существующимъ законамъ, а потому, что, будучи арестованъ, все равно, по важному ли дѣлу, или неважному, или безо всякаго дѣла, а только по подозрѣнію въ немъ, я не хотѣлъ назвать лицъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ. Но убѣдясь, что дальнѣйшее мое молчаніе можетъ только дать поводъ къ ложнымъ подозрѣніямъ относительно нашей переписки, я рѣшился сознаться въ ней; и въ доказательство, что запрещеннаго она въ себѣ не имѣла ровно ничего, объяснить ея содержаніе со всей искренностью и откровенно изложить относящіяся къ дѣлу обстоятельства моего пребыванія въ Оренбургской губерніи.

«По пріѣздѣ моемъ въ іюлѣ 1860 г. въ Оренбургскую губернію, первые восемь мѣсяцевъ я прожилъ въ Бирскѣ. Большую часть времени приходилось мнѣ употреблять на служебныя занятія; знакомства были у меня только оффиціальныя—другихъ я не пріобрѣталъ; участвовать въ воскресной школѣ, заведенной тамошними

уѣздными учителями и скоро прекратившейся, а также въ попыткѣ ихъ устроить въ Бирскѣ постоянныя литературныя чтенія, тоже неудавшейся, я не только не могъ, но и не хотѣлъ: не могъ по неимѣнію времени; не хотѣлъ для того, чтобъ не компрометировать этихъ предпріятій въ глазахъ начальства, такъ какъ я состоялъ подъ надзоромъ полиціи; такимъ образомъ, въ свободное отъ службы время, я ничего другого не могъ дѣлать, какъ только читать, что попадалось подъ руку, или гулять по городу. Съ марта 1861 г. до самаго дня моего ареста я постоянно жилъ въ Оренбургѣ, куда позволено было мнѣ переѣхать для поправленія здоровья, и гдѣ время проходило у меня такъ же точно, какъ въ Бирскѣ. Вотъ все, что я имѣю сказать объ обстоятельствахъ моего пребыванія въ Оренбургской губерніи.

«Такое однообразіе заставило меня вступить, для развлеченія отъ скуки, въ переписку съ товарищами. Чаще другихъ переписывался я съ Левченкомъ, будучи съ нимъ въ болѣе короткихъ отношеніяхъ, нежели съ прочими; изрѣдка писалъ къ гг. Бекману, Завадскому, Ефименку, Манасеину, иногда получалъ отъ нихъ отвѣты. Что касается прочихъ лицъ, фамиліи которыхъ названы въ моихъ письмахъ, то вся моя переписка съ нѣкоторыми изъ нихъ, напр., съ гг. Ивковымъ, Тищинскимъ и др., заключалась въ одномъ и очень рѣдко въ двухъ письмахъ отъ одного къ другому, написанныхъ какъ-нибудь случайно, и до того неинтересныхъ, что о нихъ скоро и забывалось; остальные же не имѣли со мною никакой переписки, и о нихъ упоминается въ моихъ письмахъ только какъ объ общихъ нашихъ знакомыхъ, и знакомыхъ отдаленныхъ, иногда же просто какъ о землякахъ, даже и незнакомыхъ съ нами.

«Изложивъ, съ какими лицами я имѣлъ переписку, объясню теперь ея содержаніе. Мои товарищи писали мнѣ о томъ, какъ они проводятъ время, описывали мѣста своего пребыванія и сообщали о такихъ мѣстныхъ новостяхъ, которыя не составляютъ ничьей тайны,—напр.: Левченко—о назначеніи въ Курскъ новаго губернатора; г. Ефименко—о проектѣ учрежденія общества для распространенія грамотности и полезныхъ свѣдѣній, представленномъ изъ Перми нѣкоторыми лицами на разрѣшеніе правительства; г. Завадскій—о посѣщеніи Каргополя, кажется, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Ковалевскимъ; г. Манасеинъ—о предположеніи нѣкоторыхъ казанскихъ жителей просить правительство дозволить имъ завести у себя общество для распространенія грамотности въ народѣ; г. Бекманъ—о назначеніи въ Вологду новаго губернатора, и т. п. Я писалъ имъ о себѣ, о Бирскѣ и Оренбургѣ, о мѣстныхъ новостяхъ (напр., объ открытіи воскресной школы въ Бирскѣ), объ общихъ знакомыхъ, о землякахъ, о новостяхъ изъ другихъ мѣстъ (напр., изъ Перми—о проектѣ устройства общества для распространенія грамотности и пр., изъ Вологды — о новомъ губернаторѣ, изъ Каргополя—о г. Ковалевскомъ, и пр.).

«Въ письмахъ моихъ къ гг. Завадскому и Манасеину встрѣчаются иногда сбивчивыя мѣста, для нихъ совершенно понятныя,

но могущія, относительно подлиннаго своего смысла, ввести въ заблужденіе того, кто незнакомъ съ моими привычками выражаться, особенно въ частныхъ письмахъ, составляемыхъ наскоро. Поэтому считаю необходимымъ со всей точностью разобрать всѣ эти мѣста и съ полнымъ чистосердечіемъ открыть комиссіи подлинный ихъ смыслъ.

«Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ говорится, что казанскіе студенты, когда правительство запретило преподавать въ воскресныхъ школахъ географію, естественныя науки и русскую исторію, стали этому обучать народъ у себя по квартирамъ; въ другомъ—что у меня есть нѣкоторыя сочиненія Искандера; въ третьемъ—что въ Бирскѣ можетъ водвориться искандеровскій элементъ; въ четвертомъ—что на меня производитъ самое пріятное впечатлѣніе мысль о томъ, что придется-же когда нибудь встрѣтиться съ г. Лужинымъ (бывшимъ харьковскимъ губернаторомъ); въ пятомъ—что о петербургской студентской исторіи, бывшей въ сентябрѣ 61-го года, слѣдуетъ вездѣ трубить; въ шестомъ—что такія открытыя и недвусмысленныя дѣйствія, какъ польскія демонстраціи, крестьянскія волненія, студентскія исторіи, адресы владимирскаго, тверского и московскаго дворянства, стремятся къ цѣли прямой дорогой, а дѣйствія посредствомъ распространенія въ народѣ образованія ведутъ къ ней окольнымъ путемъ.

«Что казанскіе студенты обучали народъ у себя по квартирамъ,—это одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ слуховъ, которыми такъ богаты маленькіе глухіе города, и которые часто появлялись въ Бирскѣ. Точно такъ же, въ первое время по пріѣздѣ моемъ въ Бирскъ, между его жителями прошла молва, что я держу у себя «разныя сочиненія какого-то лондонскаго мятежника Искандера, которыя похитилъ въ третьемъ отдѣленіи»; молва эта скоро однако же прекратилась, вѣроятно потому, что квартира моя никогда не запиралась, и меня часто не было дома, такъ что всякій любопытствующій могъ удостовѣриться, что никакихъ запрещенныхъ сочиненій у меня нѣтъ. Объ этихъ слухахъ я писалъ единственно для того, чтобы показать, какъ легковѣрны бирскіе жители. По поводу этого послѣдняго слуха о сочиненіяхъ Искандера я, въ насмѣшку надъ бирскими жителями, и выразился о нихъ, что, пожалуй и между ними водворится искандеровскій элементъ, если они такъ бредятъ Искандеромъ. Говоря объ удовольствіи, которое доставила бы мнѣ встрѣча съ г. Лужинымъ, хотѣлъ сказать, что, несмотря на все мое отвращеніе къ г. Лужину, даже и съ нимъ было бы мнѣ пріятно встрѣтиться, такъ какъ встрѣча эта могла бы произойти только въ томъ случаѣ, когда бы я былъ свободенъ. Что о петербургской исторіи слѣдуетъ трубить, это значитъ—о ней слѣдуетъ напечатать въ газетахъ (что и было сдѣлано по распоряженію правительства). Смыслъ мѣста, приводимаго далѣе, состоитъ въ слѣдующемъ: въ волненіяхъ и демонстраціяхъ, происходившихъ въ Россіи и Польшѣ въ 1861 г., часть русскаго народа и весь польскій народъ открыто и совершенно ясно—заявили же-

ланіе немедленнаго осуществленія тѣхъ цѣлей, къ которымъ они стремятся, т. е. гражданскаго и государственнаго самоуправленія и народной независимости, и къ достиженію которыхъ немедленнымъ путемъ ведетъ распространеніе въ народѣ образованія. Изъ этихъ словъ, высказанныхъ мной въ письмѣ г. Завадскому совершенно случайно, можно видѣть только то, вѣрно или невѣрно понялъ я движеніе, бывшее въ 61 году, но отнюдь нельзя заключать, какимъ именно политическимъ дѣйствіямъ я сочувствую или не сочувствую.—Еще какъ-то въ письмѣ къ г. Манасеину я употребилъ въ насмѣшливомъ смыслѣ выраженіе «вѣрноподданный»; здѣсь я понималъ ложное вѣрноподданничество, свойственное людямъ, до такой степени отсталымъ и недалекимъ, что они даже въ тѣхъ преобразованіяхъ, неизбѣжность которыхъ признало само правительство, видятъ нѣчто опасное для существующаго порядка; подобнымъ образомъ употребляется иногда въ видѣ насмѣшки и слово «либералъ»,—т. е. ложный либералъ, либералъ изъ моды.

«Кромѣ того, въ письмахъ моихъ встрѣчается иногда выраженіе «общее дѣло» и говорится о необходимости учрежденія тайныхъ почтъ, сближенія съ уѣздными учителями, сельскимъ духовенствомъ, войскомъ, и о томъ, что я изобрѣлъ секретную азбуку для переписки. Хоть я уже обо всемъ этомъ далъ объясненіе комиссіи въ отвѣтѣ моемъ 8-го января, но нѣкоторыя мѣста этого отвѣта, будучи выражены не полно и не довольно опредѣленно, могутъ быть поняты не въ томъ смыслѣ, какой въ нихъ долженъ заключаться; поэтому считаю нужнымъ сдѣлать имъ особое разъясненіе и дополненіе.

«Выраженіе «общее дѣло» я употреблялъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно и въ печати, т. е. подъ этимъ названіемъ я понималъ всю ту общественную дѣятельность, которой правительство теперь не преслѣдуетъ, и которая имѣетъ цѣлью настолько улучшать собственныя дѣла общества, насколько это будетъ дозволяться правительствомъ. Если я въ письмахъ къ гг. Завадскому и Манасеину и говорилъ иногда объ этомъ «общемъ дѣлѣ», то вовсе не какъ человѣкъ, въ немъ участвующій, а упоминалъ о немъ просто потому, что приходилось къ слову, и въ томъ смыслѣ, какъ о томъ могутъ говорить между собою люди, стоящіе отъ дѣятельности въ сторонѣ. Слѣдовательно, я не только не думалъ, но и повода не имѣлъ думать о томъ, чего я могъ бы въ этомъ отношеніи достигнуть, тѣмъ болѣе, что и вообще въ этомъ случаѣ трудно опредѣлить что-нибудь съ точностію напередъ.

«О необходимости сближенія съ уѣздными учителями и сельскимъ духовенствомъ я писалъ въ томъ смыслѣ, что бытъ ихъ, съ которымъ я, поживши въ уѣздномъ городѣ, имѣлъ случай нѣсколько познакомиться, хотя очень мало, такъ какъ видѣлъ его только со стороны, стоитъ того, чтобы къ нему присмотрѣться поближе: до сихъ поръ онъ весьма немного извѣстенъ въ обществѣ и почти не тронутъ въ литературѣ, а между тѣмъ знакомство съ нимъ могло бы оказать помощь въ разъясненіи причинъ, почему боль-

шинство уѣздныхъ учителей и сельскихъ священниковъ отличается такимъ равнодушіемъ къ исполненію своихъ обязанностей и не умѣетъ заслужить уваженія въ обществѣ.

«Что касается до сближенія съ войскомъ, то, говоря о необходимости этого сближенія я имѣлъ въ виду исключительно башкирское войско, и желаніе, чтобы башкиры сближались съ русскими, такъ какъ черезъ это между первыми могли бы распространяться, неизвѣстныя имъ теперь, свѣдѣнія, необходимыя въ домашнемъ и сельско-хозяйственномъ быту, и вообще это сближеніе, знакомя башкировъ съ народомъ, болѣе ихъ образованнымъ, облегчило бы хлопоты башкирскаго начальства о распространеніи образованія между чинами этого войска.

«Объясненіе относительно тайныхъ почтъ и секретной азбуки я оставляю прежнее, безо всякой перемѣны: о тайныхъ почтахъ я писалъ шутя, секретную азбуку изобрѣлъ на случай, если бы въ письмахъ пришлось говорить о семейныхъ обстоятельствахъ; относительно же прочаго, только что изложеннаго, прошу комиссію имѣть въ виду настоящее мое объясненіе, а не то, которое мною дано 8 января.

«Изъ всего изложеннаго видно, что письма, которыя мы писали одинъ къ другому единственно для развлеченія отъ скуки, не имѣютъ въ себѣ ровно ничего противнаго даже постановленіямъ цензуры, хотя вовсе не были назначены къ печати, и что свои письма я составлялъ въ духѣ убѣжденій, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя высказалъ въ началѣ этого показанія,— иначе я и не долженъ былъ поступить, если не хотѣлъ, чтобы моя переписка прекратилась; къ этимъ объясненіямъ прибавить болѣе ничего не имѣю, такъ какъ въ моихъ письмахъ нѣтъ болѣе ничего, могущаго возбудить подозрѣніе и потому требующаго разъясненія.

«При этомъ честь имѣю просить комиссію возвратить мнѣ взятыя у меня при обыскѣ 1 февраля 1860 года мои бумаги, не относящіяся къ дѣлу, и все, что было у меня взято 12 сентября 1862 года, такъ какъ въ числѣ этого послѣдняго запрещеннаго нѣтъ ничего. Въ числѣ бумагъ, взятыхъ у меня въ 1860 году, есть письма, которыя я получилъ отъ своего товарища по гимназіи, студента петербургскаго университета, Сорокина, умершаго въ 1859 году, и отъ студента харьковскаго университета Левченка, умершаго въ концѣ 61-го года; будучи съ тѣмъ и другимъ очень близокъ, я покорнѣйше прошу комиссію возвратить мнѣ и эти письма, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, несмотря на нѣкоторую небрежность и неотдѣланность въ выраженіяхъ, нѣтъ ничего слишкомъ либеральнаго, а къ дѣлу они нимало не относятся, такъ какъ ни Сорокинъ, ни Левченко въ бывшемъ у насъ въ 1856 году тайномъ обществѣ не участвовали и ничего о немъ не знали.

Митрофанъ Муравскій,

бывшій студентъ харьковскаго университета, содержащійся въ Петропавловской крѣпости.

1863 года, 14-го января».

Теперь комиссія видѣла, что больше она отъ Муравскаго ничего не узнаетъ, и потому въ засѣданіи 18 января 1863 года постановила просить высочайшаго соизволенія на передачу дѣла въ сенатъ и на учрежденіе за Завадскимъ, Ефименкомъ, Праотцевымъ, Лебеденскимъ, Воронковымъ, Дроздовымъ, Тринклеромъ, Тищинскимъ, Макавѣевымъ, Ильиной, Гаршиной и Распутинымъ строгаго полицейскаго надзора. Александръ II, разумѣется, соизволилъ.

VI.

14 февраля Муравскій былъ вызванъ въ сенатъ, въ присутствіе I отдѣленія 5 департамента, состоявшаго изъ первоприсутствующаго Карніолинъ-Пинскаго, сенаторовъ Веневитинова, Лукаша, Бера и оберъ-прокурора Чемадурова.

Затѣмъ сенатъ приступилъ къ очень неторопливому слушанію всего дѣла. 15 мая онъ сличилъ шифръ Муравскаго съ шифромъ, взятымъ по дѣлу о «лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніи съ лондонскими пропагандистами», у Налбандяна и не нашелъ между ними ничего общаго.

Только 18 іюля было готово опредѣленіе. Привожу его со значительными сокращеніями, потому что избѣгаю повтореній сказаннаго выше.

«Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла сего, Правительствующій Сенатъ находитъ, что исключенный изъ числа студентовъ харьковскаго университета за неприличные поступки Митрофанъ Муравскій въ 1860 году по дѣлу о студентахъ харьковскаго тайнаго общества по Высочайшему повелѣнію высланъ былъ въ г. Бирскъ Оренбургской губерніи и потомъ, по прошенію, переведенъ въ Оренбургъ, гдѣ и состоялъ на службѣ писцомъ при областномъ правленіи оренбургскими киргизами. Во время проживанія его въ послѣднихъ двухъ городахъ онъ вошелъ въ переписку какъ съ бывшими своими по университету товарищами, такъ и съ другими лицами, ему до того незнакомыми, а именно: съ бывшимъ харьковскимъ студентомъ Завадскимъ, высланнымъ въ г. Каргополь (Олонецкой губерніи), съ студентомъ дерптскаго университета Манасеинымъ, съ Ефименко, бывшимъ студентомъ кіевскаго университета, находящимся подъ надзоромъ полиціи въ г. Онегѣ (Архангельской губерніи), потомъ переведеннымъ въ г. Красноуфимскъ (Пермской губерніи), съ Бекманомъ, проживающимъ въ Вологдѣ, съ Левченкомъ, редакторомъ губернскихъ вѣдомостей въ Курскѣ, съ Гулевичемъ, проживающимъ въ С.-Петербургѣ, съ Португаловымъ, бывшимъ студентомъ харьковскаго университета, и другими. Переписку эту онъ велъ такимъ образомъ, что, получая свѣдѣнія изъ однихъ городовъ, сообщалъ оныя въ другіе города, присовокупляя свои мысли и замѣчанія одинаковаго содержанія или въ томъ же смыслѣ многимъ лицамъ: такъ, напр., въ письмахъ Завадскому и

Манасеину онъ писалъ о томъ, что дѣлается въ Харьковѣ, Казани, Дерптѣ, Уфѣ, Перми и проч. Предметъ переписки его заключалъ въ себѣ, по преимуществу, учрежденіе вездѣ, гдѣ только можно, воскресныхъ школъ, литературныхъ собраній и вообще въ распространеніи въ народѣ грамотности. Но все это, какъ видно изъ содержанія писемъ его, было для него не цѣлію, а средствомъ развитія какого-то, по выраженію его, общаго дѣла. Кромѣ сего, въ письмахъ его часто проявляются выраженія, доказывающія противуправительственное направленіе его.

«Изъ паспорта объ отставкѣ Муравскаго, выданнаго въ 1862 г., видно, что онъ 25 лѣтъ, изъ дворянъ. По исключеніи за неприличные поступки изъ студентовъ университета, поступилъ на службу въ областное правленіе оренбургскими киргизами писцомъ и въ 1862 г. уволенъ по болѣзни въ отставку. Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, Правительствующій Сенатъ находитъ, что переписка Муравскаго съ Завадскимъ и Манасеинымъ, выше сего изложенная, вполнѣ характеризуетъ сего подсудимаго. Въ ней выражается стремленіе его къ какой-то цѣли, или, какъ онъ говоритъ, къ общему дѣлу, враждебное распоряженіямъ правительства, которыя онъ порицаетъ и надъ которыми издѣвается. Такимъ образомъ, онъ представляется личностью, сознательно преступною въ своихъ убѣжденіяхъ. Хотя послѣ продолжительнаго и упорнаго запирательства въ перепискѣ сей, онъ и сознался наконецъ въ оной, но и сознаніе его представляется неискреннимъ, ибо, стараясь разъяснить предъ комиссіею нѣкоторыя мѣста въ перепискѣ своей, которыя онъ называетъ сбивчивыми, онъ старается смягчить преступныя выраженія, въ ней заключающіяся, и даже измѣнить смыслъ ихъ. Такимъ образомъ а) то мѣсто письма, гдѣ онъ положительно говоритъ, что надо ввести въ Бирскѣ искандеровскій элементъ, онъ объясняетъ такъ, что будто бы въ насмѣшку надъ бирскими жителями писалъ, что, пожалуй, и между ними водворится искандеровскій элементъ; б) въ письмѣ къ Манасеину онъ положительно и ясно писалъ, что о Петербургской исторіи (университетской) слѣдуетъ трубить, разумѣется, и съ нужными комментаріями, а въ объясненіи онъ изложилъ, что подъ словомъ «трубить» онъ разумѣлъ—напечатать въ газетахъ; в) разъясняя то мѣсто въ перепискѣ своей, гдѣ онъ въ видѣ угрозы правительству говоритъ самъ, что уже теперь время открытыхъ, а не двусмысленныхъ дѣйствій, онъ совершенно извращаетъ смыслъ этого выраженія: ибо объясняетъ, что это писалъ онъ о мнѣніи отчасти русскаго и всего польскаго народа по поводу случившихся демонстрацій; г) не разъ употребленное имъ слово «вѣрноподданническій» онъ объясняетъ тѣмъ, что употребилъ оное въ насмѣшку надъ ложнымъ вѣрноподданничествомъ, тогда какъ въ письмахъ его слово «вѣрноподданническій» употреблено въ насмѣшку не надъ ложнымъ вѣрноподданничествомъ, а въ общемъ смыслѣ приданъ самому выраженію насмѣшливый тонъ: ибо онъ, объясняя, что Щаповъ профессоръ не вѣрноподданническій, продолжаетъ: «студен-

товъ въ воскресныхъ школахъ замѣнили бы монахами и квартальными»; изъ этого толкованія его выходитъ заключеніе, что, по его понятіямъ, истинно вѣрноподданные—студенты, а ложные вѣрноподданные—монахи и квартальные. Говоря о литературныхъ собраніяхъ въ Бирскѣ и о участвующихъ въ воскресныхъ школахъ, онъ объясняетъ, что въ нихъ есть и «православно-вѣрноподданническіе элементы. Это по преимуществу священникъ Кассимовскій. Къ счастію, онъ человѣкъ глупый, и ему, какъ говорится, Богъ словесности не далъ». Такое выраженіе явно доказываетъ язвительно насмѣшливый и преступный взглядъ Муравскаго на вѣрноподданничество вообще; д) выраженіе, часто употребляемое имъ, «общее дѣло», онъ объясняетъ тѣмъ, что подъ нимъ разумѣлъ онъ общественную дѣятельность, стремящуюся къ улучшенію собственныхъ дѣлъ общества, тогда какъ во всѣхъ мѣстахъ писемъ его, гдѣ употреблено имъ это выраженіе, кроется какая-то затаенная, противуправительственная цѣль, а отнюдь не общественная дѣятельность, стремящаяся къ благосостоянію какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ членовъ его; наконецъ, е) разъясняя желаніе свое сблизиться съ войскомъ, онъ объяснилъ, будто бы подъ этимъ разумѣлъ только башкирское войско, тогда какъ въ самой перепискѣ нѣтъ ни одного слова о башкирскомъ войскѣ.

«Обращаясь за симъ къ дѣйствіямъ Муравскаго во время производства о немъ слѣдствія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что онъ, объявляя комиссіи убѣжденія свои, дозволилъ себѣ дерзостно порицать священную особу Государя Императора, выразивъ свое мнѣніе такимъ образомъ: «что отъ русскаго правительства (подъ именемъ котораго онъ понимаетъ Императора и всѣ нынѣ существующія власти) подвластныя ему національности не должны ожидать никакихъ существенно полезныхъ преобразованій, такъ какъ правительство не имѣетъ ни способности, ни желанія сдѣлать что-нибудь подобное для народа». Итакъ, подсудимый Муравскій, по содержанію переписки его, смыслъ и стремленіе коей, при выраженныхъ имъ убѣжденіяхъ, явно имѣли цѣлію ниспровержение правительства, и по употребленнымъ имъ дерзкимъ выраженіямъ противъ священной особы самого Государя Императора, оказывается сознательно преступникомъ государственнымъ. Опредѣливъ характеръ преступленій Муравскаго и обращаясь къ роду и виду оныхъ, Сенатъ находитъ, что 1) дѣйствія Муравскаго, выраженныя въ перепискѣ его съ товарищами, должны быть признаны злоумышленіемъ, имѣвшимъ цѣлію возбудить къ бунту противъ власти верховной, но какъ послѣдствіемъ этихъ дѣйствій не было не только самаго бунта, но и дѣйствительнаго покушенія на оный, то, по мнѣнію Правительствующаго Сената, означенныя дѣйствія Муравскаго составляютъ только приготовленіе и начало покушенія къ возбужденію бунта, за что онъ долженъ быть подвергнутъ наказанію, во 2 част. 285 ст. кн. 1 том. XV Св. Зак. угол. изъясненному, и 2) за выраженные имъ въ данныхъ слѣдственной комиссіи показаніяхъ дерзкіе отзывы о личныхъ качествахъ Государя Импера-

тора и объ управленіи его государствомъ, безъ злоумышленнаго, впрочемъ, распространенія оныхъ, какъ за преступный умыслъ, Муравскій, на основаніи 2 част. 279 ст. того же тома, долженъ быть подвергнутъ тому же наказанію, какъ и за предыдущее преступленіе. По упорному въ первоначальныхъ показаніяхъ запирательству подсудимаго, по неискренности данныхъ имъ и при самомъ сознаніи отвѣтовъ (141 ст. того же тома) и, наконецъ, по совокупности преступленій (165 ст.) Муравскій долженъ быть подвергнутъ высшей мѣрѣ наказанія, по закону ему слѣдующаго, со смягченіемъ онаго сообразно правиламъ, въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля сего года изъясненнымъ. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ узаконеній Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго отставного канцелярскаго служителя изъ дворянъ, Митрофана Муравскаго, 25 лѣтъ, лишивъ нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54 улож., правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ съ послѣдствіями, въ 55 ст. улож. изъясненными, и затѣмъ представить г. министру Внутреннихъ Дѣлъ, по освобожденіи Муравскаго изъ крѣпости, сдѣлать распоряженіе о возвращеніи его обратно на жительство въ Оренбургскую губернію подъ строгій полицейскій надзоръ. О чемъ, предварительно исполненія, согласно 617 ст. том. XV, кн. 2, донести Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія».

Какъ и требовалось закономъ, опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ. Тотъ, конечно, согласился со всѣмъ и 5 ноября получилъ на свое единогласное мнѣніе резолюцію—«быть по сему».

19 ноября приговоръ былъ объявленъ Муравскому въ засѣданіи сената, а 4 декабря онъ былъ отправленъ въ распоряженіе тобольскаго приказа о ссыльныхъ...

Такъ заканчивалась молодость «отца Митрофана», сосланнаго въ Александровскій заводъ Нерчинскаго округа.

Интересующіеся послѣдующею его жизнью найдутъ кое-какія свѣдѣнія въ письмѣ Муравскаго, напечатанномъ во второмъ выпускѣ «Былого» В. Л. Бурцева (изд. «Русской Исторической Библіотеки», Ростовъ-на-Дону) и въ указанной брошюрѣ г-жи Брешковской.

ДѢЛО П. А. МАРТЬЯНОВА.

Дѣло П. А. Мартьянова.

На совѣсти правительства эпохи шестидесятыхъ годовъ есть много политическихъ преслѣдованій, вопіющихъ своимъ беззаконіемъ, какъ, напримѣръ, дѣло Чернышевскаго, но нѣтъ болѣе возмутительнаго, съ точки зрѣнія даже самаго умѣреннаго человѣка, чѣмъ дѣло Мартьянова.

I.

Петръ Алексѣевичъ Мартьяновъ родился въ 1835 г. въ селѣ Промзинѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, принадлежавшемъ знатному вельможѣ, гр. А. Д. Гурьеву, весь свой досугъ употреблявшему на усовершенствованіе изобрѣтенной имъ «гурьевской каши»... Отецъ Мартьянова былъ крѣпостнымъ графа и много лѣтъ управлялъ Промзинымъ на правахъ бурмистра. Только благодаря «высокому» положенію своего отца, Мартьяновъ попалъ въ конторскую школу въ другомъ графскомъ имѣніи, с. Никитинѣ, Корсунскаго уѣзда, которую и кончилъ на одиннадцатомъ году. Затѣмъ мальчика пустили по судоходству, которымъ занималось все Промзино. Пройдя въ нѣсколько лѣтъ эту учебу, онъ былъ потомъ приставленъ къ хлѣбной торговлѣ... Сравнительный просторъ торговой жизни и вольнолюбивая атмосфера Волги, въ связи съ личнымъ темпераментомъ, заронили въ юношу страстное стремленіе къ свободѣ... Онъ только и мечталъ о ней...

И вотъ, будучи какъ-то во время Восточной войны въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ своего владыки, Мартьяновъ рѣшилъ попытать счастья... Но смѣлости не хватало заговорить сразу о полной свободѣ, и потому молодой парень рѣшился начать дѣло исподволь. Сначала онъ просилъ графа разрѣшить ему жить въ Петербургѣ... Разрѣшеніе было получено... Ежегодно Мартьяновъ являлся къ своему владыкѣ и приносилъ мзду отъ трудовъ своихъ по хлѣбному экспорту. Затѣмъ отецъ внялъ просьбѣ сына и самъ попробовалъ заговорить съ графомъ о его свободѣ, но получилъ категорическій отказъ.

Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ въ 1859 г. Петръ Алексѣевичъ вдругъ получилъ экстренное извѣстіе о смерти отца. Онъ

поспѣшилъ къ графу. Послѣдній, узнавъ объ его отъѣздѣ въ Промзино, поручилъ ему сдать имѣніе новому бурмистру, избранному по совѣту молодого Мартьянова. Провожая, его сіятельство изволило похлопать Мартьянова по плечу и сказать: «пріѣзжай, Богъ съ тобой, судьба твоя рѣшится»... Слова недостаточно внятныя, но понятнѣе и пространнѣе баре тогда не говорили съ «крѣпостными животными».

Мартьяновъ, однако, понялъ это, какъ залогъ будущей своей свободы. Какъ только онъ сдалъ имѣніе новому старостѣ, такъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы разгадать графскій ребусъ. Гурьевъ принялъ его, но о волѣ ни слова... Черезъ нѣсколько недѣль управляющій петербургскою конторою графа, Михайловскій, вдругъ спросилъ Мартьянова, сколько бы онъ предложилъ барину за свой выкупъ?.. Обыкновенная цѣна въ тогдашнее время по ихъ мѣстамъ была 500—600 рублей, но Мартьяновъ сказалъ, что готовъ предложить за мать и себя (только ихъ и было) 1.500 руб. серебромъ...

Гурьевъ изволилъ очень разгнѣваться и заявилъ черезъ управляющаго, что меньше 10.000 рублей не возьметъ ни копейки.

Нечего было дѣлать—пришлось уѣхать домой... Тамъ Мартьяновъ разсчитывалъ сколотить необходимую сумму самымъ энергичнымъ и упорнымъ трудомъ. Дѣла его пошли прекрасно; пять мельницъ размалывали скупленный имъ хлѣбъ, тридцать большихъ расшивъ готовились принять его и везти вверхъ по Волгѣ.

Но вотъ въ самый разгаръ торговыхъ операцій промзинскій управитель графа сообщилъ Мартьянову, что только что получилъ срочную эстафету отъ владыки, въ которой приказано сообщить ему: или немедленно 10.000 рублей выкупа, или будетъ плохо... Положеніе безвыходное: наличность Мартьянова была пока неизмѣримо меньше, ее вотъ-вотъ предстояло получить. Что было дѣлать?.. А черезъ нѣсколько дней Мартьянову пишетъ уже и Михайловскій, чтобы онъ спѣшилъ продать двѣ-три расшивы, но скорѣй присылалъ деньги, иначе дѣло можетъ принять самый худой оборотъ... Но условія тогдашней торговли хлѣбомъ были таковы, что исполнить петербургскій совѣтъ совсѣмъ не представлялось никакой возможности. Мартьяновъ пишетъ Михайловскому, проситъ обождать до начала лѣта, когда, получивъ въ Рыбинскѣ деньги, онъ прямо отправился бы въ столицу и представилъ выкупъ.

А молва бѣжала... Быстро распространились слухи, что графъ требуетъ денегъ, что ихъ нѣтъ... Кредитъ былъ подорванъ...

Но такъ или иначе, а Мартьянову удалось нагрузить весной 60.000 кулей хлѣба, отправить караванъ по Сурѣ, проводить его вверхъ по Волгѣ до Нижняго и поѣхать въ Петербургъ. Михайловскій доложилъ графу о пріѣздѣ Мартьянова, но его не приняли и приказали ждать.

Время шло. Напрасно Мартьяновъ увѣрялъ Михайловскаго, что еще немного—и дѣла его въ Рыбинскѣ лопнутъ, благодаря отсутствію; что поставка его—казенная, обусловленная громадной не-

устойкой. Ничего не помогало. Гурьеву было некогда поговорить со своимъ крѣпостнымъ: онъ былъ занятъ церемоніей открытія только что законченнаго Исаакіевскаго собора.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ началѣ іюня, Михайловскій сказалъ Мартьянову, что онъ можетъ заплатить деньги, взялъ съ него 6.000 наличными и заемное письмо на 2.000 р. и выдалъ отпускную... На прощанье графъ принялъ Мартьянова и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Прискакавъ въ Рыбинскъ, Мартьяновъ увидѣлъ, что положеніе его дѣлъ уже непоправимо: кредитъ потерянъ совершенно, и весь хлѣбъ былъ поразобранъ кредиторами.

Въ отчаяніи онъ попробовалъ послѣднее средство: пользуясь полученной свободой, внесъ повинности по первой гильдіи купечества, но кридита, все-таки, не возстановилъ и разорился совершенно... Вскорѣ ему нашлось мѣсто у извѣстнаго откупщика Кокорева, а потомъ у Новосельскаго. Еще немного спустя Мартьяновъ поступилъ въ пароходное общество «Кавказъ и Меркурій», но вскорѣ былъ оттуда уволенъ по интригѣ одного изъ своихъ кредиторовъ.

Въ результатѣ—исключеніе изъ купеческаго сословія въ мѣщанское...

II.

Наступилъ 1861 годъ, годъ особеннаго расцвѣта «Колокола», когда изданіе Герцена почти открыто ходило по рукамъ въ самыхъ различныхъ темныхъ углахъ Россіи. Внимательно читалъ его Мартьяновъ и... и пришелъ къ заключенію, что, повидимому, на Руси правды не сыскать, что съ владыки, бывшаго барина, убытки судомъ не взыскать. Долго сверлила голову эта мысль, и, наконецъ, Мартьяновъ рѣшается на фантастическій планъ: ѣхать въ Лондонъ и оттуда требовать съ Гурьева всѣ свои убытки.

Съ 400 рублями, занятыми у кого-то случайно, онъ выѣзжаетъ въ августѣ въ Лондонъ, взявъ заграничный паспортъ въ іюлѣ.

Какъ только онъ очутился на территоріи государства, гдѣ былъ гарантированъ во всѣхъ своихъ человѣческихъ правахъ, такъ сейчасъ же пишетъ Гурьеву вполнѣ вѣжливое и ясное письмо, въ которомъ проситъ вознаградить его за все потерянное, исключительно благодаря графу. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало. Мартьяновъ пишетъ вторично и предупреждаетъ, что, въ случаѣ и дальнѣйшаго молчанія, онъ приметъ мѣры, не совсѣмъ для графа пріятныя... Отвѣта и на этотъ разъ не было.

Тогда наивный и все еще вѣрившій въ возможность найти правду у престола, Мартьяновъ пользуется пребываніемъ въ Англіи великаго князя Константина Николаевича и обращается къ нему съ письменнымъ прошеніемъ. Секретарь его высочества сообщилъ Мартьянову, что ему слѣдуетъ обратиться непосредственно въ русскій судъ черезъ генеральнаго консула въ Лондонѣ.

Не слѣдуя этому совѣту, Мартьяновъ пишетъ тогда прошеніе «самой государынѣ Маріи Александровнѣ» и получаетъ отвѣтъ, что прошеніе его передано шефу жандармовъ. При этомъ было прибавлено, что Гурьева въ Россіи нѣтъ, онъ—въ Теплицѣ.

Надежда крѣпнетъ. Мартьяновъ благодаритъ секретаря государыни и пишетъ, что, въ случаѣ отказа Гурьева вернуть деньги, готовъ вернуться въ Россію на счетъ виновнаго, такъ какъ у него нѣтъ своихъ денегъ, и подвергнуться суду. При этомъ онъ прибавилъ, что, если просьба его окажется справедливою, то онъ будетъ взыскивать съ графа уже всѣ свои убытки (около 100.000 рублей), а если—несправедливою, то онъ обязуется всѣ израсходованныя на дорогу и на прожитье по дѣлу деньги заработать потомъ въ рабочемъ домѣ и подвергнуться, какъ клеветникъ, ссылкѣ въ каторжную работу на всю жизнь.

Долгорукову же Мартьяновъ сообщилъ, что рѣшился добиться полнаго правосудія, «если только есть правосудіе въ Россіи». .

Шефъ жандармовъ, разумѣется, не счелъ долгомъ что-либо аписать просителю. Послѣдній вторично обратился къ государынѣ... Черезъ нѣкоторое время Долгоруковъ сообщилъ ему черезъ лондонскаго консула, избѣгая письменнаго отвѣта, что предметъ его просьбы не входитъ въ кругъ его вѣдомства.

Мартьянову стало совершенно ясно, что правды въ Россіи не сыскать и черезъ престолъ... Тяжело было это сознаніе, но его приходилось принять, какъ неопровержимый фактъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ и не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Мартьяновъ позаботился обезпечить свое тамъ пребываніе какимъ-нибудь заработкомъ. Для этой цѣли онъ сейчасъ же отправился въ книжный магазинъ Трюбнера, торговавшаго всѣми герценовскими изданіями. Не найдя тамъ никого, говорящаго по-русски, онъ узналъ все-таки городской адресъ Герцена и написалъ ему сейчасъ же письмо, въ которомъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Лондонъ почти безъ всякихъ средствъ и знакомствъ, и просилъ указать хоть какое-нибудь дѣло. Но Герценъ былъ въ это время внѣ города, и письмо лежало, пока его не переслали по другому адресу. Со свойственной отзывчивостью Герценъ поспѣшилъ отвѣтить, что вернется не скоро, и совѣтовалъ обратиться къ Огареву. Почему-то Мартьяновъ не послѣдовалъ этому совѣту и рѣшился дождаться пріѣзда самого Александра Ивановича.

29 октября, вернувшись въ Лондонъ, Герценъ писалъ Мартьянову:

«Милостивый Государь,

«Вы меня застанете дома завтра около 3-хъ часовъ (въ среду) или въ воскресенье въ 2 часа—въ обоихъ случаяхъ я буду очень радъ васъ видѣть у себя.

«Съ истиннымъ почтеніемъ

А. Герценъ».

Петръ Алексѣевичъ поспѣшилъ увидѣться со знаменитымъ эмигрантомъ.

Оказалось, что никакихъ практическихъ связей у него въ Лондонѣ не было. Можетъ быть, Герценъ и имѣлъ ихъ, но изъ осторожности не назвалъ, не зная еще, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: вѣдь около него вертѣлось довольно русскихъ агентовъ...

Тогда Мартьяновъ рѣшился заняться русской исторіей и такимъ путемъ заработать хоть немного для скромной жизни во время своего процесса, въ который онъ тогда еще вѣрилъ.

Герценъ помогалъ ему въ этихъ занятіяхъ, и въ скоромъ времени они сблизились, особенно съ сыномъ Александра Ивановича. Въ короткое время упорнымъ трудомъ Мартьяновъ пріобрѣлъ массу знаній, и вотъ, отчаявшись уже въ своемъ личномъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ рѣшается выступить ходатаемъ уже за цѣлую страдавшую Россію... Ему приходитъ въ голову мысль обратиться къ государю съ пространнымъ письмомъ съ изложеніемъ всѣхъ основныхъ нуждъ горячо любимаго отечества. Мысль эта стояла неотвязно, и Мартьяновъ не медлилъ ея осуществленіемъ.

15 апрѣля онъ пишетъ Александру II свое, ставшее роковымъ письмо.

Привожу его съ подлинника, имѣющагося въ сенатскомъ дѣлѣ [1]).

III.

«Государь! Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи[2]),—мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колеи священнаго союза 1815 года.

«Исторія неумолима, Государь! исторія безпристрастна; цари въ Россіи не завоеватели, и самодержавны они не по праву оружія, народъ же имъ самодержавія не давалъ, стало—сами взяли. У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ,—отдать народу долгъ за нихъ и не быть Самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-землевладѣльческой—тоже: мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, представляющей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій

---

[1]) Въ «Колоколѣ» и въ другихъ мѣстахъ оно напечатано съ довольно значительными отступленіями.

[2]) Оно праздновалось 8 сентября 1862 г.

не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорсшихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія, пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

«Но слова безъ доказательствъ ничего не значатъ, на слово вѣрить никому не обязаны. Доказательства вотъ: пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ передъ Богомъ—это наши выборные, нашъ парламентъ, за неимѣніемъ выхода въ дѣйствительности. Далѣе, пусть укажутъ, гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно. Въ деревнѣ свой человѣкъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человѣкъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ—всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются миѳами, кумирами, идолами для народа. Не будь Никоновской реформы церковной и Петра Великаго—гражданской, и теперь народъ признавалъ бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ, и прославлялъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителя,—вопросъ излишній. Народъ знаетъ, кого знаетъ, и они знаютъ, за что народъ ихъ знаетъ. Это—главное. Остальное, знаніе внѣшнихъ условій, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за-границей пріобрѣтутся опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать подобную разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предызбранными, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и, въ сущности, указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и непониманія другъ другомъ раздѣляетъ съ народомъ самого такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели народъ не равняется больше умомъ съ предками, представители которыхъ собирались при Іоаннѣ Грозномъ на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать, продолжать войну или нѣтъ; и обсудивъ внѣшнія политическія отношенія, внутреннія силы, выгоды и невыгоды, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ бы такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ, сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами внѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ? Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ—до христіанскаго отреченія отъ личнаго

блага въ пользу общую, и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

«Теперь—процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ, т. е. въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости и затѣмъ, съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ по три человѣка на каждаго представителя. Возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ; народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но, чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранены, между выборами старшинами - избирателями кандидатовъ, послѣ объявленія именъ послѣднихъ народу, и окончательнымъ избраніемъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ изустно, чтобъ было дано время и устроена возможность областной сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ въ выборѣ кандидатовъ руководиться заранѣе извѣстной имъ самостоятельной волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь, подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ. Онъ соотвѣтствуетъ духу народа, какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій (кромѣ, разумѣется, запрещенныхъ), состоянія, общественнаго положенія (кромѣ осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе: кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей и, вообще, для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ни слова не говорю о правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще,—здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ сношеній и отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Число представителей относительно соображается съ общими правилами, принятыми исключительно въ этомъ отношеніи въ другихъ парламентскихъ странахъ.

«Изложивъ соображенія по вопросу о главныхъ выборахъ, второстепенныя обхожу; духъ ихъ одинъ, и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ обширности, проще.

«Лучше всѣхъ другихъ сословій, я сказалъ выше.

«Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ, народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ своихъ и привилегій, выраженное тверскими членами въ постановленіи дворянскаго собранія и въ поднесенномъ Вашему Величеству адресѣ—мы признаемъ совершившимся фактомъ. Съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословности и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило сословность свою, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго, по распоряженію государства, принадлежавшихъ ему, и привлечетъ къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно такъ же, какъ привлекли Вы ихъ началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно,—мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ болѣе, тѣмъ искреннѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ!

«Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ. По законамъ соціальнымъ и политико-экономическимъ, интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ осѣдлыхъ *народовъ* столкнуться между собою не могутъ, а, напротивъ, интересы и потребности одного обусловливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого и такъ взаимно. Не то бываетъ съ *государствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе ненормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, между собою сталкиваются, борются,—возникаютъ государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе, по необходимости, ложащіяся на народъ и гнетущія всею своею тяжестью народъ. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ и, если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ подъ господство другого, взявшаго верхъ государства, причемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государствованіе надъ страной, т. е. право высшаго сословія эксплоатировать и вообще угнетать сословія низшія, присваивая преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновеніе произошло между государствами русскимъ и

польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

«Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насиліе противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и, только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность въ чужомъ пиру похмѣлья, своею кровью и головами принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхѣ и неудачѣ равно для него вредной, противозаконной, противоестественной, противородственной и противородовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, забивается, мучается. Народъ порабощеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что кровными деньгами, зарабатываемыми по копейкамъ съ язвами и пóтомъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ-москалей, и казну государства московскаго. Итакъ, отношенія запутаны, натянуты, неестественны...

«Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ-соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ въ нихъ родныхъ намъ славянъ съ общимъ духомъ всего славянскаго міра, кровь, ширину натуры, свойственную всѣмъ славянамъ вообще; мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому нераздѣльному, свободному славянскому народу, сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ славянъ, -чтобъ сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія на минуту задумаются надъ великимъ актомъ самоуничтоженія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлоповъ—собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ болѣе славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣе, чѣмъ блестящѣе исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣпятся и глубже втиснутся въ памяти народной, сословной жертвой ихъ ходу судебъ человѣчества, справедливости и ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того на права *человѣка* воззрѣнію. Мы думаетъ, мы надѣемся, что благородное польское дворянство произнесетъ рѣшеніе, какъ бывшее дворянство русское, и сольется съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопствомъ безсословно и безразлично; мы увѣрены, что оно убѣдится, что другого выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единаго безсословнаго народнаго царства славянскаго на федеративныхъ началахъ отношеній областей — нѣтъ. Неужели же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни, вопреки волѣ

даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослаго человѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, мы не хотимъ вѣрить этому: это противно чувству, оскорбляетъ разумъ; мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ перстъ Божій, призывающій Его; что не противодѣйствовать, а содѣйствовать станетъ Онъ мирному сліянію, насильственно или случайно, во всякомъ случаѣ противоестественно, разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное. Вѣка пройдутъ, а на землѣ другого случая не будетъ сдѣлать столько, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, добра ближнимъ, сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да и мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны предъ лицомъ Бога и человѣчества, если не хотите отвѣчать передъ ними и передъ потомствомъ. Да снидетъ же на Васъ благодать Бога Вышняго, да благословитъ Онъ Васъ за все доброе и поможетъ въ дѣлахъ ко благу народному! Мы Васъ любимъ, Государь! очень любимъ. Подумайте же, каково намъ было бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

«...Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно! Взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ Вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовницами ихъ—оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торгами и переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей за должности отъ 50 до—100—200—500—1000, 2—3—4—5 тысячъ и т. д., и т. д., откупъ, съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, приводитъ народъ въ ужасъ и изумл.ніе и заставляетъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни, и въ будущей, и на самомъ правительствѣ—печать антихриста и сатаны. Царь отдѣленъ, понятіе о немъ отвлеченно. Всѣ эти люди, окружающіе Васъ, неужели, наконецъ, выведутъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подернутъ личность Вашу грустнымъ флеромъ для исторіи! Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность подобныхъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами дольше и дольше терпима и сохраняема...

«Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ—взрывы. Въ чьемъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копейки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обезпеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую корку хлѣба, которой онѣ сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть, наконецъ, сына, кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую-нибудь возможность улучшить сколько-нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость. И вдругъ Ваши старцы, владѣющіе маіоратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ,

гонятъ дѣтей съ приговоромъ смерти—съ горя—матери, нищеты и загубленной, разорванной жизни—сыну за то, что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсіи, ни протекціи. Боже мой, Боже мой! Чернѣе пятна на всемъ царствованіи Вашемъ быть не можетъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ московскихъ! Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да гдѣ Вы, Государь! Куда Вы зашли! Оглянитесь ради Бога и святыхъ силъ Его.

«...Правительство, говорятъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, только надо помнить, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываетъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли ненаселенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстари, съ незапамятныхъ временъ; онъ занялъ и населилъ ее задолго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ, и въ сущности, и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, не имѣющую въ отношеніи къ общинамъ владѣющихъ ею селеній и деревень, поселенныхъ на ней, никакой продажной цѣнности, наслѣдственную собственность. Такъ какъ же правительство-то будетъ продавать народу его же народную, непродажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой. Это будетъ похоже на того господина въ «Венеціанскомъ купцѣ», который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живого человѣка, только здѣсь не за долгъ будетъ вырѣзано мясо, а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ больному мѣсту. Народъ представитъ проще: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человѣка рукавицы изъ-за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежатъ. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если-бъ я не боялся быть невѣжливымъ, не знаю притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта—чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ запомнившіе по разсказамъ наставника-француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

«Вотъ отъ того же, отъ ложнаго воззрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу, не идетъ, и, если не измѣнится воззрѣніе это, то и не пойдетъ и крестьянско-помѣщичье дѣло. Призовите «Землю» и сравняйте ее въ совѣтѣ съ государствомъ,—иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами Земскимъ Го-

сударемъ, тогда въ одинъ годъ вопросъ крестьянскій разрѣшится, денегъ будетъ много, и всѣ финансовыя операціи обезпечены прочно.

«За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работы въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ-за сотни верстъ, разные взяточники, въ образѣ полицейскихъ и поповъ, къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? Къ чему народъ озлобляется безтолковыми и безсмысленными — осмысленными съ одной точки зрѣнія взяткобранія—разорительными мѣрами, прижимками и истязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи ничего подобнаго въ дѣлахъ вѣры не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ-то развѣ легче отъ того? Развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь Земли Русской, а императоръ и самодержецъ; развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, стакнувшись съ попомъ и не стакнувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, распространенія вреднаго ученія неповиновенія властямъ? Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ, и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ, что попало подъ руку, и книги, и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и лестовки, и свѣчи, и ладанъ, и масло, все въ квартиру становаго да благочинному въ сундукъ. Мелочи? — да ими жизнь народа отравляется! Нѣтъ! не мелочи, а крупныя и наглыя злодѣйства мелкой власти. Подъ чьимъ же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ? На комъ лежитъ позоръ ея насилій, гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, наглой власти [1])! Власти, власти, не людей. Люди, представители ея, эти жалкіе становые, исправники, ни больше, ни меньше, какъ жертвы системы, несчастные мученики и невольники преступленій, втиснутые, силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиноначалія, въ душную атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, не допускающая другой дѣятельности, кромѣ службы. Мы людей не винимъ, — система виновата, а не люди. Потому допросы, допросы на мѣстѣ,

[1]) «Я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человѣка: я былъ крестьяниеъ дѣйств. тайн. сов. графа Александра Гурьева; графъ, находя, что лимонъ достаточно созрѣлъ и, подвигнутый рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ, ограбилъ и до-тла разорилъ меня іезуитски-насильственными мѣрами. Да объ этомъ послѣ,—я не хотѣлъ говорить, къ слову пришлось. Я поговорю объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого-нибудь памятника, а то по мелочи съ безмѣномъ. Грабитель засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, а въ судахъ да царствуетъ правда!...» (*Прим. Мартьянова.*)

допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ, насмѣшки, оскорбленія, истязанія, грабительства, побои... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы, да что мы? Сонъ это бредимъ или живемъ!!! Государь! правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій, заставляющихъ народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна, въ Швецію съ одной стороны, въ Персію — съ другой. Что же, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы-то враги что ли какіе-нибудь или просто гадины, отверженныя Богомъ и человѣчествомъ? Чѣмъ они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ и другихъ, что не позволяютъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, такъ же неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ первымъ. Отчего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь не оттого же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ,—защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ и пр., и пр. и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христолюбиваго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ и ихъ толкованій на скорбь и горе всего народа русскаго! Вѣдь есть же кто-нибудь? Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ—денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи на-лицо! Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣетъ въ воздухѣ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Проводники устроены ли въ почву—мы не видимъ! не видимъ! Противоестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните, Государь, что рекрутчина—жертвоприношеніе со стороны народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты—погибъ человѣкъ! выхода, какъ отъ кровожаднаго божества, для обреченной на всесожженіе жертвы треножника, нѣтъ. Да и всесожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-медленнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно ли народъ приноситъ эту жертву, а насколько она полезна для него самого, отвѣтомъ служатъ вопли и плачъ, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

«Кто же поддерживаетъ, что обусловливаетъ разъѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окружающая Васъ, чиноначаліе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго количества №№ текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выправокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаим-

номъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушается, вотъ она, кѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная; вотъ она, хроническая проказа, поражающая общественный организмъ во всѣхъ суставахъ, во всѣхъ оконечностяхъ его,—плохой проводникъ!

«Тѣлесное наказаніе, розги (женщинъ сѣкутъ!), къ стыду Вашего царствованія не отмѣненныя еще въ Россіи, и которыми всякая чиновная сволочь орудуетъ, сколько душѣ угодно,—проводникъ не лучшій. Воля крестьянская... цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что цѣпи эти не есть цѣпи, что онѣ—непремѣнное условіе его жизни, пока не... умретъ. И эти цѣпи-не-цѣпи приказано носить попрежнему; проводникъ ненадежный, испорченъ.

«Губернаторы...

«Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію; такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

«Какъ?!

«Государь! я говорю голосомъ народа, моя обязанность—свобода, мое право—кровь и страданія. Мнѣ повѣрка—народъ и его люди; мы ждемъ отъ Васъ созванія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, вокругъ Васъ. Тысячелѣтіе...

«Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга

П. Мартьяновъ».

Лондонъ. 3—15 апрѣля 1862 г.

IV.

Письмо это, обнаруживающее въ Мартьяновѣ довольно ясное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ, было послано Александру II просто по почтѣ и достигло своего назначенія.

Но Мартьяновъ не былъ увѣренъ въ этомъ. Ему справедливо казалось, что камарилья не передастъ письма по адресу. Любовь къ родинѣ и къ государю—это очень важно имѣть въ виду все время—побуждали Мартьянова принять всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы письмо, на которое онъ возлагалъ большія надежды, не пропало въ мрачныхъ канцеляріяхъ. Кромѣ того, ему казалось, что Александру II могло придти въ голову, что письмо выражало желанія и надежды исключительно самого автора и только. Надо было показать, что это не такъ, что за авторомъ стоитъ общественное мнѣніе. Достичь такой поддержки нельзя было иначе, какъ путемъ широкаго оглашенія самаго письма. Но гдѣ? Понятно, въ «Колоколѣ», который читала вся Россія.

И Мартьяновъ проситъ Герцена напечатать свое письмо. Герценъ не отказалъ, потому что и самъ придавалъ этому документу большое политическое значеніе, считая его прекрасно выражающимъ именно народные идеалы, хорошо рисующимъ идеалъ земскаго

царя, который такъ не похожъ на «царя Зимняго дворца». Огаревъ считалъ его очень важнымъ. «Это не просто письмо,—это голосъ крестьянства, которое очнулось, голосъ искренній, изъ глубины скорбей вопіющій, жаждущій и—если государь его понялъ, то онъ понялъ, что въ словѣ любви къ царю очнувшагося крестьянства звучитъ не простая дѣтская любовь, а тоска по любви проходящей, жажда любви къ власти, которая признала бы земство; звенитъ не дѣтская вѣра въ царя, а тоска по вѣрѣ остывающей, жажда вѣры во власть, которая признала бы земство» [1]). Письмо было напечатано въ началѣ мая, въ № 132, и сопровождалось письмомъ Мартьянова къ Герцену:

«Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, полмѣсяца—послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того разсказывать не нужно; кто не пойметъ, для того—напрасно. Прочитайте и, если не мѣшаетъ, напечатайте его въ «Колоколѣ». А то, кто знаетъ, дойдетъ ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ звонѣ Колоколовъ, для повѣрки, по народу разойдется... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и осѣняются императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ ихъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха отвѣтственности за грабежъ и насилія, и все-таки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и перваго—по чистотѣ своихъ намѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ—подвижника всего крестьянства, Антона Казанскаго [2]) и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ, ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога Вышняго и проситъ объ отмщеніи—кому отомстить, кого простить—Богъ знаетъ. Не мести просимъ мы,—правды! Кровавое пятно бездининскаго убійства и пензенскихъ побоищъ—дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, зато всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ, отчего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя *земскаго*?.. Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство,—онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками пойдетъ къ нему навстрѣчу!.. Въ народъ стрѣляло государство—опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизнь! Кто далъ право стрѣлять этому государству? Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ,—народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ... Але-

[1]) «Колоколъ», 1862 г. № 134.

[2]) Антонъ Петровъ, вдохновитель своеобразнаго крестьянскаго движенія въ Казанской губерніи.

ксандръ не создалъ государственный строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждать нечего,—дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ. Государство держалось дворянствомъ; дворянство уничтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился. Вотъ и отвѣтъ: царь не возобновитъ государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антона,—народъ оправдаетъ его, и исторія ему отпуститъ. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскресить въ самомъ дѣлѣ не можетъ: время чудесъ прошло) и велитъ чтить, какъ мощи, выдавая за святыню,—если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антона-мученика на себя. Мы этого не хотимъ; это народу было бы горько»...

И Мартьяновъ, дѣйствительно, страстно хотѣлъ видѣть обновленную Россію во главѣ съ царемъ народа, а не государства, съ царемъ правды, царемъ истины и справедливости... Это была его idée fixe, столь дорогая тогда многимъ милліонамъ въ Россіи...

Письмо, дѣйствительно, было прочитано всюду.

Но имъ не ограничился искавшій правды Мартьяновъ. Свои политическіе взгляды онъ выразилъ еще и въ особой брошюрѣ, право изданія которой продалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру. Это—ставшая теперь большой рѣдкостью книжка: «Народъ и государство», выпущенная въ концѣ 1862 г., въ Лондонѣ.

Я не буду подробно останавливаться на этомъ сочиненіи Мартьянова, не буду даже излагать все вкратцѣ, потому что основная мысль очень проста: выяснялась полная противоположность между двумя понятіями, часто тогда смѣшивавшимися—что такое *народъ* и что такое *государство*. Мартьяновъ говорилъ по этому поводу:

«Подъ словомъ «государство» я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а *неотвѣтственное правительство* и всѣ правительственныя сословія, господствующія и эксплоатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью.

«Народъ, это—то, что́ эксплоатируютъ, это—*земство*, которое гнетется *государствомъ*. Государство, это—то, что́ эксплоатируетъ земство, это—правительство неотвѣтственное, это—дворянство съ принадлежащими къ нему частицами, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственнаго, само же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что и имѣетъ почти исключительную монополію.

«Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ и случайностей, вопреки характерныхъ особенностей народа русскаго, правительство наше изъ *выборно-совѣщательнаго* быстро превратилось въ абсолютно господствующее, безконтрольно-управляющее, неотвѣтственное и существуетъ въ этомъ видѣ нѣсколько вѣковъ. Опять

разныя случайности, а отчасти и соображенія мѣшали народу русскому сбросить беззаконный гнетъ правительства, насильно захватившаго власть, превышающую границы, установленныя для нея народомъ при Рюрикѣ, возстановляемыя по мѣстамъ при удѣльныхъ князьяхъ и отчасти для всей Россіи, при выборѣ на царство М. Ѳ. Романова. Кромѣ тѣхъ разныхъ случайностей и соображеній о необходимости терпѣнія правительственнаго самоуправства, во избѣжаніе большихъ какихъ-нибудь золъ, народъ не разъ возставалъ фактически противъ беззаконно-дѣйствующихъ законовъ государственныхъ, всегда направлявшихся къ захвату правъ народныхъ, его свободы; но всѣ эти попытки борьбы и возстанія были подавляемы силой, и послѣ нихъ неправды правительства и гнетъ его власти все усиливались да усиливались, видоизмѣняясь во внѣшней формѣ своей и принимая болѣе стройный видъ и организованный строй, по мѣрѣ перерожденія государства по образу и подобію бога имперіи Римско-Нѣмецкой съ остатками типа Монголо-Византійскаго. Правительство наше, вмѣсто того, чтобъ соображать дѣйствія свои съ потребностями и интересами земли, стало рѣшительно помыкать народомъ, эксплоатировать его и государствовать во вся тяжкая, позабывъ *десятую* заповѣдь скрижалей Господнихъ и навязывая всѣмъ первую, въ которой говорится: «Азъ есмь Господь Богъ твой и нѣсть тебѣ Бози иніи развѣ мене»! цѣликомъ примѣняя ее къ себѣ и обращая къ народу, котораго оно ни изъ какого Египта не изводило, а только привело»...

«Вотъ общее знакомство *съ Русскимъ государствомъ*».

Схема нашей государственной исторіи представлялась Мартьянову въ такомъ оригинальномъ видѣ: «имперія Петра Великаго... Да что имперія! Возстаніе народа съ Пугачевымъ ясно говоритъ объ отношеніяхъ ея къ народу.

«Петръ I и дубинка. стрѣльцы и казни, перепись и подати, работы и служба, заморская каша и земское масло... сынъ и дыбы, жена-монахиня, земство въ колодкахъ, расколъ на крестѣ...

«Екатерина и Меньшиковъ.

«Петръ и Долгоруковъ.

«Избраніе Анны, Анна Іоанновна, Іоаннъ Антоновичъ, Анна Леопольдовна, Биронъ и Минихъ, пытки и казни, срубы и пламя— костры и огонь, и душно, и смрадно, и дымно!

«Елисавета и Лейбъ-компанія, Шлиссельбургъ и Іоаннъ Антоновичъ.

«Петръ III...

«Екатерина, Пугачевъ...

«Павелъ, во всемъ Екатеринѣ противорѣчившій, въ одномъ совершенно подражавшій ей, въ раздачѣ любимцамъ крестьянъ.

«Александръ, крестьянъ не раздававшій, что-то думавшій и ничего не сдѣлавшій, кромѣ ужасовъ аракчеевскихъ и военныхъ поселеній.

«Николай марширующій... Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ»!

Патетически заканчивалъ авторъ изложеніе своего идеала— перехода власти къ народу:

«Если самая власть государственная перестанетъ быть властью, съ современнымъ намъ характеромъ ея, государство, этотъ враждебный станъ народу, не перестанетъ быть станомъ народу враждебнымъ, пока существуетъ; потому не перестанетъ быть враждебнымъ, что самая его станообразность народу уже враждебна. Чтобъ вражды этой не было, надо, чтобъ одна сторона изъ враждующихъ уничтожилась, войдя въ другую, а такъ какъ народъ уничтожиться не можетъ, ему отречься отъ самого себя нельзя, то и остается уничтожиться стану государственному, т. е. дворянству, составляющему его, отречься отъ сословности.

«А власть государственная должна превратиться во власть правительственную, сообразную съ духомъ, ростомъ и потребностями народа, самоуправляющагося посредствомъ представительной формы правленія съ Великой Всенародной Земской Думой во главѣ, какъ выраженіемъ союза и неразрывнаго единства всего Міра Славянскаго.

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Единое, неразрывное, безсословное, народное Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское!—союзное, свободное, могучее Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Отъ моря Бѣлаго и Балтики до моря Чернаго и Босфора, отъ волнъ Адріатическихъ до океановъ Тихаго и Ледовитаго!

«Да здравствуетъ!»

V.

Написавъ письмо и книгу, Мартьяновъ пришелъ къ заключенію, что онъ исполнилъ все, что могъ сдѣлать въ тотъ моментъ... Когда наступилъ кровавый 1863-й годъ, онъ насилу сдерживалъ свое горе при видѣ польскаго возстанія, которому совершенно не сочувствовалъ, какъ апологетъ всеславянской федераціи... Много по этому поводу было у него споровъ съ Герценомъ и, въ особенности, съ Бакунинымъ...

Герценъ даетъ очень выпуклый образъ Мартьянова: «Человѣкъ, испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбѣ русскаго народа; тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть... Въ мнѣніяхъ Мартьянова была та законченность, которую мы встрѣчали въ глубоко-религіозныхъ людяхъ, которой мы дивились въ П. В. Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній. Мартьяновъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь—столько трогательнаго величія, что, дѣйствительно, надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца,

чтобъ его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартьянова,—онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное къ представителю народной правды и народной воли, можетъ быть наказано хуже воровства» [1]).

Да, Мартьяновъ рѣшилъ, что больше ему на Западѣ дѣлать нечего, и направился въ Россію...

Въ этомъ было такъ много простоты и наивности, что никто изъ окружающихъ не могъ ее понять. Любопытное письмо написалъ онъ Огареву какъ-то послѣ одного изъ такихъ разговоровъ почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

«Я потому, безъ сомнѣнія, написалъ письмо къ государю и книжку, что *жилъ въ Англіи*, но потому же ѣду и въ Россію, что написалъ это. Сказать печатно слово и отвернуться отъ Россіи для Америки— *нехорошо*, а оставаться въ Лондонѣ стало не къ чему.

«По какой причинѣ?

«Просмотрите письмо мое къ Вамъ по поводу разныхъ переписокъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ» по польскимъ дѣламъ, и Вы найдете, почему мнѣ незачѣмъ жить въ Англіи [2]). Да это Вы уже знаете. Знамя мое—единство всей земли славянской съ безсословнымъ представительствомъ въ одной центральной всенародной земской думѣ и съ думами по областямъ для мѣстныхъ дѣлъ. Къ тому же *личныя дѣла* окончились. *Другого* содержанія *не стало*. А какъ не стало въ жизни *содержанія*, пришлось искать его въ Россіи. Что найду? Кто знаетъ! Хочу добра и правды.

П. Мартьяновъ.

«Я имѣлъ дерзость думать, это не личное желаніе, это принципъ всего *народа* славянскаго, за исключеніемъ того, и то отчасти только, что называется «государствомъ». Такую рознь въ желаніяхъ *народа съ государствомъ* видимъ ясно въ Польшѣ».

«Хочу добра и правды»—въ этомъ и была ужасная вина Мартьянова...

Его уже давно разыскивали и, когда онъ, 12 апрѣля 1863 года, вступилъ на русскую землю въ Вержболовѣ, его сейчасъ же арестовали и немедленно доставили въ Петербургъ въ III Отдѣленіе.

14-го Александръ II повелѣлъ передать дѣло о его преступленіи слѣдственной комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына, съ дѣятельностью которой читатели уже знакомы... Въ тотъ же день Мартьянова перевезли въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли Серно-Соловьевичъ, Ветошниковъ и др. Что долженъ былъ пережить, перечувствовать и передумать человѣкъ, такъ *страстно и такъ просто искавшій правды и добра?* Это было маленькое «девятое января» Александра II...

---

[1]) «Колоколъ», 1864 г. № 176.

[2]) Въ этомъ письмѣ Мартьяновъ выражалъ свою скорбь и негодованіе на то, что русскіе, забывая притязанія поляковъ на коренныя свои земли, сочувствуютъ польскому дѣлу больше, чѣмъ сами поляки; говорилъ, что поляки могутъ, какъ хотятъ, отстаивать свое дѣло, но дѣло русскихъ—отстаивать единство и цѣлость всей земли съ ея народной земской думой.

15 апрѣля шефъ жандармовъ, кн. Долгорукій, сообщалъ кн. Голицыну о высочайшей волѣ.

Теперь, когда мы знаемъ истинный ходъ событій личной жизни Мартьянова, для насъ небезынтересно ознакомиться съ ихъ изложеніемъ въ оффиціальной бумагѣ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ.

Тамъ прежде всего сообщалось, что Мартьяновъ растратилъ состояніе своего отца... Очевидно, надо было подготовить комиссію къ наиболѣе неблагопріятному отношенію къ подсудимому. Затѣмъ говорилось, что изъ общества «Кавказъ и Меркурій» онъ уволенъ за растрату денегъ. «Видя послѣ того и съ обнаруженіемъ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ его поступковъ трудность своего положенія въ Россіи, онъ отправился за-границу и, находясь въ Лондонѣ, сблизился съ Герценомъ и его сообщниками»...—такъ объяснялся выѣздъ въ Лондонъ.

20 апрѣля комиссія вытребовала Мартьянова на допросъ.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ показаній его, которыми воспользовался выше при разсказѣ, а приведу другія.

Не желая впутывать хоть какъ-нибудь Герцена и его друзей, Мартьяновъ сказалъ, что никого у Герцена и Огарева не встрѣчалъ, что Герценъ, кажется, очень остороженъ и едва ли станетъ принимать постороннихъ людей другъ при другѣ. «О дѣятельности его мнѣ ничего не извѣстно, кромѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ по «Колоколу». У Бакунина не бывалъ».

Комиссія увидѣла, что отъ Мартьянова много не получишь и, сочтя достаточнымъ самые факты посылки письма государю и опубликованія его и другого письма въ «Колоколѣ», представила Александру II докладъ, въ которомъ находила необходимымъ передать дѣло Мартьянова на судъ сената. 5 мая докладъ этотъ былъ утвержденъ. Сенатъ велъ себя тоже весьма просто и безъ дальнихъ проволочекъ прямо приступилъ къ составленію опредѣленія на основаніи матеріаловъ, переданныхъ комиссіею.

VI.

Приведу главную часть опредѣленія.

«Изъ вышеизложеннаго оказывается, что мѣщанинъ Мартьяновъ, оставивъ Россію по случаю разстройства тоговыхъ дѣлъ своихъ и поселившись въ Лондонѣ, познакомился съ Герценомъ, Огаревымъ и другими изгнанниками русскими. Не получивши почти никакого образованія, но начитавшись русскихъ сочиненій, издаваемыхъ изгнанниками и проникнутыхъ враждою противъ русскаго правительства, онъ прислалъ изъ Лондона его императорскому величеству письмо, въ коемъ дерзостно порицалъ установленный государственными законами самодержавный образъ правленія. Затѣмъ, наполнивъ письмо свое нелѣпыми мнѣніями своими о вредѣ самодержавія и предлагая планы, въ головѣ его родившіеся, о созваніи земской думы и о томъ, какимъ образомъ должны быть произво-

димы выборы въ члены этой думы, онъ порицалъ существующія нынѣ учрежденія, упрекалъ въ существованіи ихъ и въ злоупотребленіяхъ, по мнѣнію его, отъ нихъ происшедшихъ, государя императора, и кончилъ письмо свое воззваніемъ къ государю созвать Великую Земскую Думу для постоянныхъ совѣщаній вокругъ государя. Такимъ образомъ, сочиненное Мартьяновымъ и посланное имъ изъ Лондона къ государю императору письмо заключаетъ въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія и, хотя сіе преступленіе имъ учинено внѣ предѣловъ государства, подвергаетъ его, на основаніи 189 ст. уложенія, наказанію по 2 ч. 286 ст. того же уложенія, т. е. заключенію въ крѣпость на время отъ одного года до двухъ лѣтъ.

«Но, независимо отъ сего, Мартьяновъ это же самое письмо, съ ничтожными токмо измѣненіями, не перемѣняющими смысла, напечаталъ въ журналѣ «Колоколъ», издаваемомъ въ Лондонѣ русскими изгнанниками, Герценомъ съ компаніею, имѣющемъ постоянное направленіе къ опроверженію существующаго въ Россіи правленія. Такого рода дѣйствіе Мартьянова есть распространеніе противозаконнаго его сочиненія и подвергаетъ его наказанію по I части той же 286 ст. уложенія, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ, безъ наказанія плетьми и наложенія клеймъ, на основаніи высочайшаго указа 17 апрѣля сего года. По совокупности преступленій онъ долженъ быть подвергнуть послѣднему, какъ строжайшему роду наказаній.

«Обращаясь за симъ къ опредѣленію мѣры наказанія подсудимаго, сенатъ находитъ, что при отсутствіи обстоятельствъ, вину его уменьшающихъ, она увеличивается тѣмъ, что съ противозаконнымъ сочиненіемъ своимъ онъ обратился къ лицу самого государя императора (6-й пунктъ 141 ст.) и, дозволяя себѣ нѣкоторымъ образомъ выраженія, имѣющія въ себѣ видъ упрека къ лицу императорскаго величества, даже въ формѣ нарушилъ порядокъ обращенія къ священной особѣ русскаго самодержца, подобающій всякому русскому подданному, подписавшись «покорнѣйшимъ слугою», а не вѣрноподданнымъ. Объясненіе его, будто бы искренняя любовь къ государю и народу побудила его написать и послать письмо это, не заслуживаетъ по своей неправдоподобности ни малѣйшаго уваженія, ибо все содержаніе письма проникнуто озлобленіемъ, которое возымѣлъ онъ по случаю разстройства частныхъ дѣлъ своихъ, и озлобленіе это онъ излилъ на правительство русское; такимъ образомъ, во всемъ письмѣ его нѣтъ и тѣни любви къ государю и народу, которую приводитъ онъ въ оправданіе свое; оно дышитъ злобою противъ правительства и наполнено несбыточными предположеніями. По симъ основаніямъ, мѣра наказанія подсудимому Мартьянову должна быть назначена средняя. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго, мѣщанина Петра Мартьянова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ ка-

торжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда».

Государственный совѣтъ, конечно, согласился съ сенатомъ и получилъ высочайшее утвержденіе своего мнѣнія безъ всякаго даже уменьшенія срока наказанія.

7 декабря Мартьяновъ былъ отправленъ въ Сибирь безъ публичнаго объявленія приговора на площади... Очевидно, понимали, что народъ преступленіе Мартьянова вполнѣ одобряетъ...

Такой исходъ дѣла очень возмутилъ лучшую часть русскаго общества, уже раздѣленнаго тогда на-двое свирѣпой реакціей. Герценъ сказалъ пару горячихъ словъ русскому деспотизму, вновь напечатавъ все письмо Мартьянова...

Любопытно, что этимъ возмутился Ю. Ѳ. Самаринъ. Онъ писалъ Герцену, что въ письмѣ Мартьянова къ государю нѣтъ искренности... «По содержанію его письмо пóшло; по тону оно заносчиво и дерзко, какъ поступокъ, въ которомъ обличаются побужденія писавшаго; оно лживо отъ первой строки до послѣдней. Не то его озабачиваетъ, чтобы мысль, кажущаяся ему новою, дошла до государя и озарила его, вовсе не то. Его радуетъ самый фактъ письма и огласка его, совершенно независимо отъ содержанія и послѣдствій. Онъ берется за перо, чтобы заявить, что вотъ, молъ, простой человѣкъ, бывшій холопъ, а тоже помимо всѣхъ лѣзу къ государю и кричу на него; онъ потираетъ себѣ руки отъ удовольствія, воображая себѣ, какъ эта бомба изъ Лондона полетитъ въ Зимній дворецъ, какъ ее тамъ разорветъ, и какъ отъ осколковъ ея разбѣжится вся придворная челядь. Скандала онъ жаждетъ, скандала ради, а вовсе не вразумленія и обращенія. Все это вы чувствовали и понимали лучше меня. Отчего же вы приняли это письмо и напечатали его?..

«Вамъ донесли изъ Россіи, что Мартьяновъ за это письмо сосланъ на каторгу. Объ этомъ я ничего не знаю; отъ васъ въ первый разъ слышалъ я имя Мартьянова и, разумѣется, никакихъ справокъ не успѣлъ еще о немъ собрать; но, не выжидая справокъ, теперь же, на свою отвѣтственность, я готовъ поручиться, что вамъ налгали ваши корреспонденты въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Одно изъ двухъ: или Мартьяновъ не на каторгѣ, или онъ сосланъ не за это письмо, а за другое дѣло, и вамъ, и мнѣ неизвѣстное [1])»...

Письмо весьма характерное. Авторъ его, конечно, не могъ допустить мысли, чтобы за это могли послать человѣка на каторгу и на вѣчное поселеніе!.. И какъ неловко было ему потомъ признаться Герцену въ своей ошибкѣ...

Въ іюнѣ 1866 года Мартьяновъ умеръ на каторгѣ...

---

[1]) «Русь», 1883 г. № 1.

ПРОЦЕССЪ „ВЕЛИКОРУССЦЕВЪ“

Процессъ „Великоруссцевъ“.

I.

Насколько извѣстно, «нелегальщина» шестидесятыхъ годовъ началась съ небольшого листка «Великоруссъ», № 1, разбросаннаго кое-гдѣ въ Петербургѣ, а вскорѣ и въ Москвѣ, въ іюлѣ 1861 года.

Въ немъ не было достаточной ясности и опредѣленности, но зато было что-то иное, чѣмъ печатавшееся въ цензируемой прессѣ.

Воспроизвожу его полностью.

«Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно, оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

«Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

«Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь

пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

«Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?

«Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а опредѣливъ способы дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать[1])».

Въ первой половинѣ сентября вышелъ второй номеръ, посвященный разсмотрѣнію мнѣній разныхъ группъ и оттѣнковъ общества по первому изъ двухъ поставленныхъ вопросовъ. Воспроизвожу и его полностью:

«Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ публикѣ по поводу вопросовъ, предложенныхъ въ Великоруссѣ, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

По первому вопросу.

«Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція.

«Помѣщичьи крестьяне, по своему понятію объ ожидаемой ими къ веснѣ 1863 г. волѣ, раздѣляются на двѣ партіи. Одна думаетъ, что вся земля помѣстья должна перейти въ собственность крестьянъ, т. е. и земля, бывшая въ пользованіи помѣщика; никакого выкупа за землю платить крестьяне не должны; помѣщики, потерявъ рѣшительно всю землю, удалятся изъ селъ въ города; вознагражденіе получатъ они отъ государства (по выраженію крестьянъ, царь возьметъ помѣщиковъ на свое жалованье). Партія, непремѣнно ждущая такого рѣшенія, очень многочисленна между крѣпостными крестьянами; она неизбѣжно возьметъ верхъ, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продолжится. Другая, такъ сказать, умѣренная партія полагаетъ, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, со всѣми угодьями, въ пользованіи которыхъ они участвовали, т. е. съ рыбными ловлями и частью лѣса; но земля, которою пользовался самъ помѣщикъ, можетъ, по ихъ мнѣнію, остаться за нимъ. О выкупѣ и эта партія думаетъ точно такъ же, какъ и первая, т. е. совершенно его отвергаетъ. Теперь эта умѣренная партія слабѣе первой, но можно надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, если вопросъ будетъ разрѣшенъ чисто въ ея духѣ. Эта надежда основывается на томъ, что крестьяне еще не организовались для общаго возстанія, эпохою котораго будетъ лѣто

---

[1]) Послѣ выхода перваго номера «Великорусса» въ «Колоколѣ» появился «Отвѣтъ Великоруссу», который приводится въ приложеніи № 10.

1863 года, если весна его обманетъ ихъ. Но должно помнить, что выкупъ отвергаютъ единодушно всѣ крестьяне. О требованіи съ нихъ выкупа нечего и думать людямъ, желающимъ, чтобы они остались довольны рѣшеніемъ вопроса. Если же крестьяне останутся недовольны, законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ, какъ теперь, военными мѣрами. А власть, дѣйствующая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ чемъ. Въ такомъ случаѣ законность будетъ введена только вслѣдствіе революціи.

«Итакъ, для мирнаго водворенія законности, необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи.

«По той же самой причинѣ русскіе, приверженцы законности, должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства. Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія американскихъ колоній: «если англійское правительство подчинитъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму». Потому онъ, вмѣстѣ со всѣми друзьями свободы въ Англіи, требовалъ, чтобы англійскія войска были выведены изъ недовольныхъ колоній. Точно также интересъ русской свободы требуетъ освобожденія Польши.

«Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же. Наша власть надъ Польшей основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми Царство Польское было соединено съ Россіей на вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную чисто-національную армію. Мы измѣнили этому своему слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками.

«Чтобы сохранить господство надъ Польшей, мы должны имѣть лишнихъ двѣсти тысячъ войска, тратить ежегодно по сорока милліоновъ нашихъ собственныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя беремъ съ Польши. Наши финансы не придутъ въ порядокъ, пока мы будемъ дѣлать такую трату. Сотни тысячъ женщинъ, стариковъ и дѣтей остаются у насъ безъ средствъ къ жизни, потому что работники ихъ семействъ отведены на западъ—удерживать Польшу въ рабствѣ, столь разорительномъ для насъ.

«Это разореніе мы будемъ терпѣть, пока не откажемся отъ Польши совершенно. Поляки не удовольствуются ничѣмъ, кромѣ

полной отдѣльности отъ насъ. Мы должны вовсе уйти изъ Польши, чтобы избавиться отъ разоренія. Если мы сдѣлаемъ это добровольно, поляки станутъ уважать насъ, какъ людей умныхъ, полюбятъ насъ, какъ людей честныхъ. Если мы не сдѣлаемъ этого сами, поляки все-таки скоро освободятся: они ждутъ только перваго случая, чтобы возстать поголовно. И намъ не удастся подавить ихъ теперь, какъ при Паскевичѣ, потому что нѣтъ теперь въ Польшѣ внутренняго раздора, которому тогда мы были обязаны гибельнымъ для насъ торжествомъ. Польскіе патріоты рѣшили отдать крестьянамъ землю даромъ, несмотря на усилія нашего правительства раздувать вражду между сословіями въ Польшѣ; польскіе крестьяне знаютъ объ этомъ и одушевляются патріотизмомъ, и потому намъ теперь невозможно будетъ побѣдить польскаго возстанія.

«Итакъ, вопросъ о Польшѣ для насъ, русскихъ, состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебна намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ.

«Та же самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію южной Руси полная свобода располагать своею судьбою по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого—мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшилъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что, при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно: выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ.

«Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости

такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціоналистовъ.

«Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому, подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надобно не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики.

«Слѣдующій номеръ «Великорусса», изложивъ выводы изъ мнѣній, высказываемыхъ по вопросу о династіи, представитъ на разсмотрѣніе публики способъ дѣйствій, наиболѣе сообразный съ нынѣшнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія».

Наконецъ, еще черезъ двѣ недѣли, въ концѣ сентября, былъ выпущенъ третій номеръ «Великорусса», который воспроизвожу, увы, съ неизбѣжными небольшими пропусками.

«Выслушавъ отчеты членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ публикою, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ по второму изъ вопросовъ, предложенныхъ въ первомъ номерѣ «Великорусса».

О ДИНАСТІИ.

«Мнѣнія о томъ, способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціоналистовъ думаютъ, что нынѣшній государь

самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ о произнесенныхъ будто бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, наклоннымъ къ спокойному пользованію почетностію и матеріальными выгодами своего положенія. Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцемъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія, и пріобрѣтенной имъ привычкѣ пользоваться неограниченною властью, и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ, и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты боязнью политической свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

«Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, попрежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій, совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластія добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію къ конституціи. Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династіи—дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простого народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другія находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ.

«Видя такое раздѣленіе между друзьями свободы, комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ, считающимъ сохраненіе династіи вещью, совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія

мало отличается отъ республики. Что касается комитета, онъ, вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ, увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ не менѣе, онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія массы. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется не долго), пока отставшіе отъ нихъ въ своемъ политическомъ развитіи конституціоналисты будутъ приведены событіями къ принятію истины, которую теперь они еще не замѣчаютъ. Быть снисходительными и терпѣливыми—дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда.

«Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адресъ. Проектъ адреса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти, руководители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адресѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ, въ числѣ другихъ предметовъ разговора, будетъ идти рѣчь и объ адресѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго; полиція не можетъ сдѣлать большихъ непріятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ со своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ повсюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли. Цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется, дѣйствовать надобно спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли бы ихъ бѣдамъ безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденія.

«На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность—организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили бы партіями.

«Главныя правила тутъ: 1) не должно ничего ввѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ. Всѣ дѣла должно вести изустно; 2) никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего города, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого

комитета. Эти правила должно соблюдать неуклонно. Человѣкъ, нарушающій ихъ, вреденъ для дѣла, и партія должна прекратить всякія сношенія съ нимъ.

«Держась этихъ правилъ, комитеты могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ открытія, ихъ нельзя будетъ даже назвать тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою и предотвращающихъ напрасныя столкновенія. Разумѣется, они позаботятся заслужить довѣріе молодежи. Давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды, они будутъ удерживать ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, иначе неизбѣжныхъ, и спасутъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ, которымъ подверглись бы они, не имѣя, какъ теперь, осторожныхъ руководителей въ наступающія смутныя времена.

«Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступитъ въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ нужно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ номерѣ «Великорусса» мы съ разсчетомъ только ставили вопросы, и притомъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставляемъ программу, которую потребовала она сама.

«Итакъ, на первое время должно ограничиться пропагандою мысли объ адресѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія, собираніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ начать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью комитетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписанію и подачѣ адреса только тогда, когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстимости нынѣшней династіи съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь... Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

«Этимъ номеромъ и проектомъ наша газета прекращается на

время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать, намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ».

Въ томъ же номерѣ газеты былъ напечатанъ и слѣдующій проектъ адреса къ государю:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Положеніе нашей русской родины тяжко и опасно.

«Дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права рѣшено въ смыслѣ, противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19-го февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года, и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помѣщикамъ, которыхъ вознаградитъ государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19-го февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ.

«Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

«Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

«Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи». ✕

II.

✕ Надо ли говорить, какъ обезпокоилъ «Великоруссъ» охранителей россійскаго порядка... III Отдѣленіе сбилось съ ногъ въ поискахъ виновныхъ крамольниковъ и кое въ чемъ успѣло.

Однако, прежде чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ, я остановлю вниманіе читателя на скромномъ молодомъ офицерѣ Владимірѣ Александровичѣ Обручевѣ, двоюродномъ братѣ извѣстнаго генерала Николая Николаевича Обручева. Сдѣлать это теперь тѣмъ легче, что въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ, какъ бы въ отвѣтъ на мою статью въ іюльской книжкѣ «Былого» за 1906 годъ, г. Обручевъ разсказалъ «Изъ пережитого», наконецъ, о томъ, о чемъ молчалъ сорокъ пять лѣтъ, стѣсненный своимъ служебнымъ положеніемъ въ качествѣ генерала по адмиралтейству. Нынѣ онъ оставилъ службу, вышелъ въ отставку и счелъ возможнымъ повѣдать о своемъ «дѣлѣ», не мало разочаровавъ всѣхъ, кто, съ чужого голоса нѣкоторыхъ его современниковъ, въ томъ числѣ и я самъ, утверждали, что онъ игралъ довольно видную роль въ освободительномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ. «Къ движенію, которое воодушевило русское общество послѣ крымской войны, я,—пишетъ г. Обручевъ,—пріобщился съ увлеченіемъ, но едва началъ освоиваться съ болѣе серьезными его сторонами; а на нелегальный путь вступилъ совершенно случайно, шутя, и затѣмъ тотчасъ же—и навсегда—возвратился на путь законности. Въ отступничествѣ я неповиненъ, лжи не училъ, Христа не продавалъ. Но знамени мнѣ ввѣрено не было, и я исповѣдникомъ не былъ; не металъ бисера, не дразнилъ гусей, проявлялъ, какъ умѣлъ, кротость и мудрость и выслушивалъ спокойно—часто съ улыбкой—много возмутительнаго. Я понималъ, что иначе нельзя возвратиться на свободу, а этого я хотѣлъ страстно».

На путь, по которому г. Обручева направили III Отдѣленіе и послушные ему сенаторы, онъ вступилъ вслѣдствіе «грубой служебной несправедливости». Онъ окончилъ въ 1858 году, 22-хъ лѣтъ, Николаевскую академію генеральнаго штаба, но не первымъ, какъ

разсчитывалъ, а третьимъ, уступивъ первенство извѣстному потомъ генералу Анненкову и Полторацкому. Однако, это не мѣшало стараться попасть на службу въ гвардейскій генеральскій штабъ, съ которымъ молодой поручикъ связывалъ всѣ свои планы будущаго. Вотъ назначено уже представленіе государю. Александръ II поздравилъ молодыхъ штабниковъ, какъ вдругъ генералъ-квартирмейстеръ баронъ Ливенъ, выступивъ впередъ, сказалъ: «Извините, Ваше Императорское Величество я не могу отдать Обручева: мнѣ самому нужны хорошіе офицеры»... Такъ рушились всѣ мечты... Офицеру, приготовлявшемуся къ строевой службѣ въ штабахъ, суждено было сидѣть въ инспекторскомъ департаментѣ и корпѣть надъ скучными дѣлами о расквартированіи войскъ... Затѣмъ разрывъ съ отцомъ и рѣшеніе вовсе оставить военную службу.

Надо было пріискивать работу, чтобы не выйти ни съ чѣмъ. Г. Обручевъ отправился въ «Современникъ», гдѣ познакомился съ Чернышевскимъ... Прошло немного времени—молодой офицеръ уже иначе аргументировалъ передъ самимъ собой необходимость оставить военную службу; онъ уже не ссылался на полученную обиду, а говорилъ о нежеланіи служить изъ опасенія, что придется сдѣлаться убійцей, стрѣлять въ своихъ, и притомъ въ тѣхъ, кто будетъ стоять за добро противъ зла... Чернышевскій далъ ему работу и нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Принялъ участіе и Добролюбовъ... Въ концѣ августа 1859 года Обручевъ вышелъ въ отставку. «Современника» было мало,—пришлось репетировать сыновей гр. А. В. Адлерберга, Зарембы и др. Затѣмъ, перевезя въ Петербургъ мать и сестру, онъ еще болѣе сблизился съ Чернышевскимъ; частенько они видѣлись въ домашней обстановкѣ. Во второй половинѣ августа 1861 года, послѣ лѣтняго пребыванія въ материнскомъ имѣніи подъ Ржевомъ, г. Обручевъ вернулся въ Петербургъ и энергично принялся за работу въ журналѣ.

Дальше выслушаемъ его собственный разсказъ.

«Черезъ нѣсколько времени послѣ этого послѣдняго моего пріѣзда въ Петербургъ я услышалъ,—не помню, отъ кого перваго,—что разбрасываются воззванія, что М. И. Михайловъ привезъ изъ-за-границы воззваніе «Къ молодому поколѣнію» и что вышелъ первый номеръ листка «Великоруссъ». Говорили объ этомъ съ оттѣнкомъ шутливости, разсказывали разные школьническіе способы распространенія и бывшія попытки задерживать разносчиковъ. Это уже была осень, сентябрь Мнѣ тогда поручено было составить для «Современника» политическое обозрѣніе, и по этому случаю мнѣ пришлось быть два или три раза у Добролюбова, незадолго передъ тѣмъ вернувшагося изъ-за-границы, больного, уже не надѣявшагося жить. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, когда кромѣ меня былъ еще кто-то изъ сотрудниковъ, неожиданно вошелъ Некрасовъ, только что пріѣхавшій изъ деревни. Онъ радостно привѣтствовалъ Добролюбова, они облобызались, а мы сочли долгомъ моментально стушеваться. При слѣдующемъ свиданіи Добролюбовъ

мнѣ сказалъ, что по впечатлѣнію, вынесенному Некрасовымъ за время бытности въ деревнѣ, «ничего не будетъ».

«Эти слова должны бы были послужить мнѣ предостереженіемъ въ моемъ стремленіи «быть полезнымъ»; но я недостаточно ими проникся и совершенно о нихъ не вспомнилъ, когда, нѣсколько дней спустя, мнѣ было предложено участвовать въ разсылкѣ листка «Великоруссъ» (№ 2). Даже теперь, по прошествіи сорока пяти лѣтъ, я не назову лицо, черезъ которое это предложеніе послѣдовало. Я очень мало зналъ его, и его имя заглохло въ полной безызвѣстности. По крайней мѣрѣ, я лично никогда и ничего о немъ не слыхалъ. Но я живъ—стало быть, и онъ можетъ еще здравствовать. Затѣмъ возможны дѣти, внуки—и разоблаченіе имени было бы, безъ сомнѣнія, непріятно имъ всѣмъ. Итакъ, воздержусь. Листокъ былъ отпечатанъ на дрянной бумагѣ, неопрятнымъ, неровнымъ шрифтомъ. Всего было четыре страницы въ осьмушку. Содержанія не помню совсѣмъ. На мое заявленіе, что я еще не видалъ перваго номера, гость отвѣчалъ, что «постарается мнѣ его доставить»,—хотя онъ очень коротенькій и неинтересный.— «А вотъ,—прибавилъ онъ,—скоро выйдетъ третій номеръ, такъ тотъ написанъ чрезвычайно сильно».

«Неожиданный посѣтитель передалъ мнѣ довольно толстую пачку листковъ и конверты, которые мнѣ предлагалось адресовать по списку, гдѣ значилось, сколько экземпляровъ, куда класть— въ большинствѣ случаевъ по одному или по два. Долженъ признаться, что ко всему этому дѣлу я отнесся съ совершенно непростительнымъ легкомысліемъ. Я не колебался нисколько; напротивъ, даже гордился даннымъ мнѣ порученіемъ и ни одной минуты не подумалъ о послѣдствіяхъ, которыя оно могло имѣть для меня и другихъ лицъ. Приступивъ къ дѣлу, я не позаботился выработать себѣ какой-нибудь искусственный почеркъ, а писалъ настоящимъ своимъ—тогда, впрочемъ, неустановившимся и довольно прихотливымъ—и вечеромъ пошелъ въ разносъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, который былъ примѣтенъ, такъ какъ, по случаю частыхъ приступовъ зубной боли, я закрывалъ въ холодное время нижнюю часть лица клѣтчатымъ шарфомъ, конецъ котораго закидывалъ за спину. Не сомнѣваюсь, что именно по этому шарфу я былъ впослѣдствіи опознанъ. Наконецъ, я учинилъ еще слѣдующую капитальную глупость.

«Проходя мимо угла Невскаго и Литейной, я всегда смотрѣлъ на стоявшихъ тутъ лихачей, и въ особенности на одного изъ нихъ, молодого, очень красиваго парня; такъ что, при всей массѣ проходящаго тутъ народа, онъ могъ замѣтить мое лицо и тѣмъ болѣе шарфъ. Никогда, разумѣется, не могъ я мечтать о томъ, чтобы прокатиться на такомъ извозчикѣ; но тутъ, такъ сказать, по казенной надобности и въ видахъ пользы дѣла,—я счелъ остроумнымъ его взять, въ томъ разсчетѣ, чтобы, въ случаѣ непріятныхъ усложненій, мгновенно сбѣжать съ лѣстницы и исчезнуть.

«Развозка совершилась вполнѣ благополучно. Разъ только мнѣ показалось, что за мной побѣжали, но я тогда могъ слетать съ лѣстницъ, какъ немногіе: я практиковался въ этомъ въ корпусѣ, и находилъ наслажденіе. Впослѣдствіи слѣдователь сообщилъ мнѣ, что извозчикъ, виновникъ моего заарестованія, заинтересовался мной потому, что я много писемъ опускалъ въ разные почтовые ящики».

Исполнивъ такимъ образомъ принятую на себя миссію, г. Обручевъ снова принялся за прерванный переводъ одного изъ томовъ исторіи Шлоссера.

«4-го октября,—разсказываетъ онъ,—я кончилъ свой переводъ и сдалъ его, какъ мнѣ было назначено, А. А. Серно-Соловьевичу. Отъ него, чтобы не опоздать къ обѣду у сестры[1]), я поѣхалъ на извозчикѣ, очень веселый. Пересѣкая Невскій, съ Владимірской на Литейную, я по обыкновенію взглянулъ въ сторону своего лихача, и мнѣ показалось, что тамъ произошло какое-то движеніе, будто вдругъ на кого-то указали. Мнѣ не пришло въ голову, чтобы могли поинтересоваться мной, и я пообѣдалъ вполнѣ безмятежно, въ благодушнѣйшемъ настроеніи духа. Часу въ девятомъ я пошелъ домой, и вотъ, тутъ-то, въ Басковомъ переулкѣ или Басковой улицѣ, на меня вдругъ набросился крупный мужчина съ скверной кабацкой рожей и окрикомъ: «Постой-ка, голубчикъ, тебя-то намъ и надо!» Я тоже на него закричалъ: «Какъ вы смѣете меня трогать! Я—гвардейскій офицеръ! Оставьте меня!» Но онъ не оставилъ, и когда я сказалъ, что я съ нимъ не поѣду, и что онъ отвѣтитъ за свою дерзость, то онъ повелительно подозвалъ городового, послѣ чего я заявилъ, что разъ его слушаются городовые, то мнѣ остается только покориться. Сѣлъ я съ нимъ на извозчика и на пути еще разъ ему сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ наказанъ. Отвезъ онъ меня, должно быть, въ московскую часть, гдѣ мнѣ предложили присѣсть въ неказистой, дурно освѣщенной комнатѣ передъ канцеляріей. Разный народъ все время шмыгалъ мимо. Просидѣлъ я такъ довольно долго, причемъ никто ко мнѣ не подходилъ и со мной не заговаривалъ. Наконецъ, пріѣхалъ извѣстный въ то время слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Путилинъ, быстро сбросилъ шубу и подлетѣлъ ко мнѣ съ вопросомъ:

«— Вы господинъ Покровскій?

«Я себя назвалъ.

«— Ахъ, какъ же это! Напишите, пожалуйста, ваше имя и адресъ...

«Это требовалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, для сличенія почерка, а я воображалъ, что себя освобождаю. Еще нѣсколько словъ, не помню какихъ, потомъ исчезновеніе и новые пріѣзды, то въ шубѣ, то въ пальто, и въ разныхъ головныхъ уборахъ. Помню все это, какъ во снѣ, а разговоровъ совсѣмъ не помню. Въ послѣдній разъ, очень ужъ поздно, онъ пріѣхалъ съ жандармскимъ

[1]) Уже вышедшей замужъ за молодого доктора П. И. Бокова.

полковникомъ, и меня повезли на квартиру. Ничтожную мою каморку осмотрѣть было недолго, съ разрытіемъ постели включительно, причемъ я въ послѣдній разъ увидѣлъ любимое мое кавказское одѣяло, на шелковой подкладкѣ изъ стараго матушкина капота, ея руками стеганное. Крайне озаботилъ меня захватъ одного портфеля съ нумернымъ замкомъ, сдѣланный еще въ офицерскіе годы. Тамъ былъ портретъ французской актрисы, которой я на астрономическомъ разстояніи восхищался, а главное — дневникъ на французскомъ языкѣ, съ разнымъ, болѣе или менѣе скандальнымъ или, во всякомъ случаѣ, неудобнымъ юношескимъ бредомъ. Я просилъ потомъ графа Шувалова взять этотъ портфель въ свои руки и отослать сестрѣ или уничтожить, но не знаю, была ли моя просьба исполнена. Полковникъ заинтересовался одной разорванной запиской и довольно долго собиралъ ее; но, прочитавъ, успокоился и смахнулъ со стола. Запретнаго, сколько-нибудь компрометирующаго у меня не было — и не могло быть—ничего. такъ что по результатамъ осмотра меня бы непремѣнно слѣдовало отпустить; но меня не отпустили, а передъ разсвѣтомъ отвезли въ зданіе у Цѣпного моста, въ одну изъ комнатъ нижняго этажа, съ квадратнымъ окномъ, снабженнымъ толстѣйшими рѣшетками. Я пробылъ тамъ недолго: дня черезъ два или три, или болѣе, меня перевели въ другое помѣщеніе въ четвертомъ этажѣ, въ хорошую комнату съ двумя большими окнами и видомъ на Зимній дворецъ— т. е. собственно на крышу дворца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ флагштокъ, на который я часто смотрѣлъ, въ надеждѣ, что когда увижу флагъ, т. е. когда Государь пріѣдетъ, все наладится—и я буду отпущенъ.

«Содержали меня хорошо, въ опрятности; давали чай съ булкой и обѣдъ въ четыре блюда изъ гостиницы.

«Не помню, о чемъ меня спрашивали и что̀ я отвѣчалъ, хотя я давалъ не только словесныя, но и письменныя показанія. И это не удивительно, такъ какъ спрашивать было не о чемъ и ничего я сообщить не могъ. Одинъ только былъ вопросъ дѣльный: «Отъ кого получили листки?»—и на этотъ вопросъ я не считалъ возможнымъ отвѣчать. Въ первые дни меня однажды водили къ гр. Шувалову, въ кабинетъ, весь обставленный шкапами краснаго дерева съ надписями по карнизу, золотыми буквами по голубому полю. Бесѣда продолжалась десять-пятнадцать минутъ, но я ее не помню (кромѣ упомянутаго выше инцидента съ портфелемъ).

«Я твердо рѣшился не признаваться и отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Тогда меня подвели къ небольшому желѣзному ящику и, открывъ его, показали мнѣ массу заадресованныхъ мною писемъ. Впечатлѣніе было огромное. Я пересталъ запираться и былъ чрезвычайно взволнованъ. Мнѣ не пришло въ голову, что эти письма могли быть задержаны на почтѣ, и я вообразилъ, что они всѣ доставлены въ III Отдѣленіе получателями. Мнѣ вспомнились слова, сказанныя мнѣ при передачѣ листка, что третій номеръ «Великорусса» уже готовъ и что онъ написанъ весьма сильно, и мнѣ показалось возмутительнымъ, что люди рискуютъ собой изъ-за такого

результата. Когда я вернулся съ допроса, во мнѣ все клокотало. Я метался по комнатѣ и все думалъ, какъ бы предупредить людей, какъ бы огласить этотъ подлый фактъ. Наконецъ, я рѣшился попросить свиданія съ сестрой и зятемъ, которые знали довольно многихъ въ журнальномъ мірѣ и вообще въ публикѣ, благодаря бойко шедшей въ гору практикѣ зятя. Быть можетъ, это было глупо, неосторожно, даже дурно, такъ какъ я рисковалъ вовлечь своихъ ближайшихъ въ большія непріятности; но другого способа я не могъ выдумать, и мы съ сестрой были настолько дружны, что я не сомнѣвался въ ея готовности помочь мнѣ. Не помню, къ кому я обращался, словесно или письменно (вѣроятно, къ Путилину), и не пообѣщалъ ли при этомъ чего-нибудь. Смутно вспоминается мнѣ въ этомъ дѣлѣ какая-то недоброкачественность и возможность помарки. Винюсь въ этомъ передъ добрыми людьми и прошу ихъ снизойти къ моему состоянію крайней возбужденности и убѣжденію въ необходимости достигнуть цѣли.

«Свиданіе было разрѣшено. Вечеромъ меня привели въ пріемную комнату передъ кабинетомъ начальника штаба и оставили одного со своими. Тамъ былъ большой, полукруглый диванъ, приставленный къ стѣнѣ, и пустое пространство между оконечностями дивана и стѣной было забрано деревомъ. Зять тотчасъ приложилъ палецъ къ губамъ и указалъ мнѣ на этотъ необыкновенный фасонъ мебели, гдѣ, дѣйствительно, легко можно было спрятать двухъ человѣкъ. Обстановка вообще не допускала разговора иначе, какъ вполголоса, а указаніе зятя побудило говорить еще тише. Послѣ самыхъ искреннихъ извиненій, на которыя мнѣ отвѣчали, что, напротивъ, сердечно рады видѣть меня и отъ меня самого услышать все меня касающееся,— я разсказалъ инцидентъ съ письмами и просилъ дать ему возможно широкую огласку, чтобы люди не губили себя ради публики, до такой степени безучастной. Затѣмъ были только разспросы о родителяхъ, которымъ еще ничего сообщено не было, и мы на этомъ разстались. Со стороны властей проявлена была абсолютная корректность.

«Я провелъ въ III Отдѣленіи ровно мѣсяцъ. Слѣдователь Путилинъ былъ у меня за это время раза три—или больше; сидѣлъ довольно долго, заговаривая и о постороннихъ предметахъ, быть можетъ, чтобы предрасположить меня къ безпечности, а быть можетъ просто со скуки. Прощаясь въ послѣдній разъ, онъ сказалъ: «Ну, прощайте, больше не увидимся. Теперь сохрани васъ Богъ сказать еще что-нибудь». Тогда я объяснилъ себѣ эти слова его нежеланіемъ, чтобы кто-либо успѣлъ тамъ, гдѣ онъ встрѣтилъ неудачу; но впослѣдствіи я сталъ допускать и ту мысль, что въ нихъ заключался дружескій совѣтъ не усложнять своего дѣла лишней болтовней. Дѣйствительно, я всего болѣе самъ себѣ вредилъ неумѣстнымъ важничаніемъ. Я не сумѣлъ понять, что личина скромности и прямого ничтожества для меня—самая выгодная. А я, напротивъ, все время старался не уронить своего достоинства, пускался въ общія соображенія, непрочь былъ поучать. Оттого, конечно, и

возникло предположеніе о близости моей къ первоисточнику, вслѣдствіе чего за меня принялись тамъ вплотную.

«...Меня перевезли въ крѣпость вечеромъ 3-го ноября. Смутно помню передачу въ комендантской канцеляріи, тускло освѣщенной, шествіе по крѣпостному двору, ворота, корридоръ, солдаты, жандармы, смотритель и, наконецъ, вступленіе въ комнату, гдѣ меня облекли въ казенное бѣлье, туфли и байковый халатъ, причемъ сняли съ меня крестъ, которымъ меня благословила матушка и которымъ я очень дорожилъ».

Однажды къ заключенному въ Алексѣевскомъ равелинѣ явился новый помощникъ шефа жандармовъ, генералъ Потаповъ. «Онъ мнѣ сказалъ, что принимаетъ во мнѣ живѣйшее участіе, очень заинтересованъ моимъ дѣломъ. «Вы видите, я еще не былъ у великихъ княгинь, а пріѣхалъ къ вамъ. Гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ о васъ, и я надѣюсь, что вы отнесетесь ко мнѣ съ тѣмъ же довѣріемъ».— Дальнѣйшей бесѣды не помню, но она была весьма непродолжительна. Черезъ нѣсколько дней, — кажется, 17 ноября, — онъ опять пріѣхалъ и сразу спросилъ: «Вы знали Добролюбова?» — «Зналъ, по журнальной работѣ». — «Умеръ онъ-съ». — «Ахъ, Господи, какое несчастіе!»—Сталъ спрашивать объ отношеніяхъ, и я ему разсказалъ все, какъ оно было, про его доброту и вниманіе ко мнѣ, когда я оставилъ службу; причемъ онъ старался удержать меня отъ этого шага, говоря, что хорошіе люди вездѣ нужны, какъ старался найти для меня работу, самъ привозилъ мнѣ деньги. Разсказалъ, наконецъ, какъ мнѣ было больно увидѣть его теперь, по возвращеніи изъ-за-границы, больнымъ, потерявшимъ надежду на дальнѣйшую дѣятельность и жизнь. Должно быть, моя взволнованная чистосердечная рѣчь, съ набѣгавшими на глаза слезами, разсѣяла подозрѣнія не успѣвшаго еще окаменѣть въ жандармской практикѣ генерала, потому что въ дальнѣйшихъ допросахъ имя Добролюбова больше не упоминалось.

«Но я не зналъ, какъ была принята эта рѣчь, и остался огорченнымъ и взволнованнымъ до глубины души. Весь день ходилъ по комнатѣ и не могъ уснуть. Глубокой ночью, не слыша никакого звука въ корридорѣ, я осторожно сползъ съ постели, сталъ на колѣни и долго, страстно молился и плакалъ, чтобы Господь оградилъ меня отъ безчестія, не допустилъ, чтобы необдуманное, вздорное мое слово могло запятнать свѣтлый образъ человѣка, котораго я такъ горячо любилъ, послужить поводомъ къ издѣвательству темныхъ силъ надъ его могилой».

III.

То, что г. Обручевъ плохо помнитъ, возстановляется отчасти изъ оффиціальнаго дѣла въ сенатскомъ архивѣ.

30 ноября (1861 г.) шефъ жандармовъ и главноуправляющій III Отдѣленіемъ, князь Долгорукій, сообщилъ министру юстиціи

гр. Панину, что, по даннымъ его тайной канцеляріи, «Великоруссъ» развозился по городу отставнымъ поручикомъ Обручевымъ, который и былъ арестованъ 4 октября. Осмотръ его бумагъ не далъ никакихъ прямыхъ уликъ, но усилилъ подозрѣнія: почеркъ его очень похожъ на тотъ, которымъ написаны конверты съ «Великоруссомъ». Кромѣ того, въ бумагахъ оказалось письмо доктора Бокова съ сургучной печатью «I. А.», а ею были запечатаны многіе конверты съ «Великоруссомъ». Обручевъ, однако, ни въ чемъ не сознался, сказавъ, что перваго номера не видалъ, а второй получилъ самъ по почтѣ и немедленно сжегъ. Боковъ показалъ, что не помнитъ, гдѣ писалъ Обручеву найденное у послѣдняго его письмо, но думаетъ, что у какого-нибудь больного [1]). Въ бумагахъ его ничего не найдено.

Далѣе Долгоруковъ сообщалъ, что, немного спустя, Обручевъ «добровольно объяснился», что знаетъ составителей «Великорусса» и что самъ распространялъ его, но никого не назоветъ изъ прикосновенныхъ лицъ,—«предоставляя обнаруженіе ихъ правительству». При этомъ онъ заявилъ, что, сознавъ ранновременность и безполезность подобнаго воззванія, онъ обѣщалъ, желая оказать правительству услугу, прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей «Великорусса», для чего и вызвался забрать всѣ остающіеся въ рукахъ ихъ экземпляры онаго, со всѣми принадлежностями для печатанія, и представить все это правительству, но для этого просилъ освободить его на нѣсколько дней». Когда же III Отдѣленіе предложило ему изложить все это письменно, то получило отказъ... Черезъ нѣсколько дней онъ, все-таки, написалъ записку, которая приведена ниже вмѣстѣ съ другой запиской и всеподданнѣйшимъ прошеніемъ.

Кромѣ доктора Бокова, были допрошены еще студенты Данненбергъ, Лобановъ, привлекавшійся по дѣлу Д. И. Писарева, и Сваричевскій. Въ бумагахъ ихъ ничего серьезнаго не оказалось, и потому единственный матеріалъ—это ихъ показанія.

Лобановъ [2]) сказалъ, что не читалъ «Великорусса», хотя получилъ его отъ Сваричевскаго, принесшаго нѣсколько экземпляровъ въ студенческую библіотеку, но что, по слухамъ, въ печатаніи участвовалъ Данненбергъ.

Данненбергъ [3]) перваго номера не видѣлъ, второй читалъ, но отъ кого получилъ—не помнитъ. Обручева видѣлъ всего нѣсколько

[1]) Въ письмѣ этомъ отъ 17 іюня Боковъ писалъ, между прочимъ: «О вашей брошюрѣ рѣчь впереди». На допросѣ въ III Отдѣленіи, о какой брошюрѣ шла рѣчь, Боковъ сказалъ, что не помнитъ, знаетъ только, что Обручевъ говорилъ ему, что напечатаетъ сочиненіе, которое дастъ ему значительную сумму, которую онъ предоставитъ Бокову на его нужды.

[2]) Василій Васильевичъ Лобановъ, 19 лѣтъ, православный; у отца—собственный домъ на Средней Мѣщанской, учился во 2-й петербургской гимназіи и въ 1859 г. поступилъ въ университетъ.

[3]) Федоръ Ростиславичъ, 18 лѣтъ, православный; мать урожденная Каховская: родители живутъ въ имѣніи въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губ. Въ Петербургъ пріѣхалъ въ 1852 г. во 2-ю гимназію и вмѣстѣ съ Лобановымъ поступилъ въ университетъ.

разъ, причемъ послѣдній разъ весною 1861 года, т. е. до напечатанія «Великорусса».

Сваричевскій [1]) показалъ, что въ первыхъ числахъ іюля онъ, какъ одинъ изъ выборныхъ редакторовъ студенческаго сборника, вскрылъ адресованное въ редакцію письмо съ десятью экземплярами «Великорусса», которые и были у него тутъ же разобраны товарищами, какъ выдающаяся новость. Въ бумагахъ Сваричевскаго было нѣсколько писемъ, указывающихъ на него, какъ вообще на распространителя запрещенныхъ сочиненій. Они были посланы въ особо учрежденную слѣдственную комиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ д. ст. совѣтника Собѣщанскаго.

Въ заключеніе князь Долгорукій прибавилъ, что съ 3 ноября Обручевъ, Лобановъ, Данненбергъ и Сваричевскій заключены въ Петропавловской крѣпости, и передалъ Панину волю государя: предать Обручева, Бокова, Лобанова, Данненберга и Сваричевскаго суду сената, но «дѣло о нихъ производить безъ очереди и сколь можно поспѣшнѣе».

Панинъ, разумѣется, не замедлилъ дать дѣлу «ходъ незамедлительчый», какъ онъ выражался, и 7 декабря общее собраніе сената передало это дѣло въ первое отдѣленіе пятаго департамента, уже разбиравшее дѣло М. И. Михайлова.

Арестованный, какъ мы знаемъ, 4 октября въ III Отдѣленіи, г. Обручевъ 28 октября написалъ ту записку, о которой только что упоминалось. Вотъ она полностью:

«Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что, дѣйствительно, принималъ участіе въ распространеніи второго номера «Великорусса». О первомъ же номерѣ я узналъ уже послѣ его распространенія. Значительная часть конвертовъ, показанная мнѣ при допросѣ, дѣйствительно заадресована мною и мною же отправлена на почту. Лица, которымъ адресованы эти конверты, почти всѣ неизвѣстны мнѣ даже по имени. Я составлялъ адресы по списку, доставленному мнѣ вмѣстѣ съ запечатанными конвертами, содержащими экземпляры «Великорусса». Списокъ этотъ мною впослѣдствіи сожженъ. Человѣка, отъ котораго я получилъ списокъ и конверты, я не могу рѣшиться назвать, несмотря на всю искренность моего раскаянія. Не могу этого сдѣлать, какъ потому, что человѣкъ этотъ довѣрчиво предалъ судьбу свою въ мои руки, такъ и потому, что я не знаю степени его участія въ этомъ дѣлѣ и долженъ признать гораздо вѣроятнѣйшимъ, что онъ игралъ въ немъ лишь весьма второстепенную роль. Рѣшившись назвать его, я, значитъ, не могъ бы даже успокоить себя мыслью, что доставилъ правительству средство сразу покончить со зломъ. Въ томъ же спискѣ находились адресы нѣсколькихъ лицъ, которымъ мнѣ

[1]) Михаилъ Николаевичъ, 22 лѣтъ, православный. Учился въ 1-й кіевской гимназіи и потомъ въ кіевскомъ университетѣ, откуда въ апрѣлѣ 1859 г. перевелся въ петербургскій.

предлагалось доставить экземпляры «Великорусса» лично. Нѣкоторые адресы были именные, другіе заключали только указаніе дома и квартиры. Согласно сдѣланнымъ противъ меня показаніямъ, я въ началѣ сентября (не помню, котораго именно числа), дѣйствительно, развозилъ эти экземпляры на легковомъ извозчикѣ. Большая часть лицъ, которыхъ мнѣ приходилось отыскивать, мнѣ совершенно незнакома. Никому изъ нихъ я не отдавалъ конверта въ руки, а бросалъ у дверей или поспѣшно отдавалъ отворившему дверь. не смотря на него и стараясь уйти сколько возможно скорѣе. Теперь я совершенно не въ состояніи показать, кто именно были эти лица, и положительно не ручаюсь, что брошенные имъ конверты дошли по адресу. Нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ я не успѣлъ отыскать и черезъ нѣсколько времени сжегъ назначенные имъ конверты.

Отставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ».

Въ тотъ же день Обручевъ написалъ слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Ваше Императорское Величество. Всемилостивѣйшій Государь!

«Осмѣливаясь припасть къ стопамъ Вашего Величества съ покаянной мольбой о помилованіи, возлагаю всю надежду мою на то, что благость Царя не отвергнетъ задушевной исповѣди человѣка, бывшаго искреннимъ въ своихъ заблужденіяхъ и искренняго теперь въ своемъ раскаяніи. Я былъ приведенъ къ желанію крутыхъ реформъ тяжкою участью нашего простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Рѣшившись по мѣрѣ силъ и возможности содѣйствовать перемѣнѣ этого порядка вещей. я, однако, не думалъ, Государь идти наперекоръ тремъ единственнымъ желаніямъ, какія можетъ питать сердце Царя: желанію блага подданныхъ, желанію славы, наконецъ, желанію матеріальныхъ выгодъ для себя и людей близкихъ сердцу. Я говорилъ себѣ, что коренныя реформы, несомнѣнно, должны улучшить участь подданныхъ Вашего Величества; что слава теперь жадно рукоплещетъ каждому шагу правителей на пути прогресса; что, наконецъ, среди восторженныхъ кликовъ энтузіазма въ честь Царя-Благодѣтеля, не можетъ быть рѣчи объ ограниченіи его личныхъ издержекъ.

«Таковъ былъ мой образъ мыслей, когда я согласился принять участіе въ распространеніи тайно-печатнаго изданія. Судьба остановила меня еще на первомъ шагѣ. Улики, представленныя мнѣ на допросѣ, дали мнѣ понять, что, какъ бы ни желательно было достиженіе цѣли, о которой мечталъ я,—средство, принятое мною, было несвоевременно, безполезно, преступно. Покаявшись быстро и чистосердечно, я предложилъ графу Шувалову доставить

му фактическое доказательство искренности перемѣны въ моемъ образѣ мыслей. Только обстоятельства, независимыя отъ моей воли и распорядительности, помѣшали осуществленію этого плана. Мнѣ былъ тогда предложенъ другой путь для доказательства моей искренности — названіе именъ людей, довѣрившихъ мнѣ судьбу свою... Государь, такія обличенія выше силъ моихъ! Я надѣюсь, что, въ виду безплодности своихъ попытокъ, эти люди одумаются и такъ.

«Зная строгость закона къ преступникамъ того разряда, къ которому я принадлежу, я вполнѣ чувствую, Государь, какъ неумѣстна была бы съ моей стороны просьба о помилованіи совершенномъ. Но для человѣка, еще молодого и не лишеннаго нѣкоторыхъ способностей, невыносимо тяжела мысль о гибели безусловной, безвозвратной. При расположеніи моемъ къ болѣзненной тоскливости, при слабости здоровья, возрастающей съ каждымъ годомъ, многія наказанія необходимо обратятся для меня въ смертную казнь, и въ казнь, полную лишнихъ мученій. Отчужденіе отъ общества, строгое заточеніе, жизнь въ слишкомъ суровомъ климатѣ превосходятъ слабую сумму моихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Быть наказаннымъ, но въ то же время остаться человѣкомъ—вотъ мечта, объ осуществленіи которой осмѣливается умолять Васъ, Государь,

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Владиміръ Обручевъ».

Черезъ день, 30 октября, Обручевъ написалъ еще одну записку, которую я тоже привожу съ буквальной точностью:

«На сдѣланные мнѣ два дополнительные вопроса имѣю честь отвѣтить слѣдующее:

«1. О существованіи третьяго номера «Великорусса» я зналъ изъ разговора съ тѣмъ самымъ лицомъ, отъ котораго получилъ экземпляры второго номера. Содержаніе его было глухо указано въ томъ же второмъ номерѣ и, кромѣ того, нѣсколько пояснено мнѣ въ томъ же разговорѣ.

«2. Прося объ освобожденіи меня съ цѣлью доставить въ руки правительства матеріалы, служившіе для печатанія «Великорусса», я надѣялся, что мнѣ удастся войти въ сношеніе съ человѣкомъ, отъ котораго я получилъ экземпляры второго номера, и черезъ него, можетъ быть, склонить на сторону своего мнѣнія главныхъ участниковъ дѣла. Не могу, однако, вывести изъ этого никакихъ прямыхъ предположеній насчетъ мѣста изданія «Великорусса» и мѣстожительства его издателей.

Оставной гвардіи поручикъ

Владиміръ Обручевъ».

IV.

Сенатъ, въ составѣ первоприсутствовавшаго Г. П. Митусова и сенаторовъ: Н. М. Карнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкаго и М. М. Карніолинъ-Пинскаго, не нашелъ нужнымъ стѣснять свободу доктора Бокова и взялъ лишь отъ него подписку съ обязательствомъ явиться по первому требованію.

Одновременно работала «Особая комиссія для разбирательства степени виновности лицъ, арестованныхъ по случаю безпорядковъ, бывшихъ въ Петербургскомъ университетѣ». Среди этихъ лицъ были Данненбергъ и Лобановъ. Поэтому сенатъ получилъ оттуда свѣдѣнія о степени ихъ прикосновенности. Первый изъ нихъ въ показаніяхъ комиссіи настаивалъ на томъ, что въ происшедшихъ безпорядкахъ виноваты исключительно попечитель учебнаго округа, генералъ Филипсонъ, ректоръ Плетневъ и войска, призванныя для подавленія. Лобановъ въ безпорядкахъ не участвовалъ по болѣзни, но въ крѣпость, все-таки, попалъ тогда прямо съ кровати.

13 декабря Обручеву былъ сдѣланъ первый допросъ сенатомъ [1]). Наконецъ ему передали письмо отъ родителей, которое его очень растрогало.

«Я тогда же подумалъ, что письмомъ воспользовались, какъ средствомъ привести меня въ ненормально-чувствительное состояніе и вызвать усиленный порывъ къ свободѣ и утѣшенію моихъ стариковъ. Повезъ меня въ каретѣ бойкій плацъ-адъютантъ, который бесѣдовалъ очень оживленно и либерально, но, повидимому, непрочь былъ и отъ меня что-нибудь услышать...

«Изъ засѣдавшихъ пяти сенаторовъ помню первоприсутствовавшаго Митусова, состоятельнаго человѣка въ поношенномъ вицъ-мундирѣ, не безъ достоинства въ осанкѣ; Карніолина-Пинскаго, личность прямо изъ альбома гоголевскихъ уѣздныхъ типовъ, человѣка весьма уже древняго, но, по слухамъ, еще кляузнаго, съ сомнительной репутаціей, и генерала Венцеля, бывшаго иркутскаго губернатора, о которомъ тамъ вспоминали словами пѣсни: «Венцель старая рогожа»...

«Мнѣ указано было стоять у стола, по узкой сторонѣ, противъ первоприсутствующаго.

«Рѣшительно не помню, о чемъ меня спрашивали, ни въ этотъ разъ, ни въ слѣдующій, — кажется, во второй половинѣ января»..

Сенатское дѣло даетъ полный текстъ показаній. Вотъ они:

1. «Владиміръ Александровичъ Обручевъ, 25 лѣтъ, православный, холостъ, за окончаніе академіи генеральнаго штаба по-

[1]) Г. Обручевъ неправильно относитъ свой допросъ на 7 декабря, а полученіе письма на 6-ое.

лучилъ малую серебряную медаль. У матери—имѣніе въ 130 душъ въ Тверской губерніи».

2. «Призванный для допроса къ начальнику штаба корпуса жандармовъ [1]), я рѣшился быть откровеннымъ и покаяться, по двумъ соображеніямъ: 1) потому, что, дѣйствительно, убѣдился въ преступности своихъ дѣйствій; 2) потому, что покаяніемъ надѣялся облегчить свою участь, тѣмъ болѣе, что графъ Шуваловъ обѣщалъ мнѣ тогда облегченіе. Но при всей откровенности я не могъ сказать того, чего не знаю, т. е. объявить, что имѣю свѣдѣніе о главныхъ участникахъ дѣла. На сдѣланное мнѣ впослѣдствіи предложеніе подтвердить слова мои письменно я сначала отвѣтилъ отказомъ, потому что графъ Шуваловъ обѣщалъ мнѣ, что разговоръ нашъ останется въ тайнѣ. Прося о временномъ освобожденіи, я только говорилъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся достигнуть предположенной цѣли, и на словахъ не далъ никакихъ поясненій на этотъ счетъ, какъ сдѣлалъ это впослѣдствіи, въ письменномъ показаніи. Я назвалъ лицо, отъ котораго получилъ списокъ и конверты, игравшимъ второстепенную роль, потому что мнѣ такъ казалось по тону его разговора. Итакъ, могу только повторить, что не знаю никакихъ участниковъ этого дѣла, кромѣ лица, отъ котораго получилъ списокъ и конверты. Къ сдѣланному мною предположенію, что это лицо играло второстепенную роль, не имѣю средствъ прибавить никакихъ объясненій насчетъ характера этой роли. Самъ я участникомъ въ составленіи «Великорусса» не былъ. Не зная составителей этого листка, не могу знать ни мѣста ихъ жительства, ни мѣста изданія «Великорусса». Конверты съ экземплярами «Великорусса» были мнѣ переданы лицомъ, котораго имени, по причинамъ мною объясненнымъ, я объявить не могу».

3. «Лѣкарь Боковъ женатъ на моей родной сестрѣ. Письмо отъ него было получено мною лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Онъ не участвовалъ въ разсылкѣ воззванія мною. Насчетъ того, какъ письмо отъ него могло быть запечатано этою печатью, я никакихъ объясненій дать не могу».

4. «Брошюра эта (упоминаемая Боковымъ въ письмѣ къ Обручеву—*М. Л.*), озаглавленная мною «Un peu de bon sens, mesdames, et d'impartialité», была написана мною на французскомъ языкѣ. Она касалась средствъ къ предупрежденію рожденія дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей и для ребенка».

5. «Я читалъ только второй номеръ «Великорусса» и сознаю преступность изложенныхъ тамъ соображеній и стремленій».

6. «Я зналъ весьма поверхностно студентовъ Лебанова и Данненберга. Г. Сваричевскаго я не зналъ. Эти лица не участвовали со мною въ распространеніи воззванія «Великоруссъ». Не участвовавши въ составленіи этого листка, не могу знать, участвовали ли въ немъ эти лица».

[1]) Вторая должность гр. Шувалова, помощника кн. Долгорукова.

7. «Хотя я искренно и чистосердечно раскаялся, но вижу. что, по закону, эта степень раскаянія не признается достаточной, если не сопровождается указаніемъ участниковъ преступленія. О числѣ разосланныхъ мною экземпляровъ не имѣю свѣдѣній, потому что они были мнѣ доставлены въ запечатанныхъ конвертахъ. Числа конвертовъ, какъ разосланныхъ мною, такъ и сожженныхъ, не помню. Знаю только, что почти всѣ они доставлены въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи».

Такимъ образомъ, сенатъ увидѣлъ, что главныхъ нитей къ «Великоруссу» онъ тоже не получитъ... Не было ихъ у правительства и позже; дѣло созданія и выпуска этой прокламаціи такъ и кануло въ неизвѣстность... Есть серьезное основаніе предполагать, что «Великоруссъ» былъ отчасти дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Основаніе это дается свидѣтельствомъ г. Стахевича, пострадавшаго въ тѣ годы по другому дѣлу и много лѣтъ проведшаго съ Чернышевскимъ въ Сибири. «Я замѣтилъ,—говоритъ г. Стахевичъ,—что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ «Великоруссъ»: вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ «Великоруссъ», и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листковъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій» [1]).

Г. Корниловъ категорически утверждаетъ, что «Великоруссъ» выпускался Н. А. Серно-Соловьевичемъ, но не приводитъ въ подтвержденіе этого никакихъ ни литературныхъ, ни свидѣтельскихъ указаній [2]).

Лобановъ показалъ въ сенатѣ, что, получивъ первый номеръ «Великорусса» отъ Сварическаго, онъ отправился съ нимъ домой, но встрѣтилъ студента Назаревскаго, который почти отнялъ у него газету. Лобановъ прибавилъ, что на устномъ допросѣ въ III Отдѣленіи показалъ то же самое, но потомъ былъ сбитъ допрашивавшимъ Путилинымъ. Кто ему говорилъ, что Данненбергъ печаталъ «Великоруссъ»,—припомнить не могъ. Обручева видѣлъ одинъ разъ въ воскресной школѣ; Бокова не знаетъ совершенно. Въ заключеніе своихъ *непространныхъ показаній Лобановъ написалъ:* «*Откровенно и чистосердечно передъ Богомъ и совѣстью моею отвѣчаю, что ни о составленіи, ни о распространеніи «Великорусса» я ничего не знаю и самъ ни въ чемъ противозаконномъ не участвовалъ и болѣе ничего объяснить не могу*».

Сенатъ рѣшилъ освободить *Лобанова на поруки* отца.

19 декабря былъ допрошенъ Данненбергъ. Его прежде всего спросили по поводу письма нѣкоего Алексѣева, найденнаго при

[1]) «Закаспійское Обозрѣніе», 1905 г. № 243.

[2]) *А. Корниловъ.* «Крестьянская реформа». Спб. 1905, стр. 165—166.

обыскѣ. Тамъ упоминалось о какомъ-то «заговорѣ». По этому поводу Данненбергъ сильно расхолодилъ своихъ судей: Алексѣевъ разумѣлъ аристократическій заговоръ, слухъ о которомъ распустилъ журналъ «Kladerradatch». Послѣдній напечаталъ остроту, состоящую въ слѣдующемъ. Одна знатная русская дама передала одному тоже знатному русскому письмо со словами: «vom herzen». Онъ же передалъ ей другое письмо со словами: «am herzen». Это подслушали и донесли, что упомянутыя особы въ перепискѣ съ Герценомъ (Herzen) и что, слѣдовательно, есть аристократическій обширный заговоръ...

Что касается «Великорусса», то Данненбергъ сказалъ, что первый номеръ читалъ въ рукописной копіи, но составителей не знаетъ. Второй номеръ читалъ, но отъ кого получилъ его—не помнитъ. Обручева встрѣчалъ дважды у капитана Тихменева. Видѣлъ его издали и на лекціяхъ Костомарова въ университетѣ. О прикосновенности его къ «Великоруссу» ничего не знаетъ и не слыхалъ. Бокова не знаетъ совсѣмъ.

Относительно будто *бы ходившихъ слуховъ о его собственномъ* участіи въ *печатаніи «Великорусса» Данненбергъ отозвался,* что Лобановъ все это *сочинилъ изъ страха. Въ февралѣ онъ былъ* освобожденъ подъ надзоръ полиціи.

На другой день допросили Сваричевскаго.

Кромѣ показаннаго въ III Отдѣленіи, онъ ничего прибавить не могъ. Что же касается привлеченія еще по московскому дѣлу, то пояснилъ, что участіе его въ распространеніи запрещенныхъ сочиненіи состояло въ томъ, что онъ продавалъ огаревскій разборъ книги барона Корфа, который получилъ въ 30 экземплярахъ отъ Петровскаго (молодого человѣка, 22 лѣтъ). Назвать имена покупавшихъ не могъ, потому что связанъ честнымъ словомъ.

Дѣло Сваричевскаго было присоединено къ тому, и оба слушались потомъ въ московскомъ департаментѣ сената.

21 декабря призванъ былъ для допроса и докторъ. Онъ происходитъ изъ коннозаводскихъ воспитанниковъ. Въ 1850 г. вступилъ въ Медико-Хирургическую академію, въ 1854 г. признанъ ветеринаромъ и опредѣленъ въ управленіе государственнымъ коннозаводствомъ. Потомъ въ той же академіи слушалъ курсъ медицины и въ 1859 г. признанъ лѣкаремъ съ золотой медалью. Въ 1860 г. уволенъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго секретаря. И тогда уже довольно популярный врачъ, Боковъ потомъ имѣлъ прекрасную практику.

Относительно «Великорусса» Боковъ отвѣтилъ полнымъ незнаніемъ. Обручевъ ни въ дружбѣ, ни во враждѣ съ нимъ не состоялъ.

Что касается печати на конвертѣ его письма къ Обручеву, то Боковъ отвѣтилъ то же, что говорилъ раньше и въ III Отдѣленіи: по всей вѣроятности, онъ воспользовался печаткой одного изъ своихъ многочисленныхъ паціентовъ.

Приведу, кстати, здѣсь и самое письмо, вложенное въ инкриминируемый конвертъ.

Оно состояло изъ двухъ частей. Первая писана Чернышевскимъ, вторая—Боковымъ.

«Добрый другъ, Владиміръ Александровичъ, — писалъ Чернышевскій,—очень можетъ быть, что недѣли черезъ двѣ Серно-Соловьевичъ будетъ имѣть въ рукахъ деньги. Въ этомъ онъ положительно увѣренъ. Но, разумѣется, лучше всего отложить полную увѣренность до времени, когда это исполнится. А когда онъ будетъ имѣть деньги, онъ съ удовольствіемъ отдастъ Вамъ сумму, нужную для Зарембы.

«Вы сами, пожалуйста, не хандрите, а лучше присылайте намъ (хоть черезъ Петра Ивановича или прямо адресуя въ редакцію «Современника») переводъ Шлоссера, по мѣрѣ изготовленія; объ этомъ усердно прошу Васъ.

«Поцѣлуйте отъ меня ручку Маріи Александровны [1]) и передайте глубокое мое уваженіе Вашей матушкѣ.

Вашъ

Н. Чернышевскій».

Приписка Бокова: «Владиміръ Александровичъ, въ этомъ письмѣ Ник. Гавр. пишетъ вамъ о томъ, что Серно-Соловьевичъ предполагаетъ имѣть деньги недѣли черезъ двѣ и изъ нихъ вручить Вамъ сумму, нужную Вамъ для уплаты Зарембѣ. Я сказалъ Ник. Гавр., что Вы должны 550 р. Кажется, не ошибся? Николай Гавр. проситъ Васъ спѣшить переводить Шлоссера и по частямъ пересылать въ Петербургъ. Чернышевскіе переѣхали на новую квартиру, въ Кабинетскую улицу, домъ и № дома еще не знаю, поэтому письма пока пишите на мое имя. Въ случаѣ деньги С.-С-чъ отдастъ Ник. Гавр., то кому поручить отдать ихъ Зарембѣ, и гдѣ его можно отыскать?

«Изъ-за-границы извѣстій нѣтъ.

3-го іюня.

П. Боковъ.

«P. S. Физіологія Льюиса переведена профессорами московскаго университета» [2]).

На конвертѣ значилось: «Тверской губерніи, въ городъ Ржевъ, Его Превосходительству Александру Афанасьевичу Обручеву для передачи Владиміру Александровичу Обручеву». Около совершенно безформенной и гладкой сургучной печати—надпись, сдѣланная въ III Отдѣленіи: «На печати этой, слившейся послѣ, были буквы I. А.».

На обыскѣ у Обручева было взято еще и другое письмо Бокова, которое все испещрено всевозможными отмѣтками, сдѣланными въ III Отдѣленіи.

[1]) Сестра г. Обручева, потомъ жена г. Бокова.

[2]) Ф. Н. Заремба, капитанъ Семеновскаго полка, ссудилъ г. Обручева 500 руб.

Приведу и его:

«Владиміръ Александровичъ, изъ Парижа (отъ 31 мая — 12 іюня) между прочимъ есть слѣдующее: жена была молодцомъ все время, только явилась мигрень и рвота, да сходивъ при этомъ довольно далеко, она растерла себѣ ноги до красной опухоли и теперь сидитъ дома, боясь чѣмъ-нибудь заняться, чтобы головная боль не возвратилась. 3 (15) іюня мы думаемъ выѣхать въ Діеппо...

«Полина и Евгенія Николаевны [1]) живутъ вмѣстѣ съ Александромъ и Сергѣемъ Николаевичами на отдѣльной квартирѣ, отдѣльно отъ Чернышевскихъ. Полина благодаритъ за поклонъ и посылаетъ свой, самый дружескій. Ев. Н. давно не видалъ.

«Николай Гавриловичъ остался очень доволенъ, узнавъ о томъ, что къ 1 сентября 1-й томъ Шлоссера будетъ переведенъ. Онъ проситъ по мѣрѣ пе[illegible]да пересылать въ Петербургъ рукопись.

«Адресъ Ник. Гавр.: Кабинетская ул., д. № 4, кв. № 4.

«У С.-С. [2]) деньги въ рукахъ; Ник. Гавр. ихъ возьметъ сегодня же. Лучше я самъ отвезу деньги Зарембѣ, чѣмъ ему пріѣзжать ко мнѣ. Полагаю болѣе удобнымъ (рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ!) о займѣ у Зарембы денегъ теперь ему и не упоминать и отложить до возвращенія «нашего» изъ (неразборчиво).

«Для успѣшности займа у Зар. прибѣгать къ поручительству Н. Г. неудобно. Н. Г. не любитъ всѣхъ людей, такъ называемыхъ «*коммерческихъ*» и «умѣющихъ пользоваться обстоятельствами», и поэтому обязываться предъ ними ему *тяжело* [3]).

«Теперь 5-ый пунктъ Вашего письма на очереди. Быть «великодушнымъ» и дѣлать «подарки» я не могу; но много разъ я желалъ писать Вамъ, и это желаніе было прямо потребностью «души», и каждый разъ останавливался, находя все это напраснымъ. «Размышлять» готовъ съ тѣмъ, кто, убѣдившись въ какой-нибудь нелѣпости, не послѣдуетъ ей больше. Этимъ я не хочу ни слова говорить о К. В., а хотѣлъ бы поговорить о коренномъ преобразованіи Вашей жизни, и тогда, повѣрьте мнѣ, Вы будете спокойны, жизнь полнѣй и желанія будутъ всѣ исполнены, и не будете горевать безплодно, какъ теперь.

«Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею силою и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни» (Милль).

«О Вашей брошюрѣ рѣчь впереди.

П. Боковъ.

---

[1]) Сестры А. Н. Пыпина; первая потомъ по мужу Фонъ-деръ-Флитъ.
[2]) Н. А. Серно-Соловьевичъ.
[3]) Далѣе пропускаю нѣсколько семейныхъ интимностей.

«О здоровьѣ Вашемъ пока нечего прибавлять посланному лично.

«О Дунягаѣ Бога ради хлопочите, сколько есть силы у Васъ, и къ концу іюля пошлите ее ко мнѣ. Пожалуйста же».

Боковъ, однако, разочаровалъ сенаторовъ. Онъ показалъ, что начало только что приведеннаго письма относится до родственника Обручева—Мотвилова, семью котораго онъ пользовалъ, какъ врачъ, и получалъ затѣмъ свѣдѣнія о ходѣ лѣченія за-границей, а Дуняша -прислуга, которую надо было отправить въ Петербургъ.

V.

Наканунѣ Новаго года петербургскій генералъ-губернаторъ, кн. Суворовъ, сообщилъ сенату, что не можетъ доставить такъ называемыхъ «повальныхъ обыско · поведеніи» Обручева, Данненберга и Сваричевскаго, потому что лицъ, ихъ хоть сколько-нибудь знающихъ, въ данное время въ Петербургѣ не находится.

Въ показаніяхъ Обручева сенатъ остановился на одномъ противорѣчіи: почему же онъ распространялъ второй номеръ «Великорусса», въ которомъ нѣтъ ничего о крестьянахъ, пользующихся его особой симпатіей? На вопросъ по этому поводу Обручевъ отвѣчалъ: «Давая обѣщаніе распространить второй номеръ «Великорусса», я не зналъ о его содержаніи въ подробности. Впослѣдствіи я увидѣлъ, что его направленіе не вполнѣ соотвѣтствовало цѣли, которую я имѣлъ въ виду. Но нѣкоторое отношеніе къ ней я, все-таки, находилъ. Поэтому, а также потому, что далъ уже обѣщаніе, я привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе этого поступка и не соотвѣтствуетъ моимъ лѣтамъ, но могу сказать подъ честнымъ словомъ, что я, все-таки, не былъ при этомъ руководимъ никакимъ другимъ побужденіемъ, и что вопросъ объ отдѣленіи Польши и Малороссіи не занималъ меня. Матеріальныхъ разсчетовъ при этомъ я также не имѣлъ. Не принадлежалъ и не принадлежу ни къ какому тайному обществу, не нахожусь подъ такого рода вліяніемъ и даже не знаю о с ществованіи какого бы то ни было тайнаго общества».

18 января 1862 года въ сенатъ были вызваны два рѣзчика, Гансонъ и Бергманъ, и граверъ Жозефъ для сличенія оттисковъ печатей съ буквами «І. А.» на конвертахъ, въ которыхъ Обручевъ разсылалъ «Великоруссъ», и на конвертѣ, въ которомъ Боковъ послалъ ему письмо. Они заявили, что имъ необходимъ гипсъ и нѣкоторыя принадлежности, и потому сличеніе было отложено на 22-ое число. Но оно не дало результатовъ, на которые разсчитывало III Отдѣленіе... Эксперты нашли большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ но «положительно удостовѣрить, что эти оттиски одной и той же печати, не могли», потому что на одной изъ нихъ вензель былъ размятъ, а произошло это потому, что III Отдѣленіе почему-то испортило раньше печать на боковскомъ

конвертѣ. Зачѣмъ это было сдѣлано — такъ и осталось неизвѣстнымъ... Впрочемъ, этотъ фактъ имѣетъ связь съ другимъ: III Отдѣленіе утверждало, что было еще одно письмо, гдѣ Боковъ писалъ Обручеву о первыхъ двухъ номерахъ «Великоросса». Письмо это, конечно, было бы очень важнымъ фактомъ для обвиненія, но... но его не нашли, когда нужно было представить сенату...

Обручева не безпокоили больше допросами, понявъ, что самаго важнаго—имени лица, просившаго о распространеніи «Великорусса»,—отъ него не узнать.

Только въ апрѣлѣ была сдѣлана послѣдняя попытка, но съ совершенно другой стороны.

Послушаемъ самого г. Обручева.

«21-го апрѣля одно бразіе жизни было, наконецъ, прервано весьма необыкновеннымъ образомъ. Въ третьемъ часу мнѣ принесли платье и повели меня къ коменданту. Генералъ Сорокинъ встрѣтилъ меня и сообщилъ, что сейчасъ была панихида по императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и что послѣ панихиды Государь поручилъ принцу П. Г. Ольденбургскому переговорить со мной. Затѣмъ онъ оставилъ меня одного въ гостиной, и черезъ минуту вошелъ принцъ, какъ всегда, въ преображенскомъ мундирѣ, но въ состояніи гораздо большей наэлектризованности, чѣмъ бы можно было ожидать по его репутаціи первостатейнаго добряка. Разговоръ пошелъ такъ:

«— Вы меня знаете?

«— Такъ точно, в. и. в.

«— Гдѣ вы меня видѣли?

«— На улицѣ, на выходахъ, на балѣ у насъ въ корпусѣ.

«— Ну, вы *понимаете, что я сюда пріѣхалъ не для того, чтобы погубить васъ, а для того, чтобы васъ спасти. Что вы можете мнѣ сказать?*

«Тутъ онъ сѣлъ и мнѣ приказалъ сѣсть.

«Я объяснилъ, что чистосердечно отвѣчалъ на все, о чемъ меня спрашивали, сказалъ все, что̀ могъ сказать, кромѣ одного только, чего сказать нельзя. Принцъ, съ большимъ оживленіемъ, которое продолжало удивлять меня, заговорилъ о моихъ родителяхъ и родныхъ, объ отчаяніи, въ которое я ихъ повергну, о пятнѣ на имени, о неблагодарности къ Государю, который облагодѣтельствовалъ Россію; спросилъ меня, къ чему же, собственно, я стремился, чего хотѣлъ, когда такъ многое уже дано и впредь предполагается дать. «Печать свободна, пишутъ, что̀ хотятъ, — вонъ г. Чернышевскій не стѣсняется. Что-жъ вы, конституціи хотите?»—Я на это возразилъ, что я нисколько къ конституціи не стремлюсь, понимаю, что она немыслима при совершенно безграмотномъ народѣ, и, напротивъ, твердо вѣрю, что только самодержавная власть можетъ осуществить у насъ тѣ громадныя перемѣны, въ которыхъ Россія нуждается. Надо полагать, что я какъ-нибудь упомянулъ о «Современникѣ», потому что услышалъ отъ

принца о смерти Панаева. Смутно мнѣ припоминается потомъ—но не ручаюсь, что принцъ сказалъ: «Вотъ бумага и перо, напишите Государю; я ему передамъ». Если это было, то, вѣроятно, я отвѣчалъ, что ничего не могу написать, развѣ только обратиться къ милосердію Государя. Затѣмъ опять слѣдуютъ достовѣрныя слова: «Послушайте, неужели вы не понимаете, что ваше упорство составляетъ новое преступленіе, гораздо хуже прежняго?»

«— Лучше преступленіе, чѣмъ позоръ.

«— А преступленіе не позоръ!? преступленіе не позоръ!?

«Разговоръ еще продолжался сидя; потомъ принцъ всталъ и еще немного поговорилъ; но я этого конца бесѣды совсѣмъ не помню. Онъ вышелъ въ большомъ негодованіи, и я слышалъ. какъ онъ чрезвычайно возбужденнымъ тономъ говорилъ съ комендантомъ, повторивъ, между прочимъ, слова: «Преступленіе не позоръ!?»—При его служебной ретивости и личной преданности Государю, ему, конечно, было обидно, что ему не удалось исполнить возложеннаго на него порученія, въ особенности при вѣроятномъ сознаніи, что не совсѣмъ онъ подходилъ къ этой роли и, пожалуй, неловко взялся... Все это, конечно, должно было отразиться на моей участи самымъ роковымъ образомъ; но я съ своей стороны не имѣю никакого повода негодовать и съ удовольствіемъ свидѣтельствую, что добрякъ-принцъ исполнилъ царское порученіе прекрасно, и никто бы не достигъ большаго, чѣмъ онъ.

«Проводивъ принца, комендантъ вернулся ко мнѣ, подошелъ близко и тихимъ голосомъ сказалъ:

«— Послушайте, что вы дѣлаете? Вѣдь вы себя губите.

«— Что дѣлать! нельзя иначе.

«— Знаете, сколько времени принцъ съ вами говорилъ?

«— Не знаю; минутъ двадцать...

«— Полтора часа.

«Онъ простился со мною съ видимымъ доброжелательствомъ и ласковостью».

VI.

Послѣ этого сенатъ составилъ опредѣленіе, изъ котораго привожу наиболѣе существенную часть.

«Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, относящіяся до каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, Правительствующій Сенатъ находитъ:

«1. *Въ отношеніи поручика Обручева.* Онъ, будучи арестованъ вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія, сначала ни въ чемъ не сознавался, но потомъ на словесномъ допросѣ въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи сознался, какъ въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», такъ и въ знаніи составителей его, обѣщая даже прекратить дальнѣйшія дѣйствія распространителей, забрать всѣ остающіеся въ рукахъ

ихъ экземпляры съ принадлежностями для напечатанія и представить все это правительству, для чего просилъ освободить его на нѣсколько дней. Когда предложено было ему изложить это объясненіе письменно, то онъ отказался отъ сего, а когда объявлено было ему, что онъ изъ-подъ ареста освобожденъ быть не можетъ, то въ собственноручной запискѣ и на допросѣ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи, а впослѣдствіи и въ присутствіи I отдѣленія 5 департамента Правительствующаго Сената онъ объяснилъ, что распространялъ одинъ только второй номеръ «Великорусса», который получилъ отъ одного лица, по его мнѣнію, второстепеннаго въ дѣлѣ, наименованіе коего не послужило бы къ полному раскрытію дѣла, въ запечатанныхъ конвертахъ и списокъ адресовъ лицъ, по коему онъ распространялъ воззваніе, но лица этого не открылъ, отъ знанія же составителей и другихъ распространителей совершенно отрекся. Изъ показаній его не видно было цѣли, для которой рѣшился онъ на такое преступленіе. Только во всеподданнѣйшей просьбѣ государю императору о помилованіи онъ изъяснилъ, что былъ приведенъ къ принятію крутыхъ реформъ тяжкою участью простого народа, бѣдностью его жилищъ и одежды, негодностью пищи, грубостью его нравовъ, случайностями, которымъ подвержена вся жизнь его, почти полною невозможностью для него достигнуть лучшей доли. Между тѣмъ, во второмъ номерѣ «Великорусса», который распространялъ онъ, вовсе не упоминалось о таковомъ положеніи народа. Въ немъ только говорилось, какого мнѣнія крестьяне о вновь вышедшемъ о нихъ положеніи, предлагалось освобожденіе Польши и Южной Россіи и, наконецъ, замыселъ конституціи. При такомъ явномъ противорѣчіи показаній и объясненій Обручева съ его дѣйствіями, Правительствующій Сенатъ предложилъ ему объяснить откровенно, какими побужденіями руководствовался онъ, распространяя второй номеръ «Великорусса». Но онъ объяснилъ, что, давши обѣщаніе распространить второй номеръ, онъ не зналъ въ подробности его содержанія, а впослѣдствіи хотя и увидѣлъ, что направленіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, но все-таки находилъ нѣкоторое отношеніе къ ней, а посему и такъ какъ онъ далъ уже обѣщаніе распространить «Великоруссъ», то и привелъ дѣло въ исполненіе. Хотя легкомысліе поступка его и не соотвѣтствуетъ его лѣтамъ, но онъ, все-таки, подъ честнымъ словомъ завѣряетъ, что не былъ руководимъ при этомъ никакими другими побужденіями; вопросъ о Польшѣ и Малороссіи не занималъ его. Ни къ какому тайному обществу онъ не принадлежитъ и не находится подъ вліяніемъ таковаго. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что отставной поручикъ Обручевъ по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла согласному, виновенъ въ распространеніи второго номера «Великорусса». Обращаясь къ опредѣленію слѣдуемаго ему за сіе преступленіе, по законамъ, наказанія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что преступленіе, совершенное Обручевымъ, предусмотрѣно въ раздѣлѣ 3-мъ о преступленіяхъ государственныхъ,

въ главѣ 2-й, въ статьяхъ 285 и 286. Въ первой изъ нихъ опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространеніи воззванія съ цѣлью возбудить къ бунту, а бунтомъ, по ст. 283 той же главы, признается возстаніе скопомъ или заговоромъ противъ государя и государства, умыселъ ниспровергнуть правительство или перемѣнить образъ правленія и составленіе на сей предметъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже заговорѣ. Во 2-й статьѣ 286-й, опредѣляется наказаніе виновнымъ въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливается оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея или дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія. Второй номеръ «Великорусса», распространенный Обручевымъ, какъ выше изложено, заключаетъ въ себѣ: а) порицаніе дѣйствіи правительства, съ употребленіемъ дерзкихъ противъ онаго выраженій, и б) желаніе освобожденія Польши и Южной Россіи и введенія конституціи,—но въ немъ не усматривается прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, а посему къ настоящему преступленію Обручева Правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ примѣнить послѣднюю, т. е. 286, статью и вслѣдствіе сего подвергнуть его наказанію, въ сей статьѣ опредѣленному. Опредѣливъ такимъ образомъ родъ преступленія и степень наказанія, слѣдующаго подсудимому, и обращаясь къ опредѣленію мѣры онаго, Сенатъ изъ всѣхъ объясненій Обручева видитъ неискренность и нечистосердечность въ его сознаніи, ибо онъ, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія и убѣжденія о показаніи истины безъ малѣйшей утайки, упорно скрываетъ сообщниковъ своего преступленія, а посему, руководствуясь 10 п. 141 ст. уложенія, мѣру наказанія должно назначить ему среднюю, т. е. онъ долженъ быть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на 5 лѣтъ и потомъ поселенъ въ Сибири навсегда (29 ст. уложенія).

«2. Другое прикосновенное къ дѣлу сему лицо есть *студентъ здѣшняго университета Федоръ Ростиславовъ Даненбергъ*. Вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ», сдѣланъ былъ въ бумагахъ его обыскъ, но не найдено ничего, что бы могло служить подтвержденіемъ павшаго на него подозрѣнія; самъ онъ ни въ какомъ участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ знаніи составителей и распространителей его не сознался и никакихъ другихъ доказательствъ къ изобличенію его въ томъ дѣлѣ нѣтъ, а посему въ семъ отношеніи и долженъ быть отъ всякой отвѣтственности освобожденъ, но онъ самъ сознался въ томъ, что имѣлъ въ рукописи первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его и давалъ читать другимъ, но кому — не помнитъ. Имѣвшіе у себя такія сочиненія съ знаніемъ содержанія оныхъ, не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи ихъ, подвергаются за сіе, какъ за недонесеніе о извѣстномъ преступленіи или преступномъ

умыслѣ, аресту на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ (3 ч. 286 ст. уложенія); посему Данненбергъ долженъ быть подвергнутъ сему наказанію съ уменьшеніемъ онаго 2-мя степенями по несовершеннолѣтію его (ст. 152 уложенія) и въ самой низшей онаго мѣрѣ, по уваженію добровольнаго и чистосердечнаго его сознанія (1 п. 146 ст.), т. е. онъ долженъ быть подвергнутъ аресту на одинъ день и отданъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, но, принимая во вниманіе, что Данненбергъ, не подлежащій за проступокъ свой наказанію, съ лишеніемъ всѣхъ правъ сопряженному, съ 3 ноября 1861 г., до послѣднихъ чиселъ февраля 1862 г., содержался въ Петербургской Петропавловской крѣпости, Правительствующій Сенатъ, руководствуясь 4 п. 166 ст., признаетъ справедливымъ ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ, на основаніи 168 ст., объ избавленіи Данненберга отъ сего наказанія. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Данненберга передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о безпорядкахъ, происходившихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу онъ отнесенъ къ категоріи студентовъ, изобличенныхъ или сознавшихся въ намѣреніи не исполнять предписаній правительства, то, руководствуясь высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 4 декабря прошлаго года въ отношеніи студентовъ, причисленныхъ къ этой категоріи, Правительствующій Сенатъ полагалъ бы его, Данненберга, по исключеніи изъ университета выслать въ уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, подъ строгій надзоръ мѣстнаго городничаго съ допущеніемъ на службу въ уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ того города, гдѣ ему опредѣлено будетъ жительство, но не внѣ онаго, на что испросить высочайшее соизволеніе.

«3. Третій подсудимый по сему дѣлу есть *студентъ здѣшняго университета Василій Лобановъ.* По упавшему на него подозрѣнію въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ» сдѣланъ былъ осмотръ въ бумагахъ его, но оныя не указали обстоятельствъ, которыя могли бы служить доказательствомъ павшаго на него подозрѣнія. Самъ онъ ни въ участіи въ распространеніи «Великорусса», ни въ знаніи составителей или распространителей онаго не сознался, а объяснилъ, что, бывши въ студенческой библіотекѣ (въ которой онъ былъ библіотекаремъ), онъ получилъ отъ студента Сваричевскаго первый номеръ «Великорусса» и, еще не зная содержанія его, несъ домой, но на Адмиралтейскомъ бульварѣ встрѣтился съ знакомымъ ему вольнослушателемъ университета Назаревскимъ, который, увидавъ у него въ книгахъ, взятыхъ имъ изъ университета, означенный номеръ, взялъ его у него, противъ его воли; хотя Назаревскій въ показаніи, данномъ въ I отдѣленіи 5 департамента, объяснилъ, что Лобановъ далъ ему этотъ номеръ

не противъ воли, а добровольно, и уличалъ въ томъ Лобанова на очной ставкѣ, но уличить не могъ, и Лобановъ утвердилъ свое показаніе. Студентъ Сваричевскій, съ своей стороны, не отвергъ ссылки Лобанова въ передачѣ ему «Великорусса», объяснивъ, что, придя однажды въ университетъ, онъ получилъ отъ швейцара конвертъ, адресованный въ редакцію студенческаго сборника (такъ какъ онъ былъ одинъ изъ редакторовъ, выборныхъ изъ математическаго факультета), и, вскрывъ его, нашелъ 10 экземпляровъ перваго номера «Великорусса», которые, придя въ студенческую библіотеку, роздалъ студентамъ, въ числѣ которыхъ, помнится, былъ и Лобановъ. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что вся прикосновенность Лобанова къ настоящему дѣлу состоитъ въ томъ только, что онъ имѣлъ у себя самое короткое время первый номеръ «Великорусса», полученный имъ отъ Сваричевскаго, но не зналъ даже содержанія его, ибо у него взялъ оный Назаревскій тогда, когда онъ несъ его домой. Посему нѣтъ основанія обвинять Лобанова не только въ какомъ-либо участіи въ распространеніи «Великорусса» или въ званіи составителей и распространителей его, но даже и въ томъ, что онъ, имѣя короткое время у себя въ рукахъ первый номеръ «Великорусса», зналъ содержаніе его. Для совокупнаго сужденія съ означеннымъ обвиненіемъ Лобанова передано въ I отдѣленіе 5 департамента, по высочайшему повелѣнію, обвиненіе его по дѣлу о безпорядкахъ, происшедшихъ между студентами здѣшняго университета. Такъ какъ по сему послѣднему дѣлу Лобановъ отнесенъ къ числу студентовъ, въ дѣйствіяхъ коихъ не обнаружено предумышленнаго намѣренія сопротивляться распоряженіямъ правительства, то, руководствуясь высочайшими повелѣніями 4 декабря 1861 года и 15 февраля 1862 года о студентахъ второго курса Петербургскаго университета, кои, по мѣрѣ участія въ безпорядкахъ, отнесены къ сей категоріи, Правительствующій Сенатъ полагалъ бы ходатайствовать передъ его императорскимъ величествомъ сдѣлать ему, Лобанову, строгое внушеніе за участіе въ безпорядкахъ и затѣмъ даровать всемилостивѣйшее прощеніе.

«4. Что касается до *студента Сваричевскаго*, то изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній оказалось, что онъ, кромѣ настоящаго, прикосновененъ къ дѣлу о виновныхъ въ печатаніи и распространеніи запрещенныхъ сочиненій въ Москвѣ, и сіе послѣднее дѣло, по высочайшему повелѣнію, передано на разсмотрѣніе I отдѣленія 6 департамента Сената, а какъ прикосновенность его къ сему послѣднему дѣлу оказалась важнѣе, чѣмъ къ настоящему, то на передачу всѣхъ бумагъ, до него относящихся, въ I отдѣленіе 6 департамента для совокупнаго разсмотрѣнія испрошено высочайшее соизволеніе, которое въ настоящее время исполняется, а посему сужденія о немъ въ I отдѣленіи 5 департамента имѣть не слѣдуетъ.

«5. На *отставного лѣкаря Бокова*, мужа сестры отставного поручика Обручева, пало обвиненіе въ участіи въ распространеніи воззванія «Великоруссъ» по тремъ причинамъ: 1) въ бумагахъ

Обручева найдено было письмо къ нему Бокова въ конвертѣ съ такою же печатью (буквы І. А.), какою запечатаны были конверты, разосланные съ воззванiемъ «Великоруссъ»; во-2-хъ, въ одномъ изъ его писемъ упоминалось будто бы о номерахъ первомъ и второмъ «Великорусса» и, въ 3-хъ, въ одномъ изъ писемъ къ Обручеву есть сомнительное выраженiе слѣдующаго содержанiя: «О вашей брошюрѣ рѣчь впереди». Боковъ, не сознаваясь ни въ какомъ участiи съ Обручевымъ въ распространенiи «Великорусса», ни въ знанiи составителей и распространителей его, объяснилъ, что означенная печать—не его, и онъ не помнитъ, чьею печатью запечатано письмо это, такъ какъ оно могло быть писано имъ въ домѣ одного изъ больныхъ, имъ пользуемыхъ. По случаю сомнѣнiя въ тождественности оттисковъ сихъ печатей, дѣлаемо было въ присутствiи Правительствующаго Сената сличенiе ихъ чрезъ трехъ экспертовъ, которые объявили, что они находятъ большое сходство въ рѣшеткахъ обоихъ оттисковъ печатей, но положительно удостовѣрить, что это оттиски одной и той же печати, не могутъ, потому что на одномъ изъ оттисковъ вензель размятъ на конвертѣ письма Бокова къ Обручеву. По второму пункту обвиненiя Боковъ объяснилъ, что онъ не только не писалъ Обручеву о «Великоруссѣ», но и о существованiи его узналъ лишь въ III Отдѣленiи, гдѣ ему его показывали. Справедливость сего объясненiя Бокова подтвердилась вытребованными изъ III Отдѣленiя подлинными письмами Бокова. И, наконецъ, о брошюрѣ Боковъ показалъ, что Обручевъ говорилъ ему, что издастъ на французскомъ языкѣ какую-то брошюру, но о чемъ—онъ не зналъ. Обручевъ объяснилъ, что онъ намѣревался издать брошюру о средствахъ къ предупрежденiю рожденiя дѣтей въ случаяхъ, когда это пагубно и для родителей, и для ребенка. При таковыхъ обстоятельствахъ дѣла, касающихся лѣкаря Бокова, Сенатъ не находитъ основанiй не только подозрѣвать его въ знанiи составителей и распространителей «Великорусса», но и въ какомъ бы то ни было участiи по сему преступленiю, а посему отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу онъ долженъ быть освобожденъ».

Это опредѣленiе прошло черезъ вполнѣ его одобрившiй Государственный Совѣтъ и поступило затѣмъ на высочайшее разсмотрѣнiе. 8 мая Александръ II положилъ резолюцiю: «Обручева сослать въ каторжную работу, вмѣсто пяти лѣтъ, на три года, а въ прочемъ быть по сему».

21 мая приговоръ этотъ былъ объявленъ въ публичномъ засѣданiи Сената, а 31 мая, послѣ совершенiя постыднаго для правительства обряда гражданской казни, Обручевъ былъ отправленъ въ Сибирь.

По этому поводу въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полицiи» 30 мая было опубликовано: «31 мая въ 8 часовъ назначено публичное объявленiе на Мытнинской площади, въ Ро-

ждественской части, бывшему отставному поручику гвардіи Владиміру Обручеву высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, коимъ опредѣлено: Обручева въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливается оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея и дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія,—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на три года, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда» [1]).

Это было все, что правительство опубиковало по дѣлу.

Наканунѣ «казни» Обручевъ послѣ недѣльнаго говѣнія причастился. Дальше обратимся къ его собственному разсказу.

«Утромъ 31-го мая подняли рано. Повезли не на установленной закономъ колесницѣ, а въ каретѣ, гдѣ рядомъ со мной помѣстился протоіерей Полисадовъ, а противъ насъ — два жандарма. Ѣхали шагомъ, окруженные сплошной стѣной жандармовъ, изъ-за которыхъ мнѣ совсѣмъ не было видно улицъ и публики. Мнѣ объяснили, что это было необходимо въ виду враждебнаго настроенія народа, раздраженнаго пожаромъ Апраксина и Щукина двора (28-го мая) и считавшаго меня поджигателемъ, о чемъ и сохранилась, кажется, строчка въ катковской «Современной Лѣтописи» [2]). Не помню, какъ шелъ у насъ разговоръ съ о. Полисадовымъ, но, во всякомъ случаѣ, мы разстались вполнѣ дружелюбно, и у меня до сихъ поръ цѣла подаренная имъ мнѣ въ этотъ день брошюра на французскомъ языкѣ: «Miséricorde divine pour le pécheur repentant» (Берлинъ, 1858) съ надписью: «A mon fils spirituel, M-r (имя рекъ), le 31 mai 1862».

«Ѣхали томительно долго. Наконецъ, вотъ площадь, войска, начальство, масса народу вокругъ. Вступаю въ каре безъ шапки, которую оставилъ въ каретѣ, поднимаюсь на эшафотъ, довольно высокій, ставятъ къ столбу, не помню—привязали или нѣтъ. Погода чудесная; легкій вѣтерокъ пріятно освѣжаетъ голову. Стою неподвижно, пока читаютъ приговоръ. Публика близко. Вижу одно знакомое лицо, академическаго профессора Лебедева; тихо опускаю вѣки, глядя на него. Въ первомъ ряду—будущій оберъ-полиціймейстеръ Паткуль, простымъ дилетантомъ (быть можетъ, для доклада), въ сюртукѣ, улавливаетъ этотъ взглядъ и быстро оборачивается въ ту сторону. Сломали шпагу, бросили ее на помостъ, надѣли халатъ съ бубновымъ тузомъ, напялили арестантскую шапку и повели къ каретѣ. Теперь было шумнѣе на улицахъ; жандармы жа-

---

[1]) № 115.

[2]) Г. Пантелѣевъ разсказываетъ, что толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрскія желанія, чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головою за то, что онъ смѣлъ идти противъ царя...

лись къ каретѣ еще ближе, и кажется, что, гдѣ было можно, мы переходили въ рысь. Въ халатѣ было ужасно жарко; шапку я снялъ.

«По возвращенiи на гауптвахту, едва я успѣлъ сбросить халатъ и вздохнуть немного свободнѣе, какъ появился генералъ-губернаторъ князь Суворовъ, — тогда въ большой силѣ, крупный, очень внушительный, въ армейскомъ мундирѣ, вѣроятно, дѣдушкина полка; легкая шинель наброшена на плечи, въ рукахъ—кепи, которое я видѣлъ въ первый разъ. Подойдя ко мнѣ, князь пожалѣлъ, что видитъ меня въ такомъ положенiи, тѣмъ болѣе, что мой дядя прiѣзжалъ къ нему и разсказалъ, что я былъ на такой отличной дорогѣ, хотя давно сталъ сбиваться, бросилъ службу, пересталъ бывать у него... Узнавъ дядюшкины примѣты, я покусился-было дать нѣкоторый родственный отпоръ, но князь меня перебилъ: «Я очень хорошо знаю Владимiра Аѳанасьевича: онъ бывшiй мой начальникъ, котораго я очень уважаю и люблю». Потомъ онъ отвелъ меня къ окну, подальше отъ свиты, и заговорилъ по-французски:

«— Voyons, dites-moi, qu'est-ce que vous êtes allés faire dans cette galère? Tenez, il me semble que l'on pourrait encore tout réparer...» Я отвѣчалъ, что уже сказалъ все, что́ могъ, и что мнѣ остается только покориться моей печальной участи. Тогда князь отошелъ отъ окна и, обратившись къ свитѣ, сказалъ: «Теперь, господа, правосудiе надъ нимъ исполнено, и наше дѣло облегчить, насколько мы можемъ, его положенiе. Видите, каковъ!» — прибавилъ онъ, указавъ на меня рукою и, конечно, разумѣя мой жалкiй видъ. Затѣмъ онъ спросилъ меня, опять по-французски:

«— *Qui est-ce que vous auriez voulu voir?*

«— *Seulement ma soeur et mon cousin.*

«— Votre cousin?!

«— Non, non, *mon* beau frêre, *ma* soeur est mariée depuis si peu de temps que je n'ai pas encore pris l'habitude de cette parenté.

«Въ теченiе дня плацъ-адъютантъ сообщилъ мнѣ, что князь приказалъ выбрать для меня самые легкiе кандалы, самъ ихъ взвѣшивалъ и велѣлъ обшить кольца замшей.

«Вскорѣ потомъ явилась сестра съ мужемъ. Комендантъ принялъ ихъ у себя въ гостиной, куда привели меня и принесли потомъ привезенныя для меня вещи: чемоданъ, большой дорожный мѣшокъ, сумку, прелестный пледъ, непромокаемый плащъ и подушку. Изъ чемодана и мѣшка все было выложено и пересмотрѣно плацъ-адъютантомъ, послѣ чего пришелъ комендантъ и мягко посовѣтовалъ оставить романъ В. Гюго «Les Misérables».

«— Я лично ничего бы не имѣлъ противъ, но вамъ предстоятъ еще другiе осмотры, и я боюсь, какъ бы это не послужило поводомъ къ непрiятностямъ.

«И въ этомъ онъ ошибался: книжка оказалась полезной и прiятной.

«...Разлука послѣдовала въ восьмомъ часу. Потомъ я возвратился на гауптвахту, и начались приготовленія къ отъѣзду. Остригли меня съ умышленной некрасивостью, точь-въ-точь какъ изображено на картинкѣ въ январской книжкѣ «Былого» за 1906 г. [1]), причемъ и плацъ-адъютантъ (Пинкарнелли) былъ тотъ же; надѣли кандалы (по этому случаю плацъ-адъютантъ пожертвовалъ мнѣ старые, просторные сапоги, вродѣ спальныхъ), заковали. Во время этихъ послѣднихъ сборовъ незнакомый офицеръ привезъ мнѣ, съ разрѣшенія князя Суворова, 75 рублей отъ близкаго, любимаго корпуснаго товарища. Не помню, остались ли они у меня, или были сданы жандармамъ.

«Когда все было готово и явились мои спутники, жандармы, унтеръ-офицеръ и рядовой, меня облекли въ халатъ съ желтымъ бубновымъ тузомъ и шапку и вывели на платформу. Появился комендантъ, дошелъ со мной до кареты и тутъ, въ виду караула, обнялъ меня и поцѣловалъ.

«На первой станціи мы пересѣли въ перекладную и продолжали путь до Шлиссельбурга.

«Я вздохнулъ свободнѣе, когда опять очутился на перекладной.

«Еще на первой станціи отъ Петербурга я замѣтилъ подъѣхавшую вслѣдъ за нами фельдъегерскую повозку, и мнѣ потомъ показалось страннымъ, что фельдъегерь не обгоняетъ насъ, а постоянно ѣдетъ за нами. Въ Шлиссельбургѣ или на слѣдующей за нимъ станціи онъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ —представьте, на французскомъ языкѣ,—что ему приказано было княземъ Суворовымъ сопровождать меня до этого мѣста и затѣмъ спросить, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь и не желаю ли чего передать роднымъ. Я отвѣчалъ только выраженіемъ живѣйшей благодарности за доброту и вниманіе ко мнѣ».

Правительство не оставляло мысли узнать все-таки правду о «Великоруссѣ». Спустя нѣсколько лѣтъ, въ серединѣ 1868 года, г. Обручева подвергли домашнему, такъ сказать, полуоффиціальному допросу. За годъ до того мать его рѣшилась обратиться въ Петербургѣ съ просьбой если не о прощеніи сына, то хотя бы объ облегченіи его участи. Главноуправляющій III Отдѣленіемъ, гр. Шуваловъ, приказалъ иркутскому жандармскому полковнику побесѣдовать съ г. Обручевымъ и по возможности узнать все, касающееся «Великорусса». Думали, вѣроятно, найти нити и къ каракозовскому покушенію... Отвѣтомъ на этотъ оригинальный допросъ было довольно любопытное письмо г. Обручева къ самому Шувалову, отъ 6 августа 1868 года. Привожу его полностью со словъ самого автора:

«Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Петръ Андреевичъ!

---

[1]) Картина изображаетъ заковку и обстрижку Михайлова и приложена тамъ къ моей статьѣ: дана она мною и въ книгѣ «Политическіе процессы etc.».

«Простите, что я осмѣливаюсь писать вамъ, и позвольте мнѣ ввѣриться вашему великодушію.

«На предложенные мнѣ полковникомъ *** вопросы я сказалъ ему, что, по моему искреннему мнѣнію, дѣло «Великорусса» было явленіемъ случайнымъ, и далъ честное слово, что человѣкъ, передавшій мнѣ для распространенія въ публикѣ экземпляры этого листка, ни для кого уже не можетъ быть опасенъ. Свое убѣжденіе относительно внутренней пустоты «Великорусса» и его совершенно декоративнаго характера я основываю на слѣдующемъ:

«Настроеніе публики въ 1861 году было далеко не похоже на теперешнее. Мысль разыграть у себя дома какой-нибудь революціонный фарсъ на иностранный ладъ тогда забавляла многихъ. Этимъ шутили. Въ продолженіе мѣсяца, прошедшаго между распространеніемъ мною листка и моимъ заарестованіемъ, я слышалъ не разъ сомнительные отзывы о томъ, что тамъ говорилось, въ особенности насмѣшки надъ мнимымъ комитетомъ; но за такими сомнѣніями и шутками все-таки не слѣдовало порицанія, а говорили: все равно, пускай гуляетъ—веселѣе. Инымъ казалось, что стóитъ только немного поиграть въ эту игру — и всякія революціонныя чудеса тотчасъ охватятъ всю Россію. Рѣшительный врагъ политическихъ агитацій, чуждаясь, по темпераменту, всякихъ уличныхъ героевъ, вѣря свято, что только строгая наука и искусство могутъ вести народъ къ прогрессу, и что даже удачныя революціонныя попытки кончаются кровавыми реакціями, я, однако, принялъ участіе въ пошлой исторіи вороненка, запутавшагося въ шерсти своей мнимой добычи,—исторіи на такомъ поприщѣ беззаконной и преступной, потому что тутъ ставилось на карту счастье безсчетныхъ семействъ и даже общее благо народа. Но я тогда былъ начинающій человѣкъ, чернорабочій въ литературной передней, и не смѣлъ выражать свое мнѣніе, боялся, что назовутъ трусомъ. Между тѣмъ никому какъ будто и не снилось, что комедія можетъ сдѣлаться трагедіей,—не снилось этого, конечно, не по геройству, а по нелѣпой, дѣтской несообразительности. И въ публикѣ было такъ мало здравыхъ, протрезвляющихъ силъ, что ни разу, ни одного, мнѣ не пришлось услышать, съ чьей бы то ни было стороны слова просвѣщеннаго осужденія всему, что тогда творилось. Тогда, еще не было несчастій польскаго мятежа, ни нагляднаго ужаса 4 апрѣля, и можно сказать положительно, что есть неизмѣримая разница между настроеніемъ духа, котораго тогда было достаточно, чтобы впасть въ преступленіе, вродѣ сдѣланнаго мной и тѣмъ, которое требуется для этого теперь. Если вашему сіятельству извѣстны факты, опровергающіе мое мнѣніе объ этомъ, предметѣ, то, значитъ, я былъ слишкомъ обманутъ.

«Я знаю, что это показаніе, съ неловко цѣпляющимися за него, никому не нужными оправданіями, не можетъ имѣть въ глазахъ правительства никакой цѣны. Но умоляю васъ позволить мнѣ присоединить къ этому еще нѣсколько словъ—словъ такого рода,

что только моя увѣренность въ вашемъ личномъ великодушіи даетъ мнѣ смѣлость ихъ высказать.

«Ваше сіятельство не считаете доказательствомъ раскаянія безукоризненности моего поведенія во все время ссылки, безукоризненности, о которой всего лучше свидѣтельствуетъ вполнѣ незавидная репутація, которой я пользуюсь въ кругу ссыльныхъ. Ваше сіятельство не допускаете также, чтобы постигшее меня наказаніе могло, хотя отчасти, служить искупленіемъ моей вины. То, чего я лишился, общественное положеніе, семейство, свобода, молодость, все это, какъ и самая жизнь моя, безъ сомнѣнія, ничтожно—если смотрѣть сверху, вѣроятно даже смѣшно. Но *свое* каждому дорого; нельзя всего этого лишиться безъ глубокаго страданія; тяжело переживать заключеніе и ссылку, больно выносить въ теченіе долгихъ лѣтъ безсчетныя униженія, и во все это время, какъ всѣ ссыльные, каждый день ждать возвращенія свободы и каждый день обманываться. Но ваше сіятельство не допускаете, чтобы все это могло сколько-нибудь поколебать ту чашу вѣсовъ, гдѣ положено мое преступленіе. Мнѣ опять предлагаются тѣ же вопросы, которые такъ мучили меня семь лѣтъ тому назадъ, и возможность прощенія представляется мнѣ въ такомъ видѣ, что я принужденъ вторично произнести приговоръ надъ собой и надъ бѣдной моей матерью, освѣжить въ вашей памяти чувство моей виновности и даже, вѣроятно, показаться вамъ тѣмъ болѣе виновнымъ, чѣмъ дольше и мучительнѣе было мое испытаніе. Простите, ваше сіятельство, но мнѣ кажется, что изъ каждаго честнаго простака можно сдѣлать большого преступника, если спрашивать его о томъ, на что честь не позволяетъ отвѣчать, даже въ виду законныхъ требованій правительства и обѣщанія безнаказанности виновнымъ; а если повторять вопросы эти періодически, то бѣдняга все вновь будетъ впадать въ свое преступленіе, съ каждымъ разомъ становясь виновнѣе.

«Я не могу себѣ представить, что я—опасный или вредный человѣкъ. Мнѣ кажется, что такіе люди бываютъ непохожи на меня ни по характеру, ни по образу мыслей. Я не могу также думать, чтобы вѣчная справедливость требовала для меня вѣчнаго наказанія. Я бы солгалъ, если бы сказалъ противное. Но мнѣ остается только преклонить голову передъ суровой необходимостью. Въ виду ея, просьбы мои о помилованіи, безъ сомнѣнія, будутъ отвергнуты съ еще гораздо большимъ презрѣніемъ, чѣмъ просьбы моихъ родителей; но я надѣюсь, что ваше сіятельство не отвергнете одной изъ нихъ: я умоляю васъ не ставить передъ моей матерью вопросъ о моемъ прощеніи въ зависимость отъ какого бы то ни было моего дѣйствія. Скажите ей съ почтительною твердостью, что мнѣ не можетъ быть оказано пощады, но не поясняйте, что собственно отъ моей воли зависѣло себя спасти и ее утѣшить. Отказъ вашъ будетъ для нея ударомъ; но онъ покажется больнѣе, если она подумаетъ, что я его направилъ. А пользы отъ этой лишней боли ужъ никому не можетъ быть.

«А затѣмъ, ваше сіятельство, простите, если въ этомъ обращеніи къ вамъ я не сумѣлъ придать должную мягкость выраженію моихъ глубоко-безотрадныхъ чувствъ. Я отвыкъ писать и пишу вамъ въ состояніи слишкомъ близкомъ къ отчаянію; будьте великодушны—простите.

«Съ глубочайшимъ уваженіемъ къ особѣ вашей, осмѣливаюсь назвать себя вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою—*В. Обручевъ*».

Шуваловъ не ограничился этимъ и предписалъ полковнику новый рядъ мѣръ воздѣйствія на сосланнаго... Въ декабрѣ послѣдній снова писалъ Шувалову и такъ кончалъ свое письмо:

«Простите, если въ заключеніе я позволю себѣ упомянуть о глубокой моей благодарности за нѣкоторыя милостивыя выраженія, которыхъ вы меня удостоиваете. Сомнѣніе въ томъ, что вы соизволяете обѣщать для меня, точно невозможно при воспоминаніи о дняхъ вашей блестящей молодости. Но именемъ этихъ дней я прошу васъ допустить, безъ удивленія и гнѣва, что и для самыхъ бѣдныхъ, ничтожныхъ людей требованія чести безусловны...»

Черезъ 13 лѣтъ послѣ ссылки г. Обручевъ былъ возвращенъ на родину, въ Тверскую губернію, черезъ 17 въ Петербургъ. Въ 1877 году онъ просилъ, «какъ о величайшей милости», о разрѣшеніи идти волонтеромъ къ Сулину на миноноскѣ Рождественскаго, за что ему былъ возвращенъ чинъ. На службу въ морское вѣдомство онъ вступилъ въ 1884 году...

Докторъ П. И. Боковъ живетъ въ данное время въ Москвѣ...

Судьба Лобанова, Данненберга и Сваричевскаго неизвѣстна.

Что же касается самого «Великорусса», то на третьемъ номерѣ онъ кончилъ свое существованіе. Былъ выпущенъ еще № 4-й, но это была поддѣлка, о которой оповѣстили въ № 2 «Свободы», органа Русскаго Центральнаго Народнаго Комитета «Земля и Воля». Тамъ было напечатано: «Комитетъ по случаю выхода четвертаго номера «Великорусса» получилъ отъ бывшихъ членовъ комитета «Великорусса» слѣдующее заявленіе для опубликованія:

«Члены бывшаго комитета «Великорусса», прекратившіе свое изданіе на третьемъ номерѣ и соединившіеся съ обществомъ «Земля и Воля» во имя одной общей цѣли, считаютъ долгомъ объявить, что листокъ, выпущенный подъ именемъ «Великорусса»,—подлогъ, что легко замѣтить какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію» [1]).

Это заявленіе даетъ право сдѣлать заключеніе, что по крайней мѣрѣ часть комитета «Великорусса» избѣгла правительственнаго преслѣдованія.

---

[1]) «Былое», 1906, августъ, 192.

ДѢЛО ВОСКРЕСНИКОВЪ.

Дѣло воскресниковъ.

I.

Прочитавшіе статью «Молодость отца Митрофана» уже знакомы съ тѣмъ общественнымъ теченіемъ, которое въ шестидесятыхъ годахъ создало въ Россіи громадную сѣть воскресныхъ школъ. Въ настоящей статьѣ я хочу познакомить съ очень любопытнымъ политическимъ процессомъ, имѣвшимъ весьма тѣсное соприкосновеніе съ этимъ культурнымъ теченіемъ и важнымъ для исторіи эпохи, какъ показатель тогдашняго настроенія рабочаго. Это первый политическій процессъ, въ которомъ участвуютъ представители класса, теперь славно и крѣпко держащаго знамя освободительнаго движенія и мощно идущаго по пути къ полной свободѣ.

Однако, прежде чѣмъ начать съ самаго процесса, необходимо дать нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній о политикѣ правительства въ отношеніи совершенно тогда новаго явленія общественной дѣятельности—воскреснаго обученія.

Историки послѣдняго сами затрудняются сказать съ точностью, кто и гдѣ открылъ первую въ Россіи воскресную школу. Извѣстно лишь, что петербургская ремесленная управа въ 1858 году обсуждала полезность и желательность созданія въ Петербургѣ такой школы, и что въ апрѣлѣ 1859 года была открыта въ столицѣ женская воскресная школа Шпилевской [1]). Первая мужская школа въ Петербургѣ была открыта 10 апрѣля 1860 года въ залахъ казармъ стрѣлковаго батальона. Затѣмъ къ январю 1861 года въ Петербургѣ было 14 мужскихъ и 5 женскихъ школъ, изъ нихъ—что весьма любопытно—8 содержались ремесленною управою. И что не менѣе замѣчательно: не мало послужило этому дѣлу военное министерство, очень охотно предоставлявшее школамъ свои помѣщенія... Впрочемъ, кстати сказать, военное министерство вообще часто шло впереди спеціальнаго «просвѣтительнаго» министерства.

Сначала правительство не поняло истиннаго значенія воскресныхъ школъ, бывшихъ въ рукахъ своихъ руководителей сильнымъ средствомъ для просвѣщенія народа, которое, въ свою очередь, должно было служить средствомъ къ прямой и единственной

[1]) Я. В. Абрамовъ. «Наши воскресныя школы». СПБ. 1900 г., стр. 10.

цѣли: свободѣ. Правительство не усмотрѣло этого конца и потому относилось къ школамъ сначала индифферентно, затѣмъ даже покровительственно. Такъ, 22 марта 1860 года министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской разослалъ всѣмъ губернаторамъ слѣдующій циркуляръ:

«Въ нѣкоторыхъ городахъ, для распространенія грамотности и развитія нравственности въ ремесленномъ классѣ, признано полезнымъ учредить воскресныя школы для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ. Такимъ образомъ въ Архангельскѣ оказалось возможнымъ открыть воскресную школу для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы, по воскресеньямъ послѣ ранней обѣдни, обучать ихъ не болѣе 1½ часовъ грамотѣ по простой методѣ, преподавать правила христіанской вѣры и занимать учениковъ воскреснымъ чтеніемъ. Для этой школы назначено безплатное помѣщеніе въ домѣ Архангельскаго женскаго попечительнаго о бѣдныхъ общества. По распоряженію мѣстнаго духовнаго начальства, назначается каждое воскресенье въ школу одинъ ученикъ изъ высшихъ классовъ семинаріи для занятій съ мальчиками. Преподавателямъ этимъ не опредѣлено особой платы, но если дозволятъ средства попечительнаго общества о бѣдныхъ, предположено выдавать за преподаваніе вознагражденіе изъ суммъ общества. Подобнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ дозволено открыть нѣсколько таковыхъ школъ, для обученія чтенію, письму, Закону Божію, ариѳметикѣ, черченію и основнымъ познаніямъ въ ремеслахъ; помѣщенія для школъ отводятся въ квартирахъ городскихъ училищъ, а на содержаніе ихъ, составляющее незначительную ежегодную издержку, отпускаются деньги изъ суммъ цехового общества.

«Полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ, и что устройство такихъ школъ, какъ показываетъ опытъ (по С.-Петербургу и Архангельску) можетъ быть сдѣлано съ весьма незначительными издержками, я, по соглашеніи съ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, прошу Ваше Превосходительство обратить вниманіе на этотъ предметъ, съ тѣмъ, что если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представляется возможнымъ завести подобнымъ образомъ воскресныя школы въ городахъ, то соображенія Ваши по сему предмету не оставьте сообщить въ Министерство для дальнѣйшихъ распоряженій. При начертаніи соображеній объ учрежденіи воскресныхъ школъ необходимо принять въ основаніе, что школы эти должны состоять въ вѣдѣніи мѣстныхъ училищныхъ начальствъ, и что самыя предположенія объ устройствѣ школъ надлежитъ предварительно сообщать на заключеніе Губернскихъ Директоровъ училищъ, коимъ, по уставу училищъ, подчинены всѣ училища въ губерніяхъ, и которымъ ближе всего извѣстны потребности учебныхъ заведеній по части учебной и воспитательной и общее направленіе ихъ къ одной цѣли»[1]).

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣло № 133863.

Разумѣется, губернаторы, увидѣвъ, что въ Петербургѣ хотятъ еще одной новизны,—гдѣ спѣшили порадовать министра, гдѣ не мѣшали другимъ, и по всей Россіи школы начали расти прямо изъ-подъ земли, съ грошами въ карманѣ у учредителей, но съ горячимъ желаніемъ въ сердцѣ просвѣтить народъ...

Окружавшіе Александра II реакціонеры, крѣпостники и изувѣры не могли равнодушно переносить подходившей волны народнаго образованія, особенно людей, которыхъ привыкли считать буквально своей мебелью. Уже нерѣдки были случаи, когда прислуга и служащіе заявляли хозяевамъ отказъ работать по праздникамъ, которые желали проводить въ необычной для себя обстановкѣ школы, гдѣ ихъ встрѣчали съ радушно-распростертыми объятіями... Особенно волновалось III Отдѣленіе, уже чуявшее смуту отъ такого просвѣщенія... Долгоруковъ все молчалъ; наконецъ, не выдержалъ и 18 декабря 1860 года представилъ государю особую записку, въ которой исполнилъ свою жандармскую обязанность довольно удовлетворительно.

«Внезапное возникновеніе воскресныхъ школъ проявилось такимъ лихорадочнымъ движеніемъ,—писалъ шефъ жандармовъ,—что не можетъ уже быть вопроса: полезно ли распространеніе сихъ школъ. Онѣ должны принять еще бóльшіе размѣры съ осуществленіемъ освобожденія крестьянъ. Польза грамотности неопровержима». Замасливъ этимъ короткимъ введеніемъ государя, явно еще находившагося тогда подъ вліяніемъ своего брата Константина, тетки Елены Павловны и другихъ, Долгоруковъ сразу, однако, переходитъ къ мѣсту, гдѣ была, по его мнѣнію, зарыта революціонная собака. «Но правительство должно необходимо принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, дабы стать во главѣ сего движенія, обратить на пользу безсознательное (sic!?) увлеченіе праздныхъ и бродящихъ умовъ; дабы правильнымъ, зрѣло обдуманнымъ руководствомъ предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присущность очевидна».

Это мѣсто много говорило государю, вѣчно всего опасавшемуся...

Но Долгоруковъ зналъ, чѣмъ еще можно расположить въ свою пользу. Онъ писалъ дальше: «Правительство не можетъ допустить, чтобы половина народонаселенія была обязана своимъ образованіемъ не государству, а себѣ или частной благотворительности какого-либо отдѣльнаго сословія. Средній слой общества и разсчитывающіе на силу онаго невидимые двигатели стали произвольно во главѣ сего важнаго дѣла. Безвозмездное преподаваніе упрочитъ за ними на твердомъ основаніи довѣріе и благодарность народныхъ массъ, коимъ они благодѣтельствуютъ. Всякая мѣра, которая могла бы казаться преградою, противопоставляемою распространенію сихъ школъ, была бы поводомъ къ возбужденію ропота и превратныхъ толковъ, ищущихъ только предлога.

«Не десятки народныхъ школъ могутъ удовлетворить размѣру потребности. Правительство должно предупреждать ходатайства

частныхъ лицъ, испрашивающихъ разрѣшеніе на открытіе таковыхъ школъ. Но отсюда прямо истекаетъ вопросъ: имѣетъ ли государство средства содѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ? Нужны деньги и учителя. При недостаткѣ и тѣхъ и другихъ остается сообразить возможность извлечь наибольшую пользу изъ средствъ, коими располагать можно».

Въ заключеніе своихъ политическихъ размышленій Долгоруковъ говорилъ:

«Вышеизъясненное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«1. Препятствовать распространенію школъ вредно и едва ли возможно.

«2. Не должно оставлять ихъ въ тѣхъ рукахъ, которыя произвольно приняли ихъ на свое попеченіе.

«3. Исподволь и осторожно слѣдуетъ обратить всѣ народныя школы въ учрежденіе государственное; принять безотложныя мѣры къ улучшенію ихъ и дать видъ (!) поощренія быстрому распространенію ихъ.

«4. Какъ выраженіе сочувствія правительства, устроить при церквахъ особыя на сей предметъ кружки, хотя и нельзя ожидать отъ сей мѣры успѣшнаго воспособленія.

«5. Частные сборы, сдѣланные уже въ пользу школъ, оставить въ распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя нынѣ оными занимаются; послѣдующіе же сборы предоставить непосредственно вѣдѣнію попечителя учебнаго округа и изыскать средства къ возможному обезпеченію содержанія, внимательно опредѣливъ размѣръ дѣйствительныхъ потребностей. При нынѣшнемъ положеніи воскресныхъ школъ можно ожидать, что по прошествіи нѣкотораго времени ослабнетъ стремленіе, возбужденное модою и сверхъестественнымъ (!) порывомъ, и тогда за недостаткомъ средствъ школы будутъ послѣдовательно закрываемы, что неминуемо приписано будетъ противодѣйствующей инерціи (!) [1].

«6. Дать сему дѣлу правильную форму, дабы школы не усвоили безпорядка, неизбѣжнаго въ этомъ новомъ дѣлѣ. Съ сею цѣлью надлежало бы привлечь неощутительно (sic!) къ участію лицъ высшаго сословія, благонамѣренность коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни Министерство Народнаго Просвѣщенія, ни полиція не могутъ имѣть средствъ къ достаточному надзору.

«7. Въ женскихъ школахъ надлежало бы негласно, но рѣшительно отстранить всякое участіе офицеровъ, студентовъ, воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній и вообще молодыхъ людей.

«8. Осторожно и спокойно отстранить всякое покушеніе къ расширенію учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаваніемъ правилъ вѣры (разумѣется, духовнымъ лицомъ), грамоты, письма и счета, не допуская чтенія книгъ, к[illegible]

[1]) Противъ этого мѣста Александръ II написалъ: «Это совершенно согласно и съ мнѣніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, лично мнѣ изъясненнымъ».

назначенныхъ къ тому специально учебнымъ вѣдомствомъ, и воспретивъ объясненія отвлеченныхъ предметовъ. Сіе самое изъяснено въ правилахъ, изданныхъ отъ министерства; но разумное соблюденіе предписаннаго затруднено допущеніемъ къ преподаванію всѣхъ желающихъ.

«9. Немедленно приступить къ изданію книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ ощущается крайній недостатокъ. Составленіе сихъ книгъ отнюдь не можетъ предоставляемо быть отдѣльнымъ лицамъ, а, съ допущеніемъ участія сочувствующихъ сему дѣлу, должно быть поручено отвѣтственной редакціи, проникнутой убѣжденіемъ въ важности и безотложности сей существенной потребности» [1]).

Александръ II не долго колебался и черезъ нѣсколько дней положилъ резолюцію: «Передайте записку эту, въ которой много справедливаго, Министру Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы онъ внесъ ее, съ своимъ мнѣніемъ, въ Совѣтъ Министровъ, ибо считаю дѣло это, въ особенности при теперешнемъ броженіи умовъ, весьма важнымъ».

Министръ народнаго просвѣщенія, Ковалевскій, 30 декабря уже издалъ циркуляръ попечителямъ округовъ, въ которомъ поспѣшилъ повторить многое изъ проекта Долгорукова. Вотъ существенная часть этого распоряженія:

«Воскресныя школы должны служить только *пособіемъ приходскимъ училищамъ*, къ учрежденію коихъ, въ числѣ, соотвѣтствующемъ настоящей потребности въ нихъ, представляются теперь матеріальныя препятствія. Нынѣ, когда воскресныя школы стали быстро размножаться въ столицахъ и возникать не только въ губернскихъ, но и уѣздныхъ городахъ, мѣстному Учебному Начальству никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду такое назначеніе ихъ. Оно должно еще съ большей заботливостію слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій, т. е. чтобы обученіе въ нихъ ограничивалось Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ и первыми правилами Ариѳметики.

«Между тѣмъ изъ свѣдѣній, мною получаемыхъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усердіе учредителей или распорядителей воскресныхъ школъ иногда завлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ ихъ назначеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ въ одной школѣ преподается Исторія, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимаются съ учениками Французскимъ и Нѣмецкимъ языками. Предметы сіи выходятъ изъ программы обученія въ приходскихъ, слѣдовательно, и въ воскресныхъ школахъ.

«Эти обстоятельства поставляютъ меня въ необходимость вновь пояснить, чѣмъ именно мѣстныя Учебныя Начальства должны руководствоваться относительно наблюденія за воскресными школами.

[1]) Этотъ весьма важный документъ, какъ и нѣкоторые другіе, мною приводимые, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ историкамъ воскресныхъ школъ.

«1. Обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на Русскомъ языкѣ, первыми началами Ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ.

«2. При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ, употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ.

«3. Особенное вниманіе должно быть обращаемо на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ были люди вполнѣ благонадежные; а потому, не ограничиваясь оффиціальною перепискою, Директоры Училищъ обязаны въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ неизвѣстны, предварительно собирать о нихъ точныя удостовѣренія и затѣмъ, относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными Гражданскими Начальствами.

«4. За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ должны, подъ главнымъ Вашимъ надзоромъ, имѣть постоянное наблюденіе Штатные Смотрители Уѣздныхъ Училищъ, Директоры Гимназій и другія лица, коимъ сіе будетъ поручено отъ Вашего Превосходительства.

«5. Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ моемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, Государственному Управленію и правиламъ нравственности, таковые неблагонадежные преподаватели и распорядители должны быть немедленно отстраняемы и недопускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ воскресныхъ школахъ.

«6. Въ женскихъ воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители молодые люди всякаго рода службы и званія. Но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола».

Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, 5 января 1861 года Ковалевскій представилъ въ совѣтъ министровъ свой всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ отвѣчалъ на доносъ-записку шефа жандармовъ. Онъ говорилъ, что «учрежденіе воскресныхъ школъ есть проявленіе не внезапное, не случайное, что оно, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ свое начало и причину». Начало онъ видѣлъ въ реформахъ, задуманныхъ правительствомъ, и находилъ, что организація воскресныхъ школъ достаточно регламентирована правилами, а надзоръ за ними признавалъ вполнѣ достаточнымъ, прибавивъ, что воскресныя школы всегда открыты для лицъ, «коимъ порученъ негласный надзоръ за общественнымъ благоустройствомъ», т. е. попросту, жандармамъ и полиціи. Видя въ запискѣ Долгорукова серьезныя обвиненія по

своему адресу, Ковалевскій писалъ въ докладѣ: «Можно ли упрекать министерство народнаго просвѣщенія въ бездѣйствіи, допустившемъ посторонним людямъ схватить въ свои руки воскресныя школы? Если за всѣми принятыми мѣрами могутъ скрываться въ нихъ какіе-либо недостатки и несовершенства, то было бы лучше и полезнѣе вмѣсто общихъ обвиненій, колеблющихъ довѣріе къ учрежденію полезному и набрасывающихъ тѣнь подозрѣнія на дѣятелей и на надзирающихъ,—указаніе, гдѣ и въ какой школѣ скрывается недостатокъ или злоупотребленіе и въ чемъ именно они состоятъ. Министерство приняло бы съ большею благодарностью таковое указаніе и употребило бы его на улучшеніе дѣла, которое, какъ и всякое новое дѣло, представляетъ вначалѣ много затрудненій»... Затѣмъ Ковалевскій указалъ, что въ то время въ Петербургѣ было 19 воскресныхъ школъ, въ Москвѣ—8, въ прочихъ 32 городахъ—49, и замѣтилъ, что, разумѣется, у государства не можетъ быть средствъ, чтобы содержать достаточное число народныхъ школъ. Что касается предложенія Долгорукова ввести въ школы дворянское сословіе, то министръ находилъ, что мѣра эта ни къ чему не приведетъ. Въ заключеніе Ковалевскій полагалъ, что «для направленія воскресныхъ школъ къ одной общеполезной цѣли потребны не сложныя правила, въ практикѣ оказывающіяся трудно исполнимыми, но простое и неуклонное наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ нихъ преподавались только тѣ предметы, которые опредѣлены положительно, и чтобы мѣстныя училищныя начальства при пособіи гражданскихъ властей соблюдали осмотрительность при допущеніи распорядителей и преподавателей въ тѣ школы». Въ этомъ смыслѣ имъ и сдѣлано распоряженіе отъ 30 декабря 1860 года.

Государь, предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ, одобрилъ циркуляръ и повелѣлъ: 1) копію съ него отправить министру внутреннихъ дѣлъ для сообщенія губернаторамъ, 2) подтвердить попечителямъ строго соблюдать циркуляръ, 3) сообщить московскому и петербургскому митрополитамъ, чтобы назначили въ каждую воскресную школу священника, которые бы, помимо преподаванія Закона Божія, наблюдали вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ за тѣмъ, чтобы не допускалось ничего противнаго православной вѣрѣ и началамъ нравственности. А для исполненія этого вездѣ—сообщить и оберъ-прокурору синода.

Всѣ эти распоряженія были сдѣланы, и такимъ образомъ правительство быстро перешло на путь, если не преслѣдованія воскресныхъ школъ, то явнаго къ нимъ недовѣрія и несочувствія... Сила и подъемъ единодушно настроеннаго общества были еще настолько велики, что оно не рѣшалось идти прямо въ открытую борьбу съ обществомъ... Реакція еще не была провокаторски создана, общество еще не протянуло дрожащую отъ страха руку своимъ притѣснителямъ...

Оставалось наблюдать за всѣмъ, что́ происходило въ стѣнахъ воскресныхъ школъ...

II.

III Отдѣленіе всегда отличалось желаніемъ окружить русскаго обывателя сотнею невидимыхъ шпіоновъ, а когда вдругъ въ маѣ 1862 года Петербургъ сталъ горѣть, и часть даже интеллигенціи въ страхѣ за будущее Россіи, которой-де угрожаетъ грандіозный революціонный пожаръ, начатый лишь съ краснаго пѣтуха въ столицѣ, шарахнулась вправо,—оно особенно позаботилось объ изслѣдованіи крамолы и прежде всего направило своихъ агентовъ въ воскресныя школы... Но было уже поздно... Полиція имѣла въ своемъ распоряженіи доносы рабочихъ фабрики Мѣняева — братьевъ Ивановыхъ, Симохиныхъ и Игнатьева, и быстро принялась за дѣло.

1 іюня въ адмиралтейскій участокъ, по приказанію оберъ-полицеймейстера, попали двое рабочихъ: Михаилъ Митрофановъ, 18 л., и Михаилъ Федоровъ. Первый, работавшій на фабрикѣ Шау, петербургскій мѣщанинъ, показалъ полицейскому квартальному, что преподаватель посѣщаемой имъ воскресной школы на Сампсоніевскомъ проспектѣ, студентъ медицинской академіи Хохряковъ, «однажды въ великомъ посту, передъ Пасхою, принесъ съ собою печатный листокъ подъ заглавіемъ «Что надо дѣлать войску», читалъ по пунктамъ всему классу, разъясняя подробно содержаніе онаго, и когда нѣкоторые изъ учащихся стали возражать, что это будетъ противозаконно, то онъ старался убѣждать ихъ, говоря, что это дѣло святое, и что когда народъ пойдетъ требовать воли, то въ то время слѣдуетъ идти всѣмъ за народъ, и если войско будетъ штыками колоть людей, то это будетъ незаконно,—а оно должно держаться народа и помогать ему,—тогда и достигнутъ своей воли». Хохряковъ также разъяснялъ слова: «чего хочетъ мужикъ, того и полякъ». Кромѣ того Митрофановъ объявилъ, что онъ получилъ двѣ печатныя брошюры «Молодая Россія» и «О капитанѣ Варшавской станціи» [1]) —отъ крестьянина Карпа Андреева, имѣвшаго ихъ въ свою очередь отъ инженеръ-поручика Якова Афанасьева Ушакова, для прочета другимъ товарищамъ, въ числѣ коихъ крестьянамъ княгини Мещерской—Егору Коченкову и Корсаковой—Михайлѣ Федорову, который въ настоящее время ихъ ему, Митрофанову, уже возвратилъ, и теперь онѣ у него хранятся въ квартирѣ. Квартиру Ушакова, какъ объяснилъ Митрофановъ, посѣщали Андреевъ и Антоновъ, гдѣ, преподавая уроки, Ушаковъ угощалъ ихъ чаемъ и пищею, и что онъ въ квартирѣ Ушакова постоянно встрѣчалъ инженерныхъ офицеровъ, но болѣе флотскихъ, и въ разговорахъ слышалъ отъ Ушакова, что эти брошюры онъ получилъ отъ инженерныхъ офицеровъ, но отъ кого именно—ему не объяснилъ. Брошюры Ушаковъ, отдавая на руки, вынималъ изъ-подъ постели.

Крестьянинъ помѣщицы Корсаковой Федоровъ, 16 лѣтъ, показалъ, что, посѣщая ту же Сампсоніевскую школу, слышалъ, какъ

[1]) Точно—«Подвигъ капитана Александрова».

Хохряковъ «въ числѣ прочихъ лекцій читалъ брошюры «Что нужно народу» и «Что надо дѣлать войску», чтобы народъ просилъ свободы, а отъ войска—защиты; также говорилъ о революціи. Но хотя онъ и растолковывалъ намъ, ученикамъ, но я этого слова не понялъ, онъ же изъ географіи показывалъ на картѣ на Варшаву, говоря, что это должно быть отдѣлено отъ Россіи, такъ какъ есть отдѣльное царство. И въ этотъ разъ былъ товарищъ мой Василій Трифоновъ, однихъ со мной господъ. У Хохрякова постоянно были книжки «Что нужно народу» и «Что нужно войску»

Вступившій къ тому времени на мѣсто Ланского министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ спѣшилъ похвастаться передъ государемъ бдительностью своей полиціи, превзошедшей быстротою III Отдѣленіе (какъ это иногда и бывало, напримѣръ, хотя бы съ извѣстнымъ дѣломъ Петрашевскаго въ 1849 году). И какъ только днемъ 1-го же іюня получилъ отъ оберъ-полицеймейстера показанія Митрофанова и Федорова, такъ сейчасъ же представилъ Александру II соотвѣтствующій докладъ. Валуевъ доложилъ, что показаніями фабричныхъ рабочихъ обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ, Сампсоніевской и Введенской (на Петербургской сторонѣ), преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства. Государь повелѣлъ: «1) о дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей двухъ названныхъ школъ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія произвести формальное слѣдствіе; 2) производство слѣдствія возложить на особую комиссію изъ членовъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, управленія шефа жандармовъ и петербургскаго генералъ-губернатора при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія; 3) по окончаніи слѣдствія передать дѣло на законное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ; 4) при начатіи слѣдствія закрыть обѣ школы и о поводахъ къ ихъ закрытію объявить въ газетахъ; 5) принять мѣры къ тому, чтобы надзоръ за прочими воскресными школами былъ бы дѣйствителенъ и непрерывенъ, и 6) соображаясь съ результатами предназначеннаго слѣдствія, разсмотрѣть общій вопросъ о могущей встрѣтиться надобности въ коренномъ преобразованіи воскресныхъ школъ».

Въ тотъ же день, съ совершенно нерусскою быстротою, Валуевъ сообщилъ обо всемъ этомъ новому министру просвѣщенія Головнину, прибавивъ, что представителемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ комиссію имъ назначенъ тайный совѣтникъ Жадановъ, который и будетъ предсѣдательствовать въ ней. Головнинъ, въ свою очередь, назначилъ директора шестой петербургской гимназіи, Кнорринга.

III.

2 іюня полиція, которой было предписано щегольнуть передъ комиссіей толковыми допросами, спѣшила закончить дѣло въ пер-

вой стадіи и опросила Трифонова, Андреева, Коченкова, вторично Митрофанова, произведя у него обыскъ.

Рабочій фабрики «Тюлевое товарищество», крестьянинъ Василій Трифоновъ, 18 лѣтъ, показалъ, что преподаватель Сампсоніевской школы Хохряковъ «однажды великимъ постомъ, хорошенько не упомню, принесъ съ собою книжечку подъ заглавіемъ «Что дѣлать войску», читалъ по пунктамъ пятерымъ ученикамъ, т. е. мнѣ, Михайлѣ Федорову, Михайлѣ Митрофанову, Карпу Андрееву, Егору Коченкову и Сидорову, котораго Митрофановъ знаетъ, но я его не знаю,—разъясняя подробно содержаніе онаго, объясняя, что если будетъ требовать народъ воли, то всему войску идти за народъ, и если войско будетъ штыками колоть людей, то это будетъ незаконно, а оно должно держаться народа и за народъ идти на все правительство. Хохряковъ также разъяснялъ слова: «что мужикъ хочетъ воли, и полякъ хочетъ воли, то и слѣдуетъ дать имъ воли». Трифоновъ указалъ, что въ той же школѣ Митрофановъ читалъ «Молодую Россію» и растолковывалъ ея содержаніе; что онъ же «хвастался, что у него много знакомыхъ офицеровъ, которые пишутъ стишки противъ правительства».

Рабочій фабрики Мѣняева Карпъ Андреевъ, 23 лѣтъ, объяснилъ, что учился въ Сампсоніевской школѣ въ теченіе лѣта 1861 года и зимы 1861—62 гг., что по болѣзни онъ всего упомнить не можетъ, помнитъ только, что Хохряковъ читалъ, какъ ему кажется, «Что нужно войску», объясняя: «чего хочетъ полякъ, того хочетъ и мужикъ, т. е. воли, поэтому и слѣдуетъ дать имъ волю, какая была въ Новгородѣ». Андреевъ также показалъ, что Ушаковъ и Хохряковъ читали въ своей квартирѣ при немъ и другихъ ученикахъ той же школы «Колоколъ», и именно статью о продажѣ англичанамъ въ Россіи кораблестроительной рощи, говоря при этомъ, что такимъ образомъ флотъ Англіи увеличивается на нашъ матеріалъ. Въ этотъ же разъ, по словамъ Андреева, товарищъ его, Митрофановъ получилъ отъ Хохрякова, для списанія, какіе-то стихи, но какіе именно—онъ положительно указать не можетъ. Въ тотъ самый вечеръ видѣлъ онъ у Хохрякова и Ушакова неизвѣстнаго ему офицера съ аксельбантами, къ которому присутствовавшіе обращались съ особеннымъ почтеніемъ, величая какимъ то высокимъ титуломъ. Вообще въ этотъ и другіе вечера онъ видѣлъ у Хохрякова человѣкъ шесть военныхъ и статскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые постоянно подавали ему при встрѣчѣ руку. Прежде Андреевъ учился у Рымаренки, но противъ его ничего показать не имѣетъ. Познакомилъ же его съ Ушаковымъ Митрофановъ. Андреевъ еще прибавилъ, что Хохряковъ и Ушаковъ, соболѣзнуя о его нездоровьѣ, хотѣли на свой счетъ отправить его домой, но почему этого не исполнили—ему неизвѣстно. «Между прочимъ Ушаковъ съ товарищами говорили иногда, что нужно бы устроить ремесленный клубъ, съ ограниченіемъ посѣтителей, какъ онъ, Андреевъ, думаетъ, для удобнѣйшаго распространенія ихъ преступнаго ученія».

На слѣдующій день, 3 іюня, рабочій фабрики Мѣняева, Егоръ Антоновъ, 23 лѣтъ, показалъ квартальному адмиралтейской части, что студентъ Хохряковъ читалъ въ школѣ «Что нужно народу» и «Колоколъ», но объясненія его ему были непонятны.

«Ходилъ я на квартиру къ Хохрякову, гдѣ онъ читалъ «О капитанѣ Варшавской станціи Александровѣ» мнѣ и Митрофанову, объясняя, что одинъ Александровъ, пожертвовавъ собою, избавилъ народъ, и онъ былъ хорошій человѣкъ, и помни, царь: «отольются волку овечьи слезки», а равно бывъ въ квартирѣ Ушакова, который также повторялъ «о капитанѣ Варшавской станціи Александровѣ»; что Ушаковъ объяснялъ, что брошюра «Молодая Россія» есть сущность; что должно быть такъ, какъ прочитано Митрофановымъ; но мы упорствовали, т. е. я и Карпъ Андреевъ, а Митрофановъ говорилъ, что это должно быть такъ. Митрофановъ былъ ближе всѣхъ къ Ушакову; Ушаковъ при бытности своей насъ, учениковъ, потчевалъ чаемъ, пищею и даже пивомъ». Антоновъ добавилъ, что Митрофановъ долженъ знать больше, потому что онъ бывалъ чаще всѣхъ у Ушакова и могъ видѣть компанію, его посѣщающую, между прочимъ студента Крапивина.

Обыскъ въ квартирѣ Митрофанова, жившаго вмѣстѣ съ отставнымъ военнымъ писаремъ Иваномъ Григорьевымъ, не далъ ничего для его обвиненія, а въ сундукѣ его сожителя найдены были номеръ 93-й «Колокола», рукописный словарь, стихотвореніе «О горе наше» и начатая писанная копія «Молодой Россіи». Григорьевъ сознался, что прокламацію для переписки, какъ и все остальное, получилъ отъ Митрофанова. Послѣдній указалъ, въ свою очередь, на поручика Ушакова, давшаго «Колоколъ» и «Молодую Россію», и на студента Крапивина, одолжившаго для переписки и словарь, и стихотвореніе, причемъ сознался, что учителя приказали Григорьеву сохранять все это «до удобнаго случая», т. е. до тѣхъ поръ, пока они скажутъ, что̀ дѣлать со всѣми этими бумагами, и вмѣстѣ—осторожно распространять ихъ между рабочими. Самъ Митрофановъ многое получалъ отъ Карпа Андреева, сознавшагося въ этомъ тутъ же въ присутствіи полиціи.

Изъ посѣтителей Ушакова онъ знаетъ только мичмана Оболенскаго и студента Крапивина; другихъ, хотя и видалъ, но именъ не знаетъ. Одинъ изъ нихъ, офицеръ флота, являлся всегда въ статскомъ платьѣ. Замѣтилъ онъ изъ ихъ словъ, что школы устраиваются ими въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, около фабрикъ и заводовъ, преимущественно между рабочимъ населеніемъ. Однажды, на вопросъ Митрофанова, какъ дѣйствуютъ карманной типографіей, Хохряковъ объяснилъ ему этотъ механизмъ. Запирательство въ первыхъ признаніяхъ Митрофановъ и Андреевъ объяснили тѣмъ, что боялись обвинять бывшихъ учителей своихъ, строго имъ запретившихъ кому бы то ни было передавать о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

IV.

3 іюня высочайше утвержденная комиссія тайнаго совѣтника Жданова приступила къ работѣ [1]).

Прежде всего были допрошены всѣ арестованные при полиціи рабочіе.

Федоровъ подтвердилъ свое первсе показаніе, данное въ полицейскомъ участкѣ, и дополнилъ его слѣдующимъ:

«Посѣщая Сампсоньевскую воскресную школу, я, кромѣ вышеобъясненнаго, слышалъ отъ учителя, студента Хохрякова, читавшаго прокламацію подъ заглавіемъ «Что нужно народу», разъясненіе ея такого содержанія, что несправедливо, что одни—богатые, а другіе—бѣдные; что несправедливости эти отъ правительства; что нужно порѣшить правительство; что нужно общество изъ простыхъ людей, т. е. изъ народа, съ президентомъ по выбору, чтобы было равенство. Объясненія эти я слышалъ отъ г. Хохрякова три раза въ самой школѣ, но такъ какъ подобный вздоръ мнѣ не понравился, то я перешелъ въ Введенскую школу, гдѣ учили хорошо, закону Божьему, математикѣ и другимъ наукамъ, т. е. грамматикѣ. Посѣщая Введенскую школу, я ничего не слыхалъ противузаконнаго, но, однажды, учитель Беневоленскій, задавъ урокъ изъ математики, позвалъ меня къ себѣ на квартиру въ Александровскую больницу. У Беневоленскаго я былъ раза три, причемъ при второмъ посѣщеніи онъ читалъ мнѣ брошюру «Что нужно народу», причемъ разъяснялъ эту брошюру такимъ же образомъ, какъ Хохряковъ. Къ учителю Хохрякову я на домъ учиться не ходилъ, но ходили товарищи мои по школѣ: Михаилъ Митрофановъ съ фабрики Шау, Карпъ Андреевъ и Егоръ Коченковъ съ фабрики Мѣняева. Тѣ же самые ходили, какъ разсказывалъ мнѣ Михайло Митрофановъ, къ инженерному офицеру Ушакову, который, однако, у насъ въ школѣ не преподавалъ. Отъ этого г. Ушакова Карпъ Андреевъ, какъ сказывалъ мнѣ Митрофановъ, получилъ листокъ «Молодую Россію». Этотъ листокъ Андреевъ передалъ Митрофанову, а тотъ мнѣ, и я, прочитавъ его въ артели на фабрикѣ, далъ прочитать его работнику Симохину. Сей послѣдній, прочитавъ оный, сказалъ объ этомъ хозяину, отчего и вышла у насъ непріятность. Получивъ обратно листокъ отъ Симохина, я его возвратилъ Митрофанову. Листокъ этотъ я въ первый разъ прочиталъ въ артели и прежде не зналъ его содержанія. Когда я учился еще въ Сампсоньевской школѣ, то слышалъ отъ учителя Ольхина, что образамъ вѣрить не должно, о

---

[1]) Отъ III Отдѣленія былъ жандармскій полковникъ Дурново, отъ министерства полиціи—ст. сов. Б. Хвостовъ, отъ генералъ-губернатора—П. Спасскій.

чемъ я и говорилъ въ артели. Больше мнѣ по сему дѣлу ничего не извѣстно».

Трифоновъ, тоже подтвердивъ первое свое показаніе, прибавилъ:

«Во время посѣщенія Сампсоньевской воскресной школы я видѣлъ, какъ Хохряковъ, учитель школы, читалъ книжку «Что нужно войску», причемъ объяснялъ, что народу нужно согласиться противъ правительства и выйти противъ правительства, а правительство сдѣлать народное, гласное, съ президентомъ, какъ въ Англіи; начальниковъ убить, если будутъ противиться; что въ Польшѣ происходятъ не бунты, а требуетъ Польша свободы, потому что она притѣснена и угнетена; что народу нужно соединиться съ поляками и требовать свободы; что войску нужно быть за народъ, что нужно войско бить, если будетъ противъ народа; что порядки у насъ нехороши, что въ этомъ виновато правительство; что много мѣшаетъ религія, чтобы выйти изъ неволи. Кромѣ Хохрякова, отъ другихъ учителей въ воскресной школѣ ничего дурного не слышалъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ по фабрикѣ Михаиломъ Ѳедоровымъ ходилъ къ учителю Введенской воскресной школы Беневоленскому, студенту Медико-Хирургической Академіи; Беневоленскій на квартирѣ у себя читалъ «Что нужно народу», говоря, что это сочиненіе г. Михайлова, который былъ хорошій человѣкъ[1]). Беневоленскій говорилъ, что въ книжкѣ «Что нужно народу» много есть и хорошаго и дурного, что, напримѣръ, Польша не бунтуетъ, а хочетъ свободы, потому что притѣснена. Изъ учителей школы былъ у г. Кочетова[2]) не только въ школѣ, но и на квартирѣ, но ничего дурного не слышалъ. Учителю Сампсоніевской школы Ольхину онъ и Митрофановъ говорили, что читали «Молодую Россію», на что Ольхинъ отозвался, что много вздора въ этомъ листкѣ, что сочинители листка хотятъ обойти народъ и гласные подведутъ подъ свое начало, которое будетъ гораздо хуже настоящаго порядка. Болѣе мнѣ по сему дѣлу ничего не извѣстно».

Андреевъ дополнилъ свое первое показаніе, тоже вполнѣ его подтвердивъ, такими словами:

«Въ Сампсоньевскую воскресную школу поступилъ я по своей охотѣ для изученія ариѳметики; учителями моими были: нѣкій Александръ Ивановичъ, фамиліи котораго не знаю, и потомъ г. Рымаренко. Ни Александръ Ивановичъ, ни г. Рымаренко ни о чемъ больше намъ не толковали, какъ объ ариѳметикѣ; грамматикѣ меня пыталъ учить г. Хохряковъ, но она мнѣ не далась. Учитель этотъ до отъѣзда моего въ деревню (это было передъ зимнимъ Николой) ничего такого дурного не говорилъ, хотя я и былъ у него на дому одинъ разъ; по пріѣздѣ же моемъ изъ деревни передъ масленой нынѣшняго года, я уже замѣтилъ, что

[1]) На самомъ дѣлѣ Н. П. Огарева.

[2]) Нынѣ здравствующій А. Кочетовъ принималъ тогда очень дѣятельное участіе въ просвѣтительной работѣ.

г. Хохряковъ началъ говорить не совсѣмъ хорошо. Онъ читалъ въ школѣ брошюру «Что нужно войску» и толковалъ ее по-своему, но какъ, того я теперь не упомню. О какомъ-то г. Михайловѣ г. Хохряковъ отзывался, что онъ напрасно сосланъ въ каторгу и что онъ былъ хорошій человѣкъ (впрочемъ, я вѣрно фамиліи не знаю,—кажется, онъ говорилъ о г. Павловѣ, а не о Михайловѣ, именно о томъ господинѣ, который первый открылъ воскресную школу). Въ разговорѣ со мною г. Хохряковъ еще говорилъ, что у насъ порядки нехороши, что полиція дѣйствуетъ дурно; но подобные разговоры были не каждое воскресенье или праздникъ, когда мы собирались въ школу, но не болѣе при мнѣ, какъ раза два. Книжку «Объ артели рабочихъ» намъ дали въ школѣ, и мы читали ее у себя дома; мнѣ далъ эту книжку г. Рымаренко. Въ школѣ же объ этой книжкѣ разсужденій никакихъ не было, и никто намъ ничего объ ней не толковалъ. Слышалъ я отъ другихъ товарищей, что, кромѣ гг. Рымаренко и Хохрякова, преподавали въ школѣ гг. Нарановичъ, Мордвиновъ, Кочетовъ и другіе, которыхъ фамиліи не упомню; изъ нихъ Мордвиновъ—простой и добрый человѣкъ, Нарановичъ—тихій человѣкъ, Кочетовъ—тоже очень смирный человѣкъ; никто изъ нихъ ничего дурного не разсказывалъ и насъ ничему не научалъ. Съ офицеромъ Ушаковымъ познакомилъ меня Михайла Митрофановъ спустя три недѣли послѣ Пасхи; у этого офицера бывалъ я на квартирѣ раза три и слышалъ чтеніе «Колокола»; отъ него получилъ я листокъ «Молодая Россія», который Ушаковъ принесъ ко мнѣ на квартиру для передачи работнику Михайлѣ Митрофанову. Этотъ листокъ я совѣтовалъ Митрофанову сжечь, потому что въ немъ напечатано было все дурное и вредное. Въ бытность мою у г. Ушакова я изъ извѣстныхъ мнѣ господъ встрѣчалъ только 2 раза г. Хохрякова, другихъ же военныхъ и статскихъ господъ я видалъ, но кто они такіе, того мнѣ неизвѣстно. Учителей Сампсоньевской воскресной школы я никого у г. Ушакова не встрѣчалъ. Изъ воскресной школы намъ давались на квартиру для чтенія книги: божественныя, географическія, сказки и т. п., но никакихъ дурныхъ книгъ не давали».

Дополненія, которыя сдѣлалъ къ своему первому показанію Антоновъ (Коченковъ), очень похожи на предыдущія:

«У поручика Ушакова былъ я раза 2 или 3. Изъ господъ встрѣчалъ я тамъ *одного морского офицера въ статскомъ платьѣ, который говорилъ, что хорошо бы намъ рабочимъ устроить клубъ, какъ въ Кронштадтѣ у матросовъ; въ этомъ клубѣ мы бы проводили время, читали книги и газеты, танцовали и разговаривали бы.* Еще встрѣчалъ я тамъ товарища г. Ушакова, какого-то офицера съ тремя звѣздочками на эполетахъ. Однажды, когда я былъ у г. Ушакова, то въ домѣ была свадьба, и съ той свадьбы много пришло господъ къ нему. Одинъ изъ этихъ господъ отзывался, что онъ надѣваетъ отличія для того, чтобы его не прибили въ толпѣ. Изъ разговоровъ, которые бывали у г. Ушакова, я припоминаю, что говорили о Польшѣ, что тамъ народъ дружный и хотятъ быть

вольными. Въ воскресную Сампсоньевскую школу я поступилъ передъ масленой нынѣшняго года, зная немного грамотѣ. Изъ учителей меня обучали: г. Ольхинъ—чтенію, письму и географіи, г. Хохряковъ—ариѳметикѣ и грамматикѣ, причемъ читалъ намъ «Колоколъ» и листокъ «Что нужно народу», объясняя это все посвоему; листки эти онъ пряталъ въ книгу, когда Ольхинъ или кто другой изъ учителей приходилъ. Посѣщая г. Хохрякова на дому, я разъ встрѣтилъ тамъ бывшаго учителя воскресной школы студента Крапивина, съ которымъ отправился къ нему на домъ. Тутъ онъ мнѣ читалъ «Крещеная собственность» [1]) и какіе-то стихи, содержанія которыхъ не помню. Учителей Сампсоньевской школы, кромѣ вышеупомянутыхъ, я только знаю по фамиліи или случайно видалъ, но отъ нихъ ничего предосудительнаго не слыхалъ».

На слѣдующій день, 4 іюня, комиссія допросила Митрофанова, пока не отказавшагося подтвердить первыя два свои показанія. Дополненія его не были обширнѣе другихъ.

«Посѣщая воскресную школу и учась у Хохрякова географіи, получилъ приглашеніе отъ Хохрякова явиться къ нему для полученія книги географіи; въ другой разъ, явясь къ Хохрякову, засталъ много гостей, прибывшихъ по случаю сбора на какую-то свадьбу. Въ числѣ гостей Хохряковъ привелъ офицера Ушакова, пригласившаго посѣщать его. У Ушакова я былъ раза 4 или 5, и тотъ также училъ меня географіи, причемъ разсказывалъ, что плохо офицерамъ въ Польшѣ, потому что поляки сердиты, что крѣпко ихъ держатъ. Ушаковъ объяснялъ, что нужно поляку, то нужно и мужику—свобода. У Ушакова каждый разъ я заставалъ морского офицера Оболенскаго и учителя школы Хохрякова, и иногда студента Крапивина. Ушаковъ далъ Карпу Андрееву «Молодую Россію», а Карпъ Андреевъ мнѣ, причемъ Ушаковъ говорилъ, что не нужно ничего болтать, бумаги эти держать, а Карпъ Андреевъ, передавая эти бумаги, говорилъ, чтобы я ихъ не показывалъ малознакомымъ. Однажды во время обѣдни у меня взялъ «Молодую Россію» работникъ фабрики Шау Иванъ Григорьевъ, который началъ списывать «Молодую Россію», но не докончилъ, потому что я не далъ ему кончить. Отъ Крапивина и Хохрякова слышалъ, что Польша подкупаетъ поджигателей; этотъ слухъ ходитъ и между народомъ. Въ одно изъ воскресеній учитель Ольхинъ при мнѣ принесъ въ классъ пачку брошюръ, которую вынулъ изъ-подъ сюртука. Одну такую брошюру онъ показалъ бывшему въ то время въ классѣ учителю Хохрякову, который взялъ у него такую брошюру. На другое воскресенье Хохряковъ читалъ въ классѣ «Что нужно войску», говоря, что это та самая брошюра, которую ему далъ Ольхинъ. Въ то время, когда Ольхинъ давалъ Хохрякову брошюру, въ классѣ были, сколько могу упомнить, ученики Михаилъ Ѳедоровъ и Василій Трифоновъ. Послѣ того, какъ Ольхинъ

---

[1]) А. И. Герцена.

далъ Хохрякову брошюру, Ольхинъ пошелъ въ другой классъ, но давалъ ли онъ брошюры другимъ учителямъ, мнѣ неизвѣстно».

Однако, эти бѣглыя указанія не удовлетворили комиссію. 5 іюня Митрофанову приказано было отвѣтить на цѣлый рядъ составленныхъ ею вопросовъ. Но онъ не далъ въ своихъ отвѣтахъ ничего новаго, кромѣ указанія на то, что его сожитель, Григорьевъ, воскресную школу не посѣщалъ.

V.

Пока шли всѣ эти допросы, министръ внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ, запросилъ у министра просвѣщенія, Головнина, точныя свѣдѣнія о числѣ воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ въ Россіи.

Предчувствуя непріятность со стороны явно нерасположеннаго къ себѣ Валуева, Головнинъ поспѣшилъ прежде всего представить государю отношеніе попечителя петербургскаго округа Делянова, въ которомъ онъ сообщалъ министру, что въ воскресныхъ школахъ его округа все обстоитъ вполнѣ благополучно, наблюдателями ничего не замѣчено, правила 30 декабря 1860 года исполняются строго и неукоснительно. Но кромѣ этого указанія Головнинъ постарался свалить бѣду на чужую голову и доложилъ, что если и плохъ надзоръ, то со стороны духовенства, почти не бывающаго въ школахъ, кромѣ двухъ—Владимірской и Рождественской, посѣщаемыхъ священникомъ Гумилевскимъ... Но Александръ II отвѣтилъ министру довольно рѣзко: «все это мнѣ извѣстно, но извѣстно также, какъ оно исполняется. Вотъ почему самый бдительный надзоръ необходимъ»...

На слѣдующій день Головнинъ отправилъ Валуеву просимую справку [1]).

4 іюня былъ призванъ къ допросу въ комиссію о воскресныхъ школахъ студентъ Петръ Андреевичъ Беневоленскій, 19 лѣтъ. Онъ показалъ, что преподавалъ въ Введенской школѣ съ декабря 1864 года преимущественно ариѳметику.

[1]) Приведу эту вѣдомость воскресныхъ (кое-гдѣ субботнихъ) школъ, подвѣдомственныхъ министерству просвѣщенія: Петербургъ—28, губ. — 6, Новгородъ—2- губ —7, Псковъ—2, губ. — 6, Витебскъ 2, губ.—2, Могилевская губ.—1, Архангельскъ—3, губ.—1, Вологда—1, Петрозаводскъ—1, губ.—2, Москва -8, губ.—1, Владимірская губ.—3, Калуга—1, Кострома -1, губ.—2, Рязань—1, губ.—2, Тверь 1, губ.—3, Тула—2, губ. —1, Ярославль—2, губ.—2, Харьковъ—3, губ.—4, Курскъ -1, губ. 2, Орелъ—4, губ.—1, Воронежъ—2, губ.—1, Тамбовъ—3, губ.—6, Казань—5- губ.—2, Нижній-Новгородъ—1, губ.—4, Пенза—1, губ.—2, Астрахань - 2, губ.—1, Саратовъ —3, губ.—3, Симбирскъ—1, губ.—2, Самара—1, Оренбургская губ.—3, Пермь—5, губ.—5, Вятка—1, губ.—2, Кievъ—7, губ.—10, Житоміръ—2, Подольскъ -1, губ —1, Черниговъ—1, губ.—9, Полтава—5, губ.—12, Вильна—1, Херсонъ—2, Одесса—5, губ.—6, Екатеринославъ—2, губ.—2, Симферополь—2, губ.—7, Кишиневъ—1, обл.—5, Рига —1, губ.—5, Ревель—1, губ.—1, Митава—3, губ. —1, Иркутскъ—3, губ. -5, Красноярскъ—1, губ.— 1, Кяхта —1, Тобольскъ -1, губ.—1, Томскъ 1; всего 271, изъ нихъ 31 женскія. Свѣдѣнія эти я считаю весьма интересными для исторіи шестидесятыхъ годовъ.

«Въ школѣ я занимался только ариѳметикою и очень немного грамотою. Одинъ изъ учениковъ [1]), знавшій уже достаточно ариѳметику, пожелалъ заниматься алгеброю и геометріею. На вопросы мои «зачѣмъ?» онъ говорилъ, что все равно дѣлать нечего. Я, замѣтя въ немъ особенное желаніе заняться математикою и кромѣ того способность къ ней, постарался удовлетворить его желанію. Не имѣя возможности заниматься съ нимъ этими предметами въ школѣ, я пригласилъ его къ себѣ на квартиру. Занимаясь съ нимъ геометріею и алгеброю, я еще болѣе убѣдился въ его способности, потому что онъ очень скоро усваивалъ себѣ и понятіе о линіяхъ и пр., и способы алгебраическихъ дѣйствій. Я одобрялъ его желаніе учиться и въ разговорахъ съ нимъ всегда говорилъ, что мало жить, надо быть и добрымъ человѣкомъ. Недѣли двѣ тому назадъ онъ мнѣ говорилъ, что читалъ бумагу, сочиненную А. И. Герценомъ, въ которой взывали къ возстанію кровавому (впослѣдствіи оказалось, что бумага эта была: «Молодая Россія»). Разсказывалъ онъ про это очень непонятно, какъ умѣлъ и понялъ; возстаніе кровавое—я только и могъ понять. Что онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, доказательствомъ служитъ и то, что приписалъ сочиненіе Герцену, чего изъ «Молодой Россіи» заключить никакъ нельзя. Я говорилъ, что этого быть не можетъ. И когда онъ сказалъ, что видѣлъ бумагу, то опять повторилъ, что что-нибудь да не такъ; вѣдь подобныя кровавыя вещи едва ли кому могутъ понравиться, что про подобныя дѣла впору доносить. Чтобы удостовѣриться сколько-нибудь въ томъ, что существуетъ именно бумага такая, я просилъ его ее принести мнѣ, если она у него есть. Онъ принесъ ее; я, прочитавъ, совѣтовалъ ему не входить ни въ какія дѣла по этимъ бумагамъ, помня, что кровью хорошихъ дѣлъ не дѣлаютъ и что больше всего надо заботиться о собственномъ совершенствованіи. Онъ со мной согласился совершенно. Я возвратилъ ему бумагу. Сколько я видѣлъ, онъ соглашался со мною и былъ человѣкъ съ головою не вѣтреною и на подобное воззваніе никогда бы не согласился. Я говорилъ, что впору донести; не донесъ же потому, что не жаловался, будучи еще меньше, и, съ другой стороны, прочитавъ эту бумагу, не могъ придать ничего серьезнаго, а если что-нибудь есть въ ней серьезное, то откроютъ и безъ меня. Я больше всего жалѣлъ тѣхъ гг., которые составляли сію бумагу. Еще разъ повторю, что про ученика моего, Михаила Ѳедорова, съ тюлевой фабрики я ничего дурного, кромѣ хорошаго, сказать не могу. Былъ онъ у меня разъ пять»

Какъ видитъ читатель, Беневоленскій не былъ и самъ особенно грамотенъ. Тѣмъ характернѣе его участіе въ воскресной школѣ, въ которой, разумѣется, было достаточно и его знаній.

На слѣдующій день, 5 іюня, Беневоленскаго снова допрашивали. Онъ сознался, что читалъ Федорову и Трифонову «Что нужно народу», но не все, и притомъ разъяснялъ, что «несправедливо,

[1]) Въ концѣ показанія онъ назвалъ Михаиломъ Ѳедоровымъ.

что есть бѣдные; что это зависитъ больше всего отъ насъ самихъ и частью отъ правительства, потому что подати больше падаютъ на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ; о порѣшеніи правительства я никогда не говорилъ и всегда возставалъ противъ насилія; что члены общества должны нести одинакія обязанности и потому пользоваться одинакими правами; о президентѣ по выбору не говорилъ; при всемъ этомъ говорилъ, что надо заботиться больше всего о собственной нравственности и достигать всего мирными путями».

Въ «Молодой Россіи» находилъ много хорошаго и много дурного. «Дурно же именно то, что оправдывается, сколько теперь помню, насиліе. Что Польша хочетъ свободы это хорошо, но что она достигнетъ этого насиліемъ, бунтомъ—это нехорошо. Вообще говорилъ: желайте, но не насилуйте». Съ Хохряковымъ, Ушаковымъ и Крапивинымъ совсѣмъ незнакомъ. «Что нужно народу» получилъ отъ покойнаго студента Піотровскаго, «Молодую Россію» видѣлъ только благодаря Федорову. Помнитъ, что Федоровъ указывалъ на Хохрякова, читавшаго имъ «Что нужно дѣлать войску».

На словахъ же Беневоленскій просилъ комиссію быть снисходительной къ его молодости и со слезами упрашивалъ ее исходатайствовать монаршее милосердіе, не лишая его возможности продолжать образованіе и не убить престарѣлую и больную мать.

15 іюня Беневоленскому была дана очная ставка съ Федоровымъ. Послѣдній сначала вполнѣ подтверждалъ свои показанія, а послѣ возраженій Беневоленскаго, что Федоровъ не понялъ его объясненій по поводу «Что нужно народу», заявилъ, что, дѣйствительно, какъ теперь, припоминаетъ, онъ не разобрался въ словахъ своего учителя и готовъ заявить, что не слышалъ отъ него ни о необходимости порѣшить правительство, ни о бунтѣ. Беневоленскій же добавилъ, что, приглашая къ себѣ на квартиру Федорова и Трифонова, онъ «старался внушить имъ идею выборнаго начала и, замѣтивъ въ нихъ большую развитость, хотѣлъ возбудить въ нихъ самоуваженіе и здравое понятіе вещей, съ тѣмъ, чтобы они не могли увлечься безсмысленнымъ ученіемъ крайнихъ либераловъ. Онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ къ себѣ довѣріе съ тѣмъ, чтобы они, не увлекаясь противозаконными идеями, которыя могли имъ внушить, держались бы твердо началъ, которыхъ правительство, если не нынѣ, то современемъ не можетъ не одобрить, какъ ему кажется».

Константинъ Андреевичъ Крапивинъ, 20 лѣтъ, показалъ, что учительствовалъ въ Сампсоніевской воскресной школѣ съ сентября 1860 года, но не болѣе трехъ разъ, и училъ читать. Ни въ какія объясненія съ учениками не входилъ. Митрофановъ былъ у него два раза для занятій ариѳметикою. Стихотворенія «О горе нашемъ» отъ него Крапивинъ не получалъ и на допросѣ услышалъ о немъ впервые. Революціоннаго словаря не давалъ, а составилъ для Митрофанова списокъ иностранныхъ словъ, попадавшихся въ «Молодой Россіи», принесенный самимъ Митрофановымъ. Съ Хохряковымъ знакомъ, но видѣлся очень рѣдко и ничего отъ него не

получалъ. Ушакова не знаетъ. «Крещеной собственности» никому не читалъ. Какой-то рабочій, имени котораго Крапивинъ не помнитъ, былъ у него раза четыре для занятій географіей и исторіей. О подкупѣ поляками поджигателей ничего Митрофанову не говорилъ.

Въ виду такого сплошного отрицанія показаній Митрофанова ему была дана очная ставка съ Крапивинымъ, на которой послѣдній, оставаясь при своихъ показаніяхъ, добавилъ, что никакой переписанной «Молодой Россіи» Митрофанову не давалъ, а давая ему списокъ иностранныхъ словъ (называемый комиссіей революціоннымъ словаремъ), не говорилъ ему, чтобы онъ сохранялъ эти бумаги и осторожно распространялъ ихъ между рабочими. Митрофановъ же, съ своей стороны, объяснилъ, что онъ дѣйствительно не получалъ отъ Крапивина рукописи «Молодая Россія», но таковая была списана Иваномъ Григорьевымъ Антоновымъ. Сказанныя имъ слова, «чтобъ эти бумаги хранить до удобнаго случая», относились къ прокламаціи, полученной имъ отъ Карпа Андреева, который и передалъ ему, чтобы хранилъ эти бумаги до удобнаго случая.

Относительно остальныхъ обвиненій, взведенныхъ Митрофановымъ на Крапивина, первый остался твердымъ, второй рѣшительно отвергалъ.

Другая очная ставка Крапивина съ Коченковымъ тоже не дала ничего яснаго. Коченковъ подтверждалъ, что когда былъ у Крапивина, то тотъ читалъ ему брошюру «Крещеная собственность» или «Крещеную Русь», содержаніе которой онъ хорошо не понялъ, но помнитъ, что тамъ говорилось о бритьѣ бородъ. Крапивинъ возражалъ, что ни «Крещеной собственности», ни «Крещеной Руси» Коченкову не читалъ, но, сколько припоминаетъ, читалъ ему разсказы изъ русской исторіи, гдѣ, можетъ быть, и говорилось что-нибудь о бритьѣ бородъ, а также читалъ медицинскую статью, относящуюся къ гигіенѣ и къ быту фабричныхъ.

Тутъ же небезынтересно будетъ познакомиться съ словаремъ, составленнымъ Крапивинымъ. Это дастъ возможность судить, съ какими знаніями и подготовкой шли тогда люди въ рабочую среду для пропагандистской дѣятельности.

Критика—разборъ, разсматриваніе. Критическія обстоятельства—плохія обстоятельства.

Организованный—правильно устроенный, приведенный въ порядокъ.

Политическія права — гражданскія права,—напр., равенство.

Радикально—до корня, въ корень. Радикальный—коренной.

Инстинктъ — безотчетное, безсознательное дѣланіе чего-нибудь,—напр., животныя безсознательно, чутьемъ угадываютъ, что вредно и что полезно имъ ѣсть.

Инстинктивно—безсознательно, безотчетно.

Масса народная—весь народъ.

Группа и группировать. Группа — кучка, кружокъ, собраніе чего-нибудь однороднаго,—напр., людей съ одинаковыми убѣжденіями. Группировать — распредѣлять однородные предметы по такимъ кучкамъ.

Деспотизмъ — произволъ, преобладаніе сильнаго надъ слабымъ, угнетеніе послѣдняго.

Кризисъ—переломъ; то время, въ которое старое кончается и начинается новое.

Централизовать—собирать отъ окружности, отъ круговой линіи къ центру.

Принципъ—основаніе,—напр., по принципу равенства, на основаніи равенства.

Органъ.—Возьмите животное или растеніе. Оно состоитъ изъ частей. Отнимите одну такую часть, что̀ выйдетъ? Отрубите у человѣка голову—онъ умретъ, руку—истечетъ кровью. Ясно, что каждая такая часть необходима для жизни. Такая-то часть, безъ которой цѣлое не можетъ существовать, наз. органъ.

Революціонная программа. — Программа — заранѣе составленный планъ дѣйствій,—напр., здѣсь—какъ поступать при переворотахъ.

Прокламація—воззваніе.

Республика—государство, гдѣ народное правленіе. Республиканскій—народный.

Федеративный—союзный. Федерація—союзъ.

Нація—народъ. Національный—народный, земскій.

Національное собраніе—земская дума.

Іезуиты—монахи католическіе, отличающіеся лицемѣріемъ.

Іезуитство—лицемѣріе.

По-іезуитски—лицемѣрно.

Революція—есть переворотъ или бунтъ.

Періодъ—есть часть времени замѣчательная въ году.

Напримѣръ: Нынѣшній годъ, 1862 годъ, замѣчательный тысяча-лѣтіемъ, и съ начатіемъ новаго періода.

Революціонный періодъ—есть страшный переворотъ.

Напримѣръ: въ 1825 году былъ тоже переворотъ.

Интересъ—есть выгода, любопытство и самолюбіе.

Напримѣръ: Я продалъ доски, получилъ интересъ.
Я хожу по Невскому и интересуюсь имъ.
Я собою интересуюсь.

Либералъ—человѣкъ, любящій свободу, обыкновенно бояр..

Напримѣръ: Господа, помѣщики-бояре, любятъ свободу глазѣть въ окна ничего не дѣлая, потомъ гулять, въ театры ходить, на балы,—такой называется либеральный человѣкъ.

Либеральничать—высказывать любовь къ свободѣ въ словахъ и поступкахъ.

Конституція—ограниченіе правительства выборными со всего государства, какъ у насъ прежде земской думой или еще раньше вѣчемъ.

Конституція — есть ограниченіе правительства и государства.

Напримѣръ: Прежде у насъ въ Новгородѣ управлялись выборными, посредствомъ Вѣчевого колокола.

Антагонистъ—есть противникъ какихъ-нибудь дѣлъ.

Напримѣръ: Демократы желаютъ учиться, а правительство не дозволяетъ... оно и называется Антагонистомъ.

Антагонизмъ—есть противуборство или борьба.

Напримѣръ: Возстаніе народа противъ войска, и называется одна и другая стороны Антагонизмами.

8 іюня былъ допрошенъ Иванъ Антоновъ. Его показаніе привожу въ подлинникѣ:

«Одинъ разъ, мѣсяца полтора тому назадъ, пришелъ Митрофановъ, отъ учителя или отъ кого другого, и говорилъ мнѣ, что выйдетъ какая-то «Молодая Россія», то я спросилъ, что это такое, я еще и не слыхалъ, и что же тамъ заключается? то онъ, Митрофановъ, мнѣ говорилъ, что содержанія такого: что нужно дѣлать народу и объ устройствѣ парламента, какія-то 2 палаты, верхняя и нижняя, въ 1-й господа, знатныя особы и лица благородныя, а въ послѣдней черный народъ, и еще главное, что онъ упомянулъ, такъ, кажется, говоритъ, есть и то, о злоумышленномъ замыслѣ на Августѣйшую Фамилію Романовыхъ. На это я ему сказалъ, что когда же это и откуда она выйдетъ? то онъ говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, откуда она выйдетъ, только слышалъ сегодня; былъ у учителя, и у нихъ тамъ былъ разговоръ; то я ему и сказалъ, что нельзя ли будетъ достать ее прочитать, что тамъ такое, онъ же говорилъ, что штука важная, тѣмъ и кончилось. Предъявленная мнѣ переписанная статья «Молодая Россія», это писалъ я, для того, чтобы представить по начальству, а читать я никому не читалъ, говорить я говорилъ; послѣ разговора съ Митрофановымъ я чрезъ нѣсколько дней ходилъ къ брату и говорилъ ему тоже одному, чтó я слышалъ, и упомянулъ о злоумышленности на Царскую Фамилію; онъ мнѣ, какъ старшій, посовѣтовалъ добраго и говорилъ, вотъ что, братъ Ваня, ты постарайся ее всю выписать и потомъ, если не ты, то я по своему начальству представимъ это; я сказалъ, что хорошо, я постараюсь и, не давъ Митрофанову поводу, чтобы онъ догадался въ моемъ намѣреніи, выпишу, и когда онъ ее досталъ, то мнѣ неизвѣстно, только до Св. Троицы за недѣлю я держалъ въ рукахъ у себя. Съ

вечера въ субботу до утра 10 часовъ воскресенія и всю ночь писалъ и старался ее кончить, но не успѣлъ, и мнѣ ужасно хотѣлось выписать, потому что когда я началъ писать, то что дальше, то все наглѣе, и я былъ внѣ себя, потому что тутъ такъ безстрашно было писано и мнѣ же первый разъ пришлось это разбирать, то я еще хуже и больше старался какъ бы выписать, но вдругъ ему, кто не помню изъ родныхъ, сказалъ, что приходилъ какой-то студентъ или учитель, то онъ сказалъ, что надо итить, и взялъ у меня; какъ я писалъ, что онъ принесетъ ее, я же чуть не разбранился, я сказалъ, будто бы другой разъ нельзя или попозже немного, онъ же сказалъ, что не сердись, я принесу, и такъ мнѣ все говорилъ, что нѣтъ въ рукахъ еще ее, я нѣсколько разъ спрашивалъ, онъ же одинъ разъ мнѣ сказалъ, что зачѣмъ я выписываю, то я сказалъ, что не думай, я не буду доказывать, это для маленькихъ свѣдѣній и чтобы прочитать брату снести, то онъ сказалъ, что какъ будетъ въ рукахъ, то онъ мнѣ дастъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я пошелъ съ нимъ туда, т. е. къ брату, и дождался пока прочитаютъ и потомъ, чтобы опять взять, я ничего не отвѣтилъ и такъ онъ мнѣ больше не показывалъ пока до 2-го іюня. Сего же 2 іюня, какъ его Митрофанова взяли, то я предвидѣлъ, что вѣроятно будутъ обыскивать, и потому, что онъ говорилъ предъ этимъ за день или за два, что куда онъ ходилъ учиться взяли пять и человѣкъ 2-хъ выпустили, а 3-хъ оставили подъ арестомъ за какіе-то стихи, будто обыскивали ихъ и нашли, и я то подумалъ, что и у него будутъ искать, пришелъ, спросилъ у отца—что у васъ не было никого? онъ говоритъ—не было, я говорю, что нѣтъ ли какихъ бумагъ у него? отецъ его сказалъ, что онъ ничего не нашелъ, я посмотрѣлъ у него, гдѣ всегда была папка съ бумагой, и не нашелъ и потомъ дальше сталъ искать и нашелъ у него подъ матрасомъ въ головахъ и не смотрѣлъ больше ничего, какъ только «Молодую Россію», и нашелъ ее, сейчасъ положилъ въ сундукъ съ тѣмъ, что если спросятъ, то она у меня въ цѣлости будетъ, и что если никого не будетъ, то утромъ по близости хотѣлъ передать или представить въ кварталъ по близости, потому что уже онъ былъ взятъ, а раньше я хотѣлъ постарше кому-нибудь; но между тѣмъ я въ тотъ вечеръ, какъ его взяли, ничего и не дѣлалъ и легъ спать, но вдругъ въ три часа поутру на субботу онъ пришелъ съ тѣмъ же человѣкомъ, который его взялъ, и переодѣвался, взялъ съ собою бѣлье чистое, то отецъ его спросилъ, что увидится ли съ нимъ, и онъ сказалъ, что придетъ въ воскресенье, и потомъ началъ искать у себя этой прокламаціи «Молодой Россіи», не нашелъ и спрашиваетъ, что гдѣ мои бумаги; я отвѣчалъ, что я бумагъ не нашелъ, кромѣ этихъ, болѣе никакихъ, и положилъ къ себѣ для того, чтобы были въ цѣлости, онъ и съ нимъ пришедшій человѣкъ ничего мнѣ не сказали и онъ передалъ «Молодую Россію» и прочіе листы и сказалъ этому человѣку, что вотъ объ чемъ я, говоритъ, говорилъ вамъ, и ушелъ, только остальныя бумаги отдалъ мнѣ, я опять не посмо-

трѣлъ и положилъ ихъ въ сундукъ, потому что я предвидѣлъ это, что будутъ, пожалуй, спрашивать, гдѣ эти бумаги, которыя мнѣ онъ передалъ, а объявлять уже тутъ нечего, потому что кто съ нимъ приходилъ, то видѣлъ, какъ онъ мнѣ руками передалъ; такъ и случилось; въ тотъ же день вечеромъ я пришелъ съ работы, т. е. въ субботу на воскресенье, и пришли ко мнѣ съ помощникомъ 2-го квартальнаго надзирателя, не довѣряя мнѣ, и нашли у меня оставшіяся бумаги его и я отдалъ самъ своими руками мою выписку изъ «Молодой Россіи» и показалъ для, чего я выписывалъ, составили актъ и ушли».

VI.

Всего этого Валуеву было совершенно достаточно, чтобы убѣдить государя принять рядъ самыхъ реакціонныхъ мѣръ и въ томъ числѣ варварски расправиться съ воскресными школами...

9 іюня въ «Сѣверной Почтѣ» (предшественницѣ «Правительственнаго Вѣстника») было опубликовано:

«Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь Императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя безплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ проводить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію дѣла службы и присяги, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, нынѣ же закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать».

10 іюня было издано второе Высочайшее повелѣніе: «Надзоръ, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточнымъ. Въ послѣднее время обнаружено, что, подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Въ отношеніи къ читальнямъ равнымъ образомъ обнаружено стремленіе пользоваться этими учрежденіями не для распространенія полезныхъ знаній, а для проведенія того же вреднаго соціалистическаго ученія. Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) немедленно приступить къ пере-

смотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ, 2) впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни» [1]).

Всѣ привлеченные къ дѣлу комиссіей Жданова были арестованы при различныхъ полицейскихъ частяхъ; Ушаковъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости. Въ опечатанныхъ его бумагахъ найдена была собственноручная его рукопись, озаглавленная—«Октябрь 1860 года» и заключавшая въ себѣ — по словамъ Жданова—«философскія, весьма либеральныя идеи и разсужденія о будущей жизни, общественныхъ авторитетахъ, о добрѣ, крѣпостномъ правѣ, условіяхъ умственнаго развитія, а также критическій взглядъ на ученіе Іисуса Христа».

Рукопись эта, повидимому, находится въ главномъ военно-судномъ архивѣ, и, не видя ее въ сенатскомъ, я принужденъ ограничиться чужимъ описаніемъ [2]).

Она распадалась на нѣсколько частей. Въ первой части, посвященной вопросу о будущей жизни и ученію Христа, Ушаковъ, напримѣръ, писалъ: «Зачѣмъ онъ ввелъ въ обманъ милліоны людей, зачѣмъ училъ рабству, а не свободѣ, зачѣмъ потворствовалъ властямъ». Во второй части излагалось мнѣніе Ушакова о русской арміи. Здѣсь онъ приходилъ къ убѣжденію, что положеніе нашего солдата жалко, и писалъ: «законъ нашъ тѣмъ строже, чѣмъ менѣе нарушитель его понималъ свой проступокъ; безъ всякаго права отнимаютъ гражданина отъ семейнаго счастья и обращаютъ въ солдата; по волѣ, прихоти или глупости одного человѣка сотни этихъ существъ обязаны передъ закономъ жертвовать своею жизнью». Въ третьей части, объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, Ушаковъ говорилъ: «Кажется, въ настоящее время всѣ признали, какъ математическую истину, что положеніе крѣпостныхъ было отчаянное, и даже правительство, наперекоръ всегдашнему своему принципу, рѣшило принять подъ свое покровительство слабаго, конечно не числомъ, а правами, и рѣшить дѣло не въ пользу дворянъ. Это чуть ли не первый примѣръ въ исторіи нашего крѣпостного состоянія. Зато какъ дворянство возненавидѣло Александра за его справедливость въ этомъ дѣлѣ. Да и подумалъ ли онъ хорошенько, на что рѣшился. Этимъ дѣломъ онъ первый вынулъ камень изъ своего самодержавнаго трона; онъ, можетъ, и не вѣдаетъ, что этимъ дѣломъ разбудилъ народъ, который до сихъ поръ находился въ летаргическомъ снѣ; что съ нимъ шутить и издѣваться надъ нимъ скоро будетъ нельзя; что онъ, почуявъ въ себѣ силу, заговоритъ о своихъ нуждахъ и потребуетъ удовлетво-

---

[1]) Исключеніе было сдѣлано только для остзейскихъ губерній въ виду удостовѣренія рижскаго военнаго и лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора, что издавна существующія во всемъ краѣ воскресныя школы «не собьются со своего привычнаго пути благоразумія», и что вообще населеніе края «отличается спокойствіемъ въ отношеніи разныхъ политическихъ толковъ и ученій». 26 іюля государь повелѣлъ удовлетворить просьбу.

[2]) Стр. 30—32 іюньской книжки «Былого» за 1906 годъ.

ренія ихъ; что этотъ народъ никогда уже не погрязнетъ въ старомъ и дикомъ невѣжествѣ, и горе будетъ тогда Александру, ежели онъ самъ не подведетъ его впередъ; если онъ захочетъ остановить эту массу или скомандовать «маршъ назадъ», тогда не спасетъ его никакая дворня, и онъ сдѣлаетъ себя или своего сына жертвою необдуманнаго поступка, зачѣмъ самъ первый вынулъ камень изъ своего самодержавнаго трона. Но если Александръ явится достойнымъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаетъ новое поколѣніе, если онъ явится вождемъ его, то народъ создастъ ему тронъ изъ своей приверженности крѣпче тѣхъ, на которыхъ сидѣли его предки, и никакая враждебная сила не свергнетъ его. Не будетъ надобности ему клеймить живого безсовѣстнымъ тиранствомъ и пятнать себя кровью невинныхъ жертвъ, чтобы устоять во что бы то ни стало на посту своемъ, не запятнаетъ себя кровью своихъ подданныхъ, приносящихъ ему въ жертву и золото, и голову, и честь свою; не будетъ надобности держать вокругъ себя людей низкихъ, корыстолюбивыхъ, малодушныхъ, отдѣляющихъ его отъ народа, подобно тому, какъ облака отдѣляютъ солнце отъ всего живого на землѣ; онъ будетъ представителемъ не дворянства, не чиновничества, не аристократіи, а всей націи и всей нашей огромной Россіи съ ея безчисленными племенами»... «Николай былъ представителемъ чиновничества и отдалъ на копье Россію, зато тридцать лѣтъ сгибались передъ нимъ благородныя чиновничьи шеи, и тридцать лѣтъ народъ страдалъ отъ крайняго деспотизма, начиная отъ царскаго до станового и квартальнаго. Александру предстоитъ великая роль: онъ можетъ быть представителемъ цѣлаго народа. Но въ этомъ дѣлѣ нельзя ему быть двоедушнымъ: нельзя оставаться въ партіи ни дворянства, ни аристократіи, ни чиновниковъ и быть за народъ; надо отвергнуть старый хламъ, выбирать новыхъ людей съ новыми идеями, приняться за работу. Но возможно ли чиновнику въ 42 года выбить изъ головы ненужную, вредную дрянь, которую такъ старательно вбивали ему въ голову? Каждый шагъ впередъ нашего общества будетъ казаться нашему самодержавному правленію шагомъ къ гибели. Найдутся и интриганы, которые изъ своекорыстныхъ видовъ еще болѣе очернятъ невинное общество; не общество здѣсь виновато, а виновато время, толкающее исторію впередъ, несмотря ни на какіе вопли людей, разстающихся со старымъ порядкомъ вещей. Не сегодня, такъ завтра придетъ необходимость прогресса, и, если правительство вздумаетъ бороться съ нимъ, то это все равно будетъ, какъ если человѣкъ умирающій усиливается поддерживать свою жизнь на нѣсколько часовъ какими-нибудь медицинскими пособіями. Если правительство захочетъ бороться съ движеніемъ общества впередъ, то все равно будетъ, что намъ оспаривать силу законовъ природы. Капли воды, замерзшія въ трещинахъ гранита, разрушаютъ его, и ничѣмъ нельзя остановить дѣйствія замерзающей воды» [1]).

[1]) Любопытно, что теперь Ушаковъ состоитъ членомъ государственнаго совѣта по выбору и принадлежитъ къ самымъ правымъ его членамъ...

Хохрякова, послѣ продолжительныхъ поисковъ, нашли въ Павловскѣ 10 іюня.

Всѣ эти свѣдѣнія, съ краткими извлеченіями изъ показаній обвиняемаго, 11 іюня были сообщены Валуевымъ предсѣдателю другой слѣдственной комиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, съ которой читатели уже знакомы по предыдущимъ статьямъ.

11 іюня Василій Харлампіевичъ Хохряковъ былъ вызванъ въ комиссію Жданова для перваго допроса.

Онъ показалъ, что «знакомства съ фабричными работниками не имѣлъ; фамиліи Митрофанова, Андреева и Коченкова слышалъ, но вѣрно не можетъ указать, что это тотъ, другой и третій, хотя физіономіи признаетъ, если только они были учениками Сампсоньевской воскресной школы; признаетъ же ихъ потому, что видалъ въ школѣ, а нѣкоторые изъ учениковъ приходили иногда на домъ за книгами или заниматься, если онъ самъ не приходилъ въ школу».

Всѣ другія улики на себя Хохряковъ категорически отвергъ, заявивъ, что ничѣмъ, кромѣ чистаго обученія ариѳметикѣ и грамотѣ, никогда не занимался. «Я говорилъ, что надо учиться и трудиться,—только». Ушакова знаетъ почти шапочно, Беневоленскаго не знаетъ совсѣмъ, съ Крапивинымъ знакомъ давно.

14 іюня Хохрякову была дана очная ставка съ Ѳедоровымъ, Митрофановымъ, Трифоновымъ и Коченковымъ, на которой они уличали его во всемъ, что показывали на допросахъ. Хохряковъ, нашелся только заявить, что оговоры эти не совсѣмъ справедливы, и просилъ дать ему право отвѣтить на нихъ письменно особымъ объясненіемъ.

Получивъ разрѣшеніе, Хохряковъ написалъ:

«1862 года іюня 14 дня я, нижеподписавшійся, на убѣжденія гг. членовъ Высочайше учрежденной комиссіи, имѣю честь изложить чистосердечно, съ полной откровенностію, мои убѣжденія и то направленіе, которое я старался внушить ученикамъ моимъ въ Воскресной Сампсоньевской школѣ.

«Происходя самъ изъ народа (изъ мѣщанскаго сословія), естественно, я люблю народъ и желаю ему всего лучшаго. Обязанный своимъ воспитаніемъ Правительству (безвозмезднымъ ученіемъ въ Казанскомъ университетѣ и въ здѣшней М.-Х. Академіи), я не могу не быть оному благодарнымъ. Поэтому, сроднившись съ убѣжденіями партіи, такъ называемой, «славянофиловъ», я постоянно держался этихъ убѣжденій, но настолько, насколько основные мои принципы: любовь къ народу и благодарность къ Правительству, мнѣ то позволяли. Когда представился случай внести и мою лепту на обученіе народа, я съ радостью воспользовался, но, не располагая ничѣмъ, какъ только нѣкоторымъ знаніемъ и желаніемъ пользы народу, я принялъ на себя оффиціальное званіе учителя, но въ душѣ просвѣтителя народа. Направленіе и убѣжденія, которыя я старался внушить моимъ ученикамъ, состояли въ томъ, чтобы они любили

Царя, Бога; но сами бы старались объ устройствѣ правительства, которое бы ихъ руководило ко благу, было твердо, дѣйствовало бы не колеблясь, на общинномъ и выборномъ началѣ. Весьма можетъ быть, что я говорилъ моимъ ученикамъ и объ английскомъ парлатентѣ, и о вѣчевомъ учрежденіи Новгорода, хвалилъ то и другое, указывалъ имъ на подобное учрежденіе, какъ на цѣль, къ которой разумные, свободные люди должны стремиться; но никогда, клянусь въ томъ Всемогущимъ Богомъ, мысль объ открытомъ возстаніи, съ рѣзнею и съ жертвами, мнѣ не приходила въ голову; и потому, естественно, я не могъ этого внушать и говорить ученикамъ. Брошюры и листки, направленные противъ Правительства, которые въ послѣднее время ходили по городу, я дѣйствительно нѣкоторые читалъ,—какіе именно и откуда ихъ получилъ—не припмню; кажется мнѣ, то были брошюры «Что нужно народу» и «Что нужно дѣлать войску». Сознаюсь откровенно, что, движимый чувствомъ любви къ народу, изъ котораго я самъ произошелъ, я имѣлъ неосторожность читать извлеченія изъ этихъ брошюръ нѣкоторымъ ученикамъ Сампсоньевской воскресной школы, по мнѣнію моему, болѣе развитымъ, съ тою цѣлью, чтобы они, не увлекаясь нелѣпыми ученіями крайнихъ пропагандистовъ,—держались бы принципа выборнаго начала и самоуправленія. Противоестественную идею о пользѣ пожаровъ, гдѣ преимущественно бѣдный классъ народа теряетъ пóтомъ и кровью пріобрѣтенное имущество, я не только не могъ проводить, но считалъ бы противозаконнымъ скрыть и не указать на подобную личность Правительству. Карманная или какая-либо другая типографія, гдѣ печатаются антиправительственныя сочиненія,—мнѣ совершенно неизвѣстны; но понимая общее начало печатанія, легко можетъ быть, я кому-либо изъ рабочихъ говорилъ, отвѣчая на предложенный мнѣ вопросъ, что есть свинцовый шрифтъ, который набирается въ особомъ ящикѣ и печатается съ помощью нажимнаго винта.

«Поручика Ушакова я знаю, какъ сосѣдъ по комнатѣ въ послѣдніе два мѣсяца. Хорошо не припомню, былъ ли, и сколько разъ, я у него, или онъ у меня. По моему малому знакомству съ нимъ я не знаю его убѣжденій; одно, чтó могу только утвердительно сказать, я отъ него никогда не слышалъ, чтобы онъ возбуждалъ кого-либо противодѣйствовать Правительству».

Итакъ, и Хохряковъ, подобно Беневоленскому, счелъ нужнымъ заявить комиссіи, что непрочь отъ доносительства на враговъ отечества... У насъ нѣтъ достаточно твердыхъ основаній, чтобы установить, сказано ли это по искреннему побужденію или просто для того, чтобы избавиться отъ отвѣтственности, но во всякомъ случаѣ сказано.

Комиссію это очень порадовало... «Труды» ея увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. А что эта радость дѣйствительно была, и что «трудилась» она недаромъ, въ томъ насъ убѣждаетъ рапортъ Жданова Валуеву отъ 20 іюня. Онъ настолько характеренъ и любопытенъ, что заслуживаетъ быть приведеннымъ in extenso:

«Для бóльшихъ уликъ и разслѣдованія образа преподаванія въ Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школахъ, Комиссія въ полномъ своемъ составѣ посѣтила фабрики: 1) бумаго-прядильную, бывшую Мѣняева, 2) ситцевую фабрику Торшилова и 3) бѣлильно-красильную фабрику Гука. Сверхъ сего, Комиссія въ подробности обозрѣла учебныя пособія и ученическія тетради означенныхъ двухъ воскресныхъ школъ.

«При опросѣ болѣе 400 рабочихъ, немногіе изъ нихъ показали, что посѣщали школы; а тѣ, которые въ этомъ сознались, отозвались о всѣхъ учителяхъ и о самомъ преподаваніи съ весьма хорошей стороны.

«Учебныя пособія оказались совершенно нравственными и приспособленными къ понятію простонародія, кромѣ брошюры объ артеляхъ (ассоціаціи), вовсе не свойственной для употребленія между малограмотными учениками.

«Въ брошюрѣ этой проведена мысль о пользѣ, чтобы работники составляли собственный капиталъ, для содержанія своихъ фабрикъ, а не работали на хозяина, какъ поденщики. Самый эпиграфъ этой брошюры: «должны ли фабрики непремѣнно служить дьяволу?» выказываетъ вражду противъ капиталистовъ, и книга эта въ рукахъ злонамѣренныхъ преподавателей могла бы быть вредною.

«Впрочемъ, хотя въ Сампсоніевской школѣ оказалось до 30 экземпляровъ этого сочиненія, но только два изъ нихъ были въ употребленіи, а остальные даже не разрѣзаны. По подробнымъ объясненіямъ и разговорамъ съ учениками оказалось, что при чтеніи этой брошюры никакого возбужденія противъ фабрикантовъ дѣлаемо учителями не было, и фабриканты подтвердили, что работниками весьма довольны, и безпорядковъ на фабрикахъ нѣтъ.

«На состояніе ума рабочихъ на фабрикахъ Комиссіею обращено особое вниманіе.

«Не найдя новыхъ уликъ противъ обвиняемыхъ учителей воскресныхъ школъ, Комиссія приступила къ очнымъ ставкамъ.

«Студенты Медико-Хирургической Академіи *Беневоленскій* и *Крапивинъ* не показали большого упорства въ запирательствѣ. Они, конечно, всячески старались ослабить смыслъ сдѣланныхъ ими ученикамъ объясненій разнаго рода прокламацій, и ученики не опровергли ихъ въ этомъ; но тѣмъ не менѣе вполнѣ уяснился тотъ фактъ, что Беневоленскій читалъ рабочимъ «Что нужно народу», а Крапивинъ, къ которому принесъ рабочій прокламацію «Молодая Россія»,—написалъ ему собственноручно объясненіе иностранныхъ словъ въ этомъ возмутительномъ листкѣ.

«Студентъ той же Академіи *Хохряковъ*, подлежавшій аресту по постановленію Комиссіи о воскресныхъ школахъ, отысканъ и заарестованъ лишь 10 іюня.

«На другой же день ареста Хохряковъ былъ поставленъ на очныя ставки съ тремя его учениками. Сперва Хохряковъ запирался, объясняя, что, происходя самъ изъ простого званія, онъ

любитъ народъ и училъ его только необходимости труда и познанія.

«Ограничиться составленіемъ акта, что обѣ стороны остались при своихъ показаніяхъ, было неисполненіемъ комиссіею той важной обязанности, которая Высочайше на нее возложена. Комиссія поставила себѣ непремѣнною задачею употребить всѣ усилія и убѣжденія, чтобы добиться истины. Продливъ очныя ставки Хохрякову съ 12 часовъ пополудни до 6 часовъ вечера, Комиссія обязана члену своему коллежскому совѣтнику Спасскому доведеніемъ Хохрякова до полнаго сознанія.

«Г. Спасскій весьма обдуманно сумѣлъ затронуть самолюбіе Хохрякова. Онъ выставилъ ему, что если Хохряковъ, изъ любви къ меньшей своей братіи, считалъ нужнымъ пропагандировать свои убѣжденія, признавая эти убѣжденія непреложною истиною, то въ какое положеніе ставитъ, съ одной стороны, Хохряковъ себя, сходя предъ учениками съ своего пьедестала просвѣтителя и отрицая при нихъ истину своего ученія; а съ другой, гдѣ тутъ любовь къ ученикамъ, когда отрицаніемъ факта ученики Хохрякова, изъ-за него, должны томиться въ заключеніи и подвергаться взысканію за клевету.

«Послѣ долгаго убѣжденія, въ которомъ принимали всѣ члены Комиссіи участіе, Хохряковъ со слезами сознался въ томъ, что дѣйствительно читалъ въ школѣ «Что нужно народу» и «Что нужно дѣлать войску», объясняя, что ослаблялъ при этомъ значеніе сихъ преступныхъ брошюръ.

«Не менѣе труда стоило приведеніе къ сознанію поручика Ушакова. Очныя ставки его съ рабочими и засѣданіе по этому случаю комиссіи продолжались съ 12 часовъ пополудни до 8 часовъ вечера.

«Употребляя систему отрицанія при первомъ допросѣ, Ушаковъ, изъ ложнаго самолюбія, не считалъ возможнымъ въ началѣ очныхъ ставокъ перемѣнить свое показаніе. Долгое время нельзя было убѣдить его сознаться, несмотря на сильныя улики, въ передачѣ имъ работнику Карпу Андрееву прокламаціи.

«При отрицаніи Ушакова я, лично, не могъ скрыть моего негодованія и отозвался ему, что Комиссіи придется искать прямодушія и честности въ показаніяхъ не у офицера, а у простыхъ работниковъ, которые уличатъ его; что малодушіе офицера, боящагося перенести взысканіе за свои дѣйствія, не можетъ не вызвать презрѣнія благомыслящихъ лицъ, которыя будутъ разсматривать слѣдствіе, и, наконецъ, представилъ ему несчастное положеніе больного работника Карпа Андреева, который почти на смертномъ одрѣ, находясь изъ-за Ушакова въ тюремной больницѣ, объясняетъ съ полною откровенностію о дѣйствіяхъ своихъ, не показывая, подобно Ушакову, малодушія.

«Ушаковъ видимо былъ тронутъ и пожелалъ видѣть Карпа Андреева.

«Не упуская этого случая, Комиссія признала нужнымъ не-

медленно дать очныя ставки Ушакову съ Карпомъ Андреевымъ; но, не зная, въ состоянiи ли сей послѣднiй явиться въ Комиссiю, отправилась сперва отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ съ Ушаковымъ въ тюремный за́мокъ.

«Прежде убѣжденiя Комиссiи, а затѣмъ видъ больного Карпа Андреева окончательно привели Ушакова къ чистосердечному показанiю, въ которомъ онъ, сознаваясь о передачѣ прокламацiи сему рабочему, объяснилъ при этомъ, что онъ хотѣлъ только указать Андрееву на эту прокламацiю, какъ на мнѣнiе крайней партiи, которое онъ не раздѣляетъ.

«Независимо отъ дѣйствiй Комиссiи по Сампсонiевской и Введенской воскресныхъ школахъ, дѣятельность Комиссiи, распространенная, по Высочайшему повелѣнiю, и на раскрытiе злоупотребленiя въ преподаванiи въ другихъ воскресныхъ школахъ, заключалась въ слѣдующемъ:

«С.-Петербургскiй Оберъ-Полицiймейстеръ сообщилъ Комиссiи обвиненiе на студента *Варгасова* шести учениковъ воскресной школы (при 3-й гимназiи), показавшихъ, что Варгасовъ дерзко отзывался въ школѣ о Государѣ Императорѣ.

«Комиссiею допрошены: арестованный студентъ Варгасовъ и кромѣ шести мальчиковъ, его обвинявшихъ, еще два ученика того же учителя и студентъ Степановъ, бывшiй при этомъ свидѣтелемъ.

«Варгасовъ отвергъ взведенное на него обвиненiе, но сознался, что въ школѣ онъ дозволилъ себѣ разсказывать анекдотъ, какимъ образомъ графъ Адлербергъ не платилъ своего долга какому-то купцу, и что Государь дважды платилъ этотъ долгъ.

«О разсказѣ въ школѣ этого анекдота подтвердили всѣ ученики; но о дерзкихъ выраженiяхъ противъ Его Величества между свидѣтелями произошли разногласiя: четверо отозвались, что дѣйствительно онъ дозволилъ себѣ подобное оскорбленiе Государя; двое показали, что онъ читалъ объ адресѣ тверского дворянства, а остальные двое отозвались невѣдѣнiемъ.

«Согласно съ сими двумя послѣдними, показалъ подъ присягою свидѣтель бывшiй студентъ Степановъ.

«По поводу одного доноса въ полицiю, что будто бы въ деревнѣ Смоленкѣ (на 9 верстѣ Шлиссельбургской дороги) въ тамошней воскресной школѣ былъ типографскiй станокъ, Комиссiя ѣздила въ ту школу, причемъ обозрѣла какъ помѣщенiе сей школы, такъ и учебныя ея пособiя.

«При обыскѣ ничего подозрительнаго не оказалось, и самая квартира школы устраняетъ всякую возможность помѣщенiя въ оной какого-либо типографскаго станка. Учебнымъ книгамъ составленъ подробный реестръ; въ нихъ ничего предосудительнаго не оказалось.

«Такъ какъ въ большей части воскресныхъ школъ не велось списка ученикамъ и какъ, вслѣдствiе закрытiя школъ, посѣщавшiе оныя отрицаютъ, что они учились въ воскресныхъ школахъ, то Комиссiя, въ видахъ исполненiя Высочайшей воли о раскрытiи на-

правленія преподаванія во всѣхъ воскресныхъ школахъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ, считаетъ обязанностію осмотрѣть всѣ учебныя пособія закрытыхъ воскресныхъ школъ и изъ руководствъ этихъ вывести заключеніе, въ какой степени означенныя книги полезны для употребленія въ воскресныхъ школахъ.

«Согласно сему Комиссіею осмотрѣны воскресныя школы:

«*19 іюня:* 1) Помѣщавшаяся въ зданіи Государственнаго Банка. 2) Вознесенская. 3) Помѣщавшаяся въ зданіи Института Путей Сообщенія. 4) Помѣщавшаяся въ 1-й гимназіи и 5) Владимірская.

«*20 іюня:* 6) Помѣщавшаяся въ 3-й гимназіи. 7) Помѣщавшаяся при Саперномъ батальонѣ. 8) Помѣщавшаяся въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. 9) Охтенская. 10) При Гальванической ротѣ.

«При означенномъ осмотрѣ въ школахъ никакихъ нецензурныхъ сочиненій не оказалось. Во Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ помѣщалась воскресная школа, находится пять шкафовъ книгъ, и, по объясненію сторожа школы, въ числѣ означенныхъ учебныхъ пособій школы находятся книги читальни Гальванической роты, привезенныя туда 22 мая. Въ числѣ книгъ, хотя противныхъ цензурѣ не оказалось, но найдены сочиненія, вовсе не соотвѣтственныя понятіямъ «простаго народа, какъ-то: «Современникъ» за нѣсколько лѣтъ, сочиненія Толя (судившагося, какъ мнѣ извѣстно, по обществу Буташевича-Петрашевскаго), и тому подобныя.

«Въ школѣ 1-й гимназіи вовсе не оказалось книгъ, и, по показанію смотрителя дома гимназіи, всѣ книги воскресной школы перевезены распорядителемъ школы капитаномъ Генеральнаго Штаба Дорагомировымъ къ себѣ на квартиру, о чемъ составленъ актъ.

«Равнымъ образомъ не оказалось книгъ въ воскресной школѣ, помѣщавшейся въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ, перевезенныхъ, по объясненію полиціймейстера Артиллерійскаго училища, какимъ-то студентомъ Медико-Хирургической Академіи къ себѣ на квартиру. О розысканіи, кѣмъ именно и куда перевезены означенныя книги, сдѣлано распоряженіе.

«Донося Вашему Превосходительству о вышеизложенныхъ дѣйствіяхъ предсѣдательствуемой мною Комиссіи, считаю обязанностію свидѣтельствовать о ревностныхъ трудахъ и единодушномъ стремленіи всѣхъ членовъ и дѣлопроизводителя Комиссіи къ исполненію въ точности возложенныхъ на Комиссію обязанностей.

Немного спустя, Ждановъ сообщилъ кн. Голицыну, что Хохряковъ «высказалъ полное раскаяніе и заявлялъ со слезами, что участь свою повергаетъ безпредѣльному милосердію монарха».

VII.

Но сознанія Хохрякова было мало: надо было установить виновность другихъ, запиравшихся. Для этого оставалось въ открытую воспользоваться услугами тѣхъ двухъ рабочихъ, которые, собствен-

но, и создали все дѣло, а именно: Павла Иванова, Ариста Иванова, Никиты Игнатьева и Козьмы Симохина.

Первый изъ нихъ вновь показалъ, что Федоровъ говорилъ въ артели о своемъ недовольствѣ нашими порядками. Второй дополнилъ, что Федоровъ не разъ говорилъ: «молящіеся образамъ молятся не Богу, а доскѣ, Богъ же на небѣ». Игнатьевъ и Симохинъ сообщили, что Федоровъ отрицалъ бытіе Бога, а царя называлъ несправедливо поступившимъ съ крестьянами, освобожденными безъ земли. Почти тѣ же обвиненія взводились имъ и на Трифонова.

Федоровъ отрицалъ всѣ эти обвиненія, отвѣтивъ, что если что похожее и говорилось, то не въ видѣ самостоятельнаго убѣжденія, а лишь прочитывалось изъ «Молодой Россіи». Что же касается Бога и прочаго, то онъ, дѣйствительно, передавалъ Симохину, что учитель Ольхинъ говорилъ, что «Спасителю можете себѣ вѣрить или не вѣрить, какъ хотите, но прочимъ святымъ, какъ Тихону и другимъ, вѣрить не нужно, ибо захотѣли, такъ и сдѣлали святого». Трифоновъ также отрицалъ справедливость оговора. Когда затѣмъ имъ были даны очныя ставки съ доносчиками, то они остались тверды въ своемъ отрицаніи ихъ показаній.

25 іюня былъ приведенъ къ допросу Сергѣй Александровичъ Ольхинъ, 21 года. Въ противность всѣмъ обвиненіямъ, онъ заявилъ, что, наоборотъ, предостерегалъ рабочихъ отъ увлеченія «Молодой Россіей», находя ее гибельной для рабочаго класса.

Очныя ставки ничего не выяснили.

Въ пользу невиновности Ольхина говорили два обстоятельства. Федоровъ сослался на Трифонова, какъ на слышавшаго его поученіе о Спасителѣ и Тихонѣ, но Трифоновъ отказался подтвердить слова своего товарища. Второе обстоятельство болѣе важное. У Трифонова была найдена попытка написать стихотвореніе, на которомъ рукою Ольхина написано:

«Для того, чтобы узнать правду, нечего вздыхать да охать, да слезы проливать. Надо работать да учиться, все въ порядкѣ вести да учить другихъ людей и помогать имъ. Тогда на землѣ правда настоящая будетъ. А теперь по большей части либо невѣжество, либо пустая болтовня. *С. Ольхинъ*» [1]).

VIII.

25 іюля слѣдственная комиссія князя Голицына получила всѣ бумаги, содержаніе которыхъ служило матеріаломъ для всего вышесказаннаго, и приступила уже къ самостоятельному слѣдствію.

Одновременно Ждановъ представилъ Вяльцеву очень пространную записку, часть которой мы уже знаемъ изъ статьи «Молодость отца Митрофана».

---

[1]) А вотъ и самое «стихотвореніе»:

«Страждетъ, страждетъ мать Россія, мать россійская земля. Много людиновъ страдаютъ, много слезъ проливаютъ. Охъ! вы мои слезы, слезы горькія мои; сколько я время васъ проливаю и зачѣмъ я страдаю.

S · 2

Въ главѣ «Неопредѣлительность правилъ, данныхъ въ руководство воскреснымъ школамъ», говорилось, что открытое слѣдствіемъ «весьма много зависѣло отъ отсутствія бдительнаго и дѣйствительнаго надзора за дѣйствіями преподавателей и отъ несвоевременности и неопредѣлительности изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ». Въ изданныхъ въ 1861 г. правилахъ, по мнѣнію Жданова, «не было установлено условій, отъ которыхъ зависѣло бы полученіе права быть въ школахъ распорядителями или преподавателями; не было требуемо ни ближайшаго удостовѣренія въ способности къ дѣлу, ни залоговъ нравственной благонадежности; и не только не указано никакихъ способовъ надзора за воскресными школами, но даже не выражено, въ чемъ именно долженъ состоять этотъ надзоръ». «Установленіе надзора за воскресными школами существовало только на бумагѣ, но въ дѣйствительности его не было». Правда, Ждановъ отдавалъ должное и полиціи, сказавъ о совершенномъ отсутствіи всякаго наблюденія съ ея стороны... «Достовѣрно извѣстно, что партія злоумышленниковъ имѣетъ своихъ сочленовъ не только въ С.-Петербургѣ, но и внѣ онаго, и что всѣ они, имѣя одинаковыя преступныя цѣли и намѣренія, стараются пользоваться, по мѣрѣ представляющихся случаевъ, одними и тѣми же средствами». «Оффиціальные отвѣты начальниковъ губерній на сдѣланные въ послѣднее время со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ запросы, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ ничего противозаконнаго и предосудительнаго не обнаружено,—свидѣтельствуютъ только о томъ, что губернаторы, въ свое время не смотрѣвшіе на дѣло, могли и нынѣ въ него не всмотрѣться».

Государь написалъ на докладѣ Жданова: «Записку эту полезно сообщить секретно управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія; факты, въ ней изложенные, должны непремѣнно служить указаніемъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ будущемъ, дабы полезное сіе учрежденіе не могло вновь обратиться не въ пользу, *а во вредъ*».

9 іюля одинъ изъ обвиняемыхъ, Карпъ Андреевъ, умеръ въ больницѣ тюремнаго зáмка.

23 августа Голицынской комиссіи было повелѣно передать дѣло въ сенатъ, оставивъ Ушакова, Хохрякова, Беневоленскаго, Крапивина—въ крѣпости, остальныхъ—при полиціи.

Старавшійся Валуевъ, такъ и искавшій повода отличиться гадостью по чужому адресу, дѣлалъ все, чтобы насолить министру народнаго просвѣщенія. 16 сентября состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, выслушавъ въ совѣтѣ

«Доколѣ я буду страдать, доколѣ я буду слезы проливать. Когда бы мнѣ все это понять и когда бы мнѣ правду разсказать. Охъ! правда, правда, гдѣ ты находишься, отчего въ насъ не находишься. Нынѣ свѣтъ не правдой слыветъ, а кривдой прославляется. О люди, люди! поймите свою правду и возьмите свою отраду. Эхъ, если-бъ не грѣхъ, что бы и было! люди-то грѣха не понимаютъ, а свое трудовое теряютъ, изъ-за того много крови проливаютъ».

министровъ всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ объ обстоятельствахъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по дѣлу о воскресныхъ школахъ въ С.-Петербургѣ, и совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ его, министра, что вопросъ объ устройствѣ на будущее время воскресныхъ школъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ объ устройствѣ народныхъ школъ, высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія составляемыя въ семъ министерствѣ соображенія объ устройствѣ какъ воскресныхъ, такъ и народныхъ школъ сообщить въ свое время члену государственнаго совѣта генералъ-адъютанту графу Строганову I, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурору св. синода съ тѣмъ, чтобы предположенныя для устройства воскресныхъ и народныхъ школъ новыя основанія были сими лицами обсуждены и затѣмъ представлены ими на высочайшее благоусмотрѣніе черезъ совѣтъ министровъ».

21 сентября, видя, что въ сенатѣ дѣло начинаетъ затягиваться, государь приказалъ «рѣшить его безъ всякаго замедленія и безъ очереди».

Сенаторы стали спѣшить... На ихъ удачу, Крапивинъ былъ признанъ страдающимъ мрачнымъ помѣшательствомъ...

23 октября Антоновъ донесъ, что, видѣвшись случайно на допросѣ съ Митрофановымъ, онъ былъ остановленъ послѣднимъ съ просьбой отказаться отъ своего показанія, что Митрофановъ предупреждалъ его за мѣсяцъ до выхода «Молодой Россіи» о выходѣ прокламаціи, призывающей къ образованію парламента.

29 января 1863 года сенаторы подписали опредѣленіе, которое на слѣдующій день и было передано въ государственный совѣтъ.

Привожу его въ резолютивной части:

«Правительствующій Сенатъ находитъ, что изъ числа подсудимыхъ: 1) *Студентъ Хохряковъ* по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла и показаніями рабочихъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что неоднократно читалъ своимъ ученикамъ въ школѣ и у себя на дому возмутительныя воззванія: «что нужно народу» и «что дѣлать войску». Хотя Хохряковъ и показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду возбудить рабочихъ къ открытому возстанію, но по показаніямъ учениковъ его о сдѣланныхъ имъ разъясненіяхъ и по собственному его показанію о цѣли, съ которою онъ читалъ имъ упомянутыя брошюры, и о разъясненіяхъ, которыя онъ имъ дѣлалъ, нельзя не признать, что онъ, читая публично брошюры въ воскресной школѣ и у себя на дому лицамъ изъ низшаго класса народа, дѣлалъ это не иначе, какъ съ злымъ умысломъ—возбудить рабочихъ къ явному неповиновенію Верховной власти. За это преступленіе Хохряковъ, на осн. 285 ст. Улож., подлежитъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія наказанію по 5 ст. 21 ст. и въ средней онаго мѣрѣ на основ. 141 ст. по неискренности его въ сознаніи,

т. е. на 9 лѣтъ каторжной работы въ крѣпостяхъ безъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ изъятъ по 5 п. 4 § 1 прил. къ 19 ст. Улож. 2) *Студентъ Беневоленскій*, читавшій у себя на квартирѣ двумъ ученикамъ своимъ воззваніе «что нужно народу», по собственному своему добровольному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, относительно цѣли, съ которою онъ читалъ ученикамъ ту брошюру, и объясненій, которыя онъ при томъ дѣлалъ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ же преступленіи, какъ и Хохряковъ, и подлежитъ на основ. 285 ст. тому же наказанію, но лишь въ низшей мѣрѣ, по 146 ст. Улож., какъ сознавшійся на первомъ допросѣ въ учиненномъ имъ преступленіи. Засимъ ему, какъ несовершеннолѣтнему, время каторжной работы должно быть на основ. 151 ст. Улож. сокращено одною третью, т. е. онъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подлежитъ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца. Но принимая во вниманіе его молодость, чистосердечное на первомъ допросѣ сознаніе, то, что онъ при самомъ чтеніи столь вредныхъ сочиненій внушалъ слушавшимъ отвращеніе къ явному возстанію, насилію и кровопролитію, которыя предлагались въ воззваніяхъ: «Молодая Россія» и «Что нужно народу» для достиженія предположенныхъ преступныхъ цѣлей,—Правительствующій Сенатъ находитъ возможнымъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго Беневоленскому по закону наказанія ссылкою его по лишеніи всѣхъ правъ состоянія не въ каторжную работу, а въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. 3) *Крапивинъ*, какъ признанный уже Правительствующимъ Сенатомъ безумнымъ, долженъ согласно III прил. къ 107 ст. Улож. содержаться въ домѣ умалишенныхъ, и за симъ ходатайство отца его о помилованіи его слѣдуетъ оставить въ настоящее время безъ уваженія. 4) Фабричные рабочіе: *Митрофановъ*, *Федоровъ и Трифоновъ*, по собственному своему сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ томъ, что они не только имѣли у себя возмутительное воззваніе «Молодая Россія», но передавали оное другимъ для прочтенія. Такъ какъ по слѣдствію не обнаружено, чтобы они дѣлали это съ преступною цѣлью, то ихъ поступокъ подходитъ подъ послѣднюю часть 285 ст. и затѣмъ они подлежатъ: Митрофановъ, какъ болѣе другихъ виновный, что доказываетъ тѣмъ, что онъ лучше другихъ зналъ содержаніе воззванія и, понимая его значеніе, принесъ это воззваніе въ артель,— высшей мѣрѣ наказанія; при этомъ срокъ ареста долженъ быть уменьшенъ для него, какъ несовершеннолѣтняго, одною степенью по 152 ст. Улож.—Федоровъ и Трифоновъ, менѣе Митрофанова виновные, подлежатъ наказанію по послѣдней части 285 ст. въ средней мѣрѣ, и это наказаніе должно быть уменьшено для нихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, одною степенью и затѣмъ по 90 ст. Улож. замѣнено наказаніемъ розгами въ низшей мѣрѣ 2-й степ. означенной 90 статьи. 5) *Коченковъ и Антоновъ*, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными въ томъ,

что не донесли своевременно начальству: 1-й, Коченковъ, о чтеніи и объясненіи Хохряковымъ возмутительныхъ брошюръ, а 2-й, Антоновъ, о томъ, что получилъ, хотя и на короткое время, воззваніе «Молодая Россія»; Коченковъ за означенный проступокъ, на осн. 285, 138 и 146 ст., подлежитъ наказанію по 2 ст. 43 ст. въ низшей мѣрѣ, каковое наказаніе должно быть ему замѣнено розгами по 2 ст. 90 ст. Что же касается Антонова, то какъ показаніе его о томъ, что онъ хотѣлъ донести начальству о полученномъ имъ воззваніи и съ этою цѣлью началъ оное списывать, чтобы имѣть явное доказательство справедливости его доноса, слѣдствіемъ не опровергнуто, то ему слѣдуетъ сдѣлать строгое внушеніе, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду оныхъ, не останавливался собираніемъ доказательствъ. 6) А о поступкахъ *Карпа Андреева* за силою 169 и 170 ст. Улож. сужденія имѣть не слѣдуетъ за смертью его, и 7) Все настоящее дѣло и опредѣленіе по оному должны быть на основ. 168 ст. Уложенія, 460, 617 ст. II кн. XV т. представлены установленнымъ порядкомъ на Высочайшее усмотрѣніе.

«По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) Студентовъ Медико-Хирургической Академіи: Василія Харлампьева *Хохрякова*, 22 лѣтъ, признавъ виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи возмутительныхъ воззваній «что нужно народу» и «что дѣлать войску» съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію Верховной власти, на основ. 285, 5 ст. 21, 141 ст. Улож. и прил. къ 19 ст. XV т. 1 кн. лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ, а затѣмъ по 29 ст. Улож. поселить въ Сибири навсегда. 2) Петра Андреева *Беневоленскаго*, 19 л., признавъ виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія «что нужно народу» съ цѣлью возбудить къ неповиновенію Верховной власти, по силѣ 285, 5 ст. 21, 151 ст. Улож. и прил. къ 19 ст. Улож., признать подлежащимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца и поселенію потомъ согласно 29 ст. Улож. въ Сибирь навсегда; но принимая во вниманіе его молодость, чистосердечное на первомъ допросѣ сознаніе, а также и то, что онъ читалъ рабочимъ возмутительное воззваніе не въ публичномъ мѣстѣ, а у себя дома, только одинъ разъ, въ присутствіи только двухъ рабочихъ, и притомъ указывалъ и объяснялъ имъ, что въ читанной имъ брошюрѣ есть много дурного, со внушеніемъ отвращенія къ насилію и кровопролитію,—ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія ссылкою его по лишеніи всѣхъ правъ состоянія не въ каторжную работу, а въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. 3) Бывшаго студента Константина Андреева *Крапивина*, 21 г., признаннаго Правительствующимъ Сенатомъ (по 4-му Департаменту) безумнымъ, согласно III прил. къ 107 ст. Улож. оставить въ домѣ умалишенныхъ, а пре-

шенія отца его о помилованіи его оставить въ настоящее время безъ уваженія. 4) Мѣщанина Михаила Викторова *Митрофанова*, 20 л., и крестьянъ: Василія *Трифонова*, 18 лѣтъ, и Михаила *Федорова*, 17 лѣтъ, признавъ виновными въ томъ, что они имѣли у себя воззваніе «Молодая Россія» и передавали оное другимъ, хотя и безъ злого умысла, на основ. 285, 141, 146, 152, 7 и 12 п. прил. къ 19 ст. Улож., изъ нихъ Митрофанова подвергнуть аресту на три недѣли, а по окончаніи срока заключенія отдать его подъ надзоръ полиціи на три года, а Трифонова и Федорова взамѣнъ ареста на семь дней подвергнуть наказанію розгами по пятнадцати ударовъ (90 ст. Улож.) и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. 5) Крестьянина Егора Антонова *Коченкова*, 23 лѣтъ, признавъ виновнымъ въ недонесеніи о слушанныхъ имъ чтеніи и объясненіи студента Хохрякова возмутительныхъ воззваній, на основ. 285, 138 и 146 ст. Улож., взамѣнъ ареста на семь дней наказать по 90 ст. Улож. розгами пятнадцатью ударами, а уволенному изъ военнаго званія Ивану Григорьеву *Антонову*, 20 л., виновному въ недонесеніи о томъ, что получилъ хотя и на короткое время возмутительное воззваніе «Молодая Россія», на основ. 285, 138 и 146 ст. Улож., такъ какъ объясненіе его, что онъ хотѣлъ донести и съ этою цѣлью переписывалъ воззваніе «Молодая Россія», слѣдствіемъ не опровергнуто, строго внушить, чтобы онъ впредь немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему учинившихся преступленіяхъ и, смотря по роду ихъ, не останавливался собираніемъ доказательствъ. 6) Дѣйствія преданнаго суду крестьянина Карпа Андреева на основ. 169 и 170 ст. Улож. оставить за смертью безъ обсужденія, и 7) настоящее опредѣленіе Правительствующаго Сената на основ. 168 ст. Улож., 460 и 617 ст. II кн. XV т. представить установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе».

Государственный совѣтъ согласился съ сенатомъ, но относительно Беневоленскаго считалъ справедливымъ обратить вниманіе на три обстоятельства: что онъ впалъ въ преступленіе въ молодыхъ лѣтахъ, что на первомъ же допросѣ сдѣлалъ чистосердечное во всемъ признаніе и что, читая рабочимъ «Молодую Россію», внушалъ имъ отвращеніе къ ней, какъ клонившейся къ насилію и кровопролитію. Поэтому государственный совѣтъ полагалъ Беневоленскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

27 февраля государь утвердилъ такое мнѣніе совѣта, положивъ резолюцію: «быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Хохрякову срокъ каторжной работы ограничить пятью годами» [1]).

13 марта приговоръ былъ объявленъ обвиненнымъ.

Закончивъ такимъ образомъ со всѣми, кромѣ Крапивина, сенатъ, признавъ Крапивина не страдающимъ умопомѣшательствомъ,

[1]) Положеніе государственнаго совѣта было опубликовано въ № 24 «Сенатскихъ Вѣдомостей» отъ 22 марта 1863 года.

разрѣшилъ передать его на поруки и 17 октября опредѣлилъ: оставить его въ сильнѣйшемъ подозрѣніи по предмету упадающаго на него обвиненія въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія «Молодая Россія», а за недонесеніе объ извѣстномъ ему злоумышленномъ распространеніи означеннаго воззванія выдержать въ крѣпости четыре мѣсяца, выславъ послѣ сего, какъ личность подозрительную, согласно 62 статьѣ Уложенія изъ С.-Петербурга, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

Но 5 ноября генералъ-губернаторъ увѣдомилъ сенатъ, что Крапивинъ вновь душевно заболѣлъ и отправленъ въ больницу. 25 ноября государственный совѣтъ одобрилъ опредѣленіе сената; Крапивину не объявили этого по его нездоровью, а 25 января 1864 года онъ умеръ отъ легочной чахотки.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ изученія этого процесса?

Прежде всего ясна полная неподготовленность интеллигентной молодежи къ революціонной работѣ. Сами они оказались не настолько тверды и мужественны, чтобы выдержать съ честью бой съ правительственной властью, зная, что онъ долженъ кончиться полнымъ ихъ пораженіемъ. Эта черта проходитъ почти черезъ всѣ политическіе процессы того времени. Рѣдко кто, вродѣ Чернышевскаго или Серно-Соловьевича, сохранялъ то спокойствіе и самообладаніе, безъ которыхъ нельзя идти на путь революціонной дѣятельности. Въ той или другой мѣрѣ у привлеченныхъ интеллигентовъ сейчасъ же обнаруживалась откровенность, чтобы какъ-нибудь облегчить свою участь.

Изъ признаній мы видимъ другой дефектъ: недостаточность теоретической подготовки. Разумѣется, это опять-таки не вина людей, а вина времени, не создавшаго тогда еще въ Россіи законченнаго революціоннаго исповѣданія. Но, оставляя въ сторонѣ причины, нельзя не констатировать самаго факта.

Наряду съ теоретической неподготовленностью бросается также въ глаза неподготовленность практическая. Никто не обнаружилъ не только организаторскаго революціоннаго таланта, но даже удовлетворительныхъ способностей въ этой области. Случайно сходились съ тѣми, кого обращали въ новую вѣру, какъ попало съ ними бесѣдовали, не умѣли говорить ясно и просто, не понимали своей аудиторіи. О конспираціи и говорить почти не приходится: ея какъ будто не было вовсе.

Что касается рабочей среды, то неподготовленность ея къ воспріятію пропаганды поразительна. Немудрено поэтому, что и доносительство на товарищей производилось совершенно въ открытую, на глазахъ у всѣхъ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

„Русская Правда“.

Въ мартѣ и апрѣлѣ 1862 года, слѣдовательно, до майскихъ пожаровъ въ Петербургѣ, давшихъ сигналъ началу грандіозной реакціи александровскаго либеральничанья изъ страха передъ неудержимой лавиной народнаго гнѣва на николаевское угнетеніе — въ Петербургѣ были выпущены двѣ прокламаціи отъ имени тайнаго общества «Русская Правда».

Что это за общество, какова была его организація, планы, задачи и тактика—неизвѣстно. Нигдѣ мнѣ не пришлось встрѣтить указаній на это: ни въ литературѣ, ни въ архивахъ.

Единственно, что́ есть въ моемъ распоряженіи,—это два первыхъ номера «Русской Правды», которые, какъ очень большую библіографическую рѣдкость, я и привожу ниже.

№ 1.

С.-Петербургъ. 15 марта 1862 г.

Во имя Христа и человѣчества возвышаемъ мы нашъ голосъ: первое втунѣ раздавалось посреди безстыдныхъ убійствъ, второе оскорблено въ своихъ лучшихъ чувствахъ.

Уже минулъ годъ, какъ мы позорно обагрили руки въ крови лучшихъ нашихъ братьевъ. Казалось, что эти святыя жертвы, оплаканныя всѣми честными людьми, пробудятъ русское правительство отъ его восточной лѣни; но, къ несчастью, надежды эти до сихъ поръ остаются однѣми мечтами. Оно нашло весьма удобнымъ — для себя—наводнить бѣдную, разоренную Польшу своими войсками, спустить на нее Рожновыхъ, Пилсуцкихъ, да пѣть соловьиныя пѣсни подъ свистъ казацкихъ нагаекъ.

Казалось также, что русская молодежь, и въ особенности офицеры, понявъ весь позоръ подобной рѣзни безоружныхъ мучениковъ свободы, возвысятъ свой голосъ противу постыднаго положенія, въ которое поставило ихъ отечественное правительство; но и этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Горе намъ! Мы остались такими же безгласными рабами, такою же безсмысленною машиною убійства. Братья! Простите насъ во имя Христа, во имя свободы!

Мы, русскіе славяне, молчали долго. Съ одной стороны воспоминаніе о недавнихъ преступленіяхъ нашихъ отнимало у насъ право голоса; съ другой—мы все еще мечтали, что правительство удовлетворитъ наконецъ справедливымъ требованіямъ давно угнетеннаго народа. Свѣтъ величья и правоты, которымъ окружила себя Польская нація въ своемъ вопросѣ, былъ такъ блестящъ, что мы считали правительство поставленнымъ въ необходимость удовлетворить ее. Въ простотѣ души нашей, мы не полагали возможнымъ требованія Поляковъ называть заблужденіемъ уличной партіи; святое мученичество ихъ—карою за преступленія. Къ сожалѣнію, оказалось, что С.-Петербургское правительство весьма нещекотливо въ средствахъ для своего успокоенія; видно, уроки Меттерниха не пропали для него даромъ,—и всякое слово народа для него—не голосъ Божій, но гидра революціи.

Это-то правительство, отставши на много десятковъ лѣтъ отъ народнаго развитія, хочетъ вести насъ къ прогрессу путемъ постепенныхъ реформъ; но развѣ это возможно тамъ, гдѣ . . . . царствуетъ полное недовѣріе. Реформы постепенныя приведутъ насъ къ одному изъ двухъ: или онѣ останутся мертвою буквой, или ихъ оживитъ революція. Подобныя фразы, какъ «point des revéries», фразы, подсказанныя какимъ-нибудь нѣмецкимъ конюхомъ, могли быть еще сносны при началѣ царствованія; но теперь, послѣ долгихъ и напрасныхъ ожиданій, намъ нужны не фразы и обѣщанія, а факты, которые ручались бы намъ за исполненіе ихъ. Кажется, намъ суждено добыть ихъ только потоками нашей крови. Что же! чѣмъ больше мучениковъ будутъ освящать добытыя нами права, тѣмъ страшнѣе будетъ нарушить ихъ. Теперь мы, въ свою очередь, можемъ сказать: «point des revéries»; пусть нѣмецко-батардская бюрократія не кормитъ насъ болѣе соловьиными пѣснями: голодному не до пѣсенъ. Point des revéries, point des revéries!!...

Братья Поляки! Когда-то вы писали на своихъ знаменахъ: «за нашу и вашу свободу». Тогда не многіе еще понимали вашъ великодушный вызовъ, но теперь познаніе свободы овладѣло сердцами всѣхъ честныхъ людей, теперь на вашъ откликъ явятся тысячи. Братья! Забудемъ и простимъ другъ другу все прошлое; впереди же насъ нѣту тучъ, которыя могли бы омрачить нашъ святой союзъ: свободный голосъ рѣшитъ все, а гдѣ свобода — тамъ и истина! Тутъ споровъ быть не можетъ! Правительство наше въ своей апатіи теперь, какъ и прежде, говоритъ вамъ: будьте послушны и кротки, и мы дадимъ вамъ конституцію. Братья! будьте послушны и кротки, какъ ягненки, и васъ остригутъ, какъ барановъ! Горько говорить это намъ, вашимъ палачамъ, хотя палачамъ невольнымъ,—мы сознаемъ это, и лучше пусть каждый сознаетъ честно свои преступленія, чтобы легче было забыть и простить ихъ.

Простите же насъ, братья! Дайте намъ вашу руку, потому что настаетъ часъ, когда мы вмѣстѣ станемъ подъ однимъ знаменемъ, знаменемъ свободы. Мужество и постоянство пусть будутъ

нашимъ девизомъ! Умираютъ люди; но идея, всѣми сознанная и прочувствованная, не умретъ, не достигнувъ высоты своего осуществленія.

Свобода, свобода!—раздается со всѣхъ концовъ міра. Это пробужденная проповѣдь нашего Спасителя; подъ ея звуки и враги должны подать другъ другу руки, забывая все прошлое и проливая благодарныя слезы передъ алтаремъ Христа, который снова просвѣтляетъ человѣка Своимъ забытымъ святымъ ученіемъ.

Братья! такихъ словъ не заглушить громомъ пушекъ; такихъ слезъ не смыть нашимъ врагамъ и потоками нашей крови. Пусть льется она! Она еще больше скрѣпитъ нашъ свободный братскій союзъ, и каждая ея капля, по словамъ пророка, родитъ новаго мученика свободы.

№ 2.

С.-Петербургъ. 15 апрѣля 1862 г.

Поздравляемъ бѣдное отечество наше съ новымъ государственнымъ займомъ. Адлерберги, Паткули и прочіе штейны и берги безумѣютъ отъ зрѣлища золотыхъ и серебряныхъ монетъ и готовятся къ пирамъ и попойкамъ. Упивайтесь, подлые люди, кровью и пòтомъ честнаго русскаго народа, пока онъ не раздавилъ васъ, какъ ядовитыхъ гадинъ; пируйте, пока не насталъ пиръ Валтасара.

Впрочемъ, сказать правду, не всѣ же эти милліоны пойдутъ въ карманы нѣмцевъ-бюрократовъ и ихъ наперсницъ; останется кой-что и на долю нѣмцевъ-генераловъ; пожалуй, перепадетъ кроха и храброму генералу Хрулеву-воителю у храмовъ Божіихъ и генералу Крыжановскому-Чингисъ-Хану всевозможныхъ судовъ и слѣдственныхъ комиссій и, быть можетъ, даже доблестному Толстому—витязю Преображенскаго полка. Вѣдь и по Новому Завѣту псы ѣдятъ крохи отъ господъ своихъ.

Какая же польза русскому народу отъ этихъ денегъ, которыя современемъ онъ долженъ будетъ уплатить? Помогутъ ли онѣ крестьянину заплатить за землю? Нѣтъ. Онѣ помогутъ правительству взять его въ рекруты, да марать имя русское новыми подвигами насилія.

Мало того: правительство наше, или, лучше сказать, наше нѣмецкое правительство видитъ въ этомъ займѣ новое средство обокрасть бѣдный русскій народъ. Оно выкупаетъ свои же собственные кредитные билеты, уплачивая за бумажный рубль только восемьдесятъ семь копеекъ звонкою монетою. Да это просто банкротство! Неужели правительство полагаетъ, будто бы ужъ русскій народъ и не догадается, что при помощи этого невиннаго средства каждый крестьянинъ, собственникъ, чиновникъ и воинъ теряетъ восьмую долю своего имущества, своего содержанія? Трудно не понять подобнаго наглаго, безстыднаго грабительства.

Куда же мы идемъ? Куда стремимся?

Къ разоренію матеріальному, къ паденію нравственному, изъ котораго народъ подымется къ новой жизни . . . . Но развѣ правительство не знаетъ всего этого и непонимаетъ, что̀ дѣлать? Судя по всѣмъ его распоряженіямъ, оно не понимаетъ или, лучше сказать, не хочетъ понять.

Правительство не хочетъ вѣрить, что русскій народъ готовъ добыть себѣ волю и землю . . . . если ему не дадутъ ихъ добромъ.

Оно не желаетъ знать, что русское дворянство, отказываясь отъ своихъ сословныхъ правъ, не захочетъ наложить на себя крѣпостную зависимость отъ нѣмецкихъ выходцевъ, не понимающихъ русской жизни.

Оно не можетъ понять, что весь русскій народъ желаетъ видѣть во главѣ своей лицъ, которыя оказали дѣйствительныя услуги русской землѣ, а не тѣхъ, которые подличали въ переднихъ дворцовъ да обкрадывали государственную казну всѣми законными и беззаконными путями.

Оно не видитъ, что русскій народъ понялъ не только безславіе, но и безполезность угнетенія родственной намъ Польши. Вмѣсто манифестовъ о безпорядкахъ въ Польшѣ, пусть оно спроситъ объ этомъ предметѣ общественнаго мнѣнія русской земли. Можно присягнуть, что ни одинъ честный русскій не захочетъ отказать своимъ братьямъ-сосѣдямъ управляться своими собственными законами и выборными изъ своей земли: словомъ, жить по волѣ. Русскому народу все равно: шестьдесятъ ли милліоновъ считается въ Россійской Имперіи, или сорокъ—отъ этого ему пользы нѣтъ. Русскому народу нуженъ миръ, воля, да главное—управляться своими людьми, а не нѣмецкими. Тогда у насъ будетъ мало солдатъ, да зато и ни одного врага,—тогда только мы будемъ счастливы; а пока мы будемъ притѣснять другихъ—не видать намъ ни благоденствія, ни покоя.

Правительство забываетъ, что все въ мірѣ имѣетъ свой конецъ—даже терпѣніе русской арміи, угнетаемой, обкрадываемой нѣмецкими начальниками. Кто у насъ полководецъ, генералъ, начальникъ части? Нѣмецъ, непремѣнно нѣмецъ, да еще нѣмецъ совершенно убѣжденный, что русскій человѣкъ созданъ только для того, чтобы быть рабомъ нѣмцевъ. Правительство не видитъ, что скоро эта армія откажется служить орудіемъ угнетенія Польскаго народа, требующаго себѣ воли и земли, подобно русскому народу. Да и быть иначе не можетъ! Не можетъ же армія не понять того, что сознаетъ теперь вся земля русская; . . . . Что̀ понялъ народъ, то подавно поняло и войско, и—горе всѣмъ чужеземнымъ утѣснителямъ русской свободы, когда ненависть, тлѣющая въ груди каждаго русскаго гражданина, каждаго русскаго воина, вырвется наружу съ крикомъ: «смерть нѣмцамъ! да здравствуетъ свобода!».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Всеподданнѣйшій адресъ тверского дворянства 1862 года.

Этотъ очень характерный и любопытный историческій документъ воспроизводится мною съ завѣренной копіи и потому безъ тѣхъ неправильностей, съ которыми напечатанъ въ «За сто лѣтъ» г. Бурцева. Поданъ онъ былъ вслѣдъ за постановленіемъ тверского дворянскаго собранія, о которомъ я упоминаю на стр. 23 настоящей книги.

—

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Собравшись въ первый разъ послѣ обнародованія законоположеній 19-го февраля 1861 г., Тверское дворянство привѣтствуетъ русскаго царя, который приступилъ къ освобожденію крестьянъ и искорененію всякой неправды на землѣ русской. Тверское дворянство объявляетъ торжественно, что оно искренно сочувствуетъ добрымъ начинаніямъ В. И. В. и готово слѣдовать за Вами путемъ, ведущимъ къ благоденствію русскаго народа.

Въ доказательство нашей готовности и полнаго довѣрія къ лицу В. И. В. мы рѣшаемся представить на Ваше благоусмотрѣніе откровенное изложеніе нашихъ мыслей безъ всякой лжи и утайки.

Манифестъ 19-го февраля, объявившій волю народу, улучшивъ нѣсколько матеріальное благосостояніе крестьянъ, не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и не уничтожилъ всѣхъ беззаконій, порожденныхъ крѣпостнымъ правомъ. Здравый смыслъ народа не можетъ согласить объявленной В. В. воли съ существующими обязательными отношеніями къ помѣщикамъ и съ искусственнымъ раздѣленіемъ сословій. Народъ видитъ, что онъ современемъ можетъ освободиться только отъ обязательнаго труда, но долженъ остаться вѣчнымъ оброчнымъ, преданнымъ во власть тѣхъ же помѣщиковъ, названныхъ мировыми посредниками.

Государь! Мы признаемся откровенно, что сами не понимаемъ этого положенія. Такое громадное недоразумѣніе ставитъ

все общество въ безвыходное положеніе, грозящее гибелью государству. Что же мѣшаетъ устранить его? Въ обязательномъ предоставленіи земли въ собственность крестьянъ мы не только не видимъ нарушенія нашихъ правъ, но считаемъ это единственнымъ средствомъ обезпечить спокойствіе страны и наши собственные имущественные интересы.

Мы просимъ привесть немедленно въ исполненіе эту мѣру общими силами государства, не полагая всей ея тяжести на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виноваты въ существованіи крѣпостного права. Дворянство, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялось до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ пользоваться благами общественнаго порядка за счетъ другихъ сословій; неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый—ни копейки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ роднѣ. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность.

Всеподданнѣйше просимъ В. И. В. разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей, соотвѣтственныхъ состоянію каждаго. Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ. Въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.

Всемилостивѣйшій Государь! Мы твердо увѣрены, что Вы искренно желаете блага Россіи, и потому считаемъ священнымъ долгомъ высказать откровенно, что между нами и правительствомъ В. И. В. существуетъ странное недоразумѣніе, которое препятствуетъ осуществленію Вашихъ благихъ намѣреній. Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обѣщанной Вами русскому народу воли, Ваши сановники изобрѣли временно-обязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Вмѣсто одновременнаго и обязательнаго обращенія крестьянъ въ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, Ваши сановники изобрѣли систему добровольныхъ соглашеній, которыя грозятъ довести до крайняго разоренія и крестьянъ, и помѣщиковъ. Они находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе всѣхъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣненія. Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованіе, требующееся нынѣ крайнею необходимостью, не можетъ быть совершено бюрократическимъ порядкомъ.

Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія, но даже и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія останутся безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса и вѣдома народа.

Собранiе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенiю вопросовъ, возбужденныхъ, но неразрѣшенныхъ положенiемъ 19-го февраля.

Представляя на благоусмотрѣнiе В. И. В. всеподданнѣйшее прошенiе о созванiи Земскаго Собранiя, мы надѣемся, что искреннее желанiе общаго блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованiю.

Съ чувствомъ вѣрноподданнической преданности имѣемъ счастье быть В. И. В. вѣрноподданные (*далѣе подписи:* и. д. губернскаго предводителя Бровцына, 9 уѣздныхъ предводителей и 103 дворянъ).

Письмо А. М. Унковскаго императору Александру II.

15 февраля 1860 г. бывшій тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій былъ сосланъ въ Вятку по прошенію крѣпостниковъ своей губерніи.

Оттуда онъ написалъ письмо государю, имѣющее, по моему мнѣнію, серьезное значеніе документа, показывающаго всю, въ сущности, благонамѣренность либераловъ 60-хъ годовъ.

Привожу его съ вѣрной копіи.

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Будучи внезапно арестованъ и привезенъ въ городъ Вятку по Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, какъ государственный преступникъ, въ сопровожденіи жандармовъ, я старался припомнить всѣ свои дѣйствія, чтобы объяснить причину Вашего гнѣва; но, перебравъ въ памяти все прошедшее, я пришелъ къ совершенному убѣжденію, что меня могли подвергнуть гнѣву Вашего Императорскаго Величества не иначе, какъ представивъ мои дѣйствія въ ложномъ свѣтѣ, или приписавъ мнѣ намѣренія, которыхъ у меня никогда не было.

Если-бъ мои дѣйствія не выходили изъ области частной жизни, я не рѣшился бы писать къ Вашему Императорскому Величеству и безпокоить Васъ моими оправданіями. Я совершенно увѣренъ, что одно время обнаружило бы чистоту моихъ дѣйствій. Но бывши представителемъ дворянства цѣлой губерніи и зная, что всякое обвиненіе, направленное на меня, кладетъ пятно подозрѣнія на цѣлое общество, или, по крайней мѣрѣ, на бо́льшую часть его,—я считаю прямою обязанностью своею повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества откровенное объясненіе всей моей дѣятельности и въ особенности тѣхъ дѣйствій, которыя служили предметомъ обвиненій.

Вступая въ должность тверского губернскаго предводителя дворянства въ началѣ 1857 года, я имѣлъ счастіе представиться Вашему Императорскому Величеству и лично слышать отъ Васъ о

благодѣтельномъ намѣреніи Вашемъ освободить помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ предоставленіемъ имъ части земли въ полную собственность. Это преобразованіе было и прежде моею любимою мечтою, и я всегда былъ убѣжденъ, что оно не можетъ быть совершено иначе, какъ посредствомъ выкупа части земли въ полную собственность освобождаемыхъ крестьянъ, и былъ увѣренъ, точно такъ же, какъ и теперь, что общее народное чувство говоритъ противъ всякаго другого способа освобожденія. Государь! Представьте мой восторгъ, когда я увидѣлъ, что Ваши предначертанія совпадаютъ съ моимъ собственнымъ образомъ мыслей и что я могу служить Вамъ и Вашему дѣлу сознательно и всѣми силами моей души. Съ тѣхъ поръ я былъ весь преданъ этому дѣлу, чтó извѣстно всѣмъ и каждому въ томъ обществѣ, среди котораго я жилъ и дѣйствовалъ. Все, чтó я говорилъ и писалъ, имѣло одну цѣль, и эта цѣль была согласна съ видами Вашего Императорскаго Величества. Мало-по-малу время привело тверское дворянство на истинный путь, указанный Вами, Государь!

Всѣ поняли необходимость полнаго освобожденія крестьянъ съ землею въ собственность. Въ сторонѣ остались немногія лица съ узкими понятіями о своихъ интересахъ, ставящія ихъ выше общаго блага. Тверской комитетъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (24-хъ противъ 3-хъ) призналъ необходимость немедленнаго прекращенія всѣхъ натуральныхъ помѣщичьихъ повинностей и прочнаго обезпеченія крестьянъ землею.

Разногласіе въ этомъ большинствѣ, представившемъ два проекта, заключалось только въ степени обязательности выкупа земли для помѣщиковъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ. Труды тверского комитета были удостоены Всемилостивѣйшаго вниманія Вашего Императорскаго Величества, и я, будучи въ С.-Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1859 года, имѣлъ счастіе лично слышать Ваши одобренія представленнаго имъ Положенія въ главныхъ его основаніяхъ. Если въ тверскомъ дворянствѣ были недовольны дѣйствіями комитета и представляли многочисленные протесты, то причиною этого были недоразумѣнія вслѣдствіе недостатка гласности и ложныхъ слуховъ, которые намѣренно распространялись немногими закоренѣлыми противниками реформы. Я могу сказать это положительно, сказать передъ лицомъ Вашего Императорскаго Величества потому, что имѣлъ неоспоримое доказательство въ письмахъ и въ публичномъ сознаніи многихъ помѣщиковъ, подписавшихъ протесты противъ дѣйствій тверского комитета и убѣдившихся въ своемъ заблужденіи. Я могу сказать положительно, что если бы дѣло велось совершенно гласно повсюду, то правда взяла бы давно верхъ надъ заблужденіями, и вся масса русскаго дворянства была бы на сторонѣ немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ съ правомъ полной поземельной собственности. При совершенной гласности и распространеніи здравыхъ экономическихъ понятій о реформѣ, выкупъ могъ бы быть легко произведенъ частными средствами при весьма незначительномъ пособіи со стороны правительства, или даже безъ всякаго

пособія. Пользу гласности я видѣлъ на опытѣ; при малѣйшемъ ея свѣтѣ, большинство всегда убѣждалось, что строгое соблюденіе справедливости въ этомъ дѣлѣ есть необходимое условіе сохраненія собственныхъ выгодъ дворянства, и всѣ ухищренія закоренѣлыхъ противниковъ реформы падали сами собою. При малѣйшемъ проявленіи гласности экономическія понятія о реформѣ прояснялись, сужденія дѣлались справедливѣе. Проектъ частнаго земскаго банка, съ цѣлью выкупа земли въ собственность крестьянъ, находящійся теперь, какъ я полагаю, у г. министра финансовъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ моихъ словъ и дѣйствительныхъ намѣреній тверского дворянства. Да и можетъ ли быть иначе, Государь! Развѣ могутъ быть неблагородными, своекорыстными цѣлыя сословія или народонаселенія? Благородныхъ людей всегда болѣе, нежели дурныхъ: если бы этого не было, то никакой бы порядокъ не могъ держаться на свѣтѣ ни одной минуты. Если случается, что цѣлое общество заинтересованныхъ лицъ противится реформамъ, требуемымъ справедливостью, то причина этого явленія заключается у насъ не столько въ качествахъ общества, сколько въ отсутствіи гласности, не допускающей полнаго довѣрія къ дѣйствующимъ лицамъ и покровительствующей проискамъ немногихъ людей, которые, не имѣя за себя правды, могутъ дѣйствовать только клеветою и низкими средствами. Повѣрьте, Государь, что противники гласности—всегда враги Вашихъ благодѣтельныхъ намѣреній.

Занимаясь крестьянскимъ дѣломъ, я былъ постоянной цѣлью низкой клеветы и лживыхъ доносовъ такихъ людей, которые, не имѣя на своей сторонѣ истины, не могли спорить со мною честно и открыто. Эти люди, пользуясь недостаткомъ гласности, увѣряли дворянство, что, защищая дѣло выкупа части земли въ полную собственность крестьянъ, я имѣлъ главною цѣлью выслужиться передъ правительствомъ, а правительству при всякомъ случаѣ давали замѣтить, а иногда и доносили, что я—врагъ существующаго порядка и дѣйствую насиліемъ. Государь! Благоволите разсмотрѣть, противъ какого порядка я вооружался, прикажите пересмотрѣть все, что я написалъ, узнать все, что я говорилъ, изслѣдовать всѣ мои поступки, не тайными разспросами черезъ доносителей, а явнымъ законнымъ порядкомъ, и указать хотя на одну мысль или слово, которыя были бы противны государственнымъ законамъ: все, что я писалъ, говорилъ и дѣлалъ, не имѣло другой цѣли, кромѣ скорѣйшаго окончанія реформы и усиленія законной власти посредствомъ обезпеченія ея отъ произвола исполнителей. Въ главныхъ чертахъ все то, что было мною писано, я даже имѣлъ счастіе докладывать лично Вашему Императорскому Величеству, при моихъ представленіяхъ. Я нигдѣ ни письменно, ни словесно, и даже въ частныхъ разговорахъ, не выразилъ ни одной мысли о дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которая не была бы заявлена мною оффиціально въ комитетѣ или представлена правительству. Я никогда не допускалъ различія между частными и оффиціальными убѣжденіями и ничего не дѣлалъ тайно. Я могу сказать это открыто, и

это подтвердятъ всѣ, кто только зналъ меня. Я не думаю, чтобы обвинители мои называли существующимъ порядкомъ неуваженіе къ закону и власти и другія язвы нашего общественнаго организма, противъ которыхъ я писалъ и говорилъ.

Но неужели, Государь, меня можно считать до того глупымъ, чтобы я вѣрилъ, не говорю уже—въ пользу, но даже въ возможность измѣненія нашихъ государственныхъ основныхъ законовъ въ настоящее время! Согласитесь, что этому могутъ только вѣрить люди, не имѣющіе здраваго смысла, совершенные невѣжды и не знающіе вовсе русскаго народа; а я, сколько могу предполагать, не обнаружилъ такой глупости и такого крайняго невѣжества, чтобы меня могли подозрѣвать въ подобномъ образѣ мыслей. Что касается до обвиненія въ насиліи и незаконныхъ дѣйствіяхъ въ собраніяхъ дворянства, я могу сослаться на оффиціальные документы и на все дворянство Тверской губерніи. Государь! Я охотно отдалъ бы нѣсколько лѣтъ моей жизни за одно дозволеніе напечатать во всеобщую извѣстность бумаги тверского комитета и дѣло объ исключеніи пяти дворянъ изъ собраній, бывшее въ декабрѣ прошлаго 1859 года. Тогда всѣ поняли бы, до чего можетъ дойти клевета, при отсутствіи гласности. Можетъ быть, Вашему Императорскому Величеству представлено, что я имѣю безпокойный и неуступчивый характеръ. Но я могу сказать положительно и открыто, что это ложь, и слова мои подтвердитъ каждый, кто меня знаетъ. Если я неспособенъ дѣлать уступки, несогласныя съ моимъ образомъ мыслей, то разсуждаю всегда спокойно и не выхожу изъ предѣловъ строгаго приличія. Члены тверского комитета, съ которыми я провелъ шесть мѣсяцевъ сряду, могутъ засвидѣтельствовать, что они всегда удивлялись моей умѣренности и терпѣнію. Я никогда не думалъ, чтобы дѣло освобожденія крестьянъ могло быть рѣшено дворянствомъ или его уполномоченными; но я былъ всегда убѣжденъ, что для успѣха этого преобразованія нужно сознательное, искреннее содѣйствіе дворянства, потому что исполненіе реформы будетъ во всякомъ случаѣ въ рукахъ лицъ, принадлежащихъ къ этому сословію или находящихся къ нему въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, нежели къ другимъ классамъ народа. Поэтому я, ничего не скрывая отъ дворянства, и сообщалъ ему все, что я дѣлалъ и что мнѣ было извѣстно, кромѣ секретныхъ распоряженій.

Когда дворяне Тверской губерніи собрались для выборовъ въ декабрѣ прошлаго 1859 года, огромное ихъ большинство было искренно предано дѣлу освобожденія крестьянъ. Это можетъ подтвердить начальникъ губерніи, видѣвшій близко все происходившее. Я могу сказать открыто и по совѣсти передъ лицомъ Вашего Императорскаго Величества, что при составленіи всеподданнѣйшаго прошенія о дозволеніи разсуждать о предметахъ, касающихся крестьянскаго дѣла, большинство тверского дворянства не имѣло въ виду никакихъ исключительныхъ сословныхъ интересовъ. Оно было глубоко убѣждено въ благодѣтельности реформы и горѣло желаніемъ помочь скорѣйшему окончанію дѣла. Я не могъ не радо-

ваться этому благородному движенію и полагалъ, что всякія соображенія дворянства въ пользу реформы могутъ содѣйствовать скорѣйшему составленію Положенія, ибо, будучи въ С.-Петербургѣ, я самъ видѣлъ, что разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ затрудняется неимѣніемъ въ виду согласія дворянства и мѣстныхъ данныхъ. Разумѣется, что желаніе разсуждать о крестьянскомъ дѣлѣ съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему его окончанію, раздражило какъ нельзя болѣе противниковъ реформы, которые, къ счастію, составляютъ весьма незначительное меньшинство въ собраніи тверского дворянства. Эти враги правительственныхъ намѣреній сочли за лучшее мѣшать исполненію желанія большинства, надѣвъ на себя личины самыхъ кроткихъ и послушныхъ подданныхъ, не желающихъ безпокоить правительство своими просьбами.

Простите, Ваше Императорское Величество, что я пишу такъ откровенно, но истинный вѣрноподданный не можетъ говорить иначе съ Государемъ, котораго онъ глубоко уважаетъ. Я говорю совершенную правду, которую не затруднился бы ни въ какомъ случаѣ высказать открыто, и которую можетъ удостовѣрить все общество, среди котораго я находился. Мои слова могутъ быть оправданы однимъ сличеніемъ списка меньшинства, отказавшагося представить всеподданнѣйшее прошеніе, съ подписями подъ мнѣніями и протестами, представленными правительству отъ тверского комитета. Одно это сличеніе подписей можетъ лучше всего доказать истинныя намѣренія большинства тверского дворянства относительно крестьянскаго дѣла. По полученіи Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества объ удаленіи меня отъ должности, все дворянство, за исключеніемъ немногихъ, пришло въ крайнее уныніе. Начальнику губерніи и всѣмъ находившимся въ Твери хорошо извѣстно, что я не только не поощрялъ дворянъ къ какимъ-либо безпорядкамъ, но даже отклонялъ ихъ, сколько могъ, отъ всякаго выраженія неудовольствія или досады.

Послѣ выборовъ многіе дворяне изъявили желаніе учредить частное акціонерное общество поземельнаго кредита, съ цѣлью доставить крестьянамъ средства для выкупа земли въ собственность. Я былъ въ числѣ желающихъ, и все остальное время мое было посвящено составленію устава этого общества и соглашенію учредителей. Составленный мною проектъ устава, который, какъ я думаю, уже представленъ г. министру финансовъ, лучше всего можетъ объяснить намѣренія и желанія мои и большинства тверского дворянства. Будучи въ Твери еще въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, я слышалъ, что въ это время былъ представленъ г. министру внутреннихъ дѣлъ какой-то доносъ на меня и на другихъ учредителей акціонернаго общества, но такъ какъ всѣ разсужденія объ этомъ предпріятіи происходили съ вѣдома начальника губерніи и даже большею частью въ его присутствіи, то я не обратилъ на этотъ слухъ никакого вниманія, и не полагаю, чтобы правительство могло вѣрить подобнымъ доносамъ безъ изслѣдованія или, давая имъ вѣру, не преслѣдовать обвиняемыхъ со всею строгостію

законовъ. Между тѣмъ этотъ доносъ и самые доносители мнѣ неизвѣстны по настоящее время. Я знаю, что меня старались обвинить въ сниманіи металлографическихъ копій безъ цензуры. Но если обвиненіе состоитъ въ этомъ, то я всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество приказать разсмотрѣть бумаги, съ которыхъ были снимаемы эти копіи. Въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной, которая подлежала бы вѣдомству цензуры. Притомъ все дѣло состояло въ доставленіи копій съ оффиціальныхъ бумагъ лицамъ, имѣющимъ полное право на полученіе ихъ, а никакъ не въ распространеніи ихъ въ публикѣ. Металлографическій станокъ тверского депутатскаго собранія употреблялся единственно въ видахъ сокращенія канцелярской переписки и ея расходовъ, также точно, какъ употребляются всѣ подобные станки во многихъ присутственныхъ мѣстахъ и военныхъ штабахъ. Съ этою цѣлью употребляются даже типографическіе станки. Примѣромъ этому могутъ служить отчеты губернскихъ предводителей дворянства, которые съ самаго учрежденія губерній печатались безъ цензуры въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ для раздачи дворянству. Если правительство не желало, чтобы члены губернскихъ комитетовъ, вызванные въ С.-Петербургъ, сообщали дворянству представленныя ими соображенія, то эта мысль не могла мнѣ придти въ голову, и до сихъ поръ я не думаю этого, потому что журналы редакціонной комиссіи печатаются и сообщаются повсюду.

Простите, Ваше Императорское Величество, что я представляю такое длинное изложеніе моихъ оправданій, но я не могъ написать иначе, потому что не знаю, какія именно дѣйствія поставлены мнѣ въ вину: я долженъ былъ по необходимости говорить о всей моей дѣятельности. Я отдаю ее на судъ Вашего Императорскаго Величества въ совершенной увѣренности, что Вы не допустите разрѣшенія вопроса освобожденія крестьянъ безъ прочнаго обезпеченія ихъ быта поземельною собственностью, и что время откроетъ Вамъ истинныхъ слугъ отечества и дѣйствительныхъ противниковъ Вашихъ высокихъ предначертаній.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастіе именоваться

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнымъ
Алексѣй Унковскій.

Бывшій тверской губернскій предводитель дворянства.

1860 года. Вятка.

Записка В. А. Арцимовича о предполагаемомъ учрежденіи генералъ-губернаторствъ.

(1858 годъ).

Записка эта, найденная въ бумагахъ Н. А. Серно-Соловьевича въ очень точной копіи, написанной хорошимъ писарскимъ почеркомъ на прекрасной бумагѣ, ошибочно приписывалась Н. А. Милютину. Она составлена тобольскимъ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, потомъ извѣстнымъ калужскимъ губернаторомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Она приведена въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины» 1882 года, но, во-первыхъ, не совсѣмъ полно и точно, во-вторыхъ, безъ весьма любопытныхъ и характерныхъ замѣчаній Александра II; послѣднія приведены въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» 1882 года, но безъ точнаго текста самой записки и совсѣмъ непослѣдовательно.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, которыя бы пояснили читателю и исторію этой записки, и ея пріемъ Александромъ II.

Противники освобожденія крестьянъ, вродѣ князя Орлова, Долгорукова, Панина и др., думали, что крестьяне отвѣтятъ на свое освобожденіе бунтами и безпорядками, и потому полагали необходимымъ заблаговременно организовать цѣлый рядъ генералъ-губернаторствъ, предоставивъ ихъ владыкамъ широкія полномочія по водворенію тишины и спокойствія. Государь по своему совершенному незнанію народа одобрилъ эту мѣру и приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому представить по этому поводу соотвѣтствующую инструкцію, въ основу которой слѣдовало положить отношеніе къ нему государственнаго секретаря, Буткова, отъ 17 мая 1858 года. Ланской воспользовался пребываніемъ въ Петербургѣ тобольскаго губернатора Арцимовича и поручилъ эту работу ему. Прогрессивно настроенный Арцимовичъ убѣдилъ, однако, министра пойти на рискованный шагъ и вмѣсто инструкціи представить государю записку о совершенной ненужности генералъ-губернаторствъ. Ланской, надѣясь переубѣдить государя, выразилъ свое согласіе. Арцимовичъ составилъ записку не безъ помощи Милютина и кн. Д. А. Оболенскаго.

1 августа записка была представлена Александру II отъ имени Ланского. Ему очень не понравилось неповиновеніе министра, да

еще въ такой рѣзкой формѣ, и онъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня *весьма грустное впечатлѣніе*. Она, вѣрно, составлена *не вами*, а кѣмъ-нибудь изъ вашихъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое новое учрежденіе *крѣпко не нравится ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе*, которымъ они привыкли пользоваться и часто *употреблять во зло*».

Изъ многихъ другихъ мнѣній государя, выраженныхъ имъ въ нѣсколькихъ надписяхъ на запискѣ и приведенныхъ мною дальше въ выноскахъ, читатель увидитъ, какъ понималъ государь и моментъ, и народъ.

ЗАПИСКА О ПОСЛѢДСТВІЯХЪ ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ПОВСЕМѢСТНАГО УЧРЕЖДЕНІЯ ВРЕМЕННЫХЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРОВЪ.

Мысль о необходимости повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ основана (какъ видно изъ отношенія государственнаго секретаря къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 17 мая сего года) на предположеніи, что вслѣдствіе предстоящаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ могутъ возникнуть такого рода волненія, для прекращенія которыхъ власть гражданскихъ губернаторовъ, въ теперешнемъ ея состояніи, окажется недостаточною или слабою, и что поэтому необходимо временно установить повсемѣстно другую власть, которая завѣдывала бы управленіемъ нѣсколькихъ губерній, была бы снабжена чрезвычайными полномочіями, соединяла бы въ себѣ значеніе гражданское съ военнымъ и почти исключительно была бы направлена противу могущихъ произойти волненій между крестьянами. Поэтому прежде всего предстоитъ разсмотрѣть, во-1-хъ, дѣйствительно ли состояніе государства требуетъ повсемѣстнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ для сохраненія порядка, и предупредитъ ли безпорядки—учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ? а во-2-хъ, какія послѣдствія произведетъ установленіе генералъ-губернаторовъ въ отношеніи къ губернскому и общему управленію Имперіи? А затѣмъ сами собою выведутся заключенія о томъ, какія законныя мѣры способны были бы отвратить затрудненія, могущія возникнуть при исполненіи предположеннаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

I.

Нужны ли повсемѣстно общія чрезвычайныя мѣры?

Главное ручательство успѣха въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостныхъ правъ помѣщиковъ заключается въ томъ, что это преобра-

званіе началось по непосредственному указанію Государя Императора. Вслѣдствіе этого оно получило возвышенное, даже можно сказать — святое значеніе для народа, который вѣруетъ, что подъ милостивымъ руководствомъ Монарха дѣло это будетъ разрѣшено вполнѣ безпристрастно и съ равномѣрною справедливостію относительно интересовъ обоихъ сословій. При такомъ состояніи дѣлъ имѣетъ ли правительство причину ставить себя *въ оборонительное положеніе* противу всего государства? Напротивъ, сознавая свое могущество, основанное на полномъ сочувствіи и довѣріи народа, правительство должно дѣйствовать твердо и спокойно, заботиться о правильномъ направленіи крестьянскаго дѣла, тщательно избѣгать непосредственнаго вмѣшательства въ частные раздоры и несогласія, и *держаться законнаго способа дѣйствій* даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы возникли какіе-либо мѣстные безпорядки [1]). Такой образъ управленія поддерживаетъ въ народѣ довѣріе и сочувствіе его къ правительству; всякія же чрезвычайныя мѣры, къ числу коихъ можно отнести повсемѣстное учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ съ необыкновенными полномочіями, приведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. И дѣйствительно, какія мысли возбудятся въ народѣ при видѣ особыхъ угрожающихъ мѣръ, исключительно противъ него направленныхъ, когда онъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства [2])? Не естественно ли будетъ, если эти чрезвычайныя мѣры сочтутся за признакъ того, что предпринятое преобразованіе въ бытѣ крестьянъ предполагается рѣшить не безпристрастно, и что по этому предвидится надобность въ насильственномъ подчиненіи правительственнымъ распоряженіямъ.

Подобное воззрѣніе тѣмъ возможнѣе, что, какъ извѣстно, генералъ-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждаетъ у насъ сочувствія; и упраздненіе въ 1856 г. харьковскаго и витебскаго генералъ-губернаторствъ произвело общую радость не только въ губерніяхъ, освобожденныхъ отъ управленія генералъ-губернаторовъ, но и во всей Россіи, ибо мѣра эта была принята, какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности. Кромѣ того,—за исключеніемъ столицъ, въ которыхъ званіе гене-

[1]) Подчеркнувъ слова, взятыя курсивомъ, государь написалъ: «Дѣло не въ оборонительномъ положеніи, а въ томъ, чтобы дать болѣе власти мѣстному начальству. Никогда и рѣчи не было *о незаконномъ способѣ дѣйствій*, но въ экстренныхъ случаяхъ должны быть принимаемы и *экстренныя мѣры*. У насъ, къ сожалѣнію, довольно было примѣровъ пагубныхъ послѣдствій нераспорядительности мѣстныхъ властей, привыкшихъ къ одному формализму и совершенно теряющихся въ подобныхъ случаяхъ.

[2]) Противъ этого мѣста государь написалъ: «Все это такъ, *пока народъ находится въ ожиданіи*, но кто можетъ поручиться, что *когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе* и народъ увидитъ, что *ожиданіе его*, т. е. *свобода, по его разумѣнію, не сбылась*, не настанетъ для него минута *разочарованія?* Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они уже были на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ *временныхъ* генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную колею».

ралъ-губернаторовъ имѣетъ особый, по сложности полицейскаго управленія, характеръ, и гдѣ всѣ дѣйствія властей состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ верховнаго правительства,—вообще генералъ-губернаторы существовали и существуютъ до сихъ поръ только въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, которыя, по отдаленности географическаго положенія или по историческимъ племеннымъ особенностямъ, возбуждали недовѣріе правительства и потому признаны были требующими особаго чрезвычайнаго надзора [1]. Очевидно, что повсемѣстное учрежденіе въ Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ возбудитъ въ настоящее время мысль о возникшемъ недовѣріи правительства и ко всему народу русскому, что вызоветъ подобное же чувство и отъ народа къ правительству и, слѣдовательно, уничтожитъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго спокойствія [2].

II.

Какихъ ожидать послѣдствій отъ установленія генералъ-губернаторовъ?

Исторія нашего законодательства указываетъ на постоянное, уже давно существующее направленіе ограничить въ губерніяхъ произволъ личной власти коллегіальными установленіями. Эта мысль принята въ основаніе при составленіи не только всѣхъ губернскихъ учрежденій, но даже и при изданіи учрежденія для управленія Сибирью, гдѣ произволъ генералъ-губернаторовъ старались ограничить совѣтами [3]. Этою мыслью руководствовался и комитетъ 6 декабря 1826 года при упраздненіи въ пяти великороссійскихъ губерніяхъ генералъ-губернаторства [4], о которомъ живутъ еще въ народѣ самыя тяжелыя преданія, напоминающія трудныя времена воеводскаго и намѣстническаго управленія съ принадлежащими имъ свойствами кормленія и произвола.

[1]) Противъ этого мѣста государь написалъ: «Въ этомъ я вовсе несогласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще небывалую эру, и потому на будущее *преступно* было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. *Намъ надобно быть готовыми ко всему*, и въ этомъ случаѣ предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить».

[2]) Противъ этого мѣста государь написалъ: «Эти всѣ опасенія возбуждаются людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы *имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка*».

[3]) Замѣчаніе государя: «По теоріи это прекрасно, но не въ практикѣ».

[4]) Комитетъ, Высочайшимъ рескриптомъ 6 декабря 1826 года учрежденный, въ журналѣ засѣданія 4 мая 1827 года, между прочимъ, постановилъ: «нѣтъ сомнѣнія, что нужно сосредоточить въ одномъ мѣстѣ,—не въ одномъ лицѣ,—всѣ части управленія въ губерніи, усилить надзоръ полиціи, утвердить общественную безопасность, положить преграду злоупотребленіямъ и утѣсненіямъ». Но сего, по заключенію комитета, нельзя было достигнуть тѣми поверхностными средствами, кои употреблены генераломъ Балашевымъ; вслѣдствіе чего комитетъ полагалъ: возстановить въ губерніяхъ: Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской существовавшій до 1819 года порядокъ.

Замѣчательно, что еще въ царствованіе въ бозѣ почивающихъ Императоровъ Александра I и Николая I возбуждаемо было предположеніе о повсемѣстномъ учрежденіи въ Россіи генералъ-губернаторовъ, но и въ ту, и въ другую эпоху мѣра эта была отвергнута, ибо вѣроятно и тогда признана была несоотвѣтствующею системѣ правильнаго управленія [1]).

Нынѣ же предполагается не только повсемѣстно учредить генералъ-губернаторовъ, но еще и увеличить ихъ власть противу прежней, которая признается уже недостаточною. Въ основаніи этой мѣры лежитъ между прочимъ и сознаніе, что нынѣшніе гражданскіе губернаторы слишкомъ обременены дѣлами и потому не могутъ, при введеніи новыхъ положеній о крестьянахъ, дѣйствовать съ достаточною силой и энергіей. Такое сознаніе должно бы, казалось, привести къ тому заключенію, что необходимо возвысить власть начальниковъ губерній и облегчить ихъ отъ менѣе существенныхъ занятій: но, вмѣсто этой простой и естественной мѣры, предполагается раздѣлить на генералъ-губернаторства всю Россію.

Вслѣдствіе повсемѣстнаго установленія временныхъ генералъ-губернаторовъ необходимо должны измѣниться и іерархическій порядокъ всего управленія, и административные законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ установленій, отъ сената до послѣдней полицейской инстанціи; но это повело бы къ коренному преобразованію всѣхъ государственныхъ учрежденій, а подобныя преобразованія не свойственно предпринимать съ тою единственною цѣлію, чтобы сдѣлать возможною *власть временную* и притомъ *личную*, какова будетъ генералъ-губернаторская [2]). Но между тѣмъ избѣжать измѣненія этихъ отношеній также невозможно; ибо, если оно даже не будетъ опредѣлено закономъ, то совершится само собою, вслѣдствіе неминуемыхъ и частыхъ столкновеній и пререканій между властями, которыя могутъ оказаться равно сильными и соперничествующими [3]).

Что же касается до власти начальниковъ губерній, то въ отношеніи къ ней учрежденіе генералъ-губернаторовъ будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія:

1. По естественному ходу дѣла, *временные* генералъ-губернаторы усилятъ свою власть на счетъ постоянной власти гражданскихъ губернаторовъ. А между тѣмъ власть сихъ послѣднихъ, по учрежденію своему и по самому способу раздѣленія государства на губерніи, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы законной силы и зна-

[1]) Замѣчаніе государя: «Это такъ, но не должно забывать, что мы теперь находимся не въ нормальномъ положеніи».

[2]) Замѣчаніе государя: «Я тутъ ничего *несвойственнаго* не вижу; ибо дѣло идетъ о временномъ учрежденіи, долженствующемъ окончиться съ окончательнымъ введеніемъ новаго устройства крестьянъ. Обыкновенный административный порядокъ этимъ не измѣнится, а учреждается только временно *новая политическая власть*».

[3]) Замѣчаніе государя: Столкновеній и пререканій быть не должно, ибо въ инструкціи временныхъ генералъ-губернаторовъ долженъ быть положительно опредѣленъ кругъ ихъ дѣйствій».

ченія. Завѣдуя тремя или четырьмя губерніями, генералъ-губернаторъ, разумѣется, вынужденъ будетъ дѣйствовать чрезъ тѣхъ же губернаторовъ, но только съ тою разницею, что такой образъ дѣйствій будетъ очевидно еще слабѣе нынѣшняго, ибо званіе губернаторовъ, какъ лицъ второстепенныхъ въ губернскомъ управленіи, всюду упадетъ до мелкаго значенія несамостоятельныхъ чиновниковъ, заботящихся не столько объ управленіи губерніею, *сколько объ угожденіи генералъ-губернатору* [1]).

2. Нынѣ существующія затрудненія въ управленіи, происходящія отъ неустройства нашихъ полицейскихъ и другихъ установленій, а также отъ малаго обезпеченія чиновниковъ, отъ злоупотребленій откупной системы и вообще отъ нравственной порчи многихъ должностныхъ лицъ,—ни въ какомъ случаѣ съ опредѣленіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ не устранятся. Къ этому выводу приводитъ несомнѣнный фактъ, что въ тѣхъ областяхъ, которыя давно и постоянно находились подъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ, органы мѣстнаго управленія нисколько не улучшились; изъ чего слѣдуетъ заключить, что генералъ-губернаторы,—вѣроятно, по причинѣ самаго смысла этого личнаго учрежденія,—не имѣютъ никакихъ условій ни къ возвышенію нравственнаго достоинства чиновниковъ, ни къ усовершенствованію хода администраціи, ни къ уничтоженію взяточничества и казнокрадства [2]).

3. Единство губернскаго управленія, съ установленіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, нарушится; ибо губернаторы не всегда успѣютъ передать свои убѣжденія и образъ воззрѣнія на мѣстное управленіе генералъ-губернатору, для котораго иногда многія дѣйствительныя препятствія и недостатки, по обширности порученнаго ему края, останутся закрытыми и неизвѣстными. Отсюда неизбѣжное разномысліе, проявляющееся безпрерывно въ распоряженіяхъ несогласныхъ и нерѣдко порождающихъ переписку, которая запутываетъ и усложняетъ ходъ дѣлъ.

4. Предоставленіе генералъ-губернаторамъ, какъ это указано въ отношеніи государственнаго секретаря, права и власти опредѣлять по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновъ полицейскаго управленія въ 36—50 подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія; ибо значеніе губернаторовъ, съ устраненіемъ ихъ отъ выбора чиновниковъ на уѣздныя должности, ослабнетъ еще болѣе. Притомъ перемѣны въ личномъ составѣ управленія, при настоящихъ обстоятельствахъ, должны производиться съ крайнею осмотрительностію, знаніемъ мѣстныхъ условій и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ со снисхожденіемъ къ недостаткамъ, выкупаемымъ опытностію и пріобрѣтеннымъ авторитетомъ.

---

[1]) Замѣчаніе государя, подчеркнувшаго слова, взятыя курсивомъ: «Съ этимъ я также несогласенъ, ибо дѣло не въ угожденіи, а въ исполненіи приказаній лицъ. облеченныхъ отъ меня особымъ полномочіемъ».

[2]) Замѣчаніе государя: Власть генералъ-губернаторовъ. какъ я ее понимаю, должна быть основана совсѣмъ на другихъ началахъ»-

5. Предположеніе объ освобожденіи генералъ-губернатора отъ текущихъ и мелочныхъ дѣлъ совершенно невозможно; ибо онъ, чтобы не уронить своей власти и не потерять нравственнаго значенія, обязанъ будетъ принимать прошенія, жалобы, письма, указанія уже не по одной губерніи, какъ гражданскій губернаторъ, а жителей 36 или 50 уѣздовъ [1]). Словомъ, при неустройствѣ нашихъ присутственныхъ мѣстъ и недовѣріи жителей къ правильности дѣйствій чиновниковъ, онъ будетъ заваленъ разными просьбами, и никакая инструкція не освободитъ его отъ производства текущихъ дѣлъ. Да и какимъ образомъ надзирать за ходомъ дѣлъ, ежели не выслушивать просителей. Для освобожденія генералъ-губернаторовъ отъ текущихъ дѣлъ, согласно предположеннымъ правиламъ слѣдовало бы сложить съ нихъ надзоръ за ходомъ всей губернской администраціи; а это было бы съ этими же самыми предположеніями несогласно. Слѣдовательно, необходимо принять одно какое-либо изъ положеній вышеупомянутыхъ правилъ, такъ какъ оба они оказываются рѣшительно несовмѣстными, т. е. или освободить генералъ-губернатора отъ текущихъ дѣлъ, а тѣмъ самымъ и отъ надзора за общею администраціею, или же поручить ему этотъ надзоръ и тогда обязать его заниматься дѣлами, признаваемыми за мелочныя, но тѣмъ не менѣе имѣющими несомнѣнное значеніе для жителей управляемой страны.

При этомъ естественно рождается вопросъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ общимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ: «мелочныя и текущія дѣла»? Всякое дѣло, пока оно не рѣшено, остается текущимъ, хотя бы оно было важное или мелочное, и, наоборотъ, всякое дѣло, мелочное или важное, перестаетъ быть текущимъ, если оно производствомъ уже окончено.

6. Вышеупомянутая необходимость генералъ-губернаторовъ входить въ подробности управленія повторитъ то самое явленіе, которое замѣчается во всѣхъ прежде бывшихъ и нынѣ существующихъ генералъ-губернаторствахъ; а именно: канцеляріи ихъ получатъ значеніе новой лишней инстанціи, болѣе способной къ привлеченію дѣлъ, чѣмъ къ правильному и скорому разрѣшенію ихъ.

7. Сомнительно также, чтобы назначеніе генералъ-губернаторовъ имѣло особое полезное вліяніе на усиленіе дѣйствій военныхъ силъ, если бы таковыя надобились; ибо и гражданскіе губернаторы имѣютъ право и возможность всегда *обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія* [2]).

8. Наконецъ, и касательно собственно преобразованія быта крестьянъ власть генералъ-губернаторовъ представляется также, какъ и въ другихъ случаяхъ, или безполезною, или даже вредною;

---

[1]) Замѣчаніе государя: «Непремѣнно должно ихъ отъ этого освободить. Жалобы, имъ приносимыя, должны ими передаваться губернаторамъ».

[2]) Подчеркнувъ послѣднія слова, государь написалъ: «Въ этомъ и будетъ разница, ибо генералъ-губернаторы должны будутъ сами дѣйствовать, а не обращаться съ просьбой къ военному начальству».

смотря по тому, въ какія они будутъ поставлены отношенія къ губернскимъ расправамъ.

Эти расправы предполагается образовать въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и губернскаго прокурора,—съ тою цѣлью, чтобы рѣшать всѣ недоумѣнія и споры между помѣщиками и сельскими обывателями *окончательно* и *безъ апелляціи* [1]). Если генералъ - губернаторы не будутъ имѣть право отмѣнять и пріостанавливать положенія сихъ расправъ, то посредничество ихъ дѣлается совершенно излишнимъ и замедляющимъ только самое окончаніе и разрѣшеніе недоумѣній.

Если же отъ усмотрѣнія генералъ-губернаторовъ будетъ зависѣть отмѣна положеній губернскихъ расправъ, то личное воззрѣніе получитъ перевѣсъ надъ установленіемъ, и вслѣдствіе этого губернскія расправы потеряютъ силу и довѣріе тяжущихся и вообще всякое законное значеніе.

Такимъ образомъ, учрежденіе генералъ-губернаторовъ, представляющееся съ перваго взгляда мѣрою сильною и строгою, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское управленіе новыхъ жизненныхъ началъ, но придастъ, напротивъ, губернскому управленію какую-то двойственность, поколеблетъ и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ безплодныя и даже вредныя столкновенія съ высшими учрежденіями и неминуемо усложнитъ производство дѣлъ и переписокъ; а по крестьянскому вопросу это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но, облеченное произволомъ, ничѣмъ не ограниченнымъ, оно породитъ въ обоихъ сословіяхъ, и помѣщичьемъ и крестьянскомъ, недовѣріе и неудовольствіе, которыя и суть прямыя причины волненій и безпокойствъ [2]).

Всѣ вышеизложенныя соображенія, опровергающія самыя начала, на коихъ предположено учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ, приводятъ къ заключенію, что и составленіе опредѣлительной, не выходящей изъ предѣловъ законовъ, но на сихъ самыхъ началахъ основанной инструкціи дѣлается невозможнымъ, безъ коренныхъ измѣненій въ существующемъ административномъ порядкѣ и въ законахъ. Впрочемъ, если бы даже эти измѣненія и послѣдовали, то составленіе инструкціи во всякомъ случаѣ было бы теперь преждевременно, ибо для этого потребовалось бы обсуждать права и обязанности генералъ-губернаторовъ по наблюденію за введеніемъ такихъ положеній объ улучшеніи быта крестьянъ и такихъ связанныхъ съ ними административныхъ и судебныхъ установленій

---

[1]) Подчеркнувъ взятыя курсивомъ слова, государь написалъ: «Слова эти, кажется, достаточно объясняютъ дѣло».

[2]) Замѣчаніе государя: «Это собственно гражданскій или *канцелярскій взглядъ* и вовсе несогласный съ моимъ».

(губернскихъ и уѣздныхъ расправъ и мировыхъ судей), кои еще не разсмотрѣны и не утверждены [1]).

Нельзя, однако, теперь же не обратить вниманія на предварительныя соображенія, выраженныя въ отношеніи государственнаго секретаря: во-1-хъ, что нынѣшняя инструкція для генералъ-губернаторовъ почти не присвоиваетъ имъ *никакой власти и никакихъ правъ;* и во-2-хъ, что временные генералъ-губернаторы уполномочены будутъ дѣйствовать *всѣми средствами* ко введенію и сохраненію порядка.

Инструкція, по которой дѣйствуютъ настоящіе генералъ-губернаторы, и которая признается нынѣ *недостаточною и слабою*, была составлена въ 1853 г. при участіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Бибикова, управлявшаго около 16 лѣтъ кіевскимъ генералъ-губернаторствомъ съ извѣстною всѣмъ самостоятельностію. Эта инструкція представляетъ генералъ-губернатору и власть, и права двоякаго рода: одними изъ нихъ онъ пользуется, какъ главный начальникъ установленныхъ въ губерніи учрежденій и отдѣльныхъ органовъ административной власти, другія же даютъ ему возможность имѣть рѣшительное вліяніе на образъ мыслей и частную жизнь всѣхъ жителей края. Такъ, напримѣръ, ему не только присвоено право непрестанной ревизіи мѣстъ и лицъ ему подвѣдомственныхъ и даны уполномочія къ прекращенію: «нарушенія законовъ, всего, противнаго безопасности и пользѣ общей или же несообразнаго съ видами верховнаго правительства, извѣстными ему, какъ лицу, полнымъ довѣріемъ Государя Императора облеченному» (296 ст. II т. св. губ. учрежд., изд. 1857 г.); но онъ еще «имѣетъ право преслѣдовать всѣми зависящими отъ него средствами: излишнюю роскошь, расточительность, безпутство и мотовство»,—мало того: «устремляя все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ, генералъ-губернаторъ уполномоченъ властію устранять всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію» (ст. 301 и 302 II т. св. зак.). Мысль, что такая инструкція слаба, могла родиться развѣ отъ того, что чрезмѣрная сила ея была, къ счастію, неудобопримѣнима въ такомъ государствѣ, которое, какъ Россія, стремится стать въ ряду государствъ просвѣщенныхъ и граждански благоустроенныхъ. Само собою разумѣется, что генералъ-губернаторъ не въ состояніи сосредоточить въ одномъ себѣ надзоръ за образомъ мыслей и нравственностію всѣхъ жителей управляемой имъ страны, а лица, поставленныя имъ для такого рода наблюденій и изслѣдованій, могутъ изъ корыстныхъ расчетовъ, пристрастныхъ побужденій и по другимъ причинамъ видѣть гибельное лжемудрствованіе, безпутство и т. д. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ужели дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ возможно? Если въ видахъ соблюденія общественнаго по-

---

[1]) Замѣчаніе государя: «Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней уже не будетъ нужды или когда уже будетъ поздно».

рядка имъ предоставлено будетъ употреблять не исключительно однѣ, на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя мѣры, но *всѣ безъ разбора средства*, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властію, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволъ [1]).

III.

Соображенія о предстоящихъ мѣрахъ.

Успѣхъ осуществленія человѣколюбивой мысли улучшенія быта крестьянъ зависитъ не отъ предполагаемаго умноженія властей, но отъ правильнаго, безпристрастнаго разбора положеній губернскихъ комитетовъ и отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ, ежели утвержденныя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія въ бытѣ крестьянъ [2]). Въ такомъ случаѣ крестьяне, спокойно выжидающіе положеній губернскихъ комитетовъ, еще спокойнѣе будутъ ожидать и утвержденія этихъ положеній Высочайшею властію [3]).

Между тѣмъ усиленія губернскихъ властей можно достигнуть слѣдующими законными мѣрами:

1. Обращать особенное вниманіе на личныя достоинства и способности начальниковъ губерній и, постоянно слѣдя за дѣйствіями ихъ по предпринятому преобразованію, давать имъ надлежащія наставленія для успѣшнаго разрѣшенія онаго [4]).

2. Можетъ быть, между членами губернскихъ комитетовъ явятся люди съ направленіемъ и убѣжденіями, которыя будутъ соотвѣтствовать настоящимъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правительства; то и этихъ людей имѣть въ виду на губернскія и высшія въ губерніи должности, не затрудняясь притомъ разрядами чиновъ, которые только *стѣсняютъ* въ выборѣ дѣльныхъ и способныхъ людей [5]).

3. Расширить и усилить по возможности предѣлы власти начальниковъ губерній на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны въ министерствѣ по особому Высочайшему повелѣнію [6]).

4. При введеніи положеній о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ временно освобождать начальниковъ губерній отъ предсѣдательства

[1]) Противъ этихъ словъ государь написалъ: «Не понимаю, какъ такая мысль можетъ войти въ голову человѣку, *знающему мой образъ мыслей и мои желанія*»,—и подчеркнулъ «всѣ» и «средства».

[2]) Замѣчаніе государя: «Напротивъ, того-то и должно опасаться».

[3]) Государь написалъ: «Дай Богъ! *Но этой увѣренности*, по всему, до меня доходящему, *я не имѣю*».—и послѣднія три слова трижды подчеркнулъ.

[4]) Государь написалъ: «Непремѣнно».

[5]) Государь написалъ: «Весьма будетъ полезно».

[6]) Государь написалъ: «Буду ожидать по этому вашего представленія».

во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ, а предсѣдательство это возложить на вице-губернаторовъ. Вслѣдствіе сего самимъ губернаторамъ легко будетъ наблюдать за порядкомъ исполненія положеній объ улучшеніи быта крестьянъ и пещись о сохраненіи при этомъ спокойствія и общественной безопасности [1]).

5. Предоставить начальникамъ губерній устранять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ и по выборамъ и отъ правительства, кои окажутся неблагонадежными или неспособными къ безпристрастному дѣйствію при введеніи новаго порядка [2]).

6. Ассигновать въ распоряженіе начальниковъ губерній особыя суммы на экстраординарные расходы [3]).

7. Снабдить губернаторовъ особою инструкціею, которая, впрочемъ, не прежде можетъ быть составлена съ должною ясностію и опредѣлительностію, какъ по разсмотрѣніи положеній губернскихъ комитетовъ [4]). Въ этой инструкціи указать и объяснить мѣры, которыя должно будетъ принимать какъ противъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, возбуждающихъ затрудненія и преп[illegible]ствія ко введенію новыхъ положеній [5]).

и 8. Сдѣлавъ предусмотрительное распредѣленіе в[illegible]ъ, снабдить начальниковъ надъ оными надлежащими наставленіями, въ которыхъ между прочимъ ясно опредѣлить отношеніе сихъ начальниковъ къ гражданскому вѣдомству [6]).

Всѣ эти мѣры при предпринимаемомъ преобразованіи полицейской власти достаточны для удержанія порядка и повиновенія, ежели только самыя положенія будутъ составлены добросовѣстно въ видахъ общей государственной пользы [7]).

Въ случаѣ же особыхъ мѣстныхъ, возникшихъ въ какой-либо губерніи или даже уѣздѣ, затрудненій и недоразумѣній при установленіи новыхъ крестьянскихъ отношеній, всегда можно будетъ посылать, куда понадобится, уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, которыя обязаны будутъ давать дѣлу правильное направленіе сообразно полученнымъ на этотъ исключительный случай инструкціямъ [8]). Власть этихъ уполномоченныхъ лицъ, не вмѣшивающихся въ общій ходъ администраціи и оканчивающихъ свои въ губерніи дѣйствія съ прекращеніемъ повода ихъ командировки, будетъ

---

[1]) Государь написалъ: «Здѣсь предполагается именно то, что я хочу сдѣлать для временныхъ генералъ-губернаторовъ».

[2]) Государь написалъ: «Это относится къ расширенію власти гражданскихъ губернаторовъ и должно войти въ ваше соображеніе».

[3]) Государь написалъ: «Будетъ излишне съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ».

[4]) Замѣчаніе государя: «Это значитъ отложить ее до того, когда въ ней уже не будетъ нужды или когда уже будетъ поздно».

[5]) Государь написалъ: «Должно войти въ инструкцію генералъ-губернаторамъ».

[6]) Государь написалъ: «Тоже».

[7]) Замѣчаніе государя: «Какія же другіе виды могутъ быть? Я ихъ не считаю достаточными безъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ».

[8]) Замѣчаніе государя: «Вотъ почему я желаю, чтобы подобныя лица были уже на мѣстахъ».

разниться, существенно отъ власти генералъ-губернаторовъ и, слѣдовательно, не имѣть тѣхъ неудобствъ, которыя соединены съ этимъ учрежденіемъ.

Всѣ сіи соображенія доказываютъ какъ то, что для правительства нѣтъ надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для предупрежденія предполагаемыхъ волненій и безпорядковъ, такъ и то, что повсемѣстное учрежденіе генералъ-губернаторовъ произведетъ неисчислимыя затрудненія, ибо эти сановники усложнятъ и еще болѣе обезсилятъ существующіе органы губернскаго и уѣзднаго управленія [1]).

Въ настоящее же время, когда потребность законности начала выражаться еще сознательнѣе, въ особенности по причинѣ самаго преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, какъ стремленія по преимуществу законнаго со стороны правительства,—установленіе личнаго и самовластнаго управленія временныхъ генералъ-губернаторовъ будетъ этому стремленію явно противорѣчить [2]).

Нельзя также упускать изъ виду, что генералъ-губернаторы,— по свойству человѣческой природы: придавать себѣ особенную важность и значеніе,—станутъ преувеличивать опасность отъ могущихъ возникнуть мѣстныхъ недоразумѣній и будутъ находить всегда и во всемъ предлоги и мнимыя доказательства къ продолженію, а, можетъ быть, и къ превращенію своей власти изъ временной въ постоянную [3]).

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ они могутъ даже сдѣлаться, къ несчастію, совершенно правыми, ибо, уклонившись однажды отъ путей естественныхъ и законныхъ, трудно впослѣдствіи избѣгнуть необходимости поддержанія порядка одною силою и страхомъ.

Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства.

---

[1]) Государь написалъ: «Всѣ сіи соображенія *не измѣняютъ* моего убѣжденія *въ необходимости и пользѣ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ*».

[2]) Замѣчаніе государя: «Я понимаю, что это не нравится вашимъ директорамъ департаментовъ».

[3]) Замѣчаніе государя: «Надѣюсь, что лица, которыя будутъ для сего выбраны *мною* и облечены полнымъ моимъ довѣріемъ, вполнѣ его оправдаютъ».

Записка о петербургскихъ университетскихъ безпорядкахъ.

Авторъ этой записки (неисправно напечатанной въ № 119 «Колокола» за 1862 годъ), переписанной рукой Н. А. Серно-Соловьевича, неизвѣстенъ. Привожу ее, какъ цѣнный историческій документъ. Будущій изслѣдователь исторіи нашей высшей школы сопоставитъ эту записку съ статьей В. Д. Спасовича («Вѣстникъ Европы», 1870 г., май) и съ очень интересной главой воспоминаній Н. В. Шелгунова, помѣщенной въ изданіи его сочиненій, сожженномъ комитетомъ министровъ. Фактически записка составлена правильно.

Самыя прискорбныя событія произошли въ с.-петербургскомъ университетѣ. Шумныя сходбища студентовъ, съ рѣчами, воззваніями и легкомысленными предложеніями, кончились прекращеніемъ лекцій. Затѣмъ послѣдовали дѣйствія внѣ университета, запрещенныя закономъ и подвергающія массу молодыхъ людей отвѣтственности, а университетъ—погибели.

Уличныя происшествія извѣстны. Они были лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ отдаленныхъ и ближайшихъ причинъ, разъяснить которыя теперь стало болѣе настоятельною потребностью, чѣмъ когда-либо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось постепенное обновленіе Россіи, послѣ Крымской войны, университетскій уставъ 1835 года не могъ долѣе дѣйствовать. Онъ державъ студентовъ на степени гимназистовъ, предоставлялъ огромную власть надъ ними полицейскому чиновнику—инспектору, систематически удалялъ профессоровъ отъ студентовъ и отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ. Потребность коренного преобразованія университетовъ чувствовалась всѣми, понимающими дѣло. Исключительно полицейскій характеръ университетскихъ учрежденій не могъ болѣе обезпечивать тишины и порядка; напротивъ, онъ служилъ только поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ. Необходима стала для молодыхъ людей узда болѣе прочная, нравственная, основанная на разумныхъ началахъ, на довѣріи юношества къ просвѣщенному и разсудительному начальству и къ профессорамъ. Только такая нравственная и разумная связь дѣлала возможной строгость и энергію университетскихъ властей,

необходимую въ чрезвычайныхъ случаяхъ для поддержанія порядка между молодыми людьми, склонными по возрасту ко всякаго рода увлеченіямъ.

Несмотря на то, что эта мысль была выражаема много разъ словесно, письменно и даже печатно, никакихъ существенныхъ преобразованій въ университетскомъ уставѣ 1835 года сдѣлано не было. Новыя понятія и требованія вторгались постепенно въ старыя формы и разрушали ихъ, а на мѣсто ихъ ничего новаго поставлено не было. Вслѣдствіе этого, анархія и хаосъ водворились мало-по-малу между студентами. Безурядицы устранить не было никакой возможности; для этого уставъ 1835 года не представлялъ никакихъ средствъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, д. т. с. Норовъ, кажется, чувствовалъ это. Ему хотѣлось поднять студентовъ нравственно, дать ихъ молодымъ силамъ и умамъ направленіе, достойное учащагося юношества. Съ этой цѣлью разрѣшены были студентамъ литературныя бесѣды и изданіе сборника, которыя должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣдываніе студенческой кассой, собираемой для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.

Противъ сходокъ студентовъ многіе возражаютъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Говорятъ, что онѣ—школы праздности и лѣни, отвлекающія молодые умы отъ серьезныхъ занятій; сходки, по замѣчанію другихъ, поощряютъ юношей къ пустословію и театральнымъ эффектамъ, къ чему и безъ того множество людей, къ несчастію—слишкомъ рано, пріучаются въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, третьи видятъ въ такихъ сходкахъ зародыши политическихъ и революціонныхъ клубовъ, вредные для государства и гибельные для юношества.

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія—плодъ важныхъ недоразумѣній, которыя необходимо разъяснить, чтобъ правильно смотрѣть на дѣло. Не только молодые люди, но даже дѣти—тѣ же люди, какъ и взрослые, только кругъ ихъ дѣйствій, сфера занятій очерчены тѣснѣе и иначе. Оттого вездѣ и всегда учебныя заведенія, въ особенности же университеты, устраивались по образцу современныхъ имъ общественныхъ учрежденій. Средневѣковые университеты въ Европѣ были такія же корпораціи и цехи, какъ и тогдашнія городскія общины. У насъ такихъ общинъ нѣтъ и не было; наше національное общественное устройство есть міръ и мірская сходка. Студенческія собранія поразительно ихъ напоминаютъ, не только на самомъ дѣлѣ, но и по имени, повторяя собою, въ маломъ видѣ, всѣ достоинства и недостатки этихъ учрежденій. На эту сторону вопроса, кажется, не было еще обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ она чрезвычайно важна. Признавъ ее, нельзя не убѣдиться, что искоренить сходки едва ли есть какая-нибудь возможность, и легко понять, почему студенты такъ упорно ихъ отстаиваютъ. Закрытіе ихъ въ университетѣ повлечетъ

за собою открытіе ихъ внѣ университета, по домамъ; а преслѣдованіе всюду обратитъ ихъ изъ явныхъ собраній въ тайныя, что гораздо хуже и опаснѣе.

Сходки, дѣйствительно, вредны для студентовъ и ихъ занятій, но не сами по себѣ, а потому, что все новое и, въ особенности запрещенное, имѣетъ въ юномъ возрастѣ бо́льшую занимательность. Если-бъ правительство рѣшилось не только дозволить ихъ, но устроить и дать имъ опредѣленный, законный кругъ дѣятельности, онѣ, безъ сомнѣнія, потеряли бы половину теперешней своей заманчивости. Студенты привыкли бы къ нимъ и стали бы на нихъ смотрѣть, какъ на одно изъ самыхъ обыкновенныхъ, прозаическихъ занятій. Получивъ этотъ характеръ, студенческія сходки принесли бы и молодымъ людямъ, и правительству, и обществу несомнѣнную, существенную пользу; онѣ пріучили бы молодыхъ людей, до вступленія ихъ въ дѣйствительную жизнь, къ строгой отчетности и отвѣтственности, къ чему такъ мало пріучены мы теперь даже въ зрѣломъ возрастѣ. Если учрежденіе, столь полезное для молодыхъ людей, вскорѣ послѣ своего возникновенія, приняло дурное и вредное направленіе, то причины должно искать въ разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ: во всеобщемъ броженіи умовъ, всеобщей шаткости понятій, естественной спутницѣ ко енныхъ общественныхъ реформъ, а больше всего въ томъ, что сходки, съ самаго же начала, не были правильно устроены самимъ правительствомъ. При господствующей внутри университетовъ анархіи и хаосѣ, студенты были предоставлены самимъ себѣ, не имѣли руководителей, не знали, какъ и за что взяться. Послѣдствія этого, какъ и слѣдовало ожидать, были гибельны для университетскаго юношества.

Какъ бы то ни было, но при самомъ первомъ своемъ появленіи сходки были мирны и безвредны. Студенты собирались, читали свои статьи, разсуждали о кассѣ, о средствахъ ее увеличить, присуждали вспомоществованія товарищамъ. Мало-по-малу онѣ становились шумнѣй и нестройнѣй. Здѣсь и тамъ прорывались рѣзкія фразы и сужденія, произносились рѣчи съ каѳедръ— невинныя, но пріучавшія юношей къ ораторству и фразамъ. Сходки считались частнымъ дѣломъ студентовъ, и потому онѣ происходили безъ чьего-либо вѣдома и разрѣшенія и безъ всякаго контроля. Положеніе дѣлъ было необыкновенно странное: косвеннымъ образомъ сходки были, какъ сказано, разрѣшены правительствомъ; а между тѣмъ онѣ не были позволены. Когда студенты толпами ходили просить о чемъ-нибудь, имъ говорили: выбирайте изъ себя депутатовъ и посылайте ихъ; лица, принадлежавшія къ университетской администраціи, очень ясно понимали невозможность совсѣмъ уничтожить студенческія сходки, а между тѣмъ правительство ни за что не соглашалось прямо признать ихъ и устроить: ихъ терпѣли и какъ будто не замѣчали. При такомъ порядкѣ дѣлъ, никто не смѣлъ взяться за ихъ устройство и водворить въ нихъ какой-нибудь порядокъ. Всѣ старались только смазывать проры-

вавшіяся по временамъ крайности и рѣзкости, а безпорядки и хаосъ росли и крѣпчали. Полицейская университетская власть, разумѣется, не въ состояніи была съ ними бороться. Нѣсколько разъ люди, понимающіе дѣло, напоминали о необходимости устроить сходки и тѣмъ отвратить грозившую опасность, но имъ отвѣчали, что этого вопроса поднимать невозможно, потому что правительство и слышать не хочетъ о сходкахъ. Такъ проходило время.

Въ началѣ нынѣшняго (1861) года два обстоятельства показали, что болѣзнь приняла уже большіе размѣры. На университетскомъ актѣ 8 февраля былъ шумъ и безпорядки по тому случаю, что проф. Костомаровъ не читалъ рѣчи [1]), которую студенты ожидали съ нетерпѣніемъ; вскорѣ послѣ того слухъ, распространившійся между студентами, будто бы слѣдственная комиссія по дѣлу о панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ перенесетъ свои засѣданія въ стѣны университета, возбудилъ такія неурядицы, что надобно было серьезно подумать о мѣрахъ къ ихъ прекращенію на будущее время. Бывшій попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, т. с. Деляновъ, потребовалъ по этому предмету мнѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Послѣдніе подвергнули дѣло подробному изслѣдованію, собрали свѣдѣнія отъ студентовъ и представили цѣлый проектъ правилъ, касавшихся устройства студенческихъ сходокъ и полицейскаго управленія въ университетѣ. Исходя изъ той мысли, что внѣшній полицейскій надзоръ надъ студентами безсиленъ возстановить порядокъ въ университетѣ, они находили необходимымъ замѣнить его авторитетомъ и вліяніемъ профессоровъ и потому предлагали: дать сходкамъ правильное устройство, ограничивъ ихъ занятія исключительно дѣлами студенческой кассы, библіотеки и редакціи сборника, подъ руководствомъ профессора; устроить изъ профессоровъ университетскій судъ надъ студентами; замѣнить инспектора проректоромъ, выбраннымъ изъ среды профессоровъ же.

Эти предположенія остались безъ послѣдствій, и вскорѣ послѣ того правительство издало новыя правила, измѣнившія весь порядокъ дѣлъ въ университетѣ. Правилами этими (31 мая), между прочимъ, отмѣнены свидѣтельства о бѣдности, освобождавшія студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 рублей, и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Въ одно время съ изданіемъ этихъ правилъ, мѣсто бывшаго министра народнаго просвѣщенія, д. т. с. Ковалевскаго, заступилъ ген.-адъют. гр. Путятинъ, который испросилъ соизволеніе государя императора на мѣры еще болѣе строгія (21 іюля), а именно: сходки запрещены вообще, положительно; студентъ, не выдержавшій экзамена, подлежалъ исключенію изъ университета, тогда какъ до того времени онъ могъ пробыть на одномъ курсѣ два года; для завѣдыванія студенческой кассой, библіотекой и т. п. студенты должны избираться въ извѣстномъ числѣ отъ каждаго факультета и раз-

[1]) О К. С. Аксаковѣ.

ряда не студентами, какъ до сихъ поръ было, а правленіемъ университета; присужденія денежныхъ выдачъ должны были подлежать утвержденію ректора или инспектора. Предлагая эти правила для исполненія университетскимъ совѣтамъ и требуя мнѣнія по нѣкоторымъ ихъ пунктамъ, министръ прибавилъ, что, имѣя въ виду матеріальное улучшеніе положенія университетскихъ преподавателей и освобожденіе ихъ отъ труда пріемныхъ испытаній, правительство тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ нихъ усиленія дѣятельности и направленія оной всецѣло къ истинной пользѣ обучающейся въ университетахъ молодежи; графъ Путятинъ, между прочимъ, изъявлялъ увѣренность, что профессора «направятъ свою дѣятельность къ указанной цѣли и не примутъ на себя тяжкой отвѣтственности уклоненіемъ отъ своего долга», а ректоры и деканы помогутъ правительству «предотвращать то легкомысленное небреженіе или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей». Съ тѣмъ вмѣстѣ гр. Путятинъ предложилъ университетскимъ совѣтамъ обсудить вопросъ, не полезнѣе ли будетъ возлагать званіе инспектора студентовъ на одного изъ профессоровъ или адъюнктовъ, по выбору ректора.

Извѣстно, какое впечатлѣніе новыя правила произвели въ цѣлой Россіи. Въ нихъ видѣли возвращеніе къ мысли ограничить число студентовъ и снова сдѣлать университеты недоступными для большинства публики, тогда какъ въ послѣднее время они были открыты для всякаго желающаго. Множество молодыхъ людей, которымъ университетскій дипломъ давалъ въ службѣ и обществѣ положеніе и кусокъ хлѣба, лишены возможности слушать университетскіе курсы. Бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи, негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе, такъ мало распространенное въ Россіи и составляющее нашу насущную потребность. На студентовъ и слушателей университетовъ впечатлѣніе этихъ мѣръ было тоже самое тяжелое.

Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, эти правила могли быть введены безъ волненій развѣ только весьма искусной рукой, обычной въ обращеніи съ университетами и студентами, и при помощи значительныхъ смягченій, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ этомъ отношеніи оставленъ необходимый просторъ; въ Высочайшемъ повелѣніи 31-го мая было сказано, что новыя правила должны вводиться «постепенно и по мѣрѣ возможности»; слѣд., предоставлены средства сгладить вначалѣ ихъ рѣзкость, дать время остынуть первому непріятному впечатлѣнію и затѣмъ, если бы правительство признало нужнымъ неуклонно слѣдовать предначертанному пути, мало-по-малу достигнуть точнаго ихъ приложенія. Но уже въ дополнительныхъ правилахъ 21-го іюля новымъ началамъ придана еще бо́льшая строгость, и благоразумная постепенность забыта.

За мѣсяцъ до изданія этихъ дополнительныхъ правилъ, въ началѣ іюня, Совѣту СПБскаго университета предложено было оза-

ботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ относительно точнаго посѣщенія лекцій, также изыскать и начертать мѣры для неуклоннаго исполненія правилъ о взиманіи съ посѣщающихъ университетъ установленнаго денежнаго взноса. Вслѣдствіе этого, университетскій Совѣтъ, въ засѣданіи 16 іюня, образовалъ временную комиссію изъ семи профессоровъ, которой поручено, между прочимъ, составить проектъ правилъ объ обязанностяхъ студентовъ и вольнослушателей во время нахожденія ихъ въ стѣнахъ университета, о дѣятельности ректора и проректора, какъ начальниковъ полицейско-инспекторскаго надзора за студентами и вольнослушателями, и объ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора, непосредственно подчиненнаго проректору и ректору.

Задача комиссіи была крайне трудная; основныя начала были ей даны; оставалось примѣнить ихъ такъ, чтобъ переходъ къ новому порядку дѣлъ не былъ слишкомъ крутъ и могъ совершиться съ необходимою постепенностью. Для этого комиссія предположила учредить должность проректора, выбраннаго Совѣтомъ изъ числа профессоровъ; установить университетскій судъ изъ профессоровъ же; чтобъ внушить къ этому суду болѣе довѣрія со стороны студентовъ, комиссія предоставляла каждому подсудимому студенту, для подтвержденія его показаній, приглашать въ судъ двухъ изъ своихъ товарищей. Сверхъ того, комиссія предположила оставить студенческую кассу, библіотеку и редакцію сборника въ завѣдываніи студентовъ, выбранныхъ по факультетамъ и курсамъ. Послѣдній пунктъ, конечно, косвенно допускалъ сходки; но, во-1-хъ, онѣ не были общія, а частныя, раздробленныя; во-2-хъ, онѣ оставлены только для избранія студентовъ, которымъ ввѣрялись касса, библіотека и редакція сборника; для шумныхъ демонстрацій и разглагольствованій тутъ не было повода; въ-3-хъ, онѣ должны были происходить подъ надзоромъ и руководствомъ профессора, слѣд., согласно съ первоначальнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 31-го мая, съ разрѣшенія начальства. За совершенною невозможностію прекратить сходки, члены комиссіи должны были по необходимости избрать средній путь, который бы согласилъ строгія требованія правительства съ возможностью ихъ исполненія. Кромѣ того, комиссія предложила матрикулы, которыя должны были содержать въ себѣ всѣ университетскія правила, относящіяся къ студентамъ, и какъ бы формулярный списокъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, противъ предположенія объ исключеніи студентовъ, не выдержавшихъ экзамена, комиссія возражала, что такое правило должно непремѣнно повести къ большей снисходительности со стороны экзаменаторовъ и, слѣд., къ ослабленію самаго значенія экзаменовъ, а противъ выбора студентовъ правленіемъ—что оно не можетъ руководствоваться никакими данными при этомъ избраніи и должно будетъ избирать случайно, по фамиліямъ только. Въ заключеніе, комиссія положила просить попечителя засвидѣтельствовать министру, что «члены Совѣта, т. е. профессоры СПБ. университета, никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они уклоняются отъ своего долга

или не знаютъ той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и что членамъ Совѣта вовсе неизвѣстны случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшихъ причиною несчастія молодыхъ людей».

Совѣтъ университета одобрилъ работы комиссіи и представилъ ихъ попечителю. Вопросъ о введеніи билетовъ для посѣщенія лекцій былъ поднятъ, но не пущенъ на голоса, потому что очевидно было, что большинство членовъ Совѣта не желало этой мѣры. Несмотря на то, исправляющій должность ректора счелъ нужнымъ сказать въ представленіи попечителю, что многіе профессоры признаютъ необходимымъ и полезнымъ допускать постороннія лица въ университетъ не иначе, какъ по билетамъ, съ платою за каждый по 10 к. сер.

Всѣ спасительныя, смягчающія мѣры, предложенныя комиссіей, были отвергнуты министерствомъ. Новый попечитель спб. учебнаго округа, ген.-лейт. Филипсонъ, сначала собралъ университетскій совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и объявилъ ему, что министръ утвердилъ правила, составленныя комиссіей, съ нѣкоторыми *незначительными* измѣненіями, а потомъ, въ оффиціальной бумагѣ отъ 2 сентября, увѣдомилъ исправляющаго должность ректора, что министръ разрѣшилъ привести въ дѣйствіе проектъ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора за студентами на одинъ годъ въ видѣ опыта «съ измѣненіями, которыя лично указаны ему, попечителю, г. министромъ». Къ этому ген.-лейт. Филипсонъ, между прочимъ, прибавилъ, что входъ въ университетъ долженъ быть дозволенъ только тѣмъ лицамъ, которыя получатъ отъ исправляющаго должность проректора билеты на право посѣщенія лекцій, съ платою, какая будетъ за билетъ назначена.

Незначительныя, по мнѣнію ген.-лейт. Филипсона, измѣненія въ правилахъ, составленныхъ въ университетскомъ Совѣтѣ, на самомъ дѣлѣ были чрезвычайно важны. Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ; отвергло свидѣтелей въ судѣ; подчинило студенческую библіотеку и кассу распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря; требовало немедленнаго введенія билетовъ; отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, не выдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ не болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сообщенія профессорамъ, министръ сдѣлалъ имъ замѣчаніе за рѣзкость тона комиссіи; о послабленіи на экзаменахъ отозвался, какъ о нарушеніи обязанностей службы; циркулярное же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ, какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не въ правѣ. Затѣмъ министръ требовалъ, чтобъ Совѣтъ указалъ на профессора, который бы могъ, на основаніи новыхъ правилъ, занять должность проректора временно, на годъ.

Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженія министерства отняли у новыхъ правилъ все смяг-

чающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было разсчитывать, а съ другой стороны—обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться чрезъ это ихъ уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними,—словомъ, пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжелой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ; а управиться не было никакихъ средствъ; это видѣлъ всякій. Положеніе проректора, само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству, при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю въ Совѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны и въ этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловнаго ихъ выполненія и выбора проректора.

На бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ Совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній положено было представить попечителю, что «Совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ, для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность, на основаніи утвержденныхъ правилъ».

Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства—дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобъ на него можно было пойти легкомысленно, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобъ увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывъ, какъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства, и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора инспектора студентовъ, человѣка не уважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятельнаго и трусливаго.

Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной, прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще непонятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакой мѣры для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были, и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству—изъ самыхъ нелѣпыхъ и противурѣчивыхъ слуховъ. Какъ только открылись лекціи (18-го сентября), начались опять сходки, съ рѣчами и разными манифестаціями; никто ихъ не останавливалъ, никто, даже тогда, не позаботился объявить студентамъ, что онѣ безусловно запрещены. Воззваніе самое легкомысленное было прибито въ университетѣ и не было снято въ теченіе шести часовъ сряду: каждый могъ его читать свободно, сколько хотѣлъ. Безпорядки по выдачѣ студентамъ билетовъ на жительство поджигали и распаляли ихъ съ каждымъ днемъ болѣе. Еще въ пятницу, 22-го сентября, Совѣтъ единогласно попросилъ объ отмѣнѣ билетовъ, но напрасно.

Послѣдняя шумная сходка была въ университетѣ въ субботу, 23-го сентября, послѣ чего лекціи были прекращены. Своевременно и благоразумно ли было это распоряженіе—трудно сказать. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ студентовъ, конечно, можно было успокоить, не прибѣгая къ такой крутой мѣрѣ, но при новыхъ правилахъ и вызванномъ ими настроеніи университетъ рано или поздно пришлось бы закрыть, потому что они именно и поддерживали волненіе.

На другой день, 24-го сентября, министръ народнаго просвѣщенія въ первый разъ по вступленіи своемъ въ министерство принялъ профессоровъ и преподавателей университета. Представленіе было оффиціальное. Гр. Путятинъ повторилъ профессорамъ, что правительство заботится объ увеличеніи ихъ содержанія, просилъ содѣйствовать ему въ успокоеніи студентовъ, объяснялъ справедливость и необходимость взиманія съ нихъ платы за слушаніе лекцій и выразилъ готовность правительства оказать въ этомъ отношеніи снисхожденіе достойнымъ, но бѣднымъ молодымъ людямъ. Тутъ же профессоры впервые узнали о прекращеніи лекцій, не изъ устъ министра, а отъ исправляющаго должность ректора.

На слѣдующій день, 25-го сентября, поутру, была, по поводу закрытія лекцій, уличная демонстрація студентовъ, а ввечеру происходило засѣданіе университетскаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ попечителя. Министерство стало въ самое затруднительное положеніе. Оно теперь только, кажется, замѣтило, что ошибалось и принимало не тѣ мѣры, какія слѣдовало, но отступить отъ нихъ послѣ того, что̀ произошло, было, разумѣется, невозможно. Для умиротворенія университета министерство придумало новыя полицейскія мѣры. Предположено по открытіи университета раздавать матрикулы не тѣмъ порядкомъ, какой предписанъ въ правилахъ, самимъ же министерствомъ утвержденныхъ, т. е. не проректоромъ и его секретаремъ, а съ особенною торжественностію въ факуль-

тетскихъ засѣданіяхъ; присутствіе при этомъ профессоровъ, уважаемыхъ студентами,—говорилъ попечитель,—будетъ имѣть моральное вліяніе на молодыхъ людей и придастъ въ ихъ глазахъ матрикуламъ желаемый авторитетъ. Это говорилось въ то время, когда студенты, до послѣдней степени раздраженные распоряженіями министерства и университетскаго начальства, рѣшились на самыя крайнія мѣры. Профессоры, тщетно предостерегавшіе столько разъ и министерство, и университетское начальство, должны были теперь своимъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ поддерживать то, чего они по совѣсти не могли одобрить, и тѣмъ лишить себя навсегда возможности имѣть на студентовъ какое-нибудь нравственное вліяніе, имѣть въ ихъ глазахъ какой-нибудь авторитетъ, столько необходимый въ ближайшемъ будущемъ для возстановленія въ университетѣ тишины и порядка. Спрошенные попечителемъ, какъ они объ этомъ думаютъ, профессоры, большинствомъ 15-ти голосовъ противъ 14-ти, отвергли эту мѣру какъ неудобную, не ведущую къ цѣли и противную правиламъ. Министерство опять увидѣло въ этомъ не иное что, какъ сопротивленіе Высочайшимъ повелѣніямъ, и потребовало отъ профессоровъ письменныхъ отзывовъ по этому предмету, вѣроятно предполагая, что они не рѣшатся изложить свои мнѣнія на бумагѣ. Оказалось, что въ письменныхъ отзывахъ неудобство раздачи матрикулъ въ факультетахъ было признано даже многими изъ тѣхъ профессоровъ, которые при словесной подачѣ голосовъ были въ пользу предложенія ген.-лейт. Филипсона, или не были въ засѣданіи Совѣта, такъ что значительное большинство голосовъ выразилось противъ этой мѣры. Она и была оставлена. Съ своей стороны, профессоры, желая всячески содѣйствовать правительству въ успокоеніи студентовъ мѣрами дѣйствительными, предложили: во-1-хъ, произвести, посредствомъ комиссіи, выбранной университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, подробное изслѣдованіе о бывшихъ въ университетѣ безпокойствахъ и о ихъ причинахъ; во-2-хъ, облегчить способы уплаты денегъ за слушаніе лекцій для молодыхъ людей недостаточнаго состоянія. Оба предложенія приняты Совѣтомъ единогласно, но изъ нихъ одобрено попечителемъ только второе, а первое отвергнуто безъ объясненія причинъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что причины волненій и безпорядковъ между студентами, приведшія къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, заключались главнымъ образомъ:

въ совершенной неудовлетворительности университетскаго устава 1835 года, настоятельно требующаго коренныхъ преобразованій;

въ неосторожныхъ распоряженіяхъ министерства;

въ неустройствѣ и бездѣйствіи университетскаго начальства.

На учащихся молодыхъ людей, по возрасту своему расположенныхъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, большею частью по

самымъ благороднымъ побужденіямъ, могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать не внѣшнія полицейскія мѣры, а нравственное вліяніе профессоровъ, къ которымъ они привыкли, которыхъ знаютъ, изъ которыхъ многихъ глубоко уважаютъ. Какъ же поставлены профессоры? Содержаніе ихъ—самое жалкое, участіе въ управленіи университетомъ -самое ничтожное, отъ студентовъ они систематически устранены.

Съ другой стороны, полицейскій характеръ университетскаго устава 1835 года, смягченный въ примѣненіи, въ послѣднее время, новыми мѣрами правительства, вдругъ оживленъ и возстановленъ еще съ большею силою, чѣмъ когда-либо; безусловно запрещены студенческія собранія, тогда какъ они, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ, могли бы быть не только безвредны, но даже полезны; доступъ въ университетъ бѣднымъ молодымъ людямъ закрытъ вовсе, тогда какъ для большинства учащихся университетскій дипломъ есть патентъ на право кормиться честнымъ трудомъ. Едва ли теперь настало время ограничивать число университетскихъ воспитанниковъ, когда запросъ на нихъ по всѣмъ отраслямъ управленія такъ великъ, а въ ближайшемъ будущемъ, съ предстоящими преобразованіями, долженъ сдѣлаться гораздо больше. Дѣйствіе этихъ коренныхъ причинъ усилили еще болѣе чрезмѣрно строгія распоряженія министерства, которое, дѣйствуя круто и рѣзко, не допуская никакихъ переходныхъ мѣръ, обезсилѣло и охладило профессоровъ и довело студентовъ до сосредоточеннаго отчаянія. Безурядица и хаосъ университетской администраціи довершили остальное.

Чтобъ поправить зло и утишить волненія въ университетахъ, необходимо:

1) Преобразовать университетскій уставъ 1835 года на широкихъ началахъ, предоставя профессорамъ гораздо большее значеніе въ университетскомъ управленіи, чѣмъ теперь, и обезпечивъ имъ безбѣдное матеріальное существованіе. Вообще университеты должны получить больше самостоятельности, чѣмъ до сихъ поръ имѣли.

2) Ректоры должны быть выборные и облечены большею властью; поднять ихъ значеніе—необходимо.

3) Если правительство не признаетъ возможнымъ уменьшить плату за слушаніе лекцій, то необходимо, по крайней мѣрѣ, освободить отъ нея дѣйствительно бѣдныхъ молодыхъ людей и значительно облегчить взносъ денегъ для лицъ недостаточнаго состоянія.

4) Надлежитъ отмѣнить вовсе различіе между студентами и вольнослушателями, безъ нужды путающее дѣло и университетскій надзоръ. Слѣдуетъ или уничтожить вовсе званіе студента, или же отмѣнить разрядъ вольнослушателей. Въ пользу и противъ того и другого можно сказать многое, и потому вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго обсужденія.

5) Дозволить собраніе студентовъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и профессоровъ; разрѣшить имъ имѣть въ своемъ распоряженіи, посредствомъ выборныхъ, но также подъ

наблюденіемъ университета, студенческую кассу, библіотеку и т. п. Кругъ занятій собраній и наблюденія за ними должны быть очень зрѣло обдуманы, чтобъ, съ одной стороны, не стѣснять безъ нужды молодыхъ людей, а съ другой—не дать имъ уклониться, по этому поводу, съ прямого пути.

и 6) Подробно и самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ относящіяся къ студентамъ правила и выключить изъ нихъ все то, что безъ крайней необходимости дразнитъ ихъ и вызываетъ на волненія. Такія правила есть, и они много вредятъ дѣлу.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что строгому и добросовѣстному надзору надъ студентами много мѣшаютъ чрезмѣрная жестокость нашихъ уголовныхъ законовъ и заключающаяся въ нихъ наклонность придать государственный и политическій характеръ такимъ проступкамъ молодежи, которые на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ бредъ молодости. Если-бъ этого не было, если-бъ такъ называемыя политическія преступленія учащагося юношества наказывались слабѣе, напр. по большей мѣрѣ заключеніемъ на полгода, то не было бы причины скрывать такіе проступки и уменьшать ихъ важность, какъ дѣлается по необходимости теперь, даже людьми добросовѣстными, неодобряющими крайностей, въ которыя вдаются молодые люди. Теперь всякій боится принять на свою душу тяжкую отвѣтственность за погибель юноши; всякій знаетъ, часто по опыту, что, придя въ зрѣлый возрастъ, юноша будетъ думать и поступать иначе, и потому скрываетъ его проступки; а это заставляетъ молодыхъ людей думать, что ихъ проступки одобряются, что имъ сочувствуютъ; рождается мысль о безнаказанности, которая поощряетъ молодыхъ людей на этомъ пути и, наконецъ, доводитъ ихъ до дѣйствительныхъ политическихъ и государственныхъ преступленій.

Статья Н. А. Серно-Соловьевича «Городскіе выборы».

Статья эта была написана въ нѣсколько часовъ, послѣ полученія повѣстки о выборахъ въ петербургскую думу. По моему мнѣнію, она представляетъ интересъ для характеристики автора и частью апатичнаго тогдашняго настроенія городской буржуазіи. Статья предоставлена мнѣ въ рукописи вдовою покойнаго друга автора, А. А. Слѣпцова, и, судя по внѣшности и нѣкоторымъ отмѣткамъ и надписямъ, набиралась въ какой-то газетѣ и предназначалась на 17 марта, но напечатана не была, вѣроятно, по цензурнымъ препятствіямъ.

Въ этой статьѣ читатель увидитъ, что въ 1862 году Серно-Соловьевичъ принадлежалъ къ людямъ, полагающимъ, что люди создаютъ учрежденія, а не наоборотъ. Обстоятельство очень характерное.

Если бы наша общественная жизнь сколько-нибудь походила на общественную жизнь въ европейскихъ государствахъ, можно было бы сказать, что для жителей столицы настаютъ многознаменательные дни. Наступилъ срокъ возобновленія личнаго состава с.-петербургской городской общей думы на трехлѣтіе съ 1862 — 1864 годовъ.

Съ 17 по 29 марта будутъ происходить собранія пяти городскихъ сословій здѣшней столицы для выбора своихъ уполномоченныхъ или, по оффиціальному термину, гласныхъ.

Городской общей думѣ, по закону, ввѣрено: главное наблюденіе за правильнымъ движеніемъ городскихъ приходовъ и расходовъ, попеченіе объ охраненіи порядка въ городскомъ хозяйствѣ и право ходатайства о пользахъ и нуждахъ общественныхъ.

Эти права такъ обширны, что съ ними можно идти такъ далеко, какъ угодно, въ развитіи общественнаго благосостоянія столицы. Надо только хотѣть и умѣть пользоваться ими, пользоваться въ предѣлахъ, предоставленныхъ закономъ. До сихъ поръ мы положительно не хотѣли пользоваться своими правами.

Подчиненные буквою закона опекѣ военнаго генералъ-губернатора, мы всѣми силами старались, чтобы опека эта была въ дѣйствительности какъ можно сильнѣе, чтобы наши опекуны дѣлали за насъ какъ можно болѣе.

Мы, составляющіе числомъ тысячи, владѣющіе десятками, можетъ-быть сотнями милліоновъ, имѣющіе въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность пункта, распоряжающагося торговымъ и промышленнымъ движеніемъ всего государства, считающіе въ своемъ составѣ сотнями лицъ, принадлежащихъ къ образованнѣйшимъ классамъ, лицъ, стоящихъ на важныхъ ступеняхъ государственнаго управленія, лицъ совершенно независимыхъ,—мы до сихъ поръ дѣйствовали, какъ малыя дѣти, какъ разслабленные, которымъ пріятно ходить на помочахъ. Будучи фактически силой, мы не только ни разу, ни единаго разу не проявили себя, какъ сила, но даже и не подозрѣвали, что можемъ что-нибудь сдѣлать.

Сравните наше городское хозяйство, удобства нашей городской жизни,—непосредственно зависящія отъ городского хозяйства,—съ городскимъ хозяйствомъ любой европейской столицы даже самаго ничтожнаго нѣмецкаго государства. Нѣтъ, лучше и не сравнивайте, потому что слишкомъ ужъ стыдно будетъ! Лучше просто подумайте о нашемъ уличномъ освѣщеніи, нашихъ мостовыхъ, водѣ, которою пользуются три четверти жителей, полиціи, которая всѣми пользуется, о цѣнахъ на квартиры и жизненные припасы, объ удобствахъ продовольствія одинокихъ небогатыхъ людей, объ общественныхъ увеселеніяхъ, о благосостояніи торговли и промышленности, о положеніи неимущихъ классовъ, о гарантіяхъ личной и имущественной безопасности, о развитіи народнаго образованія... да вѣдь можно до завтра писать списокъ, о чемъ нужно подумать.

По обычаю мы сваливаемъ вину на общія государственныя учрежденія, на правительство. Этого мнѣнія я рѣшительно не раздѣляю. Вообще говоря, я не могу упрекнуть себя въ излишней привязанности къ существующимъ учрежденіямъ, но въ неудобствахъ нашей столичной жизни виноваты не они, а мы, петербургскіе домовладѣльцы, рѣшительно, исключительно мы. Мы пренебрегали и пренебрегаемъ своими правами и обязанностями, мы руками и ногами отбивались отъ дѣла, намъ никогда и въ голову не приходило серьезно заняться городскимъ хозяйствомъ, общественными нуждами. Это отнюдь не личный упрекъ лицамъ, распоряжающимся городскимъ хозяйствомъ. Они, безъ сомнѣнія, исполняютъ свои обязанности съ любовью, добросовѣстностью, знаніемъ дѣла. Но будь они—геніи, гиганты по силѣ, они не могли бы ничего сдѣлать и никогда ничего не сдѣлаютъ, пока единственною поддержкою ихъ будутъ ледяное равнодушіе и апатія общества. Пока въ обществѣ не пробудятся самодѣятельность, сознаніе своихъ интересовъ и твердая воля стоять за нихъ, -рутина, мертвящая рутина будетъ въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ, точно также, какъ и въ нашей общественной жизни.

Повѣстки, которыми домовладѣльцы приглашаются въ избирательное собраніе, оканчиваются слѣдующими многознаменательными словами: «Исправляющій должность старшины считаетъ долгомъ присовокупить, что какъ городской общей думѣ ввѣрено, по закону, главное наблюденіе за правильнымъ движеніемъ городскихъ

приходовъ и расходовъ, попеченіе объ охраненіи порядка въ городскомъ хозяйствѣ и право ходатайства о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, до всѣхъ сословій одинаково относящихся,—то лишь общее и единодушное участіе всѣхъ призванныхъ къ сему дѣлу лицъ можетъ дать сему учрежденію возможность дѣйствовать съ должнымъ успѣхомъ на пользу городского общества». Мы не знаемъ, составляютъ ли эти слова—прекрасныя, дѣльныя слова—общую стереотипную фразу, которою всегда оканчиваются подобныя повѣстки, или же они въ первый разъ являются въ нынѣшній годъ. Какъ бы ни было, г. исправляющій должность старшины сословія потомственныхъ дворянъ могъ написать или не написать ихъ. Написавъ, онъ доказалъ, что лично ему близки и дороги интересы городского общества, но что до сихъ поръ желаемаго имъ общаго единодушнаго участія въ этомъ обществѣ не было. Дѣйствительно и серьезно дѣйствующимъ незачѣмъ говорить: дѣйствуйте.

Мы искренно и глубоко сочувствуемъ словамъ г. и. д. старшины, мы сердечно желаемъ, чтобы они подѣйствовали, но, хладнокровно и безпристрастно анализируя состояніе общества, мы сомнѣваемся, чтобы имъ вняли. Наше общество много двинулось впередъ за послѣдніе годы, но общественные интересы все еще слишкомъ недостаточно занимаютъ его. Его члены еще довольно равнодушны даже къ своимъ личнымъ, кровнымъ интересамъ. Это мы видѣли еще недавно въ собраніяхъ городского кредитнаго общества. Тутъ каждый заинтересованъ лично, непосредственно,—и что же? Общія собранія бывали, правда, весьма оживленны, но въ нихъ участвовало не болѣе одной трети, даже четверти лицъ, имѣвшихъ право въ нихъ участвовать. Изъ присутствовавшихъ только слабое меньшинство дѣйствительно участвовало въ сужденіяхъ.

То же самое общество призвано теперь къ выбору своихъ уполномоченныхъ. Посмотримъ, примутъ ли его члены живѣе къ сердцу общественные интересы, чѣмъ свои личные. Каковы бы ни были законы и учрежденія, главное дѣло не въ нихъ, а въ исполнителяхъ, въ людяхъ. Это непреложная міровая истина. Лучшій законъ можетъ быть нарушенъ и искаженъ въ своемъ примѣненіи исполнителемъ недобросовѣстнымъ, нерадивымъ, глупымъ. Худшее учрежденіе можетъ принести свою долю пользы, если въ его составѣ найдутся умные и энергическіе дѣятели. Твердо убѣжденные въ этомъ, мы придаемъ огромное значеніе выбору гласныхъ. Но въ то же время мы ни мало не сомнѣваемся, что выборы эти не могутъ быть вполнѣ хороши, пока у насъ не разовьется общественная жизнь. Теперь мы будемъ опять-таки выбираться зря, руководствуясь прежде всего титуломъ, званіемъ, чиномъ, богатствомъ. Мы другъ друга не знаемъ и потому не имѣемъ возможности руководствоваться личными достоинствами.

Стоитъ внимательно прочесть бумаги, приложенныя къ повѣсткѣ, чтобъ безусловно согласиться съ этимъ. Въ повѣсткѣ сказано: «при семъ препровождается списокъ предполагаемыхъ по

установленному порядку кандидатовъ въ гласные. Кромѣ сихъ лицъ, каждый изъ гг. избирателей имѣетъ право предложить къ баллотированію въ гласные, кого пожелаетъ изъ лицъ, поименованныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, или изъ тѣхъ, которые уполномочены будутъ на участіе въ выборахъ владѣлицами. Имена таковыхъ предполагаемыхъ кандидатовъ въ гласные должны быть сообщены въ городскую канцелярію непремѣнно за два дня до назначенія выборовъ, для внесенія ихъ въ кандидатскій списокъ». Сословіе потомственныхъ дворянъ имѣетъ право избирать 120—150 гласныхъ. Избираемы могутъ быть домовладѣльцы и уполномоченные отъ домовладѣлицъ. Каждый изъ избираемыхъ можетъ предлагать кандидатовъ въ гласные. Въ теоріи, повидимому, прекрасно. Но на практикѣ? На практикѣ вотъ какъ дѣлается.

Собраніе назначено 17-го; послѣдній срокъ предложенія кандидатовъ 15-го марта. Извѣстно, что всюду, гдѣ выборы имѣютъ дѣйствительное значеніе, выборъ кандидатовъ составляетъ самую существенную часть выборовъ. Выборы кандидатовъ происходятъ въ предварительныхъ частныхъ собраніяхъ; сужденія о нихъ бываютъ продолжительныя и обстоятельныя; въ кандидаты выбираютъ людей, которыхъ дѣйствительно хотятъ имѣть представителями, и каждый избиратель, являясь на выборы, заранѣе знаетъ, кому положить шаръ.

У насъ повѣстки получены 14-го числа. Стало, нужно представить кандидатовъ на другой же день или ограничиться присланнымъ изъ думы спискомъ кандидатовъ. Если даже и пришлютъ нѣсколько новыхъ именъ, о нихъ узнаютъ не прежде, какъ въ самый день собранія. Первая несообразность.

Вторая, еще сильнѣйшая—предлагать въ кандидаты можно и уполномоченныхъ отъ домовладѣлицъ. Ихъ имена также должны быть присланы въ канцелярію думы за два дня до выборовъ. Но никому не извѣстно не только, кто эти уполномоченные, но даже кто домовладѣлицы, которыхъ между прочимъ чуть ли не больше, чѣмъ домовладѣльцевъ. Въ разосланномъ спискѣ владѣльцевъ изъ потомственныхъ дворянъ помѣщены только одни домовладѣльцы. Владѣлицамъ вмѣстѣ съ повѣстками присылаютъ листки для означенія на нихъ именъ уполномоченныхъ. Такъ что самые списки уполномоченныхъ составляются не раньше, какъ во время собранія.

Если приготовительныя распоряженія къ выборамъ дѣлаются съ такою непростительною небрежностью, можетъ ли быть рѣчь о серьезныхъ выборахъ. Вѣроятно, все дѣло ограничится принятіемъ списка, присланнаго изъ думы. Въ немъ означены 123 имени. Допустимъ даже, что всѣ эти 123 лица—достойнѣйшіе, лучшіе изъ гражданъ Петербурга,—все же при существующей обстановкѣ выборовъ актъ избранія ихъ будетъ скорѣе походить на механическое шарокладеніе, чѣмъ на осмысленные выборы.

Впрочемъ, самый списокъ весьма характеренъ: въ числѣ 123 лицъ—60 военныхъ, морскихъ, придворныхъ и штатскихъ гене-

раловъ, не считая 16 статскихъ совѣтниковъ, которые, дастъ Богъ, въ теченіе 3 лѣтъ произведутся въ генералы, и только 8 лицъ отставныхъ, изъ коихъ, впрочемъ, только одно—маіорскаго чина, а всѣ остальные—высшаго.

Избави насъ, Боже, отъ неуваженія къ генераламъ и вообще къ служащимъ особамъ, но вѣдь всякій же согласится, что для того, чтобы хорошо вести дѣло, надо серьезно заниматься имъ, надо посвятить ему, исключительно ему, свой трудъ и время. А кто же не знаетъ, что у нашихъ генераловъ и вообще служащихъ особъ недостаетъ времени вѣдать даже лежащія на нихъ государственныя дѣла,—гдѣ же имъ посвящать свой трудъ и время городскому хозяйству!

Значитъ, остается только молить Бога, чтобы въ будущіе выборы, т. е. въ 1864 году, въ кандидатскомъ спискѣ пропорція генераловъ къ людямъ менѣе занятымъ и болѣе независимымъ была выгоднѣе для городского хозяйства.

Письмо М. А. Бакунина Фрику.

Настоящее письмо очень характерно для опредѣленія панславистскихъ идей Бакунина въ 1862 году. Оно является прекраснымъ дополненіемъ его «Воззванія къ славянамъ», прочитаннаго на славянскомъ съѣздѣ (въ Прагѣ) 1848 года и напечатаннаго въ драгомановскомъ изданіи его рѣчей и воззваній.

— —

12 мая 1862 года. Лондонъ.
10. Paddington Green. W.

Милый другъ! Ты изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я передалъ тебѣ мой взглядъ на настоящее положеніе славянъ и сообщилъ письменно о средствѣ освобожденія ихъ отъ всякаго, а особенно отъ нѣмецкаго ига. Вскорѣ въ *лондонскомъ «Колоколѣ»* появится мое сочиненіе объ этомъ предметѣ: родъ воззванія къ славянамъ, въ которомъ я пространнѣе и полнѣе разберу этотъ вопросъ; теперь же я удовольствуюсь общими указаніями.

Со времени Прагскаго конгресса начинается новая жизнь, новая исторія славянъ; только съ 1848 года они поняли и сознали свое европейское значеніе. Но съ тѣхъ поръ они многое утратили. На мѣсто общаго великаго славянскаго движенія, коего душой былъ безсмертный Шафарикъ, а Прага—центромъ большей части славянскаго міра, была препоставлена хотя хитрая и умная, но крайне непрактическая и вредная политика централизаціи, вслѣдствіе чего у васъ большинство оффиціальныхъ лицъ—нѣмцы. Всякая земля за себя, а чортъ за Австрію—вотъ избранная поговорка настоящихъ вашихъ предводителей. Софисты Палацкій и Ригеръ все у васъ перевернули; отравили юность, ложно руководили ее и морочили народъ. Заставили васъ измѣнить идеалу, коимъ столь могущественны были славяне; вмѣсто того внушали вамъ, что ваше единственное спасеніе заключается въ нѣмецкихъ теоріяхъ давно состарѣвшейся и никуда не годной политики. Что вы пріобрѣли? Вамъ измѣнили, васъ продали; вамъ навязали выборное начало, которое есть не что иное, какъ оплеуха, данная историческимъ и національнымъ преданіямъ; и все это потому, что оффиціальное большинство у васъ—нѣмцы. Принявъ патентъ, пославъ вашихъ выборныхъ въ Вѣну, вы этимъ утвердили зависимость Бѣлой Горы и тѣмъ дали восторжествовать

германцамъ надъ славянами. Вы своими собственными руками разорвали послѣднюю нить независимости Богеміи. Не имѣя болѣе исторической опоры, вамъ остается только революція. Какъ пришло несчастіе? Измѣной? Не думаю.

Палацкій и Ригеръ, люди по сердцу хорошіе, ошиблись въ ихъ головахъ, которыя сдѣлались совершенно нѣмецкими. Оба слишкомъ мало надѣются на народъ и слишкомъ много на себя. Самолюбіе и личная гордость ихъ погубила и сдѣлала не только безполезными для отечественнаго и общеславянскаго дѣла, но положительно вредными. Они вообразили себя столь умными, что думали не только обмануть весь свѣтъ, но и Австрію, это гнѣздо исторической лжи. Громадное, живое хотѣли они перевернуть мелкими средствами, а теперь, когда потерпѣли совершенное пораженіе, они не имѣютъ ни великодушія, ни справедливости признаться въ ошибкѣ. Нѣтъ, отъ подобныхъ людей ожидать нечего. Наконецъ, какой представили они вамъ идеалъ? Славянскую Австрію или Австро-Славянскія владѣнія, т. е. грязную чистоту, или чистую грязь, дышащую рабствомъ свободу. Такая дикая мысль могла родиться въ головѣ, превратившейся совершенно въ нѣмецкую голову. Ничье славянское сердце ея не одобритъ, никакая славянская рука не подпишетъ, потому что каждому истинному славянину она отвратительна Вы подумайте о Бѣлой Горѣ и, если желаете, сдѣлайтесь австрайцами. Молодежь въ Прагѣ не имѣетъ болѣе предводителя,— она должна сама себя руководить безъ гордости и самолюбія, потому что гордость и самолюбіе не увеличиваютъ, а уменьшаютъ силу; тѣмъ болѣе, что настоящая молодежь не имѣетъ основанія быть гордой и самолюбивой: она позволяла себя слишкомъ долго обманывать и еще не сдѣлала ничего хорошаго; сознавая свою неопытность, она должна приступить къ дѣлу со смиреніемъ, которое чувствуетъ всякій разумный человѣкъ передъ великимъ событіемъ. Свое право должна она основывать на необходимости этого дѣла,— положивъ всю силу свою, сознавая всю важность онаго безъ пустого самолюбія, но и безъ малодушія.

Я укажу на самый важный пунктъ.

Это—отношеніе молодежи къ народу. Обыкновенно, эти отношенія — высокомѣрныя и правительственно-аристократическія. Въ 1848 и 1849 годахъ мы это замѣтили во всѣхъ нѣмецкихъ студентахъ безъ исключенія; то же самое высказывается теперь въ парижской молодежи: не народъ и пролетаріевъ называетъ она въ своей пѣснѣ «Парижскимъ Львомъ». Эти отношенія крайне ложны и вредны. Несправедливо, чтобы образованное юношество стояло выше народа. Въ народѣ, какъ бы онъ мало образованъ ни былъ, если онъ только живой народъ, таится источникъ жизни, истинная будущность и юношество, какъ бы оно образовано ни было, до тѣхъ поръ живуче и дѣятельно, пока находится въ единеніи съ народомъ; иначе оно засыхаетъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня. Особенно справедливо это относительно славянскихъ юношей и всѣхъ образованныхъ сословій славянскихъ земель. Къ несчастію,

образованіе наше—совсѣмъ не славянское: у васъ оно—нѣмецкое, у насъ—французское. Только народъ остался чисто славянскимъ. Вы, напримѣръ, ненавидите нѣмцевъ, но, по вашему образу мыслей и роду жизни, большинство изъ васъ пропитано насквозь нѣмецкими обычаями. Вы по-настоящему—не что болѣе, какъ онѣмечившіеся славяне, которые во что бы то ни стало и со всей энергіей должны опять сдѣлаться славянами. Кто дастъ къ тому средства? Книгъ нѣтъ, потому что книги—нѣмецкія. Жизнь славянская!? Гдѣ вы находите славянскую жизнь,—только въ вашемъ народѣ? Для того, чтобы не слушаться нѣмецкихъ книгъ, сбросить съ себя это иго, вы должны безотлагательно примкнуть, слиться съ народомъ; потеряться въ немъ съ вашей нѣмецкой мудростью и ученостью. Вы передадите народу самосознаніе, а онъ вамъ дастъ жизнь и элементы чисто славянскіе.—Кто дастъ больше? Разумѣется, народъ. Итакъ, вы должны общаться и сближаться съ народомъ; и особенно съ сельскимъ сословіемъ, какъ съ источникомъ славянской жизни, и не какъ надменные учителя, но какъ смиренные ученики. Когда онъ передастъ вамъ свою львиную силу, тогда вы будете въ правѣ предводить народомъ и сдѣлаетесь вполнѣ сильны для блага своей земли. Когда вы сблизитесь съ вашимъ народомъ, вы увидите, что подвигнуть его можно не узкимъ взглядомъ и мелкими интригами конституціи, но матеріальными выгодами и великими идеалами. Понятія относительно матеріальныхъ выгодъ нужно вливать въ народъ не вдругъ, а постепенно и осторожно. Многое было бы уже своевременно, но въ Богеміи нѣмецкіе дворяне имѣютъ слишкомъ много помѣстій, которыя должны принадлежать народу, и только мѣстному народу. Идеалъ, это—возстановленіе древней славянской свободы, не по мысли русскаго царя, не въ смыслѣ древне-русской гегемоніи и преобладающаго господства, но въ смыслѣ полнѣйшей свободы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерли великіе славяне, Шафарикъ, Ганка и Штуръ, распалось славянское единство, которое они столь высоко цѣнили, и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ духа возстановить его. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли великія славянскія души, все славянское дѣло превратилось въ рядъ недостойныхъ интригъ. Этому должно положить конецъ. Оставьте гг. Палацкаго и Ригера интриговать въ Вѣнѣ, оставьте ихъ въ Прагѣ съ ихъ партіей доигривать потерянную игру въ конституцію: пускай мертвые сами себя погребаютъ; вы, живые, обращайтесь къ живому, серьезному, практическому, и, пока усопшіе занимаются мелкой политикой, вы начинайте большую.

Что должно быть программой и цѣлью вашей дѣятельности?

Разумѣется, *это—возстановленіе славянскихъ владѣній въ полной независимости и свободѣ.*

Вы должны сознаться сами, что положеніе славянскихъ народовъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, сдѣлалось несравнено хуже, чѣмъ было даже въ 184⁸/₉ годахъ. Благодаря мелкой политикѣ вашихъ предводителей со смерти Шафарика и Ганки,

извѣстный союзъ, хотя и мечтательно соединявшій всѣ вѣтви славянскихъ народовъ, онъ, который такъ положительно высказался во время Прагскаго конгресса, почти совершенно уничтоженъ. Каждая земля отчуждена одна отъ другой; каждая преслѣдуетъ свои частныя цѣли; каждая слишкомъ слаба, чтобы самой достигнуть какого-нибудь результата. Несмотря на выраженіе симпатіи, превратившейся въ пустую фразу, Богемія, напримѣръ, не имѣетъ ничего общаго съ другими славянами, ни живого союза съ поляками, румынами, словаками, словенами, сербами, кроатами, далматами; она сама по себѣ и желала бы фокусомъ, придуманнымъ г-мъ Палацкимъ, положеннымъ на ноты г-мъ Ригеромъ и исполненнымъ г-мъ Браунеръ, а особенно графомъ Туномъ, сдѣлаться независимымъ Богемскимъ государствомъ. Что сдѣлали эти господа, мы уже видѣли; никогда не было такъ худо Богемскому королевству, какъ теперь. Долженъ ли я говорить о бѣдныхъ словакахъ въ Венгріи, полякахъ и румынахъ въ Галиціи? Хорваты, сербы, славяне и далматы мучаются для того, чтобы сдѣлаться независимымъ королевствомъ, и пока они думаютъ, что дѣлать, съ ними играютъ, какъ кошка съ мышью. Но, все-таки, они себя показали умнѣй тѣхъ. Они не посылали уполномоченныхъ въ Вѣну. Только турецкіе славяне вспомнили древнюю славянскую доблесть. Сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы сражаются, какъ мужи; и вмѣсто того, чтобы поспѣшить имъ на помощь, что дѣлаютъ умные, осторожные, по-нѣмецки образованные славяне? Этому должно положить конецъ! Всѣ славянскіе народы должны снова уразумѣть, что они могутъ быть сильными только посредствомъ крѣпкаго союза. Союзъ этотъ называется панславизмомъ. Прежде слово это пугало нѣмцевъ, теперь оно страшитъ славянъ, потому что имъ внушили, что панславизмъ, это—порабощеніе всѣхъ славянскихъ племенъ русскому царству. Если-бъ въ самомъ дѣлѣ было такъ, то я первый поспѣшилъ бы объявить себя явнымъ врагомъ панславизма. Русскіе, любящіе свободу, слишкомъ хорошо испытали на себѣ всю низость своего правительства, чтобы защитить васъ отъ него. Правительство это, какъ знаете, имѣетъ въ насъ самыхъ рѣшительныхъ и опасныхъ враговъ. Мы—такіе рѣшительные его враги, что и изъ далека желаніе его распространять свое владычество со всевозможной энергіей стараемся уничтожить внутри нашего отечества. Противъ царско-русскаго панславизма я уже проповѣдывалъ въ 1848 и 49 годахъ. Тогда была еще большая партія какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ славянъ, которые въ казавшемся имъ столь могущественномъ русскомъ царствѣ думали найти освобожденіе отъ нѣмецкаго и турецкаго ига. Это заблужденіе было естественно. Россія была и есть до сихъ поръ одна славянская земля, которая сохранила свою независимость. Россія есть и будетъ большое государство. Къ тому же страданія славянскихъ племенъ подъ нѣмецкимъ и турецкимъ игомъ возбудили въ нихъ непримиримую ненависть, особенно къ нѣмцамъ. Всѣ бросились въ Россію, несмотря на кнутъ и живой примѣръ несчастной Польши.

Царь самъ поддерживалъ заблужденіе, выдавая себя черезъ своихъ агентовъ въ Австріи и Турціи за гуманнаго друга славянъ и возбуждая, и воскрешая надежду въ удрученныхъ сердцахъ славянъ. Это была и остается лицемѣрная игра, потому что русское правительство не хочетъ и не можетъ освободить славянъ. Раздѣленіемъ Польши и необходимостью держать ее въ мертвомъ спокойкойствіи оно привязано къ Австріи и Пруссіи желѣзными цѣпями. Какъ могло русское государство помочь славянамъ? Оно должно было бы объявить войну Австріи и Пруссіи, и, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, оно должно было бы прежде всего освободить Польшу. Пока будетъ существовать на неволѣ основанное и неволей поддерживаемое безобразное русское государство, оно будетъ неизбѣжнымъ врагомъ славянъ, развращая, ослабляя ихъ пропагандою и обѣщаніями, пока не будетъ вынуждено предать ихъ нѣмцамъ. То, что поддерживается кнутомъ, не можетъ дать свободы. Это государство есть не что иное, какъ безобразная, враждебная славянамъ нѣмецко-татарская централизація, навязанная намъ деспотизмомъ Петра Великаго и подавившая немилосердно 60 мил. славянъ самымъ ужаснымъ образомъ. Мы, русскіе, несмотря на нашу кажущуюся независимость, точно такъ же подъ нѣмецкимъ игомъ извнѣ, какъ и внутри. Внутри у насъ проклятое нѣмецкое чиновничество и всепожирающій нѣмецкій канцелярскій порядокъ. Извнѣ мы въ полномъ смыслѣ крѣпостные Пруссіи и Австріи; безъ ихъ позволенія мы не смѣемъ пошевелиться. Пока будетъ существовать эта система и это насиліе централизаціи государства, славянамъ отъ Россіи ожидать нечего; напротивъ, они должны смотрѣть на нее, какъ на злѣйшаго врага. Теперь русское правительство вступило въ новый фазисъ; оно полагаетъ, что въ фазисъ самосохраненія, а мы говоримъ—фазисъ самоуничтоженія. Оно помышляетъ о либеральныхъ реформахъ; мы же ожидаемъ революцію. Система—такая ложная, такъ противонаціональна сама по себѣ, что не способна къ улучшеніямъ, но можетъ быть разрушительна. Нынѣшній государь и желалъ бы сдѣлать кое-что хорошее, но онъ ничего не можетъ: положеніе и необходимость той системы, коей онъ самъ верхушка, сильнѣе его воли. Онъ уничтожаетъ крѣпостное право и стрѣляетъ въ народъ; онъ желалъ бы быть любимымъ поляками, а самъ купается въ польской крови. Онъ охотно объявилъ бы себя врагомъ Австріи, потому что общее національное (народное) чувство русскаго народа, это—ненависть къ заклятому врагу славянъ; онъ желалъ бы показать себя искреннимъ другомъ славянъ, но не можетъ; онъ даже не смѣетъ признать новаго Итальянскаго королевства: Австрія и Пруссія этого не позволяютъ; и потому славяне не должны ожидать отъ него больше, чѣмъ отъ Николая. Его агенты—такіе же измѣнники славянскому дѣлу, какими были агенты его отца.

Опасность не въ этомъ. Со времени Крымской кампаніи и пораженія русскихъ, расположеніе славянъ измѣнилось. Прежде всего ожидали отъ Россіи, теперь не ждутъ ничего. Въ то самое

время, когда австрійскіе и богемскіе славяне не надѣются на россійское правительство, они, кажется, забыли, что у этого правительства есть населеніе до 60-ти милліоновъ душъ славянскаго племени,—надежда, сила и настоящая опора всѣхъ славянъ. Исключивъ эту массу, останется не болѣе 25 милліоновъ славянъ; и это меньшинство не хочетъ ничего знать о большинствѣ. Они не вѣдаютъ, да, кажется, и думаютъ имѣть право не вѣдать, что происходитъ въ этомъ мірѣ 60-ти милліоновъ людей; и они не предчувствуютъ, что въ настоящее время тамъ собирается гроза, настоящая славянская гроза, которая уничтожитъ все нѣмецкое не только внутри государства, но и извнѣ, и даже самое нѣмецко-татарское царство и съ тѣмъ принесетъ славянамъ настоящую свободу. Я повторяю это славянамъ постоянно. Обратите вниманіе,—Россія находися наканунѣ радикальной и громадной революціи, которую когда-либо видѣлъ свѣтъ. И что будетъ по окончаніи революціи? Многое остается тайной, но многое и теперь можемъ предсказать вѣрно, потому что она есть неизбѣжная потребность настоящаго положенія и живетъ въ каждомъ живомъ русскомъ сердцѣ: прежде всего, полное освобожденіе Россійскаго государства, не только освобожденіе Польши, Литвы, Малой и Бѣлой Россіи, но и совершенное уничтоженіе царской бюрократической централизаціи и въ Великой Россіи, землѣ изъ 40 милліоновъ душъ; всякая централизація противна русскому духу. Великая Россія сама по себѣ будетъ федераціей, управляющей своими провинціями, иначе не можетъ быть настоящей свободы. Провинціи, или области—федерація округовъ, и округъ—федерація волостей, а волости—федерація міра (gromada). У насъ будутъ не лица, какъ въ Германіи, но настоящая политическая *монада*, самостоятельная, самоуправляемая и съ свободными выборными, соединяясь въ волости, въ округи, въ области и, наконецъ, составляя союзъ свободныхъ городовъ,—и потому ни тѣни бюрократическаго управленія, централизаціи или царства, а снизу доверху самоуправленіе и полнѣйшая свобода. И тогда мы, 40 милліоновъ великороссовъ, будемъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Польшей, Бѣлой и Малой Россіей, чѣмъ подъ гнетомъ, называемымъ нынѣ Россійскимъ государствомъ; и свободно соединенные между собою, выступимъ мы на освобожденіе васъ отъ всякаго посторонняго владычества; и тогда только возродится настоящая славянская свобода и превратится въ дѣйствительность...

Это называю я панславизмомъ, въ этомъ смыслѣ и были панславистами Шафарикъ, Ганка и Штуръ.—Тотъ, кто съ нами и въ нашемъ смыслѣ не желаетъ быть панславистомъ, тотъ по сердцу не славянинъ. Панславизмъ въ обратномъ смыслѣ есть нѣмцоненависть, потому что нѣмцы—первые, коренные и злѣйшіе притѣснители славянъ,—всѣхъ славянъ. Они пріобрѣли себѣ рыцарскія шпоры угнетеніемъ и даже уничтоженіемъ славянъ; и теперешній нѣмецкій мѣщанинъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы нашимъ рыцаремъ. Они основали свое бытіе, свою силу на славянскихъ

развалинахъ; они навязали славянамъ насильно свое образованіе, намъ крайне противное, какъ смертельный ядъ, какъ заразительную чуму,—и этимъ развратили, раздѣлили, разорвали связь для того, чтобы легче поработить. Они ненавидятъ и презираютъ славянъ, потому что чувствуютъ, что они—отжившіе, а мы полны жизни, ихъ наслѣдники съ будущностью.

Говоря положительно, панславизмъ, это—вѣра и увѣренность великой будущности славянъ; мы, славяне, составляемъ свой собственный міръ; міръ, который тысячу лѣтъ былъ угнетаемъ разными врагами и, все-таки, не былъ уничтоженъ; міръ, который былъ разрываемъ на части посторонними народностями, но, все-таки, соединился подъ одной формой по инстинктивному чувству братства. Святое слово для славянина. Такъ что полякъ и русскій, несмотря на историческую вражду между собою, ближе, чѣмъ каждый изъ нихъ къ англичанину, даже къ французу; оба ненавидятъ нѣмца со всею силою душевной энергіи. Міръ, который они, несмотря на развращеніе и чужое вліяніе, сохранили, и которымъ по своей натурѣ отличаются отъ другихъ племенъ. Братство, преобладаніе деревни надъ городомъ, сельскаго быта надъ городскимъ, всеобщая безразличная любовь къ свободѣ и патріархальное общество. Міръ, который имѣетъ огромные виды, выразится въ Польшѣ, Богеміи, Сербіи и въ Россіи, но до сихъ поръ еще не высказавшійся и сохранившій свое послѣднее слово для приближающейся будущности.

Панславизмъ есть вѣра, что соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, состоящихъ изъ 85 милліоновъ, внесетъ новую цивилизацію, новую живую истинную свободу въ міръ. Кто изъ васъ сомнѣвается въ этомъ?

Славяне, исключая себя, имѣютъ мало друзей и мало союзниковъ. Германія—нашъ естественный врагъ, а Австрійское королевство есть отвратительное исчадіе нѣмецкой жизни.

Кто другъ австрійцамъ, тотъ врагъ нашъ; и враги Австріи— наши друзья. Славянинъ, не желающій совершеннаго уничтоженія Австрійскаго корольвства и находящійся съ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ въ дружбѣ,—не славянинъ.

Англія тоже враждебна славянамъ, какъ единомыслящая. Англія большею частію германскаго происхожденія и имѣетъ инстинктивное отвращеніе къ славянамъ и въ дружбѣ съ нѣмцами. Кромѣ того, интересы англичанъ совершенно противоположны славянскимъ, съ Австріей, исключая Итальянскаго вопроса, открытые друзья Габсбургскаго дома, въ Венгріи другъ мадьярамъ, въ Турціи другъ турецкаго правительства, и когда оно уничтожится, то покажется другомъ грековъ противъ славянъ.

Франція ни другъ, ни врагъ славянамъ,—странно сказать, но, все-таки, справедливо, что французы издавна были народомъ эгоистическимъ, влюбленнымъ въ себя самого, ничего болѣе не чувствующимъ, не понимающимъ и не видящимъ. Революція образовала правила, которыми они воспользовались, чтобы увеличиться

въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда-нибудь; Франція слѣдуетъ этой политикѣ; теперь она управляется безъ всякихъ правилъ. Единственная цѣль,—это удержать царскую власть, и—елико возможно, во что бы то ни стало—царскую династію. Если бы императору французовъ показалось выгоднымъ насадить деспотизмъ въ Европѣ или навязать цѣлому міру папизмъ, онъ непремѣнно сдѣлался бы защитникомъ деспотизма и папизма, и въ французской классической фразеологіи нашлось бы много прекрасныхъ фразъ, чтобы позолотить низость.

Къ счастію, порядокъ вещей въ Европѣ таковъ, что, чтобы удержать власть какъ во Франціи, такъ и извнѣ и желать прикрыть деспотизмъ, столь несовмѣстный съ конституціонными началами, онъ внѣ своего государства поневолѣ долженъ служить революціи. Въ этомъ смыслѣ и по этой причинѣ сдѣлался онъ освободителемъ Италіи. Съ этою же цѣлью выискиваетъ онъ всѣ возможныя хитрыя средства, чтобы удержать ее въ своей зависимости, сдѣлавъ такъ много для ея освобожденія внутренней жизни и силы и столь быстраго развитія. И потому Наполеонъ—опасный другъ, коего помощью слѣдуетъ воспользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно бояться. Его протекція и дружба распространяютъ на ту страну, которой ихъ оказываетъ, хотя сначала и незамѣтный, но впослѣдствіи смертельный ядъ. Къ славянамъ онъ точно такъ же равнодушенъ, какъ къ остальному свѣту; можетъ быть, и совершенно правдоподобно, что въ скоромъ времени ему будетъ полезно подать руку славянамъ, напр., если онъ предприметъ завоеваніе Рейнскихъ провинцій и Бельгіи, что надо ожидать рано или поздно; тогда должно будетъ этимъ воспользоваться, соединившись съ Италіей, мадьярамъ, дать смертельный толчокъ Австріи. Италія—почти единственная натуральная союзница славянъ. О Тріестѣ и Далмаціи у насъ споровъ не возникнетъ; наконецъ, итальянскій Тріестъ можетъ сдѣлаться вольнымъ городомъ; Италія,—только непримиримый врагъ Австріи; Италія, какъ ни стара, гораздо моложе остальныхъ западныхъ народовъ; она имѣетъ въ себѣ залоги живой будущности, которые невольно тянутъ ее къ славянскимъ народамъ. Италія, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, начинаетъ оказывать особенное, исключительное вниманіе славянамъ и имѣетъ серьезное намѣреніе соединиться съ нами; Италія—нашъ единственный другъ въ Европѣ; мы должны подать ей руку. Но для того, чтобы это сдѣлать, мы должны соединиться воедино, потому что Италія не можетъ быть другомъ только Польши или Далмаціи, Кроаціи, Сербіи или Греціи отдѣльно; для нея все это слишкомъ мелко; она можетъ сдѣлаться другомъ только соединеннаго славянскаго государства. Италія можетъ быть призвана играть роль посредника между нами, мадьярами, румынами и греками, съ мадьярами свое дѣло,—они желаютъ Венгерскаго королевства и потому желали бы имѣть венгерскими подданными славянъ и румынъ; пока они—наши враги. Теперь они выказываются и врагами Австріи, потому что они—наши друзья.

Чтó должно быть крѣпче—дружба или вражда? Я думаю, что въ настоящее время—дружба, потому что Австрія, несмотря на пораженія, которыя она потерпѣла въ послѣднее время, на деморализацію и дурные финансы, все-таки гораздо могущественнѣе мадьяръ. Съ мадьярами возможны примиреніе и дружная жизнь славянъ. Они понадобятся тѣмъ болѣе, что невозможно будетъ изгнать или уничтожить народъ изъ 6 милліоновъ. Когда славяне соединятся и въ благородной войнѣ съ общими притѣснителями покажутъ себя дѣятельными, мадьяры увидятъ, что для нихъ выгоднѣе вступить въ мирный союзъ, чѣмъ уничтожать себя несчастными войнами съ славянами. Посредствомъ войны, пролитія крови или безъ этого, мы заключимъ съ ними дружественный союзъ, основанный на одинаковыхъ выгодахъ. Съ Австріей примиреніе невозможно; или она онѣмечитъ славянъ, или сама пойдетъ ко дну. Ея существованіе основано на совершенномъ отверженіи національности въ другихъ народахъ и на деморализаціи всѣхъ подвластныхъ народовъ. Середины нѣтъ. Сами славяне должны придти въ состояніе идіотизма и превратиться [слово не разобрано] или уничтожить Австрійскую монархію, но совершенно уничтожить.

Славяне должны подать руку мадьярамъ; прежде всего, мы должны убѣдить мадьяръ, что Венгерское королевство, о которомъ они мечтаютъ, невозможно и несправедливо, и что единственно національное рѣшеніе вопроса — это Венгерская федеративная республика, съ уравненіемъ правъ мадьяръ, румынъ и славянъ. Такого рода республика можетъ быть зародышемъ гораздо обширнѣйшей федераціи. Но если окажется, что мадьяръ никакимъ способомъ уговорить нельзя, что они могутъ быть убѣждены только тогда, когда славяне будутъ между собой соединены, и не могутъ отказаться отъ своего королевства, то, все-таки, мы должны соединиться съ ними, чтобы побѣдить Австрію, заключить съ ними временный союзъ и, когда они возстанутъ, возстать и намъ съ ними; и прежде всего и отъ всѣхъ смерть Австріи! Австрію совершенно уничтожить. Тогда съ оружіемъ въ рукахъ будемъ дѣлать дѣла съ мадьярами, а потомъ заключимъ съ ними миръ; на нашей сторонѣ право и большинство, когда мы соединены. Мы заключимъ договоръ не съ дипломатизирующимъ и политизирующимъ Венгерскимъ королевствомъ; возможно, что они получатъ уступки изъ Вѣны, немного помирятся съ австрійцами; тогда мадьяры, безъ сомнѣнія—наши враги.

Итакъ, вы видите, что положеніе славянъ очень плохо, потому что мы имѣемъ только одного друга — Италію, и то только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть умъ и силу поддержать единство, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Франція совершенно равнодушна и сомнѣвается въ нашемъ возстановленіи,—готовая поживиться около насъ, если мы окажемся слабыми или глупыми, и служить намъ, если мы покажемъ силу и единство; но это не должно вводить насъ въ заблужденіе, потому что спящая, болтающая раздѣленная Германія возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ, если только узнаетъ о какомъ-либо возстаніи

славянскаго племени. Ничто не можетъ такъ наэлектризовать состарѣвшуюся націю, какъ только ненависть къ славянамъ; ненависть, которая въ послѣдній разъ, я надѣюсь, превратитъ стараго филистера въ воина, и потому мы не должны играть съ этою ненавистью. Ни одно славянское племя отдѣльно къ нему не приросло, но, чтобы одержать побѣду надъ старымъ врагомъ, мы должны непремѣнно соединиться.

Это я называю панславизмомъ. Но чтобы намъ соединиться, мы должны имѣть чистую цѣль. Наша программа очень проста. Мы хотимъ всеобщую славянскую федерацію, основанную на равенствѣ и самоуправленіи племенъ, и возстановленіе полнѣйшей автономіи народа, какъ бы онъ малъ ни былъ.

1) Заключеніе первое. Не должно быть партіально-городской централизаціи; не терпѣть угнетенія одного племени другимъ въ славянскомъ мірѣ. Насчетъ Россіи я высказался уже прежде. Россійское государство должно быть безусловно раздѣлено и федерализовано, и Польша должна отказаться, отъ рутеновъ въ Галиціи, Литвѣ, Бѣлой и Малой Россіи; исключая того, чѣмъ теперь насильственно владѣетъ Россія, она должна быть въ федеративномъ отношеніи къ этимъ землямъ. Историческое право ничего не значитъ: мы его не признаемъ, иначе мы должны будемъ признать права Германіи на Богемію и мадьяровъ надъ славянами въ Венгріи. Мы признаемъ только справедливое настоящее желаніе народовъ, которые имѣютъ полное право управлять собой, какъ имъ заблагоразсудится. Это—наше неизмѣнное рѣшеніе и основаніе.

Во вновь освобожденномъ славянскомъ государствѣ не должно быть ни одной области могущественнѣе другой, и ни одна не имѣетъ права входить въ непосредственные договоры и союзъ съ Германіей (или иностранцами). Свобода и счастіе должны быть правомъ всѣхъ народовъ, но сила должна принадлежать соединенной федераціи.

2) Заключеніе. Единство должно быть только политическое, что же касается до административнаго, юридическаго и экономическаго порядка, то каждый народъ имѣетъ право управлять сообразно своего желанія, и никакое общество, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не имѣетъ права вмѣшательства. Напр., мы, великороссы, удержимъ древнее общинное владѣніе землями. Земля у насъ, какъ воздухъ, какъ вода, также, какъ и лѣса, а въ лѣсахъ дичь, —не должна никому принадлежать отдѣльно, а всѣмъ вообще. Это—наше право, и мы крѣпко его придерживаемся. У васъ же, какъ въ Польшѣ и въ Малой Россіи, то же самое право совершенно измѣнилось нѣмецкимъ вліяніемъ. У васъ личное право землевладѣльца. Вы можете оставить за собой это право, пока желаете. Всякая земля должна жить, какъ ей вздумается. Свобода, полнѣйшая свобода должна быть душой нашего отечества.

3) Заключеніе. Политическое единство между славянскими народами должно быть настоящее, могущественное; къ этому побуждаетъ насъ славянская національность, которая, несмотря на

историческое разнообразіе, внесенное въ ея жизнь, въ основаніи, все-таки, соединена между собою. Еще разъ замѣчу, что у насъ, славянъ, слова: братъ и братство—имѣютъ гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Оттого все враждебное, чуждое должно быть исключено, по общинному духу славянъ. Потому оно должно имѣть общія условія, безъ которыхъ не можетъ существовать истинная свобода и не можетъ быть единства. Къ этому условію должно принадлежать уничтоженіе мѣстной централизаціи, бюрократіи, сословное различіе и пролетаріатъ, какъ главный источникъ неволи. Всякій славянинъ долженъ на славянской землѣ находить средства къ жизни.

Въ заключеніе. Часъ освобожденія славянъ близокъ. Всѣ славяне должны приготовиться. Кто знаетъ, откуда придетъ гроза? Изъ Франціи, Польши или самой Австріи? или изъ Россіи? Но мы должны быть готовы встрѣтить ее и воспользоваться ею.

Мы должны понять другъ друга, устроиться. Мы должны покрыть славянскихъ братьевъ сѣтью тайныхъ обществъ. А эти тайныя общества должны вмѣщать въ себя все живое, развитое, энергическое и все, что̀ чувствуетъ, думаетъ и желаетъ чисто по-славянски. Послѣ должно всѣ эти тайныя общества соединить воедино, привести въ движеніе въ одно время съ движеніемъ въ Италіи Польшѣ и Россіи.

Такъ какъ ты полагаешь, что я могу быть полезнымъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, я готовъ сдѣлать все, что̀ могу, чтобы служить ему,—такъ какъ всю жизнь свою положилъ на него.

Бакунинъ.

P. S. Ты говорилъ мнѣ о мѣстномъ легіонѣ подъ предводительствомъ Гарибальди. Мысль очень хорошая, и ее можно и должно исполнить. Также было бы хорошо, если не лучше, послать подобные легіоны для поддержки и помощи нашимъ славянскимъ братьямъ, сражающимся въ Турціи для пользы нашего общаго дѣла.

Извини мнѣ мой ужасный нѣмецкій языкъ; я—славянинъ, не нѣмецъ, и то малое, что̀ я зналъ по-нѣмецки, забылъ въ разныхъ крѣпостяхъ и Сибири.

Статья Н. А. Серно-Соловьевича «Не требуетъ ли нынѣшнее состояніе знаній новой науки?»

Когда человѣческая мысль потребовала полной ликвидаціи средневѣковыхъ заблужденій и глубочайшаго отупѣнія европейскихъ народовъ, это новое стремленіе было встрѣчено общимъ враждебнымъ недовѣріемъ и клеветой. Люди, потребовавшіе отчета отъ старыхъ рутинныхъ понятій и осудившіе ихъ на вѣчную неподвижность, провозглашены были людьми опасными, нарушителями общественнаго спокойствія. Ихъ преслѣдовала инквизиція и папская власть, ихъ смиряли костромъ и тюрьмой, надъ ними составлялись торжественные суды и производились еще болѣе торжественныя казни. Но, благодаря именно этимъ гоненіямъ, смѣлость человѣческаго генія возрастала и съ упорствомъ шла навстрѣчу всѣмъ препятствіямъ. Чѣмъ сильнѣе было, съ одной стороны, давленіе на такихъ мыслителей, какъ Галилей, и на такихъ фанатиковъ, какъ Саванаролла и старые германскіе реформаторы, тѣмъ, съ другой стороны, было сдѣлано больше усилій преодолѣть эту косную и угнетающую силу. По общему механическому закону, оппозиція увеличивалась по мѣрѣ того, какъ противодѣйствовало ей матеріальное насиліе.

Въ наше время понято, что употреблять подобныя мѣры противъ прогресса идей—совершенно безполезно, и потому только самое грубое невѣжество еще разсчитываетъ на такія мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ понятно и то, что истинная двигающая сила, устремленная къ обновленію человѣческой жизни, заключается не въ одномъ знаніи, а въ той совокупной дѣятельности всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, которые составляютъ современную цивилизацію. Знаніе, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, указываетъ только на болѣе вѣрныя и ближайшія средства для достиженія извѣстныхъ реформъ, подвигающихъ человѣчество впередъ. Знаніемъ можно пользоваться различно, и, смотря по тому, кто имъ пользуется, оно можетъ быть дѣйствительнымъ благодѣяніемъ или дѣйствительнымъ зломъ. Я убѣжденъ, напримѣръ, что абстрактная философія въ рукахъ обскурантовъ была величайшимъ орудіемъ для угнетенія европейскаго ума... Недаромъ Наполеонъ I покровительствовалъ идеологамъ и поощрялъ ихъ занятія. Онъ очень хорошо зналъ, что пока люди будутъ оставаться въ отвлеченныхъ

сферахъ мышленія, подъ носомъ у нихъ можно совершать все, что угодно, не нарушая ни паразитнаго спокойствія ихъ, не возбуждая и негодованія въ ихъ холодномъ, филистерскомъ сердцѣ.

Теперь для самаго недалекаго наблюдателя становится ясно, что такое знаніе положительно хуже всякаго незнанія. Если наука стоитъ въ борьбѣ съ дѣйствительными интересами человѣка и общественной его жизни, то она безъ особеннаго огорченія для насъ можетъ отойти въ область почтеннаго и никому не нужнаго археологическаго мусора. Чтб, напримѣръ, могло произойти путнаго отъ такой науки, какъ геральдика? А между тѣмъ человѣкъ ухитрился и эту дребедень возвести на степень систематическаго и спеціальнаго изученія. А мало ли придумано подобныхъ наукъ, или, вѣрнѣе, много ли въ нашемъ обладаніи такихъ знаній, которыхъ результаты имѣли бы въ виду строго-реальную сторону человѣческихъ обществъ? Вотъ почему и въ наше время наступаетъ необходимость ликвидировать болѣе половины недвижимыхъ имуществъ человѣческаго ума и замѣнить ихъ движимыми и живыми пріобрѣтеніями.

На каждый вѣкъ и на каждое мыслящее поколѣніе приходилось по своей задачѣ. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы пересмотрѣть, объяснить и привести въ общее сознаніе идею общественной жизни, измѣнивъ ея условія, насколько они полезны общечеловѣческому благосостоянію. Поэтому возникаетъ потребность въ новой, по преимуществу *наукѣ общественной*. Какова бы ни была судьба ея впослѣдствіи, но она станетъ во главѣ всего умственнаго движенія и будетъ управлять ходомъ міровыхъ событій. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что средневѣковая схоластика не воротится назадъ и не вытѣснитъ собою новыхъ понятій, завоеванныхъ на ея полусгнившемъ трупѣ. Попытки создать общественную науку, съ ея всемірнымъ и чисто-практическимъ значеніемъ, уже давно начинаютъ проявляться; съ этою цѣлью составляются ученые конгрессы, съѣзды; обмѣнъ идей и наблюденій становится быстрѣе и шире, но все это только однѣ попытки, которыя даютъ чувствовать, что потребность въ новомъ знаніи дѣйствительно существуетъ. Потребность же эта вызывается измѣненіемъ общечеловѣческихъ отношеній, для которыхъ старыя понятія дѣлаются неудовлетворительными, и потому обновленіе научныхъ началъ, методовъ и пріема наблюденій, пересмотръ и дополненіе прежнихъ выводовъ существенно необходимы. Благодаря тому, что современное естествознаніе сумѣло стать вразрѣзъ со старыми рутинными пріемами научнаго изслѣдованія и разорвало всякую связь съ метафизическими пошлостями, оно привлекло на свою сторону самые энергическіе умы и стало лучше другихъ наукъ удовлетворять требованіямъ настоящаго поколѣнія. Я не сомнѣваюсь, что естественныя науки въ будущемъ развитіи человѣчества займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ, но напрасно думаетъ наша молодежь, что на этомъ должна остановиться работа современнаго мыслящаго человѣка. Если естествознаніе ограничится

одними научными выводами, не имѣя въ виду общественныхъ вопросовъ,—оно попадетъ въ ту же филистерскую колею, въ какую попала и отвлеченная философія. Вотъ почему, мнѣ кажется, между общественной наукой и естествознаніемъ долженъ произойти—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—обмѣнъ главныхъ силъ ихъ, т. е. одна можетъ позаимствоваться у другого превосходнымъ методомъ и дать ему, въ свою очередь, превосходныя стремленія...

Главный недостатокъ общественной науки заключается именно въ отсутствіи правильнаго метода и той массы фактовъ, которые необходимы для окончательной постройки ея. Самое точное изъ общественныхъ знаній, *статистика*, далеко еще не располагаетъ средствомъ, нужнымъ для удовлетворенія громадныхъ требованій, предъявляемыхъ новыми общественными условіями. Статистическія данныя необходимы для удовлетворительнаго рѣшенія важнѣйшихъ *политико-экономическихъ и финансовыхъ* вопросовъ и, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы облегчить рѣшеніе многихъ антропологическихъ задачъ. Но, какъ ни драгоцѣнны заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей этой науки, она далека еще отъ положительныхъ результатовъ; привести ее въ такое положеніе—трудъ, превышающій силы самыхъ даровитыхъ и энергическихъ личностей, отдѣльно взятыхъ. Сравнительная статистика еще, можно сказать, въ зародышномъ состояніи. По мѣрѣ ея развитія, съ одной стороны все рельефнѣе обрисовывается ея польза, съ другой—оказывается, какъ неудовлетворительна полнота ея, при которой она могла бы получить все свое законное практическое вліяніе. *Соціальная экономія* успѣла въ новѣйшее время облегчить нѣкоторыя изъ золъ, причиненныхъ меркантильною теоріею, и пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Но едва ли можно ожидать, чтобы она имѣла прочныя основы. Большая часть ея обширной области—еще terra incognita. Она не можетъ указать почти ни одного, окончательно и со всѣхъ сторонъ рѣшеннаго, ни одного безспорнаго вопроса. Тѣ немногія *общія* истины, которыми она можетъ похвалиться (напр., что всякая свободная дѣятельность выгоднѣе несвободной) были скорѣе *угаданы*, чѣмъ *доказаны* геніальными мыслителями. Только по мѣрѣ практическаго приложенія этихъ истинъ накопляются доказательства въ ихъ пользу. Потому-то онѣ и примѣняются такъ медленно. Несмотря на осязательность доводовъ, противники все еще имѣютъ возможность противополагать имъ тѣ или другіе невыясненные факты, и такимъ образомъ спутывать понятія. Но такихъ общихъ и въ высшей степени важныхъ истинъ соціальная экономія можетъ выставить весьма немного,—можетъ быть, двѣ-три, и притомъ даже онѣ не вполнѣ сформированы въ точные законы, потому что изъ нихъ сами экономисты подчасъ допускаютъ изъятія. Затѣмъ, даже важнѣйшіе вопросы любимыхъ отдѣловъ экономистовъ—производство и потребленіе—не рѣшены окончательно,—въ чемъ нетрудно убѣдиться, сличивъ любыхъ два или три политико-экономическихъ трактата. Что касается вопросовъ распредѣленія богатства, то, даже до настоящаго времени, люди, вникающіе въ нихъ съ надле-

жащею смѣлостью и глубиною, внушаютъ страхъ и недовѣріе большинству экономистовъ. Наконецъ, извѣстно всякому, занимавшемуся этою наукою, что самая терминологія ея, часто смѣшивающая подъ тѣмъ же словомъ разнородныя понятія, представляетъ на каждомъ шагу самыя серьезныя затрудненія. При ближайшей повѣркѣ оказывается, что самые сильные мыслители, работавшіе надъ этой наукой, не всегда преодолѣвали эти затрудненія.—Но и тутъ опять надо сказать, что, при всемъ добромъ желаніи экономистовъ, едва ли имъ удастся двинуть впередъ свою науку, пока они не будутъ имѣть несравненно бо́льшую массу матеріаловъ для своихъ выводовъ. Вся логика безспорно первоклассныхъ современныхъ мыслителей, стоящихъ во главѣ различныхъ экономическихъ школъ, не можетъ пополнить пробѣловъ, производимыхъ недостаткомъ надлежащаго количества фактовъ. Подобно всѣмъ органическимъ законамъ, управляющимъ жизнью, экономическіе законы вѣрнѣе всего могутъ быть открыты рядомъ наблюденій. Конечно, иногда можетъ удаваться открыть ихъ и апріорически,—только и тутъ, какъ вообще, гораздо больше шансовъ *противъ*, чѣмъ *за*. Это вполнѣ подтверждается медленными успѣхами науки со времени Адама Смита, несмотря на большое количество появившихся трактатовъ. При такомъ состояніи политической экономіи, чисто-*финансовые* вопросы сводятся на трескотню фразъ, до того избитыхъ, что жизнь и теорія не имѣютъ никакой надобности справляться другъ съ другомъ.

Это, какъ нельзя лучше, выяснилось, между прочимъ, лозаннскимъ международнымъ конгрессомъ о налогахъ (1860 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и безпомощность науки. Конгрессъ превосходно выполнилъ критическую часть своей задачи, доказавъ нераціональность всѣхъ существующихъ налоговъ. Но онъ не могъ согласиться относительно какой-нибудь новой системы. Большинство составилось посредствомъ компромисса между двумя мнѣніями, какъ будто бы дѣло шло о торжествѣ политической партіи. Наконецъ, въ самыхъ заключеніяхъ этого коалиціоннаго большинства высказалось недовольство противъ слабыхъ политико-экономическихъ познаній публики, недовольство, которое въ данномъ случаѣ справедливо было бы направить противъ недостатка положительныхъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи самой политической экономіи.

Обращаясь къ сферѣ юридическихъ наукъ, найдемъ то же самое. *Международное право* гораздо сильнѣе, въ настоящую минуту, практическими представителями, чѣмъ теоретическими. Вопросы, стоящіе въ немъ на очереди, рѣшаются обыкновенно съ плеча, посредствомъ условленныхъ дипломатическихъ пріемовъ, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительными интересами народовъ. *Криминалисты* до сихъ поръ еще не покидаютъ усердныхъ, но безплодныхъ попытокъ создать удовлетворительную уголовную теорію; а между тѣмъ правительства продолжаютъ свои репрессаліи, не вдаваясь въ разборъ юридическихъ тонкостей о разумности и справедливости наказаній. Усилія почтенныхъ дѣятелей науки ясно

доказываютъ необходимость реформъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ сомнѣваться, чтобы ихъ наука достигла существенныхъ результатовъ, пока не оставитъ своей метафизической почвы и не станетъ на болѣе прочныя опоры. Въ то время, какъ криминалисты тщетно придумываютъ философское оправданіе установленію, быть можетъ, и неизбѣжному при устарѣлыхъ соціальныхъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ глубоко-оскорбительному для человѣчества по своему значенію, глубоко-возмутительному по своимъ непосредственнымъ результатамъ, установленію, дающему людямъ на выборъ дилемму безнадежной испорченности или безконечной глупости,—втихомолку, почти незамѣтно для массъ, совершается одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій новой цивилизаціи. Подъ это установленіе, подъ самыя основы патронирующей его науки подкапываются изслѣдованія, повидимому, совершенно чуждыя ему. Естественныя науки, укладывая метафизику въ архивъ ненужнаго хлама, колеблютъ въ самыхъ основахъ нынѣшнія уголовныя теоріи.—Столь же сильно колеблетъ цивилизація, во всѣхъ ея формахъ, старинныя *гражданскія* отношенія, покоящіяся на пресловутомъ юстиньяновскомъ кодексѣ... Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, чисто-юридическаго характера, уже преобразованы практически у многихъ народовъ. Въ короткое время они успѣли дать такую громадную массу данныхъ въ пользу этихъ новыхъ формъ, что въ сферѣ гражданскаго права сомнѣнія и споры о нихъ сдѣлаются положительно невозможными, какъ скоро эти результаты будутъ тщательно подобраны и приведены въ систему. Напротивъ, всѣ вопросы гражданскаго права, касающіеся экономическихъ отношеній, принадлежатъ къ величайшимъ изъ спорныхъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество, и для научнаго разъясненія ихъ имѣется еще чрезвычайно мало фактовъ.

Тѣ же мысли можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ. Такъ, напримѣръ, упреки, сдѣланные *исторіи* незабвеннымъ, такъ рано похищеннымъ у человѣчества авторомъ «Исторіи цивилизаціи Англіи», безусловно справедливы. Но. опять-таки, нельзя не сказать, что вполнѣ основательныя его требованія рѣшительно невыполнимы, по отсутствію собранныхъ данныхъ. Его собственный примѣръ доказалъ, что попытка написать исторію даже одной страны—какъ онъ понималъ это дѣло—требуетъ усилій, слишкомъ несоразмѣрныхъ съ настоящими условіями знанія. А геройское самопожертвованіе каждаго отдѣльнаго мыслителя, подобнаго ему, составляетъ для человѣчества слишкомъ чувствительную утрату. О другихъ наукахъ не буду упоминать, чтобъ не увеличивать размѣровъ статьи: приведенныхъ положеній достаточно для уясненія моей главной идеи. А идея эта состоитъ въ томъ, что въ настоящее время понятія и отношенія измѣняются такъ быстро, а возникающія изъ нихъ требованія становятся такъ велики, что общественная наука не въ состояніи удовлетворить имъ при своихъ нынѣшнихъ средствахъ. Отъ нея требуютъ законовъ, управляющихъ жизнью,—а она должна еще заниматься черною

работою собиранія матеріаловъ, безъ которыхъ нельзя вывести ни одного положенія. Весь матеріалъ, накопленный прежними поколѣніями, оказывается недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ. Его приходится собирать по зернышкамъ изъ огромныхъ кучъ разнаго негоднаго старья, очевидно затрудняющаго и замедляющаго работу. Причиною этого, конечно, коренное измѣненіе понятій. То, чему прежнія поколѣнія придавали первостепенное значеніе, считается нынѣшними совершенно нехорошимъ. И потому въ подонкахъ старыхъ обществъ искать чего-нибудь поучительнаго нѣтъ никакой надобности, развѣ только необходимо уловить нить явленія, напримѣръ, такого, какъ пауперизмъ и рабство, котораго корни лежатъ въ безобразныхъ массахъ исторической ломки, происходившей въ организаціи человѣческихъ отношеній. Ясно, что, при подобной разницѣ воззрѣній, прежнее время не могло приготовить матеріаловъ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, насъ занимающихъ. Это—одно. Другое не менѣе важное обстоятельство—въ томъ, что территоріальныя разграниченія, которыхъ держались въ большей части научныхъ вопросовъ, оказываются слишкомъ тѣсными; законы, управляющіе обществами, не могутъ быть выведены изъ наблюденій надъ отдѣльными частицами обществъ. А между тѣмъ общественная наука, хотя и пробовала прилагать къ нѣкоторымъ изъ занимающихъ ихъ вопросовъ сравнительный методъ, пользуясь данными, доставляемыми различными націями, но никогда не примѣняла его въ надлежащей полнотѣ; большею частью она ограничивалась данными отрывочными, часто не разобранными критически. Даже статистика, самая точная изъ общественныхъ наукъ, а потому дѣйствующая успѣшнѣе другихъ, не даетъ матеріаловъ для рѣшенія многихъ общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на первый планъ развивающеюся цивилизаціею,—каковы, напримѣръ, вопросы о распредѣленіи богатства, о законахъ рожденія и смертности, прибыли и убыли народонаселенія.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на солидарность, возрастающую между науками по мѣрѣ ихъ развитія. Чѣмъ очевиднѣе становится ихъ значеніе для современныхъ обществъ, тѣмъ сильнѣе онѣ должны опираться одна на другую. Экономисту, историку становится рѣшительно невозможно продолжать своихъ изслѣдованій безъ знанія, по крайней мѣрѣ, главныхъ положеній естественныхъ наукъ. Въ свою очередь, ихъ науки могли бы значительно облегчить трудное дѣло естествоиспытателей, открывая законы, управляющіе обществами, или, по крайней мѣрѣ, доставляя осмысленные факты и достовѣрныя данныя. Взаимное содѣйствіе каждой изъ этихъ наукъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не только полезно, а положительно необходимо, но по мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ принимаетъ правильную форму, становится ясно, что ему недостаетъ центра.

Созданіе такой центральной и верховной науки было бы важно во всѣхъ отношеніяхъ. Ея содержаніе опредѣляется само собою, когда присматриваешься къ современному направленію и содержа-

нію всѣхъ наукъ вообще. Отвлеченныя теоріи такъ изолгались и опошлѣли, даже въ глазахъ ихъ лучшихъ представителей, что имъ никогда уже не поправить своего рухнувшаго кредита. Научныя изслѣдованія преимущественно имѣютъ въ виду живое общество, со всѣми нуждами и потребностями. Между тѣмъ, нѣтъ науки, которая бы занималась этимъ предметомъ въ его полномъ объемѣ, въ его многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ. Нѣтъ науки, которая изучала бы современный организмъ живущихъ обществъ въ такой полнотѣ, въ какой мы желаемъ узнать его у отжившихъ обществъ, изучая исторію. Множество наукъ знакомятъ насъ съ его различными частями, но его общій видъ остается внѣ изслѣдованія. Удивительно ли, что исторіи не удается возстановить его вполнѣ за прежнее время? Можетъ ли быть вполнѣ плодотворно изученіе частей, когда цѣлое остается неизвѣстнымъ? Да и можетъ ли при такомъ условіи это частичное изученіе быть вполнѣ удовлетворительнымъ? Физіологія и теперь не можетъ похвалиться слишкомъ большими успѣхами,—но что было бы съ нею, если бы она распалась на науку о мозгѣ, науку о сердцѣ, науку о желудкѣ, и затѣмъ забыла бы, что совокупная дѣятельность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ образуетъ живой организмъ? Одна такая мысль возбуждаетъ улыбку. Развѣ не менѣе странно, что общественныя науки, изучая различныя части общественнаго организма, оставляютъ безъ вниманія самый организмъ, самое общество, въ которомъ проявляется совокупная дѣятельность этихъ частей? Мысль нѣмецкихъ ученыхъ, желавшихъ имѣть въ статистикѣ «остановившуюся исторію» или «покоящуюся дѣйствительность», была вѣрна въ томъ смыслѣ, что подобная наука дѣйствительно необходима. Но они ошибались, желая обратить въ такую науку статистику, имѣющую свой спеціальный кругъ изслѣдованій, въ который нѣтъ возможности умѣстить всѣхъ соціальныхъ вопросовъ.

Все это приводитъ къ той мысли, что нынѣшнее развитіе знаній требуетъ новой науки, *науки объ обществѣ* (соціологіи). Она должна обнимать очеркъ положенія и размѣровъ внѣшняго вида страны, ея соціальный характеръ, т. е. все, могущее дать понятіе о важнѣйшихъ моментахъ общества: развитіе городской и сельской, мѣстной или центральной жизни,—значитъ, характеръ городовъ и селъ, удобства сообщеній, торговые и промышленные центры, дѣленіе народа на сословія или касты (политическое и юридическое дѣленіе); экономическое дѣленіе по занятіямъ; численныя отношенія классовъ; внутреннія числовыя отношенія по полу и возрасту; равновѣсіе половыхъ отношеній и политическая равноправность мужчинъ и женщинъ; внутренній общественный бытъ: нравы, обычаи, предразсудки, одежду и т. д.; размѣры, характеръ производствъ и рабочую плату; валовой доходъ и падающіе на него налоги; способы взиманія и употребленія ихъ (не съ финансовой, а съ соціальной точки зрѣнія); правительственную организацію, образованіе и средства распространенія его въ массѣ; характеръ преступленій и наказаній; степень образованія и экономическое состояніе преступниковъ.

Тому, кто не вникаетъ въ сущность дѣла, подобная наука можетъ, съ перваго взгляда, показаться утопіей или компиляціей данныхъ изъ всѣхъ другихъ наукъ. Но человѣкъ мыслящій, конечно не сдѣлаетъ подобнаго возраженія. Безспорно, каждая изъ современныхъ наукъ должна будетъ доставить данныя для соціологіи. Но въ ней всѣ эти разрозненныя части получатъ видъ цѣлаго общественнаго организма. Говоря иносказательно, соціологъ дастъ имъ душу, вдохнетъ въ нихъ геній. Онъ будетъ относиться къ географу, статистику, юристу, политико-эконому почти такъ же, какъ физіологъ къ анатому. Онъ представитъ географическія мѣстности, населенныя живыми людьми, съ ихъ нравами, обычаями, предразсудками, вѣрованіями, добродѣтелями, пороками,—словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что разсудокъ такъ часто совѣтуетъ презирать и ненавидѣть, а сердце не можетъ перестать любить. Онъ оживитъ цифры, раскрывъ ихъ дѣйствительный смыслъ, разсказавъ ихъ тайную, неотразимую и ужасную силу, приподнявъ ихъ покровъ, скрывающій песчинки наслажденій и горы страданій и мукъ. Онъ сниметъ съ подложныхъ истинъ и общепринятыхъ кумировъ лучезарный ореолъ правды, ослѣпляющій человѣчество, и заставитъ внимательно разсмотрѣть ихъ. Словомъ, онъ потребуетъ полной ликвидаціи отжившихъ понятій и принятія новыхъ, имѣющихъ дѣйствительную цѣнность. Данныя, составляемыя другими науками, будутъ для него большею частью только сырымъ матеріаломъ. Ему придется приводить ихъ въ систему, группировать, дополнять, провѣрять, выводить ихъ причины и послѣдствія. Но несравненно бо́льшую массу матеріала доставятъ ему непосредственныя наблюденія надъ общественной жизнью, свои и чужія. Тысячи житейскихъ подробностей, ускользающихъ отъ другихъ наукъ или пренебрегаемыхъ ими, какъ мелочи, пустяки,—найдутъ себѣ мѣсто у него, какъ истинныя сокровища. Помощью ихъ онъ, можетъ быть, уяснитъ людямъ, что въ жизни обществъ, какъ въ природѣ, нельзя провести черты между великимъ и малымъ, ничтожнымъ и важнымъ!

На трудъ этотъ, конечно, потратится много силъ и времени, прежде чѣмъ достигнутся удовлетворительные результаты, но тутъ каждая минута труда и каждая капля потраченной силы будутъ имѣть полнѣйшее примѣненіе къ благосостоянію людей—этой первой и главной задачѣ человѣческой дѣятельности. Для насъ русскихъ, этотъ трудъ тѣмъ легче, что за нами нѣтъ такихъ преданій, съ которыми бы стоило вести напряженную борьбу, а передъ нами еще такъ много нетронутыхъ вопросовъ, что разрѣшеніе ихъ, благодаря развитію общественной науки, приметъ болѣе правильный и короткій путь.

Весьма вѣроятно, что при достаточномъ развитіи общественной науки вліяніе ея на сродныя ей науки обнаружится особенно сильно въ двухъ отношеніяхъ: излагая результаты наблюденій и выводя заключенія изъ сравненія цѣлаго ряда наблюденій, она будетъ наукою строго-опытною. Весьма вѣроятно, что она укажетъ возможность, сроднымъ ей наукамъ, усвоить себѣ сравнительный

методъ. Это сильно помогло бы ихъ развитію. Апріорическій и гипотетическій методы, которыхъ держится большая часть изъ нихъ, имѣютъ неоспоримыя достоинства; но употребляемые отдѣльно, безъ контроля болѣе точныхъ методовъ, они имѣютъ бросающіеся въ глаза недостатки: они обыкновенно приводятъ къ предвзятымъ результатамъ и не исключаютъ возможности одному гадательному предположенію противопоставить другое. Потому-то многія общественныя и всѣ философскія науки и представляютъ такое множество разнорѣчивыхъ системъ, не приводящихъ къ положительнымъ результатамъ и даже не обѣщающихъ ихъ въ далекомъ будущемъ. Только усвоивъ себѣ точные методы, могутъ онѣ надѣяться разъяснить мало-по-малу хаосъ мнѣній и понятій.—Во-вторыхъ, можно надѣяться, что соціологія ускорила бы реформу въ самомъ содержаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ наукъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ яснѣе люди будутъ понимать составъ обществъ и условія жизни большинства, тѣмъ быстрѣе будутъ измѣняться ихъ нынѣшнія понятія. Очень можетъ случиться, что правильное и подробное сравненіе быта, привычекъ, понятій, образованныхъ и необразованныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, трудящихся и привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ заставитъ измѣнить многіе изъ обиходныхъ взглядовъ о племенныхъ преимуществахъ, народныхъ свойствахъ, врожденныхъ понятіяхъ, различныхъ экономическихъ явленіяхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, измѣнятся ли эти взгляды, или укрѣпятся, ихъ можно будетъ провѣрить обширнымъ сравненіемъ, при которомъ будетъ видна вся обстановка основныхъ фактовъ. Если статистика успѣла въ короткое время бросить свѣтъ на нѣкоторые общественные и нравственные вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ отвлеченное мышленіе напрасно трудилось цѣлые вѣка, то общественная наука, вѣроятно, будетъ дѣйствовать еще успѣшнѣе въ томъ же смыслѣ: при одинаково точномъ методѣ она обниметъ не только большее количество явленій, но обниметъ ихъ полнѣе, многостороннѣе.

Пришлось бы написать очень много страницъ, чтобы перечислить всѣ выгоды, которыя могла бы доставить соціологія. Но ихъ сразу оцѣнитъ всякій, кто вникнетъ въ значеніе двухъ приведенныхъ предположеній. Къ нимъ надо развѣ прибавить нѣсколько соображеній, относящихся, такъ сказать, до экономіи знаній. Громадное количество соціологическаго матеріала разсѣяно въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, иногда научнаго, чаще чисто-литературнаго содержанія. Для развитія знаній онъ незамѣтно приноситъ свою пользу, и въ этомъ видѣ. Но пока его не соберутъ въ одно цѣлое, онъ вовсе не служитъ къ изученію и открытію исторіи общихъ законовъ. Часть его попадаетъ въ разныя науки, гдѣ приводится въ подкрѣпленіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ, часто опровергающихъ другъ друга положеній; но еще больше пропадаетъ безслѣдно. Какое множество наблюдательныхъ умовъ упражняетъ свои силы въ писаніи повѣстей и романовъ. Не спорю, многіе изъ нихъ имѣютъ весьма важное, даже общечеловѣческое значеніе.

Но смотря на предметъ съ точки зрѣнія экономиста, невольно придаешь вопросу такой оборотъ: слѣдуетъ ли радоваться обществу, имѣющему вдоволь необработанной земли и нуждающемуся въ хлѣбѣ, когда лучшіе работники обращаются къ кондитерскому производству? Громадная масса наблюдательной силы, искажаемая теперь вымысломъ и идущая въ этомъ видѣ на увеселенія досуговъ праздныхъ людей, могла бы послужить въ общественной наукѣ къ уясненію вопросовъ, важныхъ для всего человѣчества. Очевидно также, какое громадное количество труда сберегла бы наука будущимъ поколѣніямъ.

Не думаю, чтобъ было нужно долѣе настаивать на общечеловѣческомъ значеніи и пользѣ общественной науки. Трудно, чтобы ее сталъ оспаривать свѣдущій и образованный человѣкъ. Главный вопросъ въ томъ, какъ создать эту науку? Очевидно, громадность труда требуетъ совокупныхъ усилій весьма значительнаго числа лицъ. Отъ каждой страны и отъ каждой мѣстности въ странѣ потребуется много дѣятелей и разнородныхъ спеціальныхъ познаній. Поэтому, новѣйшая мысль объ основаніи ученыхъ обществъ, съѣздовъ и о постоянномъ обмѣнѣ идей всего лучше примѣняется къ разработкѣ общественной науки.

Я вполнѣ сознаю, что было бы и приличнѣе, и дѣйствительнѣе, если бы заявленіе этой мысли сопровождалось хорошимъ соціальнымъ сочиненіемъ, хотя бы по одной мѣстности. Къ несчастью, хорошія мысли слишкомъ часто приходятъ людямъ, не имѣющимъ никакой возможности осуществить ихъ. А кто имѣетъ эту возможность, тому я могу предсказать и успѣхъ, и наслажденіе свѣжаго и благотворнаго труда. Вотъ почему я обращаюсь къ молодому поколѣнію и указываю ему превосходный исходъ его умственнаго непотизма и шатанія отъ одной идеи къ другой... Облегчить людямъ ихъ будущія страданія должно быть большимъ наслажденіемъ, но облегчить ихъ силой ума и науки есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшій подвигъ.

Если до сихъ поръ не создалась общественная наука, то это только доказываетъ, что люди предшествовавшихъ поколѣній не вполнѣ сознавали солидарность, связывающую все человѣчество, не вполнѣ понимали, что его существованіе управляется извѣстными законами. Нынѣшнія поколѣнія доразвились до такого пониманія, благодаря массѣ накопленныхъ знаній, и потому они могутъ создать эту науку.

———

Отвѣтъ «Великоруссу».

Авторъ «отвѣта» неизвѣстенъ. Нѣкоторые называютъ имя М. И. Михайлова, но не приводятъ для этого сколько-нибудь достаточныхъ доказательствъ.

«Колоколъ» сопроводилъ «отвѣтъ» такимъ заявленіемъ: «Статью эту мы получили изъ Россіи съ настоятельной просьбой помѣстить ее. Если мы и не совершенно согласны въ частностяхъ и формѣ, то все же отъ души привѣтствуемъ этотъ живой призывъ на живое дѣло. Мы давно думали о необходимости органическаго сосредоточенія силъ, но считали, что не отъ насъ должна выйти иниціатива, *не изъ-за-границы, а изъ самой Россіи»* [1]).

Затѣмъ шелъ и самый «отвѣтъ», имѣющій, по-моему, очень серьезное значеніе. Онъ указалъ на главную ошибку «Великорусса», возлагавшаго всѣ свои надежды на безформенное, аморфное, но, въ сущности, все еще дворянское *общество,* не дѣлая необходимаго отдѣленія интересовъ этого послѣдняго отъ интересовъ *народа.*

Какимъ бы чувствомъ ни внушена мысль «Великорусса», мы привѣтствуемъ ее горячимъ сочувствіемъ. Дѣло ли это юношескаго пыла, возмущающаго чистыя, неиспорченныя еще житейскою ложью натуры и увлекающаго на бой, несоразмѣрный силамъ, или же сознательно непримиримой ненависти къ позорному порядку, растлѣвающему Россію, ненависти, разсчитывающей шансы, рѣшившейся на смертельную борьбу,—во всякомъ случаѣ, оно должно радовать каждаго, сохранившаго хотя одну живую струну, не порванную подавленнымъ существованіемъ. Вольное печатное слово, сказанное въ Петербургѣ, въ главномъ центрѣ тайныхъ и явныхъ полицій, подъ носомъ у Долгорукова и Шувалова, Игнатьева и Паткуля, открытый вызовъ самодержавію въ самомъ началѣ его,—это лучшій признакъ, что рабство начинаетъ насъ тяготить, что самодержавіе

---

[1]) «Колоколъ» 1861 г., № 107, 15 сентября н. с. Въ № 108 Огаревъ напечаталъ «Отвѣтъ на отвѣтъ «Великоруссу», который, какъ почти и вся его публицистика, отличается блѣдностью и длиннотами. Приводить его считаю излишнимъ.

со всѣми окружающими и охраняющими его учрежденіями безсильно, что для энергической смѣлости у насъ нѣтъ невозможнаго. Всякое дѣйствіе, всякое распоряженіе самодержавія свидѣтельствуетъ о его несостоятельности.

Лучшія мысли, пройдя черезъ сточныя канавы его вѣдомствъ, порождаютъ самыя черныя дѣла. Оно само разрушаетъ порядокъ, обусловливавшій его существованіе, не имѣя силы замѣнить его чѣмъ-нибудь разумнымъ. Не имѣя въ самомъ себѣ прочныхъ условій существованія, оно сильно отрицательно, апатіей, бездѣйствіемъ, инерціей управляемыхъ имъ, и при такой обстановкѣ можетъ продержаться еще долго. Элементы, враждебные бездарному правительству, накопляются съ каждымъ днемъ; но они ему не опасны, пока у нихъ нѣтъ ни связи, ни единства, ни довѣрія къ себѣ. Соединить ихъ и возбудить къ совокупному дѣйствію—вотъ предстоящее намъ дѣло, безъ котораго невозможны ни благосостояніе, ни свобода, ни правда. Время надеждъ и ожиданій прошло. Они оказались столь же несостоятельны, какъ и правительство, въ пользу котораго возбудились. Послѣ уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, выгоднаго только для чиновничества, а для всего государства гибельнаго, о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Теперь наступила пора борьбы непрерывной, безпощадной, до послѣдняго издыханія враждебной силы. «Великоруссъ» сознаетъ неизбѣжность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее «общество». Но если онъ серьезно взялся за дѣло и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Надо обращаться не къ «обществу», а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучшаго быть не можетъ, пока власть—въ царскихъ рукахъ. Шевелить одержимое спячкой общество, конечно, не вредно—но вѣдь этимъ дѣла не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь некогда. «Общество» никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, чего тому нужно. Общество—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность преступленій,—стало, серьезной вражды быть не можетъ; могутъ быть только размолвки, о томъ, чтобы поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ. Да къ тому же это общество точно такъ же дрябло и безсильно, какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней. Оно, въ массѣ, пропитано до мельчайшихъ клѣточекъ организма черствымъ доктринерствомъ, лакейскимъ раболѣпіемъ или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя. Въ его средѣ живое начало представляется незначительнымъ меньшинствомъ, ему враждебнымъ. Меньшинство, по чувствамъ, принадлежитъ къ народу, но на дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастье. Добрыя желанія меньшинства безполезны при его безсиліи, и народу недостаетъ духа начинанія, иниціативы. Его мощь въ отрицаніи; онъ знаетъ, чего не хочетъ, но не формулируетъ, чего надо. Онъ не

подчинился петровской ломкѣ, но полтора вѣка сопротивлялся ей чисто отрицательно: онъ не требовалъ водки хорошей и дешевой, но билъ кабаки съ дорогою и дурною; онъ не возставалъ, чтобы добыть себѣ волю, но по всей Россіи отказывался повиноваться положенію, узаконившему новое крѣпостное право. Надо, чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть. Если бы такой союзъ существовалъ раньше, не текла бы теперь понапрасну неповинная кровь народная и не прошло бы правительству даромъ его преступное лжеосвобожденіе. Но еще не все потеряно. Тупость самодержавія послужила впрокъ, обративъ противъ него силу, которая могла бы поддержать его всѣмъ своимъ могуществомъ. Настоящее освобожденіе упрочило бы его на сотни лѣтъ, позволивъ ему пренебречь всевозможными противниками. Лжеосвобожденіе погубитъ его. Съ ребяческимъ довѣріемъ ждетъ обманутый народъ черезъ два года полной воли и найдетъ—новое крѣпостное право. Въ этотъ промежутокъ меньшинство должно сдѣлать дѣло. Но какъ за него приняться? Какъ соединиться съ народомъ—людямъ, не имѣющимъ прочной связи даже промежъ себя? Отвѣтъ въ самомъ вопросѣ. Всѣ эти личности, годныя по убѣжденіямъ, по стремленіямъ, по враждѣ къ существующему порядку, но разъединенныя, разбросанныя одиноко по всей Россіи, а потому безсильныя, должны дружно сплотиться въ одинъ союзъ, идущій къ одной цѣли, дѣйствующій, какъ одинъ человѣкъ. Достигнувъ этого, уже нетрудно будетъ сойтись съ народомъ. Въ союзѣ непремѣнно найдутся люди, близкіе ему, можетъ-быть люди изъ его среды. Одного энергическаго человѣка, знающаго народъ и имѣющаго его довѣріе, достаточно, чтобы связать съ нимъ сплоченное меньшинство. Для образованія союза нѣтъ другого пути, какъ составленіе тайныхъ центровъ, обществъ, братствъ. Противъ нихъ многіе возстаютъ, называя ихъ средствами устарѣвшими, отжившими... То малодушные трусы или равнодушные эгоисты. Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго, какъ тайные союзы. Они образуютъ борцовъ, соединяютъ силы, подготовляютъ движеніе; безъ нихъ малые или не поднимутся, или, поднявшись неподготовленные, не выдержатъ борьбы съ организованнымъ врагомъ. Назовите изъ цѣлой исторіи хотя одно удавшееся народное движеніе, совершённое безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся? Такихъ примѣровъ не найдется. У насъ обыкновенно ссылаются на неудачи 25 и 48 годовъ. Тутъ неудачи произошли не оттого, что тайные союзы вообще средства негодныя, а потому, что начала **этихъ** союзовъ были невѣрны. Для насъ они служатъ предостереженіемъ отъ двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего-либо силами одного общества, безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ. Такія пріобрѣтенія—положительныя пріобрѣтенія въ нашемъ дѣлѣ. Польза и сила союзовъ такъ очевидны, что на этомъ нечего и настаивать. Тысяча самыхъ рѣшительныхъ человѣкъ, взя-

тыхъ каждый отдѣльно, разбросанныхъ по городамъ и селамъ Россіи, не знающихъ другъ друга, считающихъ себя одинокими, безплодно мельчаютъ и гибнутъ въ массѣ мерзостей, даже не пытаясь противиться имъ: соединенные въ одинъ союзъ, они проповѣдуютъ, дѣйствуютъ, распространяютъ свои убѣжденія; они—сила. Имѣя каждый сто рублей, ни одинъ изъ нихъ даже не подумаетъ повредить ими правительству; соединяясь, они разомъ становятся во главѣ ста тысячъ, которыми можно кое-что сдѣлать. Составлять союзы у насъ легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Громадность разстояній, пространство границъ, просторъ населенія затрудняютъ надзоръ, облегчаютъ возможность дѣйствовать и укрываться отъ преслѣдованія. Кромѣ того, шпіонство не въ нашей натурѣ; само подлежащее чиновничество занимается имъ нехотя и спустя рукава. Все это драгоцѣнныя условія для дѣла. Говорятъ, что мы не умѣемъ молчать, и оттого существованіе тайныхъ союзовъ у насъ невозможно. Но на чемъ основанъ такой приговоръ? Гдѣ были у насъ случаи заявить умѣнье молчать? А взгляните-ка на раскольниковъ или на мужиковъ при слѣдствіяхъ и допросахъ, вышибите-ка изъ нихъ компрометирующее словцо! Нѣтъ, болтовни бояться нечего; тамъ, гдѣ длинный языкъ ведетъ въ опасность собственную шкуру, всякій прикуситъ его. Къ тому же, вѣдь намъ не въ лѣсу пролагать дорогу. Стоитъ устроиться такъ, чтобы открытіе одного или нѣсколькихъ центровъ не подвергло опасности всѣхъ,—вотъ и гарантія противъ болтливости. Малочисленностью тоже смущаться нечего. Мы не знаемъ своихъ силъ, потому что не было случая проявить имъ себя. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не явилось людей: когда представится возможность дѣйствовать, война родитъ героя. Да хотя бы сразу явилось и мало, бѣды въ томъ нѣтъ. Надо только, чтобы образовалось зерно; правительственныя сумасшествія, чиновничьи грабежи, помѣщичьи звѣрства не замедлятъ превратить его въ глыбу. Перелистуйте наудачу «Колоколъ»: 115 офицеровъ, исключенныхъ изъ инженерной академіи, расправа губернатора Смирнова въ Ямбургскомъ уѣздѣ, варшавскія убійства, безднинская рѣзня, истязанія на Пластунѣ; предсмертныя злодѣйства крѣпостного права, тѣсненіе университетовъ, казацкія переселенія, палачество Дренякина, распятіе казацкихъ бородъ, истребленія крестьянъ... вѣдь каждое изъ подобныхъ преступленій (а они непремѣнно будутъ повторяться до безконечности) соединитъ противъ правительства десятки, сотни людей, если только будутъ центры, къ которымъ можно прилѣпляться, и люди, сторожащіе такіе случаи, чтобы пользоваться неостывшими чувствами отвращенія, ненависти, жажды мести. Разъ начатую работу правительству не остановить. Что оно можетъ сдѣлать? Удесятерить строгости, усилить цензурныя бѣснованія, прижать университеты, водворить терроръ, осадное положеніе? Но вѣдь все это ни мало не разрушаетъ союзовъ, а, напротивъ, способствуетъ усиленію ихъ, ожесточая всѣхъ. Къ тому же, такія мѣры имѣютъ значеніе только, веденныя систематически, а для этого нужны извѣстный законъ и

сила; правительство же дрябло и безсильно во всемъ и для всего. Начнетъ ли оно преслѣдовать исключительно членовъ союза? Но опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что всякое преслѣдованіе усиливаетъ преслѣдуемую партію. Пострадавшіе станутъ мучениками, святыми; ихъ страданія сдѣлаютъ для дѣла во сто разъ болѣе ихъ личныхъ дѣйствій. Заключатъ ихъ—они въ заточеніи явятся гигантами въ умахъ единомышленниковъ; сошлютъ—въ мѣстахъ ссылки найдутся люди для проповѣди, найдутся средства для бѣгства; казнятъ—каждая капля родитъ мстителей. Если найдется нѣсколько человѣкъ, которые отдадутся дѣлу всецѣло, съ полнымъ самоотверженіемъ—самовластію не устоять. А они найдутся; конечно, не въ «обществѣ», гдѣ за убѣжденіе не рискуютъ и парою рысаковъ, но въ ограбленномъ, обманутомъ, доведенномъ до остервенѣнія народѣ. Тѣмъ, которые на всякую смѣлую рѣчь имѣютъ наготовѣ отвѣтъ: «у насъ не на что опереться», мы, въ свою очередь, отвѣтимъ: наша опора—тѣ несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его. На эти массы мы и обопремся. Кругъ дѣйствій союза долженъ быть такъ широкъ, чтобы всякій нашелъ себѣ работу. Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, заводить братства въ полкахъ, сближать солдатъ съ народомъ; войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами; ввозить заграничныя изданія; привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ; извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія; завести торговыя и промышленныя заведенія и заготовить денежныя и всякія средства. Остается послѣдній и главный вопросъ. Къ чему стремиться союзу: къ конституціи или къ чему иному? За конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ *теперь*. Пусть они идутъ своей дорогой, мы—своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собранія и свободу печати. Мы не знаемъ, вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она—цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей.

Вашъ *Одинъ изъ многихъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

